

Памяти безвременно ушедших коллег

Бабаева Владимира Константиновича,

*доктора юридических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки РФ,*

и

Галая Юрия Григорьевича,

*доктора юридических наук, профессора,
посвящается*

П.Н. Панченко

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ
ЗАКОНОМЕРНОСТИ
В ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
И УГОЛОВНОЕ ПРАВО

МОНОГРАФИЯ

МОСКВА
Юриспруденция
2014

Рецензенты:

Изосимов С.В. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедры уголовного права Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Сверчков В.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Панченко П.Н.

Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право: монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, профессора кафедры уголовного права ФГБОУ «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Г.Н. Горшенкова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – 520 с.

ISBN 978-5-9516-0659-4

В монографии исследуются государственно-правовые закономерности как предмет истории и теории государства и права в преломлении их к задачам борьбы с преступностью. Формулируются выводы относительно ряда проблем теории уголовной политики, а также теоретико-правовой базы науки уголовного права. Обосновываются направления развития уголовного права как права правды, свободы, созидания, цивилизованности, справедливости и управления. Анализируются проблемы философии и системы данной правовой отрасли.

Работа рассчитана на преподавателей и студентов юридических вузов, аспирантов, научных работников и других специалистов в области истории и теории права, а также в области уголовного права и смежных правовых и гуманитарных дисциплин. Будет полезна читателям, интересующимся вопросами права и правовой политики.

Книга издана в авторской редакции.

**УДК 340(035.3)
ББК 67.0/67.408**

ISBN 978-5-9516-0659-4

9 785951 606594 >

ISBN 978-5-9516-0659-4

© Панченко П.Н, 2014
© Оформление. ИД «Юриспруденция», 2014

Государственно-правовые закономерности всегда были камнем преткновения для ученых. Таковыми они являются для многих из них и сейчас. Общая теория права всегда хромала в этих вопросах, а отраслевые правовые науки вообще ими не занимались. Методологи далеко не всегда учитывали в своих изысканиях соответствующие предложения отраслевиков, а отраслевики довольно часто просто закрывали глаза на то, что предлагали методологи. И получалось так, что, например, история и общая теория права, с одной стороны, и отраслевые юридические науки – с другой, развивались как бы независимо, шли своими путями.

Так, если общая теория права пользуется в соответствующих случаях категорией «коллизия норм» (не признавая категории «конкуренция норм»), то теория уголовного права использует категорию «конкуренция норм» (не признавая в то же время категории «коллизия норм»), хотя одна категория не подменяет и не отменяет другую. Если категория «коллизия норм» означает противоречивость норм в их существовании, основе, формулировках (например, одна норма что-то разрешает, а другая – это же самое запрещает), то категория «конкуренция норм» означает претензии нескольких норм на действие в отношении одних и тех же деяний (например, одно и то же деяние подпадает под действие двух или более норм).

В каждом случае различна трактовка самого понятия права, не говоря уже о таких важных дефинициях, как миссия, задачи, цели, функции права, закон и правовая политика, юридическая ответственность и ее основания, правонарушение и состав правонарушения. Подобных примеров можно было бы привести немало. На основе изучения проблематики государственно-правовых закономерностей открывается перспектива сближения обеих рассматриваемых областей юридических знаний.

Книга дополняет другую работу – «Свобода и уголовный закон»¹, изданную в 2012 году Нижегородским филиалом НИУ ВШЭ, с намерением подвести под нее определенную более или менее основательную теоретическую базу. К сожалению, это не

¹ См.: Панченко П.Н. Свобода и уголовный закон. Н.Новгород: НФ НИУ – ВШЭ, 2012.

было сделано своевременно: во-первых, из-за перегруженности автора другими заботами, во-вторых, по причине большого объема работы и, в-третьих, в силу естественного желания показать, прежде всего, «видимую» часть результатов многолетних исследований.

Довольствоваться «вершками» (в ущерб «корешкам») пришлось бы, наверно, и дальше, если бы не несчастье (по известному поверью: не было бы счастья, да несчастье помогло) – уход из жизни моего замечательного коллеги профессора Галая Юрия Григорьевича, который своими изысканиями и в ходе непосредственных общений постоянно наталкивал меня на мысль поторопиться с «закономерностями». Еще раньше те же импульсы активизации я получал от Бабаева Владимира Константиновича, тоже безвременно ушедшего, но все казалось, что жизнь – длинная и... еще успеется. Но в какой-то момент стало очевидно, что тянуть с этим делом дальше нельзя. И исследование все же, в конце концов, было завершено.

Свобода... Это, конечно, хорошо, но, как говорят на Востоке, сколько ни кричи «Халва! Халва!..», во рту от этого слаще не станет. То есть сколько не размахивай знаменем свободы, но если древко у него некрепкое, то рано или поздно оно сломается и выпадет из рук героя. И не будет свободы, как нет ее, собственно, у нас пока и сейчас. По крайней мере в тех красках и в той силе, в каких все мы хотели бы ее иметь, пользоваться ею, пополняя тем самым яркость и силу самой нашей жизни.

Самая главная свобода – это свобода от преступлений. Конечно, есть вещи значительно страшнее любого преступления, например, война, эпидемии, разруха, наводнения, лесные пожары, голод.. Но если к настоящему времени люди все же научились обходиться без войн, побеждать заразные заболевания, добывать в достаточном количестве хлеб насущный, находить выходы из других весьма драматических жизненных ситуаций, то преступления и борьба с ними все еще остаются для нас тайной за семью печатями.

Во всяком случае, пока чем больше предпринимается усилий для преодоления преступности, в том числе усилий, основанных на науке, то тем больше совершается преступлений, включая наиболее распространенные и опасные из них. Причем в преступлениях все больше втягиваются, к сожалению, и так называемые элитные слои общества, в том числе государственные

и муниципальные служащие, предприниматели и менеджеры, представители культуры и искусства, образования и науки, военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, учителя и врачи, инженеры и... даже священнослужители.

Почему так получается? В значительной мере потому, что научное осмысление данной проблемы обычно не выходит на уровень познания государственно-правовых закономерностей, так или иначе проявляемых в сфере преступности. В принципе желание исследовать эти закономерности именно в качестве определенной базы государственно-правовой деятельности в рассматриваемой сфере возникло у автора давно, а если быть точным – лет тридцать тому назад. То есть когда уже была в общих чертах написана докторская диссертация на тему о предмете и системе уголовной политики как общетеоретической концепции борьбы с преступностью¹.

Возникшее желание подогревалось проявившимся еще в студенческую пору интересом к соответствующим исследованиям в области истории и теории государства и права. Из имевшихся наработок следовало, что государственно-правовая политика противодействия преступности, как и любая иная политика вообще, формируется не произвольно, а с учетом государственно-правовых закономерностей, то есть закономерностей возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений, связанных с преступностью и борьбой с ней.

Для того чтобы знать эти закономерности, надо их изучать. Однако они, к сожалению, пока так и не стали объектом и предметом широкого исследовательского внимания. На логико-интуитивном уровне первое приближение к данной теме осуществлено нашими нижегородскими юристами В.К. Бабаевым и Ю.Г. Галаем, ушедшими из жизни в самом расцвете сил и способностей, на самом, как говорится, пике своих творческих возможностей.

Но осталась нижегородская школа юридической науки, возглавляемая на протяжении вот уже четверти века В.М. Барановым, которой, как говорится, и карты в руки. И все же так случилось, что именно В.К. Бабаев и Ю.Г. Галай выдвинулись здесь на первый план. Этому были свои причины. Залогом успеха была

¹ См.: Панченко П.Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики (проблемы формирования и реализации теоретической концепции борьбы с преступностью в СССР): дис. ... д-ра юрид. наук. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1990.

поразительная наблюдательность названных ученых, их пристальный взгляд на проблему как в целом, так и на различные ее стороны, грани, аспекты, узкие места.

Изучение осуществлялось с разных точек, позиций, под разными углами зрения, с привлечением знаний из других областей, отраслей, сфер. Производился многократный повторный анализ уже изученных объектов и предметов. Полученные результаты подвергались дополнительным исследованиям. Они сопоставлялись, отбирались, суммировались, ранжировались, систематизировались, экстраполировались, проверялись... И только по существу стопроцентная убежденность в достоверности полученных результатов позволяла двигаться дальше.

Что-то объединяло этих двух людей помимо того, что оба оказались на передних исследовательских рубежах в соответствующей тематике и каждый из них обладал к тому же набором необходимых для этого личностных качеств. Но что именно объединяло их? Казалось бы, ничего, тем более что у каждого из них был свой отчетливо выраженный профиль: В.К. Бабаев занимался *теорией*, а Ю.Г. Галай – *историей* государства и права. Причем, если первый был *изначально* привержен своей науке, то второй пришел в свою – уже в достаточно зрелом возрасте.

И тем не менее между ними было, как теперь становится понятным, немало и общего. В.К. Бабаев принимал Ю.Г. Галай на работу – на кафедру государственно-правовых дисциплин Нижегородской академии МВД России, был его прямым и непосредственным наставником, привил ему интерес к юридическим аспектам истории, которой тот занимался еще со времени своей учительской биографии. В этом смысле Ю.Г. Галай можно считать даже в какой-то мере учеником В.К. Бабаева, тем более что именно последний вооружил его рядом ценных идей по докторской диссертации, организовал ее защиту, соответствующее сопровождение на последующих стадиях творческого процесса.

Оба в итоге стали крупными учеными – каждый в своей области знаний, блестящими педагогами, учителями учителей, увлеченными подвижниками. Нельзя не отметить, что третьим основательным «углом» в этой небольшой, но сплоченной команде был В.М. Баранов, который и сегодня своей ученостью, подобно Александрийскому маяку, освещает путь всей беспокойной нижегородской юридической науке в безбрежном океане научного правового знания.

За последние три с лишним десятилетия школой опубликованы сотни книг, тысячи статей, подготовлено около тысячи учеников, в том числе немало докторов наук. Тем самым этот триумвират, можно сказать, прорубил окно в большую российскую, а затем и в мировую юридическую науку. И не случайно, что именно на нижегородской земле завершена подготовка первой в стране (да, наверное, и далеко за ее пределами) диссертации на тему о проблемах государственно-правовой политики противодействия преступности.

Нельзя не отметить и того, что и В.К. Бабаев, и Ю.Г. Галай имели, наряду с увлеченным занятием наукой и преподаванием, довольно серьезные «хобби» (если то, что здесь имеется в виду, можно назвать именно так): В.К. Бабаев одновременно с занятиями научной и преподавательской работой в течение многих лет руководил Нижегородской академией МВД России, активно занимался спортом, разными домашними делами на даче: пилил, строгал, сверлил и т.д., а Ю.Г. Галай, в свою очередь, руководил нижегородским краеведением, был заядлым собирателем редких книг, пополнял ими местные, областные и федеральные библиотечные фонды и тоже довольно активно занимался своими незамысловатыми дачными делами.

Но главное, что объединяло В.К. Бабаева и Ю.Г. Галай, – это объект и предмет исследований, а именно государственно-правовая политика и государственно-правовые закономерности, на которых эта политика основывалась. Первый изучал все это сквозь призму *своих* научных интересов, а второй – соответственно *своих*. И, конечно же, оба добились в осуществленных изысканиях весьма значительных результатов.

Пока не заметны претензии кого-либо на роль того, кто смог бы подхватить выпавшие из рук этих ученых знамена и нести их «вперед и выше». И профессиональный профиль у других иной, и, как пел великий бард, «...прыти нет...». Скорее всего, это было бы посылить В.М. Баранову, но он уже давно высоко несет свое собственное научное знамя, в том числе в той сфере, о которой здесь идет речь. И, несмотря на занятость большими руководящими делами, сам имеет возможность многое рассказать о собственной творческой судьбе.

И все же политика есть политика, закономерности – закономерности, право – право, и если всерьез занимаешься наукой, то пройти мимо всего этого никак нельзя – само зацепит по хо-

ду того, чем непосредственно занимаешься. И если мы говорим именно о государственно-правовой политике и государственно-правовых закономерностях, то и эта политика, и эти закономерности – предмет как всего права в целом, так и конкретных его отраслей. А поэтому всю эту проблематику надо изучать как бы с двух сторон, то есть со стороны как истории и теории государства и права, так и со стороны отраслевых правовых дисциплин, включая, разумеется, и теорию уголовного права. И опять же если говорить здесь о «второй стороне» исследовательского внимания, то позволим себе высказать мысль о том, что в уголовном праве проблематика государственно-правовой политики и государственно-правовых закономерностей высвечивается, пожалуй, наиболее отчетливо.

Почему делается такой вывод? Конечно же, не только и не столько потому, что прицельно и с переменным успехом автор занимается в основном уголовным правом (вот уже 45 лет), сколько потому, что именно в этой отрасли права и охраняемые ценности *более важные*, и охраняются они *от наиболее опасных посягательств*, и применяемые к виновным меры более *строгие*, и сами эти виновные *во многом особые субъекты*, и сама по себе уголовно-правовая система *весьма внушительная* – свыше миллиона ее неутомимых тружеников работает на ниве уголовного права, прокладывая путь стране в лучшее будущее. Это своеобразный ледокол, взламывающий льды холодного цинизма и отчаянной дерзости, с которым нынешние «джентльмены удачи» пытаются, образно говоря, ставить палки в колеса движению общества к более эффективному созиданию, развитию, обновлению, процветанию.

Открывается книга главами о творческом наследии в области государственно-правовых закономерностей В.К. Бабаева и Ю.Г. Галая, с которыми автору довелось работать рука об руку в одних и тех же вузах более четверти века. Вдумчивый читатель, думаю, поймет уместность в книге некоторых вставок биографического характера – без них просто трудно понять, почему именно *эти* ученые являются главными, так сказать, действующими лицами книги. Они хорошо знали не только право, но и саму жизнь, его породившую. Хорошее знание ими жизни предопределило и блестящее понимание той правовой материи, изучением которой ученые обстоятельно занимались в течение ряда десятилетий. И, конечно же, они успешно занимались из-

учением самих истоков этой материи – государственно-правовых закономерностей.

Наиболее сильно судьба сблизила автора с Ю.Г. Галаем. Помимо знакомства с трудами этого ученого, я имел счастье по существу повседневно общаться с ним, в отличие от В.К. Бабаева, сама по себе должностная высота которого (начальник Нижегородской академии МВД России, ректор Нижегородской правовой академии) не располагала к «единению душ» – по крайней мере настолько тесному, чтобы можно было говорить об этом всерьез. Ю.Г. Галай в этом смысле был гораздо ближе. Хотя, надо заметить, и В.К. Бабаев не чурался подчас открывать автору душу в каких-то вопросах, в том числе исключительно личностных.

По какому-то странному совпадению историк государства и права Ю.Г. Галай ушел от нас в Год российской истории, а именно 2 ноября 2012 года, на 68-м году жизни. Судьба подарила автору возможность еще четверть века тому назад тесно сблизиться с этим ученым и в долгих беседах, пользуясь открытым еще Сократом методом диалогов (с взаимными вопросами и ответами), искать истину по всему спектру государственно-правовых проблем. В какой-то мере эта книга выросла из этих диалогов, что и обусловило повод, основание и обязанность посвятить ее в том числе этому безвременно ушедшему коллеге.

Первую главу книги предполагалось даже назвать «Уроки Галая», но в окончательном виде она настолько далеко вышла за рамки первоначального замысла (то есть обычного изложения основных выводов ученого), что такое заглавие было бы просто неправильным. Что же касается сделанных «по горячим следам» предварительных набросков о Ю.Г. Галае, то они составили основу для вводного параграфа к первой главе данной работы. Но и *полный* отказ от прежнего названия главы тоже был бы, как казалось, неверным. Ведь если бы не было Галая, то не было бы, наверное, и этой книги. А поэтому оно и сохранено в качестве подзаголовка, причем без указания на инициалы. Здесь имеет место как раз тот случай, когда сама фамилия говорит за себя. Думаю, вполне можно рассчитывать на то, что придет время, когда *уроки истории* будут называться (по крайней мере в научном «просторечии») *уроками Галая*. Ведь для их познания и учета в государственно-правовой практике он сделал так много.

Все сказанное в отношении Галай, в полной мере относится и к В.К. Бабаеву, творческому наследию которого в исследуемой области посвящена в основном вторая глава книги. Отталкиваясь от этого наследия, удалось «наскочить» на такие вопросы в данной тематике, о которых ранее, может быть, нельзя было и подозревать. Особенность материала о В.К. Бабаеве и его творчестве состоит, в частности, в том, что он изобрел свой собственный специфический метод, который можно назвать бабаевским. По своей сути это логико-интуитивный метод, то есть метод, в котором строгая («железная») логика при определенных условиях и обстоятельствах включает в действие довольно пронзительную интуицию, а последняя – соответственно самую строгую логику. Понято, что этот метод годится для изучения не только государственно-правовых закономерностей, но и той государственно-правовой практики, которая на них основывается (или, во всяком случае, должна основываться).

В контексте проблематики государственно-правовых закономерностей нашел свое место в работе и материал о философии и системе уголовного права.

Завершается книга материалом об основных контурах плана наступления на преступность во втором десятилетии нового века, разработанным автором на основе проведенного совместно со студентами специального исследования.

Автор благодарит научного редактора, рецензентов и особо издателя, увидевших и реализовавших возможность выпуска этой книги в свет.

*Попасть в историю можно лишь в том случае,
если основываться на ее закономерностях*

Глава 1. ГАЛАЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РАКУРС (уроки Галай)

1.1. Ю.Г. Галай как исследователь государственно-правовых закономерностей

По странному совпадению Ю.Г. Галай, являвшийся заведующим кафедрой административного и конституционного права Нижегородского филиала НИУ ВШЭ, видным специалистом в области истории, включая ее государственно-правовые аспекты, ушел из жизни, как уже отмечалось, в Год российской истории – 2 ноября 2012 года, на 68-м году. Поэтому само собой напрашивается ассоциация: из истории вышел – в историю и ушел. Но слишком уж кратким представляется в таком изложении творческий путь ученого длиною в жизнь. Между «приходом» и «уходом» ученого – почти полвека исследований родного края, отечественной и мировой истории, причем последние почти сорок лет в ее государственно-правовом обрамлении. И если уж совсем не обойтись без ассоциаций, то я бы сказал так: путь Галай – это его путь в историческую и историко-правовую науку, а затем и уверенный, по-хозяйски размашистый шаг в ней и по ней, а одновременно это еще и его путь в *саму* историю, в ее, не побоюсь этого слова, анналы.

Юрий Григорьевич действительно очень многое сделал для исторической и особенно историко-правовой науки, отдав ей, по существу, всю жизнь, а она, платя взаимностью, похоже, навечно «прописала» его к себе. Особо памятен Галай как ученый для тех,

кто лично знал его, кто вместе с ним работал, переживал как радости успехов, удач и побед, так и горести ожиданий всего этого – порой длительных, утомительных и тревожных. Для них он навсегда останется человеком, который словно на время уехал куда-то, может быть в очередную командировку, и вот-вот вернется, как всегда, подтянутый, веселый, радостный, полный сил, со своим постоянным искрометным юмором, массой впечатлений, новых идей, замыслов, планов, с сумками, набитыми всякой всячиной и, конечно же, редкими книгами, подарками семье, друзьям, знакомым.

Знал этого вдумчивого ученого, рассудительного педагога, фанатичного краеведа, заядлого библиофила, блистательного публициста и, наконец, просто замечательного человека едва ли не каждый образованный нижегородец. А еще, как мне кажется, любой россиянин, который соприкасался с литературой по общей и правовой истории как нашей, так и зарубежной, с работами по римскому и иному древнему праву, как, впрочем, и по истории средних веков, новейшей и уже современной истории.

И, конечно же, с литературой по истории родного Нижегородского края, о событиях, которые в этом крае когда-либо происходили, выдающихся людях, которые здесь жили, творили или просто бывали, проявляли интерес к Нижнему Новгороду, его удивительному Кремлю, самобытной архитектуре, уникальному географическому положению, неповторимым окрестностям, исконно русской природе, интересным людям.

Галай удивительным образом сочетал в себе глубокого знатока как общей, так и правовой истории своей страны и практически всего зарубежья. Наверное, такое сочетание интересов является вполне естественным для настоящего историка, но у Юрия Григорьевича оно было настолько тесным, неразрывным, органичным, что, казалось, иначе и быть не может.

Сейчас уже трудно сказать, какой именно истории он был больше привержен – общей или правовой, но, судя по всему, как та, так и другая была для него в равной мере приоритетной – ведь ни одна из эпох никогда не обходится без законов, а законы во многом определяют содержание, дух, особенности эпох.

Галай жил и творил в строго отведенное ему Богом и судьбой время и в строго определенном для него месте – в Нижнем Новгороде. Но создавалось такое впечатление, что живет и творит он во все времена и на всех пространствах. Помня постулат Конфуция о том, что тот, кто хочет знать будущее, должен знать прошлое,

Юрий Григорьевич буквально не вылезал из него – этого самого прошлого. Порой казалось, что там он, собственно, и родился.

Во всяком случае, перипетии былых времен, похоже, беспокоили ученого гораздо больше, чем события нынешние – совсем вроде бы не героические, а какие-то чаще будто бы обычные и даже, может быть, обиденные, сиюминутные, повседневные и, конечно же, преходящие, как бы ненастоящие, искусственные что ли. Там – вечность, переливающаяся всеми красками бытия и словно играющая сама с собою, совсем неторопливое движение времени, безбрежность пространств, где, как пел великий бард, «все давно уже друг другом прощены», а тут бурлят страсти, свирепствует зависть, месть, ревность, нередко злая политика, кипит жажда всего и побольше, здесь и сейчас, правит свой бесовский бал сумасшедший бег времени, а по обочинам широкой исторической перспективы все как будто замерло, затаилось, остановилось, наткнувшись на какие-то условности, ограничения, немощь и беспечность, перевернулось и обратилось в какую-то одну сплошную скуку, окрашенную слепым, тоскливым, мрачным и бесконечно скучным меркантилизмом, прагматизмом, нигилизмом, эгоизмом и т.д. Ждет, по-видимому, своего собственного зажигательно-феерического, гламурно-веселящего и триумфально-победного часа.

То, что Галай относился к дню сегодняшнему менее восторженно (скажем так), чем к прошлому, объясняется, по-видимому, издержками профессии, которая заставляла ученого по существу всю его сознательную жизнь «копаться» в том, чего уже давно нет, искать и находить там что-то такое, что могло бы стать поучительным для настоящего и будущего. Во всяком случае, если Юрия Григорьевича что-то и раздражало, так это то, что порой и там, в дорогом и любимом его прошлом, он находил те же пороки, которыми по-прежнему глубоко поражена наша действительность, а именно: нерасторопность и продажность властей, неграмотность и глупость предпринимателей, бездушие и черствость так называемых простых людей в их отношениях к ближним, пропасть между бедными и богатыми, непомерный труд и тяжкая доля народа, с одной стороны, и купание в сытости элиты – с другой, а также прочие, казалось бы, вечные наши беды, в том числе глупость, разбитые дороги, воровство, грабежи, разбои, бандитизм, убийства, террор и т.д.

Скорее всего, такое мое представление обманчиво, но при взгляде на Галаю, на его жизнь, творчество, подвижничество, оно

только укрепляется. По крайней мере, все у этого человека было подчинено познанию прошлого, а настоящее если и интересовало его, то, похоже, только постольку, поскольку помогало лучше понять прошлое. То есть по прошлому он судил о настоящем и будущем, а по настоящему и возможному будущему – о прошлом.

Уход Галая стал полной неожиданностью для всех нас – его коллег, друзей, товарищей. Все мы оказались вдруг в какой-то растерянности. Стало непонятно, куда и зачем бежать, что делать, кому пожаловаться на случившееся. Невозможно было смириться с мыслью о том, что без Галая остаются не только его семья и широкий круг его коллег, друзей, товарищей, знакомых, но и еще факультет права Нижегородского филиала НИУ – ВШЭ, «вышки», то есть, прежде всего, студенты, привыкшие к его непринужденной и, я бы сказал, несколько задорной манере чтения лекций, проведения занятий, бесед, консультаций. Трудно представить, что этот глубоко вдумчивый и интеллигентный человек уже никогда не переступит порог родного вуза, не прочтет студентам свою очередную «забойную» лекцию, что его уже вообще нет среди нас.

Многогранность таланта Галая в сочетании с его удивительными личностными качествами определяли то, что буквально каждый, кто с ним так или иначе соприкасался, считал его своим, причем, как говорится, «в доску». Историки считали его историком, краеведы – краеведом, библиофилы – библиофилом, а мы, юристы, – конечно же, юристом. Символично, что Юрий Григорьевич ушел из жизни в преддверии целой череды исторических и юридических дат. В их ряду День народного единства (4 ноября)¹, День юриста (3 декабря)², День прав человека (10 декабря)³, День Конституции РФ (12 декабря)⁴. Все это лишний раз подчеркивает многостороннюю профессиональную принадлежность Юрия Григорьевича, в том числе как историческую, так и юридическую.

Без тени смущения и со всей ответственностью могу заявить, что Галай – это одна из *вершин* всего того, чем сегодня распола-

гает наша юридическая наука в области истории государства и права. Например, одна его монография об истории высшего юридического образования в России перевешивает буквально все, что ранее было написано у нас по этой проблематике, в том числе за долгие годы советского и досоветского периодов. В ней он так или иначе «зацепил», по существу, всю историю человечества, если учитывать огромный (если не решающий) вклад в нее высшего юридического образования.

В силу многолетней совместной работы с Юрием Григорьевичем в Нижегородской академии МВД России и НФ НИУ – ВШЭ (в общей сложности совместная работа продолжалась, напомним, более четверти века) мне довелось много и тесно общаться с этим значительным и замечательным человеком, а поэтому уход его образует в моей жизни такую пустоту, которую уже, наверное, никем, ничем и никогда не заполнить.

Несчастье произошло вечером – после насыщенного, как всегда, трудового дня. Кстати, не вполне законченного – вечером предстояло прочитать еще одну лекцию в каком-то дружественном «вышке» вузе. Подвело, как это нередко бывает у опережающих время людей, сердце. Очень много было у Юрия Григорьевича разных дел – трудных, сложных, нужных, важных: наука, ученики, преподавание, конференции, творческие встречи, в том числе с краеведами, библиофилами, журналистами, участие в телепередачах, публицистика, выступления в подшефных школах, помощь книгами школьным и другим библиотекам, в том числе общероссийским, областным, городским, районным, организация личных книжных фондов в некоторых из них.

Несмотря на постоянную загруженность делами, титаническую занятость, постоянные издательские дела, написание новых книг, статей, обзоров, докладов, сообщений, работу в архивах, редактирование диссертаций аспирантов и соискателей, в облике Юрия Григорьевича никогда не ощущалась сколь-нибудь заметная усталость. Не было никакой отягощенности какими-то неподъемными заботами, а тем более не было в нем какого-то непонятного официоза, педантизма, какой-то сухости, замордованности, «убитости» делами, что обычно свойственно многим представителям большой науки. Напротив, он всегда был участлив, предупредителен, заботлив, всегда излучал доброжелательность, неподдельную радость от встреч, желание помочь, приобщить к какой-то очередной своей затее.

¹ В этот день в 1612 году Нижегородское ополчение во главе с купцом К. Мининым и воеводой Д. Пожарским прогнало из Москвы польских завоевателей и положило конец так называемому Смутному времени.

² 3 декабря (20 ноября по старому стилю) 1864 года была принята серия уставов и других нормативных правовых актов, ставших основой проведения судебной реформы. Этот день вплоть до 1917 года считался российскими юристами их профессиональным праздником.

³ 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН принята и провозглашена Декларация прав человека. В честь этого события 4 декабря 1950 года Пленарное Собрание Генеральной Ассамблеи ООН постановило ежегодно отмечать 10 декабря как День прав человека.

⁴ 12 декабря 1993 года принята всенародным голосованием Конституция РФ.

Галай, кстати, изысканно одевался. Впечатляли его всегда до блеска начищенные ботинки, идеально отутюженный элегантный костюм, белоснежная рубашка, поражал великолепием яркий галстук, внушительный портфель, наверное, из какой-то особо ценной кожи. Производили должное впечатление и его изысканные часы, как всегда, с оригинальным браслетом. Обращали на себя внимание сверкающие золотом и серебром авто-ручки, прочие атрибуты современного русского интеллигента, внимательно державшего руку на пульсе истории. Все это по вполне понятным причинам особенно привлекало женщин, которые постоянно крутились возле и вокруг него на разных орбитах и которым он неизменно дарил (обычно под Новый год) свои незамысловатые подарки.

Наблюдая за тем, как на каком-то достаточно крупном научном мероприятии в Москве к Юрию Григорьевичу подошла довольно молодая симпатичная женщина (как потом выяснилось, это была очередная поклонница его таланта, какая-то «профессорша-историчка» Марианна... – отчество и фамилию запомнил) и как они сразу же начали о чем-то мило «ворковать» (скорее всего, разговор у них был сугубо деловой, профессиональный, но со стороны могло показаться что угодно каждому, как ранее в таких случаях говорили, в меру «своей испорченности»), я, шутки ради, тут же набросал следующие простоватые стихотворные строки (заменив в них для рифмы Галай на Романа):

«Роман влюбился в Марианну,
А Марианна – та в Романа.
И нет конца тому роману,
В котором есть Роман и Марианна».

Ученость Юрия Григорьевича никогда и никем не подвергалась никакому сомнению. После превосходной защиты им докторской диссертации среди соискателей ученых степеней вошло в моду измерять творческие способности друг друга в «галаях» – три четверти галай, две трети, полгалай и т.д. Конечно, шутки шутками, но истина состоит в том, что исключительная научная добросовестность этого ученого была и, как нетрудно предположить, останется на долгие годы достойным примером, в том числе, конечно же, для входящего в науку молодого поколения.

Буквально за день до кончины Галай мы встретились с ним в вестибюле главного учебного корпуса нашего вуза (НФ НИУ – ВШЭ) – он выходил из него, а я входил. Как всегда, Юрий Григорьевич был «в порядке», то есть строен, красив, приветлив, хотя в его обычной при встрече улыбке замечалась и некоторая озабоченность. Мною это было понято тогда так, что человек куда-то торопится. Поэтому, улыбнувшись, мы пожали друг другу руки и быстро, как это часто бывает, «разбежались».

Справедливости ради скажу, что был у нас с Юрием Григорьевичем за несколько месяцев до этого несколько сумбурный разговор об одной нашей сотруднице, а именно о лаборантке, работавшей на руководимой им кафедре (административного и конституционного права) и по совместительству на полставки на кафедре, которой руководил я. Галай почему-то считал эту сотрудницу абсолютно «неприкасаемой» – в смысле категорической недопустимости для нее отвлекаться от забот по его собственной кафедре на какие-то «посторонние» дела, например, даже на самые острые нужды моей кафедры. А мне тогда крайне нужна была помощь в оформлении какой-то кафедральной документации. Со дня на день могла нагрянуть проверка, а в документах – полный «раздрай», как будто кафедра вообще ничем не занималась полгода. Наша сотрудница уволилась, и долго ее должность оставалась вакантной из-за очень низкой зарплаты: что-то пять с чем-то тысяч рублей.

Договориться, к сожалению, так и не удалось. «Не дам Наташку...», и все тут. Ну что же делать? Понятно, что все мы (люди постарше), в конце концов, «родом из детства», то есть из того лукавого и голоштанного советского времени, когда в подобных случаях казалось, что если отдашь кому-то что-то, хоть самую малость, то вообще можешь остаться без всего. Опять-таки получалось по Конфуцию: имеешь власть – не отдавай ее никому ни капли, так как иначе можешь потерять всю. И, естественно, как своих ушей не увидишь больше ни наташкиных дел, ни самой Наташки. Однако та последняя наша с Галаем встреча (в вестибюле учебного корпуса) как бы «списывала» случившееся недоразумение, и в отношениях между старыми добрыми коллегами вновь восстанавливался status quo, как мы, во всяком случае, дали тогда понять друг другу. Тем более что к тому времени на моей кафедре уже появилась собственная («полноставочная») сотрудница.

Но почему я рассказываю об этом в принципе нелепом и никому не интересном случае, «черной кошкой» пробежавшем меж

нами на какое-то время? Конечно же, не ради «ложки дегтя». А потому, что, во-первых, такой случай все же *был*, во-вторых, он и так уже «вылез наружу» и, в-третьих, в назидание, наверное, самому себе, продолжающему все еще время от времени наткаться на те же самые грабли и иногда забывающему известную фразу о том, что никогда, никого и ни о чем не следует просить. Только тоску наведешь этим и на того, у кого что-то просишь, и на себя самого.

Оставленное Ю.Г. Галаем научное наследие в области исторических аспектов государственно-правовых закономерностей громадно, многообразно и, конечно же, очень ценно.

Главные достоинства произведений ученого – достоверность событий, явлений, обстоятельств, личностей, дат, объективность оценок, обоснованность выводов, установление закономерностей государственно-правовых процессов, попытка на основе их анализа глубже разобраться в настоящем и, по возможности, заглянуть в будущее, в том числе более или менее отдаленное. Во всяком случае, не могу припомнить случая, чтобы он в своих текстах где-то и как-то кривил душой, например, притягивал факты «за уши», подводя историю, скажем, под конъюнктуру сегодняшнего дня. Более того, буквально каждая страница его научных произведений наполнена правдой. Приводимые сведения всегда основательно проверялись, перепроверялись, подкреплялись убедительными аргументами, ссылками на авторитетные источники, мнения маститых специалистов, признанных авторитетов. Не случайны в литературе многочисленные ссылки и на его собственные произведения, часты доброжелательные отзывы о них, обстоятельные аналитические рецензии.

Если говорить кратко, научные достижения Галая состоят в сделанных им открытиях, касающихся, в частности, государственно-правовых закономерностей, определяющих соответствующие исторические процессы. В своих работах ученый показал, в чем сила и слабость власти, каковы причины взлетов и падений государств и их правовых систем, образования и крушения империй, раскрыл факторы повышения и понижения роли регионов в истории государств, в особенности роли Нижегородского края в истории России: от Нижегородско-Суздальского великого княжества, а также спасительного для России ополчения Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского и судьбоносной для экономики страны Нижегородской ярмарки (вначале Макарьевской) и до флагмана российского авто-

мобилестроения ГАЗа, создания стратегической оборонной мощи в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

В этих открытиях Юрия Григорьевича отражены также причины сплоченности и противостояния государств и их правовых систем, властей и народов, различных ветвей власти между собой и всех их вместе с другими институтами управления, центральной власти с властями региональными, государства и бизнеса и т.д. И в центре всего этого – человек с его насущными запросами и потребностями, интересами и правами, в том числе материальными, интеллектуальными, духовными, иными.

Научные успехи Юрия Григорьевича дополнялись множеством и других его важных заслуг. Это, в частности, его большая и плодотворная издательская, преподавательская, культурная, просветительская, публицистическая деятельность, работа по подготовке научных и преподавательских кадров, по участию в создании факультета права НФ НИУ – ВШЭ и руководству ведущей кафедрой данного факультета. Ученый являлся первым деканом созданного им факультета права, а первому, как известно, всегда труднее. Таких людей в советское время называли «многостаночниками». Многоцветье таланта Галая и его личностных достоинств было настолько ярким, что, как я полагаю, еще долго будет согревать и радовать сердца последователей.

Примечательно, что в облике Галая нельзя было усмотреть никакой замкнутости, ухода в себя, попытки смотреть на кого бы то ни было сверху вниз. Как и любой другой человек, много добившийся в науке и жизни, он, конечно же, знал себе цену, но это только заставляло его больше работать. Избегая как чванства, зазнайства и непомерной гордыни, так и ненужного панибратства, Юрий Григорьевич весь запал своей души без остатка вкладывал в науку и преподавание, что и обусловило огромные его успехи на обоих этих направлениях творческого пути.

В совместных поездках в научные командировки мне постоянно приходилось наблюдать за Галаем в работе. Особо нравилась его манера быстро записывать что-то, неожиданно пришедшее «на ум», бегло просматривать какие-то документы, тексты, журналы, книги. В эти моменты я старался ему не мешать, и сам начинал заниматься чем-нибудь своим. Иногда он откидывался на подголовник кресла и долго о чем-то думал. Затем, будто очнувшись от каких-то нахлынувших мыслей, вновь продолжал лихорадочно работать. Бывало, дойдя до какой-то «точки», мы

оба вдруг как по команде откладывали в сторону дела, и наши обычные разговоры снова продолжались.

И вот он ушел... Ушел в расцвете сил, энергичный, на гребне успехов, полный идей, замыслов, планов. Ушел буквально за два дня до мероприятий по празднованию 400-летия освобождения Нижегородским ополчением Москвы, в которых должен был принимать самое непосредственное участие. Остались не реализованными намерения по освещению событий, связанных с 200-летием отражения наполеоновского нашествия. Не удалось завершить начатые монографии, статьи, другие какие-то важные материалы. Многочисленные ученики оказались без научного руководителя. Но, как они сами потом заявляли при встречах, тех наставлений, которые ими получены от Галая, вполне хватит для успешного завершения работы над темами.

Рассказывая о своих творческих планах (это было в начале апреля последнего года его жизни), Юрий Григорьевич как-то посетовал: «Успеть бы... А то ведь могу и не дожить...». Я на это, помнится, отреагировал так: «Да об этом даже думать не следует... Если уж стукнет, так куда же от этого деться... Но живем ведь... И будем дальше жить, пока не закончим все свои дела...». Галай понимающе улыбнулся и промолвил: «Да это я так сказал... Нашло что-то. Конечно же, будем жить. Тем более что дела пока действительно есть...». Больше к этой теме мы не возвращались. Вопрос был исчерпан. Но он все-таки напомнил о себе после того, как непоправимое все же произошло. Говорят, что после того, как врач сообщил ученому о предстоящей его кончине, он успел сказать всего лишь три слова: «Как это нелепо...».

Действительно нелепо. Но почему же так случилось, что Юрий Григорьевич ушел столь неожиданно, практически не попрощавшись, «по-английски»? Лично я вижу тому три причины.

Первая, как я понимаю, состоит в том, что чем значительнее человек, тем больше требуется сил для постоянного подтверждения и реализации своей значительности, а это, к сожалению, не всегда положительно сказывается на здоровье. Возможности творческого человека, какими бы большими они ни были, далеко не всегда отвечают все возрастающим запросам людей к нему. Галаю постоянно словно говорили: «Давай, давай...». И он давал, давал... Но человек-то не железный. Силы у него не беспредельны.

Вторая причина случившегося видится в том, что нагрузка выпала на долю Юрия Григорьевича, как говорится, ломовая:

опубликованы десятки книг, сотни статей, более полусотни учеников: адъюнктов, аспирантов, соискателей, ставших кандидатами юридических наук, а некоторые уже защитили и докторские диссертации. Почти полвека на трудовом посту, огромная подвижническая деятельность, в том числе на ниве краеведения, библиотечных дел, собирательства редких книг.

Да, Галай – доктор юридических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный работник высшей школы РФ, но все эти приобретения ученый имел, работая еще в Нижегородской академии МВД России. Основные же заслуги Юрия Григорьевича относятся к последнему десятилетию его жизни, то есть к тому периоду, когда он работал уже в «вышке», а здесь – полный провал в наградах. Конечно, не одними ими жив человек, но если они есть, то это значительно стимулирует работу. И, естественно, помогает жить. Но в этом, по-видимому, беда всех вузовских филиалов, не имеющих достаточных возможностей для того, чтобы более или менее достойно вознаграждать ученых за достигнутые результаты, в том числе оплачивать научные командировки, издание монографий, учебных пособий, сборников трудов, материалов конференций.

Похоже, сказывается здесь желание сэкономить на бумаге. Но ведь раньше ее вполне хватало, по крайней мере для того, чтобы печатать наградные грамоты, причем не только для видных деятелей науки, образования, культуры и т.д., но и для механизаторов, станочников, ткачих, доярок, скотников и других тружеников заводов, фабрик, полей, ферм. И только совсем недавно (10 декабря 2012 года – в День прав человека) Президент РФ В.В. Путин предложил учредить звание Героя труда¹, конечно же, как я полагаю, именно для таких людей, как Галай. Несколько запоздалое решение, но сейчас лучшей наградой для него станет наша добрая память о нем.

Награды наградами, но и обычное человеческое внимание было бы не лишним. Полагаю, не было никакой необходимости исключать Галая из состава ученого совета филиала, да еще по

¹ Предыстория этого вопроса такова: за два месяца до названной инициативы «Российская газета» опубликовала интервью с полпредом Президента РФ в Уральском федеральном округе Игорем Холманским (ранее, как известно, начальник танкового цеха одного из заводов Приуралья, прославившийся высказанной им готовностью защитить власть от нападков оппозиции), в котором тот предложил восстановить звание Героя труда, равнозначное по статусу званию Героя России и учрежденное в нашей стране в 1921 году, но затем с распадом СССР утратившее силу (см.: Балагаев К. Подвиг по плану. Какие герои нужны нашему времени // Российская газета. 2012. 11 октября. С. 10).

причине... «старости» – ведь все-таки доктор наук, профессор, академик, член нескольких докторских советов, в том числе совета, работающего непосредственно при НИУ – ВШЭ, заведующий головной (ведущей) кафедрой факультета права, ученый, подготовивший массу ценных специалистов, в том числе тружеников филиала, в частности, одного из заместителей декана факультета права, ученого секретаря совета филиала, заведующего главной кафедрой факультета права (доктора наук). Участие в работе ученого совета филиала этого человека, имя которого, кстати, широко известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами, не только делало бы честь вузу, но и принесло бы ему несомненную практическую пользу. Да и само по себе исключение из совета воспринималось ученым как своеобразная «черная метка»: зажился, мол, пора и честь знать... Вот и... «приказал долго жить». Так чего же, спрашивается, мы в результате добились?

И уж совсем странной показалась непонятно кем организованная акция по удалению части сведений о Галае из интернет-ресурсов сразу же после его кончины. Получается так, что как ни старательно учил он нас всех уважать свою же историю, мы все еще пренебрегаем ею. А заодно и перекрываем доступ к информации новым поколениям студентов и преподавателей.

Наконец, третья причина преждевременного ухода Галая, которая, как мне кажется, окончательно расставляет все точки над «i» и в то же время как бы примиряет всех нас в этом вопросе, заключается в том, что Господь (а Он все же, наверное, есть) общается с людьми, опираясь, прежде всего, на их таланты. И на тех людей, талантов у которых много, выпадает в связи с этим особо трудная миссия – осуществлять своего рода посредничество между небом и землей.

Это как крест в виде непонимания и невнимания. Чего же мы хотели от Юрия Григорьевича, беспечно взирая на то, как он все больше загружает себя разными делами? Не было практически никакого отдыха. В течение учебного года он писал обычно статьи, а в отпусках делал из них книги. И никаких поездок в Африку, Европу или еще куда-то. А мы отмечали про себя, как хорошо у Галая все складывается... Если правда то, что загнанных лошадей добивают, то именно мы и добились Юрия Григорьевича, загнав его окончательно своими неумными рукоплесканиями по поводу и без повода.

Но Галай и сегодня незримо с нами в своих произведениях, которые многие из нас, конечно же, имеют в своих библиотеках (благо автор щедро делился ими) и которые мы теперь чаще достаем с полки, пытаюсь найти в них ответы на те вопросы, на которые при жизни автора «в суете сует», может быть, даже не обращали внимания.

Правда, есть и другое объяснение такого рода случаям, когда человек буквально замертво падает, останавливаясь словно на полпути. Митрополит Волоколамский и Архиепископ, председатель Отдела церковных связей Московского патриархата и композитор, автор многих музыкальных произведений («Божественная литургия», «Всенощное бдение», «Страсти по Матфею», «Рождественская оратория»... – это все его) Илларион, выступая 24 ноября 2012 года на телеканале «Россия 24» в беседе с музыкантом Д.П. Коганом (программа «Церковь и мир») затронул вопрос о том, почему гении, как правило, рано уходят из жизни, речь шла, в частности, о композиторах Шуберте, Моцарте, Гварнели... Он по данному поводу сказал буквально следующее: «Бог отмеряет жизнь каждому человеку и дает ему ровно столько, сколько ему нужно, чтобы он реализовал свой потенциал, чтобы он смог сделать все, для чего Господь призвал его в этот мир. Мне кажется, у Бога есть какое-то особое отношение к гениальным людям... У меня есть чувство, что Господь дает человеку возможность реализовать по максимуму свой творческий потенциал. Кому-то для этого нужно прожить долгую жизнь, а кому-то достаточно и короткой жизни...».

Этот экспромт Иллариона, превращающий Бога в некоего холодного циника, буквально зашивающегося в бухгалтерских размышлениях о том, «кому сколько надо», к сожалению, далеко не все проясняет в затронутой проблеме. Господь, конечно же, не может «наказывать» людей за их таланты, укорачивая им жизнь, то есть фактически приговаривая их к «смертной казни». Думаю, дело здесь заключается не только и не столько в том, что «Бог отмеряет...», сколько в том, что не в правилах Всевышнего сдерживать таланты в их стремлении «ярче светить». К творческим людям, и особенно к гениям, у Бога, действительно, «особое отношение». Но состоит оно не в том, чтобы точно рассчитать и выбрать время, когда нужно сказать гению: «Хватит!.. Баста!.. Пора – в мир иной... Собирайся...», а совершенно в другом, а именно в особом к нему уважении, во всемерном ему покровительстве, в помощи ему во всем, что может обеспечить макси-

мальное раскрытие таланта. Поэтому именно в творческих людях проявляется вот эта самая, как мы говорим, «искра Божья».

Собственно, ради них, гениев, Бог, наверное, и терпит все наши, образно говоря, чудачества на этой грешной земле, не допуская апокалипсиса, армагеддона или иного подобного «конца света», несмотря на самые мрачные предсказания племен майя, Нострадамуса и некоторых современных прорицателей и оракулов. Не было бы гениев, Господь, наверное, давно уже, грубо говоря, прихлопнул бы весь этот кавардак. А так, по всей вероятности, еще ждет, пока они (гении) достаточно плодотворно работают, наряду с наукой, искусством и т.д., еще и над наведением на планете элементарнейшего порядка.

Если, конечно, смотреть на возраст Галая с сугубо формальной точки зрения, то он вроде бы солидный (67 лет), но какая огромная интеллектуальная мощь играла во всей натуре этого человека, какой молодой задор сверкал в его острых глазах, какая во всем его облике была одухотворенность, какая неподдельная радость всегда светилась на его лице, каким оптимизмом всегда он пылал, каким жизнелюбом был, с каким ощущениям счастья жил!

Создается такое впечатление, что Юрий Григорьевич как будто специально был создан для всех тех дел, которыми занимался. Он продолжает жить в нашей памяти, в наших душах, сердцах. И чем больше времени проходит со дня его ухода, тем отчетливее высвечиваются все его весьма редкие дарования, его незаурядный творческий и подвижнический талант, удивительно прекрасные человеческие качества, тем полнее и ярче мы понимаем необходимость и ценность его пребывания на этой земле, тем ощутимее для нас эта утрата.

Но чувствуется все же и продолжающееся его присутствие среди нас, хотя, конечно же, едва уловимое. И как-то теплее становится на душе, когда вспоминаешь этого прекрасного человека. Он навсегда с нами. Как, впрочем, и мы с ним, в том смысле, что хочется верить в то, что и *мы* ему тоже были нужны, поскольку не только *мы* к нему обращались по разным поводам, но и *он* обращался к нам, когда ему что-то было надо. То есть он жил для нас, а мы для него. А как же иначе? Так и должно быть.

Не могу не отметить свои личные дружеские чувства к Юрию Григорьевичу (надеюсь, они были взаимными), так как это был как раз тот человек, к которому я довольно часто оказывался ближе, чем к кому бы то ни было. Мы были с ним, как я сейчас пони-

маю, близки и по взглядам, настроениям, позициям, отношению к профессиональному долгу, истории, культуре, краю, книгам, нашему общему ближайшему и более отдаленному окружению.

Оба мы, кстати, из простых семей. И, надо заметить, своим происхождением он (как и тот незадачливый «татарин» из известной песенки) очень гордился, рассказывая даже студентам, что поставлен на ноги и воспитан матерью-одиначкой, работавшей обычной медсестрой в обычной поликлинике. Непременно подчеркивал при этом, что каждый – сам творец своей судьбы. Хочешь чего-то добиться в жизни – смело действуй в соответствующем направлении.

Боюсь повториться, но Юрий Григорьевич всегда находился в каком-то приподнятом настроении, на его лице всегда сиял какой-то солнечный свет. По всему было видно, что этот человек живет с ощущением настоящего счастья в душе, что это, если не самый счастливый человек на свете, то по крайней мере достаточно счастливый для того, чтобы жить достойно, красиво, интересно, плодотворно и с пониманием того, что ты действительно нужный людям человек. Это, как мне кажется, особенно важно для всякого представителя любого творческого труда, особенно занимающегося преподаванием. Угрюмым людям, вечно жалующимся на свою судьбу, затурканным своими женами, нечего делать в вузе. Во всяком случае, если этого (ощущения счастья) у вузовского преподавателя нет, то неизбежные у него *муки* творчества, как правило, сопровождаются еще и *муками* преподавания. Он основательно дисциплинирует и себя, и студентов, но толку от этого бывает не так уж много. Лучше будет, если он подыщет себе другую работу.

Без ощущения счастливого своего состояния преподаватель, читая лекцию, обычно сильно напрягается, делает глубокомысленное лицо, изображает важность момента и читаемого материала мимикой, хмурит брови, играет голосом, расставляет какие-то акценты в сказанном, жестикулирует, двигает плечами и всем телом, мотает головой, но получается все же, как правило, не то, чего-то все-таки не хватает, что-то важное ускользает и, как следствие, должного восприятия студентами лекции нет. Психологическая атмосфера в аудитории оказывается не вполне отвечающей ее назначению – быть не только ретранслятором, но и своеобразным генератором жизненно важных для молодых людей знаний. «Команда

молодости...», которой заполнена аудитория, порой скучает, а поэтому лекции многими студентами не воспринимаются или если и воспринимаются, то недостаточно полно и хорошо.

С другой стороны, если ощущение счастья у преподавателя есть, то лекция обычно идет как «по маслу», нужные слова и фразы не надо подбирать – они сами приходят, и лектору остается их только озвучивать. Юрий Григорьевич ничего такого ни руками, ни плечами, ни головой не делал. Во всем его облике наблюдалось именно ощущение счастья, в том числе от встречи со студентами, от того языка, на котором он общается с ними, от преподаваемого материала, его значимости, перспектив реализации сообщаемых студентам знаний в их будущей профессиональной деятельности. Понятно, что доверия к такому преподавателю у студентов гораздо больше, преподаваемый материал усваивается ими лучше, появляется естественное желание зафиксировать сказанное в конспектах, что-то почитать на эту же тему в библиотеке, основательно покопаться в интернет-ресурсах.

Должен заметить, что ни с кем из коллег я не провел так много времени в беседах, в том числе о жизни, времени, обстановке в стране и в мире, о нашей общей профессии, как именно с Юрием Григорьевичем. Особенно много общений было у меня с ним во время поездок в столицу, так как оба мы состояли членами одного и того же диссертационного совета – при Высшей школе экономики, и поэтому часто без усталости мотались туда-сюда. Но была уйма свободного времени и оно быстро пролетало в разговорах, как правило, об истории России и родного края, о царях и императорах, истории высшего юридического образования и старой русской профессуре, о профессиональной и подвижнической деятельности преподавателей-юристов и юристов-практиков в прошлые эпохи, об отношении тогдашней российской интеллигенции к событиям февраля и октября 1917 года, о взаимоотношениях между преподавателями и студентами тогда и сейчас, о выполнении в императорской России диссертационных исследований, о «тайнах мадридского двора» советского периода нашей истории, о Римской империи и Византии, Александрийской библиотеке и семи чудесах света, об античной культуре, вандалах, основательно разрушивших ее, о культуре Средневековья...

Конечно, у всех, знавших Юрия Григорьевича не понаслышке, есть определенный долг перед его образом, светлой памятью о

нем. И это не только наши добрые воспоминания о нем, хотя и они, конечно же, нужны и важны. Это еще и научные конференции, теоретические семинары, другие подобные встречи, которые могли бы быть посвящены этому видному ученому, его творчеству, актуальным проблемам истории государства и права России и зарубежных стран. Это еще и сборники материалов, которые можно было бы издавать по итогам подобных обсуждений.

В заключение позволю себе предложить 16 коротких стихотворных строк, написанных мною несколько лет тому назад в качестве поздравления Галая с очередным его днем рождения. Стихотворение названо «Великое шоу» с учетом содержательности и яркости таланта и личности этого, не устаю повторять, значительного и замечательного во всех отношениях ученого и человека.

*«Шоу должно продолжаться...»
(выражение, часто употребляемое
в артистической среде)*

ВЕЛИКОЕ ШОУ

Юрий Григорьевич празднует Дату –
Дату Рождения... Глубже дышите.
Мы Вам, коллега, желаем, как брату,
Полного счастья... И больше пишите.

Больше пишите о людях толковых,
Тех, что собой возвышали Россию,
И в обстоятельствах жизни суровых
Жили как надо – достойно, красиво.

Юрий Григорьевич, Вы не спасуете,
В этой истории – Вам красоваться.
Так, как Вы сами кого-то рисуете,
Вам самому... рисоваться.

Золотом мыслей струятся абзацы
И получается нечто большое.
Стало быть, надо когда-то начаться,
Чтоб продолжаться великому шоу.

1.2. Государственно-правовые закономерности в контексте истории государства и права и их уголовно-правовой ракурс (уроки Галая)

Уроки истории важны тем, что познание и учет их в государственно-правовой деятельности открывает дополнительные возможности положительного влияния на исторические процессы путем исключения из этой деятельности тех ошибочных, недостаточно взвешенных и просто неверных решений и действий, которые допускались ранее. В итоге исторические процессы, как можно на это рассчитывать, получают перспективу более широкой и глубокой оптимизации, более целенаправленного, интенсивного и цивилизованного их развития, а следовательно, и наступления более весомых позитивных результатов, причем достигаемых с меньшими побочными негативными последствиями. Об этом нам лишний раз напомнил 2012 год, юбилейный для многих исторических событий и, как уже отмечалось, признанный в силу этого Указом Президента РФ Годом российской истории¹.

Дальновидный английский политик Уинстон Черчилль справедливо полагал, что для того, «чтобы подальше заглянуть в будущее, мы должны глубже заглянуть в прошлое». А за две с лишним тысячи лет до него великий китайский философ Конфуций высказывался по данному поводу еще категоричнее: без знаний о прошлом нет знаний о будущем, а поэтому не следует бросать камень в прошлое, чтобы не получить его из будущего. То есть само собой напрашивается вывод о том, что если основательно не копаться в прошлом, то будущее всегда будет преподносить настоящему все новые и новые «сюрпризы», в том числе далеко не самого лучшего свойства.

В системе исторических наук (история гражданская, военная, политическая, идеологическая, экономическая, социальная, культурная, научно-техническая, строительно-архитектурная, транспортная и т.д.) история государства и права занимает особое место. Она является своего рода ядром и сис-

темообразующим фактором всех других историй. Так же, как и вся история в целом, история государства и права проходит этапы своего первобытного (400–200 тыс. лет тому назад – 4–3 тыс. лет до н.э.)¹, древнего (4–3 тыс. лет до н.э. – 5 век н.э.), средневекового (5–16 вв.), нового (16 – конец 18 в.), новейшего (конец 18 – середина 20 в. – окончание Второй мировой войны и образование мировых управленческих институтов: ООН и др.) и современного (середина 20 в. н.в.) состояния. Современная история каждодневно «утекает» в историю новейшую и одновременно с такой же постепенностью «перетекает» в историю суперсовременную.

Сегодня о возможности влиять на события путем изучения соответствующего опыта прошлого и учета его в государственно-правовой практике пишут по существу все², но, к сожалению, мало что реально делается в нужном направлении. Например, все понимают, что присоединение нашей страны к ВТО – это на первых порах не только и не столько благо, сколько и тяжелые испытания, но что делать для того, чтобы свести к минимуму возможные издержки данного события, похоже, никто не знает, по крайней мере достаточно отчетливо и точно. Мы бросились в воду, не только не умея плавать и не имея ни малейшего представления о том, как этому можно научиться, но и вообще без серьезных попыток на строго научной основе просчитать перспективу такого броска. Совершенно очевидно, что для того, чтобы научиться плавать, надо как минимум броситься в воду, чтобы одержать победу, надо ввязаться в бой, чтобы стать мужчиной надо тоже пройти определенный полный неожиданностей путь, – так или примерно так рассуждали все мы, идя навстречу переменам. При сложившихся обстоятельствах заливчатские заверения правительственной прессы о том, что нам «есть чем ответить» на вызовы, связанные с нашим присоединением к ВТО, и ее призывы к другим странам не допускать в этой ситуации дискриминации нашей страны выглядят более чем странно³.

¹ При этом мы исходим из того, что отдельные элементы государства и права (протогосударство) появились уже в первобытном обществе, по крайней мере спустя примерно 50–100 тыс. лет после появления homo sapiens.

² См., например: Снегирев В. «Русский путь» по Максиму Кантору. Россию ждут тяжелые времена, считает известный писатель и художник. И если это осознать, то выход найдется // Российская газета. 2012. 29 ноября. С. 24.

³ См., например: Петров В. Есть чем ответить. Владимир Путин требует не допускать дискриминации России после ее вступления в ВТО // Российская газета. 2012. 23 ноября. С. 2.

¹ Указ (от 9 января 2012 г. № 49) принят «в целях привлечения внимания общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе». В ряду юбилеев исторических событий 2012 года, в частности, 1150-летие создания Русского государства, 400-летие освобождения Москвы ополчениями Минина и Пожарского, 200-летие освобождения России от наполеоновского нашествия.

И возможности «ответить на вызовы...» у нас более чем скромны, и, как и можно было ожидать, подобные призывы постоянно и основательно повисают в воздухе, напоминая собой по существу глас вопиющего в пустыне.

К сожалению, пока еще ни одно профессиональное учебное заведение страны не ввело в свои учебные планы дисциплины, которые вооружили бы выпускников знаниями, необходимыми для работы в новых экономических условиях. То, что Министерство экономического развития организовало краткосрочные курсы для чиновников, чтобы научить их успешно трудиться в условиях присоединения нашей страны к ВТО, – это хорошо, но одного этого, безусловно, мало. Надо такую же работу проводить и среди руководителей хозяйствующих субъектов. За парты надо посадить не только рядовых чиновников, но и их руководителей, в том числе мэров и губернаторов, депутатов и министров.

Всякое промедление здесь чревато не одним, а многими «камнями» из будущего. А если сказать прямо, то буквально лавинными камнепадами, способными стереть в порошок все наши достижения как последних двух десятилетий, так и всех предшествующих периодов нашего развития. Такое, конечно же, никому не нужно, а поэтому известная констатация американского математика Норберта Винера о том, что тот, кто владеет информацией, владеет миром, имеет, как мы полагаем, самое прямое отношение и к нашим представлениям о событиях прошлого.

Итак, для того чтобы извлекать уроки истории, надо по меньшей мере их знать. Знание же уроков истории предполагает наличие объективных, точных и достаточно полных представлений о самой истории, включая те государственно-правовые закономерности, на которых она основывается. Но именно здесь мы сталкиваемся с затруднениями, преодолеть которые бывает нелегко, и поэтому приходится иной раз волей-неволей просто разводиться руками. И именно поэтому еще слышны порой ироничные и, может быть, даже несколько циничные рассуждения об уроках истории, которые якобы реально никого ничему и никогда не учат, а в лучшем случае лишь напоминают о том, насколько еще иррациональны действия властей, постоянно натякающихся в своих «судьбоносных свершениях», по существу, на одни и те же грабли, то есть забывающих или просто игнори-

рующих те просчеты, которые допускались ранее, и поэтому повторяющих их в том или ином виде, и, как следствие, всего этого имеем то, что имеем, а именно замедление темпов развития, застой, а по отдельным параметрам даже откат.

Но ирония иронией, сарказм сарказмом, цинизм цинизмом, а справедливости ради следует все же сказать и о том, что наш просвещенный XXI век и здесь вносит свои довольно веские коррективы. То есть история из хаотической совокупности стихийно складывающихся событий постепенно превращается в относительно упорядоченную их систему, а именно в явление, некоторым образом уже управляемое, причем с претензией на определенные позитивные результаты и даже, может быть, на планетарные масштабы таковых, в основе чего приоритеты мира и мирного сосуществования, демократии и прав человека, разумной достаточности материальных, культурных и духовных ценностей, идеи добра и справедливости, законности и правопорядка, взаимоуважения и взаимной поддержки – людей, народов, стран, континентов.

Превратить все это в устойчивые тенденции развития – значит придать истории тот ход, которого она сегодня заслуживает по праву своей исключительности, уникальности, незаменимости и который является ожидаемым, обнадеживающим и, конечно же, желанным.

1.2.1. Государственно-правовые закономерности – ключи к урокам истории

Учет уроков истории, реализующий имеющийся поучительный опыт прошлого, делающий рационализм и благоразумие фактом не только для настоящего, но и для будущего, не только для отдельных людей, но и для целых народов, стран, континентов и даже в какой-то мере, может быть, для всего человечества, посылающий людям спасительный сигнал, шанс, надежду, некий свет в конце тоннеля, ставящий опыт прошлого на службу настоящему и будущему, должен стать в настоящее время обязательным, и эта обязательность должна быть закреплена законом. Можно даже сказать больше: государственно-правовые закономерности лишь тогда «работают», когда их познание и учет становятся *законом* для тех, на кого в силу особого таланта, обстоятельств и (или) случая историей возлагается обязанность обуздания стихии исторических процессов и направления их в русло именно позитивного развития.

Любой урок истории, взятый за основу для продвижения ее вперед, есть наглядное, убедительное и, главное, реальное отрицание и предотвращение ее возможного рокового исхода, мировых «катаклизмов и бурь», «конца света», кем бы все это ни предсказывалось: племенами майя, Нострадамусом, апостолами разных религий, астрологами или любыми иными прорицателями, оракулами и прочими толкователями возможных событий будущего.

«Урок» и «рок» – термины созвучные, но ничего общего между собой не имеющие. В отличие от урока как поучительного опыта и воплощения наших представлений о возможной оптимизации будущего, рок есть нечто иное, а именно заклятье, проклятье, фатализм, предзнаменование и ожидание худшего, апокалипсис, крушение мира, неминуемая жуть, злая участь, полная драматизма и трагедийности судьба, крах любых надежд, гибель и неизбежные опасные последствия любых наших поступков, событий, явлений, обстоятельств и т.д.

Особо остро стоит проблема «рок или урок» для России, уроки истории которой, похоже, у нас действительно все еще традиционно мало кого волнуют как из числа так называемых простых людей, так и отцов-законодателей и других наших руководителей – высших, средних, низших. Никто из тех, кто претендует на статус носителей хоть какой-то интеллектуальной силы государственного значения, включая ведущих наших политиков и политтехнологов, профессоров и академиков, докторов и кандидатов наук, сотрудников научно-исследовательских учреждений, пока так и не удосужился увязать уроки истории с государственно-правовыми закономерностями развития, а следовательно, получается так, что мы не только не стремимся учитывать уроки истории, но даже не желаем ничего знать о них, а поэтому история страны, оставаясь сама по себе, продолжает катиться по неровным дорогам Отечества, как старая телега с запряженной в нее тощей клячей, неизвестно куда, как, зачем...

Вся эта проблематика достаточно остро ощущается даже в выступлениях высоких должностных лиц страны, констатирующих наше традиционное отставание практически по всем показателям развития, в том числе в экономике, науке, технике, образовании, культуре, здравоохранении, социальной сфере, транспорте, строительстве¹.

Вособенности важно преодолеть коррупцию, которая по-прежнему остается фактически возведенной в ранг официальной политики, является как бы «священной коровой» особенно в условиях, когда высшим чиновникам разрешено оставаться на своих должностях как минимум до 70-летнего возраста. Робкий общественный ропот, осуждающий коррупцию, остается практически без внимания власти. Так, отвечая на письмо президенту РФ В.В. Путину известного композитора, поэта и исполнителя Андрея Макаревича, возмущавшегося откатами в 95%, последовал совет «обратиться к предпринимательскому сообществу, которое тоже идет по этому (коррупционному, – П.П.) пути, пытаюсь добиться конкурентных преимуществ»¹. Но ведь совершенно очевидно, что сами по себе предприниматели мало что могут изменить, так как, играя по установленным чиновниками правилам (так сказать, на их поле), они обычно проигрывают, и экономика практически перестает быть экономикой.

А отвечая на пресс-конференции 20 декабря 2012 года на вопрос тележурналиста П. Пчелкина о перспективах борьбы с коррупцией, президент В.В. Путин сказал буквально следующее: «Что касается борьбы с коррупцией. Разумеется, и я уже об этом говорил, это одна из проблем наших. Но она такая традиционная. Я уже приводил этот диалог между Петром I и генерал-прокурором, прокурором генеральным, как сейчас. Когда тот привел примеры воровства, Петр предложил даже за маленькие, небольшие преступления ссылать в Сибирь и казнить. На что генерал-прокурор ему ответил: «С кем останешься, государь? Мы же все ворует»... Это, знаете, вроде как традиция...»².

В том же своем интервью на вопросы тележурналиста С. Брилева о том, не мешает ли развитию России то, что за 12 лет действующий глава государства построил в стране «довольно жесткий, где-то даже авторитарный режим личной власти», ассоциирующийся даже им самим, прежде всего, с собой, и насколько «эта система жизнеспособна в новом веке», В.В. Путин ответил: «Мы обеспечили... стабильность... исключительно как обязательное условие для развития... Но назвать эту систему

¹ См., например: Козлова Н. Я ужою от вас. В России резко выросло число детских самоубийств // Российская газета. 2012. 24 октября. С. 1, 7; Борта Ю. Ненужные дети. Почему Россия лидирует по подростковым суицидам // Аргументы и факты. 2013. № 4. С. 27.

¹ Макаревича достало? (редакционный материал: ответы на вопросы читателей) // Аргументы и факты. 2012. № 33. С. 47.

² URL: <http://www/kremlin.ru/news/17173> (дата обращения: 25.12.2012).

авторитарной не могу... И самым ярким примером того, что это не так, является мое решение уйти на вторые позиции после двух сроков президентства (2000–2008 годов – П.П.). Если бы я считал, что тоталитарная или авторитарная система является для нас наиболее предпочтительной, то я бы просто изменил Конституцию, как Вы понимаете, это было легко сделать...»¹.

Что же тогда получается, если... «все воруют»? И если обстановка в стране такова, что всего лишь один человек может «легко» «изменить Конституцию»? Совершенно очевидно, что говорить при таких обстоятельствах о каких-то перспективах положительного развития в стране вряд ли можно. Тем более что Конституция впоследствии (в декабре 2008 года) все же была изменена (хотя ранее самим президентом заявлялось, что «тому, кто предлагает менять Конституцию, надо мозги поменять»²), и в результате В.В. Путин получил возможность пребывать на высшем должностном посту страны дополнительно к восьми прежним годам (да еще к четырем годам так называемого «закулисного» президентства, когда президентом формально считался Д.А. Медведев) как минимум (при сохраняющемся доминировании в Госдуме «Единой России»), еще 12 (аж двенадцать!) лет. Итого в общей сложности – 24 года. Кому же, спрашивается, надо «мозги менять»? А главное, как после этого называть режим? Понятно, что без обращения к теме о государственно-правовых закономерностях как основе уроков, обязательных к учету в государственно-правовой практике, ответить на такого рода вопросы весьма трудно, если, конечно, вообще возможно.

Государственно-правовые закономерности в их кратком определении есть устойчивые зависимости между взаимосвязанными государственно-правовыми явлениями, то есть зависимости, систематически повторяющиеся, причем в актах, характеризующихся определенными общими признаками, отражающими к тому же глубинную суть названных явлений, наиболее общие тенденции их развития, и при определенных условиях и обстоятельствах реализуемые в государственно-правовой практике.

¹ Российская газета. 2012. 21 декабря. С. 2.

² Правда, на пресс-конференции В.В. Путин пояснил, что в 2008 году рассчитывать ему на успешное избрание президентом в 2012 году было трудно после «промежуточного» президентства Д.А. Медведева («Я тогда, – говорил В.В. Путин, – не мог ставить перед собой цель, что через четыре года обязательно вернусь. Это было бы просто нелепо, тем более что начинался кризис...»), но ведь, как потом пояснил Д.А. Медведев, соответствующая договоренность (о выходе В.В. Путина на новое президентство) между участниками «тангема» все же была.

В основе всех государственно-правовых закономерностей – причинно-следственные связи. Любое явление государства и права, как и все в этом мире, возникает, в силу этих связей разворачивается, функционирует, развивается, видоизменяется и... свертывается, а поэтому государственно-правовые закономерности могут быть закономерностями соответственно возникновения, становления, функционирования, развития, изменения и спада. Они могут быть непознанными и познанными, а познанные – реализуемыми и нереализуемыми в государственно-правовой практике, эффективно и неэффективно реализованными в ней. По объектам, механизму, количественному признаку и сферам (масштабам) проявления государственно-правовые закономерности могут быть соответственно одно- и многообъектными, простыми и сложными, единичными и множественными, локальными, региональными, глобальными, мировыми.

По значимости (в смысле вероятности вызова и характера соответствующих последствий), механизму функционирования, фактору времени, направленности проявления и другим признакам государственно-правовые последствия могут быть, в частности, основными и дополнительными, главными и неглавными, ведущими и ведомыми, определяющими и определяемыми, центральными и периферийными, фарватерными и сопутствующими, решающими и вспомогательными, прямыми и косвенными, прямолинейными и криволинейными, непосредственными и опосредованными, быстро протекающими и протекающими медленно, центробежными и центростремительными, базовыми и обратными.

Государственно-правовые закономерности возникают, утверждаются, функционируют, реализуются, изменяются и свертываются не «поодиночке», а в их сочетании, более или менее широких комплексах. Иногда эти закономерности вступают между собой в противодействие, в результате чего реализующее значение одних из них понижается, а других, напротив, повышается. На пересечении нескольких закономерностей могут появляться новые закономерности, которые могут оказывать свое влияние на закономерности уже существующие. Создаются ситуации многовариантности возможных результатов, что образует дополнительные возможности для их познания и учета в государственно-правовой практике.

Состояния государственно-правовых закономерностей не являются раз и навсегда данными – с течением времени они

меняются. Одни из них затухают в своих проявлениях, другие, напротив, активизируются, набирают силу, приобретают характер главных. Некоторые закономерности, дополняясь другими, под их влиянием снижают свой потенциал, а порой и вовсе утрачивают его, а некоторые словно оживают, становятся все более значимыми, приобретают характер основных, базовых, ведущих, определяющих, центральных и т.д. Подчас происходит «переполюсовка» закономерностей, то есть диаметрально меняются их значимости, векторы ориентированности, сила и сферы функционирования.

Государственно-правовые закономерности с учетом их влияния на события, явления, поведение людей, обществ, государств и возможности или невозможности извлекать из них соответствующий поучительный опыт подразделяются на учитываемые в государственно-правовой практике и имеющие лишь познавательное значение, то есть такие, практический учет которых на данный момент по каким-либо причинам крайне затруднителен или пока, может быть, вообще невозможен. Первые нас интересуют именно с позиций перспектив влияния на исторические процессы, а вторые – с позиций исключительно задач познания. В свою очередь, например, закономерности, учитываемые в государственно-правовой практике, могут характеризоваться однозначными и неоднозначными (вариантными) последствиями.

Например, если известно, что государственная поддержка материнства и детства ведет к активизации демографических процессов в стране, а ее отсутствие, соответственно, к затуханию этих процессов и отрицательным показателям в динамике численности населения, то, используя соответствующий фактор, можно положительно влиять на складывающуюся демографическую ситуацию вполне определенным образом, то есть путем, например, активизации государственной поддержки материнства и детства. Но если в то же время точно известно, что, например, запрет на усыновление российских сирот гражданами США приведет к пресечению перспектив улучшения условий их жизни, то это отнюдь не означает принципиальной недопустимости подобного запрета, поскольку у руководства страны имеются твердые намерения (и, как можно надеяться, реальная возможность) создать сиротам в нашей стране даже, может быть, лучшие условия для жизни, чем это может быть обеспече-

но в тех же США. Ведь цели любого закона состоят в *создании* благ для человека, а не в лишении их.

Конечно, если смотреть на вещи трезво, то нельзя исключать того, что усыновленные американцами наши дети, став взрослыми, усилят потенциал США, военный, и затем могут быть использованы властью этой страны в качестве «пушечного мяса» в будущих войнах, в том числе совершаемых, может быть, и против России, как это имело место, в частности, в отношении Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, а отчасти и Сирии. Но подобный (жуткий) прогнозируемый сценарий развития событий должен лишь ускорить подкрепление нашей позитивной демографической политики соответствующими социальными мерами.

Однако нельзя здесь, разумеется, не учитывать и того, что при сохраняющемся порядке, сколько бы мы ни трудились на ниве стимулирования деторождения, воз будет оставаться на прежнем месте, поскольку ранняя смертность, в том числе вызываемая болезнями, плохой медициной, убийствами, самоубийствами, дорожно-транспортными происшествиями, производственным травматизмом, алкоголизмом, наркоманией ежегодно будет уносить у нас сотни тысяч и миллионы жизней. Не говоря уже о том, что сотни тысяч и миллионы людей ежегодно уходят в теневую экономику, становясь там нередко «крутыми мошенниками», причем самого опаснейшего свойства. А многие из них при этом опускаются и дальше в морально-нравственном смысле, становясь бродягами, бомжами, преступниками и оказываясь довольно часто в местах лишения свободы¹.

Рассматриваемые закономерности наглядно проявляются в тех вопросах, которые время от времени волнуют людей, народы, общества, страны, континенты, человечество. Если говорить о России, то сегодня мы постепенно начинаем забывать наши главные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» и все больше озадачиваемся совершенно другими вопросами, а именно такими, как, например: «Сажать или не сажать?» (в частности, министров, попавшихся на воровстве и коррупции, и их беременных любовниц), «Будут ли “посадки” или их не будет?» (тех же казнокрадов, коррупционеров и прочих аферистов самого худшего

¹ Как утверждает президент В.В. Путин (в своем послании Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 года), только алкоголизм и наркомания ежегодно уносят у нас сотни тысяч жизней (см.: Российская газета. 2012. 13 декабря. С. 2.)

толка), «А если “посадки” все-таки будут, то кто же тогда будет руководить страной?» и т.д. И чем больше такого рода вопросы выходят на первый план, тем яснее осознается, что неумолимый рок все сильнее наступает на горло урокам истории, а поэтому все больше актуализируется необходимость поразмышлять на данную тему юристам-отраслевикам, в том числе специалистам в области уголовного права.

1.2.2. От одной государственно-правовой закономерности – к другой, от одного урока истории – к другому

Первая государственно-правовая закономерность, функционирование которой может послужить основанием для извлечения из имеющегося поучительного опыта вывода о соответствующем уроке истории и необходимости его учета с включением в действие некоторых дополнительных правовых (в том числе уголовно-правовых) возможностей, состоит в том, что история государства и права – это история не только его властителей, полководцев, мыслителей, пророков, прочих значительных личностей и их ратных дел во славу Отечества, не только история законов, событий, явлений экономики, науки, образования, культуры, искусства, литературы, поэзии и т.д., но это еще и история российского народа, его мужества и мученичества, патриотизма и борьбы за свободу, походов и побед, таланта и трудолюбия, традиций и обрядов, лучших устремлений и надежд, ожиданий и встреч ожидаемого. То есть это еще и история всех рядовых людей, которые, так или иначе, тоже являются ее действующей, движущей, созидательной силой.

Убедительным примером судьбоносной исторической роли народа в судьбах отечества является созданное и возглавленное в 1611 году купцом К. Мининым и воеводой Д. Пожарским нижегородское ополчение, освободившее осенью 1612 года Москву от польских воителей и положившее тем самым конец Смутному времени. Ополчение, объединившее людей самых разных национальностей, *само*, то есть без какого бы то ни было участия власти и не ради ее, не ради ее представителей или служителей веры, не в силу каких-либо призывов (Рюриков уже не было, а Романовы еще не пришли), решало вопросы стратегии и тактики похода и освобождения Москвы, сбора необходимых для этого средств, вооружений, снаряжений, транспорта, продуктов питания, организации последующего обустройства системы управления.

Вместе с тем полагаем, что подлинная история государства и права (как и история в том числе такого их источника, как народ) еще была далеко впереди, а то, что было раньше и есть теперь, – это всего лишь *предыстория*. Только когда народ, сегодня официально признаваемый источником власти (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ), а следовательно, и источником государства и права, будет сочетать в себе еще и статус «хозяина страны» (то есть своего рода распорядителя и управителя всеми делами в стране), главного субъекта государства и права, начнется *действительная* государственно-правовая история, а значит, как можно полагать, и будущая история государства и права будет находиться в его руках. Захватить, отобрать или украсть у народа историю его государства и права станет уже невозможным.

В данной связи представляется целесообразным расширить уголовно-правовую составляющую юридических основ и оснований противодействия посягательствам на экономику страны, на ее национальное достоинство, достояние и богатство, в частности, путем дополнения действующего уголовного законодательства статьями об ответственности за оскорбление достоинства нашей (как и любой другой) страны, например, когда то или иное государство называют, например, «страной дураков», а его представителей «тупыми», «безмозглыми», «ленивыми», «бесшабашными», «злыми», «немытыми», «нечесаными», «грязными», «заразными», «забитыми», «набитыми», «подлыми», «чумазыми» и т.д. Россия многое из подобных обвинений проглотила, не поперхнувшись, но сейчас наступило такое время, что и Эдварда Сноудена уже отдать невозможно. Права человека, как говорится, и в Африке права (а тем более в России), а поэтому сдавать позиции на данном направлении значило бы полностью пренебрегать интересами человечности и человечества. Конечно же, если это не умело засланный к нам «казачок».

Представляются несколько легковесными некоторые заявления на этот счет, например, нашего известного писателя-сатирика М.Н. Задорнова или бывшего министра культуры, а ныне телеведущего и популярного шоумена М.Е. Швыдкого, которые с завидным упорством и, по существу, в один голос (как стоворившись) оперируют выражениями типа «этот народ не будет нормально жить, если позволяет себе мириться с тем, с чем мириться нельзя...», «этот народ не имеет будущего, если дает вы-

сокие рейтинги таким звездам эстрады, как Стас Михайлов и Елена Ваенга...», «лучше конец света, чем... свет без конца» и т.п.

Среди нас, конечно, есть разные люди (в семье, как говорится, не без уroda), но непонятно, почему, во-первых, именно народ должен отвечать за все происходящее в стране, начиная от дискредитирующих всех нас надписей на заборах, в подъездах жилых домов и лифтах и кончая некоторыми завиральными явлениями в Госдуме и Правительстве, а во-вторых, какие претензии у нас могут быть к С. Михайлову, Е. Ваенге, С. Трофимову и другим популярным личностям, если нынешняя наша эстрада вообще в глубоком кризисе. И как бы подобные пассажи ни коробили наше сознание, подходить к людям, для которых хорошее настроение («смех и радость...») – профессия, с общепринятыми мерками, на наш взгляд, нельзя. Эстрада, как и все в этом мире, сегодня в поиске. И это гораздо лучше, чем полное отсутствие всякого проблеска и бесконечное блуждание в потемках – без всякой надежды позитивного выхода из создавшейся ситуации.

Сказанное в полной мере относится и ко всем другим нашим особо одаренным талантами людям, в том числе к тем же мастерам меткого русского слова (М.М. Жванецкий, Л.М. Измайлов, В.М. Коклюшкин, С.Т. Альтов и др.), остроумно, жгуче и справедливо бичующим наши действительные и, может быть, отчасти мнимые пороки, нашим эстрадным артистам, кинематографистам и т.д. Иначе вообще можем остаться без интересного, поучительного и не ангажированного сатирического, артистического, публицистического и иного опыта в соответствующих сферах.

По крайней мере сегодня никому и в голову не придет называть экстремистами наших великих литераторов, которые нередко разили острым словом далеко не благополучную действительность. Для иллюстрации приведем хотя бы следующее известное всем со школьных лет стихотворное суждение М.Ю. Лермонтова:

*«Прощая, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ».*

Уже в первой половине XIX века стремление талантливых людей побудить власть «отмыть» страну от всего негативного,

наносного, ненужного было искренним и, конечно же, необходимым.

Вторая важная государственно-правовая закономерность, расширяющая наши представления об уроках истории, нуждающихся в их учете с использованием в том числе соответствующего уголовно-правового резерва, заключается в том, что история государства и права страны – это не только история власти и законодательства, монархов и правительств, министерств и ведомств, департаментов и управ, и даже не только народа, его громадных талантов и дел, но это еще и история интеллектуального состояния общества.

Именно достаточно высокий уровень интеллектуального состояния общества, являющегося (состояния) компонентом общественного сознания, вызвал к жизни государство и право и формирует и поддерживает их в тех видах и формах, которые мы наблюдаем на протяжении веков и тысячелетий и которые имеем возможность, честь и, может быть, счастье видеть сейчас. Должную высоту своего интеллектуального состояния общество набирает главным образом в результате образования, особенно после появления в его системе образования *юридического*, которое в значительной мере определяет и состояние государства и права, в том числе законодательства и практики его применения, правопорядка и законности, правонарушений и правосудия. Достаточно сказать, что три последних президента нашей страны – это люди, имевшие именно профессиональное юридическое образование¹.

Без достаточно совершенного юридического образования никакая успешная история никакого государства и никакого права, как и успешная мировая история вообще (особенно современная), состояться не может. Может быть, именно по этой причине столь неодолима в нашем молодом поколении тяга к данному образованию. Что такое хорошо и что такое плохо, какова мотивация того и другого, каковы государственно-правовые средства побуждения нашего сознания именно к положительному опыту – знать все это сегодня желает буквально каждый. И так как именно юриспруденция дает на такие вопросы наиболее четкие, ясные и исчерпывающие ответы, то она и оказалась сегодня наиболее притягательной, популярной и востребованной.

¹ О значении юридического образования в истории государства и права см.: Галай Ю.Г. Подготовка юристов в университетах Российской империи. Н.Новгород: Нижегородский филиал Института бизнеса и политики, 2011.

И совсем не случайно то, что многие люди, получившие юридическое образование, сыграли выдающуюся роль в истории своих государств, в том числе, казалось бы, в далеких от государства и права областях и сферах деятельности. Вспоминается например, выпускник Императорского училища правоведения Петр Ильич Чайковский, поработавший некоторое время в министерстве юстиции, но одновременно увлеченно занимавшийся музыкой и затем ставший великим композитором, гением мирового музыкального искусства.

С учетом особой исторической важности высшего юридического образования представляется актуальным включение в уголовное законодательство статьи об ответственности руководителей юридических вузов, юридических факультетов вузов, других вузовских структур, готовящих юристов, за профессиональную подготовку, не соответствующую установленным законом и иными нормативными правовыми актами требованиям, то есть в случаях, когда выпускники вузов не обладают необходимым минимумом юридических знаний и, следовательно, не способны успешно работать по указанным в дипломах специальностям.

Третья государственно-правовая закономерность, заслуживающая внимания под углом зрения возможности извлечения из нее соответствующего поучительного опыта и учета его в государственно-правовой практике, в том числе с использованием силы уголовного закона, заключается в том, что государство и право сильны не только и не столько крепостью власти и строгостью законов, сколько их мудростью, правдой, социальной, политической и иной обоснованностью, справедливостью, демократической и гуманистической сущностью, а также прочностью в стране семейных уз, морально-нравственными качествами людей, их приверженностью к добросовестному труду, дисциплинированностью, чистотой и искренностью чувств, устремлений, порывов, поступков, а также традициями, обрядами, культурой, искусством, литературой, поэзией и т.д. То есть для появления и затем последующего функционирования государства и права, наряду с достаточно высоким интеллектуальным состоянием общества, необходим еще и соответствующий уровень его духовного потенциала.

Прежде всего, именно в силу данного потенциала государства идут вперед, возвышаются в своих достижениях, добиваются побед на различных направлениях, объединяются, выходят на

какие-то новые орбиты развития. И именно по причине отсутствия или недостаточности, слабости, несостоятельности этого фактора государства терпели поражения, рушились, распались их альянсы, «священные союзы», империи, в том числе Монгольская, Римская, Британская, Османская, Германская, Австро-Венгерская, Французская, Российская.

Сегодня Россия может подписать себе смертный приговор, если вплотную не займется укреплением семьи, планированием и реализацией социальных программ, благоустройством городов, поселков, сел, деревень, станиц, хуторов, других населенных пунктов, не позаботится о поднятии материального и культурного уровня жизни населения, о правах и свободах людей, об образовании и воспитании подрастающего поколения, о его морально-нравственном, духовном и физическом развитии. Думается, именно поэтому в декабре 2012 года в средствах массовой информации состоялась острая полемика в связи с принятием Госдумой (в порядке ответной меры американскому «Акту Магнитского») так называемого «Закона Димы Яковлева»¹, который, как полагали многие (в том числе некоторые члены правительства), не был подкреплён должной заботой государства о судьбах брошенных и (или) больных детей, оказавшихся без необходимого попечения родителей².

Что касается, например, крепости семейных уз, то она является одновременно и залогом полноценных творческих успехов ученого. И то, что гении (а тем более не гении) часто недодают человечеству плодов своего творчества, кроется как раз в проблемах семейных отношений. Тут, конечно, могут быть и исключения, например, «старый» питерский холостяк Григорий Перельман (находившийся в возрасте около сорока лет) решил теорему Пуанкаре – одну из величайших математических загадок, над решением которой в течение более ста лет безуспешно бились практически все математики мира. Здесь имеет место как раз тот случай, когда исключения из правила лишь подтверждают само правило. Впрочем, за спиной у Перельмана всегда

¹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 29 декабря. С. 1.

² Критика в прессе соответствующего законопроекта была отчасти учтена властью и, наряду с названным Законом, был принят Указ Президента РФ от 28 декабря 2012 года № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (см.: Российская газета. 2012. 29 декабря. С. 4).

стояла беззаветно любящая его мама. Без нее у нашего выдающегося математика, наверное, едва ли что-то получилось бы.

Представляется целесообразным включить в уголовное законодательство статью об ответственности за *антироссийские* действия, то есть за действия, которые по своей сути хотя и не являются *враждебными* для нашей страны (как об этом сказано в ст. 275 УК РФ применительно к государственной измене), но все же наносят ущерб национальной безопасности Российской Федерации, разумеется, без признаков государственной измены.

С учетом задач укрепления семьи полагаем важным дополнить главу 20 УК РФ («Преступления против семьи и несовершеннолетних») статьей об ответственности за вмешательство в семейные отношения, повлекшее распад семьи, в которой имелись дети.

Четвертая поучительная в историческом плане государственно-правовая закономерность, наталкивающая на мысль о необходимости поиска и включения в действие соответствующих уголовно-правовых резервов, заключается в том, что центральная власть в стране всегда стремится к установлению и поддержанию асимметрии между официальными компетенциями, полномочиями и реальными возможностями регионов. В результате все усилия регионов порой сводятся к сохранению и приобретению имеющихся преимуществ, получению дополнительных дотаций и т.д., а на позитивное влияние на центральную власть у них уже не остается ни сил, ни времени, ни даже желания.

Нельзя не обратить внимания и на то, что в настоящее время существует около (по другим данным – *свыше*) двух тысяч территориальных споров между субъектами Российской Федерации. Практически нет таких субъектов Российской Федерации, которые не предъявляли бы те или иные территориальные претензии к своим соседям, в том числе к соседям зарубежным (если субъекты РФ граничат с ними). И совсем уж недопустимо, чтобы глава одного субъекта Федерации добивался присоединения к нему другого ее субъекта¹.

На протяжении по существу всей истории России наблюдалась отчетливо выраженная тенденция перетекания всевозможных достижений, включая достижения экономические,

технические, интеллектуальные, культурные, из окраинных регионов России в ее центральные регионы. Периферийные регионы всегда, как могли, сопротивлялись этому процессу, ставя ему всяческие заслоны, а также поддерживали таланты, стимулируя приверженность их «родному дому», но центр всегда легко и просто взламывал любые подобные меры и фактически обескровливал регионы. Что-то начало меняться в этом вопросе после того, как окраинные регионы получили возможность самостоятельно устанавливать международные связи и получать какое-то содействие из-за рубежа. Тогда и центр, что называется, проникся интересами регионов и что-то начал делать для них. Ярким примером является некоторое улучшение положения в Северокавказском регионе и на Дальнем Востоке¹. Следует признать положительным опыт удержания ценных кадров в регионах (ученых, инженеров, врачей, учителей и ряда других категорий работников) посредством различных региональных программ, включающих, в частности, повышенные оклады, целевые кредиты (на приобретение жилья, земельных участков, автомобилей), дополнительные пособия на детей.

Непринятие мер к разрешению отмеченных выше споров между субъектами Федерации федеральным центром не только консервирует «застарелые болячки», но и лишний раз позволяет центру сохранять свою исключительную значимость в решении такого рода споров. Позиция «разделяй и властвуй», к сожалению, и здесь еще дает о себе знать.

В данной связи полагаем, что существенное нарушение законодательства, регулирующего взаимоотношения между центром и регионами, а также между отдельными регионами, тоже должно стать предметом определенного уголовно-правового внимания.

Пятая государственно-правовая закономерность, нуждающаяся в осмыслении в контексте проблематики уроков истории и их учета с использованием в том числе соответствующего уголовно-правового инструментария, состоит в чрезвычайной важности каждого региона в судьбе государства. Без регионов нет государства, и в каждом государстве нужен свой баланс общей и региональной власти. Точно так же, как часть не может управлять целым, так и целое не может полностью и безраздельно

¹ См., например: Камаев А. Кадыров хочет присоединить Ингушетию к Чечне? Средства массовой информации... обсуждают споры лидеров двух братских народов... // Понедельник. 2012. № 33. С. 6.

¹ См.: Дробышева И. Все на кампус. Дальний Восток борется с утечкой умов // Российская газета. 2012. 23 августа. С. 5.

управлять каждой из своих частей – какие-то управленческие полномочия должны оставаться за регионами. Иначе могут существенно расшириться пределы центрального управления, осуществляемого, так сказать, в ручном режиме, а заодно могут расшириться и пределы вмешательства центра в компетенцию регионов и подмена их полномочий своими собственными.

Необходимо согласование воли регионов с волей страны, а воли страны – с волей регионов. Как «хвост не может крутить собакой» по своей прихоти, так и «собака не может крутить хвостом» без всякой к тому необходимости. И если власть в стране не отвечает ее насущным нуждам, а вместе с тем и нуждам ее регионов, то любой из регионов может, опираясь на свои собственные возможности и возможности регионов-соседей, взять на себя отдельные полномочия центральной власти и отстоять утраченные позиции. Точно так же, как и центральная власть при необходимости может взять на себя защиту интересов любого из своих регионов, если последний оказывается по той или иной причине не способным самостоятельно решить свои же проблемы.

Эти положения хорошо иллюстрируются, в частности, ролью нижегородского края в истории России. Если бы в 1611 году К. Минина и Д. Пожарский не мобилизовали десятки тысяч нижегородских ополченцев на освобождение Москвы от польской армады, то сегодня, может быть, не было бы и самой России. А была бы, скажем, Речь Посполита протяженностью от Германии до Аляски. С другой стороны, центральная власть совершенно обоснованно делает в настоящее время все возможное и невозможное для подъема, например, уральского, сибирского, дальневосточного, северокавказского регионов, оказавшихся в результате известных событий и обстоятельств в крайне тяжелом экономическом положении.

Возвращаясь к миссии нижегородского края в истории России, еще раз подчеркнем ее исключительную важность еще и потому, что в течение длительного времени этот край по праву считался «карманом» России (Санкт-Петербург – ее *голова*, Москва – *сердце*). Не случайно то, что именно в Нижнем Новгороде в 1913 году в честь 300-летия династии Романовых построено лучшее в стране здание банка. Нынешнее 400-летие образования данной династии тоже сопровождается в этом городе большим строительством. В Нижегородском крае в 1817 году была

основана знаменитая на весь мир Макарьевская ярмарка, ставшая затем Нижегородской ярмаркой. В связи с тем, что Нижний Новгород никогда не разрушался войнами, в нем сохранялись многие ценности России, в том числе Нижегородский Кремль, самобытная архитектура, уникальные книжные фонды, о чем имеются интересные публикации¹. Именно отсюда начинались творческие пути многих российских гениев, включая Максима Горького и Федора Шаляпина.

Все это наглядно свидетельствует о том, что история регионов – это в значительной мере еще и история страны. По сути, каждый регион любой страны играет в ее истории принципиально важную роль. Какой-то регион играет в стране более значительную роль, какой-то – менее значительную, но каждый из них – всегда роль именно принципиально важную. И именно поэтому Россия должна оставаться единой и неделимой. Как свидетельствуют осведомленные люди, в свое время Л.И. Брежнев так ответил японцам на их просьбу «вернуть» четыре острова Курильской гряды – Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи («Почему бы вам, – спрашивали они нашего знаменитого генсека, – их не отдать нам, ведь вы – такая большая страна, а мы – такая маленькая...»): «Да мы потому и большая страна, что никогда, никому и ничего не отдаем...».

Но Аляску... все же отдали в 1867 году американцам, как и кое-что еще потом уже другим странам. Не бесплатно, конечно, за деньги, а именно путем совершения сделки купли-продажи. И это было не чем иным, как началом последовавшего спустя 125 лет полного распада страны – 8 декабря 1991 года, как известно, в Беловежской Пуще были подписаны Б. Ельциным, Л. Кравчуком и С. Шушкевичем (по инициативе и при непосредственном участии Бурбулиса, Шахрая, Козырева, Илюшина) соответствующие соглашения о преобразовании СССР в СНГ (Содружество Независимых Государств).

Вопреки официальной версии о том, что распад СССР был неизбежным и что преобразование его в СНГ было лишь формой «цивилизованного развода» составлявших страну основных административно-территориальных образований, существует и иное (диаметрально противоположное) мнение, в том числе тех, кто в свое время (конец 60-х – начало 70-х годов прошлого века)

¹ См., например: Галай Ю.Г. Книжный Нижний. Н. Новгород: Изд-во «Книги», 2007.

в связи с расхождением политических взглядов покинул нашу страну, а затем за рубежом сделал стремительную карьеру, достигнув больших должностных высот.

Например, оставивший страну в 1969-м Яков Казаков (ныне – Яков Кедми), еще в конце 70-х годов ставший заметной фигурой секретной службы Израиля «Натив», а в 90-е возглавивший ее (и, кстати, организовавший выезд за рубеж сотен тысяч граждан нашей страны, тем самым активно разваливая ее изнутри), сегодня говорит: «Я не считал и не считаю, что распад СССР был неизбежен. При другом руководстве и более разумной политике единое государство существовало бы и сегодня. Если бы ваши руководители (М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин и др.) не потеряли контроль над ситуацией, то развитие событий могло быть иным. Как, скажем, это произошло в Китае, где власти нашли разумные пути выхода из кризиса, избежали угрозы распада. Китайские власти оказались менее догматичными и более эффективными, чем советское руководство конца 80-х – начала 90-х. У вас не было краха коммунизма. Был крах системы в той форме, в которой она существовала и деградировала к концу 80-х»¹.

Наряду с разрывом экономических, социальных, культурных и иных связей между бывшими союзными республиками, ставшими самостоятельными государствами, а также отношений сотрудничества и взаимопомощи, опасные последствия распада СССР привели к разбазариванию и распродаже национальных ценностей, начиная от природных ресурсов и кончая интеллектуальным потенциалом страны, включая его носителей – людей («утечка мозгов»). И только сейчас эти губительные процессы начали постепенно замедляться. По данному поводу известный физик и популяризатор научных знаний Сергей Капица незадолго до своего ухода из жизни (14 августа 2012 года) отмечал, что «общество, особенно в нашей стране, совершенно перестало ценить носителей знаний и культуры. Когда-то Ленин сто неугодных режиму мыслителей выставил из страны, а новая Россия, не задумываясь, выгнала десятки тысяч лучших своих умов»².

С учетом сказанного представляется целесообразным включить в уголовное законодательство статью об ответственности за любые действия, направленные на раскол Российской Федерации или отторжение от нее хотя бы самой малой ее частицы. Ни правительство, ни президент, ни Госдума и вообще никто и ничто не могут и не должны «регулировать» пограничные споры путем передачи соседним странам хотя бы самой малой части своей территории, будь то остров, полуостров, континентальный шельф, залив, бухта, лиман или что-то вроде этого. Присоединение к России – да, отсоединение от нее чего бы то ни было – нет. То же самое следует сказать и о криминализации любых действий, влекущих эмиграцию ученых, инженеров, врачей, учителей и других особо ценных работников, бегство капиталов, вывоз иных ценностей за рубеж. Воры, казнокрады, коррупционеры, как и террористы, экстремисты, сепаратисты, предатели, бандиты и прочие опасные преступники, *могут* покидать страну (если их не удастся по тем или иным причинам отправить за решетку), но все остальные люди нам нужны.

Необходимо принять закон, который категорически запрещал бы (и, естественно, строго наказывал бы) не только подобные «цивилизованные разводы», но и всякое идейное обоснование или политическое оправдание их. Оправдание так называемых Беловежских соглашений, как, впрочем, и оправдание отторжения Крыма от России должно влечь такую же уголовную ответственность, как и сами подобные соглашения или отторжения. «Цивилизованный развод» возможен лишь между супругами, у которых брак оказался «завершенным», но не между административно-территориальными образованиями государства. Если, допустим, сегодня собрались бы тайком где-нибудь (скажем, в Елабуге, Костомукше или Йошкар-Оле) представители трех-пяти или даже больше субъектов Российской Федерации (а хотя бы и всех 83) и провозгласили преобразование России, например, во что-то типа СНГ-2, то кто бы стал церемониться с подобными отщепенцами? Ясно, что никто. Все эти люди в одно мгновение были бы просто уничтожены специально предназначенными для этого отрядами особого назначения, а все оставшиеся в живых пособники планировавшегося раскола страны надолго были бы отправлены под Магадан, причем, вполне возможно, на пожизненный срок. И это было бы, конечно же, единственно правильным решением.

¹ Снегирев В. Шеф самой тайной спецслужбы – о том, как был организован массовый выезд евреев из СССР // Российская газета. 2013. 31 января. С. 26, 27.

² См.: Медведев Ю. Этот невероятный Капица // Российская газета. 2012. 15 августа. С. 10.

Важно в безотлагательном порядке осуществить весь комплекс действий по расследованию событий 8 декабря 1991 года, приведших к искусственному разделу СССР, и дать им надлежащую юридическую оценку, естественно, с привлечением к ответственности всех тех, кто в этом повинен. Пока это не сделано, сохраняется шанс для сепаратистов всех мастей безнаказанно продолжать делать свое черное дело.

Вместо этого мы пока участвуем в принятии разного рода деклараций, придающих видимость легитимности подобным раскольническим действиям. Например, в Декларации глав государств – участников СНГ, опубликованной спустя 21 год после совершенного против СССР заговора (дата, обстоятельства, место и фамилии «подписантов» в публикуемом тексте декларации не указаны; как вытекает из других источников, документ подписан в начале 20-х чисел ноября 2012 года не то в Бишкеке, не то в Санкт-Петербурге) говорится буквально следующее: «Создание Содружества Независимых Государств было обусловлено объективной необходимостью в создании традиционных гуманитарных, экономических и других связей в исторических условиях...»¹. На самом же деле в результате состоявшегося 8 декабря 1991 года в Беловежской Пуще события все эти связи были *разорваны*. А если они спустя десятилетия и стали постепенно налаживаться, то не благодаря, а вопреки упомянутому событию. Усилия в направлении преобразования СНГ в реально работающий союз государств, в том числе исходящие от наших партнеров по этому Содружеству, можно только приветствовать². Тем более что они осуществляются в условиях жесткого давления со стороны отдельных политиков Запада, объясняющих такую свою позицию якобы «опасностью новой советизации» территорий бывшего СССР³.

¹ Декларация глав государств – участников Содружества Независимых Государств о дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества // Российская газета. 2012. 14 декабря. С. 19.

² См., например: Цинклер Е., Евлашков Д., Жээнбеков А.: наше партнерство обусловлено исторически. Спикер парламента Киргизии видит будущее своей страны в сотрудничестве с Россией // Российская газета. 2012. 29 ноября. С. 6; Мансуров Т. Как рождается новая Евразия. ЕврАзЭС критически переосмысливает опыт стран Евросоюза, что позволяет избежать типичных ошибок и не допустить воспроизводства бюрократических «навесов» // Российская газета. 2012. 30 ноября. С. 17; Обращение Президента Беларуси А.Г. Лукашенко к государствам – участникам СНГ. Минск, 1 января 2013 г. // Российская газета. 2013. 10 января. С. 2.

³ См., например: Воробьев В. Клинтон хочет «развалить» СССР. Госсекретарь США решила хлопнуть дверью // Российская газета. 2012. 10 декабря. С. 9.

Важно криминализовать действия или бездействие компетентных должностных лиц, приводящие к активизации эмиграционных процессов, в том числе влекущие выезд за рубеж людей, способных своим интеллектом и волей вернуть нашей стране статус мировой державы. Под особым уголовно-правовым вниманием должны быть при этом деяния тех представителей региональной власти, по вине которых осуществляется вывоз за рубеж детей. Не «с миру по нитке» должны собираться средства на лечение тяжело больных детей (как и взрослых тоже), а в организованном порядке и исключительно соответствующими компетентными государственными и муниципальными учреждениями.

Необходимо также усилить уголовную ответственность за незаконное усыновление (удочерение), переместив при этом признаки неоднократности и корыстных побуждений из диспозиции ст. 154 УК РФ в специально созданную для этой цели ч. 2 данной статьи. Особо строгой должна быть ответственность за данное деяние в случае совершения для целей отправки за рубеж, а также в соединении с подлогом документов или подкупом лиц, способных в силу наличия соответствующих служебных полномочий влиять на принятие решений. Противозаконная организация перемещения российских граждан за рубеж – это та же враждебная против Российской Федерации деятельность, направленная на ее фактическое уничтожение.

По-своему прав в данной связи Президент РФ В.В. Путин, указывающий на то, что наличие в мире стран с лучшими, чем в России, условиями проживания, еще не дает повода покидать страну ни нашим детям, ни нам самим. Иначе, сетует глава государства, кто же здесь останется? Надо, как справедливо полагает президент, подтягивать условия жизни в нашей стране до их уровня в развитых странах, особенно помогать тем, кто оказался по той или иной причине в крайне тяжелом положении.

И важно, чтобы эти жизненные условия в различных регионах страны были примерно равными, так как сохранение здесь любого дисбаланса с высокой степенью вероятности будет работать на развал страны. Нельзя допускать, чтобы гражданин России, живущий, например, в Москве или Санкт-Петербурге, и россиянин, проживающий, скажем, в Костроме, Иркутске или Чите, смотрели друг на друга с завистью, недоумением, злобой и, может быть, даже с презрением.

Представляется целесообразным отнести принятие отраслевого законодательства, включая его уголовно-правовой компо-

нент, к ведению регионов, сохранив за федеральным центром издание лишь основных положений данного законодательства. Регионализация отраслевого законодательства должна проводиться, разумеется, не по субъектам Федерации, которых в настоящее время насчитывается в стране, как уже упоминалось, 83, а по федеральным округам, которых сегодня у нас восемь. Практически это может быть осуществлено путем объединения усилий законодательных органов субъектов Федерации соответствующих федеральных округов.

Шестая государственно-правовая закономерность рассматриваемого ряда закономерностей состоит в тенденциях межгосударственной и общемировой экономической, социальной, правовой и иной интеграции, включая пространство Европы, Евразии, Азиатско-Тихоокеанского региона. Особо в этом плане нас интересует евразийское пространство, основной составной частью которого является Россия. Это пространство охватывает как постсоветские территории, так и некоторые государства соседнего зарубежья.

Если начавшиеся интеграционные процессы получают развитие, то сложившаяся к настоящему времени многополярность мира может быть еще более укреплена, что с учетом происходящего сейчас становления общемировых институтов управления стоит рассматривать как благо. По крайней мере биполярность (СССР и США) и однополярность (только США) мира можно считать пройденными этапами истории человечества, тем более если учесть последние достижения Евросоюза, Японии, Южной Кореи, Китая, Индии, Бразилии, ЮАР, а главное – претензии России на возвращение утраченного ею в результате осуществленного в 1991 году раскола статуса мировой державы.

С учетом этого нуждается также в дальнейшем изучении опыт таких объявивших о своей самостоятельности и тяготеющих к России государственных образований, закономерно сложившихся на постсоветском пространстве, как Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия. Историческая, территориальная, экономическая, правовая и духовная близость их к России гарантирует реализацию этими образованиями намеченных ими планов. Но им необходимо иметь свои собственные кодексы и другие законодательные акты, которые обеспечивали бы сохранение самобытности соответствующих народов, национальной идентифицированности, территориального единства, независимости.

Интеграционные процессы неумолимо ведут к образованию *наднациональностей* (в рамках нашей страны это, например, волжане, кубанцы, уральцы, сибиряки, дальневосточники, северокавказцы и т.д.), *интернациональностей* (международные интеграции: россияне, европейцы, японцы, американцы...) и *всеобщей национальности*, то есть национальности планетарной, а именно складывающейся в масштабах всего земного шара¹. Уже сегодня некоторые известные в мире люди называют себя гражданами планеты, то есть землянами, тем более что, как доказано учеными, все жители планеты произошли от общих прародителей. Похоже, что такое позиционирование встречает понимание со стороны общественного мнения.

Что касается российского законодательства, то в нем была бы, как мы полагаем, уместной норма об уголовной ответственности за действия, совершенные в ущерб интеграционным процессам в пределах формирующегося единого евразийского пространства.

Седьмая государственно-правовая закономерность, преподающая нам еще один важный исторический урок, нуждающийся в учете с опорой на потенциал в том числе уголовного закона, заключается в том, что история государства и права – это история не только государственно-правовых восхождений, достижений, свершений и т.д., но это еще и история всего того негативного, которое было, есть и, как можно предположить, еще достаточно долго будет сохраняться, а именно история государственных переворотов, смут, бедствий, бесконечных страданий, в том числе во имя настоящего и будущего, бегства ценностей за рубеж, перемещения туда же людей, представляющих нашу науку, технику, культуру, искусство, история преступлений и наказаний, история безудержной криминализации граждан, общества, власти². Как верно утверждает журналист Ф. Дзядко, отвечая на вопрос «Российской газеты» «О чем забывать нельзя?», «важ-

¹ На опасность игнорирования подобных интеграционных процессов справедливо указывает, например, министр Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) по основным направлениям интеграции и макроэкономике Т. Валовая (см.: Валовая Т. Испытание интеграцией. Какие ошибки Европы нельзя повторить Евразии // Российская газета. 2012. 5 сентября. С. 18).

² Проблема, например, коррупции в нашей стране известна, а вот то, что в ходе практически каждой широкой избирательной кампании выявляются десятки кандидатов на выборные должности с довольно тяжелым криминальным прошлым, всякий раз, подобно грому среди ясного неба, буквально взрывает общественное сознание. Например, накануне региональных выборов, состоявшихся 14 октября 2012 года (в ходе их в 77 субъектах Федерации состоялось свыше 4800 выборов разного уровня), «около 30 кандидатов были выдвинуты с имеющимися тяжкими статьями Уголовного кодекса» (Белов С. Денин день // Российская газета. 2012. 11 октября. С. 3).

но не забывать историю своей страны. И даже те вещи, которых нам следовало бы стыдиться...»¹.

Особо тревожит разительная и все увеличивающаяся пропасть между богатыми и бедными, а также продолжающееся обнищание значительной части нашего населения. Обращает на себя внимание, в частности, такая тенденция: чтобы ни происходило в стране или в мире, например рост или падение цен на нефть либо газ, главные наши экспортируемые природные ресурсы, определяющие саму возможность существования нашей страны в нынешних условиях, цены и тарифы (по сути на все товары и услуги) все равно у нас растут. Почему? Вразумительный ответ на данный вопрос никто дать пока не может. Правительственная пресса пытается объяснить данный феномен тем, что рост доходов россиян обгоняет рост нашей экономики. И при этом предупреждает, что если и дальше так будет продолжаться, то нас ждет безрадостное будущее².

Однако подобные соображения если что-то и объясняют, то далеко не все. Дело в том, что у нас вообще нет сколько-нибудь жизнеспособной экономики, по крайней мере в современном ее понимании. Главное сегодня – ее создать. Если рассуждать наиболее общим образом, то подлинной причиной всех наших бед является неорганизованность, то есть потеря управления. Будучи пока не способными создать высокоэффективную экономику, мы все еще позволяем ведение теневых форм хозяйствования, так называемую «двойную» бухгалтерию, миримся с тем, чтобы работники получали зарплату по нескольким ведомостям, «бегали» с одного места работы на другое (до одного миллиона человек в год меняют место работы). По данным «Российской газеты», четверть россиян работает без документального оформления³, а следовательно, с нарушением трудового законодательства. От налогов укрывается до 40% заработков. Из 87 млн трудоспособных граждан официально трудится лишь 70 млн человек. Отчисления в Пенсионный фонд поступают только от 48 млн человек, если не считать 12 млн работающих пенсионеров⁴.

Довольно острой остается у нас и проблема прав человека. Сегодня россиянам на *нарушения* их прав и законных интересов, ставших почти повсеместными и повседневными, практически некуда жаловаться, что признает даже правительственная пресса¹. Полиция, прокуратура, другие правоохранительные органы, суды, по существу, не реагируют на жалобы граждан, отработав такую систему «отписок», которая вполне устраивает вышестоящее чиновничество, поскольку оно больше озабоченно бесперебойностью поступления к нему коррупционных потоков. Чиновники не слышат и не хотят слышать ни граждан, ни прессу, которая, кстати, тоже, похоже, выработала стиль, позволяющий по-тихому «спускать пар» общественного недовольства. Как и весьма сносно при этом кормиться.

Довольно острую проблему представляет избирательный подход при уголовно-правовом реагировании. Да и сама хозяйственная деятельность пока у нас, к сожалению, в таком состоянии, что если «копать глубоко», то криминал в ней практически всегда можно найти. И находят. Но в основном в случаях, когда сама ситуация заставляет «копать глубже», то есть если предприниматель помимо какого-либо экономического нарушения замечен еще и в каких-то других нарушениях, скажем, избил работника, изнасиловал сотрудницу, попался на наркотиках, «послал подальше» проверяющего...

Но дело тут не только в несовершенстве экономических процессов, предоставляющих широкое поле для избирательного подхода в уголовно-правовом реагировании, и не только в том, что предприниматель нередко по ходу своей деятельности по уши втягивается в различные общеуголовные нарушения, но и в самом этом реагировании, весьма, кстати, чувствительном к любой критике «снизу». Здесь для примера можно привести случай с тремя девушками (Надеждой Толоконниковой, Марией АLEXИНОЙ и Екатериной Самуцевич – панк-рок-группа Pussy Riot), которые 3 марта 2012 года устроили в храме Христа Спасителя необычную даже для нового времени акцию (20 секунд, стоя на коленях, крестились и примерно столько же совершали, как они сами это называли, панк-молебен со словами, призывающими Богородицу «прогнать» одного из активнейших функционеров действующей власти).

¹ О чем нельзя забывать? (ответы читателей на вопросы газеты) // Российская газета. 2013. 23 августа. С. 12.

² См., например: Козловский В. Будет как в Чили. Доходы россиян не соответствуют уровню развития экономики // Российская газета. 2012. 24 августа. С. 2.

³ См.: Российская газета. 2013. 10 января. С. 12.

⁴ См.: Невинная И. Дети, дайте займы // Российская газета. 2012. 27 августа. С. 1, 4.

¹ См.: Кривошапко Ю. Клиент всегда не прав. Почему покупатели в России остаются бесправными? // Российская газета. 2012. 30 августа. С. 10.

Участницы акции были арестованы, а затем осуждены по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство, совершенное по мотивам религиозной ненависти или вражды) к лишению свободы сроком в два года (впоследствии наказание одной из участниц акции – Е Самуцевич – заменено на условное). С учетом того, что еще совсем недавно сама власть в течение многих лет занималась гонениями на церковь, а именно рушила храмы, преследовала и даже физически уничтожала священнослужителей, подавая тем самым своеобразный пример для подражания, приговор мог быть, думается, менее строгим, конечно, если для него вообще имелись основания, поскольку никакой *религиозной ненависти или вражды* 20-секундная молитва (даже столь неуместная) не вызвала и вызвать не могла. Сам по себе этот мотив отсутствовал. В данном случае более отчетливо просматривался мотив, связанный с желанием участниц выходки привлечь к себе внимание своей экстравагантностью и ее политической окраской. Очевиден также расчет на шум в прессе, в том числе зарубежной, на то, чтобы снискать славу «смелых девчонок». Не исключена здесь и сугубо меркантильная личная заинтересованность, то есть стремление сорвать лавры «мучениц», а затем всю жизнь кормиться подачками от оппозиции и определенных зарубежных организаций, которые, собственно, может быть, и инициировали весь этот шабаш в храме. По крайней мере в глазах значительной части людей (как у нас в стране, так и за рубежом) вынесенный девушкам приговор выглядит как весьма спорный и даже в чем-то напоминающим наше не столь уж давнее прошлое, когда агитация или пропаганда, в том числе на темы о соответствии или несоответствии главных функционеров власти представлениям народа о том, какими они должны быть (кстати, тогда криминализации подвергались именно агитация и пропаганда, а не просто 20-секундные коленапреклоненные моления в церкви пусть даже о том же), могла стать основанием для столь жесткой репрессии¹.

¹ Советская юридическая литература (в данном случае цитируется позиция члена-корреспондента Академии наук СССР проф. А.А.Пионтковского – ведущего специалиста в области уголовного права) трактовала агитацию и пропаганду (в контексте ст. 70 УК РСФСР 1960 года – антисоветская агитация и пропаганда) соответственно как «*деятельность*», (курсив наш. – П.П.) направленную на распространение какой-либо идеи среди широкого круга лиц» (агитация) и как «*деятельность* (курсив наш. – П.П.) по распространению многих идей, но в ограниченном круге лиц» (пропаганда) (см.: Курс советского уголовного права. Т. IV. М.: Наука, 1970. С. 116). Сам по себе термин «деятельность» здесь все объясняет. То есть установка здесь такая: для того чтобы человека «посадить», недостаточно было ему про-

Следственный же комитет РФ, браво рапортуя об очередных «победах» над коррупцией (например, по данным руководителя Комитета А. Бастрыкина, в 2012 году выявлено свыше 20 тысяч фактов взяточничества, в том числе возбуждены уголовные дела против 1568 «неприкасаемых», включая 509 местных депутатов, 150 следователей, 42 прокуроров, 11 судей...)¹, вместе с тем ничего не предпринимает для *предупреждения* подобных преступлений, а также для борьбы с так называемой верховой коррупцией. В результате такого попустительства коррупционный шабаш в стране только усиливается². Тем более что из 20 тысяч фактов взяточничества лишь в отношении чуть больше полутора тысяч возбуждены уголовные дела. А сколько дел дошло до суда и какое наказание реально понесли коррупционеры, об этом главный следователь страны скромно умалчивает. Ясно, что вся эта борьба вылилась в простой «пшик».

В то же самое время, когда коррупция и казнокрадство добрались до самых высоких управленческих этажей и коридоров, включая оборонную, космическую и ряд других стратегически важных областей, снижается престиж власти как в глазах россиян, так и на международном уровне, падают космические аппараты, терпят катастрофы самолеты³, тонут морские суда, происходит все большее разложение чиновничества, изобретающего все новые схемы шельмования граждан. Так, фотографии должников показывают соседям по дому, выставляют на щитах в людных местах, «крутят» в общественном транспорте⁴.

Чиновничество все больше обкладывает людей все возрастающими тарифами, ценами, налогами, сборами, штрафами, пенями, перекрывая при этом «задолжникам» все пути, вплоть до

сто «открыть рот», то есть что-то сказать. Тут надо было обстоятельно «поработать» с *идеями*, втолковывая их в головы того или иного круга людей. Полагаем, что в целях устранения неоднозначного толкования соответствующих составов преступлений используемые при их (составов) описании расплывчатые термины типа «призывы...», «мотивы ненависти или вражды...» и т.п. целесообразно заменить на словосочетание «агитация и пропаганда...», то есть на более четкие и понятные термины. Тогда следственно-судебная практика не будет раскалывать общество, вынося на основе одних лишь слов-звуков столь спорные приговоры.

¹ См.: Козлова Н. По делам судите их. Александр Бастрыкин уверен, что неприкасаемых для его ведомства нет // Российская газета. 2013. 15 января. С. 1, 6.

² См., например: Пинкус М. Под «крышей» собственной безопасности. Таможенники Южного Урала действовали как бандиты // Российская газета. 2013. 15 января. С. 3.

³ См.: Ячменникова Н. Взлет без посадки. Россия держит первое место в мире по количеству авиакатастроф // Российская газета. 2013. 10 января. С. 4.

⁴ См.: Куликов В. Долги на просмотр. Фото алиментщиков крутят в автобусах // Российская газета. 2013. 22 января. С. 9.

перечеркивания конституционного права на свободу передвижения. Например, в 2012 году в списки невыездных (за рубеж) было без всяких судебных решений включено 426 тыс. человек¹. И это происходит в то время, когда, несмотря на в целом низкие зарплаты, задолженности работодателей по их выплате и растущие не по дням, а по часам цены и тарифы, все почтовые отделения и отделения Сбербанка России буквально забиты платежниками, не желающими попасть под пресс всевозможных санкций за просрочку платежей.

Судебные приставы в своих взыскивающих притязаниях к должникам уподобляются подчас бандитам с большой дороги: забирают автомобиль за долги прежнего владельца, дактилоскопируют должников, арестовывают даже входные железные двери квартир, детские игрушки, горшки, носочки за долги матери, кошек, собак, хомяков, сковородки, джинсы, у должников по алиментам подчас отнимают водительские удостоверения, а иногда и машины, доводя порой должников до самоубийства².

По данным правительственной прессы, к среднему классу в России относится только 26% наших граждан³. Правда, субъективно «средняками» считает себя, по данным социологических опросов, половина россиян (практически все остальные относят себя к разряду «бедняков», не считая небольшой прослойки достаточно обеспеченных людей, богачей и сверхбогачей), но так

как объективный взгляд на данную проблему показывает, что половина из них («средняков») не имеет средств для приобретения элементарной бытовой техники, то фактически таковыми («средняками») является действительно примерно лишь четверть наших граждан¹.

Таким образом, если удельный вес элиты обозначить десятью процентами, то низший класс будет составлять примерно две трети населения страны, что, конечно же, тревожно, так как рассчитывать на то, что бедные будут «двигать прогресс», а тем более терпеть и дальше сложившийся порядок вещей было бы крайне опрометчиво и неосмотрительно. Хотя, как принято считать, не «сытые», а именно «голодные» – главная движущая сила развития, но тем не менее, совершенно очевидно, что чем больше «голодных», тем труднее мобилизовать общество на решение общих задач. «Голодные» *могут* стремиться что-то делать, но, во-первых, в основном лично для себя (а не для других или страны в целом), а во-вторых, чаще откровенно варварскими методами (кражами, грабежами, разбоями, вымогательством, корыстным бандитизмом, корыстными убийствами и т.д.). К тому же эти люди весьма податливы на призывы разного рода экстремистов, националистов, сепаратистов и прочих деструктивных элементов, что, безусловно, создает дополнительные проблемы.

К сожалению, наши социологи, постоянно обнаруживая в ходе проводимых исследований обостряющиеся социальные проблемы, вместо того чтобы бить тревогу, успокаивают, как могут, власти: мол, «дела идут пока не так плохо», «все нормально», «бывает хуже» и т.п.² Между тем, согласно опросам тех же социологов, 58% наших граждан обеспокоены возрастающими тарифами ЖКХ и в то же время разваливающимися многоквартирными жилыми домами (текут крыши, трубы, в кранах – ржавая вода, трескаются стены, обваливаются потолки, падают балконы, в подвалах и у подъездов хозяйничают крысы и т.д.), 51% – низким уровнем жизни, 50% – коррупцией и бюрократизмом, 43% – плохим здравоохранением, 37% – социальным обеспечением, 36% – безработицей, 32% – неблагоприятным положением

¹ См.: Цифра (редакционная информация) // Российская газета. 2013. 15 января. С. 9.

² См., например: Баршев В. Проезд закрыт. Должники по алиментам останутся без прав // Российская газета. 2013. 16 января. С. 5; Куликов В. Погрозы пальчиком. Судебные приставы проведут дактилоскопию подсудимых должников // Российская газета. 2013. 17 января. С. 3; Голубкова М. Поверил на слово. Судебные приставы забрали автомобиль за долги прежнего владельца // Российская газета. 2013. 17 января. С. 10; Приставы арестовали входную дверь должника (редакционный материал) // Понедельник. 2013. № 3. С. 21.

³ См., например: Шадрин Т. Берут не по чину // Российская газета. 2012. 4 октября. С. 3; Смолякова Т., Грицюк М. В рабочем порядке. Предприятия задолжали своим работникам два миллиарда рублей // Российская газета. 2012. 4 октября. С. 1, 5; Козловский В. Порок бедности. Только каждый пятый в России не стеснен в деньгах и имеет нормальное жилье // Российская газета. 2012. 21 ноября. С. 5; Кривошапко Ю. Джини не хочет в бутылку. Пропать между богатыми и бедными доведет мир до беды // Российская газета. 2012. 30 ноября. С. 4. Например, в Нижегородской области 148,4 тыс. чел. зарабатывают до одного миллиона рублей в год, 93 чел. – до 100 млн руб., столько же – от 100 до 500 млн руб., 15 чел. – от 400 млн до миллиарда, 8 чел. – от одного до десяти миллиардов рублей. Это в основном люди, работающие в сфере строительства, торговли, в брокерских конторах, на рынках ценных бумаг (см.: Понедельник. 2012. № 35. С. 2). Но в то же время сотни тысяч жителей этой области впадают буквально жалкое существование, не имея даже самого необходимого для жизни, в том числе элементарных жилищных условий, еды, одежды, обуви и т.д.

¹ См.: Новоселова Е. Пустите в серединку. Российский средний класс не любит наркоманов, геев и приезжих // Российская газета. 2012. 21 августа. С. 12.

² См., например: Добрынина Е. Дело не труба. Чего россияне ждут от 2013 года // Российская газета. 2013. 10 января. С. 3.

молодежи, 26% – образовательной системой, 25% – преступностью, 23% – неэффективной экономикой, 21% – пагубным влиянием на ситуацию в стране олигархов, 19% – катастрофическим состоянием природы, 15% – проблемами армии, 14% – терроризмом, 13% – ухудшением демографической ситуации, 11% – задержками выплаты зарплаты¹.

По поводу снижающегося уровня жизни значительной части россиян аналитики высказывают самые мрачные прогнозы. Например, известный поэт и публицист Ю. Кублановский с горечью констатирует: «В 1917 году российский люмпен вышел на улицу и с тех пор с нее не уходил: только менял обличье. Это люди без национальной культуры и чувства Родины... Не дай бог дожить до того времени, когда придут катаклизмы, а они придут, может быть, в 30–40-е годы этого века. Если народ наш будет в том же состоянии, как сейчас, и у него будет такой же «бомонд», некому будет защищать отечество. Все мы поставлены на исторический счетчик...»².

И здесь на одних гастарбайтерах, за приток которых в страну все еще выступает правительственная пресса³, не «выехать». На вражеские амбразуры, они, конечно же, не пойдут. Да и вообще, вряд ли будут защищать рубежи чужой и чуждой им страны. Скорее всего, переметнутся на сторону врага. Поэтому, наряду с действительным и достаточно обширным средним классом, необходимо формировать столь же действительное и обширное ядро коренных жителей страны, а также укреплять межнациональные связи, которые к настоящему времени существенно ослабли.

Между тем, как сообщает нам все та же правительственная пресса, «Россия уже подошла к краю демографической пропасти: наше трудоспособное население сокращается на миллион человек... каждый год»⁴. Понятно, что такой вывод делается с целью обосновать наращивание притока в нашу страну иностранных рабочих, но и сам по себе он весьма тревожен. Необходимо делать *реальные* шаги в направлении формирования среднего класса, но именно такого класса, который состоял бы преимущественно не из «пришельцев», а из *традиционного* населения.

¹ Там же.

² См.: Виравов И. Исторический счетчик. Поэт и бывший диссидент Юрий Кублановский – о злобе людей, вечной раздвоенности и третьем пути // Российская газета. 2012. 16 августа. С. 26, 27.

³ См., например: Графова Л. Кто толкнул ее под поезд? Зачем пугать себя и других жуткими историями про вину гастарбайтеров // Российская газета. 2012. 28 августа. С. 2.

⁴ Там же.

В своих выводах по вопросу о региональных аспектах исследуемой проблемы аналитики буквально мечутся, шарахаются из крайности в крайность от предложений предоставить полную свободу регионам до предложений максимально ограничить ее. При этом приобретает остроту и сам вопрос о русском языке. Одни ученые считают, что русский язык должен оставаться главным объединяющим фактором в стране¹, другие же предлагают потеснить его, причем не только в национальных субъектах Федерации, но и в стране в целом.

Например, академик РАН В.Тишков утверждает: «Чтобы Москва воспринималась столицей всеми жителями страны, Останкинская башня должна излучать не только «русскоязычные волны»: хотя бы по 30 минут нужно вещать на татарском, чувашском, чеченском и других языках»². Звучит, вроде бы, убедительно. Но ведь если согласно последней переписи в стране 193 народности, говорящие на 171 языке (по другим данным – на 278 языках, включая давно осевших в России украинцев, белорусов, армян и т.д. и трудовых мигрантов из-за рубежа, то есть нынешних наших так называемых гастарбайтеров), то что же тогда, спрашивается, останется в эфире для русского языка, если каждому из других языков предоставить «хотя бы 30 минут»?

Выделить для каждого языка отдельный канал невозможно, а «загнать» все их на какие-то отдельные каналы означало бы не что иное, как своеобразную их «резервацию». Да и откуда в сутках найдется столько времени, чтобы хватило, как говорится, всем сестрам по серьгам? А если такое при современных технологиях как-то и удалось бы осуществить, то закономерно возникает вопрос, а не получим ли мы в этом случае то, что вышло при строительстве Вавилонской башни, когда люди, начавшие говорить на разных языках, просто перестали понимать друг друга? Похоже, наши уважаемые академики над подобными вопросами не задумываются. А надо бы. Гораздо рациональнее было бы, на наш взгляд, выделить на ТВ два-три канала, которые были бы посвящены нашему интернациональному содружеству, и на них вести передачи по истории, культуре, традициям, обычаям, языкам и другому достойно народов России.

¹ См.: Торопов С. Осторожно: национализм // Российская газета. 2012. 27 августа. С. 2.

² См.: Тишков В. Путь к себе. Эксперты ищут ответ на русский вопрос // Российская газета. 2012. 24 августа. С. 1, 9.

Наряду с прочими негативными факторами, обуславливающими нынешнюю не вполне приглядную ситуацию в стране, важно указать на непомерную для нее (страны) численность чиновников. Их штаты настолько быстро растут, что становятся для нашей экономики уже, прямо скажем, неподъемными. Тем более что сами чиновники уже настолько глубоко и широко проникли в экономику, что впору называть ее государственным капитализмом. Создав себе соответствующие преимущества, в том числе осуществляемые посредством коррупционного давления на конкурентов, рейдерских захватов и иного административного ресурса, чиновники основательно подорвали главный рычаг рынка – состязательность.

Беды страны можно было бы сократить по меньшей мере в два раза, если хотя бы на треть сократить армию государственных и муниципальных служащих, расширяя при этом сферы организационного, правового и общественного контроля над ними. Конечно, особенности России (холодный климат, безбрежные пространства, традиционная наша недисциплинированность, запущенность проблем и т.п.) требуют достаточно *разветвленной* системы управления, но в условиях ее сплошной компьютеризации возрастают и возможности внедрения в управление так называемых электронных чиновников по типу лежачих полицейских.

Между тем пока все меры по сокращению чиновников реально приводят только к увеличению их численности, а следовательно, к увеличению коррупции. Попытки же правоохранительных органов инициировать уголовные дела по таким фактам в большинстве случаев, как уже отмечалось выше, оканчиваются ничем¹. В данной связи в народе небезосновательно говорят, что если, например, министр причинил больше вреда, чем Аль-Каида, но меньше, чем авария на Чернобыльской АЭС, то он – эффективный управленец. Так было у нас, например, с «эффективным» (по версии премьера Д. Медведева) министром обороны А. Сердюковым, по сути, загубившим дело обороноспособности страны и в силу своекорыстия причинившим ей материальный ущерб на многомиллиардные суммы.

Достаточно сказать, что если в бывшем СССР численность чиновников составляла 2,5 млн человек, то в нынешней России – уже 6 млн человек, хотя население страны снизилось за соответствующий период более чем вдвое – с 290 млн до 143 млн человек. Тем не менее расходы на содержание чиновников в России сегодня сопоставимы с теми же расходами в США – 29,5 млрд в России и 31,2 млрд долларов в Соединенных Штатах Америки. И это при том, что нынешняя численность нашего населения в два с лишним раза меньше, чем в США, где около 315 млн человек. А, кстати, ВВП в США больше нашего более чем в восемь раз – 1,8 против 15,2 трлн долларов США¹.

К сожалению, не уменьшаются, а только растут различия в уровнях жизни в регионах². Чем дальше регион от Москвы и Санкт-Петербурга, тем эти различия разительнее и быстрее растут. Сложившаяся практика федерального центра брать деньги у одних регионов и передавать их другим создает дополнительные трения как между регионами, так и между ними, с одной стороны, и центром – с другой. Например, Северокавказский регион ежегодно получает от других регионов (через центр) примерно 360 млрд рублей³ (Р. Кадыров не стесняется утверждать, что это «Аллах дает...»), чего хватило бы для решения многих социальных проблем в стране. Понятно, что если подобные негативные тенденции будут сохраняться и дальше, то распад Российской Федерации станет лишь вопросом времени.

Необходимо сделать все для выравнивания уровня жизни по всей стране. Другое дело, что при этом не следует шарошить в другую крайность, то есть, повышая уровень жизни на периферии, отнюдь не обязательно ввергать в бедность и нищету центральные регионы. Достаточно того, чтобы уровень жизни на периферии был лишь на какие-то проценты выше соответствующего уровня в центре – прямо пропорционально отдаленности регионов от центра. Иначе будет сохраняться все та же

¹ См.: например: Министры Нижегородского правительства «потеряли почти полмиллиарда» рублей. Попытки прокуратуры выявить недостатки в работе министерств и ведомств, как правило, заканчиваются ничем // Понедельник. № 3. С. 4.

¹ См.: Минаев И. В России 6 млн тех, кто «не пашет, не сеет, не строит». Штаты администрации президента и правительственных структур пошли в резкий рост // Ленинская смена. 2012. 16 августа. С. 24.

² См., например: Грицюк М., Козловский В. Богач, бедняк. Росстат подсчитал зарплаты чиновников и количество малоимущих в регионах // Российская газета. 2012. 12 сентября. С. 1, 5;

³ См.: Как мы кормим Кавказ (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2013. № 3. С. 39; Иноземцев В. Кавказ закормили? Оправданны ли гигантские расходы бюджета? // Аргументы и факты. 2013. № 4. С. 10.

диспропорция, ведущая опять же к хаосу и, как его следствие, распаду страны.

И дело здесь заключается не только в различных уровнях жизни в регионах. Отмечается, в частности, такая довольно устойчивая тенденция: если в каком-то регионе появляется что-то плохое, то оно тут же с невероятной скоростью распространяется по всей стране. Если же где-то появляется что-то хорошее, то оно незамедлительно превращается в нечто плохое и опять-таки быстро распространяется по стране. А если и сохраняется, то в лучшем случае находит «прописку» лишь в столицах, то есть в Москве и в Санкт-Петербурге.

Например, когда в жилых массивах какого-то города начал появляться гаражный «самострой», то он буквально в течение года стал «достоянием» всех городов страны. С другой стороны, например, хорошие архитектурные проекты, если и появляются у нас, реально осуществляются, как правило, столь неряшливо и в таких уродливых формах, что лучше бы они вообще не появлялись.

Когда-то с подачи властей появился «почин» решать какие-то общие проблемы сообща, то есть, как говорится, «всемирно», в том числе с привлечением сил и средств волонтеров (субботники, сборы денег на лечение тяжелобольных, привлечение населения к достройке «недостроя», ликвидации последствий стихийных бедствий, техногенных катастроф и т.д.), но с течением времени выделяемые на решение подобных проблем средства начали просто разворовываться чиновниками.

Надо начинать с малого, а именно с нормализации работы жилищно-коммунальных, почтовых, банковских, полицейских, прокурорских, судебных и прочих учреждений, с приведения в порядок лестничных площадок жилых домов, их подъездов, почтовых ящиков в них, восстановления старых дорог и строительства новых, сноса ветхого и аварийного жилого фонда и строительства нового, ликвидации свалок, дымовых труб, сброса канализации в водоемы, восстановления погубленной природной среды, создания инфраструктуры отдыха, физического оздоровления, творческого развития, строительства в микрорайонах различных физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, налаживания работы учреждений общественного питания, реорганизации старых и создания новых (высокотехнологичных) производств, приведения в порядок детских, меди-

цинских и других учреждений, очищения чиновничества от коррупции, морально-нравственного оздоровления образования, культуры, спорта и т.д.

Должна быть устранена асимметрия и в государственно-правовых статусах регионов: республик, краев, областей, округов. Регионы с различными статусами не могут быть равноправными, хотя такого равноправия требует Конституция РФ (ч. 1 ст. 5). Округ всегда с завистью будет смотреть на область, область – на край, а край – на республику, имеющую, в отличие от других субъектов Федерации, свою собственную конституцию, как и многое другое уникальное, не доступное иным ее субъектам. Не могут, естественно, быть равноправными и люди, проживающие в регионах с разными государственно-правовыми статусами, хотя это равноправие провозглашено той же Конституцией РФ (ч. 1 ст. 19).

Все регионы должны обладать *равными* возможностями, так как именно в этом случае в стране не будет тех центробежных сил, которые могли бы буквально разорвать ее на части. Если в регионе представители какой-либо национальности являются преобладающими, то им ничто не может помешать развивать свою культуру, самобытность, свои традиции. Дальнейшее сохранение какого-то *особого* государственно-правового статуса и других подобных предпочтений, предоставляемых тем или иным регионам, оказывает им лишь медвежью услугу, поскольку провоцирует национализм и вбивает клин между представителями различных национальностей. Все это есть не что иное, как один из тяжелейших пережитков советского времени, который в срочном порядке необходимо преодолевать. Иначе межнациональные и межрегиональные трения могут уже сами по себе, то есть безотносительно к каким бы то ни было другим центробежным силам, привести к всплеску губительной для существования страны энергии больших масс людей. Задача же заключается в том, чтобы, устраняя подобные негативные факторы, формировать и приводить в действие энергию миллионов позитивного свойства, то есть энергию созидания, обновления и прогресса.

И дело здесь заключается, конечно же, не в том, чтобы уравнивать регионы *во всем* (то есть и в их худших состояниях), а в том, чтобы делать это исключительно в лучших состояниях. Например, если одни субъекты Федерации *наделены* правом иметь свои конституцию, герб, флаг и т.д., то и другие ее субъекты тоже надо наделить таким же правом. Другое дело, что 83 субъекта Федера-

ции – это слишком много для одной страны. Даже для такой большой, как наша. Они должны быть укрупнены и их число должно составлять, в конечном итоге, примерно 25–30 субъектов – с численностью населения каждого примерно 5–6 млн чел. и примерно равным экономическим и иным потенциалом. Нельзя сохранять такое положение, чтобы в одном нашем регионе преобладали промышленные предприятия, в другом – сельские, а в третьем – вообще не было бы никакой сколько-нибудь значимой экономики.

Итак, каким бы оскорбительным для нашей страны ни было сравнение дореволюционными историками ее истории с одним большим и растянувшимся более чем на тысячелетие уголовным делом, нельзя все же не принять его к сведению. Ведь, по существу, на всем пути исторического развития у нас все еще «куда ни кинь – везде клин», то есть жандармы, полицейские, казни, заточения, тюрьмы, побеги, снова тюрьмы и т.д. Да, у нас действительно не было рабства (по крайней мере в общепринятом его понимании), «Русская правда» вообще не упоминала смертную казнь, не пылали костры инквизиции, не происходили межнациональные побоища, практически не было серьезных военных поражений, а территория страны постоянно только расширялась. Но у нас было и нечто такое, что вообще обошло стороной все другие страны, а именно полнейшее пренебрежение грамотой, культурой, дисциплиной, гигиеной, духовными ценностями, впрочем, как и многими другими полезными вещами. Сегодня пришло время бешеными темпами наверстывать упущенное.

Никакая другая достаточно большая и развитая страна мира не была поражена коррупцией так сильно, как наша. Наглядной иллюстрацией к сказанному является, в частности, нынешнее практически поголовное увлечение сотрудников силовых структур коррупцией, то есть корыстной манипуляцией карательным и иным ресурсом с учетом интенсивности поступления и объема взяток не только в виде денег и вещей, но и возможностей служебного роста, что часто выражается одновременно и в совершении разного рода преступлений, в том числе самых опасных, включая такие, как хищение бюджетных средств, вымогательство, рейдерские захваты, государственная измена, пособничество терроризму, экстремизму, сепаратизму, бандитизму, убийствам и т.д.¹

Надо начать как-то выбираться из создававшегося у нас веками такого весьма неблагоприятного состояния. И для этого можно найти нужные пути, отдавая на первых порах предпочтение укреплению семейных уз, заботе о подрастающем поколении, планированию и осуществлению различных больших и малых социальных программ, формированию эффективной национальной, природоохранной, градостроительной и иной максимально приближенной к человеку политики, стремлению не потерять из виду буквально ни одной семьи, ни одного живущего в стране человека, не оставлять никого наедине со своими проблемами, тем более если человек жалуется, а порой буквально кричит о них, обращается во все инстанции от мэрий до президента и (как последний крик отчаяния) телеведущих типа Ксении Собчак, Андрея Малахова и Владимира Познера.

Каждый законопроект должен проходить историческую экспертизу подобно тому, как в настоящее время проводится экспертиза проектов нормативных правовых актов на коррупцию (взяткостоемость), то есть экспертизу на соответствие законопроектов историческому опыту законодательной деятельности, ее традициям, положительным результатам, а также на способность проектов обеспечить стране достойную перспективу. Но здесь важно не утопить дело в бесполезной трате сил на издание дублирующихся нормативных правовых актов об исторической экспертизе проектов буквально в каждом министерстве, ведомстве, в каждой мало-мальски значимой государственной структуре, как это сейчас происходит с нормативными правовыми актами об антикоррупционной экспертизе, административных регламентах и т.д. Такого рода документы должны быть *унифицированными*, едиными и в то же время пригодными для использования в любой государственной структуре. Иначе получается так, что мы имеем тьму нормативных правовых актов, причем ни один из них должным образом не выполняется уже потому, что выполнение столь многочисленного количества актов просто невозможно проконтролировать. Что, кстати, создает дополнительные лазейки для коррупции.

В ходе исторической экспертизы должна выясняться пригодность будущего закона с точки зрения его возможности обеспечить стране действительно *цивилизованное, обновляющееся и прогрессирующее* развитие. Говоря другими словами, прошедшие историческую экспертизу законопроекты должны гаран-

¹ См., например: Фалалеев М. Чужие среди своих. Начальник самой секретной службы МВД рассказал, как «услуги» полиции становятся бизнесом // Российская газета. 2012. 19 декабря. С. 1, 6.

тировать принятие таких законов, которые могли бы на многие десятилетия, а может быть даже столетия, вперед обеспечить России чистую, светлую, вдохновляющую историю, а не ту, которая была у нас до сих пор – «история-старуха», «история-разруха», «история-оплеуха», «история – уголовное дело», «история-тюрьма» и т.д. И, естественно, именно *настоящую* историю, а не историю, «нарисованную» нам какими-то мастерами «мажора» или, напротив, «минора» – от специалистов «историко-художественной кисти» до всякого рода «плакатных бумагомарателей», лакировщиков, конъюнктурщиков, очернителей и прочих компляторов полуправды и прямой лжи, манипуляторов мнениями, взглядами, умонастроениями, воззрениями, положениями, выводами и т.д. *Реальное*, а не завиральное превращение истории России из «истории-темницы» в «историю-светлицу» – вот тот путь, который должен стать столбовой дорогой российской государственно-правовой истории.

Любой нарушитель законодательства об исторической экспертизе законопроектов, то есть экспертизе на предмет возможного того или иного влияния будущих законов на судьбы страны, действующий в ущерб ее интересам, должен привлекаться к строгой ответственности, для чего в уголовном законодательстве необходимо создать соответствующие правовые основания.

Восьмая государственно-правовая закономерность, заслуживающая внимания под углом зрения проблематики уроков истории и их учета с использованием в том числе силы уголовного закона, состоит в том, что агрессивные войны обычно обусловлены привлекательностью ресурсов другой страны, ее пространств, человеческого потенциала, наличием пограничных споров, приграничными конфликтами, в том числе с государствами, стремящимися к расширению своего «жизненного пространства», к прямому захвату чужих территорий, поддержанию угодных и свержению негодных режимов, приходом к власти лидеров, подверженных разного рода чрезмерным политическим амбициям («нужна одна небольшая победоносная война...»), и уверенных в безнаказанности за осуществленную военную агрессию и пролитую кровь ни в чем не повинных людей.

В связи с увеличивающимися военными расходами нагрузка на бюджеты государств постоянно возрастает. Как справедливо заявляет председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике С. Караганов, «на ренессанс военной силы работает

общая дестабилизация международных отношений, прогрессирующее ослабление институтов международного, надгосударственного управления, эрозия международного права, постановка под вопрос принципа суверенитета и территориальной целостности... Складывается ситуация, когда государствам придется, возможно, все больше опираться на то средство, которое все еще остается под их контролем, – военную силу»¹. Чередующиеся одно за другим крупные военные учения изматывают государства, делают последние заложниками «игры мускулов», откладывают решение социальных программ на неопределенное время.

По существу, это и есть та холодная война, которая в свое время (можно сказать, еще до окончания – если не в самом начале – Второй мировой войны) велась США против СССР², с распадом СССР на какое-то время прекратившаяся (вернее перешедшая в состояние так называемого «холодного мира»), а затем, в начале нового века, вновь вспыхнувшая, но уже против России в связи с поставленной ею задачей вернуть себе утраченный статус мировой державы. Эти появившиеся признаки новой холодной войны выражаются, в частности, в подтягивании военных сил США и Европы к границам России и ответном наращивании ее нашей страной, в болезненном реагировании Запада на отражение нашей страной грузинской агрессии в Южной Осетии, на нашу позицию по Ливии и Сирии, осуждающую Запад в его стремлении «прибрать к рукам» экономики этих стран, в принятии США «Акта Магнитского» и ответном нашем «Закоме Димы Яковлева», в укрывательстве Западом северокавказских террористов и нашем вполне законном покровительстве американскому правозащитнику Эдварду Сноудену, а также во многих других подобных «обменах любезностями» во взаимоотношениях.

¹ Караганов С. В чем сила, брат? // Российская газета. 2012. 28 ноября. С. 12.

² Начало холодной войны обычно связывается с известной речью премьер-министра Великобритании У. Черчилля в марте 1946 года в Фултоне (США), в ходе которой он высказал идею о необходимости добиться военного превосходства США и Великобритании над СССР. А уже в апреле 1945 года, когда еще не отгремели залпы Второй мировой войны, он дал указание своему военному ведомству подготовить план войны против СССР, заявив, что Советский Союз представляет смертельную угрозу для США и Великобритании. При этом нельзя забывать и того, что пришедший в это же время (12 апреля 1945 года) к власти 33-й президент США Гарри Трумэн еще в начале Второй мировой войны (июнь 1941 года) безапелляционно заявлял: «Если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помогать России, а если будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии. Надо дать им возможность убивать друг друга как можно больше...». Само решение Г. Трумэна о сбросе атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки в августе 1945 года (в условиях, когда капитуляция Японии была неизбежной), нельзя рассматривать иначе, как психологическое давление на СССР с целью разговаривать с ним с позиции силы.

Все разногласия должны быть устранены в рамках международного права и на основе, прежде всего, переговоров и прочих встречных дипломатических шагов. Возможность ухода от холодной войны как предвестника войны «горячей» через состояние достаточно устойчивого мира (пусть даже вначале не вполне «теплого», но все же именно устойчивого) к миру настоящему (то есть к миру полного взаимного доверия), конечно же, имеется, и она должна быть реализована уже в самое ближайшее время.

В принципе, холодная война как межгосударственные взаимоотношения, в основе которых испытанный веками принцип «доверяй, но проверяй», есть обычная практика. В мире трудно (если вообще возможно) найти хотя бы один коллектив (даже если речь идет о коллективах творческих, например научных, театральных, писательских и т.д.), в котором постоянно не происходили бы какие-то интриги, сопровождающиеся подчас плесканием кислоты в лицо и даже убийствами, что же тогда говорить о взаимоотношениях между государствами? В определенной мере подобные противостояния являются естественным отражением той состязательности, которая в любой сфере деятельности не только возможна, но и принципиально необходима.

Другое дело, при любых условиях и обстоятельствах нельзя допускать такого развития событий, при котором язык дипломатии сменялся бы грохотом орудий. А если речь идет о коллективах и сообществах, то чтобы одни их участники не «съедали» других. Вспоминается в данной связи давнее высказывание известного советского поэта Е.А. Евтушенко о подлинно народном нашем поэте, композиторе и певце В.В. Высоцком: «Я разочарую фанатов Высоцкого, но у него нет таланта». И это вместо поддержки того, кто лучше, чем кто-либо выразил состояние того общества и предвосхитил появление этого.

Составляющими холодной войны являются войны политическая, социальная, экономическая, финансовая, интеллектуальная, культурная и т.д. Различными незаконными методами эти войны подчас буквально «взламывают» нормальные состязательные процессы в соответствующих сферах, и тогда мир буквально балансирует на грани настоящей войны. В свое время небезызвестный государственный деятель Германии Отто Бисмарк (первый рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 годах) напутствовал своих последователей, в частности, такими словами: «Могущество России может быть подорвано только отделением

от нее Украины... необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России...». В своих неоднократных попытках это осуществить Германия, к счастью, неизменно терпела поражение, но, к великому сожалению, усилиями М.С. Горбачева и в особенно Б.Н. Ельцина непоправимое все же случилось, и бывшее могущество нашей страны приходится теперь восстанавливать с невероятными трудностями. Первый из названных деятелей был вознагражден за свою раскольническую деятельность, как ни странно, Нобелевской премией мира, а второй – Орденом Гроба Господнего.

Между тем следует признать, что захватнические устремления и сегодня присущи отдельным зарубежным лидерам, которые порой довольно откровенно говорят о той или иной «зоне интересов» их стран в различных регионах земного шара. Вспоминается небезызвестная «железная леди» Маргарет Тэтчер, которая в бытность свою премьером Великобритании говорила, что Советскому Союзу вполне достаточно было бы всего 15 миллионов человек населения, то есть ровно столько, сколько необходимо для обслуживания ведущих на Запад двух труб – нефтяной и газовой. Поэтому можно понять Александра III, который еще в позапрошлом веке утверждал, что у России есть только два союзника – армия и флот.

Хельсинские соглашения 1975 года, в основе которых идеи нерушимости границ, мира и безопасности в Европе, постепенно стали забываться, а поэтому нуждаются в обновлении и распространении на все мировое сообщество. Но, естественно, это должно делаться на совершенно новой основе, а именно не на «укреплении» старых границ и возведении новых, а на повышении уровня их прозрачности. Чем прочнее граница, чем больше она «на замке», тем больше взаимного недоверия у сопредельных государств, а следовательно, больше и оснований для возможных конфликтов. Иногда приходится слышать даже такое: «Наличие границ есть потенциальная война»¹, в чем можно усмотреть лишь горькую иронию относительно их надежности. Но ведь и отсутствие границ может разделять народы, как показывает опыт, например, Евросоюза. Поэтому в устройстве рубежей государств, как, впрочем, и во всем, должен существовать определенный баланс: границы есть, но они должны работать на воспрепятствование взаимопроникновению лишь плохого. Что же касается хорошего, то оно должно свободно циркулировать по всему земному шару.

¹ Максимов А. На границах тучи ходят хмуро // Российская газета. 2012. 10 сентября. С. 10.

Уголовное законодательство в сложившейся ситуации не может обойтись без некоторых новых норм, которые были бы направлены на предупреждение, предотвращение и пресечение наиболее опасных посягательств на мир и мирное сосуществование государств, на их сотрудничество и взаимоподдержку. Это могли бы быть, например, нормы об ответственности за любое пособничество (в том числе финансовое) преступлениям против мира и безопасности человечества.

Девятая государственно-правовая закономерность, требующая извлечения из опыта ее функционирования еще одного важного исторического урока, состоит в том, что к кормилам государственной власти в XXI веке нередко пытаются прорваться (а иногда и прорываются) люди, не только далекие от интересов народов, но и вообще лукавые, корыстолюбивые и даже с существенными интеллектуальными, психологическими, морально-нравственными и другими дефектами.

Например, на протяжении уже более двух десятилетий мы наблюдаем блуждание в политике В.В. Жириновского, являющегося ныне вице-спикером Госдумы. Этот человек постоянно и, похоже, нарочито демонстрирует собой то, каким не должен быть политик, но тем не менее он всегда во власти. Так сказать, «вечный дед». Но самое нелепое заключается в том, что пока у нас нет сил, которые могли бы убрать его с политической сцены. Это, конечно же, дискредитирует власть, страну и всех нас, россиян, в глазах мирового сообщества, но, к сожалению, ничего реального не предпринимается для освобождения нашего политического пространства от этого «бусурмана» от политики. Благо был бы у нас он один такой, а то ведь в структурах власти их не счесть. Получается какой-то ансамбль политкомедиантов. Ясно, что система выдвижения на политический небосклон лучших из лучших дает у нас серьезный сбой. Ее надо основательно чинить.

Нужны законы, которые запрещали бы таким вот деятелям доступ к любым рычагам власти и управления. Если каждый кандидат на поступление на службу, например, в полицию проверяется на полиграфе (детекторе лжи), то и претенденты на различные чиновничьи (в том числе выборные) должности тоже должны подвергаться такой же процедуре. Должен быть заказан доступ к вхождению в структуры власти и управления лицам, которые запятнали себя на предыдущей работе, сотрудничали с организациями, чьи интересы противоречили интересам

российских граждан, например, с некоммерческими структурами, осуществлявшими свою антироссийскую деятельность на средства, поступающие из-за рубежа.

Необходимо формировать правовые механизмы вывода на орбиты государственной власти и управления достойнейших из достойнейших. Нужны конкурсы на занятие вакантных должностей, которые полностью исключали бы кумовство, родственные связи, землячество и, конечно же, коррупцию при поступлении на службу. Категорически должен быть заказан путь наверх людям с ослабленной психикой, пониженным уровнем интеллектуального развития, склонностью к нарушениям законов, норм морали и нравственности. Человек, смещенный с должности по отрицательным мотивам, не должен перемещаться по горизонтали или, тем более, по вертикали вверх. Он должен либо понижаться в должности, либо увольняться без перевода на любую другую достаточно ответственную работу.

Всякое «преемничество», обычай передавать должности «по наследству», «за деньги» или «просто так» в силу родственных, кумовских, дружеских, приятельских, любовных или иных подобных связей, в силу принадлежности к «землячеству», «команде», «клану» или «тандему» должны решительно пресекаться. Разного рода подпевалы, блюдолизы, казнокрады, коррупционеры, всевозможные «подпорки» в виде придуманных кем бы то ни было неконституционных «вертикалей» и «горизонталей» власти, бездумное растраниживание ресурсов и средств «налево и направо» – все это должно быть оставлено в прошлом, поскольку парализует власть и существенно тормозит развитие. Сбившиеся воедино «свои люди» не могут преодолевать собственный консерватизм, побороть в своей среде коррупцию, казнокрадство, косность и т.д. Они еще могут отлучить от власти проштрафившегося министра, но создать систему, которая не допускала бы просачивания во власть «зятьев», «братанов», «брательников» и прочих «свояков», включая тех, чьи биографии отягчены даже «тяжелыми» статьями Уголовного кодекса, не могут.

В силу именно фактора «преемственности» власти и всего того негативного, что с этим связано (административный ресурс, криминализация правоохранительных органов, коррумпированность чиновничества, «зачистка» политического пространства, фактическое обнуление прав человека и т.д.) цивилизационное отставание России от Европы оценивается аналитиками

как минимум в 50 лет. Догнать упущенное при сохранении отмеченных губительных факторов невозможно. Более того, вполне реально перспектива дальнейшего увеличения и ускорения нашего отставания – вначале на 75 (спустя четверть века), а затем (спустя еще четверть века) – и на 100 лет, после чего деструктивные процессы могут стать практически необратимыми. Вопрос о том, чтобы «догнать Европу», может отпасть сам собой.

Выход многие сегодня видят в сближении с Европой¹. Наша же позиция в данном вопросе состоит в том, чтобы сближаться с ней только в том, что нам приемлемо. А в том, что нам не приемлемо, в этом мы должны продолжать размежевываться. Если Жерар Депардьё, сыгравший Григория Распутина в известном российско-французском фильме, гоняет на скутере по улицам Парижа, находясь, как у нас говорят, «под мухой», а попав в ДТП, выясняет отношения с водителем машины, с которой столкнулся, полагаясь на грубую физическую силу, бесцеремонно мочится «по пьяни» в салоне самолета на глазах изумленных пассажиров, а затем, опасаясь резкого повышения во Франции налога «на роскошь», отказывается от французского паспорта, то где гарантия того, что, получив из рук В.В. Путина российский паспорт, он не будет и у нас совершать столь же экстравагантные поступки, а при каких-то неблагоприятных для артиста обстоятельствах не откажется и от него? Мы же открываем перед этим человеком все двери, встречаем его с хлебом и солью, предлагаем разные должности (от артиста до министра), квартиры, невест, а заодно и запускаем к себе все то, с чем давно уже не может мириться сама Европа. С другой стороны, мы совершенно не воспринимаем те уроки, которые преподносит нам Евросоюз, вообще отгородившийся от нас визовым режимом.

Чисто по-человечески, наверное, можно понять такую практику, когда, например, начальник цеха назначается на головную должность только потому, что имел случай отличиться своим высказанным в ходе президентской избирательной кампании оригинальным предложением «разобраться с оппозицией», но с точки зрения государственных интересов едва ли это можно понять. Тем более что здесь вполне отчетливо просматривается личная заинтересованность, состоящая в том, чтобы подкрепить свое личное положение у власти еще одним преданным «вассалом».

Мы против продвижения наверх и таких людей, которые добиваются карьерного роста путем возвеличивания «начальства», в том числе на научных конференциях, когда порой совершенно ничего не стоящим заявлениям и действиям руководителей придается едва ли не судьбоносное значение. Например, было просто стыдно за нашу науку, когда на одной из международных научных конференций именитый профессор на базе известной медведевской теории «о четырех «и» («институты», «инструменты» и что-то там еще), озвучил собственную подобную «теорию», но уже из 64 «и» – по числу клеток на шахматной доске («информация», «интеграция» и т.д.). К счастью, этот мастер столь большой крутизны в развитии мыслей руководителя не стал ни министром, ни каким-либо иным высокопоставленным чиновником, но другие такие же «аналитики» нередко ими все же *становятся*. За примерами здесь далеко ходить не надо – достаточно лишь внимательно оглянуться вокруг.

Кстати, что-то подобное наблюдалось затем и в отношении звучавших с высоких трибун предложений об устранении в стране «излишка» часовых поясов, советов всем нам «поумнеть», «подтянуться в морально-нравственном отношении»... В декабрьском (2012 г.) Послании президента В.В. Путина Федеральному Собранию РФ прозвучали, в частности, такие поучающие всех нас слова: «Сегодня российское общество испытывает дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи, дефицит того, что во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»¹. Так в чем же, спрашивается, тут дело? Что же, в конце концов, произошло, у нас такое, что так обрушило «скрепы», а заодно и все остальное? Почему раньше «скрепы» у нас всегда были, а сейчас их нет? Но идея запущена, и «скрепы» вновь и вновь появляются на страницах прессы в качестве каких-то судьбоносных начал духовного возрождения России.

Задумываясь над такого рода вопросами, нельзя не отметить, что подобная позиция, состоящая в том, что «народ у нас не тот...», «мельчает наш народ...» и т.д., давно, кстати, прописавшаяся в выступлениях некоторых наших лидеров, не прошла мимо внимания представителей элитарных слоев нашей интеллигенции, в том числе ученых-гуманитариев (например, академика Юрия Пиво-

¹ См.: Костиков В. О чем пропели «Pussy»? В России зреет энергия обновления // Аргументы и факты. 2012. № 33. С. 5.

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2012. 13 декабря. С. 3.

варова), писателей (например, Виктора Ерофеева), политиков (например, Валерии Новодворской) и даже космонавтов (например, Владимира Джанибекова)¹. Все они бьют тревогу по этому поводу и почти в один голос заявляют, что иного у нас и быть не могло.

Например, Ю. Пивоваров, исходя из того, что «забота о духовном здоровье нации не относится к компетенции государства», саркастически констатирует: «Конечно, президент может выражать беспокойство по поводу морального состояния общества. Но что из этого следует? Министерство культуры получит задание какую-то духовную скрепу создать... Мечтать сегодня о единой духовно скрепляющей – вещь очень опасная...». Бичуя всякого рода «официальные стяжки» в деле поднятия морального состояния общества, академик пытается убедить нас в их бесперспективности, так как «все мы до сих пор советские люди...», а «советский человек – это человек, потерявший даже свою этничность... Нужен другой тип личности... Наша задача – попытаться его конвертировать в личность европейскую... Иначе мы рискуем повторить известный немецкий путь...»².

Вину за то, что нынешний россиянин – это все тот же «плохой хороший человек», Ю. Пивоваров взваливает на отечественную культуру. «...Русская интеллектуальная культура XIX – начала XX веков... несет ответственность за то, что в дальнейшем произошло со страной... Вся русская культура... создала некие основы для последующего тотального нигилизма нового поколения по отношению к предыдущей культуре... Русская революция вырвалась из чернильницы русской литературы...»³. И так получается, что человек плох потому, что культура не та, а культура плохая потому, что литература не та. Так можно договориться и до того, что все дело в плохой чернильнице.

О каких, спрашивается, нормальных культурных представлениях академика о русской культуре может идти речь, если осмеянию предается сам золотой век русской литературы? Все становится на свои места, когда он отмечает: «Я сдаю в Московском университете пальто в гардероб, а там таджикские девчонки. Я говорю: «Можно повесить зонт?». Смотрят непонимающе...».

Чего не понимают таджикские девчонки? Того, что надо повесить на вешалку зонт, который передается им из рук в руки? Совершенно очевидно, что здесь, скорее всего, чего-то не понимает сам академик. Но если он теряется даже в такой простой ситуации, да еще к тому же с серьезностью, достойной лучшего применения, набрасывается с яростной критикой на известные образные выражения о том, что «умом Россию не понять, аршином общим не измерить», об «особом пути России», «загадочной русской душе» и т.д., то, спрашивается, как же после этого он может на страницах нашей правительственной прессы спокойно рассуждать о русском человеке, духовных ценностях, культуре, политике государства в данной сфере и т.д.?¹ Создается такое впечатление, что человек «поет» не иначе, как с какого-то чужого голоса.

Опасность пивоваровых не только в том, что они, находясь на содержании народа, поносят его как только могут, и даже не столько в том, что, втершись в доверие к государству и получив от него некий вексель доверия (академики РАН), они совершенно не понимают сути вещей, о которых пытаются рассуждать (в конце концов, не только одни пивоваровы в РАН), сколько в том, что они даже не пытаются чему-то научиться – даже у тех журналистов, которые берут у них интервью и по ходу что-то дельное им подсказывают. Например, политический обозреватель В. Выжutowич, которому Ю. Пивоваров излагает свои более чем сомнительные сентенции (не надо нам никакой общенациональной идеи, без нее спокойно обходится большинство европейских народов, это опасная вещь, Конституцией запрещено и т.п.), в ответ на них резонно замечает: «Хотите вы того или нет, но некая общая идеология... в сегодняшней России появилась. Это патриотизм». Далее В. Выжutowич справедливо говорит о проблемах, которые можно было бы более эффективно решать при наличии общенациональной идеи, например, о проблеме единения нации, поскольку у нас «все глубже линии раскола – между обществом и властью, бедными и богатыми, верующими и неверующими...». Академик же, пропустив это соображение мимо ушей, обвиняет в отмеченном углубляющемся расколе почему-то Петра I, его реформы и «современных западников и современных славянофилов»².

¹ См., например: Выжutowич В. Мы такие же, как все // Российская газета. 2013. 22 января. С. 11. В рубрике «Вопрос дня» по вопросу «Часто ли вам бывает стыдно за других?» летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Владимир Джанибеков // Российская газета. 2012. 22 ноября. С. 12.

² Выжutowич В. Мы такие же, как все // Российская газета. 2013. 22 января. С. 11.

³ Там же.

¹ Выжutowич В. Мы такие же, как все. Никакой особый путь России не предначертан, а в русской душе загадочного не больше, чем в немецкой или польской, считает академик Юрий Пивоваров // Российская газета. 2013. 22 января. С. 11.

² Там же.

Конечно же, в основу формирующейся у нас общенациональной идеи должны быть положены патриотизм, духовные ценности, интеллектуальный потенциал общества, решение социальных проблем, забота о детстве, юности и материнстве, крепкая семья, привлекательная для детей школа, надлежащее здравоохранение, хорошее пенсионное обеспечение, единение нации, создание эффективной экономики, справедливой политики, верховенство закона, общественный контроль, минимизация штатов чиновников и расходов на их содержание, правопорядок, законность, восстановление окружающей природной среды, дальнейшая интеграция страны в мировые созидательные процессы и т.д.

Иногда буквально в припадке какой-то фанатичной ненависти ко всему нашему историческому прошлому – царскому, советскому, ельцинскому или иному – некоторые наши аналитики договариваются вообще до полного абсурда, в том числе до восторгов по поводу презрительных характеристик, которые нам дают враждебные идеологи Запада с использованием, например, таких нелестных терминов, как «дебилизация», «выведение» из людей «homo soveticus» и т.п. При этом забывается, что общество, народ, человек не могут отождествляться с режимом, даже если бы последний утвердился в стране в результате всеобщего, равного и тайного голосования и существовал исключительно в силу широкой общественной поддержки.

Да, немцы в большинстве своем поддержали Гитлера, итальянцы – Муссолини, а мы – Сталина, но это отнюдь не означает того, что (как считала, например, в разное время В.И. Новодворская) народ «произведен» от власти или власть – от народа. Просто есть пороки власти и есть заблуждения в обществе по поводу таких пороков, но это, как справедливо полагает известная наша поэтесса Юнна Мориц, не повод производить «историческую халтуру», в том числе о «проклятом прошлом», о «людях-идиотах», «людях-роботах» и т.д.¹

Обидно, что, как и всегда в таких случаях, нашлось немало деловых людей, решивших двигать дальше подобные идеи в массы, а заодно, как можно понять, и себя – во власть². Но про-

блема здесь заключается все-таки не в том, что народ «мельчает», «глупеет», становится все более «безмозглым», «бездуховным» или «бездуховным», а в том, что банкротом оказывается в какой-то мере сама власть, буквально навязывающая нашей интеллигенции подобные крайне негативные умонастроения.

Если дефицит духовных ценностей (а именно о *ценностях* лучше говорить в данном случае, а не каких-то корябщих ухо «скрепах») и наблюдается, то, конечно же, не столько у «русского общества», сколько у российского чиновничества, продолжающего под прикрытием попустительства со стороны высшей власти гнуть свою коррупционно-воровскую линию по всем направлениям, начиная от медицинской, учебной и жэковской деятельности и кончая деятельностью правоохранительной, оборонной и космической¹.

Назначение на должность исключительно по мотиву личной заинтересованности должно рассматриваться как грубейшее нарушение кадрового законодательства и при наличии других необходимых признаков (например, признака причинения существенного вреда охраняемым интересам) должно влечь достаточно строгую ответственность, вплоть до уголовной.

И, конечно же, должна быть установлена достаточно строгая уголовная ответственность за оскорбительные высказывания в отношении русского народа (о его интеллектуальной, морально-нравственной, духовной, психической или иной неполноценности, обреченности и т.д.), то есть в отношении не какой-либо отдельной национальности, а в отношении всего русского народа, всего русского общества, всей нашей страны. К сожалению, мы все еще спокойно пропускаем мимо ушей фразы типа «...не страна, а дурдом какой-то...», «страна дураков», «...дураки и дороги...» и т.п. А зря. Призвать к уважительному к себе отношению – это не столько право, сколько долг народа.

Наконец, *десятая* государственно-правовая закономерность заключается как раз в том, что существующая ныне писаная история государства и права – это во многом чистойшей воды мифология, творимая нынешними историками в угоду складывающейся конъюнктуре, формально исходящей из того, что,

¹ См.: Мориц Ю.П. И в черных списках было мне светло // Российская газета. 2012. 4 сентября. С. 12.

² См., например: Дондурей Д. О дефиците духовных скреп // Российская газета. 2012. 14 декабря. С. 19.

¹ См., например: Егоров И. Ответил без вопросов. Процессуальный статус Анатолия Сердюкова может измениться // Российская газета. 2013. 14 января. С. 1.

например, в современной России вообще не нужна никакая идеология, а на самом деле протаскивающей в нашу жизнь идеи меркантилизма и прагматизма, причем самого худшего толка, то есть такого, в основе которого деньги, вещи, азарт, удовольствия, развлечения и т.д.

Развенчание подобной идеологии должно стать делом жизни каждого честного исследователя проблем истории государства и права, на что обращают внимание даже представители далеких от истории и политики профессий. Например, Георгий Гречко, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, трижды побывавший в космосе в качестве бортинженера, во всеуслышание заявляет, что «в наши дни многие человеческие ценности заменены одной – деньгами»¹. Кстати, этот же авторитетный автор совершенно обоснованно, на наш взгляд, заостряет внимание на том, что Россия – страна с совершенно непредсказуемым не только будущим, но и прошлым, так как в ней «каждая новая власть кроит историю под себя», опираясь при этом подчас на людей, «которые переписывают историю, ориентируясь на астрономические явления»².

Например, считается, что история государства и права России представляет собой какую-то чересполосицу: до Романовых была будто бы едва ли не сплошная междоусобица, неразбериха, смута, при Романовых – централизованное государство и относительный порядок, советская власть – тирания, безбожие и чуть ли не одна большая «историческая яма», а сейчас – будто бы опять подъем, пробуждение, возрождение и т.д.

На самом же деле все здесь обстоит гораздо сложнее, а именно так, что буквально каждый исторический период характеризуется своими собственными плюсами и минусами, застоями, спадами и подъемами, набобностью и безбожием, чистотой отношений и нечистью воровства и коррупции, в том числе двумя известными нашими бедами, но такими, к которым уже сегодня «примазываются» еще и какие-то новые, включая, например, те, которые связаны с воровством и убийствами, казнокрадством и коррупцией, безалаберностью и заливчатством, проблемами лишних людей и брошенных детей, заблудших поколений и «кинутых» стариков. Похоже, постепенно свертываются демо-

кратия и права человека, внедрение в экономику новой техники и высоких технологий, игнорирование буквально во всех сферах жизнедеятельности науки и информационных технологий, культуры и морали, нравственности и духовности.

Считается, что русские долго запрягают, но затем быстро едут¹. Но и эта, казалось бы, основательно проверенная историей истина нуждается сегодня в определенных коррективах. Запрягаем мы действительно долго, но, как правило, только тем и занимаемся. На то, чтобы ехать, не хватает времени. А если и едем, то по большей части ни шатко, ни валко. Да и чаще совсем не туда, куда надо. А если иной раз и разгонимся, то обычно – до первого столба. О том, что творится сегодня у нас на дорогах, хорошо известно – сплошной «шабаш жестянщиков», да еще пополам с кровью, в том числе с искалеченными и убитыми пешеходами. Сплошные автодорожные войны, в которых нет победителей. Проигравшими являются все. Да и вообще довольно часто мы с трудом представляем себе, куда, как и зачем едем. И где на самом деле, в каком конце или каком вообще тупике в результате окажемся. Тут нам надо еще многому учиться: и для того, чтобы уметь быстро запрягать, и для того, чтобы столь же быстро потом ехать. И, конечно же, знать, куда, как и зачем ехать. И, естественно, без всяких эксцессов, в том числе разных ДТП и прочих неожиданностей, которыми, как известно, всегда была полна любая российская улица, всякая дорога, каждая магистраль.

Иногда приходится слышать о якобы «неизбежности» третьей мировой войны, которая будто бы и завершит историю человечества. При этом постоянно следуют ссылки на то, что не только США, Евросоюз или Япония, но и вообще, по существу, любая страна в мире, включая Грузию, Украину, Белоруссию, только и ищет повода, чтобы поссориться с нами, – будь то американский перебежчик Э. Сноуден, нефть и газ, контрафакты, территориальные претензии, неререформирование православия и т.п. Но даже если это и так, то подобные недопонимания не повод для осложнения международных отношений. В данной связи целесообразно укреплять институты разрешения международных споров, в том числе такие, как ООН, международное правосудие, мировая мораль, общечеловеческая этика и т.д. В основе

¹ Гречко Г. Свежая голова (рубрика Post scriptum) // Российская газета. 2012. 24 декабря. С. 12.

² Там же.

¹ Выражение приписывается Отто Бисмарку, высказавшему его якобы в 1878 году – в преддверие Берлинского конгресса (см.: электронный ресурс: URL: <http://riordsky.livejournal.com/484666/htme> (дата обращения: 06.01.2013).

взаимоотношений между государствами должны быть не наши низменные страсти (агрессия, зависть, месть, ненависть, злость и т.п., в том числе демонстрируемые под видом «адекватных», «пропорциональных», «тождественных», «симметричных» и тому подобных «ответных мер», внешне красиво звучащих в устах президентов, премьеров и министров иностранных дел), а наши самые благородные мотивы, цели, помыслы, намерения, устремления, порывы, действия.

При этом грубо игнорируется тот факт, что история уже выбрала лимит «положенных ей» мировых войн, и люди больше никогда ничего подобного допустить не должны. Иначе – конец. Кстати, наполеоновский разбой в Европе на переломе 18-го и 19-го веков (в основном в период с 1800 по 1815 гг.) тоже может быть зачислен в разряд мировой войны, поскольку воюющими тогда, наряду с Францией, оказались многие государства (Великобритания, Пруссия, Австрия, Россия, Швеция, Португалия, Испания, Египет, Османская империя, Италия, Дания, Норвегия, Герцогство Варшавское, Голландия, Бельгия, Бавария, Саксония, Вюртемберг, Вестфалия и др.). Погибло тогда, по самым осторожным подсчетам, свыше трех с половиной миллионов человек, в том числе миллион мирных людей¹.

Подобные мрачные прогнозы «подкрепляются» найденными якобы артефактами, свидетельствующими будто бы о существовавших ранее цивилизациях, уничтоженных, ни больше, ни меньше, всеокрушающей ядерной войной. То есть судим о событиях прошлого, как говорят, «в меру своей испорченности». Но ведь нельзя забывать о том, что позитивная природа человеческого духа сегодня настолько высока, что способна отвести угрозу подобной планетарной трагедии и навечно закрепить мирные традиции сосуществования и сотрудничества государств, процессы укрепления и интеграции стран и их правовых систем.

Время от времени средства массовой информации все еще сотрясают мир различными предсказаниями о «конце света». Оче-

редная истерия в СМИ развернулась по данному поводу в канун 21 декабря 2012 года, то есть в преддверии некоего «Судного дня», дня «парада планет», «вселенской катастрофы», «обрыва календаря майя». Людям рекомендовали запастись продуктами питания, специальной одеждой и искать убежища в погребах, бункерах и прочих подземельях. Ясно, что здесь не обошлось и без определенных меркантильных интересов каких-то предпринимательских структур, стремившихся нажиться на убежищах, запасах продуктов питания, одежды и т.д.¹

Вспоминается в данной связи случай начала 90-х годов прошлого века, когда, открывая своей лекцией учебный год в Нижегородской академии МВД России, я всего лишь заикнулся о том, что уголовное право – наука точная, и поэтому шаг – влево, шаг – вправо, и... недалеко до двойки, то тут же один из курсантов громко запротестовал: «Да когда же это, наконец, кончится. Каждый новый преподаватель приходит, и одна и та же песня: чуть что – двойка... Прекратите нагнетать атмосферу... Мы вам не подопытные кролики...». В лекционном зале находилось человек триста, и вступать в дискуссию, да еще при такой «запевке», было бы рискованным делом. Тем более что на дворе начинались демократические перемены и можно было ожидать любых провокаций, причем с самыми непредсказуемыми последствиями. А поэтому волей-неволей пришлось пойти на попятную, сопровождая при этом вынужденные извинения словами типа: «Хотел только объяснить...», «К чему же дипломатию разводить...», «Мы ведь с вами – народ тертый. Не то, что, например, в гражданских вузах, где две трети – девушки, а остальные – пороку не нюхали...»...

А тут угрозы вселенского масштаба. И что характерно, за них перед семью миллиардами людей планеты так никто и не извинился. Последовали лишь новые угрозы: «армагеддон», мол, не отменяется, а лишь откладывается, рано или поздно он, мол, все равно «шандарахнет», да так, что никому не спастись... К этому шабашу охотно присоединяется и наша правительственная пресса, продолжающая засорять информационное пространство новыми угрозами² и легко рассуждающая, в частности, на тему

¹ К сожалению, мы все еще стараемся, вслед за Европой, видеть в Наполеоне не столько завоевателя, сколько «распространителя идей Французской революции и основателя современного права», что едва ли в полной мере соответствует исторической правде (см.: Новоселова Е. Последним счастьем упоенный... Война 1812 года принесла много бед России. Почему же мы до сих пор не разгромили Наполеона в своих представлениях о великих личностях в истории // Российская газета. 2012. 7 сентября. С. 11; Рар А. Европа – Россия: на чем ставим крест. Почему все новые проблемы сотрясают отношения между Западом и Россией? // Российская газета. 2012. 11 сентября. С. 12).

¹ См.: Зарипова А. «Конец света» без конца. Роковые числа 12.12.12 дают мошенникам прекрасную возможность набить карманы // Российская газета. 2012. 16 августа. С. 1, 7.

² См., например: Деменко С. Утомленные солнцем – 2013. Этот год будет одним из самых жарких за последние 160 лет // Российская газета. 2013. 16 января. С. 12.

о том, что «если вдруг случится какой-то страшный катаклизм и все человечество исчезнет, то природа этого даже не заметит»¹. В результате получается так, что более двух третей населения земного шара живет с тревогой на душе².

Поражает сам цинизм, с которым подаются материалы-угрозы, что находит отражение даже в их заголовках и подзаголовках, например, таких: «Где меня сегодня нет» (о человеке, убитом в центре Москвы)³; «Посадки продолжаются» (о заключении под стражу очередных «фигурантов» по делу о хищениях в Минобороны)⁴; «Кто должен сидеть» (рассуждения министра юстиции А. Коновалова о судебной практике в беседе с депутатами Госдумы)⁵. И это повторяется в прессе по существу каждый день и по несколько раз в день.

При этом закономерно встает вопрос о том, как же это все надо понимать. А не надо здесь вообще ничего понимать, а следует лишь унять, урезонить, поставить на место строптивых щелкоперов, стремящихся поднимать рейтинги СМИ, а заодно и отвлекать внимание людей от насущных социальных проблем вот таким изуверским способом. И если для этого недостаточно других средств, то почему бы, спрашивается, не «припугнуть» хотя бы немного и самих «пугателей», в том числе силой закона? Например, руководителей тех СМИ, которые особо склонны к нагнетанию тревог в обществе, как минимум достаточно крупными штрафами. Любые паникеры опасны, а которые делают свое черное дело злонамеренно – вдвойне.

В историко-правовой науке, как и в исторической науке в целом, удельный вес лженауки настолько велик, что порой буквально захлестывает подлинную науку. Она временами почти до края наполняется разного рода фальсификациями, мистификациями, драматизациями, демонизациями, фанатизациями, фантазмагориями, мифами, внешне «правдоподобными», но по своему существу представляющими собой не что иное, как пустые выдумки, в том числе в виде «версий», которые внешне выглядят даже довольно

впечатляющими и в силу этого как бы разгоняющими скуку сухих истин, вспомним известное: «Суша, мой друг, теория, а древо жизни пышно зеленеет...». Так как лженауку часто весьма трудно опровергнуть, то она обычно весьма живуча и поэтому, как правило, надолго парализуют сознание.

Особая опасность неправды в историко-правовой науке заключается в том, что, приобретая здесь более чем где-либо вообще организованные формы, она в полной мере уподобляется организованной преступности, то есть сметает на своем пути все и вся, то есть любые ростки правды, часто сама идет во власть и, подкрепляясь соответствующими официальными государственно-правовыми подпорками, становится фактически несокрушимой. Она буквально сбивает с толку тяготеющих к правде лидеров, на которых самой судьбой возложена миссия вывода государств на орбиты развития. Именно поэтому сегодня «человечество, – как утверждал незадолго до своего ухода из жизни С.П. Капица, – переживает крутой этап смены развития, трудно предугадать, куда кривая вывезет, отсюда шараханья из стороны в сторону...»¹.

Многие люди давно научились обменивать свои лукавые слова и фразы на хрустящие купюры, и отучить их от этого без грубой, но пока еще крайне необходимой силы уголовного закона практически невозможно. Поставлена, по существу, на конвейер фабрикация лжеисторических диссертаций и прочих «научных трудов», хотя повышенная опасность подтасовки исторических события «под сегодняшний день» более чем очевидна. Восстановление же исторической правды если и происходит, то главным образом на основе не уголовного, а гражданского законодательства².

Все это со всей убедительностью говорит о целесообразности введения в уголовное законодательство специальной нормы об ответственности за умышленное искажение истории – нашей или любой другой. Одно время этот вопрос уже поднимался, правда, лишь в средствах массовой информации, но так и не был разрешен, а поэтому возникла необходимость повторного обращения к нему.

¹ Медведев Ю. Эволюционный шок // Российская газета. 2013. 2013. 16 января. С. 12.

² См.: Добрынина Е. Не буди лихо... Почему журналисты, сами того не желая и не ведая, порой играют на руку террористам // Российская газета. 2013. 22 января. С. 12.

³ См.: Егоров И., Гаврилов Ю. Посадки продолжаются // Российская газета. 2013. 17 января. С. 7.

⁴ См.: Борисов Т. Где меня сегодня нет // Российская газета. 2013. 17 января. С. 7.

⁵ См.: Шкель Т. Кто должен сидеть // Российская газета. 2013. 17 января. С. 2.

¹ См.: Мальцев В., Михайлин А. Так говорил Сергей Капица, или Правила жизни российского ученого // Понедельник. 2012. № 34. С. 8, 22.

² См., например: Емельяненко А. Привлечена за плагиат. История Руси стала поводом для разбирательства во Владимирском суде // Российская газета. 2013. 3 апреля. С. 1, 14.

Остается также актуальным вопрос об отражении исторической правды в школьных учебниках. Несмотря на довольно высокие трибуны, с которых раздаются голоса о необходимости издания единых учебников истории¹, в том числе таких, которые готовились бы, как говорится, «всем миром»², прямых сторонников «унификации исторической правды нет», если не считать, конечно, одиозные личности, исходящие из якобы естественного стремления власти «привязывать» историю Отечества к «курсу развития страны» («осталось только сформулировать этот курс»)³. В основном же специалисты совершенно справедливо отвергают право кого бы то ни было на монополизацию представлений о мире в его динамике, включая представления об истории России⁴. Встать на такой путь – означало бы окончательно погубить нашу историческую науку, а значит, пустить развитие страны, по существу, под откос.

1.2.3. Государственно-правовые закономерности и государственно-правовая практика

Итак, в нашем распоряжении комплекс государственно-правовых закономерностей, преподающих истории соответствующие уроки и требующих всемерного учета в государственно-правовой практике, в том числе учета, нуждающегося в определенном подкреплении со стороны главной силы нашего законодательства, включая силу его уголовно-правового компонента.

Воспроизведем в обобщенном виде главную суть этих закономерностей, имея в виду возможность извлечения из всего их комплекса каких-то, может быть, новых уроков, учет которых мог бы позволить при определенных условиях и обстоятельствах задействовать необходимые дополнительные возможности на направлении позитивного влияния на государственно-правовую практику с целью ее оптимизации и направления в русло позитивного развития. Вот эта суть.

История государства и права – это, наряду с собственно их историей, есть также история:

- народа как единственного источника государства и права;
- общественного сознания, создавшего государство и право и обеспечивающего их функционирование и развитие, то есть это еще и история определенного интеллектуального государственно-правового состояния общества;
- преобладающих в обществе традиций, обрядов, культуры, искусства, литературы, поэзии, то есть это еще и история определенного духовного государственно-правового состояния общества;
- приоритетного значения центральных государственно-правовых институтов по отношению к такого рода региональным институтам при сохранении определенного баланса во взаимодействии тех и других институтов;
- региональных государственно-правовых институтов, значение которых в обеспечении общих процессов развития при складывающихся условиях и обстоятельствах хотя и медленно, но все же неуклонно повышается;
- подъемов и единений государств и их правовых систем, их интеграции, образования и развития межгосударственных и общемировых управленческих институтов;
- так называемых «черных полос» в названных выше процессах, то есть развалов и расколов государств, их объединений, отходов от межгосударственных и общемировых управленческих институтов и их свертываний;
- столкновений государств и их правовых систем, в том числе приобретающих подчас весьма агрессивный характер, включая состояние военных действий, хотя угроза таких столкновений с учетом возрастающего экономического, интеллектуального и духовного потенциала обществ может быть в принципе отведена;
- деятельности лидеров государств и их правовых систем, в том числе тех лидеров, которые подчас просто неспособны по своему физическому, интеллектуальному, духовному, психическому и (или) иному состоянию справиться с выпавшей им сложной и трудной миссией, что при нынешних условиях и обстоятельствах чревато различными опасностями, в том числе трагедиями планетарного масштаба;
- фальсификаций, мифологизаций, демонизаций, драматизаций и мистификаций государственно-правовых процессов,

¹ См.: Латухина К. Учебники истории. Путин предложил единые источники истории // Российская газета – Неделя. 2013. 21 февраля. С. 2.

² См.: Дежкин Г. Напишем историю вместе? Сергей Шахрай предлагает создать wiki-учебник отечественной истории // Аргументы недели. 2013. 7 марта. С. 6.

³ См.: Чеснаков А. Об учебниках истории // Российская газета. 2013. 21 февраля. С. 3.

⁴ См., например: Кантор Ю. Кратким курсом. 75 лет назад появился единый учебник по истории партии // Российская газета. 2013. 22 февраля. С. 6; Медведев Р. Нашей истории одного учебника мало! // Аргументы и факты. 2013. № 10. С. 5; Шахов Л. Зыбкая история // Жизнь. 2013. № 8. С. 2.

активизации конъюнктурных, меркантильных, прагматичных, карьеристских, захватнических, корыстных и иных подобных мотивов, а также соображений, идущих, как правило, от обычной жажды сенсаций, свойственной подчас человеческому сознанию, что, в свою очередь, влечет постоянно возрастающую необходимость тщательного очищения «авгиевых конюшен» истории государства и права от неточностей, искажений, злонамеренной лжи, произвольных сослагательных наклонений, умозрительных измышлений, прямых подтасовок фактической стороны событий, прочей, грубо говоря, халтуры, от случаев как очернительства, так и лакировки ретроспективы и возможной перспективы государственно-правовой действительности.

В сжатом виде сказанное можно представить так: история государства и права в контексте определяющих ее государственно-правовых закономерностей, преподающих нам соответствующие уроки, – это, помимо прочего, еще и история:

- общества как источника государства и права, включая его экономический, интеллектуальный, духовный и иной потенциал – с тенденцией возрастания роли общества и его совокупного потенциала в государственно-правовых процессах;

- оптимального сочетания центральных и региональных государственно-правовых институтов – с приоритетом роли центральных государственно-правовых институтов;

- взлетов и падений государств и их правовых систем, их объединений и разъединений, столкновений и примирений, военных противостояний и братаний, формирования и свертывания межгосударственных и общемировых управленческих институтов – с преобладающей тенденцией позитивных государственно-правовых процессов;

- конструктивной и деструктивной деятельности лидеров государств и их правовых систем – с преобладающей тенденцией конструктивной их деятельности;

- постоянного противоборства правды и неправды в отражении государственно-правовых процессов специалистами в области науки истории государства и права – с преобладающей тенденцией доминирования в этой науке правды.

Понятно, что приведенными государственно-правовыми закономерностями, определяющими государственно-правовую историю, в том числе с учетом фактора их познания и использования результатов соответствующей познавательной деятель-

ности в государственно-правовой практике, далеко не исчерпывается вся их сумма. На самом деле их бесчисленное множество. Они так же многообразны, как и сама государственно-правовая действительность. Но точно так же, как существует неисчислимое число государственно-правовых закономерностей, существует и бесконечно большое число уроков истории. Выявить их и поставить на службу современности и будущности государства и права – задача всего нашего правоведения, включая его уголовно-правовой компонент. Решать ее надо в кооперации с юристами соответствующего профиля всех государств мира, тем более что в настоящее время мир с огромной (по историческим меркам) скоростью приближается к такой фазе своего развития, в которой все увеличивающиеся информационные резервы приведут, как полагал еще в середине первого десятилетия нового века С.П. Капица, к «синхронизации развития человечества в мировом масштабе»¹.

Информационный бум приводит к тому, что время в современную историческую эпоху как бы спрессовано в пласты, которые будущие поколения, похоже, будут разрабатывать подобно тому, как мы сегодня разрабатываем полезные ископаемые – в той мере, в какой накопленная нами и содержащаяся в этих пластах информация не была использована в нынешнюю эпоху.

Если 6 тыс. лет тому назад планету населяло примерно 7 млн человек, то 3 тыс. лет тому назад – уже 50 млн, 2,5 тыс. – 100 млн 2 тыс. – 300 млн, 1 тыс. – 400 млн, 200 лет назад – 1 млрд, 100 лет – 1,5 млрд, 10 лет назад – 6 млрд, а сегодня – уже 7 млрд. Имеются основания предполагать, что в нынешнем столетии человечество перешагнет рубеж 10 млрд и на этом остановится. Человеческий ресурс стабилизируется, так как станет достаточным для решения проблем самоорганизации, и человечество основательно войдет в эпоху своего развитого состояния. Научно-технический прогресс предоставит людям возможность всецело сосредоточиться на вопросах образования, культуры, физического и духовного самосовершенствования.

Поэтому роль законодательства в реализации уроков государственно-правовой истории в современную эпоху будет

¹ См.: Медведев Ю. Все смешалось... Историческое время сжалось до предела // Российская газета. 2012. 14 января. С. 10.

возрастать, и уже сегодня во весь рост встает вопрос о необходимости его полного обновления. Нельзя решать задачу модернизации экономики и всех сфер жизнедеятельности вообще без модернизации самого законодательства, на которых экономика и все сферы жизнедеятельности основаны.

К настоящему времени в российское законодательство, принятое в основном в середине и второй половине последнего десятилетия прошлого века на основе Конституции РФ 1993 года, внесено, по самым осторожным подсчетам, около ста тысяч изменений, в силу чего оно *уже* приобрело качественно новое состояние. Но в рамках принятой два десятилетия тому назад Конституции РФ, которая остается пока, по существу, неизменной, ему становится все теснее. Поэтому работу по приведению всего нашего законодательства, включая его уголовно-правовой компонент, в соответствие с задачами сегодняшнего дня надо начинать с разработки и принятия именно новой Конституции. О необходимости этого все чаще пишут и говорят средства массовой информации¹.

Управленческие структуры государственно-правовых союзов, образуемых в различных регионах мира (Евросоюз, Евразийский союз и др.), как нетрудно предположить, будут формировать свое собственное законодательство, причем тоже на основе предварительно принимаемых общих законов, которые будут представлять собой нечто схожее с конституциями государств.

Венцом всей этой работы станет все более активное дополнение международного права (как права, содержанием которого являются международные договоры) *мировым правом*, то есть правом, содержанием которого станут, наряду с общими принципами и нормами международного права, нормативные правовые акты, принимаемые мировыми управленческими структурами (ООН и др.).

Но если до сих пор законопроекты разрабатывались с использованием, как правило, умозрительного (сугубо логического) и интуитивно-волевого (экспериментально-поискового) методов, то в настоящее время надо переходить к проведению предварительных широкомасштабных научно-исследователь-

ских работ. К таким работам должны привлекаться не только юристы-аналитики, но и представители других отраслей знаний, в том числе политологи, социологи, психологи. Только в системе РАН функционирует 450 научно-исследовательских институтов (вместе с вузовскими учеными – это 550 тыс. сотрудников, что составляет около 10% мирового контингента научных работников), и ни один из них не должен оставаться в стороне от этого большого дела. Другое дело, что более высокими должны быть научные результаты и престиж на мировом уровне¹. Осуществляемое в настоящее время по инициативе Правительства РФ реформирование РАН как раз и нацелено на такие результаты.

Законопроекты и пояснительные записки к ним должны разрабатываться на конкурсной основе и подлежать широкому предварительному опубликованию – для целей проведения их общественной экспертизы. Официальное опубликование принятых законов должно сопровождаться и официальным разъяснением их содержания самим законодателем, осуществляемым с участием составителей законопроектов.

1.2.4. Человек в государственно-правовых закономерностях и его роль в их функционировании и извлечении из полученного опыта соответствующих уроков

Единственным «действующим лицом» во всех государственно-правовых закономерностях, как и в учете их для целей оптимизации государственно-правовой практики, а следовательно, и всего происходящего сейчас и того, что будет происходить потом, то есть в ближайшем и более отдаленном будущем, является, конечно же, человек. Это совсем не означает, что каждый из нас, живущих на Земле, творец истории. Но это также не означает и того, что все в истории происходит как бы само по себе, то есть без нашего «ведома и согласия», без самого живейшего и непосредственного участия каждого из нас. История без человека не история, а то, что лишь со временем может стать ею. Со-

¹ Фактически, как верно подмечает пресса, российские ученые откатились, к сожалению, на обочину мировой науки. Так, в 2012 году ни один из российских ученых не получил ни одну из престижных (высших) международных научных премий. Таких премий было 36 и ими награждено 105 ученых (некоторые ученые в этот год получили по две таких премии), в том числе из США – 76, Англии – 8, Франции – 4, Германии, Японии, Израиля – по три, Греции, Швейцарии, Нидерландов – по две, Италии и Австрии – по одной (см.: Радзиховский Л. На обочине // Российская газета. 2013. 22 января. С. 3).

¹ См., например: Белов С. Конституционный вопрос. Историки и политологи обсудят Основной закон // Российская газета. 2012. 19 декабря. С. 3.

вершено очевидно, что сегодня в обновлении нуждается и сам Основной закон страны.

Сегодня все чаще раздаются голоса за принятие нового Уголовного кодекса. Прежде всего, такие призывы слышны со стороны высших структур наших правоохранительных органов, включая судейское сообщество¹. Повторяется печальный опыт первой половины и середины 90-х годов прошлого века, когда силовики во весь голос заявляли: дайте нам новый Уголовный кодекс, и мы загоним джина (то есть преступность) в бутылку. Кодекс «дали», а «джин» и сегодня еще продолжает свой «бесовский карнавал», свирепствуя на безбрежных пространствах Родины. Дело в том, что произошло своего рода «забегание вперед», когда телега была поставлена впереди лошади, то есть вначале было принято уголовное, и только потом все остальное законодательство.

Так не должно быть, поскольку преобладающие уголовно-правовые нормы, криминализирующие общественно опасные деяния, бланкетные, то есть имеющие еще и иную правовую (помимо собственно уголовно-правовой) «начинку». А если «начинка» старая, то и сама норма никак не может быть новой, сколько бы ее ни «обновляли». Вначале должно быть принято *регулятивное* законодательство, и только потом, на его основе, законодательство *охранительное*. И, конечно же, для целей разработки нового уголовного законодательства должны быть проведены широкомасштабные научные исследования. Умозрительное его конструирование – это удел дилетантов. Еще Петр I предупреждал, что законы нельзя «абы как ляпать», и повелевал тех, кто это делает, сечь розгами. А мы еще до сих пор пренебрегаем этим ценным заветом, производя на свет законы, которые затем же сами и перекраиваем. Кстати, делаем это тоже нередко произвольно, то есть без всякой предварительной научной проработки. Только в Уголовный кодекс со времени его принятия внесено свыше трех тысяч изменений, дополнений и исключений – и часто это весьма спорные поправки. При совершенствовании законодательств необходим учет, наряду с прочим (состояние преступности, применяемые к виновным наказания, состояние мест лишения свободы и т.д.), соответствующего исторического контента.

Сегодня мы смотрим на историю государства и права все еще преимущественно сквозь призму личностей, сыгравших более или менее видную роль в разного рода государственно-правовых событиях. Например, правители Древнего Рима, давшие миру, в частности, высокие образцы архитектурного, скульптурного, культурного, ораторского, военного, правового и иного искусства, воспринимаются нами едва ли не наравне с самими древнеримскими богами, а наши представления о всевозможных геростратах в истории связываются едва ли не с какими-то сатанинскими деяниями и... возможным «концом света». Люди, давшие уже в наше время миру радио, телевидение, авиацию, космонавтику, компьютеры, мобильные телефоны и т.д., зачисляются нами в разряд героев, благодетельствовавших человечество, а, например, некоторые африканские лидеры, не брезговавшие уже в новое время канибализмом, воспринимаются как идолы, способные при определенных условиях и обстоятельствах погубить едва ли не все человечество.

Во многом все именно так и есть. Но фокус здесь в том, что история есть вечная борьба прошлого с будущим, а будущего с прошлым. На той и другой стороне действуют громадные силы, крупные личности, большие массы людей, и борьба между той и другой стороной осуществляется с переменным успехом, то есть в какие-то периоды побеждает прошлое, а в какие-то – будущее, хотя результирующая итогов борьбы, естественно, позитивная. Если было бы иначе, то вся история могла бы пойти вспять. В том и другом стане свои герои и свои антигерои, команды и легионы, армады и полчища. То есть это люди, с одной стороны, совершавшие подвиги, продиктованные жаждой добра и справедливости, ненависти и презрения к злу, доблести и героизма, стремления к служению отечеству и победам, а с другой – совершавшие совсем другие поступки, а именно поступки низкие, мерзостные, гадкие, продиктованные к тому же трусостью, предательством, корыстью, а в каких-то случаях – недалекновидностью, низким интеллектом, психическими недостатками, другими негативными личностными особенностями.

Интересны размышления на этот счет наших великих предшественников. Вот что писал по данному вопросу, например, К. Маркс в 1852 году в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые они не са-

¹ См., например: Куликов В. На первый раз прощаем. Судьи поддерживают принятие нового Уголовного кодекса // Российская газета. 2012. 18 декабря. С. 1, 3.

ми выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого... Традиции всех прошлых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых...»¹. По Марксу, люди и есть сама история, но из традиций своих прошлых поколений им выбираться бывает нелегко, тем более что никаких «приветствий и приглашений» из будущего они, как правило, не получают. История как бы не торопится, то есть как будто ожидает, когда люди снимут с себя хотя бы какие-то путы былых традиций и смело пойдут навстречу собственному будущему.

Спустя более полувека, а именно в 1907 году, уже наш – русский – политик, философ и экономист Г.В. Плеханов (марксист по убеждениям и проводимым идеям) копнул эту же проблему несколько глубже и писал уже нечто иное: «Теперь уже редко можно встретить такого историка, который думал бы, что история находит себе достаточное объяснение в сознательной деятельности отдельных, более или менее властолюбивых, более или менее героических лиц. Но “широкая публика” еще плохо знает эту необходимость. А на поверхности видны только отдельные личности»². То есть, как считал Г.В. Плеханов, ни люди как таковые, ни даже те из них, которые в силу своего выдающегося таланта оказываются как бы впереди исторических процессов, указывая их развитию путь, никакого «решающего вклада в историю» внести не могут. Все определяется естественным ходом развития, когда с «улучшением» каждого из людей и всех их вместе «улучшается» и сама общественная система, включая систему государственно-правовую.

В специально отведенной этим вопросам работе («К вопросу о роли личности в истории») тот же Г.В. Плеханов, в частности, отмечал: «Великий человек велик не тем, что его личные особенности придают индивидуальную особенность великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени... Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других... Он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он – герой. Не в том смысле, что может

остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом все его значение, в этом – вся его сила. Но это – колоссальное значение, страшная сила»¹.

Из приведенного можно понять, что человек может идти «в ногу со временем», и тогда поступь истории в ее движении вперед размереннее, последовательнее, увереннее, быстрее. Но он может идти и в обратном направлении, тогда движение истории «в правильном направлении» (навстречу соответствующим «общественным нуждам») замедляется. И чем значительнее личность, тем больший вклад в движение истории (соответственно «туда» или «обратно») она оказывает.

Правы исследовали исторических государственно-правовых процессов, которые исходят из того, что в наших подходах и выводах по такого рода вопросам не должно быть шараханий из крайности в крайность. Роль выдающихся личностей в истории действительно чрезвычайно велика, но, разумеется, не одни они творят историю. Ее творит буквально каждый живущий на земле человек. Прав И. Комаров, который еще более 20 лет тому назад заметил, что «когда историческую личность обвиняют в том, что она по своему произволу творила историю... то этим самым объявляют эту личность первопричиной исторического развития. А это есть исторический идеализм, причем самая примитивная его разновидность, то есть субъективизм»².

Понятно, что мы не можем как обвинять ту или иную личность во всех «смертных грехах» истории (то есть, как мы сейчас в таких случаях говорим, «вешать на нее всех собак»), так и героизировать ее, возводя в ранг «творца истории», «великого кормчего», «отца народов», «спасителя отечества», «батяки» и т.д. Не секрет, что в нашей стране В.И. Ленин и И.В. Сталин на протяжении десятилетия официально считались «вершителями судеб страны и ее народов», «создателями государства», «вождями мирового пролетариата» и т.д., то есть не просто *не посторонними* для истории людьми, а действительно ее «творцами» – единственными, исключительными, безраздельными. А, например, в Китае таковым довольно продолжительное время считался Мао Цзэдун. Учение Конфуция

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

² Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 5. М., 1956. С. 515 // URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1757132>. (дата обращения: 24.12.2012).

¹ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 333.

² Комаров И. Еще раз о роли личности в истории. Орел, 1990. С. 3 // URL: http://scepsis.ru/library/id_179/html. (дата обращения: 24.12.2012).

в Китае более двух тысяч лет признавалось официальной государственной идеологией этой страны (по существу, религией), и только примерно сто лет тому назад (в ходе Синьхайской революции 1911–1913 гг.) оно было заменено на «три народных принципа» Китайской Республики, разработанные китайским политиком и философом Сунь Ятсеном (национализм, народовластие, народное благосостояние), которые и сейчас являются в идеологии Китая доминирующими. Сегодня, естественно, мы не можем наделять подобным статусом ни одного из живущих на планете политиков, мыслителей, экономистов, философов или других профессионалов государственно-правовой практики. Как не можем и взваливать на кого-либо из них всю ответственность за те беды и страдания, которые еще переживает в настоящее время человечество или отдельные контингенты, регионы, страны.

Государственно-правовые закономерности имеют, конечно же, объективное происхождение в том смысле, что государственно-правовую историю «двигают вперед» не отдельные личности, а народы, общества, человечество, но на их проявление могут некоторым образом повлиять и какие-то субъективные факторы, в том числе, как мы сейчас говорим, человеческий фактор, то есть отдельные личности.

Особо заметную роль в государственно-правовых закономерностях, а следовательно, и в государственно-правовых процессах, играют особо активные личности, отличающиеся к тому же ярко выраженной социальной позицией, высоким интеллектуальным потенциалом, решительностью, бесстрашием, которых эти же процессы возносят на гребень, ставят в центр событий, обеспечивают признание, покровительство и благословение масс и которые в силу их качеств и с учетом вызвавших названные процессы закономерностей направляют их (эти процессы) в русло главных тенденций развития.

Конечно же, человек, вознесшийся в силу своих каких-то особых личностных качеств и обстоятельств на вершины государственно-правовых процессов, может сыграть и негативную роль в них, то есть не столько ускорить, сколько затормозить их течение, повернуть их развитие в ту или иную сторону, в том числе в направлении, противоположном основным тенденциям развития. Чаще всего бывает так, что такой человек одновременно играет и позитивную, и негативную роли. И в общем балансе той и другой роли может быть как позитив, так и негатив.

Субъективные факторы, включаясь в происходящие государственно-правовые процессы, обусловленные существующими государственно-правовыми закономерностями и соответствующими субъективными факторами прошлого, зачастую не остаются для них каким-то побочным явлением, а становятся их неотъемлемой составной частью, имманентным содержанием, своего рода сущностью, то есть в известном смысле объективируются.

Говоря другими словами, государственно-правовые процессы, вознося на свои вершины тех или иных людей, под их влиянием меняются, то есть приобретают направленность и характер, соответствующие намерениям и действиям этих людей. Но один человек, сколь бы значительным (замечательным или, напротив, зловещим) он ни был, не может ни отменить, ни существенно изменить, ни затормозить и ни ускорить развития государственно-правовой действительности. Только опираясь на весь народ, все общество, всех людей, стремящихся к тому же, что и он, возможно как-то влиять на процессы, составляющие данную действительность.

При этом он может свести к минимуму пагубные издержки позитивного развития, оптимизировать или активизировать это развитие, несколько расширить спектр возможных его вариантов. Либо, напротив, увеличить эти издержки, затруднить и, следовательно, замедлить развитие, «пустить» его по какому-то иному возможному пути. Например, если бы так случилось, что М.С. Горбачев не был бы столь податлив и послушен своей супруге Раисе Максимовне, а Б.Н. Ельцин не был бы столь амбициозен в своих властолюбивых устремлениях и не пьянствовал, то СССР, скорее всего, все равно распался бы, но процесс его распада мог быть не столь тревожным, болезненным и мучительным для 290-миллионного населения страны. Вполне возможно, что экономические связи между бывшими союзными республиками не обрушились бы (по крайней мере в одночасье).

История, конечно же, не склонна, как уже отмечалось, к сослабительным наклонениям, но если бы случилось, например, так, что одно из покушений на Гитлера все же удалось, то еще не факт, что сумасбродные идеи фашизма канули бы в Лету. Совсем не исключено, что место Гитлера занял бы какой-то новый «фюрер» (например, Борман, Геринг, Гиммлер или Геббельс) и поддерживаемый преемником факел фашизма еще, может

быть, долго тлел, отравляя Европу, а может быть, и весь мир. Разумеется, это совсем не означает, что состоявшиеся покушения – это плохо, а их неудачи – хорошо. Не так здесь все просто. Но совершенно очевидно, что государственно-правовая история «делается» не только и не столько сильными одиночками и даже не только и не столько их группами, объединениями, партиями, профсоюзами, могучими толпами уличных демонстрантов, сколько буквально *всеми* людьми, в том числе теми, кто, может быть, вообще не выходит на улицы, а ограничивается лишь какими-то разговорами «о политике» у себя на кухне. В конце концов, такой «кухонный политик» одним махом может перечеркнуть все митинговые страсти, проголосовав на выборах именно за «своего» лидера. Или запустив в Интернете какую-то взрывную идею.

С другой стороны, нельзя сказать, что, например, убийство 16 (29) декабря (по другим данным – 17/30 декабря) 1916 года Григория Распутина, фаворита Николая II и его супруги Александры Федоровны, пресекло дальнейшее разложение правящей верхушки России и тем самым укрепило монархию. Нет, монархия еще в более ускоренном темпе закономерно подходила к своему окончательному краху, и спустя два с половиной месяца, а именно 2 (15) марта 1917 года, когда состоялось отречение российского императора Николая II от престола, рухнула совсем. 25 октября (7 ноября) 1917 года в ее историю осуществленным большевиками октябрьским переворотом был, образно говоря, вбит последний гвоздь, а в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге (в подвале дома Н.Н. Ипатьева, снесенного в сентябре 1977 года по принятому еще в 1975 году решению Политбюро ЦК КПСС) царь и сам был расстрелян (во исполнение постановления возглавляемого большевиками Уральского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, санкционированного, как можно предположить, центром) вместе с семьей (жена, сын, четыре дочери), доктором Боткиным, поваром и двумя слугами¹.

Как показывает опыт состоявшихся в 2011 году «народных революций» в североафриканских государствах (Тунис, Египет, Ливия), их социально-экономический эффект оказался факти-

чески нулевым, если не отрицательным. К тому же была по существу обнулена значимость тех позитивных преобразований, которые были осуществлены в этих странах прежними правящими режимами. Но волнения выдвинули новых лидеров, которые, как можно рассчитывать, уже не пойдут по пути диктата, а будут исповедовать демократические методы управления, поставят в центр всей своей политики человека, причем не только с его насущными материальными интересами, но и правами и свободами, эффективной избирательной системой, возможностью заниматься предпринимательством, свободно участвовать в публичных мероприятиях. В водоворот этих событий втягивается и народ Турции, новая их волна накатывается на Египет и некоторые другие страны.

История знает немало примеров того, как приход к власти того или иного лидера сопровождался резким подъемом страны. Здесь можно было бы упомянуть, например, Петра I (прорубил окно в Европу), Екатерину II (создала, по существу, новую Россию), Александра II (отменил крепостное право, осуществил земскую, судебную, военную, образовательную и другие реформы). Так, при Екатерине II к России присоединено Прикубанье, Северное Причерноморье, включая Крым, вдвое увеличена армия, втрое – флот, построено 144 города, вдвое увеличилось население. Сегодня о таком рывке можно только мечтать. Но разве только в Екатерине II тут дело? Нет, конечно. Россия тогда стояла буквально на пороге всех этих преобразований, и они были осуществлены. Екатерина II только ускорила их осуществление.

Примечательно, что, по мнению того же Г.В. Плеханова, высказанному им в работе «О роли личности в истории», решающая роль в истории принадлежит именно *всем* людям, но рассматриваемым в системе тех отношений, в которые они реально включены существующим укладом жизни. «Личности... – писал выдающийся русский политический деятель, экономист и философ последней четверти XIX и первых полутора-двух десятилетий XX века Г.В. Плеханов, – благодаря особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительно, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это обще-

¹ Почти одновременно (в ночь с 17 на 18 июля 1918 года) в Алапаевске (180 км к северо-востоку от Екатеринбурга) были казнены члены императорской семьи Романовых: великие князь Константин Константинович, Иоанн Константинович, Сергей Михайлович, великая княжна Елизавета Федоровна, князь Владимир Палей.

ственные отношения... Нам могут заметить, что размеры личного влияния зависят также от талантов личности. Мы согласимся с этим. Но личность может проявить свои таланты только тогда, когда она займет необходимое для этого положение в обществе... Чтобы человек, обладающий талантом особого рода, приобрел благодаря ему больше влияния на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи... Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную как раз в это время»¹.

Но если «*во-первых*» зависит здесь от самого человека, то «*во-вторых*» – всецело от общества (общественных отношений). Первое – субъективный момент, второе – момент объективный. Что такое общество (общественные отношения)? Это все мы, сплоченные в народ. В этом смысле у каждого из нас есть право на свое место в истории. Другое дело, что у одного это место – хижина дяди Тома, а у другого – особняк, один собирает использованную посуду в мусорных ящиках, а другой своим самоотверженным трудом строит новую Россию, одного помнят, может быть, лишь родные и близкие, да и то в течение одного-двух десятков лет, а другого – целые народы, государства и даже, может быть, все человечество, причем в течение сотен и даже тысяч лет.

Поэтому вызывают сомнения суждения отдельных аналитиков о том, что место в истории могут занять лишь главы государств, правительств, военачальники, предводители народных движений, деятели культуры, искусств и т.д., да и то не все, а только добившиеся крупных достижений в своих областях, например, люди типа Конфуция, Александра Македонского, Спартака, Сократа, Шекспира, Пушкина. Так, политолог Ф. Лукьянов пишет: «Обама... не хочет остаться в памяти только как первый чернокожий в Белом доме... Место Обамы в истории зависит от того, удастся ли ему вывести страну на траекторию экономического роста»².

Среди нас есть герои и антигерои, есть люди, способные открыть дорогу таланту, и есть люди, способные лишь на то, чтобы

наглухо ее закрыть. Поэтому как бы мы ни уходили от героизации истории, никуда от нее не деться. Она была, есть и будет. И если верно то, что в жизни всегда есть место подвигу (а это, скорее всего, именно так), то в ней же всегда находится и место вершителю этого подвига, то есть герою, который его совершит, или который по меньшей мере не будет препятствовать его совершению другим человеком, разумеется, в нужном месте и в нужное время.

Итак, героизация истории государства и права есть не что иное, как признание того, что именно человек находится в центре того водоворота событий, который представляет собой проявление тех или иных государственно-правовых закономерностей, зная которые, герои, основываясь на опыте прошлого, творят сегодняшнюю, а следовательно, и будущую историю, как бы сотканную из людских судеб, идей, устремлений, порывов, поступков людей, высоко несущих свои достоинство и честь, их всеобъемлющего экономического, интеллектуального, духовного и иного потенциала.

Вот почему законодательство, включая его уголовно-правовой компонент, должно последовательно и эффективно охранять и поддерживать права и законные интересы героев. И, естественно, всех других людей. И, конечно же, наказывать антигероев за их грехопадения. Но наказывать, что вполне понятно, предельно умеренными, цивилизованными, гуманными, законными и справедливыми мерами.

Депутат-единоросс Франц Клинецвич, заместитель председателя Комитета Госдумы по обороне, предлагает вернуть в уголовное законодательство смертную казнь, предусмотрев применение ее за падение спутников на ракетах-носителях, самолетов, затопление морских судов, подводных лодок, катастрофы с железнодорожными составами, за коррупцию, казнокрадство, педофилию и т.д. При этом уважаемый депутат предлагает при принятии такого рода решений не заглядывать «в тазобедренный сустав Европе»¹. Как принято в таких случаях считать, человека «заклинило». Только в состоянии полной безысходности депутат, представляющий в парламенте страны правящую партию, может пойти на такой совершенно безрассудный и бесперспективный в практическом отношении шаг. Пиар пиаром, но

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. С. 332.

² Лукьянов Ф. Занять место в истории // Российская газета. 2013. 16 января. С. 3.

¹ Воронкин В. Смерть как охота. Единоросс Клинецвич считает, что спасти Россию могут только расстрелы // Понедельник. 2012. № 33. С. 4.

он в данном случае дискредитирует не только самого Ф. Клинецевича, его партию и представляемую ею власть, но и само современное российское уголовное право, еще полтора десятилетия тому назад отказавшееся от расстрелов, по крайней мере в законе. Внесудебная расправа, к сожалению, пока еще остается и, похоже, даже набирает обороты, если говорить, например, об установке власти в отношении северокавказских боевиков и ее практической реализации.

Законодательство, в том числе уголовное, должно достаточно *цивилизованными* мерами оберегать героев от падений, а поскольку падения все же время от времени случаются, то и своевременно помогать им подниматься и идти дальше предназначенной одним им дорогой созидания, добра, справедливости, обновления и цивилизованного развития. Что же касается антигероев, то они тоже не должны выпадать из поля зрения законодателя. По существу, все здесь сводится к тому, чтобы, как в той известной кавказской притче, «орлы никогда не падали, а бараны никогда не летали».

*Познание и учет закономерностей жизни
позволяют законодателю принимать
действительно нужные жизни законы*

Глава 2. В.К. БАБАЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

2.1. Государственно-правовые закономерности в руководящей деятельности В.К. Бабаева

Вся отечественная правовая наука, в том числе представляемая научными исследованиями нижегородских ученых-юристов, развивалась в направлении познания государственно-правовых закономерностей. И, естественно, всего того, что с ними связано. Одним из крупных участников этого большого и важного дела в течение по меньшей мере четверти века являлся профессор В.К. Бабаев.

В трудах ученого отчетливо просматривалось стремление увязывать государственно-правовые закономерности с практикой государства и права. Особенно ярко это проявлялось, когда В.К. Бабаев как руководитель высшего учебного заведения МВД России (Нижегородской академии МВД) и, возможно, для большей убедительности формулируемых положений аргументировал их материалами уголовного права. Это дает возможность посмотреть на соответствующие достижения ученого в том числе сквозь призму проблематики данной отрасли права.

Владимир Константинович шел к пониманию государственно-правовых закономерностей и путей учета их в государственно-правовой практике с максимальным использованием не только своей «железной» логики, позволявшей достаточно убедительно формулировать и аргументировать получаемые выводы, но и присущей ему исключительно пронизательной интуиции. И удача всегда сопутствовала ученому, что хорошо видно в его суждениях относительно, например, проблем происхожде-

ния государства и права, направлений и перспектив их развития, соотношения права и морали.

Представления В.К. Бабаева о государственно-правовых закономерностях помогали ему и в его руководящей деятельности – на посту начальника Нижегородской академии МВД России. Так, в августе 1991 года он отказался выполнить требование ГКЧП и не направил личный состав Академии в Москву на защиту нового режима. Трудно сейчас представить, что могло бы произойти, если бы тысячный коллектив «вышки» (как тогда в городе называли ГВШ МВД СССР) был брошен в горнило тогдашних московских событий. Возомнив себя новыми спасителями (эткими современными Миниными и Пожарскими), курсанты могли там, думаю, наломать немало дров.

Как потом оказалось, позиция Владимира Константиновича была в те дни правильной. Как была правильной она и в другие сложные мгновения нашей истории, когда, например, В.К. Бабаеву доводилось с личным составом вуза (курсантами, преподавателями и сотрудниками) выезжать в «горячие точки» для восстановления и последующего поддержания конституционного порядка.

Несмотря на предпринимаемые усилия и личное участие в них В.К. Бабаева, страна все же, в конце концов, распалась. Как считал Владимир Константинович, это произошло не в силу каких-то государственно-правовых закономерностей, а вопреки им, то есть по причине сугубо субъективных факторов, а именно в силу волюнтаристских действий М.С. Горбачева, стремившегося во что бы то ни стало усидеть в кресле главы государства, а также Б.Н. Ельцина, пытавшегося, со своей стороны, ценой раскола страны стать первой фигурой в одной из 15 составлявших ее частей – Российской Федерации.

И в дальнейшем В.К. Бабаев блестяще проводил свой специализированный вуз МВД России через все испытания полного тревог переходного периода и в итоге возвел его в статус Академии, что, конечно же, само по себе весьма примечательно. Уже тогда наметились тенденции сделать этот вуз одним из ведущих в системе МВД. Материальная база Нижегородской академии МВД была по тем временам невиданная. Почти все здание Академии было в мраморе, появились компьютерные классы. Широкое развитие получили технические средства обучения.

Учебный корпус был буквально опутан какими-то проводами, кругом висели разные приборы, обеспечивающие комфортные

условия и высокую эффективность учебной работы. Слушатели, выходя из лекционных залов, нажатием кнопок выставляли оценки преподавателям – за прочитанную лекцию. Ни один преподаватель не мог стать доцентом, а доцент – профессором, если его лекции слушатели оценивали ниже, чем на «отлично». Лекции преподавателей записывались на видео, а затем показывались и обсуждались на заседаниях кафедр и заседаниях учебно-методических комиссий.

Когда руководство Академии упрекали в чрезмерных расходах, то на все это Владимир Константинович отвечал, что вуз системы МВД – это лицо МВД, и здесь все должно быть достойным. Надо было не просто хорошо, а исключительно хорошо знать государственно-правовые закономерности, чтобы понимать это. Для получения средств использовались исключительно законные источники: во-первых, сам вуз зарабатывал как мог, во-вторых, вуз не отказывался от спонсорской помощи, а в-третьих, помогал город.

Первые годы перемен были особенно трудны для вуза. Приходилось подчас уповать действительно на самого Господа Бога. Памятен случай, когда нашу Академию посетил какой-то американский религиозный миссионер, кажется, его фамилия была Картер (как и одного из бывших президентов США). Он привез слушателям, преподавателям и сотрудникам в общей сложности тысячу экземпляров Библии (Ветхий и Новый Заветы в одной книге). Произнес, помнится, перед коллективом вуза пространную речь во имя Всевышнего, в которой попытался доказать реальность жизни и миссии Христа, много фотографировался со всеми и особенно с начальником вуза (которого называл просто Владимиром, что участникам мероприятия казалось тогда несколько бесцеремонным), вручил при этом каждому толстенный том Священного Писания.

Так как КПСС тогда еще была в принципе «жива», а религия не «реабилитирована», все это внешне выглядело как некое подпольное событие. Как бы чего ни вышло, высказывали преподаватели опасения. Но В.К. Бабаев на всю эту «церемонию» все же пошел, будучи, как видно, на все сто процентов уверен в необратимости перемен. Опять же надо было хорошо знать государственно-правовые закономерности, чтобы поступить так, как поступил в данном случае Владимир Константинович.

Ученый был уверен в своей правоте как в силу соответствующих твердых знаний, так и никогда не подводившей его интуи-

ции. И что же? Библию курсанты изучали, причем так, как и всю остальную «специальную литературу». Раз дали, то, значит, надо изучать. Хотя, разумеется, никаких экзаменов или зачетов по этой Книге не было. Как, например, ранее по трудам классиков марксизма-ленинизма. Или, скажем, по брошюрам Л.И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Дисциплина в вузе тем не менее несколько подтянулась, заметно повысилась текущая успеваемость, ровнее стали взаимоотношения курсантов с курсовыми офицерами и преподавателями.

А сейчас усилиями последователей В.К. Бабаева на территории вуза построена церковь, являющаяся своеобразной гордостью вузовского коллектива. Интересно смотреть, как иногда курсанты останавливаются возле нее, крестятся, о чем-то думают, размышляют. Может быть, вспоминают о каких-то свойственных молодости грехах и раскаиваются. Или, может, переживают об одиночестве и других проблемах своих родителей, молят судьбу об их благополучии, о благосклонности судьбы, верности любимых девушек.

Получается, что генерал, поступая так, а не иначе, смотрел... как в воду, то есть, понимая те закономерности, в силу которых наступают те или иные события, предвидел их и принимал нужные решения. И это были закономерности не только государства и права, но и всего тогдашнего уклада жизни.

Как сейчас можно трактовать тогдашние воззрения Владимира Константиновича на религию? Ни я, и, насколько мне известно, никто из коллег не обсуждал с ним такого рода вопросы. Да и в публичных его выступлениях никак не звучала данная тема. Здесь позволим себе немного отвлечься, чтобы затем еще больше приблизиться к теме исследования.

Где-то в конце 80-х годов прошлого века известный московский профессор Генрих Михайлович Миньковский (зав. кафедрой уголовной политики Академии МВД СССР) рассказал мне такую историю. Сидим, мол, в кругу коллег за столом на каком-то культурном мероприятии, и вдруг разговор как-то плавно соскользнул на тему о том, «есть ли жизнь на Марсе». Если конкретнее, то вопрос стоял так: есть ли инопланетяне или их нет, посещают они нашу планету или нет, вмешиваются ли они в нашу жизнь или она их мало не интересует. Кто-то говорил, что мы сами по отношению к другим разумным существам в космосе (если они, конечно, есть) инопланетяне, так почему бы не быть

и им самим. Кто-то связывал этот вопрос с теорией вероятности, что позволяло якобы научно предполагать: наши «братья по разуму» действительно где-то могут быть. Кто-то твердил, что все эти разговоры об инопланетянах есть не что иное, как сущий бред, – пока, мол, у меня под окном не сядет «тарелка», твердил один из таких «говорунов», и я лично не пожму «клешню» какому-то пришельцу, не поверю... А, например, академик и вице-президент Академии наук СССР Кудрявцев Владимир Николаевич безмолвно ковырялся в своей тарелке, доверяя ей, как видно, больше, чем «тарелкам» инопланетян.

Как рассказывал Г.М. Миньковский (рядом были и другие ученые), он тогда обратился к академику с вопросом: «Володя, что же ты молчишь? Все так бурно обсуждают, а ты как в рот воды набрал... А ведь именно ты у нас должен все знать. Академик все же... Не то что мы – всего лишь профессора...». Владимир Николаевич вначале пошутил (вчера, мол, был на охоте, и видел на опушке «тарелку», из которой один за другим вышли 12 гуманоидов...), но затем серьезно ответил, что, поскольку научных доказательств ни той, ни другой позиции нет, то, чтобы не выглядеть неубедительным, считаю, что лучше в этом вопросе воздержаться...

Наверное, из этого же (нет доказательств ни той, ни другой позиции...) исходил и Владимир Константинович, воздерживаясь от высказываний собственного мнения о том, есть Он или Его нет. Но в душе он все же, судя по реальным действиям, верил в какие-то высшие начала жизни. Думается, ученый рассуждал примерно так: если я родился в глухомани Дальнего Востока, да еще одиннадцатым ребенком в семье, выучился, стал ученым, написал немало довольно неплохих научных трудов, прошел по всем перипетиям жизни как по лезвию ножа, а став начальником Академии МВД и генералом, продолжал успешное движение «вперед и вверх», но уже как по лезвию бритвы, то отрицать наличие чего-то такого, что тебе всю жизнь помогает, может рассматриваться как проявление непозволительного легкомыслия.

Уверен, что примерно так же рассуждают почти все, кто хоть чего-то значительного достиг в этой жизни, особенно если речь идет о достижениях в творчестве, причем о таких достижениях, которые, может быть, в чем-то опередили время. Человеку, может быть, даже свойственно рассуждать так, что то, чего он достиг, принципиально невозможно без какой-то подсказки или иного содействия свыше.

По-видимому, именно поэтому многие так или иначе связывают свою судьбу с небом, звездами, знаками зодиака и т.д. И ведь не случайно люди порой говорят, что идеи буквально «висят в воздухе», а мы их только с переменным успехом улавливаем, воспринимаем, развиваем, публикуем и представляем в качестве собственных. Вот эти, так сказать, «висяки» в воздухе, наверное, и есть своеобразные источники и составные части веры. Другие источники и другие составные части ее связаны с нашими представлениями о вечности и бесконечности. И, наконец, третья группа источников и составных частей ее связана с «живым» состоянием космоса, то есть с неисчерпаемостью энергии, массы, движения, света, тепла, гравитации...

Когда читаешь в прессе информацию о том, что те или иные милицейские (теперь уже полицейские) генералы запутались в коррупции и поэтому подвергаются уголовному преследованию, невольно думаешь о том, что В.К. Бабаев никогда не позволил бы себе ничего подобного. Как тогдашний председатель народного контроля Академии, могу авторитетно утверждать, что у нас действительно все было чисто, как надо, в полном соответствии с законом. Разумеется, если не считать отдельных мелочей, без которых вообще не обходится ни один руководитель, а тем более руководитель такого крупного масштаба. Те, кто, так или иначе, был связан с делами нашего, возглавляемого В.К. Бабаевым учреждения, конечно же, хорошо понимают, о чем идет речь.

2.2. Сочетание строгой логики и интуиции как открытый В.К. Бабаевым интегрированный метод изучения государственно-правовых закономерностей

К познанию государственно-правовых закономерностей В.К. Бабаев продвигался буквально по нехоженным тропам, так как мало было исследователей, которые занимались ими. Выручало присущее В.К. Бабаеву следование строгой логике, изучению которой на материале права он посвятил, по существу, всю свою научную жизнь. Но наряду с ней он, как уже отмечалось, всегда включал в исследовательский процесс свою завидную интуицию. Строгая логика в соединении с изначально присущей ученому интуитивной пронизательностью делали буквально чу-

деса. Искомый результат как бы сам собою шел навстречу исследователю, и ему оставалось только зафиксировать этот результат, удостоверившись в том, что путь к нему избран правильно.

Логико-правовой метод в соединении с методом интуитивно-правовым стал фактически смыслом жизни В.К. Бабаева, главной сущностью всего его научного пути. Фактически это был открытый ученым новый метод, который мы бы назвали логико-интуитивно-правовым, а если короче – *бабаевским*.

Логика, удивительным образом сочетающаяся в произведениях Владимира Константиновича с его исключительно острой интуицией придавала им какой-то особенный блеск. Это трудно объяснимый прием научного творчества, в основе которого как познание с доказательствами, так и познание, основанное лишь на интуиции, то есть без доказательств, посредством одного только пытливого взгляда, вдумчивого наблюдения, внимательного созерцания. Логика и интуиция у В.К. Бабаева настолько тесно смыкаются, пересекаются, переплетаются, что порой невозможно понять, откуда же появился результат, из чего он произошел, из какой такой «субстанции» возник, на какой почве вырос. И при этом – никакой поверхностности. Обманчивая видимость внешней стороны исследуемого предмета каким-то невообразимым образом преодолевалась, и истина представляла перед ученым во всей ее силе и красе. «Пришел, увидел, познал», такими словами, перефразируя известное изречение (кстати, оно, как мне кажется, тоже об интуиции), можно было бы охарактеризовать этот бабаевский (логико-интуитивно-правовой) метод. Для правоведения как науки гуманитарной данный метод в сочетании с доказательной аргументацией имеет исключительно большое значение.

Творчество у В.К. Бабаева всегда каким-то удивительным образом сочеталось с его неистребимой страстью к спорту, столлярным, плотницким и иным вполне земным делам и заботам. Все это хорошо совмещалось с изучением тех государственно-правовых закономерностей, которые тогда в связи с захватскими горбачевскими и ельцинскими экспериментами настолько «разыгрались», что буквально пустили под откос СССР. И едва не загубили то, что от него потом осталось, – саму Российскую Федерацию. Нынешнему руководству страны приходится предпринимать невероятные усилия для того, чтобы обуздать их «своенравие» и направить историю в русло сбалансированного

развития. Приятно сознавать, что этому, так или иначе, способствуют и произведения В.К. Бабаева, ряд которых успешно переиздается.

На основе в том числе выработанного самим В.К. Бабаевым метода он открыл, в частности, такую закономерность: чем больше в обществе подлинной науки, в том числе, разумеется, и хорошей правовой науки, чем больше в нем культуры, искусства, других духовных ценностей, тем оно сильнее, здоровее в морально-нравственном и других отношениях, тем оно богаче в материальном смысле, перспективнее, значительнее, жизнеспособнее, продуктивнее, тем более сильны позиции страны в целом. И, напротив: чем меньше в обществе научного, образовательного, духовного и иного позитивного потенциала, тем с более значительными проблемами оно сталкивается.

В свое время великий русский поэт и дипломат А.С. Грибоедов в поэтической комедии «Горе от ума» наглядно показал (конечно же, сугубо иронически), как Россия страдает от «избытка» интеллекта. Но сегодня весьма остро (и это уже без всякой иронии) стоит вопрос о *дефиците* интеллекта. Бывая на Западе, каждый раз приходится воочию убеждаться в том, что люди там отнюдь не умнее нас, но все устроено у них гораздо лучше. В чем же здесь дело? А в том, что хотя у них гениев, может быть, меньше, но зато все их слушают, доверяют им, подчиняются. У нас же – едва ли не каждый гений (по крайней мере по своим собственным представлениям), но никто ни к кому не прислушивается, никто никому не доверяет, никто никого не считает для себя настоящим авторитетом. Каждый считает, что он один достаточно расторопный человек, а все остальные... так себе. Особенно если он – начальник. Но если некто другой начальник, то соответственно уже он умен. Что же касается тебя, то твои интеллектуальные качества, к великому сожалению, под большим сомнением. Каждый решает для себя данную проблему просто: «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак». Но, понятно, в «дураках» никто не желает быть, а поэтому по жизни каждый каждому и начальник, и подчиненный. Клиническая ситуация. В результате все больше нажимаем на ресурсы, забывая о производстве, сельском хозяйстве и других сегментах экономики. А это приводит к застою и откату назад. Срабатывает какая-то государственно-правовая закономерность, которая нам не нравится, а поэтому мы о ней не говорим, не думаем, не пытаемся ее

достаточно полно, всесторонне и глубоко изучить, чтобы затем как-то учесть в государственно-правовой практике, выровнять ситуацию, развернуть развитие в нужном направлении, мобилизовав для этого имеющиеся силы, средства, возможности.

Проблема дорог (которые все еще не дороги, а обозначения направлений, да и те подчас смывает дождем, как это случилось, например, во Владивостоке в июне 2012 года, когда буквально «поехала» по склону только что построенная к саммиту АТЭС трасса, на которую было истрачено около 30 млрд бюджетных средств) в сочетании с известной нашей упорно не сдающей позиции «первой бедой» (падают авиалайнеры, космические аппараты, тонут корабли, рушатся здания, жилые дома, по-прежнему взрываются склады с боеприпасами, горят леса, на глазах рушится культура...) способна свести на нет все предпринимаемые нами усилия по модернизации страны. А это уже угроза нашей национальной безопасности.

В.К. Бабаев своими работами восполнял, как мог, пробелы нашего правоведения и, как уже отмечалось, добился на этом пути немалых успехов. В данной связи нельзя не отметить, наряду с прочими достоинствами творчества ученого, еще и такую ценную черту его исследований, как объективное, исключительно адекватное, правдивое отображение государственно-правовых закономерностей. Нельзя сказать, что Владимир Константинович достаточно полно и всегда хорошо видел эти закономерности, но о многих из них он по крайней мере догадывался – опять-таки благодаря своей логике и интуиции.

Во всяком случае, если подобная закономерность «всплывала» и указывала на проблему, ученый никогда не уклонялся от того, чтобы отразить ее в своем очередном произведении. Он всегда искал и часто находил самые оптимальные пути решения выявленной проблемы. И, конечно же, никогда не замалчивал все еще сохраняющиеся мрачные и нелицеприятные стороны нашей непростой государственно-правовой действительности. В.К. Бабаев никогда не занимался ее лакировкой, говорил и писал так, как о ней думал, представлял ее такой, какой она на самом деле была. То есть говорил он и писал всегда прямо и открыто.

В мае 2012 года только заступивший на пост премьера экс-президент Д.А. Медведев в своем интервью В. Познеру на вопрос, «в каких случаях и как часто вы лжете» (имелись в виду

некоторые разночтения в высказываниях Д.А. Медведева в бытность его президентом), в свойственной ему прямолинейной манере ответил (сославшись на мнение одного из своих вузовских преподавателей): «Говорить правду – естественная потребность человека, и я не являюсь в этом отношении исключением... Я попрошу у Бога прощения за все, что совершил»¹. Мы бы в данной связи, основываясь на опыте жизни В.К. Бабаева в науке, добавили, что говорить правду – это естественная потребность того человека, который профессионально занимается политикой, наукой, искусством и другими подобными сферами деятельности, как, впрочем, и естественная потребность говорить неправду для человека, занимающегося преступной или иной неблагоприятной деятельностью. Если, конечно, речь идет не о творчестве, неотъемлемой составной частью которого являются именно фантазии.

Правдивость В.К. Бабаева была одной из его главных черт не только как ученого, но и как человека вообще. С этим связаны, наверное, и все другие сильные стороны его личности, в том числе такая, как способность говорить просто о сложном, а именно внятно, понятно, четко, доступно, лаконично, увлекательно, убедительно. Отнюдь не случайно лекции ученого всегда хорошо воспринимались курсантами.

2.3. Особенности открытого В.К. Бабаевым интегрированного метода изучения государственно-правовых закономерностей

Научное наследие профессора Бабаева Владимира Константиновича в области изучения государственно-правовых закономерностей, впрочем, как и во всех других областях, которыми занимался ученый, не только весомо, но и отличается впечатляющей яркостью, выразительностью, своеобразием формы и содержания. А, кроме того, в данном случае мы имеем дело с оригинальным научным методом, суть которого, как уже отмечалось, состоит в сочетании логики с интуицией. Особо работал

этот метод у В.К. Бабаева на первом этапе исследования, когда осуществлялись только подступы к будущим результатам. Когда же перспектива прояснялась, в дело вводилась, так сказать, «тяжелая артиллерия», то есть все остальные методы, а именно исторический, системный, комплексный, сравнительный, социологический и т.д. И результат определялся уже в полной мере, причем в сопровождении всех необходимых иллюстраций и доказательств.

Такой исследовательский путь, как убеждает нас в этом своими произведениями В.К. Бабаев, весьма плодотворен. Ведь что такое наука? Это не только полученные в результате напряженной мыслительной деятельности знания, но еще и сами процессы их получения, включая методы, на которых названные процессы основываются, знания об этих процессах и методах, а также информация о всех этих знаниях, содержащаяся и развивающаяся в интеллектуальном потенциале ученых, в том числе их книгах, статьях, докладах, отчетах, диссертациях и т.д. По своему содержанию научные знания должны основываться на объективных закономерностях действительности, а по форме они должны быть достаточно точными, выверенными, проверенными, достоверными, полными, относительно завершенными, систематизированными, воплощенными в соответствующие информационные системы, обладающими способностью дальнейшего пополнения, развития, обновления и, наконец, характеризующимися возможностью практического использования – в настоящее время или в определенной перспективе. А кто создает эти знания? Кто является их, так сказать, живым ресурсом? Кто новатор и инноватор? Конечно, же ученый, открывающий новое и продвигающий его в жизнь. И когда изучаешь эти знания в тесной увязке с теми людьми, которые их создают и внедряют в жизнь, то взору открываются еще и какие-то другие новые знания, в том числе те, о которых, может быть, ранее никто даже не догадывался, но своими интеллектуальными усилиями, так или иначе, проложил путь к ним. Остается лишь пойти по этому пути, и, ступив по нему, может быть, всего лишь шаг, можно увидеть то, чего ранее никто не видел. И это становится достоянием всего человечества. Невольно здесь вспоминаются знаменитые слова американского астронавта Нила Армстронга, произнесенные им, когда его нога коснулась поверхности Луны: «Это один маленький шаг для человека, но огромный скачок для человечества».

¹ Этот фрагмент интервью, к сожалению, не полностью отражен в средствах массовой информации (см., например: Белов С. Премьер у Познера // Российская газета. 2012. 6 июня. С. 3; Дмитрий Медведев – Владимиру Познеру: «Я попрошу у Бога прощения за все, что совершил» (редакционный материал) // Комсомольская правда. 2012. 6 июня. С. 2). Видимо, какая-то цензура (может быть, самоцензура) в СМИ все еще сохраняется.

Однако методы методами, но и сама по себе трактовка В.К. Бабаевым государственно-правовых закономерностей заслуживает большого внимания, особенно если учесть, что в этой трактовке сегодня можно увидеть и многое из того, о чем, может быть, даже не подозревал сам ученый. Злые языки могут по данному поводу сказать, что мы незаслуженно возвеличиваем В.К. Бабаева, приписывая ему и что-то такое, к чему он, собственно, не имел отношения, по крайней мере прямого. Может быть, отчасти это и так, но если с учетом бабаевского (логико-интуитивного) метода взглянуть на творчество ученого, то достаточно отчетливо видно, что равнодействующая его научных достижений уходит далеко.

Так было, кстати, с Сократом, которого возвеличили Платон и его последователи, сделав этого мыслителя олицетворением, по существу, всей философии – философии всех времен и народов. Кого возвеличили? В принципе простого человека, сына каменотеса, неграмотного (в смысле умения читать и писать), но натолкнувшего человечество на мысль о том, что высшая мудрость заключается в правильной постановке вопросов и поиске единственно верных ответов на них.

Сегодня нам нет дела до того, что, жена Сократа никак не ценила его мудрость и всегда норовила его обругать последними словами и даже при случае облить помоями, когда он, например, поздно возвращался домой после, как всегда, великолепной демонстрации своих превосходных мыслей перед учениками. А суд, как известно, вообще приговорил его к смертной казни якобы за растление молодежи, то есть отрыв ее от насущных забот «бесполезными разговорами».

Конечно, супруга В.К. Бабаева, Тамара Геннадиевна, в этом смысле была совершенно другим человеком. Она никогда ничего такого не делала в отношении своего мужа, хотя, наверное, жизнь, как и у всех нас, в этой семье складывалась далеко не всегда безоблачно – по крайней мере, настолько, чтобы во взаимоотношениях постоянно была «тишь да благодать», чтобы всегда пребывать в состоянии безмятежности и покоя. Но все мы, ближайшее окружение и почитатели таланта В.К. Бабаева, хорошо понимали, что без прочного тыла ему едва ли удалось бы сделать в науке столько, сколько на самом деле было сделано.

Государство никогда не обходило ученого своим благодарным вниманием, и все же он никогда не возносился над нами – сво-

ими коллегами, подчиненными, последователями и учениками. Когда мы, работавшие под началом В.К. Бабаева преподаватели, оказавшись в непринужденной обстановке, говорили ему (может быть, не без известной доли преувеличения), что благодаря его заботе мы состоялись как специалисты, он выразительно хмурился и твердо возражал: «Вы сами себя сделали. Я только, как мог, помогал. Сожалею, что не всегда это удавалось. Но искренне рад тому, что вы все пошли вперед. А у меня, к сожалению, совсем мало остается времени для науки. Что могу, конечно, делаю, но хотелось бы больше...».

И еще к вопросу о возвеличивании ученого. Если Христос действительно реальная личность (на что недвусмысленно указывают найденные археологами артефакты), то совершенно очевидно, что его величие определяется не только его личными делами, но и делами его последователей и продолжателей на протяжении последних почти двух тысяч лет. Возвеличивая Спасителя, они вместе с тем больше видели смысла и в собственных делах. Но мы, знавшие В.К. Бабаева лично и долгое время работавшие вместе с ним, в том числе под его непосредственным руководством, не претендуем на подобную перспективу – увековечить учителя, а вместе с тем, может быть, и самих себя. Однако то, что этот ученый поймал, образно говоря, жар-птицу правовой науки за хвост, совершенно очевидно. И ему в этом смысле крупно повезло. Удача всегда сопутствовала творческим исканиям Владимира Константиновича. Усилия не уходили словно вода в песок, как это часто случается, а быстро материализовались в достаточно весомые результаты. И признание не заставляло себя ждать.

Известно, что сама по себе смерть не делает человека лучше, краше, возвышеннее, как поется в песне: «каким ты был – таким ты и остался...». Хотя и прекрасно понимаем народную мудрость о том, что «молва за гробом – чище серебра...», «об ушедших говорят либо хорошо, либо вообще ничего не говорят», как и традицию сооружать памятники заслуженным людям уже после их ухода. Почему? Да потому, что человек, уходя из жизни, все, что было с ним «не так», как бы забирает с собой, а то, что было с ним «так», остается с нами. Тем самым смерть словно очищает ушедшего от всего сиюминутного, случайного, наносного, не свойственного ему. Или, может быть, и свойственного, но не настолько, чтобы не видеть очевидных достоинств человека, высвечиваю-

щихся еще ярче в том мраке, в который он погрузился, оставив нас в глубоком раздумье обо всем этом.

При этом мы и сами часто раскаиваемся во многом из того, что делали «не так», в том числе непосредственно в отношении самого ушедшего. Да, мы дарили своему шефу какие-то подарки «по случаю» (конечно же, ничего не прося взамен и хорошо понимая, что, в отличие от взятки, подарок – это знак уважение именно к человеку, а не к его должностному креслу), вводя его тем самым в конфуз. Сейчас мы понимаем, что лучший подарок любому шефу – добросовестная работа, так как она возносит не только дело и нас самих, но и самого шефа, поскольку для него нет ничего дороже, чем успехи коллектива.

Тема логики права, которой Владимир Константинович занимался практически всю свою творческую жизнь, относится к разряду так называемых вечных тем: чем больше ею занимаются, тем больше обнаруживается ее неисчерпаемость. Как же без логики в праве? Без нее даже при самой виртуозной интуиции – одна мистификация и фальсификация, сплошной авантюризм и полнейшее шарлатанство.

Но В.К. Бабаев был не просто удачливым творцом, новатором и инноватором в правовой науке, основоположником теории логики права, отцом и основателем ряда новых научных направлений, а также уже упоминавшегося логико-интуитивного метода, но и настоящим мастером литературного слова, что позволяло ему блестяще читать лекции, слыть заядлым полемистом на конференциях, семинарах и других подобных мероприятиях, блестяще формулировать управленческие решения и организовывать их столь же хорошее исполнение. И за это он тоже был всегда уважаем, почитаем и, можно даже сказать, любим нами.

Надо прямо сказать, что научное наследие В.К. Бабаева в области непосредственного изучения государственно-правовых закономерностей не такое уж большое. Впрочем, как и вообще во всей общей теории государства и права. Есть в основном «обрывки и паутина» мыслей, которые пока ни к какому конкретному делу особо не приладишь. И здесь кто-то может сказать, что я подливаю ложку дегтя в бочку меда. Да нет же, это совсем не так. Человек, который нам дорог, славен и памятен, не нуждается в излишнем и тем более искусственном лоске. Мы, современники ученого, воспринимаем его таким, каким он был на самом деле, со всеми его «плюсами» и «минусами» видим в нем именно живо-

го человека, кстати, во многом именно такого, какими были тогда и мы сами, то есть такими, в которых «плюсы» хотя и преобладали над «минусами», но далеко не всегда их устраняли или хотя бы как-то приглушали, притупляли, погашали, компенсировали что ли. Однако не в меру «собственной испорченности» судим мы сегодня об ученом, а в меру той динамики подъема, которую он постоянно демонстрировал и задавал нам.

Ко всему прочему, В.К. Бабаев был очень привлекательным человеком даже чисто внешне. Возраст не только не портил его облик, но и прибавлял шарм, какую-то необычную ауру, харизму что-ли. Был красив сам, и очень ценил красоту вокруг. Но, говоря о том, что В.К. Бабаев непосредственно занимался исследованием государственно-правовых закономерностей в основном по мере необходимости, в связи с проблемами логики права и другой актуальной проблематикой, нельзя не сказать и о том, что у него есть нечто большее, чем простая трактовка своего видения названных закономерностей. У него есть богатейший научный арсенал, на котором *может быть* построена общая концепция государственно-правовых закономерностей, раскрыта их система, показано отражение их в принципах права, в предмете и системе конкретных отраслей права, в правовых комплексах, институтах, нормах.

Дальнейшей разработкой этого арсенала мы, как представляется, и должны сегодня заниматься. И это будет, вместе с тем, нашим вкладом в осмысление и развитие творческого наследия В.К. Бабаева. Особая ответственность ложится здесь на представителей отраслевых юридических наук, которые все еще во многом, как говорится, варятся в собственном соку и мало воспринимают имеющиеся наработки в теории государства и права. И в то же время мало что сами дают данной теории.

Что касается *прямого* выхода творчества В.К. Бабаева на проблематику государственно-правовых закономерностей, то и здесь можно найти немало ценного. Например, исходя из того, что сам термин «закономерность» происходит от термина «закон», ученый, как недвусмысленно усматривается из его произведений, видел, по существу, в *каждой* правовой норме отражение тех или иных государственно-правовых закономерностей. А поэтому он часто обращался к анализу *именно конкретных правовых норм* из различных отраслей законодательства. Изучал их с присущими ему глубиной и всесторонностью, системным и комплексным

подходом, индукцией и дедукцией, логикой и интуицией. Что он искал в этих нормах? Ну, конечно же, какой-то их глубинный, потаенный смысл, работающий (или способный, призванный работать) на правопорядок, а следовательно, на важнейшие ценности жизни, на их создание, пополнение, обновление, накопление, сбережение, рациональное использование, то есть, говоря другими словами, на процветание страны.

2.4. Общая теория права В.К. Бабаева как учение о государственно-правовых закономерностях, обогащающее уголовное право

Общая теория права потому и *общая*, что является научной базой развития отраслей права. В свою очередь, по принципу обратной связи отрасли права представляют собой важный совокупный источник общей теории права. Особое место в системе отраслевых источников права занимает уголовное право. Являясь в течение многих лет видным разработчиком проблем общей теории права и одновременно руководителем одного из ведущих вузов страны, готовящих кадры для органов внутренних дел, В.К. Бабаев, пожалуй, ближе других подошел к пониманию того, что без решающей подпитки со стороны уголовного права арсенал общей теории права был бы намного беднее, а что касается его практического потенциала, то его можно было бы свести если не к нулю, то по крайней мере к какому-то минимуму. Ведь именно уголовное право выстраивает иерархию охраняемых ценностей, определяет систему совершаемых на них посягательств, устанавливает посредством санкций меру их опасности и государственно-правового порицания, а следовательно, создает соответствующие охранно-обеспечительные ориентиры для остальных отраслей права. Здесь – весь веер правовых норм, разветвленная система «приводных ремней» и иных механизмов права, охватывающая все государство, все общество, буквально каждого гражданина, здесь проявляет себя, по известному выражению классика научной философской, политической, экономической и правовой мысли, «нравственная физиономия общества», здесь решаются проблемы правопорядка, а следовательно, судьбы граждан, общества и страны в целом.

Не видеть этого нельзя, но так уж случилось, что многие представители общей теории (если не большинство) все еще отказыва-

ются от обсуждения отраслевой проблематики, особенно если она так или иначе связана с вопросами преступности и борьбы с ней. Что же касается В.К. Бабаева, то он был начисто лишен такого абстрагирования, и в своих исследованиях смело шел навстречу общетеоретическим потребностям отраслей права, причем приоритетными у него были общетеоретические потребности уголовного права. И здесь сказывалась, разумеется, не только милицейская принадлежность ученого (генерала милиции), но и его прозорливость, умение видеть суть любой отраслевой проблематики, на прямую выходящей на «вертикаль» общей теории права.

Совершенно очевидно, что современное состояние общей теории права таково, что оно позволяет считать ее, как мы полагаем, философией и идеологией, механикой и техникой всего права. Общая теория права как философия права разрабатывает проблемы как собственно философии права (здесь «карты» в основном в руках философов), так и правовой философии (сфера аналитической деятельности, прежде всего, юристов). Идеологический аспект общей теории права состоит в тех идеях, которые она отбирает, разрабатывает и приспособливает для целей права. Общая теория права как механика права разрабатывает вопросы правового механизма вообще и отраслевых правовых механизмов в частности. А как техника права общая теория права осваивает и внедряет приемы, позволяющие создавать высокоэффективные правовые конструкции.

Такой широкий формат представлений об общей теории права позволяет видеть в ней обстоятельную и надежную общую теоретическую базу развития и нормального функционирования отраслевых правовых наук, а следовательно, и общетеоретическую базу, обеспечивающую нормальное развитие и функционирование самих отраслей права. Отнюдь не случайно то, что специалистам в области общей теории права часто доверяют высокие посты в различных управленческих структурах. Мы, юристы-отраслевники, воспринимаем это с пониманием, как должное. И лишь иногда со стороны нашего брата-отраслевика слышен тихий ропот, мол, «мистификаторы абстракций берутся не за свое дело», «плодят такую же бессмыслицу в практических делах, как и в своих отвлеченных представлениях о том, в чем состоит разница между правом и законом, правовой системой и системой права, правопорядком и законностью...», то есть рассуждают, по существу, ни о чем.

Нет, здесь, как и во всех других науках (за исключением, может быть, не вызревшей пока еще политологии), представители общей теории права рассуждают в основном о том, что есть на самом деле. Другое дело, что сегодня общая теория права в некоторых своих положениях несколько, как я полагаю, оторвалась от пуповины отраслевых правовых теорий и порой витает в облаках. Среди теоретиков права распространено даже мнение о том, что чем больше у человека практического опыта, тем менее он пригоден для занятия настоящей наукой. Это глубокое заблуждение.

То, как конкретно общая теория права «работает» на уголовно-правовом направлении своего отраслевого предназначения, попытаемся рассмотреть сквозь призму соответствующих творческих усилий В.К. Бабаева и его незаурядных личностных качеств. Научная добросовестность В.К. Бабаева просто поражала – он так отработывал фразы и так выстраивал смысловую линию рассуждений (будь то научная публикация, выступление на конференции, лекция или просто соображения, высказанные по ходу дела, в кругу коллег при обсуждении какого-то вопроса), что сказанное быстро расходилось на цитаты.

Лекции В.К. Бабаева были до предела насыщены актуальной проблематикой и всегда воспринимались курсантами с большим вниманием. Успех лекционной работы для любого преподавателя является вопросом его профессиональной чести. Будучи сравнительно невысокого роста, В.К. Бабаев вырастал в лекциях до масштабов интеллектуального гиганта. Стремление к правде было его человеческой и профессиональной сущностью.

При В.К. Бабаеве вошло в традицию проведение в Нижнем Новгороде крупных научных конференций, в том числе международных, издание учебников, монографий, сборников трудов, учебных пособий, другой литературы по актуальным проблемам права и правовой политики, организация командировок преподавателей за рубеж, приглашение из-за рубежа иностранных специалистов. При нем же была учреждена адъюнктура, подготовившая за почти два десятилетия несколько сотен высококлассных специалистов. Изучая проблемы права и правовой политики, В.К. Бабаев, впрочем, как и во всех других случаях, руководствовался именно высокими морально-нравственными принципами.

2.5. Уголовно-правовая теория как источник и как следствие развития общей теории права в трактовке В.К. Бабаева

Само развитие права В.К. Бабаев рассматривал как движение его только в одном направлении – из прошлого в будущее, а если говорить конкретнее – от зла к добру, от тьмы к свету, от несправедливости к справедливости, от беспорядка к порядку, от произвола во взаимоотношениях к их гармонии. Если же говорить еще конкретнее – от неправды к правде, от правды робкой, несмелой, скромной к правде сильной, жизнеутверждающей, оптимистичной.

Если некий средневековый военачальник, по его собственному признанию, носил свое право на кончике своего меча, то любой нынешний властитель, как полагал В.К. Бабаев, должен носить свое право на кончике мушкетерской шпаги своей высокой юридической мудрости. Норма права, являющаяся, как известно, большим приобретением ума человеческого, должна вместе с тем быть, по В.К. Бабаеву, и огромным приобретением честности, порядочности, упорядоченности, справедливости, правды жизни.

Хотя, как писал классик, право не имеет собственной истории, поскольку история права – это во многом есть одновременно и история человечества, но ведь человечество, подобно барону Мюнхаузену, буквально вытаскило себя (вместе с «конем» общественных образований) из трясины дикости, варварства, войны всех против всех в состоянии гражданского мира, демократии, созидания, цивилизованности и положительного развития в целом, ухватившись за «волосы» права. Поэтому история человечества во многом есть и история права, и совсем не случайно то, что последняя в настоящее время является самостоятельной наукой, причем изучаемой во всех юридических вузах и на всех юридических факультетах вузов.

Стремление права к правде, к преодолению неправды, к борьбе с ней проявилось уже в том, что первый крупный памятник отечественного права назывался «Русской правдой». Древние составители этого документа были мудрыми людьми и прекрасно понимали, зачем им нужна была правда – прежде всего, для порядка во взаимоотношениях. И дело здесь заключалось не только в том, что людям надо было как-то уживаться друг с дру-

гом (хотя и это было важным), но еще и в том, что право как путь к правде, как основное средство ее достижения и поддержания побуждало людей поворачиваться друг к другу *лицом*, оказывать в драматических ситуациях друг другу помощь и поддержку, видеть друг в друге не врага, а именно друга, то есть в известном смысле как бы собственное свое отражение.

Все это не могло не способствовать духовному возмужанию и возвышению человека, а следовательно, и утверждению подлинно человеческих принципов функционирования общества и государства. День сегодняшней человека, общества, государства, человечества стал возможным только благодаря их дню вчерашнему, наполненному событиями, вектор которых всегда был ориентирован на правду. То обстоятельство, что и сами законы часто были, мягко говоря, лукавыми (кстати, это же нередко наблюдается и сегодня), не отменяет того, что их равнодействующая все же тяготела к правде.

По мнению В.К. Бабаева, можно констатировать, например, следующие черты правды (своеобразные моменты истины) нашего российского права:

1) право, закрепив и развив дальше основные морально-нравственные и духовные ценности жизни, существенно возвысило человека, преобразовало его из человека разумного в человека умелого, человека умелого – в человека творческого, человека творческого – в человека нравственного, а последнего – в человека высоконравственного. Оно возвело человека в ранг высшей ценности, а заботу о нем – в ранг официальной государственной политики;

2) право придало обществу характер гражданского, то есть такого, в котором граждане полноправны, а во многих – и равноправны, обладают способностью эффективно постоять за себя перед лицом различных угроз, в том числе путем объединения в разного рода общественные структуры, являющиеся в совокупности неотъемлемой составной частью политической системы страны;

3) право побудило государство начать переход в состояние правового, то есть в такое состояние, при котором оно не только имеет по отношению к обществу и гражданам определенные права, но и несет перед ними определенные обязанности, а следовательно, и ответственность за невыполнение этих обязанностей;

4) право заставило быть правовым не только государство, но и его экономику, то есть оно заставило ее основываться не только и не столько на грубой силе, традициях, власти денег, сколько на власти закона;

5) право подвигло не только граждан, но и целые государства обратиться «лицом» друг к другу и создавать межправительственные и иные наднациональные структуры, способствующие миру и безопасности человечества, а также общемировому прогрессу, расцвету цивилизованности на всей планете на основе межгосударственного, международного, межнационального, межконфессионального взаимоуважения, сотрудничества и устремленности в будущее в том числе на межличностном уровне.

Ввиду неизбежного отставания права в той или иной своей части от потребностей времени, оно характеризуется, как отмечал в своих многочисленных произведениях В.К. Бабаев, и отдельными недостатками, которые дают основание говорить и о неправде права. Эта неправда, как полагал ученый, заключается, в частности, в следующем. Право пока еще:

1) не сформировалось в том виде, при котором оно могло бы стать эффективным средством контроля государства над обществом, а общества над государством;

2) не стало эффективным средством управления общественными процессами;

3) не обеспечило оптимальное функционирование экономики, политики, социальной и других сфер жизнедеятельности;

4) не добилось снижения преступности до того минимального уровня, который в принципе возможен, достижим и посилен стране, и не вывело государство на бескоррупционный путь развития;

5) не выработало рациональных мер правового противодействия преступлениям и иным правонарушениям, а поэтому, как и сотни и тысячи лет тому назад, полагается в этом деле, прежде всего, на грубую (то есть репрессивную) силу закона, а именно на лишение свободы и штрафы.

Ставка на строгие наказания всегда была и остается в уголовной политике, по мнению В.К. Бабаева, доминирующей. На переходный период, когда наша страна только поднимается из руин после потерь, понесенных на стыке последних веков и тысячелетий, эта ставка, может быть, и имеет под собой определенные основания, но стратегический курс государства в деле борьбы с

преступностью и коррупцией состоит все же в том, чтобы, как требует того наше высшее руководство, «меньше сажать». Понятно, что такая политика диктуется не только и не столько принципом гуманизма, сколько и острой жизненной необходимостью. Как справедливо полагает министр юстиции РФ А. Коновалов, «смягчение системы наказаний – отнюдь не благотворительность и не альтруизм. Эта политика направлена в первую очередь на обеспечение безопасной жизни населения России»¹. Мы бы здесь лишь добавили: на обеспечение безопасности *и самой власти*, так как избыточность репрессии с неизбежностью ударяет и по ней.

Кроме того, совершенно очевидно, что в связи с незавершенностью переходного периода и в преддверии очередного мирового финансового кризиса в стране нет достаточных средств для строительства новых объектов уголовно-исполнительной системы, а существующие – основательно переполнены. Последняя амнистия на какое-то время решит проблему, но в дальнейшем она еще более обострится.

Ощущаются трудности с содержанием обитателей колоний, тюрем и следственных изоляторов. Нормально кормить их, одевать и обувать страна уже не в силах. В настоящее время все больше осуждаемых остаются дома с микрочиповыми «браслетами» на ногах, но готово ли общество взять заботу по их исправлению на себя, пока неясно.

Что касается граждан призывных возрастов, то здесь нет проблемы – они будут призваны на военную службу и армия

их, как показывает жизнь, все же «выровняет»¹. Но что делать с остальными, пока никто не знает.

Сложившуюся в настоящее время ситуацию в нашей уголовной политике В.К. Бабаев предвидел и предлагал ее решать путем расширения профилактической функции правоохранительных органов. Пока же профилактика преступлений практически не осуществляется. Почему? Да потому, что меры сугубо уголовно-правового характера более сложны и трудоемки².

При этом правоохранители подчас и сами втягиваются в преступления, причем не только в типичные для них коррупционные и иные должностные преступления, но и в преступления общеуголовные, в том числе такие как грабежи, разбойные нападения, бандитизм, убийства и т.д. Можно понять руководителей правоохранительных органов, которые больше полагаются в кадровой работе на полиграфы («детекторы лжи»), на свои установки о том, чтобы алкоголиков, наркоманов и преступников на работу в милицию не брать, на службы собственной безопасности, нацеленные на избавление рядов правоохранительных органов от двурушников, предателей, коррупционеров и прочих нарушителей порядка и дисциплины, поскольку ни на что другое не остается ни времени, ни средств, ни сил³. Вместе с тем нельзя при этом забывать и о том, что в развитых государствах давно уже хорошо зарекомендовали себя такие системы «подбора и расстановки кадров» в правоохранительных органах, как конкурсы, рекомендации авторитетных сотрудников спецслужб, приличная зарплата, различные льготы, стимулы высокоэффективной работы, разного рода страховки, стажировки, другие формы повышения квалификации, перспектива получения хорошей пенсии и т.д.

Можно сколько угодно говорить об отсутствии денег в стране, о тяжелых последствиях мирового финансового кризиса

¹ Куликов В. Статья без заключения. Под эгидой министра юстиции готовится пакет законопроектов, которые сократят тюремное население страны (интервью с министром юстиции РФ А. Коноваловым) // Российская газета. 2009. 5 мая. С. 1, 4. В числе мер, направленных на смягчение уголовно-правового реагирования на преступления, министр предлагал в 2009 году, в частности, учредить спецприемники (вместо следственных изоляторов) для менее опасных преступников, снизить уровень наказуемости нетяжких преступлений, перевести некоторые из преступлений в разряд административных правонарушений с повышением строгости административных наказаний за соответствующие деяния, возвратиться к спецкомендатурам, где осужденные отбывали бы наказания в условиях ограничения свободы, но с обязательным привлечением их к труду, организовать систему адаптации освобождающихся из исправительных колоний лиц (ежегодно число их составляло тогда примерно 300 тысяч) к условиям открытого пространства. Предполагалось, что снижению численности лиц, находящихся в местах лишения свободы, будет способствовать и планировавшийся к введению в наше законодательство институт «сделки с подсудимым», состоящий в том, что чистосердечное признание виновного в совершении преступления будет гарантировать ему существенное снижение назначаемого наказания (см.: Куликов В. Суд предлагает сделку. За чистосердечное признание преступникам будут снижать половину срока // Российская газета. 2009. 29 апреля. С. 3). Но, как это нередко у нас случается, реально полученные результаты предпринятых мер оказались далекими от ожидаемых: и наполненность колоний не снизилась, и кривая преступности поползла вверх.

¹ В то же время нельзя согласиться с тем, что за весьма опасные преступления, в том числе за убийства, суды порой назначают наказание условно (см., например: Козлова Н. Условное убийство. За тяжкие преступления суды стали наказывать сроками без посадки // Российская газета. 2009. 16 апреля. С. 10).

² О предпочтительном «нажиме» на репрессию свидетельствуют, в частности, криминальные хроники, публикуемые в средствах массовой информации (см., например: Белова Н. Перепугал науку. При получении взятки задержан ректор Северного государственного медицинского университета (СГМУ) Павел Сидоров // Российская газета. 2009. 29 апреля. С. 4; Ярошенко А. Уроки чтения. Дело амурского экс-губернатора составило 30 томов // Российская газета. 2009. 30 апреля. С. 3).

³ См., например: Фалалеев М. Чистка рядов и оружия. МВД ужесточает требования к приему сотрудников на службу // Российская газета. 2009. 29 апреля. С. 2.

2008–2010 годов, об отсутствии в обществе достаточного числа порядочных, физически и интеллектуально подготовленных людей, которых можно было бы взять на службу, скажем, в ту же полицию (мол, в отличие, например, от военной службы, на службу в полицию «условника» и тем более основательно прошедшего «тюремные университеты» рецидивиста не возьмешь), о том, что те люди, которых можно было бы взять в полицию, несмотря на реформы, не хотят идти туда, а ищут (и, как правило, находят) другие сферы приложения своих сил и умений.

Но все это – та же неправда, которую нам сообщают изо дня в день вот уже в течение многих лет средства массовой информации и которая используется определенными официальными кругами для оправдания собственной бездеятельности. Правда же состоит в том, что если *все корни* преступлений и иных правонарушений – в неэффективности нашей экономики, то *все решения* этой жгучей проблемы – в обретении нашей экономикой необходимой силы. Однако вместо поиска и осуществления путей активизации экономических процессов, руководители нашей экономики предпочитают и дальше пугать народ «страшилками» безысходности. Так, еще А. Кудрин (в бытность министром финансов) официально заявил на заседании коллегии своего министерства, что «в ближайшие 10–20 и даже 50 лет мы не будем иметь таких благоприятных экономических условий, которые имели в период с 2000 по 2004 год»¹. Даже западные экономисты-аналитики более оптимистично настроены относительно перспектив дальнейшего развития нашей экономики².

Вместе с тем дела в экономике страны сегодня действительно выглядят неважно, потому что:

– она в сильной степени зависит от состояния экономических процессов за рубежом, а поэтому любые зарубежные экономические проблемы отражаются на ней роковым образом. Наше присоединение к ВТО пока приносит только отрицательные результаты;

– эффективные меры по освобождению отечественной экономики от сырьевой зависимости пока не предпринимаются;

– средства, накопленные страной за счет вывоза нефтегазовых и других ресурсов, хранились и использовались нерационально, что привело к фактическому их исчезновению;

– производство по-прежнему остается у нас неэффективным или малоэффективным;

– качество производимых товаров и оказываемых услуг далеко не на высоте;

– их конкурентоспособность на мировых рынках, как правило, нулевая, а внутри страны – минимальная;

– сельское хозяйство – в упадке;

– высоким остается удельный вес теневой экономики, которая, сама являясь насквозь криминальной, заражает микробами преступности все остальное экономическое пространство.

Душат экономику, наряду с растущим монополизмом:

– прямое вторжение в нее чиновников;

– слияние бизнеса с властью, а власти с бизнесом;

– коррупция в сфере взаимоотношений бизнеса и власти;

– пробелы в правовом регулировании интеллектуальной собственности;

– пассивность создателей интеллектуального продукта по внедрению его в экономическую деятельность³;

При этом:

– падает интеллектуальный, трудовой, морально-нравственный, духовный и культурный потенциал народа⁴;

– новая элита воспринимается населением страны как нечто чуждое и враждебное, поскольку часто порождает фальшивые ценности⁵;

– экономика часто выбрасывает на рынки некачественные товары и услуги, в том числе смертельно опасные «медикаменты»;

– едва ли не со всего света в страну хлынули криминальные элементы, в том числе такие, которые стремятся занять лидирующие позиции в различных сегментах нашей экономикой⁶;

¹ См.: Медведев Ю. Интеллектуальная госсобственность. Ученые по-прежнему не заинтересованы в реализации собственных разработок // Российская газета. 2009. 16 апреля. С. 4.

² См.: Бояркина Н. Почему чем больше реформируют образование, тем ниже потенциал народа? // Аргументы и факты. 2009. № 16. С. 10.

³ См.: Костиков В. А кто же в кумирах и жоках? Суррогатная элита порождает фальшивые ценности // Аргументы и факты. 2009. № 16. С. 6.

⁴ Например, по признанию президента Грузии М. Саакашвили, одной из основных статей экспорта этой страны «стали воры в законе, которые нашли убежище в России и составляют там 90% всего криминального мира» (Репов С., Фуфырин А. Кредит недоверия // Аргументы и факты. 2009. № 16. С. 4).

¹ Лавров А. Кудрин: «В России еще 50 лет не стоит ждать благоприятных экономических условий» // Комсомольская правда. 2009. 15 апреля. С. 2.

² Там же.

– из-за рубежа в страну свозятся некачественные товары, которые к тому же буквально убивают отечественное производство;
– страна постепенно превращается во всемирную «прачечную», отмывающую порожденные зарубежным криминалом финансовые потоки.

Все это В.К. Бабаев, конечно же, прекрасно понимал, писал об этом и вносил свои предложения по выравниванию положения дел. Между тем при нынешних экономических трудностях, ложащихся тяжким бременем прежде всего на рядовых тружеников, чиновничество продолжает «накручивать» себе баснословные оклады, разного рода служебные выгоды и льготы. Дело доходит до того, что, как подсчитали специалисты, только один министр ежегодно берет на свое содержание у налогоплательщиков такие суммы, которых хватило бы, чтобы прокормить в течение года как минимум 112 россиян¹. Иначе как мародерством, причем наиболее опасным из всех видов подобного явления, это, конечно же, назвать нельзя. Фактически это есть не что иное, как «пир во время чумы». Еще круче в этом смысле ведут себя многие предприниматели, позволяющие обеспечивать себе материальное торжество за счет страданий собственных же работников². Часто все это приобретает довольно выраженную криминальную окраску.

Небезынтересно узнать, что, по данным опроса, проведенного фондом «Открытая социология» в начале апреля 2009 года, 43,5% россиян винят в создавшейся в нашей стране сложной экономической ситуации Правительство России, 31,8% – олигархов и банкиров, 28,5% – Соединенные Штаты Америки и Запад в целом, 20,3% – Президента РФ, 17,4% – местную власть, 16,3% – Председателя Правительства РФ³. Сложившиеся условия заставляют даже сравнительно состоятельных людей экономить на многом, в том числе на отдыхе (так отвечает 45,7% состоятельных людей и 86% людей, не входящих в этот класс), на приобретении бытовой техники (соответственно 42,6 и 83%),

на покупке одежды (40 и 90,1%%), на лекарствах и медицинских услугах (20 и 78,2%%), на продуктах питания (17,1 и 95,1%%), на поездках на транспорте (14,3 и 68,3%%). Только 3,8% опрошенных уверенно указали на то, что партия власти «Единая Россия»¹ активно работает над преодолением кризиса².

Непременным условием единства и целостности страны, о чем неоднократно писал в своих работах В.К. Бабаев, является обеспечение единства и целостности ее экономического и правового пространства. Ясно, что опасность дальнейшего развала России будет сохраняться, если не устранить асимметрию ее государственного устройства, при котором 83 регионами руководят 54 губернатора, 7 глав региональных администраций, 6 глав республик, 2 председателя правительства и один мэр (г. Москва). По-разному именуются в регионах законодательные органы: в Томской области – Государственная Дума, в Башкирии – Курултай, в Татарстане – Госсовет. Один из вариантов унификации такой: субъектом Федерации (губернией) руководит губернатор, законодательный орган губернии возглавляет региональная Дума, ее исполнительный орган – Исполнительный комитет региона. Президент, Государственная Дума и правительство остаются лишь на федеральном уровне.

2.6. Значение научного наследия В.К. Бабаева для разработки проблем преодоления преступности

Что конкретно, так или иначе, звучит в трудах В.К. Бабаева относительно решения вставших перед страной проблем, связанных с задачей обеспечения ускоренного продвижения права по пути правды, на основе познания государственно-правовых закономерностей? Комплекс соответствующих положений, формулируемый здесь с учетом видения ученым сложившейся в стране ситуации, включает, в частности, следующие меры:

1) декларирование в уголовном праве и других отраслях права антикриминальной направленности человека как высшей ценности – с оговоркой о том, что человек, совершающий пре-

¹ Почем нынче министр? Члены Правительства отчитались о своих доходах (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2009. № 16. С. 4.

² См., например: Островская Н. Пока рабочие голодают, хозяин прячется на Сейшелах // Комсомольская правда. 2009. 15 апреля. С. 6.

³ Опрашиваемым предоставлялась возможность давать на поставленный вопрос два или даже более ответа. При этом 3% опрошенных вообще никого ни в чем не винили, а 17,4% – затруднились в ответах (см.: Мацейко Е. У нижегородцев своя программа борьбы с кризисом. Фонд «Открытая социология» обнародовал результаты своего исследования // Нижегородский рабочий. 2009. 16 апреля. С. 3).

¹ Так она себя сама не без гордости называет, хотя на самом деле такое ее название (партия власти) основательно ее дискредитирует, поскольку наглядно показывает ее истинную цель – цель политического самоутверждения.

² См.: Мацейко Е. Назв. статья. С. 3.

ступления и иные правонарушения, попирающий нормы морали и нравственности, нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах не может признаваться высшей ценностью, хотя, разумеется, и заслуживает правовой защиты наравне со всеми другими гражданами;

2) прямое указание в уголовном праве, запрещающем и наказывающем преступления, о том, что оно (уголовное право) вместе с тем признает недопустимыми и все другие правонарушения и даже сугубо аморальные проявления цинизма, дерзости и т.д.;

3) доведение уголовного права до той степени строгости, которая была бы адекватна нынешней ситуации в стране и состоянию в ней правопорядка;

4) учреждение в стране (при Правительстве РФ) межведомственного научно-исследовательского института по изучению правопорядка и разработке мер преодоления его нарушений – с преобразованием ведомственных НИИ соответствующего профиля в филиалы данного института;

5) образование при каждом правоохранительном ведомстве лишь по одному специализированному высшему учебному заведению – с преобразованием региональных специализированных вузов такого рода в филиалы соответствующих федеральных вузов;

6) издание массовыми тиражами развернутых статистических сборников о преступности и предпринимаемых в целях борьбы с ней мер – с предварительной разработкой системы соответствующих статистических показателей и правил объективного учета сведений;

7) издание такими же (массовыми) тиражами ежегодных отчетов правоохранительных органов об их деятельности – налогоплательщики должны знать, на что тратятся их деньги;

8) ежегодное издание массовыми тиражами сведений о причинах преступлений различных видов – с тем, чтобы граждане имели возможность избегать ситуаций, грозящих им преступными посягательствами. В особенности это важно делать применительно к причинам криминальных ДТП, ежегодно уносящих до 30 и более тысяч жизней;

9) обновление всего права антикриминальной направленности, поскольку существующее право такого рода принималось в 90-е годы прошлого века и начале века нового не как право переходного периода, а как право общества, которое будто бы уже трансформировалось в состояние, характерное для развитых стран;

10) реформирование всей правоохранительной системы – с приданием ей более динамичного и результативного характера;

11) подчинение всех сил и средств государства и общества задачам и целям права антикриминальной направленности;

12) перевод основной части права антикриминальной направленности (как и значительной части всего права в целом) из ведения федерального центра в ведение субъектов Федерации; на первом этапе, возможно, в ведение законодательных органов федеральных округов (если таковые законодательные органы будут созданы), а по мере укрупнения субъектов Федерации до оптимального их количества (30–35 субъектов) – в их ведение;

13) принятие на переходный период *нового* Уголовного кодекса РФ, который следовало бы в этом случае именовать так: Уголовный кодекс Российской Федерации переходного периода. В преамбуле к Кодексу предлагается дать пояснение о том, что переходный период – это период, который будет продолжаться до обретения нашей экономикой полной независимости, выхода ее на передовые позиции на мировых рынках и обретения страной достаточно высокого социального, культурного и иного уровня развития¹. Идеальным было бы положение, при котором каждый субъект Федерации получил бы право принимать свой собственный уголовный кодекс, разумеется, как и все другие кодексы, включая гражданский, административный, трудовой. За федеральным центром целесообразно было бы в этом случае сохранить право устанавливать лишь ключевые положения (основы) отраслей законодательства. Применительно к уголовному законодательству это могли бы быть, в частности, важнейшие положения его Общей части, а также положения, касающиеся ответственности за наиболее опасные преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества. Россия все еще достаточно большая страна, и нет никакой необходимости унифицировать все законодательство в общегосударственном масштабе;

14) включение в число предпосылок освобождения от уголовной ответственности, условного осуждения, отсрочки отбывания

¹ Как верно отмечает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В. Лукин, «переходный период, в который вступила Россия без малого двадцать лет назад, еще далеко не завершен» (см.: Лукин В. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год // Российская газета. 2009. 17 апреля. С. 15).

наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, а также условно-досрочного освобождения *залога* в суммах, соразмерных с реальным имущественным положением виновного лица¹;

15) существенное усиление ответственность за преступления против личности, в сфере экономики, а также за коррупционные преступления, имея в виду отсутствие в стране в переходный период ее развития средств, которые были бы достаточными для проведения необходимой профилактической работы;

16) включение во *все* уголовно-правовые санкции указания относительно штрафа как дополнительной меры наказания и компенсационных выплат потерпевшим (а при отсутствии потерпевшего – в бюджет), включая издержки, связанные с расследованием преступлений и рассмотрением дел в суде, а также выплаты, связанные с необходимостью компенсации причиненного преступлением морального вреда. Убийца, хулиган, лицо, причинившее вред здоровью потерпевшего, или насильник должен платить буквально все компенсационные выплаты, в том числе по компенсации причиненного преступлением морального вреда не только непосредственному потерпевшему (травмированному или униженному), но и *всем* его близким, которым, конечно же, небезразлична судьба последнего²;

17) перевод основной массы преступлений небольшой тяжести в разряд административных правонарушений – с установление в отношении их достаточно строгих административных наказаний³;

¹ К такому выводу нас подвели участвовавшие случаи освобождения из следственных изоляторов лиц, привлеченных к уголовной ответственности, в том числе за тяжкие экономические преступления (см., например: Федосенко В. Покатился под Николину Гору. Арестанта выпустили из тюрьмы под залог в 10 миллионов рублей // Российская газета. 2009. 15 апреля. С. 6).

² В данной связи следует признать однобокой позицию Верховного Суда РФ, состоящую в том, что «убийца должен выплачивать компенсацию всем родственникам жертвы» (Орлов П. Смерть по расчету // Российская газета. 2009. 15 апреля. С. 6). Это должен делать (компенсировать причиненный моральный вред) не только убийца, но и любое другое лицо, совершившее преступление, так или иначе затрагивающее честь, достоинство и (или) репутацию человека. Иначе получается «неувязка», состоящая в том, что если потерпевший умирает (от причиненного ему преступлением увечья), то родственники получают возмещение нанесенного ему морального вреда, а если он по какой-то случайности остается жив (хотя, может быть, стал в результате полученных увечий инвалидом), они возмещения нанесенного ему морального вреда не получают. Выходит, что Верховный Суд РФ вольно или невольно как бы подталкивает заинтересованных в получении компенсации родственников выжившего потерпевшего к тому, чтобы те все же «помогли» ему уйти из жизни.

³ Данное предложение отвечает предпринимаемым в настоящее время в стране мерам по повышению строгости административных наказаний, что в сочетании с декриминализацией многих преступлений небольшой тяжести могло бы привести к существенному снижению численности нашего «тюремного населения» (см.: Куликов В. Арест вместо тюрьмы.

18) поднятие нижнего и верхнего пределов наказуемости так называемого «простого» убийства соответственно до 10 и 20 лет лишения свободы, а квалифицированного убийства – соответственно до 15 и 20 лет – с сохранением в санкции указания на пожизненное лишение свободы;

19) дополнение ст. 105 УК РФ частью третьей, в которой устанавливалась бы еще более строгая ответственность – за наиболее опасные из убийств, названных в ч. 2 данной статьи, например, за убийство трех или более лиц, убийство, совершенное с особой жестокостью, общеопасным способом, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), по мотиву кровной мести, политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

20) указание в примечании к ст. 105 УК РФ о том, что в случае, если покушение на убийство сопровождается причинением вреда здоровью потерпевшего, действия виновного следует квалифицировать как по ст. 105 УК РФ, так и по статье Кодекса, предусматривающей ответственность за умышленное причинение вреда здоровью соответствующей тяжести. В случае если покушение на убийство влечет *такой* вред здоровью, который, в свою очередь, влечет смерть потерпевшего, то независимо от продолжительности истекшего до наступления смерти времени содеянное надлежит квалифицировать как оконченное убийство;

21) признание ч. 4 ст. 111 УК РФ, предусматривающей ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, утратившей силу, имея в виду, что если умышленно причиненный потерпевшему тяжкий вред здоровью влечет его смерть, то неосторожность в отношении такого последствия исключается, поскольку виновное лицо в этом случае не может не желать или по крайней мере сознательно не допускать ее;

22) приравнивание заражения ВИЧ-инфекцией по наказуемости к покушению на убийство, а если это деяние (заражения ВИЧ-инфекцией) влечет в конечном итоге смерть потерпевшего – к убийству;

Минюст намерен увеличить срок наказания за административные нарушения // Российская газета. 2009. 14 апреля. С. 9).

23) указание в примечании к ст. 123 УК РФ о том, что незаконное производство аборта всегда должно квалифицироваться еще и по совокупности с покушением на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, поскольку это деяние (незаконное производство аборта) с высокой степенью вероятности может привести к нарушению детородной функции организма потерпевшей. При наступлении у потерпевшей бесплодия следует констатировать окончательное умышленное причинение тяжкого вреда здоровью;

24) дополнение ст. 125 УК РФ частями второй и третьей, которые устанавливали бы ответственность за оставление в опасности, повлекшее последствия соответственно в виде причинения потерпевшему вреда здоровью средней тяжести и в виде причинения его здоровью тяжкого вреда либо смерти;

25) дополнение ст. 124 и 125 УК РФ примечаниями, в которых содержалось бы указание о том, что если при умышленном неоказании помощи больному или при умышленном оставлении в опасности, когда виновный сам поставил потерпевшего в опасность и при этом сознавал неизбежность или достаточно высокую вероятность (свыше 50%) соответствующих опасных последствий, которые могут наступить в результате бездействия (и реально наступают), содеянное квалифицируется еще и по совокупности с соответствующей статьей УК РФ о преступлении против здоровья или жизни;

26) примечания к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающие основания освобождения от уголовной ответственности в связи с действиями виновного, дезавуирующими совершенное преступление (например, виновное лицо освобождает заложника, сдает оружие и т.п.), представляется целесообразным изложить по схеме: лицо, которое в разумные сроки добровольно или по требованию властей дезавуирует совершенное преступление, освобождается от уголовной ответственности; в случае же наличия в фактически совершенном деянии состава иного преступления, виновный отвечает только за данное («иное») преступление, но при этом факт дезавуирования совершенного преступления признается смягчающим наказание обстоятельством;

27) необходимо дополнительно снабдить примечаниями такого же рода и другие статьи Особенной части УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления, в отношении которых сохраняется возможность их дезавуирования – например, по статьям УК РФ о краже, незаконном лишении свободы;

28) важно преобразовать состав использования рабского труда (ст. 127² УК РФ) в состав обращения человека в рабское состояние, то есть в состояние, при котором труд человека организуется с существенными нарушениями трудового законодательства;

29) исключить из диспозиции ч. 1 ст. 136 УК РФ (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина) ее концовку, начиная со слов: «...в зависимости от его пола...», имея в виду, что *любые* обстоятельства, не имеющие отношения к делу (все их перечислить невозможно), не должны учитываться при принятии решения, касающегося прав и свобод человека и гражданина, в том числе внешность, цвет глаз, рост, особенности причёски, одежды, сексуальной ориентации и т.д.;

30) снабдить ст. 139 УК РФ (нарушение неприкосновенности жилища) примечанием, в котором указывалось бы на то, что если данное деяние совершено в целях совершения какого-либо другого преступления, то виновное лицо отвечает, наряду с нарушением неприкосновенности жилища, еще и за это (другое) преступление – с учетом степени его завершенности;

31) состав воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) преобразовать в состав воспрепятствования *законной профессиональной деятельности*, так как все профессии одинаково важны, будь то профессия пожарного, врача, спасателя, юриста, токаря, плотника, космонавта или, скажем, ассенизатора;

32) состав неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 156 УК РФ) преобразовать в состав жестокого обращения с несовершеннолетними;

33) вымогательство в той его части, которая связана с завладением чужим имуществом, включить в разряд хищений, подняя строгость наказания за данное преступление вплоть до пожизненного лишения свободы – в случае совершения хищения в особо крупном размере, то есть на сумму свыше 10 млн руб.;

34) стоимостные критерии размеров хищений и всех других преступлений в сфере экономики определять с учетом курса рубля по его состоянию на 8 декабря 2003 года (дата установления стоимостных критериев преступности деяний в твердой денежной сумме). На эту же дату надо ориентироваться и при оценке стоимостных критериев *наказуемости* деяний;

35) ст. 164 УК РФ (хищение предметов, имеющих особую ценность) признать утратившей силу, но признак посягательства на

предметы, имеющие особую ценность, предусмотреть наряду с признаком посягательства на жизненно важное имущество (автомобили, компьютеры, недвижимое имущество, драгоценные металлы, природные драгоценные камни, жемчуг и т.п.), в качестве квалифицирующего – применительно ко всем видам и формам посягательств на собственность, приравняв этот признак по наказуемости соответствующего деяния к признаку совершения его в особо крупном размере;

36) общее понятие хищения определить в законе как корыстное завладение чужим имуществом, причинившее ущерб его собственнику или иному владельцу;

37) определить в УК РФ нижний стоимостной порог наказуемости кражи, мошенничества, присвоения и растраты суммой, указанной в ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях, – применительно к верхнему стоимостному пределу мелкого хищения;

38) состав разбоя определить в ч. 1 ст. 162 УК РФ как завладение или покушение на завладение чужим имуществом, совершенные с насилием, опасным для здоровья или жизни потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия;

39) состав вымогательства без признаков хищения (вымогательство услуг) предусмотреть в новой (дополнительно включенной в УК РФ) статье (ст. 163.1) в следующем виде: «Вымогательство услуг, то есть требование безвозмездного или лишь частично возмездного оказания услуг путем шантажа или иных угроз, осуществить которые виновный предполагал в иное время, – по отношению ко времени предъявления соответствующего требования»;

40) дополнить состав причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) указанием еще и на *иной* способ (альтернативно), а также на отсутствие признаков не только хищения, но и *иного* преступления.

41) ст. 166 УК РФ (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения) признать утратившей силу, так как она, по сути, дублирует в соответствующей части другие статьи (158–164) УК РФ;

42) существенно усилить ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества – вплоть до пожизненного лишения свободы, если речь идет об особо крупном размере или иных особо тяжких последствиях. Строже диф-

ференцировать ответственность за данное преступление с учетом размера причиненного ущерба – значительного, крупного, особо крупного;

43) дополнить составы преступлений в сфере экономической деятельности квалифицирующим признаком особо крупных размера, ущерба, дохода либо задолженности (те составы, в которых такой признак отсутствует), а также квалифицирующим признаком *особенно* крупных размера, ущерба, дохода либо задолженности – с соответствующим повышением строгости наказания, вплоть до 20 лет лишения свободы;

44) установить нижний стоимостной порог наказуемости преступлений в сфере экономики в размере 10 тыс. руб. (ст. 174, 174¹, 175 и др. УК РФ);

45) максимально полно раскрыть содержание бланкетных диспозиций статей Особенной части УК РФ, детально описав нормы (правила), нарушение которых наиболее часто приводит к соответствующим опасным последствиям;

46) главу 23 УК РФ (преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях) признать утратившей силу, расширив соответственно понятие должностного лица – за счет включения в него лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях – с сохранением предусмотренных в примечании 2 к ст. 201 УК РФ элементов диспозитивности применительно к особенностям уголовного преследования лиц, выполняющих управленческие функции;

47) Унифицировать, конкретизировать или включить в УК РФ составы незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней, жемчуга, а равно денег или имущества, полученных преступным, контрафакта, предметов, запрещенных к обороту или находящихся в ограниченном обороте, а именно наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, ядерных материалов, радиоактивных веществ, оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, предметов, имеющих особую ценность, и др.; важно характеризовать как преступные наиболее опасные действия с указанными предметами (веществами, устройствами и т.п.), в том числе такие, как незаконные их приобретение, передача, переноска (ношение), переработка, хищение, вымогательство.

Перечень предложений по совершенствованию уголовного и иного права антикриминальной направленности в целях обеспе-

чения большей приспособленности соответствующего законодательства к задачам внедрения в общество правды, формулируемых в рамках интерпретаций В.К. Бабаева, можно было бы продолжать.

* * *

В заключение настоящей главы позволю себе воспроизвести стихотворение, которое было приурочено к открытию в Нижегородской академии МВД России лекционного зала (аудитории) им. В.К. Бабаева.

Шеф и брат мой, вы в пути устали,
Но с делами – не повременить,
И случилось то, чего не ждали,
И чего уже не изменить.

Нет вас – нет системы и порядка
В отставном сознании моем.
Мысль со смыслом заигралась в прятки,
И осталась ветреной при нем.

Да, мы знаем – право, жизнь, наука
И без нас не обретут покой,
Но ведь, Боже мой, какая скука
В непреложной истине такой.

Что там будет – думать не посмею,
Только знаю, что, тебя любя,
Мы – твои вассалы и пигмеи,
Мнили и гигантами себя.

Желтый телефон твой уважая,
Мы его порою слали... в бок,
Но потом, мучительно страдая,
Уходили прочь – ведь с нами... Бог.

И теперь не дашь ты нам свихнуться,
Не позволишь пасть, сгореть, пропасть,
На пути труднейшем промахнуться
И попасть в разинутую пасть.

Дом большой возвел себе Бабаев –
Много книг в нем, рашпилей и кур,
Но когда случалось время баек,
Шеф был с нами первый балагур.

Балагурим, ясно, и теперь мы,
Иногда впадая в забытье,
Но сейчас не будем хлопать дверью,
Когда надо тихо прикрывать ее.

Как в глухую нишу кабинета
По-английски, мэтр, ушел ты,
Навсегда остался безответным
Телефон твой жгуче желтый.

Где ты? Как там? Что там? Кто там?
Сто вопросов – ну да ладно...
Разыграли как по нотам
Жизнь твою дела нескладно.

В первых числах декабря родился,
А в последних – завершился бег,
Но как будто дальше устремился
Неизменный жизненный успех.

Тот успех, что эхом отзовется
Во всем том, где... – дело и резон.
Эстафета света не прервется
И прорвется вдаль за горизонт.

Мы с тобою, брат, всегда коллеги,
Навсегда одна с тобой семья,
И видны уж новые побеги
Твоего большого бытия.

.....
Лекционный зал твой открывая,
Зал как будто скромно намекал,
Чтоб и там за краем края – в рае
Залу ты работать помогал...

Если законы основываются на закономерностях жизни, то они обеспечивают ее цивилизованное, созидательное и процветающее развитие

Глава 3. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РАКУРС (уроки Бабаева)

3.1. Государственно-правовые закономерности и их учет при разработке проблем общей теории борьбы с преступностью и уголовного права

Закономерности окружающего нас мира – живого и неживого, естественного и общественного – есть главный предмет науки. Собственно, наука с того и начинается, что постигает названные закономерности и на этой основе «подсказывает» принимающим решения компетентным учреждениям и должностным лицам, что и как надо делать для налаживания, обеспечения и последовательного улучшения жизни людей.

Только с познания этих закономерностей появляется возможность как-то влиять на окружающий мир, делать его лучше, продуктивнее, ярче, цивилизованнее. Значительных успехов добивается в науке именно тот, кто в *большей мере* постигает эти закономерности, обосновывая свои выводы, предложения и рекомендации строгой логикой, пронизательной интуицией, убедительными аргументами, наглядными теоретическими и практическими результатами.

В этом смысле важное значение имеют государственно-правовые закономерности. Их познание позволяет осуществлять государственно-правовую деятельность в том виде, в котором она в максимальной мере соответствует потребностям людей, общества, страны. Именно поэтому государственно-правовые закономерности – в фокусе внимания не только общей теории

государства и права, но и всех других правовых наук, включая их отраслевые и межотраслевые образования. Являясь главным предметом правовой науки, эти закономерности играют системообразующую роль по отношению к ней, а через фактор науки – также по отношению к самому праву.

Таким образом, выявлять государственно-правовые закономерности необходимо для того, чтобы на их основе выстраивать и осуществлять созидательную и постоянно совершенствующуюся государственно-правовую деятельность, в том числе, разумеется, в сфере борьбы с преступностью. К сожалению, эти закономерности если и поддаются нашему познанию, то пока с большим трудом и далеко не в полной мере. И об их всеобъемлющем и глубоком познании мы все еще можем только мечтать. Но так как сегодня Россия – это уже страна не столько мечтателей, сколько героев, то им (героям), как говорится, и карты в руки. Вооруженные добытыми в результате напряженного аналитического труда подлинно научными знаниями о государственно-правовых закономерностях, они на этот раз, как можно предполагать, не ошибутся в своих решениях и пойдут именно туда, куда надо. И будут там именно в нужное время.

Государственно-правовые закономерности в науке о государстве и праве. Как писал в свое время Н.Г. Чернышевский, «каждый предмет (науки. – П.П.) имеет свой собственный характер, который отличается от других предметов (предметов других наук. – П.П.), имеет свою индивидуальность. Поэтому основной принцип каждой науки должен иметь в себе особенность, должен быть таков, чтобы принадлежал именно этой науке; например, нравственная философия говорит: «поступай честно», юриспруденция: «заботься об оправдании невинного и осуждении виновного»...»¹. «Особенность» и «индивидуальность» предмета теории государства и права как раз и состоят в закономерностях функционирования государства и права (государственно-правовых закономерностях), учитываемых в государственно-правовой практике.

Главный предмет науки как таковой есть, как уже отмечалось, закономерности окружающей нас действительности, то есть такие ее свойства, в силу которых изменения в одних явлениях с неизбежностью или по крайней мере с определенной ве-

¹ Чернышевский Н.Г. ПСС. Т. 7. С. 17.

роятностью порождают или могут (при тех или иных условиях и обстоятельствах) вызвать соответствующие изменения в других явлениях.

Глобальной закономерностью природы и общества является развитие их от простых форм к сложным, от низших – к высшим, от неразвитых – к развитым, от развитых – к еще более развитым. Закономерность Вселенной – ее разбегание с последующим сжатием в местах наибольшего скопления материи, затем – снова взрыв и опять разброс с последующим сжатием. И так без конца. Известное библейское выражение «время – разбрасывать камни и время – их собирать» имеет отношение, как видим, и к этим вселенским процессам. «Затухание» исключено, поскольку оно противоречило бы законам, которым подчиняется Вселенная.

Основа всех этих процессов (пока еще до конца не познанных) – взаимосвязь материи и энергии, находящихся в постоянных взаимозависимостях и преобразованиях, в том числе в преобразованиях одного в другое, а всего – в какие-то другие явления, состояния и формы.

Ни материя, ни энергия, как доказано еще М.В. Ломоносовым, никогда и никуда не исчезают, а находятся в постоянных преобразованиях. Материя – источник энергии, а энергия – источник материи. Движение – показатель и элемент тесной взаимосвязи материи и энергии. Плотность материи определяется ее массой, а ее масса – плотностью. Энергия же определяется возникающими в материи напряжениями, а сила этих напряжений – энергией.

Характерная особенность живой природы – ее происхождение от неживого состояния. Известно, что жизнь, раз возникнув, всегда стремится к гармоничному своему состоянию. Неизбежный результат гармоничного развития жизни – появление интеллекта со всеми вытекающими отсюда последствиями (труд, в том числе творческий, рациональное использование продуктов труда, техника, технологии и т.д.).

В основе появления жизни – счастливое сочетание условий, касающихся особым образом сложившихся состояний веществ (почва, вода, воздух...), процессов (гравитация, магнетизм...), явлений (тепло, свет...). В основе самой жизни – обмен белковых веществ, многообразие и взаимосвязь видов, раздражимость, размножение, рост, развитие, увеличение в массе, объеме, энергии, саморегулирование состава и функций, упорядочение биологи-

ческих процессов, стремление их к гармонии и в конечном итоге к интеллектуальному, нравственному и социальному состоянию.

Закономерности общества – неизбежность его зарождения с появлением homo sapiens, развитие от низших социальных форм к высшим, переход людей от стадного состояния к состоянию управляемому, от кочевого состояния к состоянию оседлому, от состояния инстинктивного к состоянию разумному, разумного – к умелому, умелого – к интеллектуальному, интеллектуального – к нравственному, нравственного – к справедливому. Попутно образовывались поселения, формировались обычаи, традиции, мораль, нравственность, политика, государство, право. Создавались философия, наука, архитектура, культура, искусство, экономика. Заклаывались основы образования, этики, эстетики, религии, физической культуры, спорта и всего, чем мы живем и сегодня.

Не любое, а лишь достаточно зрелое общество порождает государство и право, впрочем, как и все другие явления организованности, цивилизованности, прогресса.

Государственно-правовые закономерности общества, в недрах которого зарождаются государство и право, состоят, в частности, в следующем:

- общество определяет состояние государства и права, а государство и право – по принципу обратной связи – состояние общества;

- так как производительность государства и права от общества является определяющим моментом, то оно (общество) должно контролировать деятельность государства, в том числе в сфере права;

- контроль общества над государством не только не исключает, но и предполагает контроль государства над обществом;

- государство служит обществу, а не общество – государству;

- общество не служит государству, но подчиняется ему – в целях необходимого для всех общественного порядка;

- государство служит обществу, прежде всего, посредством своей правовой деятельности, в том числе в сфере обеспечения прав и свобод человека;

- подконтрольность государства обществу означает вместе с тем и подотчетность его обществу в сфере права;

- выход государства из-под контроля общества означает утрату им своего правового состояния, превращение его не толь-

ко в полицейское государство, но и в государство коррупционное, криминальное, аморальное, бесчеловечное;

– правовое государство – государство наиболее жизнеспособное;

– полицейское государство не является жизнеспособным и рано или поздно разрушается и исчезает;

– полицейское государство не только не является жизнеспособным, но при определенных условиях и обстоятельстве вообще становится государством-самоубийцей;

– выход общества из-под правового контроля государства преодолевается силой правового воздействия, но при определенных условиях и обстоятельствах такой выход способен привести к социальным трагедиям и регрессу, то есть к движению истории вспять;

– выход общества из-под неправового (избыточного, необоснованного, враждебного обществу) контроля государства ведет при определенных условиях к преобразованию государства, а в значительной мере и самого общества, в другие, более совершенные формы;

– предотвращение выхода государства из-под контроля общества осуществляется посредством преобразования его в государство правовое, то есть такое, которое обеспечивает верховенство закона, укрепление институтов гражданского общества, расширение прав и свобод человека, их соблюдение, обеспечение, пополнение, наполнение новым содержанием, улучшение и т.д.

Основная закономерность государства – образование и осуществление права, придающего государству устремленность к справедливости. Устремляясь в своем развитии к справедливости, государство оказывает все более благотворное влияние на общество и вместе с тем становится все более восприимчивым к общественному контролю. Государство и право, как и политика, наука, философия, мораль, нравственность и т.п., возникнув в обществах, находящихся в различных частях планеты, постепенно становятся в известном смысле общечеловеческими. Свидетельством этому может послужить консолидация государств, создание международно-правовых основ их развития, что способствует и развитию человечества.

Если говорить обобщенно, то надо заметить, что общий предмет системы наук о государстве и праве – закономерности воз-

никновения, функционирования и развития государства и права, то есть именно государственно-правовые закономерности.

Государственно-правовые закономерности, закрепленные в Конституции РФ, в частности, таковы:

– право – это, прежде всего, человек, его права и свободы, а человек – это, прежде всего, его право и обязанность быть им;

– сущность человека есть его права и свободы: без прав и свобод нет человека – по крайней мере в общепринятом его понимании;

– так как человек, его права и свободы – высшая ценность, то невнимание к ним со стороны государства и общества, снижение уровня их защищенности неизбежно ставят под удар и все другие ценности;

– все «другие» ценности есть, так или иначе, человек, его права и свободы, но проявляемые опосредованно, то есть через собственность, экономику, общественный порядок, государственную власть, правосудие, порядок управления и т.д.;

– достаточно эффективно защищать, соблюдать, приумножать, обновлять, развивать, модернизировать провозглашаемые Конституцией и другими законами ценности жизни невозможно без высокоэффективной защиты, пополнения, качественного обновления, наполнения новым содержанием главной (высшей) ценности – прав и свобод человека;

– цивилизованность, современность, высокий уровень развития государства и права определяются, прежде всего, тем, как в стране обеспечиваются, соблюдаются и защищаются права и свободы человека;

– защита прав и свобод человека есть защита самого человека;

– приоритетными охраняемыми законом ценностями являются жизнь и здоровье человека, его публичная и частная жизнь, наличие у человека достойной работы, необходимого достатка, иных прав и свобод, институты гражданского общества, окружающая природная среда, рыночная экономика, собственность, культура, информация, общественный порядок, правосудие, порядок управления, обороноспособность и т.д.;

– утрата обществом (народом) своего предназначения как носителя суверенитета страны и источника власти в ней ведет к подрыву демократии и общему регрессу, и, напротив, укрепление обществом своего предназначения ведет к демократии, эффективному созиданию и процветанию;

– государство укрепляет свои позиции в обществе, а именно является более жизнеспособным и эффективным, если оно базируется на демократических принципах, на праве, законе, внимании к правам и свободам человека, на утверждении публичной и частной жизни человека, на рыночной и социально ориентированной экономике, на его демократических, социальных, правовых, морально-нравственных, антикоррупционных, антикриминальных основах, и, напротив, государство деградирует, если оно является недемократичным, несоциальным, неправовым, коррупционным, криминальным, аморальным, бесчеловечным, если оно пренебрегает правами и свободами граждан, дестабилизирует рыночную экономику, подменяет рыночные механизмы собственным присутствием, вмешивается в публичную и частную жизнь граждан, строит свои взаимоотношения с обществом и гражданами на основе диктата, коррупции, криминала, репрессий и т.д.;

– экономическая свобода и равная защита всех форм собственности – основа процветания и могущества страны, и, напротив, несвободный предприниматель и предпочтения относительно различных форм собственности губят страну, лишают ее перспективы дальнейшего успешного функционирования и развития.

Государственно-правовые закономерности наиболее общего характера, проявляемые в преступности и мерах борьбы с ней. Переходя непосредственно к вопросу о государственно-правовых закономерностях, проявляемых в преступности и мерах борьбы с ней (закономерностях борьбы с преступностью), еще раз подчеркнем, что их совокупность составляет главный предмет общей теории данной борьбы – борьбы, основывающейся на уголовном и смежном с ним законодательстве и имеющей своим содержанием ее стратегию и тактику, разрабатываемые и осуществляемые государственной властью и, прежде всего, ее правоохранительными органами при опоре на институты гражданского общества и на всех граждан. Если стратегия борьбы с преступностью рассчитана на *длительную* перспективу и предполагает *широкий* комплекс мер, включающий, прежде всего, меры *упреждающего* характера, то тактика данной борьбы рассчитана на *ближайшую* перспективу и предполагает *сравнительно узкий* круг мер *ответного* характера.

Уголовная политика как единство стратегии и тактики борьбы с преступностью, разрабатываемых в рамках общей теории дан-

ной борьбы, не может и дальше оставаться в основном умозрительной. Она не может осуществляться вслепую, методом проб и ошибок, без четких представлений о реальной картине преступности и закономерностей этого явления, а также о реальной картине закономерностей тех мер, которые предпринимаются или должны предприниматься в целях недопущения преступлений и противодействия им. Познание в рамках общей теории борьбы с преступностью этих закономерностей позволяет формировать знания, касающиеся решения проблемы преступности, в частности, определять критерии отнесения деяний к разряду преступлений, а мер государственно-правового воздействия на совершающих преступления лиц – к разряду наказаний, формировать законодательство о борьбе с преступностью, выявлять причины преступности, разрабатывать в порядке предупреждения ее и противодействия ей адекватные антикриминальные меры, определять стратегию и тактику осуществления этих мер, формировать необходимые для этого силы и средства, органы уголовной юстиции, организовывать систему управления данными органами, поддерживать их надлежащее состояние и должный престиж в обществе, максимально широко привлекать для участия в борьбе с преступностью буквально все государственные органы, все институты гражданского общества, всех граждан.

С учетом того, что в настоящее время коррупция (как и иная преступность – общие злоупотребления, хищения, вымогательства, пытки и т.д.) основательно поразила не только чиновничество общей компетенции, но и сами правоохранительные органы, большая нагрузка в очищения их от «скверны криминала» возлагается не только на службы собственной безопасности, но и на общество, особенно на институты гражданского состояния.

Антикриминальная активность правоохранительных государственных и муниципальных органов (таких органов общей компетенции), институтов гражданского общества и в особенности граждан – это во многом стихийное явление, а задача заключается в том, чтобы направить данную активность в русло строго ориентированной, сфокусированной, целенаправленной, управляемой деятельности, в том числе посредством неуклонного повышения уровня общественного правосознания.

Сегодня стране нужно не только *правовое* государство, но и в известном смысле *правовое* общество (а не только общество

гражданское), а также *правовые* граждане. Что такое правовое государство, известно. Это государство, которое во главу угла всей своей деятельности ставит закон, требует того же от гражданского общества и граждан и к тому же само строго следует закону. А что такое правовое общество? Это общество, исповедующее право не только как государственную ценность, но и как ценность общественную, то есть свою собственную ценность, ну и, конечно же, как ценность общечеловеческую.

Но правовое общество – это еще и общество правовых граждан, то есть граждан, для которых право не только и не столько соответствующий эталон, сколько сами способ и форма существования. Современное право как способ и форма существования человека в чем-то поднимается даже над моралью и религиозными догматами типа «не убий», «не укради» и т.д. И в этом смысле право можно рассматривать в качестве определенной сущности современного человека, для которого сегодня уже мало самому не совершать, скажем, преступления, ему нужно еще и то, чтобы их не совершали также другие.

Людям в настоящее время принципиально важны взаимоуважение и взаимопомощь, в том числе в ситуациях, именуемых в законе необходимой обороной. И это становится вопросом не только морали и нравственности, философии и религии, но и одним из важнейших вопросов права. Само возникновение человека связано с тем, что он в течение длительного развития осознал себя в качестве члена не только семьи, но и иного ближайшего, а в известной мере и более отдаленного окружения, то есть социума, в котором, как и в семье, нужны те же взаимоуважение и взаимопомощь.

Необходимо формировать в системе антикриминальной деятельности, наряду с предупредительным (криминологическим) и вытеснительным (уголовно-правовым) направлениями, еще и направление сдерживающее, заключающееся в *контроле* за общественными процессами, на предмет выявления в них аномалий, способных при соответствующих условиях и обстоятельствах развиваться до уровня криминальных.

Замечено, что в городах и районах, в которых функционируют крупные предприятия, уровень преступности намного ниже (порой в 3–5 раз), чем в городах и районах с множеством мелких и средних предприятий. В данной связи надо думать над тем, как, не объединяя мелкие и средние предприятия в крупные,

«ассоциировать» их в соответствии с профилем деятельности в какие-то структуры, которые позволяли бы каждому работнику ощущать принадлежность к соответствующему более значительному общему делу, чем дело отдельно взятого индивидуального предпринимателя или отдельно взятой мелкой либо средней коммерческой организации.

Обращает на себя внимание то, что в примерно равных в социально-экономическом, демографическом и иных отношениях регионах преступность различается примерно в полтора–два, а порой – даже в два–три раза. Из этого можно сделать вывод, что там, где борьба с преступностью ведется активнее, показатели преступности могут быть существенно снижены только за счет данного фактора. С другой стороны, все усилия правоохранительных органов по борьбе с преступностью могут не иметь заметных успехов, повисать как бы в воздухе, если они не будут основаны на позитивных политических, экономических, социальных, организационных и других преобразованиях.

Закономерности в преступности и мерах борьбы с ней, как и вообще любые закономерности в общественных процессах, проявляются, как правило, не с неизбежностью, а лишь с той или иной степенью вероятности. Общество, как и государство, как страна в целом, – это образования искусственные. Здесь нет того, что мы наблюдаем, скажем, в химии, физике, механике, электротехнике, электронике, кибернетике, биологии и т.д., в которых изменение одного состояния с *неизбежностью* вызывает изменение и соответствующего другого состояния. Слишком много здесь таких факторов, которые, в отличие от естественных процессов, учесть весьма трудно, если вообще возможно.

Если в обществе «верхи» уже не могут управлять по-старому, а «низы» уже не хотят жить по-старому, то это совсем не означает наступления, как утверждал известный политик конца XIX и начала XX веков, «революционной ситуации», с неизбежностью разрешающейся социальным взрывом. Она произойдет только в том случае, если появится еще и лидер, который сможет возглавить движение, способное опрокинуть существующую власть и поставить на ее место другую. Иначе существующая власть либо собьет волну нарастающего протеста, либо как-то сможет договориться с «протестантами», либо в события вклинится какая-то третья сила, которая может решить судьбу конфликта, встав на ту или иную сторону, или привести с собой какую-то новую власть.

И таких альтернативных направлений развития возникшей ситуации может быть немало. В одних случаях закономерность здесь проявляется с довольно высокой вероятностью, в том числе эта вероятность может приближаться к 100 процентам, в других же она может составлять какую-то среднюю величину (например, 50 на 50), а в третьих – совсем незначительную, в том числе нулевую.

Совершенно очевидной является закономерность, состоящая в том, что безнаказанность приводит к совершению новых преступлений. И действительно, если, допустим, рецидивисту удастся так замести следы своего преступления, что раскрыть его становится практически невозможно, то не приходится сомневаться в том, что рано или поздно он попытается вновь повторить свой «удачный» криминальный опыт.

Если же человек, характеризующийся во всех отношениях положительно, совершает преступление впервые, да к тому же это преступление нетяжкое, то он, скорее всего, избежав по той или иной причине уголовной ответственности, поставит на своем печальном опыте многозначительную жирную точку. В данном случае могут сказать свое веское слово «муки совести», «страдания души», сожаления о случившемся, искреннее раскаяние, появившиеся религиозные чувства.

Думается, недалеко от истины утверждение, что в мире, пожалуй, не найдется человека, который прожил бы достаточно долгую жизнь и не совершил ни единого преступления. Но, совершив его, подавляющее большинство людей прекрасно понимает, что главное заключается в том, чтобы не повторить допущенную «ошибку» и найти достойный выход из создавшегося положения. И «чудесное исцеление» происходит, причем без всякого уголовно-правового воздействия. Новые преступления не совершаются, и такая (законопослушная) позиция подчас бывает более стойкой, чем та, которая основывалась бы на привлечении к уголовной ответственности. По данному поводу в народе говорят: «За одного битого двух небитых дают». И это означает если не абсолютную, то все же довольно часто наблюдаемую истину («правду жизни»).

Более того, если бы за каждый факт уголовно-наказуемого деяния буквально каждый виновный привлекался к уголовной ответственности, то, в конце концов, такая (сплошная) криминализация населения могла привести к существенному ухуд-

шению состояния правопорядка. Практически к его краху. Ведь каждый оказавшийся по ту сторону «барьера» человек, невольно ожесточался бы под воздействием одного уже ощущения ущербности. Да и старая истина о том, что «тюрьмы не лечат, а калечат», проявлялась бы в таком случае особенно сильно. А так как за решеткой оказалось бы если не все, то большая часть населения, это парализовало бы всю жизнедеятельность общества. Некому было бы ни охранять, ни содержать «арестантов».

Помнится, один из западноевропейских мыслителей XIX века заявлял: если бы наказание было подобным мечу, летающему над всеми нами и мгновенно карающему каждого, кто совершает преступление, то преступлений вообще не было бы. Думается, что человеческая природа все же устроена пока так, что в таком случае от летающего «карающего меча» в конечном итоге погибло бы все человечество.

Поэтому было бы, на наш взгляд, правильным утверждать, что практически в такой же мере, в какой безнаказанность умножает преступления, тотальная «наказуемость» («наказываемость») тоже умножала бы их. Но где та «золотая середина», при которой «наказанность» была бы более предпочтительной, чем безнаказанность? Какая «наказуемость» («наказываемость») может признаваться не избыточной, а оптимально достаточной, обоснованной, допустимой и даже, может быть, необходимой? Помочь ответить на такого рода вопросы может только опыт.

Постижение теоретически и достижение практически упомянутой выше «золотой середины» без опоры на конкретный практический опыт невозможно. Современное государство обычно определяет уместность и достаточность «наказанности» («наказываемости») численностью, оснащенностью и «ухватистостью» органов уголовной юстиции, осуществляющих борьбу с преступностью, включая возможности уголовно-исполнительной системы (количество исправительных колоний, тюрем, других учреждений лишения свободы, мест в них и т.д.). Но точно так же, как, скажем, труба не может пропустить через себя больше жидкости или газа, чем это предопределено ее диаметром, толщиной стенок, прочностью материала, из которого она изготовлена, а также другими конструктивными ее характеристиками, так и уголовно-правовая система не может «пропустить через себя» больше преступлений, чем это предопределено численностью ее сотрудников, их профессионализмом, активностью и т.д.

Это помимо того, что сама государственно-правовая «труба» по мере увеличения ее «пропускной способности» и увеличивающихся при этом «износа» и «криминальной пропитки» могла бы рано или поздно «рвануть», как, например, рвались изношенные трубы теплотрасс в декабре 2012 года в Санкт-Петербурге.

Поэтому некоторая латентность преступности не просто «неизбежные издержки» (сколько можем – столько и раскрываем...), но еще и определенное благо, преимущество. Если, конечно, говорить обо всем этом в относительном смысле. Как никак, но уже сегодня почти каждый сотрудник уголовно-правовой системы видит практически в каждом из нас потенциального преступника, поскольку ему ставится задача, во-первых, показать в благоприятном свете свою работу (больше выявляешь преступлений – значит, лучше работаешь), а во-вторых, добиться по возможности 100-процентной раскрываемости выявленных преступлений (сказывается еще так называемая «палочная» система учета и оценки работы сотрудников). Но мы уже видели, что может получиться, если эту задачу удалось бы решить.

Поэтому преступность надо «ударять», прежде всего, по самым «больным» ее местам, по ее корням, то есть по тем преступлениям, борьба с которыми обеспечивает снижение и всей преступности в целом. Это, например, тяжкие и особо тяжкие преступления (в особенности насильственные и иные агрессивные), преступления рецидивные, алкогольные, наркоманные, «молодежные», организованные, профессиональные, корыстные, коррупционные. Всякие же попытки «гоняться» за каждым преступлением (в особенности за преступлениями небольшой тяжести), то есть действовать по старым испытанным правилам типа «тащить и не пущать», «хватать и сажать», «мочить и гнотить», «окучивать и ошкуривать», не просто обречены на провал, но и крайне опасны для правопорядка в первую очередь. Как и для всей жизнедеятельности страны в целом.

С другой же стороны, если уголовно-правовая система не способна «охватить» и «ухватить» все то криминальное, что *всегда должно быть в поле ее зрения*, то она по крайней мере не должна отыгрываться на «мелочевке», причем такой, которую раскрывать-то и не надо: «сам пришел», «жена привела», «очевидцы задержали», «журналисты раскопали», «старушки со скамейки увидели», «правозащитники сообщили» и т.д. Иначе преступления изоцирковые, коварные, наглые, потаенные будут во мно-

жестве оставаться без реагирования, в связи с чем они будут повторяться, причем во все более опасных формах, во все увеличивающихся масштабах и со все возрастающей вероятностью, приближающейся, по существу, к неизбежности. Если такая тенденция есть, то это прямой сигнал к тому, чтобы проводить новое реформирование уголовно-правовой системы, то есть органов, призванных осуществлять предупреждение преступлений и противодействие им на основе уголовного и смежного с ним законодательства, взятых в единстве с их соответствующей правоохранительной деятельностью.

В последние годы значительно обострилась, судя по данным статистики, преступность несовершеннолетних, женщин, наркоманов. Но не все в этой статистике понятно и ясно. Сказывается здесь, например, то, что совершившие преступления подростки, женщины, наркоманы и алкоголики легче «улавливаются» сотрудниками правоохранительных органов. Они становятся более «легкой добычей ворона», чем, скажем, преступления в сфере Минобороны или других правительственных структурах, не говоря уже о преступлениях «авторитетов» или тех же правоохранителей, крышующих, как говорит президент, за 30 серебряников преступления торгующих на столичных рынках мигрантов, незаконно находящихся в нашей стране.

Итак, изучение государственно-правовых закономерностей и их проявления в конкретных сферах жизнедеятельности, включая ту, о которой здесь шла речь, выводит данную тему на все отрасли права, в том числе на уголовное право, в котором эти закономерности проявляются, пожалуй, наиболее отчетливо. Познание их открывает новые перспективы развития уголовного и смежного с ним законодательства, что особенно важно на стадии приведения его в такое состояние, которое могло бы обеспечить успешное окончание в стране переходного периода и вступление ее в период стабильности.

3.2. Государственно-правовые закономерности и общая теория борьбы с преступностью

Главная государственно-правовая закономерность заключается в том, что и государство, и право порождены обществом для целей обустройства и обслуживания жизнедеятельности. Гово-

ря обобщенно, для целей самоуправления. Понятно, что для этого общество должно быть достаточно зрелым. И сегодня еще в глухих местах Африки и Южной Америки исследователи обнаруживают племена, остановившиеся в развитии. У них нет никаких перспектив обретения государства и права. Почему? Да потому, что для этого у них нет достаточной социальной зрелости.

Предпосылками зарождения в обществе государства и права являются, в частности, следующие:

- достаточно большая численность племен и их объединений;
- довольно развитые межличностные и межплеменные общения, появление языка, счета, средств получения, накопления, хранения, пополнения, передачи и использования информации, освоение и создание ценностей, в том числе всеобщей значимости;
- письменность, элементы культуры, искусства: танцы, песнопения, рисунки, скульптура и т.д.;
- легенды, сказания, эпос, философия, астрономия, астрология;
- зарождение научных знаний;
- формирование элементов морали и нравственности, этических и эстетических чувств и представлений, чувств любви, дружбы, сопереживания, взаимоуважения, взаимопомощи;
- одобрение и порицание поступков других;
- чувства взаимоотношения, вражды, ненависти, презрения, мести, возмездия;
- понимание заслуг и провинностей, чувств гордости и угрызений совести, вины и ответственности, раскаяния и покаяния;
- наказание за провинности и поощрение за заслуги;
- использование позитивного опыта предшествующих поколений;
- преклонение перед природой – землей, небом, звездами, Солнцем, Луной, горами, лесами, степями, реками, морями, животными, растениями, друг другом и т.д.;
- зарождение религиозных чувств, представлений, обрядов;
- трудовая деятельность: собирательство, изготовление орудий труда, охота, рыболовство, скотоводство, растениеводство, приготовление пищи, изготовление одежды, обуви, поддержание огня и т.д.;
- оседлость, наличие жилищ, поселений, своего жизненного пространства, охраняемых территорий;
- формирование отношений подчиненности, взаимопомощи и дисциплинированности, семейных отношений, отношений со-

здания, приобретения, сбережения, пополнения, накопления, охраны и разумного использования ценностей, появление отношений собственности;

- появление обычаев (передаваемых из поколения в поколение обязательных для всех правил поведения) и традиций, обрядов, в том числе связанных с рождением детей, погребений умерших;
- наличие внешних угроз, обуславливающих сплочение и мобилизацию сил и возможностей, стремление избежать, смягчить или устранить их;

– выделение когорты управителей, отличающихся особой физической силой и (или) высоким интеллектом, твердой волей, решительностью позиций и действий, обязательностью исполнения принятых решений;

– выделение физически сильных лидеров, управляющих с помощью интеллектуально сильных людей, или интеллектуально сильных лидеров, опирающихся на физически крепких людей;

– опора лидеров на людей, претендующих на умение управлять сверхъестественными явлениями, в том числе на тех, кто в особой мере подвержен религиозным чувствам.

С возникновением всех этих предпосылок общество становится обществом в достаточно широком смысле этого слова, то есть вначале лишь «беременным» государством и правом, а затем – и их «создателем», «носителем», «попечителем», «управителем» и т.д. У тех же племен, у которых не было ни достаточно большой численности, ни сносных жилищ, поселений, ни эффективных орудий труда, ничего другого, необходимого для перехода из состояния дикости, варварства и стадности в состояние организованности, порядка и цивилизованности, не было и не могло быть ни государства и права, ни того, что ими могло быть обусловлено, вызвано к жизни, порождено.

Но если такие предпосылки появляются, то государство и право появляются с такой же неизбежностью, с какой неживая материя (почва, вода, воздух и др.) превращается в живую, если она соответствующим образом сочетается с теплом, светом, гравитацией, магнетизмом и многими другими жизнетворными факторами, естественно, в каких-то их особых видах, формах, состояниях, пропорциях, параметрах и т.д. И с какой жизнью, раз возникнув при соответствующих условиях и обстоятельствах, неизбежно стремится к многообразию, противоборству и гармонии видов, а затем и к своему интеллектуальному состоянию.

Разумная жизнь, возникнув, всегда стремится к состоянию социальному и государственно-правовому, а именно к состоянию организованному, упорядоченному, цивилизованному, нравственному, справедливому, гармоничному, совершенствующемуся и в конечном итоге процветающему. За горизонтом государственно-правового состояния общества мы пока ничего не можем видеть, но так как он (горизонт) все же есть, можно предположить, что за ним откроются перспективы образования ряда новых государственно-правовых конгломератов типа уже существующего Евросоюза и пока еще создаваемых ЕврАзЭС, Южная Африка и т.п.

Таким образом, человек разумный вначале становится человеком общественным, а затем и человеком государственно-правовым, то есть развивающимся в условиях государства и права. Государство при этом постепенно становится правовым, то есть не только подчиняющим с помощью права общество, но и подчиняющимся с помощью его же обществу, а право, естественно, становится инструментом не только государства, управляющего обществом, но и общества, управляющего государством.

Возникновение государства и права – лишь очередной этап в движении разума к идеалу – состоянию высшей социальной справедливости. Понятно, что устремленность к какому-то результату еще не есть его фактическое достижение, а поэтому как само зарождение жизни и ее разумного состояния, так и дальнейшее ее прогрессирующее развитие – целая цепь «счастливым» образом проявившихся закономерностей. И тем не менее устремленность как направление движения, вектор его ориентированности, тенденция, тренд способна творить чудеса.

Современная наука, к сожалению (или, может быть, к счастью), не дает ответа на вопрос о том, произошло ли что-либо подобное еще где-то в космосе или мы – единственные в нем. Но тем более человеку надо дорожить своим появлением на Земле. Как бы там ни было, но Земля – это тот же космос, а поэтому совершенно очевидно, что мы сами по себе есть именно космическое (а не какое-то *внекосмическое*) явление.

Но зачем, спрашивается, обществу понадобилось государство и право? Оно понадобилось для решения общих для всех задач, так как их успешное решение возможно только в условиях государственно-правового управления общественными процессами. Государство и право, порожденные и затем, спустя тысячеле-

тия, и управляемые обществом (институтами его гражданского состояния), есть не что иное, как средства общественного самоутверждения, а в известной мере и самоуправления. На муниципальном уровне это *местное* самоуправление, на уровне субъектов Федерации (если говорить о России) – *региональное* самоуправление, а на уровне общегосударственном – самоуправление *федеральное*.

Итак, современное государство – это государство, которое не только управляет обществом, но и, как об этом уже говорилось, управляется им, а право – это средство управления как обществом (со стороны государства), так и государством (со стороны общества). Таким образом, государство – это, как некогда сказал в одном из своих интервью Булат Окуджава, «своеобразное домоуправление, призванное нас обслуживать», если общество уподобить домам вместе с проживающими в них людьми.

Понятно, что первобытное общество само по себе ничего особого не создавало и создать не могло, за исключением разве что примитивных строений. Как-то благоустраивались пещеры, делались в них наскальные рисунки, велось собирательство плодов, осуществлялась охота, из шкур зверей делалась одежда, добывался огонь, разводились и поддерживались костры, на которых готовилась пища и у которых можно было согреться в холодное время.

Но из среды соплеменников выделялись сильнейшие из сильнейших, мудрейшие из мудрейших, решительнейшие из решительнейших, которые силой своих бицепсов, дубинок, громopodobного голоса, достаточно высокого интеллекта заставляли признать их в качестве управителей. По праву силы, ума и воли они взяли на себя властные полномочия, а общество с этим вынуждено было согласиться подобно тому, как более 1150 лет тому назад (в 862 году) ильменские славяне согласились с княжением пришедших к ним варягов – Рюрика с братьями Синеусом и Трувором и их дружинами. Скорее всего, случилось так, что ильменские славяне восприняли появление варягов в Старой Ладогe как какое-то вещее событие, своего рода знамение, судьбоносное явление, и в силу этого не столько призвали их на княжение (как это трактуют летописи), сколько вынужденно признали их фактическое (постфактум) вступление в княжение.

Так это или не так, но наши представления о тайнах зарождения государства и права – прямой путь к постижению тайны зарождения, существования и развития общества, к пониманию

его государственно-правовых закономерностей. Важной открывающейся в настоящее время государственно-правовой закономерностью является, в частности, то, что обществу на каждом этапе его развития требуется новое государство и новое право. Когда старое общество рушится и в его недрах зарождается новое, то вместе с ним формируются также новое государство и новое право.

Очевидно, что в настоящее время переходный этап развития нашего общества от его довольно шаткого, застойного, стареющего и деградирующего состояния к состоянию стабильного, устойчивого, обновляющегося и нарастающего подъема (демократического, экономического, политического, социального, правового, морально-нравственного) постепенно завершается. Обновляющемуся и устремленному к процветанию обществу нужно сегодня именно *по-настоящему* демократическое, экономически сильное, политически зрелое, подлинно социальное, действительно правовое и именно морально-нравственное государство, а также адекватное ему во всех этих отношениях право, то есть право, в основе которого человек и его права, а не только интересы власти, чиновников и того слоя предпринимателей, которые делают свои капиталы на нефти, газе, других природных ресурсах, недвижимости, торговле, строительстве, на вывозе за рубеж подлинных ценностей и взаимообразном ввозе в страну ценностей, как правило, мнимых, реализуемых к тому же на крайне невыгодных для потребителей условиях.

Обстоятельства и условия вступления России в ВТО требуют, помимо прочего, такой экономики, которая основывалась бы не только и не столько на командно-административном и жестком правовом регулировании, сколько на гибких правовых механизмах, которым свойственны и элементы саморегулирования. Говоря другими словами, наша экономика должна стать, насколько это возможно, свободной, за исключением, разумеется, естественных монополий и некоторых иных наших национальных приоритетов (природные ресурсы, железные дороги, энергетика и т.д.).

Что касается права, то в данной сфере в связи с завершением переходного этапа и вхождением страны в этап стабильно развивающегося состояния нужна, прежде всего, новая Конституция, а затем и обновление вообще всего нашего законодательства. В новой Конституции необходимо установить новое

административно-территориальное деление страны, исключаяющее ее возможный развал (как это произошло, например, с СССР), принцип сменяемости власти, основы новой политики, экономики, культуры, социальной сферы. Обновленное законодательство всецело должно быть направлено на создание, прумножение, накопление, обновление и рациональное использование создаваемых ценностей.

Важно принять новые Кодексы, так как внесенные в них за последние полтора-два десятилетия свыше ста тысяч изменений превратили эти нормативные правовые акты в собрания какой-то текучей и текущей правовой материи, уже в силу этого не способной решать возрастающие задачи.

Наиболее полно государственно-правовые закономерности проявляются в конституционных принципах, в числе которых можно назвать, в частности, законность, равенство всех перед законом, виновную и личную ответственность за противоправные деяния, справедливость и гуманизм, включающие обеспечение, соблюдение и приоритет прав человека. В основном на этих же принципах базируется и все отраслевое законодательство.

Полагаем, что перечень конституционных, а следовательно, и отраслевых правовых принципов мог бы быть пополнен рядом других, в том числе, например, таких:

- преодоление преступлений и иных правонарушений;
- учет на данном направлении государственно-правовой деятельности, впрочем, как и на всех других направлениях данной деятельности, государственно-правовых закономерностей;
- опора в данной деятельности на всю систему органов власти общей компетенции (а не только на правоохранительные органы), а также на институты гражданского общества и на всех граждан;
- гласность этой деятельности, ее (деятельности) постоянная активизация, научная обоснованность, общественный контроль над ней.

В совокупности эти принципы могли бы образовать базу для создания в дальнейшем общей теории борьбы с преступностью. Говоря об отражении государственно-правовых закономерностей в формирующейся общей теории борьбы с преступностью, нельзя не затронуть и вопрос о пределах уголовно-правового регулирования. В настоящее время эти пределы настолько широки, что в какой-то мере вторгаются в регулирование да-

же тех отношений, которые должны регулироваться административным, гражданским, трудовым, финансовым, налоговым, таможенным, экологическим и (или) другими отраслями права. Тем самым уголовное право своими довольно строгими мерами подменяет меры, свойственные другим отраслям права, что вызывает определенное возмущение в сознании и умонастроениях граждан.

Это касается, например, порядка проведения публичных мероприятий, не являющихся общественно опасными нарушениями, сферы семейных отношений, общественного порядка, поведения в местах богослужений и т.п. С другой стороны, например, административно-правовые санкции по своей правоограничивающей силе иногда поднимаются до уровня санкций уголовно-правовых, и даже иногда превосходят их, в частности, в отношении таких административно-правовых правонарушений, как уже упоминавшиеся нарушения порядка проведения публичных мероприятий, штраф за которые (нарушения) может быть в некоторых случаях назначен в размере нескольких сот тысяч (и даже одного миллиона) рублей.

Что касается самого уголовного законодательства, то оно, основываясь на конституционных принципах и возведя их в ранг собственных принципов, подчас отходит от них, попирая тем самым и те государственно-правовые закономерности, на которых названные принципы базируются. Это относится, в частности, к допускаемой данным законодательством возможности возложения обязанности уплатить штраф, назначенный несовершеннолетнему, на его родителей (ч. 2 ст. 88 УК РФ), к установлению в ряде случаев (за взяточничество и коммерческий подкуп) настолько больших штрафов (до стократной величины взятки (подкупа), а именно вплоть до пятисот миллионов рублей – ч. 2 ст. 46 УК РФ), что они фактически превращаются в конфискацию имущества, отмененную в 2003 году, введению максимального срока лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в 20 лет (ч. 2 ст. 47 УК РФ), что фактически равнозначно запрету на профессии, хотя такой меры в системе наказаний нет (ст. 44 УК РФ).

Что здесь можно сделать? Во-первых, предусмотреть в законе порядок, в соответствии с которым виновному назначалась бы только такой штраф, который он лично сам реально мог бы уплатить, причем именно в данный момент, а не какое-то время спу-

стя, когда он сможет заработать соответствующую сумму. Все остальное надо именовать либо конфискацией (если у виновного есть что конфисковать), либо трудовой повинностью (если у него вообще ничего нет). Во-вторых, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок свыше пяти лет надо в законе называть все же по-иному, например, дисквалификация, запрет, поражение в правах или что-либо в этом роде.

Наряду с этим, выскажем свою точку зрения на планирующееся преобразование исправительных колоний в тюрьмы. Полагаем, что такое решение было бы просто бессмысленным, если, разумеется, не считать, что термин «тюрьма» характеризуется более устрашающим звучанием (чем термин «колония»). Кстати, с учетом именно этого момента термин «милиция» заменен у нас термином «полиция». Если пойти по этому пути, то правоохранительным органам надо вернуть их прежнее название – «карательные органы», а уголовное право назвать, например, правом «возмездия», «страха», «карательным» или даже «убойным» правом. Но закоренелых преступников более «грозными» терминами не напугаешь, а тех правонарушителей, которые случайно оступились в жизни, можно только окончательно сломать, поскольку более «грозная» терминология является, как правило, и более позорящей, причем позорящей не только правонарушителей, но и самих сотрудников органов правопорядка, поскольку в таком случае они автоматически превращались бы в своеобразные «пугала».

Впрочем, и сейчас еще некоторые бесхитростные мамы пугают своих детей полицией: «Будешь баловаться – полицейский заберет...», что является определенным отголоском прошлых времен, когда «попасть в милицию» означало фактически поставить крест на судьбе. Не случайно и сейчас еще люди, оказавшиеся под статьей, подчас оканчивают жизнь самоубийством.

Уподобляясь вышеупомянутым мамам, пресса наперебой трубит об арестах людей, в том числе случайно оказавшихся в поле зрения правоохранительных органов. Не дожидаясь официального преобразования колоний в тюрьмы, она называет Федеральную службу исполнения наказаний не иначе, как «тюремным ведомством». Это весьма опасная тенденция, если учесть ярлыки, которые подчас навешиваются прессой даже на самые высокие государственные инстанции, например, «Госдура», «закон подлецов», «взбесившийся принтер» и т.п.

Гораздо лучше просто называть вещи своими именами. Например, различать поселения (учреждения с полным охватом осужденных трудом и условиями относительно открытого пространства), лагеря (учреждения с полным охватом осужденных трудом и условиями относительно закрытого пространства), колонии (с достаточно широким охватом осужденных трудом и условиями закрытого пространства) и тюрьмы (с минимально возможным охватом осужденных трудом и условиями максимально закрытого пространства).

Давно уже сказано, что если есть причины преступлений, то последние совершаются с такой же неизбежностью, с какой закипает вода, если ее нагреть до 100 °С. Или, можно сказать еще и так: с какой в огороде произрастают сорняки, если не вырваны их корни. Эта закономерность (если есть причины преступлений, то есть и сами преступления) проявляется в течение всего периода существования государства и права. Но есть еще и другая закономерность, а именно та, в силу которой преступления *со стопроцентной вероятностью не совершаются*, если к этому нет причин.

Поэтому существующие причины преступлений, конечно же, надо искоренять. Понятно, что сразу покончить с ними не получится – слишком глубоко и основательно они укоренились. Но если этим заниматься последовательно, настойчиво и планомерно, то результаты не замедлят сказаться. Начинать данную работу необходимо с изучения преступности, лиц, совершающих преступления, их биографий, условий и обстоятельств, повлиявших на то, что человек встал на дорогу, которая в конечном итоге и привела к совершению преступления. И когда наше представление о причинах преступности начнет мало-помалу вырисовываться, надо провести их максимально подробную систематизацию, выявить взаимозависимости и зависимости каждой из них от каких-то их собственных факторов. Воздействуя на последние устраняющим, ограничивающим, блокирующим и иным вытесняющим образом, можно сузить сферу и силу проявления причин преступности, а воздействуя на эти причины – снизить уровень и ее самой.

Изолируя преступника от общества в закрытом учреждении (или наказывая его иным образом), мы не решаем проблему преступности кардинальным образом, так как «корни сорняков» остаются все же в обществе. Но чтобы «вырывать» их из общест-

ва, нужны соответствующие усилия, а они-то как раз и не предпринимаются. И даже не изучаются, если не считать в основном умозрительные изыскания так называемых криминологов. В результате преступность продолжает свое «триумфальное» шествие по стране и планете.

Но раз и «по планете», то нужно, чтобы борьба с преступностью достаточно эффективно осуществлялась и в других странах, особенно сопредельных с нашей. Опыт многих других стран (прежде всего, разумеется, развитых) наглядно показывает вполне реальную возможность эффективного наступления на преступность. Требуется лишь желание этим заниматься, то есть нужна соответствующая политическая воля. Пока ее, к сожалению, нет. Недружественные нам круги за рубежом этим могут лишь воспользоваться – для удовлетворения своих захватнических, агрессивных, корыстных и иных низменных устремлений в отношении нашей страны.

Не следует забывать и о том, что те же зарубежные круги, которые без единого выстрела развалили «великий и могучий» СССР, сегодня с еще большей активностью продолжают свою экспансию в отношении Российской Федерации (России).

Ситуация с Эдвардом Сноуденом (а ранее с банковской системой на Кипре, покровительством беглым северокавказским террористам и другими подобными явлениями) наглядно показала, что Западу в настоящее время нет дела до прав человека, ему важнее использовать каждый подобный случай в качестве повода для того, чтобы нанести очередной удар по престижу России. Почему? Да потому, что Россия для Запада – зона его интересов. Отсюда такие «двойные» стандарты.

Заметим, что в условиях углубляющейся криминализации нашей страны, достижение подобных недружественных намерений существенно облегчается. На первых порах это может быть окончательное обескровливание России (прежде всего, в плане продолжающегося вывоза из нее «умов», «мускулов», «влагалищ», изъятия из нее природных ресурсов, «освоение» ее территорий), а затем и дальнейший развал оставшегося от СССР анклава¹.

¹ Враждебность Запада в отношении России особенно сильно проявилась в организации так называемых «оранжевых революций» в некоторых государствах, в том числе образованных на постсоветском пространстве (например, на Украине, в Грузии, Киргизии), а также в противоречащих интересам нашей страны действиях в отношении бывшей Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии и некоторых других государств.

Нужен комплексный план антикриминальных мер, который включал бы наряду с сугубо уголовно-правовыми мерами также меры предупреждающего и упреждающего характера, то есть меры, воздействующие не только на лиц, совершающих преступления, и отдельные (субъективные) факторы преступлений, а на *весь* их комплекс.

Вот возможная наиболее общая схема такого плана:

- изучение отечественного и зарубежного опыта наступления на преступность;
- изучение преступности за весь переходный период (с 1991 года по настоящее время) и предпринимавшихся для ее преодоления мер (плановых, оперативных, иных);
- изучение причин преступности и мер, предпринимаемых для их устранения, ограничения, блокирования и иного вытеснения;
- изучение всего комплекса вопросов, касающихся иных правонарушений и антиобщественных деяний, а также любых других негативных явлений, так или иначе способствующих совершению преступлений;
- изучение системы органов уголовной юстиции и их деятельности;
- изучение антикриминальной деятельности органов власти общей компетентности;
- разработка и внедрение в законодательство и практику его реализации системы альтернативного (административно-правового и иного не уголовно-правового) реагирования на преступления небольшой и средней тяжести при условии, что такие преступления совершаются впервые и при наличии каких-либо других смягчающих наказание обстоятельствах, а также если отсутствуют отягчающие обстоятельства и нет оснований для *полного* освобождения лица от уголовной ответственности и (или) наказания;
- создание как минимум трех творческих коллективов для подготовки блока проектов новой Конституции и новых Кодексов, в том числе Уголовного, Уголовно-процессуального, Уголовно-исполнительного, а также Кодекса РФ об административных правонарушениях (Административного кодекса РФ);
- учреждение межведомственной Службы предотвращения, предупреждения и профилактики преступлений и иных правонарушений;
- формирование общественных структур противодействия преступлениям, в том числе по борьбе с преступлениями в уч-

реждениях, организациях, на предприятиях, в общественных структурах;

- создание федерального, региональных и местных комплексных планов наступления на преступность;
- возложение на руководителей регионов всей полноты ответственности за состояние правопорядка на соответствующих территориях;
- создание системы поощрений лиц, освобожденных из мест лишения свободы за безупречное поведение: содействие в трудоустройстве, приобретении жилья, мебели, загородного земельного участка, автомобиля и т.п.;
- установка во всех подъездах многоквартирных домов и у всех подъездов таких домов, а также во всех лифтах, в торговых учреждениях и вокруг них систем видеонаблюдения;
- установка у всех подъездов жилых домов, в скверах, парках, вдоль тротуаров и вообще где только можно скамеек, имея в виду, что каждая такая скамейка автоматически становится своеобразным «наблюдательным пунктом» по общественному контролю правопорядка. Пора кончать со «страшилками» типа того, что скамейки в таком случае тут же оккупируют пьяницы, наркоманы, бомжи и «прочая нечисть всех мастей». Если у нас «нечисти» больше, чем остальных людей, то с этим тоже что-то надо делать. А не лишать последних нормальных условий для пребывания на воздухе.

Особого внимания заслуживает вопрос о роли средств массовой информации в противодействии преступности. Сегодня в СМИ – сплошные криминальные хроники, а именно материалы о хищениях, взятках, преступном наркообороте, убийствах, педофилии, дорожно-транспортных происшествиях и т.п. И получается, что не только сама наша жизнь перенасыщена криминалом, но и многое из того, что мы читаем, видим и слышим в СМИ. В результате криминал как бы умножается и создается впечатление, что с ним вообще невозможно бороться, что он непобедим. Это неправильно. Нужна какая-то если не дозировка, то *систематизированная* подача информации о криминальных событиях в СМИ, причем с акцентом на мерах, реально принимаемых в целях их недопущения.

С одной стороны, СМИ действительно должны отражать жизнь со всеми ее «плюсами» и «минусами», но с другой – они (СМИ) в то же время должны «сеять разумное, доброе, вечное».

Что же касается проблем преступности и борьбы с ней, то отражать их в СМИ во всей остроте и обнаженности можно было бы, во-первых, в виде каких-то аналитических материалов, фельетонов, литературных страниц, карикатур, а во-вторых, путем создания специализированных информационно-аналитических изданий (например, типа «Антикриминал»), организации соответствующих передач на телевидении и радио, размещения материалов о криминальных явлениях и мерах, предпринимаемых для их преодоления, в Интернете.

3.3. Государственно-правовые закономерности и уголовное право

Известно, что уголовное право, как и все право в целом, формируется не произвольно, а основываясь на закономерностях государства и права. Разобраться в том, как это конкретно происходит – актуальная задача, так как познания в данной области дают возможность разрабатывать такие законопроекты, принятие которых может отвечать насущным потребностям граждан, общества, государства.

Государственно-правовые закономерности общего характера, на которых основывается уголовное право, возведены им в принципы. Например, *принцип законности* в уголовном праве есть не что иное, как закономерность, состоящая в том, что любая «мерность» (мера) в борьбе с преступностью должна соответствовать закону, *принцип равенства граждан* перед законом – закономерность, состоящая в том, что лица, совершившие преступления, подлежат уголовной ответственности независимо от их личностных качеств, не относящихся к совершенным преступлениям, а следовательно, и к рассматриваемым в отношении них делам (пол, раса, национальность, убеждения и т.д.), *принцип вины* – закономерность, состоящая в том, что только виновно совершенные опасные деяния могут рассматриваться как общественно опасные, а следовательно, и как преступные, то есть влекущие уголовную ответственность, *принцип справедливости* – закономерность, состоящая в соответствии борьбы с преступностью самим совершаемым преступлениям (в частности, их тяжести), а кроме того, нормам морали и нравственности, *принцип гуманизма* – законо-

мерность, состоящая в обеспечении, соблюдении и приоритете прав человека, а также в том, что назначаемые за преступления наказания должны быть максимально умеренными, то есть минимально возможными.

Есть в уголовном праве и закономерности, вытекающие из перечисленных принципов, но имеющие относительно самостоятельное значение, например, такие:

– применение уголовного закона по аналогии не допускается, если такое применение влечет расширение сферы уголовной ответственности или усиление последней;

– объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается, поскольку такое причинение вреда, которое совершено при отсутствии вины, не может рассматриваться как преступление;

– никто не может нести уголовную ответственность дважды (то есть повторно) за одно и то же преступление;

– наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к совершившему преступление лицу, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства – хотя реально такие последствия и свойственно названным мерам;

– основанием уголовной ответственности является совершенное деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом;

– преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время его совершения, если новый закон не устраняет преступность деяния, не смягчает наказуемость последнего и не улучшает иным образом положение лица, совершившего деяние;

– закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказуемость последнего или иным образом ухудшающий положение совершившего деяние лица, не имеет обратной силы, то есть не распространяется на деяния, совершенные до принятия и вступления в силу нового закона;

– российский закон действует не только на территории Российской Федерации, но и других стран, если речь идет о российских гражданах или постоянно проживающих на территории РФ лицах без гражданства либо иных лицах, посягающих на интересы Российской Федерации, ее граждан или постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства;

– граждане Российской Федерации, совершившие преступления на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому (как и любому иному) государству;

– граждане иностранного государства, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации незаконно подвергаются в своих странах уголовному преследованию, могут рассчитывать на прибытие в Российскую Федерацию и проживание в ней, а при наличии необходимых условий – также на политическое убежище;

– не опубликованный официально (для всеобщего сведения) закон не подлежит применению;

– лица с психическими аномалиями или находившиеся во время совершения запрещенного законом деяния в состоянии опьянения, если они признаны виновными, подлежат уголовной ответственности на общих основаниях, но состояние психического расстройства (как и любое иное болезненное состояние) учитывается в качестве смягчающего наказание обстоятельства;

– уголовной ответственности подлежат не только лица, которые довели начатые преступления до конца, но и те, которые их до конца не довели, в том числе те, которые только готовятся или лишь приступили к их совершению – соответственно и наказания назначаются таким лицам более мягкие (в соответствии со степенью осуществления преступного намерения, причинами, по которым преступления не были доведены до конца, и рядом других обстоятельств);

– добровольный отказ от доведения преступления до конца исключает уголовную ответственность за недоведенное до конца преступление, если же фактически совершенное деяние содержит состав иного преступления, то данное лицо подлежит уголовной ответственности лишь за это (иное) преступление, но как совершенное при смягчающем наказании обстоятельстве;

– уголовной ответственности подлежат не только участники (исполнители), но и соучастники преступления (организаторы, подстрекатели и пособники) в соответствии с характером и степенью фактического участия лица в совершении преступления;

– необходимая оборона, крайняя необходимость и другие подобные предусмотренные законом обстоятельства исключают преступность формально преступного деяния, если не были нарушены условия правомерности совершаемых при таких обстоятельствах действий (бездействия).

Строго говоря, каждая уголовно-правовая норма (как и любая правовая норма вообще) фиксирует ту или иную закономерность. Отнюдь не случайно, что в основе термина «закономерность» – термин «закон». Поэтому рассмотреть здесь все уголовно-правовые нормы под углом зрения исследуемой темы не представляется возможным. Главное внимание сосредоточим на закономерностях, состоящих в том, что достижение успехов в борьбе с преступностью возможно лишь на основе объединения на данном направлении всех имеющихся в распоряжении государства и общества сил и средств.

Государственно-правовые закономерности конкретизированного характера, проявляемые в преступности. Прежде всего, такой закономерностью является социальная обусловленность преступности, а следовательно, и ее исторически изменчивый характер. Преступность меняется с учетом наличия и активности факторов ее изменчивости. Ограничивающее, блокирующее и устраняющее воздействие на эти факторы ведет к снижению преступности. И, напротив, преумножение и активизация их ведет к росту преступности. Преступность существует, сохраняет свою остроту и растет не только потому, что ее факторы *есть, преумножаются и активизируются*, но еще и потому, что появлению, существованию и активизации этих факторов не поставлены достаточно эффективные заслоны, не ведется надлежащая работа по их ограничению, блокированию и устранению.

Факторы преступности весьма многообразны. Они называются обобщенно социальными потому, что порождены обществом, но на самом деле это не только *собственно* социальные факторы (бедность, безработица, алкоголизм, наркомания, бесправие и т.д.), но и факторы политические (несовершенство власти, а именно неповоротливость государственного аппарата, дублирование функций, раздутые штаты чиновников и т.д.), экономические (несовершенство экономики: неразвитость рынка, монополистические и теневые явления в экономике и т.д.), правовые (несовершенство законодательства: неполнота законодательного регулирования, пробелы, дублирования в нем, нарушение в правоприменении принципов права и т.д.) и многие другие.

Каждый фактор преступности – самостоятельная закономерность, которая обязательно должна быть установлена, изучена и учтена, в том числе с позиций того, какие именно меры должны

приниматься для ее ограничения, блокирования и устранения, так как без этого преступность будет не только сохраняться, но и обостряться. И в конце концов может так случиться, что она буквально переполнит общество. И общество будет уже не в силах производить свои ценности, как и воспроизводить само себя. Страну неизбежно отбросит назад, она станет, по существу, вымирающей, а со временем вообще может исчезнуть с политической карты мира.

В свое время М.С. Горбачев, ограничиваясь в своем подходе к проблеме преступности лишь констатацией того, что «преступники обнаглели»¹, погубил СССР. Сейчас же, если не будут приняты экстренные достаточно эффективные антикриминальные меры, под откос может пойти уже Российская Федерация.

Выразительный показатель тревожной тенденции в преступности состоит в том, что если на переломе 80-х и 90-х годов прошлого века ее рост обгонял рост численности населения, то в условиях переходного периода по существу тот же весьма тревожный рост преступности наблюдается в отдельные годы уже при фактическом *снижении* численности населения. Заметны также такие опасные тенденции, как, например, алкоголизация, наркотизация, люмпенизация, профессионализация, интеллектуализация, политизация и все более широкая консолидация преступности.

Не покончено еще с бандитизмом, терроризмом, криминальным экстремизмом и сепаратизмом. Повсеместно и повседневно совершаются убийства и другие опасные насильственные и прочие агрессивные преступления. Продолжают свирепствовать коррупция, казнокрадство, экономические преступления, сговоры на товарных рынках и рынках услуг, мошеннические действия аферистов на рынках ценных бумаг, организаторов и держателей разного рода притонов.

Государственно-правовые закономерности конкретизированного характера, проявляемые в мерах по борьбе с преступностью. Одна из закономерностей борьбы с преступностью состоит в возрастании роли и значения данной борьбы в условиях переходного периода. Чем больше мы продвигаемся в этом периоде вперед в своем стремлении как можно больше активизировать развитие, стабилизировать его позитивную динамику,

ускорить процессы обновления, тем сильнее «дует встречный ветер» препятствующих этому явлений, в том числе в виде преступности, а следовательно, все больше возрастает потребность в целенаправленной борьбе с ней.

Впервые мы обратили внимание на указанную закономерность еще в начале переходного периода в контексте тогдашней обстановки в стране. Если преступность не будет «бита», утверждалось уже тогда, то «битой» окажется страна¹. Так, собственно, оно и случилось: необходимые антикриминальные меры не были приняты, и великий и могучий, как говорится, «приказал долго жить». Уже тогда подчеркивалось, что наращивание мер противодействия преступности, адекватных материальным, интеллектуальным и духовным возможностям общества – это не какая-то временная тенденция (пусть даже довольно длительная), а тенденция, которая должна стать *постоянной*. Она должна проявляться до тех пор, пока будет существовать преступность. Конкретно данное положение звучало так: «...В течение всего периода, пока будет существовать преступность, борьба с ней будет активизироваться, осуществляться на все более высоком уровне, с мобилизацией все более широких, возрастающих возможностей, которыми будет располагать совершенствующееся и постоянно обновляющееся общество»².

И дело здесь заключается не только в том, что на фоне улучшающихся показателей развития преступность будет выглядеть все более нелепым, ненужным, опасным, а следовательно, и нетерпимым явлением в глазах общества, а в том, что всякая самоуспокоенность, а тем более ослабление позиций в борьбе с преступностью неизбежно будет означать и откат в развитии. При таких условиях все «плюсы» могут быстро поменяться на «минусы».

Заметим, что закономерность борьбы с преступностью, состоящая в том, что с усложнением общественных процессов множатся криминогенные факторы и им требуется постоянно противопоставлять что-то новое антикриминальное, нечто более основательное и эффективное, чем то, что делалось в этом же направлении ранее. Данная закономерность не есть воспроиз-

¹ См.: Правда. 1989. 5 августа. С. 1.

¹ См.: Панченко П.Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики (проблемы формирования и реализации теоретической концепции борьбы с преступностью в СССР): дис. ... д-ра юрид. наук. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1990. С. 204, 205.

² Панченко П.Н. Указ. соч. С. 206.

ведение пресловутой сталинской «теории усиления классовой борьбы по мере продвижения страны по пути социализма» в ее проецировании на проблему преступности и методы ее решения. Если И.В. Сталин с помощью своей «теории» пытался обосновать репрессии второй половины 30-х годов прошлого века, то наша теория усиления борьбы с преступностью по мере наращивания достижений развития заключается не в том, чтобы «раскручивать» репрессию, а в том, чтобы, последовательно умеряя ее потенциал, расширять и углублять меры предупреждения, сдерживания и вытеснения преступности.

Очевидно, что происходящие позитивные изменения в развитии (экономические, социальные и др.) сами по себе не только не снимают остроту проблемы преступности, но и высвечивают возрастающую угрозу этого общественно опасного явления. И если позитивные изменения не подкреплены целенаправленными и постоянно активизирующимися антикриминальными мерами, не приходится сомневаться, что преступность быстро отреагирует на это своим очередным всплеском.

Что-то подобное произошло в нашей стране в начале второго десятилетия нового века, когда возрастающие материальные, интеллектуальные и духовные возможности, обусловленные выходом страны из трясины общемирового финансового кризиса 2008–2010 годов, не сопровождалась необходимой заботой о правоохранительных органах, в связи с чем они постепенно погрязли в коррупции, а кое-где даже стали переходить на сторону преступности, совместно с криминалитетом участвуя в преступлениях, в том числе самых опасных и организованных.

Не случайно, отвечая на вопрос читателей «Аргументов и фактов» о том, почему тормозится борьба с коррупцией в полиции, председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов, основываясь на преступлениях бывшего руководителя бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на пространстве СНГ Боква, бывшего первого заместителя Департамента экономической безопасности МВД России Хорева, а также ряда других высокопоставленных чинов этого ведомства, утверждал, что «правоохранительные органы стали частью коррупционных организованных преступных групп и не дают в обиду своих подельников»¹. Сами со-

трудники правоохранительных органов (в особенности сотрудники ГИБДД) порой жалуются (в том числе письменно, причем жалобы направляются в самые высокие инстанции, под текстами жалоб ставится до ста и более подписей) на то, что бремя собираемых для начальства взяток, переправляемых затем непосредственно в центральный аппарат МВД, становится уже неподъемным для них.

Обнаружилось также, что само по себе повышение уровня образования населения, количественный рост лиц с высшим образованием автоматически не приводят к снижению преступности. Более того, среди тех, кто совершает преступления, растет число лиц с достаточно высоким уровнем образования. Происходит процесс так называемой интеллектуализации преступности, то есть, говоря другими словами, преступники стали более образованными. Но, естественно, менее сдержанными, менее нравственными, менее культурными. Их интеллект, достойный, конечно же, лучшего применения, направляется на самое активное участие в криминале, который сегодня у нас процветает практически повсеместно.

По-видимому, здесь сказывается общая тенденция падения нравов в стране, вызванная деградацией культуры, искусства, литературы, поэзии и т.д. Эту тенденцию оказалась не в силах пресечь даже религия, интерес к которой в переходный период резко возрос. Факт остается фактом: преступники, как видно, окончательно «обнаглев», совершают в настоящее время свои преступления более утонченно, продуманно, грамотно, изощренно, коварно. Особенно это проявляется в коррупционных, экономических, экстремистских, «наркооборотистых» и некоторых других преступлениях. С другой стороны, полиция сдает в борьбе с преступностью одну за другой позиции и даже, как уже отмечалось, все чаще смыкается с криминалом, в том числе напрямую.

Государственно-правовые закономерности конкретизированного характера, а именно относящиеся к отдельным видам и категориям преступлений, определяющие нынешнее состояние уголовного права. Закономерности борьбы с преступностью, относящиеся к отдельным видам и категориям преступлений, весьма показательны. Достоверно доказано, что чем активнее ведется в том или ином населенном пункте борьба, например, с хулиганством, тем меньше совершается там иных насильственных и агрессивных преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, включая причинение вреда здоровью различной тяжести,

¹ См.: Кого из коррупционеров накажут? (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2012. № 24. С. 47.

изнасилования и даже убийства. Точно так же, как активизация борьбы с должностной халатностью предупреждает, например, хищения в форме присвоений и растрат, а активизация борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий предупреждает преступления несовершеннолетних, в том числе кражи, грабежи, разбойные нападения, вымогательства, угоны транспортных средств, групповые хулиганские действия.

Почему так происходит? Да потому, что перечисленные преступления (хулиганство, халатность и др.) характеризуются повышенной криминогенностью. Именно по данной причине статьи УК РФ о названных преступлениях называются в юридической литературе нормами с двойной превенцией. Но если, допустим, хулиганство или халатность – это преступления, которые можно было бы назвать преступлениями-«эскалаторами» (так как они в условиях безнаказанности не только повторяются сами, но и, создавая соответствующие условия, «вбрасывают» в криминальную обстановку еще и другие преступления), то преступления типа вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий – это преступления, которые можно было бы назвать преступлениями-«подстрекателями», так как они не просто тянут за собой другие преступления (провоцируют, вызывают, обуславливают их), а как бы еще и «подталкивают» к ним, то есть являются их *непосредственной* причиной.

Идя по пути таких рассуждений, можно выделить еще и преступления-«организаторы» (например, преступления, предусмотренные ст. 208–210 УК РФ), а также преступления-«пособники» (ст. 174, 175 УК РФ). Если первые соответственно *организуют* совершение преступлений, то вторые – *способствуют* их совершению.

В принципе некриминогенных преступлений нет и быть не может. Любое преступление представляет собой благодатную почву для совершения новых преступлений. Поэтому довольно часто бывает так, что одно преступление влечет за собой другое, а в большинстве случаев влечет за собой не одно, а как минимум два или три преступления. Следовательно, пресекая одно преступление, мы тем самым перекрываем путь и целому ряду других. И напротив: позволяя преступлению совершиться, мы открываем путь, как правило, и целому ряду других преступлений.

Но, как вытекает из сказанного выше, есть преступления, опасность которых определяется не только тем, что они опасны сами по себе, и не только тем, что имеют свое продолжение в других преступлениях, но еще и тем, что они с достаточно высокой степенью вероятности вызывают преступления *других* видов. Это, напомним, преступления с повышенной («дополнительной», «добавочной», «усиленной»...) криминогенностью, а именно преступления-«эскалаторы», преступления-«организаторы», преступления-«подстрекатели», преступления-«пособники». Однако есть еще и так называемые преступления-«провокаторы», например, такие преступления, как побои, истязания, причинение вреда здоровью различной тяжести. Эти преступления опасны, помимо прочего, еще и тем, что вызывают межличностные конфликты, на почве которых в виде соответствующей ответной реакции совершаются другие преступления (нередко более опасные), в том числе убийства.

Итак, в числе преступлений с повышенной криминогенностью можно выделить преступления-«эскалаторы», преступления-«провокаторы», преступления-«организаторы», преступления-«подстрекатели», преступления-«пособники». Все эти преступления, вызывая другие преступления, часто ударяют (как бы рикошетом) и по иным охраняемым уголовным законом ценностям. Поэтому, осуществляя борьбу с такими преступлениями, мы тем самым спасаем от преступных посягательств не только те ценности, на которые эти преступления посягают *непосредственно*, но и те, на которые они посягают *косвенно*, но почти всегда и с весьма высокой вероятностью. И задача теории уголовной политики (общей теории борьбы с преступностью) состоит как раз в том, чтобы выявить эти преступления и осуществлять последовательную, неослабную и предельно прицельную борьбу с ними, естественно, без снижения активности борьбы со всеми другими преступлениями.

Приведем в систематизированном и более полном виде основные сведения о преступлениях с повышенной криминогенностью с указанием на соответствующие статьи УК РФ: преступления-«эскалаторы»: 119, 126, 131, 132, 134, 135, 138¹, 156, 166, 169–173², 180, 181, 185–187, 189–193, 195–197, 201–203, 211–214, 222–229¹, 231–235, 238, 242–242², 250–254, 267, 271–274, 275, 276, 278, 279, 283, 284, 285, 285², 286, 288–294, 298, 299–301, 303, 305–308, 310–316, 320–322, 324–327¹, 338, 340–344, 353, 355, 357–360;

преступления-«провокаторы»: 115–117, 127–127², 139, 145.1, 149, 206, 296, 304, 318, 319, 329, 330, 334–336; преступления-«организаторы»: 208–210, 239, 241, 282¹, 282², 322¹; преступления-«подстрекатели»: 150, 151, 120, 179, 184, 204–205², 230, 240, 280, 302, 309, 333, 354; преступления-«пособники»: 174, 175.

Классификация государственно-правовых закономерностей конкретизированного характера, проявляемых в мерах борьбы с преступностью. Вся совокупность таких закономерностей может быть классифицирована, в частности, на шесть групп, а именно на закономерности, определяющие: 1) саму потребность в борьбе с преступностью; 2) содержание данной борьбы; 3) тенденции ее развития; 4) ее принципы; 5) воздействие на лиц, совершающих преступления; 6) научные основы борьбы с преступностью.

В числе закономерностей, определяющих саму *потребность в борьбе с преступностью*, выделим, например, такие:

– преступность – общественно опасное, а поэтому противоправное (уголовно-противоправное) явление;

– преступность – социально обусловленное и, следовательно, исторически изменчивое явление;

– преступность – в принципе преодолимое явление;

– преодоление преступности – задача долговременного характера, то есть ее решение представляется возможным лишь в течение достаточно продолжительного периода;

– по мере усложнения общественных процессов задача борьбы с преступностью становится все более сложной, а поэтому ее решение требует постоянного наращивания все более разнообразных, пополняемых и обновляемых антикриминальных мер;

– по мере развития общества, государства, права, культуры и духовных ценностей опасность преступности становится все более высокой и все более очевидной, а поэтому растет государственно-правовое и общественное внимание к проблеме преступности, сама преступность становится все более нетерпимой, создаются условия для более широкого участия в борьбе с преступностью различных институтов гражданского общества и граждан;

– с успехами в борьбе с преступностью развенчивается миф о всеисилии в этом деле наказания, а поэтому всякое усиление репрессии является не только бессмысленным, но и опасным;

– решающее значение в борьбе с преступностью имеют успехи экономического и социального характера – прежде всего,

именно они способны обеспечить необратимость неуклонного и повсеместного преодоления преступности;

– успехи в борьбе с преступностью, адекватные успехам экономического и социального развития и обеспечивающие необратимость неуклонного и повсеместного наступления на преступность, возможны лишь в случае целенаправленной, постоянно активизирующейся и совершенствующейся антикриминальной деятельности, включающей меры культурного, морально-нравственного и духовного характера;

– по мере развития общества, государства, культуры, морально-нравственных и духовных ценностей повышается роль и значение борьбы с преступностью, борьбы как фактора данного развития, созидания, преумножения, накопления, преобразования, обновления и рационального использования ценностей, расширения прав и свобод человека, переустройства общества на началах демократии, цивилизованности и процветания;

– сужение объективных факторов преступности сопровождается некоторым расширением ее субъективных факторов, что требует их учета в антикриминальной деятельности;

– неучет такого рода факторов в антикриминальной деятельности влечет увеличение в структуре преступности удельного веса коррупции, финансовых и экономических преступлений, рецидивных, «молодежных», алкогольных и наркотических преступлений, преступлений организованных и профессиональных, преступлений, связанных с рынком ценных бумаг, теневой экономикой, «испытанием» досугом, негативными демографическими процессами, увеличением негативных явлений в расширяющихся международных отношениях, некоторым обострением проблем межнациональных отношений.

Закономерностями, определяющими *содержание борьбы с преступностью*, являются, например, такие:

– адекватность организованности, силы и интенсивности борьбы с преступностью состоянию самой преступности, включающей наряду с преступлениями и их причинами также морально-нравственное состояние совершающих преступления лиц;

– системный характер борьбы с преступностью, основанный на выработке стратегии и тактики данной борьбы, ее первоочередных задач, направлений, принципов, сил, средств, методов и т.д.;

– экономическая, социальная и морально-нравственная обоснованность борьбы с преступностью;

- минимизация возможных негативных последствий данной борьбы;
  - управляемость борьбы с преступностью, обеспечивающая максимальную ее (борьбы) эффективность.
- Закономерности, определяющие *тенденции развития борьбы с преступностью*, в частности, таковы:
- повышение роли и значения правовых, организационных, культурных и иных мер борьбы с преступностью;
  - демократизация, гуманизация, дифференциация, индивидуализация и рационализация данной борьбы:
  - возрастание по мере роста субъективных факторов преступности роли правоохранительных органов в борьбе с ней;
  - возрастание роли и значения в борьбе с преступностью опоры правоохранительных органов на другие государственные органы, на органы местного самоуправления, институты гражданского общества и непосредственно на граждан;
  - непрерывное совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью – применительно к меняющейся преступности и складывающейся вокруг нее ситуации;
  - все более широкое включение в деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью мер предупреждения преступлений;
  - необходимость постоянного повышения эффективности борьбы с преступностью, в том числе путем оптимального сочетания и соотношения предупредительных (организационных) и ответных (силовых);
  - приоритет предупредительных (организационных) по отношению к мерам ответным (силовым);
  - постоянная активизация борьбы с преступностью по всем направлениям, но, прежде всего по направлениям преодоления преступлений криминогенного характера;
  - применение в борьбе с преступностью все более широкого спектра сил и средств институтов гражданского общества, а также возможностей отдельных граждан;
  - повышение роли и значения управленческих начал в борьбе с преступностью на направлении подключения к данной борьбе разного рода «народных фронтов», которые в своей деятельности должны все больше выходить за рамки обслуживания интересов кандидатов на различные выборные должности и выпол-

- нять широкомасштабные функции общественного содействия удовлетворению практических нужд общества;
- повышение зависимости состояния преступности и правопорядка от деятельности правоохранительных органов по борьбе с ней на основе совершенствования показателей эффективности работы сотрудников этих органов;
  - состояние преступности, ее динамика, структура и другие показатели все больше меняются в положительную сторону в зависимости от активности и качества работы правоохранительных органов, постоянно включающих в свой антикриминальный арсенал все новые силы и средства, в том числе нестандартного характера;
  - относительное снижение в структуре преступности удельного веса преступлений, борьба с которыми осуществляется наиболее эффективно.
- Закономерности борьбы с преступностью, определяющие *принципы данной борьбы*:
- повышение роли и значения в борьбе с преступностью мер широкого социального плана, в том числе мер культурного и воспитательного характера;
  - повышение роли и значения в борьбе с преступностью организованности, плановости, координированности;
  - постепенное сужение пределов силовых (ответных) мер борьбы с преступностью по мере снижения уровня преступности и наступления позитивных изменений в ее характеристиках с одновременным расширением пределов предупредительных (организационных) мер;
  - увеличение в уголовно-правовой практике удельного веса наказаний, не связанных с лишением свободы, постепенное превращение лишения свободы в исключительную меру;
  - поэтапный отказ от пожизненного лишения свободы как своеобразного аналога смертной казни (смертная казнь «в рассрочку»);
  - возрастание социальной активности граждан в борьбе с преступностью, а также в противодействии попустительству и тем более покровительству преступлениям;
  - привлечение в правоохранительные органы «свежих» (здоровых в морально-нравственном отношении) сил, в том числе из среды социально ориентированных директоров предприятий, начальников цехов, участков, бригадиров, мастеров, прорабов, кадровых рабочих, хорошо проявляющих себя в смысле социальной ориентированности;

– постепенное освобождение правоохранительных органов от балласта, состоящего из бывших военнослужащих, уволенных за различные нарушения, людей, которые ничего в жизни не видели, кроме, может быть, армейской службы с ее «дедовщиной» и иной «чертовщиной», вышедших «в тираж» спортсменов, не имеющих, как правило, достаточных представлений о нормальных человеческих отношениях, чиновников, уволенных со службы за коррупцию, и т.п.;

– рост общественного правосознания, постоянно демонстрирующего нетерпимость к преступности и смычке с ней органов уголовно-правовой юстиции.

Закономерности борьбы с преступностью, *определяющие воздействие на лиц, совершающих преступления:*

– несправимых преступников нет и быть не может – несправимыми могут быть только сотрудники уголовно-правовой системы с низким уровнем профессионализма, то есть не способные эффективно работать по своей должности;

– если преступник не исправляется, то это «недоработка» общества, государства, права, правовой политики, законодательства и соответствующей государственно-правовой практики;

– возможности уголовного наказания в исправлении преступников ограничены, а поэтому они должны сочетаться с существующими иными возможностями в данной сфере, включая возможности, связанные с применением других мер воздействия, в том числе воспитательных в самом широком их понимании;

– исправительный эффект наказания максимален, если он сочетается с мерами предупредительного характера;

– наказание должно быть неотвратимым в отношении тяжких и в особенности особо тяжких преступлений, что же касается иных преступлений (то есть нетяжких, а именно преступлений средней и небольшой тяжести), то стремление к обеспечению в отношении их неотвратимости наказания не только нежелательно, но и практически недостижимо, а во многих случаях и бесполезно и даже в каком-то смысле вредно, так как в отношении названных преступлений нередко более эффективным оказывается «суд собственной совести», в особенности если такие преступления совершаются впервые, причем лицами, характеризующимися в целом положительно;

– правоохранительные органы без опоры на другие государственные органы и органы местного самоуправления, на инсти-

туты гражданского общества и непосредственно на граждан реально не могут обеспечить свободу общества от преступлений – здесь требуется использование и объединение *всех* имеющихся в распоряжении государства и общества сил и средств.

Закономерности, определяющие *научные основы борьбы с преступностью:*

– повышение в современном российском обществе роли и значения научных основ борьбы с преступностью;

– возрастание роли и значения в данной борьбе учета государственно-правовых закономерностей, касающихся преступности, и предпринимаемых в целях борьбы с ней мер;

– возрастание роли и значения управленческих начал в сфере формирования и реализации научных основ борьбы с преступностью.

Познание закономерностей преступности и осуществляемые в целях борьбы с ней меры открывают новые возможности данной борьбы, способные обеспечить повышение ее эффективности. В их числе можно указать, в частности, на возможности обеспечения принципиальной необратимости преодоления преступности и позитивного изменения структурных и иных ее характеристик.

В конкретизированном виде возможности обеспечения принципиальной необратимости преодоления преступности могут быть изложены, например, так:

– повышение профессионализма сотрудников правоохранительных органов;

– повышение уровня их материально-технической оснащенности;

– повышение уровня их общей культуры.

Возможности позитивного изменения структурных и иных характеристик преступности, в частности, таковы:

– разработка стратегии и тактики борьбы с преступностью, их оптимальное сочетание, первостепенное внимание к борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями (прежде всего, насильственного и иного агрессивного характера), групповыми преступлениями (прежде всего, организованными), профессиональными, рецидивными и некоторыми другими наиболее распространенными и тревожащими население преступлениями;

– опережающее воздействие на преступления с повышенной («дополнительной», «добавочной», «усиленной»...) криминогенностью, то есть на преступления, которые опасны не только как сами по себе, но еще и тем, что активизируют другие преступления;

– формирование некоторых новых подсистем борьбы с преступностью, например, подсистем борьбы с преступлениями, депутатов, министров, других высокопоставленных чиновников, сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, предпринимателей, мигрантов, лиц, не утруждающих себя ни работой, ни учебой, лиц, занятых в теневой экономике, и др.;

– установление, обеспечение и поддержание подконтрольности деятельности по борьбе с преступностью институтами гражданского общества и непосредственно гражданами.

В заключение подчеркнем, что формирование системы борьбы с преступностью, основывающейся (системы) на закономерностях как преступности, так и предпринимаемых в целях борьбы с ней мер, должно сопровождаться четкой установкой пределов данной системы. Уголовно-правовая система не должна переходить установленные ею же пределы, но должна предоставлять полную свободу действий другим системам (административно-правовой, гражданско-правовой и т.д.) для целей противодействия преступности. При этом названные другие системы не должны использовать (например, в антикриминальных профилактических или своих собственных целях) те меры, которые являются сугубо уголовно-правовыми, а именно используются для целей борьбы с преступностью.

В данной связи представляются неоправданными уголовно-правовые, по сути, размеры штрафов, установленные в июне 2012 года в административном законодательстве, в частности, для целей противодействия нарушениям порядка при проведении собраний, митингов и других публичных мероприятий¹. Согласно классическим канонам права, штрафы в качестве административно-правовой меры должны распространяться на так называемые «карманные» деньги виновных, а в качестве уголовно-правовой меры – на их текущие доходы, то есть на доходы в пределах месячного заработка виновного. Превышение этих пределов (а это в настоящее время наблюдается не только в административном, но и в уголовном законодательстве) автоматически превращает штрафы в конфискацию имущества, которая в настоящее время, как известно, вне системы наказаний.

¹ См.: Федеральный закон от 8 июня 2012 г. № 655-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” // Российская газета. 2012. 9 июня. С. 4.

3.4. Государственно-правовые закономерности и функции уголовного права

Сложившиеся в юридической литературе в течение последних примерно пяти десятилетий представления о весьма ограниченном количестве функций уголовного права (охранительная, регулятивная, организационная, восстановительная, воспитательная и некоторые другие)¹ в настоящее время нуждаются, на наш взгляд, в определенной корректировке, а именно в дополнении, обновлении и развитии.

Эти представления исходили из того, что в условиях того времени праву должна отводиться лишь роль инструмента, средства, орудия политики. То есть право должно быть подчинено воле высшего руководства страны, а поэтому законы постоянно «заточивались» под эту волю. В результате власть манипулировала правом так, как ей было нужно, главным образом для того, чтобы удержать занятые позиции и существовать как можно дольше.

М.С. Горбачев отошел от этого «золотого правила» советской власти, а поэтому как политик быстро канул в Лету, а заодно и отправил туда же страну, которой столь неуклюже руководил. Неуклюже не в том смысле, что забыл упомянутое выше «золотое правило», а в том, что, забыв его, не нашел ему достойную альтернативу, а именно не выработал новое правило, а именно такое, которое обеспечивало бы, во-первых, принятие законов, основывающихся именно на закономерностях жизни, а во-вторых, их беспрекословное исполнение.

М.С. Горбачев грубо проигнорировал уже тогда витавшие в воздухе идеи правового государства. Витавшие в воздухе... у нас, а во многих других странах давно уже разрабатывавшиеся теоретически и реализовывавшиеся практически. Конечно, «задним умом», как говорится, мы все сильны, но достаточно было хотя бы оглянуться вокруг – ведь к тому времени в отмеченном направлении двигался, по существу, весь цивилизованный мир.

Так или иначе, но тогда политика у нас действительно ставилась выше права. В обществе сформировалось весьма устойчивая позиция, состоящая в том, что «закон что дышло – куда повернул, туда и вышло». Если человека не устраивало судебное

¹ См.: Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I «Преступление и наказание». СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 24–30.

решение, то он обращался в органы партийной или государственной власти, которые, руководствуясь собственными представлениями (порой далекими от права) о сути вопроса, могли принять так называемое «волевое решение», в соответствии с которым принималось и решение судебное.

Например, женщина с ребенком после смерти супруга лишалась по суду принадлежавшей ему до брака квартиры по иску родственников супруга и в пользу этих родственников. По закону решение суда было правильным, но вот руководитель организации, в которой работала данная женщина, обращается к власти с письмом (отличная мать, прекрасная труженица, замечательная общественница, чудный ребенок, молодая вдова и т.д.), и это письмо с резолюцией «Разобраться!» направляется в суд, после чего принимается уже действительно «правильное» решение – молодая мать и ее ребенок остались жить в своей квартире.

Еще проще решались в советское время вопросы, не требовавшие судебного рассмотрения. Например, вернувшийся «на гражданку» после срочной службы солдат поступает в вуз, но не проходит по конкурсу. Администрация предприятия, с которой призывался на службу молодой человек, обращается к той же власти (замечательный парень, трудолюбивый слесарь, постоянно перевыполнял плановые задания, имел поощрения, честно служил в армии, вступил там в члены КПСС, отличник боевой, строевой, огневой, служебной, физической и прочей подготовки, имеет награды...), и опять следует та же резолюция для вуза: «Разобраться!». Что-то там пересматривают, исправляют и бывший солдат без особых проволочек становится студентом.

С учетом того, что в деятельности судов еще довольно сильна коррупционная составляющая, власти, к сожалению (а в каких-то случаях, может быть, и к счастью), до сих пор приходится вот так наставлять наше правосудие на «путь истинный». Тут А. Навальному неправильно избрали меру пресечения, там его слишком жестко осудили... И суд, улавливая порой даже одно только «настроение» власти, тут же меняет свое решение. Казалось бы, все – на месте. Но дело в том, что власть, которая борется «с уклонами в правосудии», довольно часто сама же и повинна в этих «уклонах», по-прежнему манипулируя правосудием, как и в советские времена, что «дышло». В том числе не без влияния на власть все той же коррупции.

Таким образом, право как бы отменялось, дополнялось, уточнялось и подменялось политикой, занимало подчиненное по отношению к ней место, приобретало не обязательный, а лишь общий установочный, рекомендательный характер. Поэтому и его функции были гораздо уже функций политики. Говоря кратко, страной управляла в большей мере политика, чем право. Профессия юриста сводилась до уровня портного, так как он «шил одежды бытия» в соответствии с законом лишь постольку, поскольку в это дело не вмешивалась властная рука «партии и правительства». Как только такое вмешательство имело место, закон отступал, выражая свое молчаливое согласие на то, что происходило, по существу, уже без его участия, хотя и при необходимом процессуальном оформлении.

Таким образом, и сегодня еще (отчасти в силу былой традиции и инерции, а отчасти фактора коррупции) власть пытается подчас «подминать» под себя право, «ломать» его «через колено», делать из него, так сказать, «разводной ключ» на все случаи жизни, то есть вести дела *не так*, как это нужно по закону, а так, как «удобнее», как «лучше», «полезнее», «целесообразнее». Вот и получается так, что тот же А. Навальный, с одной стороны, «поп Гапон» и человек, кричащий в известной ситуации «Держите вора!», а с другой – своего рода «спасательный круг» для идущего на выборы мэра столицы С.С. Собянина.

Если говорить именно об уголовном законе, то отмеченным негативным явлениям способствует, в частности, то, что в нашем Уголовном кодексе нет статьи, которая предусматривала бы ответственность за *манипулирование законом*, хотя в нем есть статья об ответственности за *манипулирование рынком* (ст. 185³). И еще неизвестно, что здесь опаснее. Правда, в настоящее время манипулировать законом по произволу кого бы то ни было становится все труднее: и правосудие постепенно становится другим (тем более с учетом присутствия в нем международного компонента), и в самом обществе растет сопротивляемость этому, поскольку в правовом отношении закон постепенно становится более зрелым, юридически «подкованным», растет престиж юридического образования, число дипломированных юристов постоянно увеличивается, само общество постепенно действительно становится гражданским, а государство – правовым.

В данной связи следует, на наш взгляд, говорить не только о *правовом* государстве (как государстве, берущем на себя на-

ряду с правами еще и соответствующие им обязанности), но и о правовом *обществе* (как обществе, достаточно просвещенном в правовом отношении и подчиняющемся установленному законом правопорядку, поддерживающем этот правопорядок всеми доступными ему средствами), а также о *правовых* гражданах (как о гражданах, для которых правомерное поведение не только норма, но и определенное проявление их правового чувства (так сказать, «седьмого чувства»), существующего наряду со зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, ощущением гравитации¹)² и *правовом* человечестве (как человечестве с постоянно расширяющейся сферой общепризнанных принципов международного права).

Подтверждение сказанному мы находим в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом РФ 4 мая 2011 г. В названном документе, в частности, указывается: «Развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов»³.

Общий комплекс функций уголовного права выглядит, с нашей точки зрения, так. Во-первых, это *охранительные функции*, то есть функции, выделяемые по критерию задач уголовного права (ч. 1 ст. 2 УК РФ): универсальная (охрана всех ценностей жизни в целом), идеологическая (охрана идеологических ценностей), политическая, социальная, экономическая, культурная, интернациональная и др., во-вторых, *функции целевые*, то есть те, которые выделяются по критерию целей уголовного права: сдерживающая (сдерживание преступлений), поддерживающая (поддержание правопорядка), карательная (наказание лиц, совершивших преступления), восстановительная (восстановле-

ние нарушенного преступлением правопорядка), исправительная (исправление лиц, совершивших преступления), предупредительная (предупреждение преступлений) и др. и, наконец, в-третьих, *функции методические*, то есть те, которые выделяются по критерию методов уголовного права: информационная, демонстрационная, регламентационная, убеждающая, побуждающая (стимулирующая), принуждающая, ориентирующая (ориентационная), мобилизующая и др.

А теперь попытаемся несколько расшифровать названные функции.

Универсальная функция, как уже отмечалось, состоит в охране всех ценностей жизни в целом. К сожалению, преступность сегодня «управляет» фактически всеми сферами жизнедеятельности. Это, так сказать, теневая сфера управления. Подчиняясь данному фактору, мы ставим свои квартиры и индивидуальные дома на сигнализацию, стараемся не держать деньги дома, а размещаем их во вклады в банках, в ночное время без острой к тому необходимости не выходим на улицы, на гаражи ставим надежные замки, опасаясь мошенников, не вступаем в контакты с незнакомыми людьми, тщательно проверяем чеки в магазинах, внимательно относимся к надписям на упаковках товаров и т.д.

Однако полностью избежать преступных посягательств на свои интересы мы все же не в силах. Труд наш, по существу, повсеместно организуется с существенными нарушениями наших прав. Работая фактически «за гроши», десятки миллионов наших граждан страдают еще и от несоблюдения администрацией предприятий правил техники безопасности, от нерегламентированного привлечения к сверхурочным работам, к работе в выходные и праздничные дни, от ненадлежащего документального оформления нашей трудовой деятельности.

Несмотря на всевозможные меры предосторожности миллионы владельцев индивидуальных домов, садов, огородов, гаражей отданы практически «на растерзание» преступникам. Нас не только постоянно обворовывают и грабят, но еще и, замечая следы, порой убивают. Продавцы, таксисты, коммунальщики, полицейские, таможенники, налоговики, сотрудники контролирующих органов, прочие чиновники и многие другие «обслуживающие» население категории людей воспринимаются сегодня рядовыми гражданами как самые настоящие «вампиры», «упыри», «мародеры», «сущие враги народа». Их действия, в основе

¹ Ощущение гравитации можно рассматривать в качестве разновидности чувства осязаемости – осязаемости силы притяжения. Проявления данного чувства хорошо знакомы космонавтам, особенно побывавшим на Луне американским астронавтам.

² В качестве составляющих правового чувства могут быть, в частности, чувства правопонимания, справедливости, согласия, неприятия, сопротивляемости, человечности, сострадания, сопереживания, сбалансированности.

³ Российская газета. 2011. 14 июля. С. 11.

которых обман, рассматриваются в народе, пожалуй, как более страшные, чем даже нашествие в свое время на страну полчищ татаро-монгол или вторжение в нее в 1941–1945 гг. немецко-фашистских войск. Беззастенчиво чинимый этими «джентльменами удачи» практически на глазах у высшего руководства государства «пир во время чумы» вызывает отвращение у каждого честного представителя созидательного труда, включая рабочих, сельских тружеников, инженеров, техников, учителей, врачей, ученых, деятелей культуры, искусства, писателей, поэтов. Осуществляя свою универсальную функцию, уголовное право очищает общество от преступлений, создает условия для нормального функционирования всех сфер жизнедеятельности.

Идеологическая функция уголовного права состоит в охране идеологических ценностей страны, а именно наших ценностей морально-нравственного порядка, заключающихся, как известно, в выработанных столетиями и теперь считающихся общепринятыми нормах взаимоотношений между людьми, нормах отношения человека к окружающей действительности в целом и, конечно же, к самому себе, к собственному «я».

Конституция РФ исходит из необходимости идеологического многообразия и недопустимости установления в стране какой-то идеологии в качестве государственной или обязательной (ч. 1 и 2 ст. 13). Вместе с тем идеологическое многообразие отнюдь не исключает преобладания в чем-то (может быть, в главном) какой-то отдельной идеологии и возведения ее в ранг идеологии какой-то одной политической силы, в том числе правящей. И если эта политическая сила является правящей, то ее идеология при этом неизбежно становится и государственной, и в какой-то мере обязательной. Если не для всех, то по крайней мере для тех государственных и общественных деятелей, которые исповедуют соответствующие идеи. У государства в принципе не может не быть никакой идеологии. Другое дело, что времена меняются, а значит, меняются и государства, а следовательно, и их идеологии, то есть флаги. Вчера это был красный флаг, сегодня – красно-бело-синий. Государство без идеологии – химера, которая способна принести своему народу лишь горе и страдания.

Главная идеология любого демократического государства заключена в истинном патриотизме, народном благе, интеллектуальном, культурном, научном, образовательном, природном, оборонном и ином потенциале, безопасности и процветании, до-

стопримечательностях культуры и истории, величественных свершениях, экономических, социальных, спортивных и других достижениях, балансе во взаимоотношениях между трудом и капиталом, победах на полях сражений, грандиозных планах, конституциях и других позитивных законах, государственных символах, высоких духом произведениях литературы, поэзии, искусства, идеалах добра и справедливости, мира и мирного сосуществования, гармонизации межгосударственных отношений, укреплении доверия и дружбы между народами, веры в лучшие идеалы и уверенности в будущем и т.д.

Должно ли наше уголовное право защищать нашу государственную идеологию или она вполне может, как говорится, сама за себя постоять? Да, должно! Именно поэтому в УК РФ есть статьи об ответственности, например, за такие деяния, как государственная измена, надругательство над государственным гербом Российской Федерации или государственным флагом Российской Федерации. Полагаем, что перечень таких статей мог бы быть расширен, в частности, за счет статей об ответственности за надругательство над Конституцией Российской Федерации и государственным гимном Российской Федерации, неуважение к Российской Федерации, к ее президенту, Федеральному Собранию, правительству, за осквернение пограничных знаков, обозначающих государственную границу Российской Федерации.

Идеологические чувства российского общества наглядно проявились, например, в случае, когда в августе 2013 года в ходе эстрадного концерта один из зарубежных артистов имитировал использование российского флага в качестве туалетной бумаги, грубо затем швырнув его в публику. Возмущению россиян не было предела, и зарубежная рок-группа вынуждена была в срочном порядке покинуть нашу страну. Остается только удивляться тому, что на это событие никак не отреагировал Следственный комитет РФ, хотя основания для этого имелись более чем достаточные: например, ст. 329 УК РФ (надругательство над государственным гербом Российской Федерации или государственным флагом Российской Федерации).

Политическая функция уголовного права состоит в охране политических ценностей нашей страны. Наша Конституция провозглашает политическое многообразие, многопартийность, общественные организации равны перед законом (ч. 3 и 4 ст. 13). Сегодня политические реалии таковы, что создается нездоровая

тенденция постепенного преобразования конституционной многопартийности в многопартийность с явно выраженной «ведущей и направляющей» ролью одной партии – «Единой России». Для предотвращения свертывания в стране реальной многопартийности предлагается включить в УК РФ статью, в соответствии с которой всякие действия, направленные на подрыв такого многообразия, влекли бы, во-первых, соответствующее наказание виновных, а во-вторых, роспуск организации, использующей обретенное лидерство в политике для консервации власти, то есть для сохранения ее на неопределенно продолжительное время, причем в виде, не отвечающем требованиям времени.

УК РФ содержит ряд статей об ответственности за посягательства на политические ценности Российской Федерации. В частности, это ст. 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), ст. 278 (насильственный захват власти или насильственное удержание власти), ст. 279 (вооруженный мятеж), ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ст. 281 (диверсия), ст. 282¹ организация экстремистского сообщества, ст. 282² (организация деятельности экстремистской организации) УК РФ. Этот ряд можно было бы пополнить, например, статьей об ответственности за манипуляции политическими процессами в целях удержание власти на неопределенно продолжительное время. При наличии такой статьи никакие договоренности (сговоры) между высшими должностными лицами страны относительно использования административного ресурса для целей сохранения своих должностных кресел стали бы невозможными.

Согласно примечанию 2 к ст. 282¹ УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимаются любые преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной направленности или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. На наш взгляд, эту норму целесообразно дополнить указанием на то, что речь идет в данном случае именно о тяжком или особо тяжком преступлении. Иначе в разряд политических преступлений будут возводиться и деяния, которые, по существу, таковыми не являются.

По той же причине было бы логичным из названия главы 30 УК РФ изъять упоминание о государственной власти, сохранив в нем слова «Преступления против интересов государственной

службы и службы в органах местного самоуправления». Главу 29 предлагается переименовать, назвав ее «Преступления против конституционных основ и безопасности Российской Федерации» (сейчас она называется «Преступления против конституционного строя и безопасности государства»), а раздел X переименовать, назвав его «Преступления против Российской Федерации» (сейчас он называется «Преступления против государственной власти»).

Социальная функция уголовного права состоит в охране социальных ценностей, в том числе выражающихся в правах и свободах человека и гражданина, предусмотренных статьями главы 2 Конституции и охраняемых статьями главы 19 УК РФ, именуемой «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Для более эффективного выполнения уголовным правом его социальной функции представляется целесообразным, во-первых, в Конституции РФ права и свободы человека и гражданина изложить более систематизированно, а во-вторых, более систематизированно изложить в УК РФ статьи об ответственности за преступления, посягающие на эти права и свободы (личные, социальные, профессиональные, политические).

В то же время целесообразно, как мы полагаем, дополнить главу 19 УК РФ некоторыми новыми статьями, которые предусматривали бы ответственность за отдельные права и свободы человека и гражданина, установленные Конституцией, но не получившие соответствующего охранительного отражения в законодательстве уголовном. Это могли бы быть, например, статьи об ответственности за посягательства на права, связанные с национальной принадлежностью, языком (ст. 26 Конституции), передвижением, выбором места пребывания и жительства (ст. 27), участием в объединениях (ст. 30), доступом к государственной службе, участием в отправлении правосудия (ч. 4 и 5 ст. 32), обращением в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33).

Экономическая функция уголовного права проявляется в охране им экономических ценностей, состоящих в рыночной экономике, и создаваемого в рамках ее материального и духовного потенциала, обращаемого во благо общества и всех граждан. Конституция гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, равную защиту частной, государственной, муниципальной и

иных форм собственности (ст. 8), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право свободно распоряжаться собственным имуществом, в том числе землей и другими природными ресурсами (ст. 34–36). В полном соответствии с приведенными конституционными положениями уголовное законодательство устанавливает ответственность за широкий спектр посягательств на указанные права (гл. 21 и 22 УК РФ).

Вместе с тем было бы, на наш взгляд, целесообразным дополнить соответствующие главы УК РФ статьями (нормами) об ответственности, например, за вымогательство, уничтожение и повреждение предметов и имущества, имеющих особую ценность, включая, например, компьютеры, драгоценные металлы и природные драгоценные камни и изделия из них. Важно также криминализовать неправомерное завладение такими предметами и таким имуществом, не связанное с хищением или их вымогательством.

В отдельных статьях Кодекса имеет смысл криминализовать соответствующие посягательства на объекты недвижимого имущества. Нуждаются, с нашей точки зрения, в возвращении в Кодекс ранее исключенные из него составы лжепредпринимательства, заведомо ложной рекламы и обмана потребителей. Главу 22 УК РФ было бы важным дополнить общим составом преступления, именуемым «Нарушение законодательства о предпринимательской или иной экономической деятельности, причинившее существенный (как минимум, существенный) ущерб охраняемым интересам», так как иначе наше уголовно-экономическое законодательство будет развиваться в направлении пополнения его казуистическими составами. Да и невозможно заранее предусмотреть все случаи общественно опасных деяний в рассматриваемой сфере.

Культурная функция уголовного права проявляется в охране им культурных ценностей. Конституция устанавливает право каждого на пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44). Уголовное законодательство устанавливает ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ), контрабанду культурных ценностей (ст. 226¹) и невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, историческо-

го и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 190). С учетом того, что культурные ценности постоянно пополняются и занимают все более видное место в жизни общества и граждан, представляется необходимым особо криминализовать различные виды посягательств на музейные культурные ценности, а также на такого рода ценности, находящиеся в частных и других коллекциях. И, конечно же, необходимо выделить из ст. 226¹ УК РФ в отдельную статью Кодекса указание на контрабанду культурных ценностей (кстати, как и указание на контрабанду стратегически важных товаров, ресурсов и некоторых других предметов), чтобы такого рода ценности не находились в тексте закона в одном ряду с сильнодействующими, ядовитыми, отравляющими и некоторыми другими подобными предметами.

Интернациональная функция уголовного права наиболее отчетливо проявляется в тех статьях (нормах) УК РФ, которые предусматривают ответственность, во-первых, за преступления международного характера, то есть за преступления, борьба с которыми основывается на соответствующих международно-правовых актах или на общепризнанных принципах и нормах международного права (ст. 270, 271 гл. 34 и др.), во-вторых, за транснациональные преступления, то есть за преступления, совершаемые на территории нескольких государств или, так или иначе, затрагивающие интересы какого-либо иного (зарубежного) государства (контрабанда и др.) и, наконец, в-третьих, за преступления, в отношении которых во всех странах мира (или по крайней мере в большинстве их) проявляются, по существу, одни и те же криминализационные подходы (убийство, кража и т.д.). Полагаем необходимым выделять в УК РФ составы преступлений каждой из названных категорий особым шрифтом – для акцентирования внимания (как граждан, так и сотрудников правоохранительных органов) на их (составов) интернациональном характере.

Сдерживающая функция уголовного права проявляется в том, что оно представляет собой определенную преграду на пути совершения преступлений. В принципе для преступления нет такой преграды, которую оно не преодолело бы, в том числе для преступления, способного привести к мировой катастрофе. Например, достаточно какой-то группе террористов получить доступ к ядерному оружию и все человечество погибнет. В народе по данному поводу обычно говорят: «Против лома нет приема».

Но если понимать уголовное право не только как возможность и необходимость *порицания* преступления (нехорошо, мол, нарушать запрет, так как подобное нарушение есть *преступление*, то есть самое большое зло, на которое способен человек, а сам такой человек – *преступник*, то есть лицо, заслуживающее наказания и непременно подлежащее ему), но еще и как возможность и необходимость создания, во-первых, всемерных условий для того, чтобы человек соблюдал соответствующие запреты (в том числе условий, непосредственно располагающих человека к правомерному поведению, – комфортная обстановка, удовлетворяющая к тому же не только узкомеркантильным, но и достаточно широким эстетическим потребностям человека), а во-вторых, всемерных физических (в том числе оградительных, организационных, контролирующих, наблюдательных, прочих) преград на пути совершения преступлений, то в таком случае сдерживающие возможности данной отрасли права существенно расширятся. Именно поэтому и понадобилось преобразовать милицию в полицию, что полиция, в отличие от милиции, исходит из необходимости не только и не столько «тащить и не пущать», «ловить и сажать», «водворять и гноить», сколько разъяснять, помогать, обращать внимание, беседовать, подсказывать, указывать, налаживать и т.д.

Поддерживающая функция уголовного права проявляется в том, что оно является весомым фактором поддержания правопорядка. Правопорядок нужен гражданам, обществу и государству не только как неотъемлемое условие нормального существования, функционирования, развития всех сфер жизнедеятельности (хотя это само по себе весьма важно), но и сам по себе. Жить в условиях правопорядка, когда преступлений нет или если они и есть (в каком-то минимальном количестве), то с неотвратимостью влекут предусмотренную уголовным законом ответную реакцию в виде сочетаемых с убеждением наказаний и (или) иных уголовно-правовых мер, всегда комфортнее, чем жить в тревожном ожидании карманной или квартирной кражи, ограбления, разбойного нападения, угона или повреждения автомашины, мошеннического обмана в магазине или в сфере оказания услуг. «Здесь держать можно двери открытыми, что надежней любого замка...», поет в некогда знаменитом фильме «Дело было в Пенькове» киногерой Вячеслава Тихонова, намекая, как видно, на то, что в деревне – не в городе, где от преступлений не спасают ни-

какие хитроумные замки и где жизнь всегда, как говорится, полна неожиданностей, в том числе, разумеется, и неожиданностей сугубо криминального свойства.

Если понимать уголовное право не только как Уголовный кодекс, не только как его нормы о преступлениях и наказаниях, но и как всю систему правоохранительных органов, как всю их профессиональную деятельность, включая, разумеется, и ее силовой фактор, то его возможности в поддержании стабильного правопорядка, безусловно, весьма велики. Каждый сотрудник полиции, каждый оперативный работник, дознаватель, следователь, прокурор, судья, работник уголовно-исполнительной системы должен рассматриваться как своего рода «ходячее» уголовное право. Тогда правопорядок будет стоять «как скала», никакая преступность его, как говорится, не сдвинет с места. Это будет действительно «надежнее любого замка».

Карательная функция уголовного права состоит в привлечении лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности, к наказанию их и в применении к ним иных уголовно-правовых мер. Нынешнее российское уголовное законодательство уже не использует термин «кара», а органы правопорядка еще с хрущевских времен превратились из карательных в правоохранительные органы. Но все это никак не отменяет карательную функцию уголовного права, которая была, остается и всегда будет оставаться (пока будет оставаться само уголовное право) весьма важной сутью данной правовой отрасли.

Изначальный смысл наименования *уголовного права* в России сопряжен, во-первых, с представлением о нем, как о *главном* праве (праве казнить и миловать), а во-вторых, с наказанием («загнать» человека в угол, отрубить ему *голову*, повесить за *голову*, выбить из *головы* «крамолу» и т.д.) точно так же, как он сопряжен с ним в Германии и многих других странах («наказательное право», то есть «право на наказание»).

Восстановительная функция уголовного права выражается в восстановлении нарушенного преступлением порядка вещей (правопорядка), что, в свою очередь, проявляется в восстановлении нарушенной преступлением справедливости или, как гласит закон, *социальной* справедливости (восстановление которой закон признает целью наказания – ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Понятно, что социальная справедливость – это нечто большее, чем та справедливость, которая, согласно закону, должна

подлежать восстановлению. Социальная справедливость – это и справедливая организация государственной власти, и справедливое управление обществом, осуществляемое государством, и справедливые взаимоотношения между трудом и капиталом, и справедливые налоги, и справедливые права человека, и многое другое. Чтобы «замахнуться» на нарушение социальной справедливости, надо по меньшей мере понимать, что она собой представляет. Но понять этого преступник не может, так как, во-первых, само по себе это понятие весьма сложное (раз сам законодатель его, как видно, не вполне понимает), а во-вторых, социальная справедливость все еще в значительной мере остается желанной целью, чем фактом реальной действительности.

Взаимные же требования общества и государства по поводу социальной справедливости пока еще остаются, к сожалению, неудовлетворенными. Вот почему в ч. 2 ст. 43 УК РФ следует говорить не о социальной справедливости, а о *справедливости, нарушенной преступлением*. Восстановить нарушенную преступлением справедливость – это, во-первых, справедливо наказать лицо, совершившее преступление (чтобы оно впредь не совершало преступлений, а следовательно, и не нарушало охраняемый уголовным законом правопорядок и его чувствительнейший «нерв» – справедливость), а во-вторых, обеспечить возмещение виновным причиненного его преступлением материального ущерба и компенсацию нанесенного потерпевшему при этом морального вреда, в том числе извинение виновного перед потерпевшим за совершенное в отношении его преступление (если речь идет о преступлении межличностного характера).

Исправительная функция уголовного права проявляется в такой цели наказания, как исправление лиц, совершивших преступления. Исправить виновное лицо – это значит, во-первых, устранить отрицательные его свойства (например, психологического или бытового характера), которые в сочетании с соответствующими факторами внешнего окружения (ближайшего и более отдаленного, например, влияние соседей, друзей, приятелей, знакомых, коллег и т.д.) обусловили совершение преступления, а во-вторых, привить ему дополнительные положительные свойства (например, в виде необходимого для нормальной жизни образования, в том числе профессионального, правового, этического, иного, включая привитие человеку культуры общения с окружающими, с родными, иными близкими, умения распоря-

жаться временем, имущественными и другими возможностями, приобщения его к достижениям науки, искусства, литературы, поэзии...), которые в сочетании с морально-нравственным оздоровлением обстоятельств внешнего окружения могут обеспечить удержание данного лица в пределах законопослушного поведения. Суть исправительной функции уголовного права нуждается в раскрытии непосредственно в законе.

Предупредительная функция уголовного права, как и его восстановительная и исправительная функции, основывается на предусмотренных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целях наказания. Закон предусматривает восстановление справедливости, исправление виновных в совершении преступлений лиц и предупреждение совершения новых преступлений в качестве целей *наказания*, но реально это – цели всего *уголовного права* в целом, вытекающие из его общих задач (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Цели уголовного права тесно взаимосвязаны: не восстановив нарушенную преступлением справедливость, невозможно исправить виновного, а не исправив виновного, невозможно предупредить новые преступления.

Предупредить преступление – это значит сделать невозможным его совершение, то есть, во-первых, устранить (ограничить, заблокировать...) сами его причины, а во-вторых, создать на пути его совершения такие преграды, которые «взять» оно не могло бы даже, как говорится, «с разбегу». Уголовное право воздействует вытесняющим образом на причины не только субъективного, но и объективного свойства. Вытесняет оно причины субъективного свойства, влияя главным образом на психологию лица. Закон как бы говорит лицу: если не желаешь быть привлеченным к уголовной ответственности и подвергнутым наказанию, то не совершай преступление. Но и причины объективного свойства подвластны вытесняющему воздействию уголовного права: например, нажимая на «педаль» борьбы с хулиганством, уголовное право предупреждает многие другие насильственные и иные агрессивные преступления.

Принято различать специальное и общее предупреждение преступлений. Первое направлено на предупреждение преступлений со стороны лиц, уже совершивших преступления и привлеченных за это к уголовной ответственности, а второе – на предупреждение преступлений со стороны иных неустойчивых в морально-нравственных отношении лиц. Это, например, лица, ранее судимые за различные преступления, в особенности

лица, находящиеся под административным надзором, а также привлекаемые к ответственности за иные правонарушения, которые могут рассматриваться как предкриминальные. То есть это лица, находящиеся в более или менее тесных взаимоотношениях с криминальными элементами и оказывающие им то или иное содействие, покровительство, попустительство и т.д.

В общей массе названных лиц особое правоохрнительное внимание следует уделять тем, кто оказывается не подверженным общепредупредительному воздействию, то есть не опасается реализации угрозы быть привлеченным к уголовной ответственности и продолжает вести преступный образ жизни. Общее число таких лиц сопоставимо с численностью нашего так называемого «тюремного» населения. Неуязвимость их для уголовной ответственности и наказания объясняется, во-первых, конспиративным характером совершаемых преступлений, во-вторых, часто организованным характером последних, в-третьих, их связью с другими преступными группами, в том числе в других регионах и даже за рубежом, в-четвертых, коррупционными связями с отдельными сотрудниками правоохрнительных органов и, наконец, в-пятых, отсутствием в социуме общественных структур правопорядка, которые могли бы содействовать выведению преступных групп, так сказать, на чистую воду.

Важными предупредительными свойствами характеризуются уголовно-правовые нормы, например о неоконченном преступлении, позволяющие пресекать преступление уже на начальных его стадиях. Но эти нормы нуждаются, на наш взгляд, в существенном совершенствовании. В частности, требуется скорректировать ч. 3 ст. 30 УК РФ, определяющую понятие покушения на преступление. Под ним, как мы полагаем, следует понимать не только деяние, *непосредственно направленное на совершение преступления*, но и деяние, состоящее в *непосредственном совершении преступления*, но не доведенное до конца по не зависящим от виновного лица обстоятельствам или хотя и доведенное до конца (в смысле самого деяния), но в силу тех же обстоятельств не повлекшее предусмотренного соответствующим составом преступления общественно опасного последствия.

А вот предлагаемая нами редакция ст. 31 УК РФ о добровольном отказе от преступления:

«1. Добровольным отказом от преступления признается полное, реальное, своевременное, осуществленное при осознании

возможности довести преступление до конца, окончательное и бесповоротное прекращение лицом приготовления к преступлению или покушения на него.

2. Добровольный отказ от преступления исключает уголовную ответственность. Если фактически совершенное при добровольном отказе деяние содержит состав иного преступления, то лицо привлекается к ответственности лишь за данное преступление. При этом факт добровольного отказа признается судом в качестве смягчающего наказание обстоятельства – применительно к основному преступлению.

3. При добровольном отказе от преступления его исполнитель и организатор преступления, подстрекатель к преступлению и пособник преступления привлекаются к ответственности за соответствующие виды соучастия в соответствующем неоконченном преступлении. Вместе с тем, если преступление не было совершено исполнителем в силу того, что организатор, подстрекатель или (и) пособник своевременно сообщил органам власти о случившемся или (и) предпринял другие необходимые предупредительные меры, то это лицо не подлежит уголовной ответственности.

4. Если предпринятые организатором, подстрекателем или (и) пособником меры не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то предпринятые им предупредительные меры признаются судом смягчающим наказание обстоятельством».

Информационная функция уголовного права проявляется в надлежащем статистическом его обеспечении. Уголовному праву нужна правдивая, полная, систематизированная и обстоятельно проанализированная статистика преступности и предпринимаемых в целях борьбы с ней мер. Пока такой статистики у нас нет, и поэтому в том числе и по данной причине информационная функция уголовного права, мягко говоря, «хромает». Нужен «Вестник уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, криминологической и моральной статистики» как периодическое официальное издание.

Демонстрационная функция уголовного права проявляется в достаточно наглядных формах показа того, что же на самом деле происходит, с одной стороны, в мире преступности, а с другой – в мире борьбы с ней, то есть в деятельности правоохрнительных органов и в стихийном протесте криминалу со стороны

граждан и различных структур гражданского общества. Пока уголовное право демонстрирует себя, свою власть и силу довольно слабо, несистематично, от случая к случаю. Надо поставить это дело, так сказать, «на поток». Особо большие возможности в этом плане имеет телевидение. Его антикриминальный потенциал надо использовать шире.

Регламентационная функция. Термин «регламент» происходит от французского корня *regle*, что означает «правило». В буквальном переводе «регламент» означает установление правила, упорядочение каких-то жизненных процессов, внесение в них элементов управления, то есть элементов плановости, организованности, контролируемости, направленности, координированности, корректируемости с целью обеспечения требуемого состояния и т.д. Регламентационная же функция права – это функция, сутью которой является внесение порядка в ту или иную сферу отношений путем распределения между их субъектами предусмотренных законом прав и обязанностей. Регламентационная функция уголовного права состоит в том, что в результате ее создается уголовное правоотношение (уголовно-правовое отношение), реализация которого выражается в соблюдении требований уголовного закона, а когда эти требования нарушаются, то и в применении предусмотренных данным законом санкций.

Убеждающая функция уголовного права состоит в том, что оно не просто «упрямая вещь» (тяготеющая к неотвратимости ответственности), но еще и характеризуется большой убедительной силой. Здесь, как нигде, наглядно проявляется старая истина о том, что «вначале надо убедить, и только если убеждение не действует – принудить». Известная операция «по принуждению к миру» была проведена Россией по отношению к имевшей место 8 августа 2008 года акции грузинской военщины только после того, как были исчерпаны все другие возможности убедить Грузию в том, что Южная Осетия – независимое государство, а поэтому всякие посягательства на ее суверенитет недопустимы, и если такие посягательства последуют, то будут решительно пресечены. В сущности, тем же подходом руководствуется и уголовное право в своем отношении к преступлениям и преступности, подходом, в основе которого – стремление принудить лицо, совершившее преступление (или лицо, совершающее его), к социальному миру. И так как «на стороне» уголовного права громадная

сила принуждения, то ему в этом деле, как говорится, и «карты в руки». Большой объем принуждения, которым располагает уголовное право, требует многократно более значительного убеждения. Образно говоря, на один «грамм» принуждения требуются «килограммы, центнеры и тонны» убеждения.

Соответствующее убеждение и предшествует уголовно-правовому принуждению, и сопровождает его на всем протяжении осуществления: и на этапе самого принятия закона, и на этапе уголовно-правового «сыска» (выполнения оперативно-розыскных действий), и на этапе предварительного расследования, и на этапе рассмотрения дела в суде, и на этапе исполнения наказания, и на этапе реализации административного надзора над лицом, освобожденным из мест лишения свободы. Без убеждения в уголовном праве нет и не может быть места принуждению. Принуждение ничего не может дать полезного делу борьбы с преступностью. Более того, оно может причинить этому делу лишь вред.

Само уголовное законодательство не регламентирует меры убеждения, необходимые для дела борьбы с преступностью, а значит, это задача законодательства о профилактике преступлений. Пока еще оно не сложилось в самостоятельную отрасль, но именно поэтому уголовное право и «пробуксовывает», дает сбои, не приводит к тому результату, который от него ожидается. Как мы полагаем, в наиболее оптимальном виде такое законодательство должно быть кодифицированным. Говоря другими словами, стране на данном этапе ее развития нужен Кодекс о профилактике преступлений. Для целей реализации требований этого Кодекса необходимо создать соответствующие правоохранительные структуры как в центре, так и в регионах. Только тогда уголовное право может заработать в полную силу. И преступность постепенно начнет отступать, правопорядок стабилизируется, граждане укрепят свои позиции по правам, которыми уже обладают, и вместе с тем обретут новые права.

Побуждающая функция уголовного права проявляется в стимулировании положительного поведения граждан – в особенности тех, кто совершил преступление, но под влиянием уголовной ответственности, наказания и (или) иных уголовно-правовых мер в дальнейшем должен отказаться от столь опасного опыта. В принципе все уголовное право, как и все право в целом, есть фактор правомерного поведения, так как такое поведение «при-

ветствуется» им, а поведение неправомерное им порицается и преследуется. С учетом этого было бы неверно утверждать, что правомерное поведение безразлично для уголовного права. Нет, оно ему не только не безразлично, но и составляет главный момент его интереса, основной смысл его существования, высшую его цель.

Для уголовного права важнее всего не только и не столько то, чтобы совершившее преступление лицо было как можно быстрее привлечено к уголовной ответственности и наказано, сколько то, чтобы преступление вообще не было совершено, а следовательно, чтобы и не было необходимости наказывать совершившее его лицо. Есть определенное противоречие между высшей целью уголовного права (не позволить преступлению совершиться) и тем, к чему реально стремится любой орган уголовной юстиции – дать возможность преступнику совершить преступление (если это не связано с человеческими жертвами или с другим невозможным или трудновосполнимым ущербом), а уже затем его «сцапать». Для преодоления этого противоречия надо выработать правильные критерии оценки работы сотрудников органов уголовной юстиции, состоящие в обеспечении стабильно прочного правопорядка. Например, это может быть активность сотрудников на направлении оказания помощи гражданам в бескоррупционном решении их насущных задач. Загнанный чиновниками в угол гражданин, по существу, всегда идет на взятку (если у него есть для этого деньги), но если он, пользуясь помощью сотрудника, решит свой вопрос в нормальном режиме, то уберет от криминала не только себя, но и соответствующее должностное лицо.

Особо важное стимулирующее значение имеют нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, о смягчающих и отягчающих наказание обстоятельствах, об условном осуждении, об освобождении от уголовной ответственности и наказания. Целесообразно несколько перекомпоновать стимулирующие примечания к ряду статей Особой части УК РФ, в основе которых – придание деятельному раскаянию характера обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности. В целях усиления стимулирующего значения таких примечаний предлагается следующая общая схема их описания: лицо, совершившее преступление, но добровольно предпринявшее меры по недопущению его общественно опасных последствий и

само отдавшее себя в руки правосудия, освобождается от уголовной ответственности; но если при этом фактически совершенное деяние содержит состав иного преступления, то данное лицо привлекается к ответственности лишь за это деяние. При этом данное лицо признается совершившим данное деяние при смягчающем наказании обстоятельстве.

Принуждающая функция уголовного права, в отличие от карательной его функции, охватывает не только сферы законодательной наказуемости и практической наказываемости общественно опасных деяний, но еще и сферу иного принуждения, налагаемого на лицо, совершившее преступление, в порядке самого факта существования уголовного правоотношения. Сюда наряду с наказанием входят также любые правоограничения, налагаемые на виновного в период с момента его обнаружения (как лица, совершившего соответствующее деяние) и до момента погашения или снятия судимости, включая уголовно-процессуальное принуждение, связанное с предварительным расследованием, рассмотрением дела в суде, с судимостью и административным надзором (если таковой установлен).

В условиях продолжающейся линии на гуманизацию уголовной политики целесообразно рассмотреть возможности дальнейшего ограничения такого принуждения. В соответствии с ч. 2 нововведенной ст. 173¹ УИК РФ, административный надзор может быть установлен в отношении отдельных категорий лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, которые в период отбывания такого наказания признавались злостными нарушителями установленного в местах лишения порядка¹. Уклонение же от административного надзора, согласно нововведенной ст. 314¹ УК РФ, может влечь наказание вплоть до одного года лишения свободы. Получается, что злостное нарушение порядка отбывания наказания в виде лишения свободы, дополненное последующим уклонением от административного надзора (в период после отбытия такого наказания), способно преобразоваться в дополнительное лишения свободы². Правильно ли это? Думается, что нет, не правильно.

¹ См.: Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденным из мест лишения свободы» // Российская газета. 2011. 8 апреля. С. 18.

² Заметим, что в соответствии со ст. 198.2 УК РСФСР 1960 г. уголовно-наказуемым рассматривалось только злостное нарушение правил административного надзора (а не просто уклонение от такого надзора). Таким образом, в данном вопросе мы наблюдаем шаг назад.

В данной связи вызывает сомнения также целесообразность:

а) отмены условного осуждения и условно-досрочного освобождения по основаниям, не связанным с совершением какого-либо нового преступления (ч. 3 ст. 73, п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ);

б) преобразования отдельных не связанных с лишением свободы наказаний (штрафа, исправительных работ, ограничения свободы) в случае злостного уклонения от их отбывания в лишение свободы (ч. 5 ст. 46, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53 УК РФ). Полагаем, что последствия нарушений условий условного осуждения и условно-досрочного освобождения, не связанных с совершением новых преступлений, как и последствия не связанных с совершением новых преступлений уклонений от уплаты штрафа или отбывания исправительных работ либо ограничения свободы, должны быть более мягкими, чем лишение свободы. Например, это может быть наказание в виде увеличения размера штрафа, продления срока исправительных работ или ограничения свободы.

Ориентирующая (ориентационная) функция уголовного права заключается в том, что она позволяет гражданам достаточно четко ориентироваться в мире ценностей и антиценностей. На основе морали и повседневного опыта человек практически с детских лет усваивает азбучные истины о том, что такое хорошо, а что такое плохо, где добро, а где зло, где удача, а где беда, где счастье, а где несчастье. По мере взросления человеку помогают в этом и законы, в том числе нормы уголовного законодательства. Благо они сегодня в широком доступе: почти любой более или менее крупный книжный магазин имеет юридическую литературу, причем в самом широком ассортименте, не говоря уже о компьютерных правовых ресурсах.

Но уголовное право видит свою задачу не только в том, чтобы показать, где преступление, а где нет, но и в том, чтобы показать, где ценности, а где антиценности. Уголовное право, подобно опытному лоцману на судне, определяет для каждого из нас все те *подводные камни*, на которые, образно говоря, может ненароком наткнуться «корабль нашей судьбы», связанные как с возможным преступным посягательством на дорогие для нас ценности, так и с нашей возможностью самим преступить закон, выйти за черту дозволенного, за пределы правового поля и совершить преступление – со всеми вытекающими отсюда возможными уголовно-правовыми последствиями.

Уголовное право, как известно, охраняет важнейшие ценности жизни от преступных на них посягательств. Спектр этих ценностей постоянно пополняется, причем все они «растут» в цене, то есть становятся все более ценными, увеличивается их привлекательность, в том числе для лиц, рассматривающих преступления как кратчайший путь к их обретению. Так как всеобщим эквивалентом большинства ценностей (за исключением ценностей природных и некоторых других) являются деньги, то они же и в основе многих преступных устремлений. Основоположникам коммунистической теории 165 лет тому назад (если за точку отсчета брать «Манифест коммунистической партии» 1848 года К. Маркса и Ф. Энгельса) казалось, что стоит убрать деньги и рынок – и преступлений не будет, или если они и останутся, то лишь в каком-то самом минимальном количестве. Все попытки внедрить эту теорию в практику, как известно, не имели успеха. Задача сегодня состоит в том, чтобы, не уничтожая, а, напротив, наращивая ценности, двигаться вперед, к обществу без преступлений. Или по крайней мере с минимальным их количеством. И все более надежным ориентиром в этом движении становится именно уголовное право.

Мобилизующая функция уголовного права состоит в том, чтобы сосредоточивать, объединять, организовывать и наращивать усилия на направлении борьбы с наиболее опасными, распространенными и криминогенными преступлениями. Грош цена была бы уголовному праву, если бы оно, выполняя все описанные выше функции, не мобилизовывало возможности каждого из нас и всех нас вместе, общества и государства на разработанных наукой важнейших направлениях уголовной политики.

В настоящее время мы все еще, к сожалению, не располагаем программой наступления на преступность. Ученые (при всей их проницательности) пока еще не готовы к разработке таких документов (и едва ли в ближайшее время будут готовы к этому, по крайней мере до тех пор, пока не напишут диссертацию последнему нашему чиновнику), государство не готово к тому, чтобы финансировать необходимые меры (бюджет – все еще на нефтегазовой «трубе»), а правоохранительные органы не готовы к тому, чтобы реально осуществлять эти меры (так как пока еще эти органы большей частью заняты собственными заботами: в основном повышением окладов, получением новой амуниции, новых званий, должностей, строительством дополнительных

зданий и других объектов, решением своих транспортных проблем и т.п.). Но по мере наращивания экономического потенциала возможности повышения эффективности нашей уголовной политики, безусловно, будут расти.

3.5. Государственно-правовые закономерности и развитие уголовного права

Истоки нынешнего состояния уголовного права – во многом в истоках самой преступности, против которой оно нацелено. Прежде всего, это сохраняющаяся слабость экономики. Страна, как известно, все еще находится в сырьевой зависимости, новая техника и новые технологии пока еще в основном в стадии разработок. Производственный экономический сектор хромает.

Решение социальных проблем запаздывает, а если сказать точнее, они скорее обостряются, чем решаются. Средний класс, вроде бы, начинает расправлять плечи, но почти четвертая часть нашего населения нуждается в самом необходимом, живет «от зарплаты до зарплаты», в стесненных жилищных условиях, часто без элементарных удобств, перебивается с хлеба на картошку, ходит в давно обносившейся одежде.

Внешний облик наших городов, поселков, сел, деревень, станиц, хуторов, как правило, удручающий. Многие населенные пункты по-прежнему в пыли, а в дождливое время в грязи, на дорогах годами красуются выразительные колдобины, рушится ветхий жилой фонд, в холодные зимы многие люди буквально замерзают в продуваемых насквозь жилищах, из кранов бежит ржавая вода, то там, то тут взрывается газовое оборудование, с крыш на головы людей обрушиваются наледи, проваливаются траншеи теплотрасс.

Культура, можно сказать, нулевая. Со страниц средств массовой информации льются нечистоты. Со всех сторон обступают людей хамство, алкоголизм, наркомания. Ширятся безработица, бродяжничество, попрошайничество. В поисках пропитания люди роются в мусорных ящиках – а вдруг кто-то выбросил что-то съедобное. Народ продолжает вымирать. Растет число самоубийств. Наступают ВИЧ-инфекция и другие тяжкие заболевания. Много неприкаянных детей. Часто родители буквально кидают подрастающих детей, а взрослые дети – стареющих родителей.

При таких обстоятельствах закономерной является сохраняющаяся острота проблемы преступности. Преступность буквально вяжет страну по рукам и ногам, не позволяя ей уверенно двигаться вперед по пути созидания, обновления и процветания. Не редкость терроризм, бандитизм, убийства, грабежи и другие отвратительные преступления. Свои «кущевки» есть фактически везде. Продолжают расползаться экономические и коррупционные преступления, последние, кстати, тоже часто имеют экономический характер, так как в основном совершаются в сфере взаимоотношений бизнеса и власти. Практически повсеместно совершаются кражи. Причем воруют, можно сказать, по-черному, то есть крадут не только то, что «плохо лежит», но и то, что «лежит хорошо», то есть прилажено к делу и даже охраняется. Воровством активно занимаются даже те, кому имущество вверено под сохранность, в том числе при самом непосредственном попустительстве, покровительстве и даже покровительстве руководства отдельных министерств и ведомств, включая федеральный уровень.

Отсюда постоянное внесение в наше уголовное законодательство изменений, направленных на расширение и усиление сферы уголовно-правового реагирования на преступления. Эти изменения в лучшем случае наступают преступности на пятки, бьют ее «по хвостам», а от этого мало пользы.

Законодатель все еще продолжает метаться в поисках нужных подходов, акцентов, формулировок и т.д., занимаясь «косметическим ремонтом» уголовного законодательства прошлого века вместо того, чтобы вплотную приступить к созданию законодательства века нынешнего. Наряду с химической кастрацией педофилов пришло время «кастрировать» саму преступность, лишив ее корней. Возможности уголовного права в этом сравнительно невелики, но они есть и их надо реализовывать.

Надо нащупать наиболее болезненные для преступности точки и ударить, прежде всего, по ним. Это преступления криминального характера, то есть такие, которые опасны не только сами по себе, но еще и тем, что порождают другие преступления. К ним относятся, например, злоупотребления, ущемляющие права и законные интересы граждан, вовлечение несовершеннолетних в преступления, хулиганство как своеобразная «школа» по подготовке преступников более высокой «квалификации», должностная халатность, выражающаяся в в том же попустительстве преступлениям.

Законодатель предстает перед нами в образе мудрого и строгого учителя. Не будь его – этот мир не состоялся бы вообще. Мы все еще бродили бы по лесам, горам и полям, целясь друг в друга из лука или иного смертоносного оружия. И в конце концов жизнь на планете Земля пресеклась бы. Только он, законодатель, дал нам шанс состояться, и его необходимо использовать. Буквально через тернии к звездам тащил он жизнь людей и, как видно, все еще не достиг цели.

Проблемы жизни становятся источником законодательства лишь в том случае, если они поняты, осмыслены и стали фактором их же решения посредством внесения соответствующих изменений в законодательство. Главное здесь – понимание уголовного права как *существенного* фактора нашей свободы от преступлений. Если до сих пор уголовное право понималось как право, образно говоря, «пороть» преступника (лишать свободы, штрафовать и т.д.), то сейчас оно должно пониматься еще и как право нас всех жить в обществе без преступлений, то есть как право, осуществляемое посредством минимально допустимой для этого силы.

Решая столь сложную задачу – задачу освобождения человека, общества, страны от преступлений, уголовное законодательство посылает определенный сигнал *всему* нашему законодательству: вот, мол, важнейшие ценности жизни, а вот опаснейшие на них посягательства. И надо крепить и объединять весь потенциал правовых мер для того, чтобы наконец-то «свернуть шею» этому опаснейшему чудищу, этому многоликому и многоглавому монстру – преступности.

Но наука – это, конечно же, не только конференции, труды, базы данных и прочая накапливаемая учеными полезная информация. Это еще и люди, которые создают знания и приспособливают их к тому или иному нужному делу, то есть «овеществляют» их. Труды ученых, воплощаясь в какие-то практические достижения, конечно же, отделяются от самих ученых и живут уже без них какой-то, вроде бы, самостоятельной жизнью. Но без их дальнейшего личного участия имеющиеся труды рано или поздно устаревают, а новые – не появляются. И былой научный потенциал со временем теряет силу, призванную постоянно «толкать» жизнь вперед. То есть старая наука умирает (перестает быть наукой), а новая – не появляется. Поэтому личный фактор в науке, ее, так сказать, человеческий фактор

весьма важен. Он представляет собой самостоятельный источник законодательства, поскольку мы говорим здесь именно о нем.

В настоящее время в стране появляется совершенно новая система политических, экономических, социальных и иных координат, в том числе связанная с присоединением России к ВТО, развертыванием ЕврАзЭС, расширением прав человека. Наше отраслевое законодательство в XXI веке настолько бурно развивается, что ему, похоже, становится уже тесно в рамках действующей Конституции РФ и оно постепенно раздвигает их, наполняя соответствующие конституционные положения новым содержанием.

Сегодня мы имеем дело, по существу, с *новым* уголовным законодательством по сравнению с тем, которое было принято в 1996 году. Но все же чем больше и основательнее Россия вступает во второе десятилетие XXI века, тем сильнее ощущается необходимость двигаться дальше с тем, чтобы привести это законодательство в *полное* соответствие с требованиями нового времени. Общий курс на обновление уголовного законодательства предначертан определенными положительными тенденциями его развития, которые можно охарактеризовать такими терминами, как демократизация, оптимизация, рационализация, либерализация, гуманизация.

Демократическая тенденция развития нашего уголовного законодательства проявляется в том, что оно, не теряя своего классического правового содержания, становится все более современным, все более отвечающим духу времени, потребностям граждан, общества, государства, именно демократическим тенденциям развития страны, все более ориентированным на привлечение граждан к поддержанию правопорядка и противодействию преступлениям. Это выражается, например, в том, что в условиях изменения соотношения практически назначаемых наказаний в пользу мер, не связанных с лишением свободы, неизбежно возрастает нагрузка на общественный фактор противодействия преступлениям, включающий в том числе резерв институтов гражданского общества.

Общество порождает преступность, и именно оно должно с ней бороться. Каким бы сильным ни было государство, но без решающего участия в этом деле общества добиться успеха невозможно. Это аксиома. Конечно, было бы лучше, чтобы общество вообще не порождало преступность, но это должно быть другое

общество, то есть такое, в котором все располагало бы людей к правомерному поведению. Пока этого, к сожалению, нет, но при соответствующей политической воле оно будет постепенно становиться именно таким.

Оптимизация нашего уголовного законодательства выражается в обеспечении все большего его соответствия, *во-первых*, реальному состоянию правопорядка, а *во-вторых*, реальным антикриминальным возможностям общества. Однако сохраняющаяся острота криминальной обстановки требует не только совершенствования уголовного законодательства, но и реформирования правоохранительной деятельности, совершенствования организационных ее основ, структуры органов, осуществляющих данную деятельность, притока в них людей, способных *на деле* защищать права и законные интересы граждан, организаций, общества, государства, а не имитирующих такую защиту, да еще подверженных коррупции как и другим порокам, основательно поразившим, как известно, нашу правоохранительную систему в прежние годы. В данной связи представляются весьма перспективными дальнейшие шаги в области формирования системы социальной реабилитации граждан, отбывших лишение свободы, а также лиц, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы.

Суть *рационализации* уголовного законодательства состоит в том, что это законодательство должно становиться все более полным, точным, конкретным, справедливым. Необходимо восполнять существующие в нем пробелы, устранять дублирования, максимально устранять и ограничивать основания для применения уголовного закона по аналогии. Там, где это нужно, надо продолжать линию на усиление и даже некоторое расширение сферы уголовной ответственности.

Внесенные в УК РФ изменения настолько многочисленны и значительны по содержанию, что уже сегодня можно констатировать факт наличия у нас по существу *нового* Кодекса, что требует, на наш взгляд, соответствующего законодательного закрепления. Но, спрашивается, зачем стране нужен новый Уголовный кодекс, если он у нас практически уже есть? Да потому, что наряду с обновлением содержания уголовного законодательства надо основательно поработать и над его системой. Сейчас в нем появилось настолько много больших и малых изменений, что без обстоятельного приведения в порядок всего уголовного

законодательства не обойтись. И здесь надо думать о принятии не *новой редакции* Уголовного кодекса (чем предлагают ограничиться некоторые юристы), а о *полной замене* старого Кодекса новым.

Основные черты *либерализации* уголовного законодательства – это декриминализация отдельных менее опасных деяний (как правило, с переводом их в сферу административно-правовой юрисдикции) и расширение круга оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Наконец, *гуманизация* уголовного законодательства выражается, в частности, в смягчении ответственности лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте.

Названные тенденции развития уголовного законодательства отражают возрастающие потребности страны в экономическом и социальном развитии. Ведь если государство будет меньше и мягче наказывать людей за допущенные ими правонарушения, то они в большей мере смогут проявить себя в созидательном труде, а это, в свою очередь, будет работать и на правопорядок.

С другой стороны, если соответствующие изменения в уголовном законодательстве будут запаздывать, то, следовательно, будет «запаздывать» в своем развитии и сама жизнь, так как это негативно скажется на положении человека в обществе, на его правах и свободах, а следовательно, и на общей обстановке в стране. И больше будет совершаться правонарушений.

Вот почему работа по совершенствованию уголовного законодательства в обозначенных выше направлениях должна продолжаться. В итоге она вплотную подведет законодателя к пониманию необходимости принятия *нового* Уголовного кодекса, то есть такого Кодекса, который еще в большей мере будет отвечать потребностям страны в экономическом и социальном развитии.

Глава 4. ФИЛОСОФИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

4.1. Предмет, метод и содержание философии уголовного права

Каждый мыслящий человек, особенно специалист-профессионал, имеет свою собственную философию, то есть какое-то свое представление об окружающем мире. И даже если, скажем, печник кладет вам на даче печку, то всегда толкует... «за жизнь». Философствует... Не говоря уже о мудрых сантехниках, электриках, ремонтниках квартир и т.д. Чего только от них не услышишь, пока не дождешься окончания работ. И о Распутине, и о Путине, и, куда «катится Россия», и о каких-то личных предположениях, «чем все это, в конце концов, кончится».

Великий американский изобретатель мобильных телефонов, айфонов, айпедов и т.д. Стив Джобс, который в 2010 году с какой-то неподдельной радостью демонстрировал свои изобретения тогдашнему нашему президенту Д.А. Медведеву, в своем выступлении перед выпускниками Стенфордского университета (при вручении им дипломов) примерно так формулировал философию своего творчества (прочтение автора): 1) любите свою профессию – тогда и она полюбит вас; 2) цените жизнь – тогда и она будет вас ценить; 3) не бойтесь невзгод – тогда и они будут обходить вас стороной...¹

Есть вот такая, так сказать, индивидуальная («доморощенная») философия и у автора. Состоит она, в частности, в том, что настоящие новые мысли появляются в голове специалиста в основном в ходе полемики. Когда же человек наедине с собой, то хорошие мысли если и приходят в голову, то часто в ней долго не задерживаются. Почему? Да потому что человек часто не знает их подлинную цену. Одни мысли сменяются другими, и голова

становится для них как бы каким-то «проходным двором». Когда же мысли обсуждаются публично, то голова, в которой они рождаются, становится для них как бы «родным домом». Потому что тогда они легко и просто закрепляются в ней, а затем также легко и просто облекаются в компьютерные тексты, публикуются и в результате действительно становятся достоянием всех.

Но это внешний аспект индивидуальной философии. Содержательный же ее аспект (мы бы его назвали «аспектом Джобса») заключается в каком-то исключительно *своем* видении того, что внешне находится как бы далеко за рамками чего-то действительно нужного, за «гранью разума», за пределами собственно профессионального дела, но на самом деле является неотъемлемой частью этого дела. И именно поэтому вот эта (индивидуальная) философия тоже двигает дело. Например, многого добивался посредством ее А.И. Марцев (Омск). Изучение каждой проблемы он всегда начинал с предварительного философского ее осмысления. И только потом брал, как говорится, «быка за рога». То же самое замечалось, например, у Г.М. Миньковского.

Если говорить о собственном подобном опыте, то наибольший творческий эффект имеет рассмотрение узкопрофессиональных проблем сквозь призму таких философских категорий, как пространство и время. С одной стороны, это вполне осязаемые реалии (как же без них? Вот оно какое «большое-пребольшое» пространство, и вот оно время – такое неуловимое, но всегда быстрое, а потому тоже осязаемое), но с другой – эти «вещи» (пространство и время) сами по себе как бы и не существуют, а есть лишь материя, которая характеризуется вот этими самыми своими «параметрами» «размерами», «протяженностями», «формами» и т.д. и с которой всегда что-то происходит: и сама она всегда куда-то движется, и в ней самой есть какие-то постоянные, скажем так, «шевеления».

Понимая пространство как пределы («жилплощадь», «вместительность», «бесконечно большой объем» и т.п.) всего существующего и каждого его элемента в отдельности, а время как цепь последовательных преобразований во всем этом, невольно применяешь такое представление о пространстве и времени к действию закона (в пространстве и во времени). И получается так, что пространство применительно к действию закона – это тот вполне определенный территориальный масштаб, в котором действует право, то есть соответствующее сухопутное и водное

¹ См.: Три истории Стива Джобса. Речь перед выпускниками Стенфорда // Российская газета. 2011. 17 ноября. С. 12.

пространство – со всякими «выдвижениями» в нем в разные стороны, а также недра этой территории, ее воздушное пространство, суда и т.д., а время – «срок», отпущенный закону для проявления активности в соответствующем пространстве.

Итак, пространство – это то, что мы наблюдаем в виде разного рода «объемов», где все, что есть, находится и происходит, а время – это определенный «процесс», то есть то, что мы наблюдаем в виде последовательно сменяющихся во всем изменений. Но как именно пространство связано со временем, а время – с пространством, понять трудно. Свое видение решения данного вопроса пришло к автору совершенно случайно – в поезде, уносящем в очередную командировку. Вдруг автора осенило, что пространство – это покой во времени, а время – соответственно движение в пространстве. И сложились даже такие стихотворные строчки:

Я в поезде не сплю,
А что-нибудь читаю,
Пространство я ловлю,
А время коротаю.

Я распорядок свой
Забыл в тенетах странствий:
Во времени – покой,
Движение – в пространстве.

Пространство – велико,
А время – быстротечно.
Пролил кто молоко
На Путь небесный – Млечный?

Конечно, это – Путь
По временам, пространствам,
Так что покой забудь,
Нет в мире постоянства.

Соединяя под определенным углом рассматривания пространство и время мы ищем ответы на вопросы о том, куда, собственно, движется наше уголовное законодательство, как оно «проникает» на пространства других государств, и как уголовное законодательство других государств «проникает» на пространство

нашей страны, и есть ли такое «взаимопроникновение» вообще, каким нашему уголовному законодательству быть в XXI веке, какой срок отпущен ныне действующему уголовному законодательству, которое во многом еще остается законодательством прошлого века.

Что конкретно дает право вообще и уголовному праву в частности вот такое понимание пространства и времени: пространства как покоя во времени, а времени – как движения в пространстве?

В стране сформировалась совершенно новая система политических, экономических, социальных и иных координат, в том числе связанная с присоединением России к ВТО, расширением прав человека, многим другим. И дело тут в необходимости обновления не только уголовного, но и всего *антикриминального* законодательства, включая те его сегменты, которые содержатся (или по крайней мере должны содержаться) буквально во всех отраслях нашего законодательства, с тем, чтобы общими усилиями все оно (все наше законодательство) превратилось из законодательства XX века в законодательство века XXI. И тогда преступность, как нетрудно предполагать, отступит. Или по крайней мере она уже не будет «контролировать» нас (а мы будем контролировать ее). Говоря другими словами, преступность пойдет на спад и, естественно, откроются более широкие перспективы для продвижения страны вперед по пути цивилизованности, созидания, обновляющегося и процветающего развития.

К великому сожалению, у нас все еще не так хорошо работают старые добрые истины, в том числе о том, что «все течет – все изменяется» (все у нас действительно течет, но мало что изменяется, во всяком случае, с преступностью – она продолжает еще доставлять нам немало хлопот), что «все действительное – разумное» (много еще остается у нас неразумного, в том числе в том же уголовном законодательстве), что «все что ни делается – к лучшему» (по-прежнему в нашем движении к «лучшему» нередко получается «шаг – вперед, два – назад»). Но, с другой стороны, современная правовая наука все больше берет на себя ответственность за все происходящее в стране, и в ней все больше преобладают именно разумные начала, и все это – действительно к лучшему.

* * *

Философия права как система философских знаний о праве сложилась к настоящему времени в стройную систему, спо-

собную оказать весомое влияние на развитие как всего права в целом, так и всех его отраслей. То обстоятельство, что на базе философии права образовалась учебная дисциплина с одноименным названием, преподаваемая в некоторых высших учебных заведениях, готовящих кадры юристов, заставляет представителей не только общей теории права, но и всех других отраслей правовых знаний осмыслить под ее углом зрения свою специфическую проблематику.

Сложность на этом пути заключается в том, что учебная литература по философии права готовится исключительно философами¹, а что касается юристов, то они, похоже, стараются ее обычно просто не замечать. В этом мы, пишущие юристы, изменяем той исторической традиции, в соответствии с которой юристы и философы, начиная еще с древнейших времен, шли в своих исследованиях рука об руку, взаимно обогащая как философию, так и юриспруденцию.

Одним из великих современных юристов нашей страны, уделявших значительное внимание философским аспектам права, был профессор Андрей Андреевич Пионтковский – выдающийся представитель отечественной науки уголовного права. Его исследования в области философских аспектов уголовного права, особенно касающихся научного наследия виднейших представителей классической немецкой философии (Канта, Гегеля Фихте), навсегда войдут в сокровищницу как правовой, так и философской мысли.

Строго говоря, право как объективная реальность не существует само по себе, а проявляется исключительно в отраслях права. Помимо отраслей права, нет и не может быть никакого права, а поэтому важнейший аспект философии права – это аспект философии *отраслей* права.

Одной из фундаментальных отраслей права, наряду с конституционным, административным, гражданским и рядом других отраслей права, является уголовное право. И поэтому закономерно встает вопрос о том, что такое философия уголовного права и каковы ее предмет и система. Вопрос этот настолько важен, что без правильного ответа на него уголовное право – и как отрасль права, и как отрасль правовой науки – не может успешно развиваться.

Необходимость в философии уголовного права, как, по-видимому, и в философии права в целом, может быть обоснована в рамках как исторического, так и современного подхода. Исторический подход отвечает на вопрос о том, в чем заключается великая правда бытия, а современный – на вопрос о том, какой конкретно должна быть по своей сути эта правда.

Сущее и должное пересекаются в философии уголовного права самым причудливым образом, и постижение такого рода пересечений не под силу только узким специалистам, в том числе в области уголовного права. Здесь требуется именно философское осмысление их. Философское же осмысление их довольно часто наталкивается на серьезные, порой непреодолимые препятствия. Не случайно философы говорят, что «право, несомненно, является одним из самых труднодоступных объектов познания и не стремится открывать исследователю свои тайны... На месте решенной исследователем правовой проблемы возникают новые, а достигнутая им вершина в правовой науке открывает в ней новые, неведомые горизонты в виде бесчисленных вопросов, проблем, загадок и тайн... Таким образом область исследования философии права лежит на пересечении этих тайн, загадок и ее задача заключается в их раскрытии»¹.

Согласно представлениям философов предметом философии права является идея права, состоящая в том, какими должны стать мир и человек в нем под влиянием этой идеи, а также в раскрытии смысла самого права, его места в общей системе нормативного регулирования общественных отношений и поведения человека, его роли в этой жизни, включая судьбы людей, народов, общества, государства, человечества.

Великий Гегель, сделавший предметом своей философии права идею права², наверное, не предполагал, что последующие поколения философов, в том числе в России конца XX и начала XXI века, попытаются пойти дальше и раскрыть эту идею под своим углом зрения. Например, С.Л. Франк сводил философию права к познанию некоего общественного идеала, состоящего в том, «каким должен быть благой, разумный, справедливый, “нормальный” строй общества»³. По мнению В.С. Нерсисянца, «философия права занимается исследованием смысла права, его

¹ См., например: Данильян О.Г., Байрачная Л.Д., Максимов С.И. и др. Философия права / под ред. О.Г. Данильяна. М.: Эксмо, 2005.

¹ Данильян О.Г., Байрачная Л.Д., Максимов С.И. и др. Указ. соч. С. 12–13.

² См.: Гегель. Философия права. М., 1990. С. 59.

³ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1990. С. 21.

сущности и понятия, его оснований и места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества»¹. В кратком варианте в качестве предмета права рассматривается справедливость².

Опираясь на достижения в области общей философии права, можно сформулировать понятие предмета философии уголовного права. Под таковым следует, на наш взгляд, понимать, во-первых, главный смысл уголовного права как отрасли права и как науки, во-вторых, место уголовного права в общей системе права и правовых знаний, а также в системе всей нормативной регламентации общественных отношений и поведения человека в целом и в системе всего гуманитарного научного знания о такой регламентации и, наконец, в-третьих, роль уголовного права (и как отрасли права, и как науки) в судьбах людей, народов, общества, государства и человечества, определяемую посредством познания государственно-правовых и смежных с ними закономерностей.

* * *

Главный смысл уголовного права как отрасли права состоит в охране важнейших ценностей нашей жизни от преступлений, то есть в создании такой ситуации в обществе, при которой преступления или вообще не совершались, или если и совершались, то, во-первых, в минимально опасных проявлениях и в минимальных масштабах, а во-вторых, при том неременном условии, что влекли бы адекватные меры реагирования, направленные на стабилизацию правопорядка и восстановление нарушенной преступлением справедливости, на исправление виновных лиц и предупреждение новых преступлений со стороны как самих виновных, так и других неустойчивых в морально-нравственном отношении лиц, которые в условиях безнаказанности могли бы совершать преступления.

Собственно, в этом же состоит и главный смысл уголовного права как науки. Но эта наука решает задачу охраны важнейших ценностей жизни от преступлений не напрямую, а через уголовное право как отрасль права, а именно путем изучения данной отрасли права и разработки на основе результатов тако-

го изучения предложений по совершенствованию и повышению эффективности уголовно-правовых норм.

Один из главных вопросов философии уголовного права звучит так: «Что есть уголовное право?». И. Кант определял право как «совокупность условий, при которой произвол одного совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»¹. Свобода при этом понималась как «независимость от принудительного произвола других»². Поэтому уголовное право можно определить как свободу человека, общества, государства и всего человечества от преступлений, как право всех и всего на такую свободу.

В развернутом виде уголовное право как отрасль права (но в узком его значении) может быть определено как система правовых норм, устанавливающих задачи, принципы и пределы действия уголовного законодательства, общие основания и пределы уголовной ответственности, а также преступность и наказуемость конкретных видов общественно опасных деяний.

В широком же значении уголовное право как отрасль права – это не только уголовно-правовые нормы, но и их функционирование, то есть их реализация, включающая соблюдение, использование, применение и исполнение названных норм, это и субъекты уголовно-правовой практики и сама эта практика, в том числе правоприменительная, правоисполнительная, правотворческая, это и результаты воздействия права на общество в виде образовавшегося вследствие этого правопорядка, это и уровень уголовно-правового сознания (правосознания) населения, это и наука уголовного права. Уголовное право как наука – это система достаточно полных, точных, объективных, достоверных знаний об уголовном праве как отрасли права, позволяющих обеспечить максимально высокую эффективность его норм.

Уголовное право как отрасль права охраняет примерно 100 видов ценностей (объектов), в числе которых интересы людей, народов, общества, государства, человечества. Важно побеспокоиться о том, чтобы иерархия этих ценностей была выстроена в уголовном законе правильно, то есть на строго научной основе. Одной науки уголовного права для решения данной задачи не-

¹ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 7.

² См.: Джентиле Ф. О роли философии права в изучении юриспруденции в Италии // Государство и право. 1995. № 1. С. 135.

¹ Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. II. М., 1963–1966. С. 139.

² Там же.

достаточно. Требуется, в частности, еще и философское ее осмысление.

Законодатель не может обойтись здесь без мудрого совета философов. И если он полагается только на себя, то неизбежно сталкивается с проблемами, которые сам не способен решить. Например, задаваясь вопросом о том, что важнее – человек или человечество, законодатель на первое место в системе приоритетов уголовно-правовой охраны ставит человека, а на второе – человечество. То есть семь с лишним миллиардов человек, живущих на планете Земля, оказываются менее значимыми, чем отдельно взятый Иванов, Смит, Лоренц или Финкильштейн.

Но если один человек бесценен, то тем более бесценно все человечество. Нельзя рассуждать так, что человечество «большое» и уж как-нибудь оно сможет позаботиться о себе. Но именно так (или примерно так) рассуждал законодатель, размещая охраняемые уголовным законом ценности по «орбитам» приоритетов и предпочтений.

Да, действительно, человечество «большое», но если оно слабо защищено, то участь его предрешена: достаточно одной-двух крупных техногенных катастроф, способных вызвать необратимые губительные изменения в природе, и существование его прервется.

Вот почему в системе охраняемых уголовным законом приоритетов человечество должно быть на первом месте, ну а человек, естественно, рядом или как минимум на втором месте. Цинично, конечно, но пока мы не придумали ничего лучшего.

Во всяком случае, последующие места в этой системе должны занимать, как мы полагаем, соответственно здоровье населения и общественная нравственность¹, общественная безопасность и общественный порядок, природа и экономика, собственность и

¹ Общественная нравственность понимается нами как нравственность всего общества, а не только нравственность того или иного отдельного человека. Если общественная нравственность предполагает правила поведения во взаимоотношениях человека с человеком (надо выполнять обещания, положительно влиять на подрастающее поколение, заниматься благотворительностью, другими общественно полезными делами и т.д.), то нравственность индивидуальная (личностная) предполагает правила поведения людей в ситуациях, когда они находятся как бы наедине с собой. Им самим решать, как одеваться, какую иметь прическу, с кем встречаться, в какой руке держать вилку, находясь за столом, на какой машине ездить, какие смотреть телепередачи, к чьим советам прислушиваться и т.п. К сожалению, в наше время довольно часто приходится сталкиваться со случаями, когда личностная безнравственность становится безнравственностью общественной, а общественная безнравственность активизирует безнравственность личностную, когда, например, на ТВ показывают групповой секс, а затем он для кого становится нормой поведения.

институты гражданского общества, государственная власть и порядок управления, правосудие и оборона.

Место уголовного права в общей системе права и правовых знаний, а также в системе всей нормативной регламентации общественных отношений и поведения человека и всего гуманитарного научного знания в целом. Уже то обстоятельство, что термин «уголовное право» происходит от слова «главное» («головное»), говорит о многом и прежде всего о том, что главное право человека – это право его на жизнь, конечно же, в условиях защищенности от преступлений и преступности.

Но ведущее место уголовного права в общей системе права и правовых знаний определяется не только тем, что оно «страж порядка», средство отражения опаснейших посягательств на важнейшие ценности, но еще и тем, что оно представляет собой базу для построения всей системы права в целом. Все другие отрасли права, исключая, быть может, конституционное право, являются своеобразным продолжением и развитием права уголовного.

И здесь надо хорошо присмотреться к «охранительным» структурам других отраслей права (прежде всего, к структурам Особенных их частей) на предмет того, насколько точно эти структуры соответствуют системе Особенной части уголовного права. Если взять, например, Особенную часть Кодекса РФ об административных правонарушениях, то в ней обнаруживается иная (чем в Особенной части Уголовного кодекса РФ) структура охраняемых ценностей, что, на наш взгляд, едва ли оправданно. Понятно, что подвести Особенные части всех охранительных отраслей права к единому знаменателю весьма трудно (если вообще возможно), но достичь какого-то максимума в их унификации было бы, на наш взгляд, важно.

И такая возможность *создается*, если законодатель предстанет перед обществом не как некое многоголовое существо, каждая голова которого творит свой закон: одна – уголовный, другая – гражданский и т.д., а как цельный субъект законотворчества, то есть именно как мудрый законодатель, который, хорошо зная все отрасли права, творит именно нужные обществу законы: уголовные, гражданские, другие.

Уголовное право настолько острое орудие противодействия преступлениям и преступности, что оно должно быть «под прицелом» исследовательского внимания не только уголовно-пра-

вой науки, но и всего правоведения в целом, и даже всего гуманитарного научного знания, включая, конечно же, философию. Малейший недосмотр может привести к тому, что уголовно-правовые средства будут использованы не по адресу, не по назначению, в том числе для расправы с политическими оппонентами, конкурентами по бизнесу и просто с неугодными властям лицами, в том числе с теми, кто вхож в лабиринты ее коридоров, но по тем или иным причинам негоден ей.

Нельзя отдавать уголовное право на «откуп» ему самому, так как в этом случае получится то, что могло получиться в случае, если бы борьба с преступностью была всецело отдана исключительно силовым структурам. Штаты их росли бы вместе со «штатной численностью» преступности, и в итоге получилось бы так: больше преступлений – больше сотрудников полиции, больше сотрудников – больше преступлений... Дело дошло бы до того, что одна половина нашего населения оказалась бы в закрытых учреждениях, а вторая – охраняла бы ее. Безрадостная перспектива.

Роль уголовного права как отрасли права и как науки в судьбах людей, народов, общества, государства и человечества, определяемая посредством познания государственно-правовых и смежных с ними закономерностей, безмерно велика. Не случайно, что в мире нет и никогда не было мыслителя, который не уделял бы внимания проблеме преступности. И чем выше масштаб мыслителя, тем больше в его произведениях обращений к проблемам, касающимся уголовного права, наказаний, правосудия и т.п. При этом под особым исследовательским прицелом – проблема преступности как одного из величайших зол и бед человечества. Достаточно в данной связи назвать имя Вольтера. Безусловно, впечатляет и план уголовного законодательства одного из вождей якобинской диктатуры Жана Поля Марата.

Но надо иметь в виду, что к этой проблематике в настоящее время «примазываются» и многие случайные личности, в том числе и те, для кого преступления (например, коррупционные) становятся нормой.

Известно, что свобода каждого начинается там, где кончается свобода других, а кончается свобода каждого там, где, следовательно, начинается свобода других. Но свобода каждого не может быть ограничена произволом других – точно так же, как и произвол каждого не может ограничивать произвол других. Вне права обуздать произвол одних для того, чтобы дать свободу

другим, невозможно, особенно если речь идет о произволе, суть которого – преступление.

Известное требование каждого к себе: «поступай в отношении других так, как ты хотел бы, чтобы другие поступали в отношении тебя» (в другой интерпретации: «Не делай другим ничего такого, чего бы ты не хотел, чтобы другие делали в отношении тебя») складывалось тысячелетиями и стало «золотым правилом» – одной из древнейших заповедей древневосточных и древнегреческих мудрецов, вошло в Новый Завет. Это требование будет справедливым всегда, пока планета будет оставаться планетой, то есть космическим объектом, населенным разумными существами. Не случайно, что подобные наставления приобрели характер главных религиозных догматов.

В главе 15 «Лунь-юй» Конфуций указывает: «Необходимо сдерживать себя и возвращаться к правилам поведения. Нравственность невозможна без самодисциплины. Превозмогать себя и возвращаться к должному в тебе – вот что такое истинная человечность. Быть человеком или не быть зависит только от нас самих»¹.

В дальнейшем И. Кант возвел это требование в понятие категорического императива. Он писал: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»², «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»³.

* * *

А теперь кратко непосредственно о философских аспектах именно уголовного права. Однако прежде чем раскрыть эти аспекты, надо провести четкое разграничение между философией уголовного права и уголовно-правовой философией.

Если первая – именно философия, то вторая – уголовное право. Первая разрабатывается философами, вторая – юристами. Философия уголовного права является принадлежностью философии, а уголовно-правовая философия – принадлежностью уголовного права.

¹ Конфуций. Лунь-юй // Мудрецы Поднебесной. СПб.; Симферополь, 1998. С. 12.

² Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. II. М., 1963–1966. С. 260.

³ Там же. С. 270.

Точно так же следует разграничивать философию права и правовую философию, философию политики и политическую философию, философию морали и моральную философию, философию общества и социальную философию, философию антропологии и антропологическую философию и т.д.

Нельзя согласиться с философами, которые полагают, что «в структуре философии права можно выделить и *прикладной раздел*, в котором рассматриваются философские проблемы конституционного права (правовая государственность, разделение властей, конституционная юрисдикция), гражданского права (договор и уравнивание убытков и выгод, собственность), процессуального и уголовного права и др.»¹.

В таком виде философия права отбрасывает философию отраслей права на периферию философского знания о праве и тем самым как бы рубит сук, на котором, образно говоря, «сидит». Гоня мысли по замкнутому кругу, она в этом случае не может вырваться на те орбиты, на которых действительно может произойти тайна приращения имеющихся знаний новыми полезными сведениями.

Итак, философия уголовного права – раздел философии права, предметом которого является главный смысл уголовного права.

В *системе философии уголовного права* могут быть выделены, в частности, следующие разделы:

- онтология уголовного права, отвечающая на вопрос о том, что есть уголовное право, в чем его главный смысл;
- гносеология уголовного права, отвечающая на вопрос о том, в чем состоят особенности познания уголовного права;
- аксиология уголовного права, отвечающая на вопрос о том, в чем состоит ценность уголовного права;
- антропология уголовного права, отвечающая на вопрос о том, как соотносятся человек и уголовное право.

Каковы основные разделы уголовно-правовой философии как суммы знаний, являющихся принадлежностью прежде всего уголовного права? Они, на наш взгляд, следующие:

- философский метод уголовного права, состоящий в диалектическом подходе;
- методология и методика уголовного права, состоящие соответственно в знаниях о методах, которыми пользуется уголовно-правовая наука, и о самих этих методах. В уголовно-правовой

науке применяются общенаучные методы, например, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и моделирование, абстрагирование и классификация, а также системный, синергетический и другие методы. В числе применяемых здесь частнонаучных методов: социологический, психологический, математический, кибернетический, исторический, логический и др.;

- уголовно-правовая теория;
- философия уголовного закона, его задач, принципов и уголовно-правовой практики;
- философия уголовной политики и уголовных правоотношений;
- философия презумпций, философия других особых состояний, относящихся к уголовному праву;
- философия законодательства о преступлениях;
- философия законодательства об отдельных группах, категориях и видах преступлений;
- философия законодательства о наказаниях.

В рамках этих разделов разрабатываются, в частности, следующие *философские аспекты уголовного права*.

Первый аспект – круг и иерархия охраняемых уголовным законом ценностей. В уголовном законе эти ценности так должны быть «выстроены», чтобы они сами по себе «работали» на правопорядок.

Второй аспект – пределы досягаемости и допустимости применения уголовного закона. Российский уголовный закон может действовать и на территории всего земного шара, но в отношении лишь ограниченного круга лиц (граждан РФ и постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства) и ограниченного круга деяний (деяний, посягающих на интересы РФ).

Третий аспект – основания уголовно-правового запрета и уголовно-правового поведения (поведения, имеющего то или иное уголовно-правовое значение), проблемы криминализации и декриминализации деяний.

Четвертый аспект – общественная опасность преступлений, определяемая ценностью охраняемого объекта, грозящим ему ущербом и распространенностью деяний соответствующего вида, а также общественная полезность наказаний, определяемая их эффективностью.

Пятый аспект – вина в преступлении, содержанием которой является подконтрольность поведения человека его сознанию и воле. Наличие вины в совершенном деянии констатируется в случае, если сознание и воля лица выступают в качестве психо-

¹ Данильян О.Г., Байрачная Л.Д., Максимов С.И. и др. Указ. соч. С. 24.

логической причины данного деяния. Если деяние совершается вне связи лица с его сознанием и волей, то вины нет, а следовательно, нет и преступления. Вот почему законодательное описание всех форм и видов (степеней) вины должно включать сознательный и волевой характер (момент) совершенного деяния.

Шестой аспект – причины преступлений и преступности, «случайный», ситуативный и злостный типы лиц, совершающих преступления, наказание, контроль за порядком и предупреждение преступлений как основные элементы системы мер борьбы с преступностью.

Седьмой аспект – философское обоснование уголовной ответственности, состоящее в том, что государство *вправе* подвергать наказанию виновных в совершении преступлений лиц по праву закрепленной за ним (за государством) законом воспитательной функции.

Несмотря на детерминистический характер преступного поведения, оно (преступное поведение) совершается человеком еще и в силу наличия у него собственного «Я».

Поведение человека, безусловно, определено внешними обстоятельствами, но эти обстоятельства не создают ситуацию, которая «вкладывалась» бы в понятие непреодолимой силы, а поэтому человек остается волен в выборе собственного варианта поведения. И если он выбирает вариант неправомерного поведения, то государство вправе предъявить ему по этому поводу соответствующие претензии.

Нет сомнений в том, что «личность человека, совершившего преступление» – термин, имеющий право на существование, но что касается понятия «личность преступника», то при его применении следует проявлять определенную сдержанность, тем более что есть другое, на наш взгляд, более приемлемое для этого случая понятие – «облик преступника». Его мы и предлагаем для практического использования и научного обихода заинтересованным юристам-аналитикам.

Восьмой аспект – роль раскаяния при решении вопроса об уголовной ответственности и наказании. Повинную голову, как говорят в народе, меч не сечет, а поэтому каждый, кто раскаивается в совершенном противоправном деянии, заслуживает снисхождения.

Девятый аспект – строгость наказания. Какой она должна быть, эта строгость? Преступление, как это нередко случается, безмерно в своей опасности, но реакция государства на любое из такого рода преступлений всегда должна быть умеренной,

то есть всегда на какую-то ступень (степень) она (реакция государства) должна быть ниже той, которая была бы в полной мере адекватна совершенному преступлению.

Иной подход был бы справедлив только при отсутствии принципа гуманизма, но нравственный закон провозгласил его и поэтому им следует неуклонно руководствоваться.

Гуманизм – величайшее приобретение ума человеческого, заслуга виднейших мудрецов и итог всей человеческой эволюции. Являясь воинствующим добром, восставшим против зла и в конце концов победившим его силу собственной силой, гуманизм на определенном этапе развития человечества стал необратимой тенденцией.

Сегодня мы видим его всеобъемлющее торжество не только во все расширяющемся отказе от смертной казни как меры уголовного наказания и гуманизации уголовной политики в целом, но и во все более выразительном воплощении в жизнь принципа социальной справедливости в других сферах жизнедеятельности общества, во все большей гармонизации взаимоотношений труда и капитала, в последовательном улучшении материального и духовного уровня жизни людей во многих странах Европы, Америки, Азии, а также в Австралии.

Что-то меняется к лучшему и в России, хотя этот процесс идет в нашей стране сложно, прерывисто, неоднозначно, с переменным успехом.

Вместе с тем положительные перспективы у нашей страны имеются.

Всякие попытки обойти принцип гуманизма, игнорировать его или реализовывать его, как говорится, «шиворот-навыворот» (то есть когда формально все вроде бы гуманно, а по существу едва ли не конец света) должны рассматриваться не просто как какая-то «стратегическая ошибка» или «непозволительная роскошь» свободного воображения практикующих политиков, а как предательство человечества, как попытки «совать ему палки в колеса», как стремление остановить общественный прогресс, повернуть его развитие вспять.

Понятно, что дело здесь не только в строгости наказания, оцениваемой по шкале «больше – меньше», но и в его «качестве», то есть в способности наказания не только как-то сугубо механически воздействовать на лицо, совершившее преступление (лишение свободы, лишение средств к существованию, лишение возможности работать по своей профессии и т.п.), но и в способности

наказания влиять *на душу* человека, меняя вектор ее развития в сторону морально-нравственного возвышения.

Смертная казнь, как известно, еще сохраняется в российском законодательстве, но данная мера не применяется. Философия такой ситуации «смаживает» на основанные на парадоксах китайских премудростей постулаты типа «Тайвань и Китай – две власти, но страна одна». Однако подобная премудрость все же объяснима: «Угрожать угрожаем, но рук не распускаем».

Десятый аспект – проблема, которая может быть обозначена как «преступление и преступность». Преступление – акт индивидуального поведения человека, а преступность – поведение всего общества. Или по крайней мере значительной его части. Если за отдельное преступление *виновное в его совершении лицо* отвечает перед государством, то за преступность – *государство* отвечает перед обществом: в том смысле, что оно должно создать для законопослушного поведения все необходимые условия, а так как этого сделать все же не удастся и преступления продолжают совершаться, то надо вести достаточно эффективную силовую борьбу с ними.

* * *

Философия уголовного права, как и уголовно-правовая философия, обширна и неисчерпаема. Ее предмет определить столь же трудно, как и «искать черную кошку в темной комнате, особенно когда ее там нет» (Конфуций), но дело это (искать черную кошку в темной комнате) хотя и неблагоприятное, но все же важное и нужное, поскольку, каким бы «плохим» ни было общество, мириться с преступностью оно не склонно.

Опыт антикриминальной деятельности подсказывает, что на данном пути не только можно ничего не найти, но и многое потерять. Но можно многое и найти, притом ничего (или почти ничего) не потеряв.

4.2. Круг проблем, предпочтения, интересы философии уголовного права

Уголовно-правовая проблематика, несмотря на ее, казалось бы, узкую специфику, отражает, пожалуй, самые драматические «сюжеты» нашей жизни с ее непримиримыми столкновениями добра и зла, правды и неправды, извечными вопросами

жизни и смерти, а поэтому издавна привлекает пристальное внимание исследователей самых различных направлений, в том числе специалистов, работающих далеко за пределами уголовного права и правоведения вообще. Активно интересуются «драматургией» уголовного права социологи, политологи, представители иных областей гуманитарного научного знания, писатели, представители культуры, изобразительного и иного искусства.

Особый интерес к уголовному праву питают философы, стремящиеся постичь сферы должного и сущего в праве, понять поведение человека, находящегося в экстремальных ситуациях, проникнуть в суть его поисков и неистовых метаний, разобраться в его бедах и радостях, страданиях и наслаждениях, счастье и несчастье. Интересует философов и проблематика формирования и жизни закона как фактора превращения отрицательного поведения в поведение положительное, а положительного – в еще более положительное.

Но что есть уголовное право? Уголовное право как одна из отраслей права есть система правовых норм, охраняющих важнейшие ценности нашей жизни от наиболее опасных посягательств путем установления преступности и наказуемости этих посягательств, а также сам процесс преобразования названных правовых норм в то состояние правопорядка, которое, согласываясь с данными нормами, складывается в условиях конкретного места и времени и которое мы наглядно наблюдаем в виде наших собственных прав, свобод, иных возможностей, а поскольку преступления все же совершаются, то и в виде наших прав на охрану от них.

Как многосложный правовой феномен уголовное право проявляется по меньшей мере в следующих двенадцати формах: 1) догма (нормы) уголовного права (уголовное законодательство); 2) практика реализации уголовного права (в частности, применение норм уголовного права); 3) процесс уголовного права (уголовный процесс); 4) исполнение уголовного права (уголовно-исполнительное право); 5) стратегия и тактика уголовного права (уголовная политика); 6) методика уголовного права (криминалистика); 7) специальная тактика уголовного права (уголовно-розыскная деятельность); 8) соблюдение норм уголовного права (криминология); 9) социология уголовного права; 10) теория уголовного права; 11) дидактика уголовного права; 12) философия уголовного права.

Философская форма существования уголовного права состоит, прежде всего, в осмыслении мира и места человека в нем сквозь призму норм уголовного законодательства и процессов преобразования их в правопорядок как необходимое условие созидательного, цивилизованного, обновляющегося и процветающего развития общества.

Как и любая иная философия, философия права озабочена главным образом поисками истины. Она не может позволить чиновникам, людям в судейских мантиях или без них, но, например, с профессорскими званиями «приватизировать» исключительное право на главную истину в соответствующей области, а оставляет решение такого рода вопросов за собой. При этом она не подменяет практику или теорию уголовного права, а лишь приоткрывает завесу, за которой можно отчетливее увидеть ответы на вопросы о том, истинна ли или ложна та или иная правовая конструкция, гуманны ли и справедливы те или иные усилия, осуществляемые в целях преобразования подобных конструкций в должное состояние правопорядка.

Но так как истина не только мудра, но еще и изумительно привлекательна, красива, то ее поисками занимаются не только философы, но и так называемые узкие специалисты, в том числе работающие в области уголовного права. Как желанная женщина, истина манит и прельщает, и нет сил, которые могли бы удержать человека от стремления к ней, будь ты юрист, экономист, лингвист или... психоаналитик. Вот почему каждая отрасль правоведения считает своим почетным делом заниматься под своим углом зрения изучением философии. И хотя это делается той или иной отраслью правоведения под углом зрения, прежде всего, своих задач, но каждый исследователь все же понимает, что здесь он больше отдает, чем получает, ибо сделанное почти все целиком «уплывает» в философию, а отрасли остаются лишь жалкие крохи найденной истины. Поэтому «отраслевиков», желающих заниматься философскими аспектами своей отрасли, не так уж много, но если кого это увлечение захватывает, то, похоже, весьма основательно.

Можно выделить по меньшей мере три группы уголовно-правовых проблем, имеющих то или иное философское звучание, а именно: 1) методология науки уголовного права; 2) структура уголовного закона; 3) преступление и наказание.

Методология науки уголовного права. Философия не была бы философией, если бы не «одаривала» отраслевые правовые нау-

ки нужной им методологией. С другой стороны, наука уголовного права как совокупность достаточно полных, точных, достоверных и систематизированных знаний об уголовном праве как отрасли права не была бы наукой, если бы в ее основе не лежал философский метод – всеобщий метод научного познания явлений объективного мира, суть которого как раз и заключается в том, что любые научные знания должны быть полными, точными, достоверными и систематизированными, отражать движение изучаемого предмета и сопровождающих его «фоновых явлений», меняться вместе с изменениями изучаемого.

Особый акцент мы должны сделать здесь на *точности* научных знаний. Если преступность растет, особенно в наиболее опасных ее проявлениях, то юридическая наука не может закрывать на это глаза и бесстыдно утверждать, что она снижается (как это имело место, например, в советское время), и якобы нет повода для беспокойства («...все хорошо, прекрасная маркиза...»). Это будет уже не наука, а лженаука, призванная обслуживать интересы представителей правящего класса, его заинтересованных групп, заниматься его апологетикой для целей дальнейшего утверждения и продления существования.

Структура уголовного закона. В структурном отношении Уголовный кодекс Российской Федерации является, пожалуй, самым совершенным в мире. Потому, что российская криминальная действительность всегда отличалась высокой остротой и необходимо было уделять неослабное внимание совершенствованию уголовного законодательства. Ныне действующий Уголовный кодекс РФ (1996) – одиннадцатый по счету в истории России, если за точку отсчета брать Судебник 1497 года. Но и в современный УК РФ внесено уже около трех тысяч изменений, что привело к тому, что сегодня у нас действует фактически двенадцатый Кодекс. «Шлифовка» уголовного законодательства будет продолжаться и дальше, пока законодатель не осознает необходимость разработки и принятия нового уголовного кодекса.

Руководствуясь философским методом – всеобщим методом познания явлений объективного мира, попытаемся определить систему таких правил применительно к уголовному праву. На сегодняшний день она, как мы полагаем, сложилась в следующем виде: 1) адекватное отражение в правовых нормах потребностей правопорядка; 2) подчиненность норм декларируемым ими принципам справедливости, гуманизма и др.; 3) точность, полно-

та и системность норм; 4) внутренняя и внешняя согласованность норм, их иерархичность; 5) приоритет принимаемых новых норм перед ранее принятыми; 6) недопустимость обратной силы более мягкого закона; 7) приоритет специальных норм перед общими; 8) подчиненность правовых норм морально-нравственным нормам; 9) подчиненность их конституционным нормам и общепризнанным принципам и нормам международного права; 10) минимизация в нормах пробелов, дублирований, недосказанностей (недомолвок, неполноты...), противоречий, оговорок, примечаний, фикций; 11) недопустимость применения норм по аналогии, если такое их применение расширяет область и силу ответственности; 12) минимизация применения норм по аналогии, если такое их применение не расширяет сферу ответственности и является единственно возможным при данных обстоятельствах способом разрешения проблемных ситуаций; 13) комплексность норм, их терминологическая и фразеологическая унификация; 14) лаконичность, типология, компактность и всеобщность норм; 15) структурированность, доступность, согласованность их с нормами других отраслей права; 16) грамотность, чистота и современность языковой формы; 17) недопустимость архаизмов, вульгаризмов, неологизмов, модернизмов, редко употребляемых слов и тому подобных языковых отклонений при описании норм; 18) минимизация заимствований иностранных терминов, если без них нельзя обойтись вообще; 19) научная, практическая и экономическая обоснованность норм; 20) их тесная взаимосвязь, взаимодополняемость, взаимообусловленность, совместимость; 21) традиционность норм, включающая как преемственность, так и обоснованный динамизм их; 22) минимизация и разрешимость коллизий и конкуренций; 23) приоритет отечественного законодательства перед законодательством зарубежным (при уважительном отношении к принципу приоритета общепризнанных норм и принципов международного права); 24) учет лучших образцов отечественного исторического и современного зарубежного законодательного опыта.

Значимость всех этих вопросов высвечивается главным образом на материале следственной и судебной практики. Вот, например, одна из практических проблем, заслуживающая, на наш взгляд, научного анализа в связи с задачами структурного анализа уголовного законодательства. Если вышестоящий суд переквалифицирует деяние на менее строгую норму Уголовно-

го кодекса или исключает указание на какое-либоотягчающее обстоятельство, а равно если дополнительно признает наличие какого-либо нового смягчающего обстоятельства, то он (суд) *обязательно должен* смягчить (соответствующим образом) назначенное судом первой инстанции наказание.

К такому выводу мы приходим по той причине, что суд первой инстанции, назначая наказание за то или иное преступление, несомненно, исходил из *большой* опасности совершенного преступления (или из *большой* опасности виновного лица), а, стало быть, официальное признание того, что на самом деле данное лицо совершило менее опасное деяние (или само это лицо теперь признается менее опасным), неизбежно должно влечь пересмотр наказания в сторону его смягчения.

Вопросы истинного и ложного представлены в уголовном праве комплексом юридических фикций. С нашей точки зрения, юридическая фикция – это предполагаемое состояние, признаваемое законом действительным в связи с объективно существующей потребностью в таком решении, обосновываемом целями права, поскольку любое иное решение с учетом этих целей оказывается неприемлемым.

Юридическая фикция в уголовном праве как вынужденное признание законом ложного истинным (для целей права) есть, например, признание несуществующего события, факта, явления существующим относительно, скажем, места и времени совершения преступления, возраста и национальности виновного, сроков давности совершения преступления и вынесения обвинительного приговора, признания рецидива преступлений (простого, опасного и особо опасного), наличия (отсутствия) судимости и самого факта совершения преступления в прошлом. «Ложь» юридической фикции признается законом допустимой во имя правды бытия, требующей благоденствия последнего.

Философия уголовного права решает еще и многие другие вопросы, в том числе такие, как структура норм, их место и последовательность расположения в нормативно-правовом акте, взаимосвязанность, классификационная характеристика, социальная обусловленность, криминализационная функция, эффективность и т.д.

Философские проблемы уголовного права состоят также в постижении главного смысла и назначения конкретных норм и институтов данной отрасли права. Благодаря философии, мы воспри-

нимаем уголовный закон как явление, данное нам в ощущениях защищенности от преступлений. Преступление – зло, а наказание – добро, но с определенными «вкраплениями» зла (вспомним известный афоризм: «Добро должно быть с кулаками»). Разнообразие преступлений порождает разнообразие наказаний.

Разграничительная линия между преступным поведением и поведением непреступным находится не между нами, а внутри нас. У кого-то она больше смещена в сторону от преступного к непреступному, а кого-то – наоборот. Мы не называем «преступника» преступником, а «непреступника» – непреступником. В нашем лексиконе вообще не должно быть термина «преступник» («непреступник»), хотя он и встречается в уголовном законе (один раз) в ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Преступление и наказание. Возможность привлечения человека к уголовной ответственности предопределена наличием у него в момент совершения преступления свободы воли, достаточной для ограничения детерминирующего воздействия на человека криминогенных факторов, которые при других обстоятельствах могли бы привести к преступлению.

На всех давит один и тот же «атмосферный столб» криминогенных факторов, но одни люди совершают преступления, а другие их не совершают. В чем тут дело? А в том, что, как говорят в народе, «где тонко, там и рвется». У людей, совершающих преступления, нет достаточно сильной антикриминогенной «прививки», состоящей в надлежащем воспитании и надлежащих условиях жизни. Это и есть основания для формирования направлений антикриминогенной деятельности, состоящих, например, в создании среднего класса, сплошной системы занятости населения, в вытеснении бедности, в образовании необходимых стартовых условий для молодых семей, особенно имеющих детей («крыша над головой», льготные условия кредитования проектов, пособия, обеспечение местами в детских учреждениях и др.), в воспитательной работе с подрастающим поколением, в тотальном контроле за лицами, ранее судимыми и находящимися в «открытом пространстве», и т.д.

Но человек совершает преступление не только потому, что его к этому «подталкивают» обстоятельства. Он делает это еще и потому, что так сам хочет, что считает нужным вести себя именно так, а не иначе. Или по крайней мере потому, что так ему комфортнее: не надо поступать вразрез с социумом, вступать в конфликт с кем-либо и т.п.

Неосторожная вина – это преступное легкомыслие и преступная небрежность. Если мы говорим, что преступное деяние – это всегда сознательное и волевое деяние, то понятие небрежности следует определять с указанием и на эти моменты, а не с исключением их из субъективной стороны содеянного. Например, соответствующая законодательная формулировка (ч. 3 ст. 26 УК РФ) могла бы быть примерно такой: «Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо, совершившее соответствующее деяние, лишь отдаленно предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло более отчетливо предвидеть эти последствия с тем, чтобы их не допустить, предотвратить, приостановить их наступление».

Случайность не совместима с виной и наказанием, а поэтому в уголовном праве мы не говорим о «случайном преступлении» или «случайном преступнике», а говорим о преступлении, совершенном умышленно или по неосторожности (или при наличии той и другой вины одновременно). Случайно совершенное деяние – это невиновное деяние. Преступление, конечно же, может быть совершено «вследствие случайного стечения обстоятельств» (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), но это не исключает ни вины, ни ответственности.

Наказание за преступление не может быть телесным или тем более в виде смертной казни, но лицу, виновному в совершении преступления, в соответствии с законом *может быть* причинено увечье или даже смерть, например, при его задержании или при отражении его посягательства (ст. 37 и 38 УК РФ). И здесь важно отработать законодательные определения необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, так, чтобы была полная ясность в том, где пределы этих состояний. Например, ст. 37 УК РФ (необходимая оборона) могла бы быть сформулирована так: «Не является преступлением причинение вреда лицу, посягающему на охраняемые уголовным законом объекты, в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья обороняющегося либо другого лица, с непосредственной угрозой применения такого насилия, с внезапными или иными действиями, которые восприняты оборо-

нявшимися или иным лицом как опасные для его жизни или здоровья либо для жизни или здоровья другого лица (похищение человека, захват заложника, изнасилование, истязание, побои и т.п.), с агрессивным проникновением в жилище или иное помещение, когда там находятся люди, а равно в других случаях, когда отсутствует превышение пределов необходимой обороны».

Учитывая, что сотрудники правоохранительных органов не справляются с задачей охраны граждан, надо, как мы полагаем, предоставить последним возможность приобретать огнестрельное оружие для целей необходимой обороны. Прежде всего, такое право надо предоставить самим сотрудникам правоохранительных органов, когда те находятся не при исполнении служебных обязанностей, а также другим социально активным людям, способным владеть и пользоваться этим оружием и работа которых связана с опасностью преступного нападения. Разумеется, лица, ранее судимые, привлекавшиеся к уголовной ответственности, но по тем или иным основаниям освобожденные от нее, наркоманы, алкоголики, душевно больные, относящиеся к «группам риска», лица с взрывным характером и т.п. ни при каких обстоятельствах владеть оружием не должны. Возможно, понадобится здесь учредить институт поручительства, но проблему так или иначе надо решать.

Философия уголовного права состоит и в том, что российское общество сегодня перенасыщено преступностью и справиться в «одиночку» с ней оно не может. Да, наверное, и не должно оно «один на один» биться с преступностью. Но наряду с выполнением своей особой миссии на переднем крае борьбы с преступностью уголовное право должно выполнять и функцию, мобилизующую все здоровые силы и все возможности государства, общества и граждан, на эту борьбу. Все отрасли права и правовой науки должны быть задействованы в данной работе – и не только отрасли права и правовой науки, но и все отрасли гуманитарного научного знания. Наряду с органами уголовной юстиции в наступлении на преступность должны участвовать все государственные структуры и муниципальные образования, все институты гражданского общества, все население.

Ежегодно регистрируемые преступления в количестве примерно два с половиной миллиона надо умножить по меньшей мере, на десять, чтобы увидеть истинную картину преступности. Так же как в деле охраны природы, как в образовании, культуре, здравоохранении, в борьбе с преступностью надо постоянно

наращивать силы и средства. И это надо делать до тех пор, пока состояние правопорядка будет таким, чтобы люди наконец-то вздохнули, чтобы в стране действительно заработала экономика, чтобы наступил полноценный общественный прогресс.

В стране ежегодно совершается примерно 15 тысяч убийств, причем довольно часто эти преступления сочетаются с другими опасными преступлениями, в том числе с такими как бандитизм, терроризм, похищение человека, захват заложника, разбойные нападения, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, незаконное ношение огнестрельного оружия. Все названные преступления тоже довольно часто уже сами по себе создают опасность для жизни.

Право на жизнь, как известно, первейшее право человека, закрепленное в международно-правовых документах и конституциях почти всех стран мира, в том числе в Конституции Российской Федерации (ст. 20 УК РФ). Между тем реальная криминальная обстановка в нашей стране существенно затрудняет осуществление гражданами этого их важнейшего общечеловеческого и конституционного права: с одной стороны, такое право у них *есть*, а с другой, как показывает официальная статистика, – преступления против жизни остаются все еще весьма распространенными.

Помимо примерно 15 тысяч ежегодно совершаемых убийств, в стране каждый год регистрируется свыше 50 тысяч умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, большинство из которых тоже сопряжено с опасностью для жизни, свыше 80 тысяч криминальных угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, свыше 60 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, свыше 25 тысяч преступлений, совершаемых с использованием оружия.

Около 30 тысяч человек ежегодно погибает в ДТП (около ста человек в сутки) и около ста тысяч при тех же обстоятельствах получают различные травмы. Главные причины – плохие дороги, отсутствие разметок, надлежащий контроль со стороны ГИБДД. По существу, каждый водитель сегодня – потенциальный труп, так как никто не может ему гарантировать на наших дорогах жизнь.

Почти 10 тысяч человек ежегодно гибнет от производственного травматизма и около 100 тысяч получают по той же причине производственные травмы различной тяжести.

До 40 тысяч наших сограждан ежегодно гибнет от «паленой» водки, до 70 тысяч – от наркотиков, до 10 тысяч – от отравления некачественными продуктами питания.

До 60 тысяч человек ежегодно бесследно исчезает и примерно сколько же людей, зажатых в тиски обстоятельств, оканчивает жизнь самоубийством или пытается это сделать.

Ежегодно убивают свыше двухсот сотрудников правоохранительных органов и их близких.

Смертельную угрозу для жизни людей представляет северокавказский терроризм, приобретающий в отдельные периоды размах военных действий.

За последние двадцать лет только в одной Москве прогремело свыше 25 взрывов, унесших сотни жизней москвичей и гостей столицы.

Потери российской армии в ходе проведения контртеррористической операции в Чеченской Республике за период 1994–2005 годы составили около 10 тысяч убитыми и более 30 тысяч ранеными.

Примерно такие же цифры характеризуют потери армии вне боевых действий, а именно в результате «дедовщины», «казарменных разборок», неосторожного обращения с оружием и т.п.

Уносят жизни и «самопроизвольные» взрывы на оружейных армейских складах.

Небывалый всплеск террористических акций, убийств, захватов заложников и других опасных преступлений наблюдался весной и «жарким» летом 2004 года.

«Пиком» террористической активности явилось убийство Президента Чеченской Республики Ахмата Кадырова во время празднования Дня Победы 9 мая 2004 года на стадионе «Динамо» в Грозном.

Следующей крупной террористической акцией явилось совершенное 22 июня 2004 года нападение боевиков численностью около 600 человек на правоохранительные органы Ингушетии, в результате чего погибло 88 и ранено 117 человек.

Затем последовали нападения на правоохранительные органы в Грозном и в Назрани, унесшие около 200 жизней.

24 августа 2004 года прогремел сокрушительный взрыв на остановке общественного транспорта «Каширское шоссе, 30» в Москве, а на следующий день в небе Тульской и Ростовской областей взрываются практически одновременно самолеты Ту-134 и Ту-154 – погибло 89 человек.

31 августа того же года совершен взрыв в Москве у станции метро «Рижская», унесший 11 жизней, а на следующий день – 1-го сентября – боевики захватили школу в Беслане (Северная Осетия), в которой находилось более тысячи человек: ученики, их родители, учителя, другие люди. При этом от рук террористов погиб 331 человек и ранено свыше 400 человек. Примерно треть пострадавших – дети.

Президент РФ В. Путин расценил последний преступный акт как нападение на Россию, что вполне соответствовало действительному положению вещей – нашей стране фактически была объявлена настоящая террористическая война. Это потребовало особых мер противодействия, которые и были затем осуществлены, хотя и с немалыми потерями.

Таким образом, ежегодная численность лиц, гибнущих в результате различных преступлений, сопоставима с ежегодными демографическими потерями России (700–800 тысяч человек). Данное обстоятельство придает борьбе с преступлениями против жизни характер гамлетовского вопроса, вопроса о том, быть или не быть самой России на этой планете.

Приходится с горечью констатировать, что в своем отношении к праву на жизнь, составители проекта Конституции РФ 1993 года проявили некоторую неопределенность. Если в части первой ст. 20 Конституции РФ они констатировали, что «каждый имеет право на жизнь», то уже в части второй этой же статьи указали, что «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

Таким образом, право на жизнь оказалось, по Конституции РФ, гарантированным только тем, кто совершает особо тяжкие преступления против жизни, то есть тем, кто попирает право на жизнь самым жесточайшим образом и, следовательно, заслуживает тем самым согласно закону осуждения к смертной казни. Что же касается законопослушных граждан, то никаких гарантий их праву на жизнь Конституция РФ, к сожалению, не предоставляет.

Настораживает, что, по данным Генеральной прокуратуры РФ, в стране ежегодно остаются не раскрытыми тысячи (в отдельные годы – до семи тысяч и более) убийств. Не приходится сомневаться в том, что многие из этих лиц, продолжают безнаказанно убивать и

калечить людей. Безнаказанность преступников, как официально признает наша прокуратура, – это фактор не только безудержного воспроизводства преступности, но и формирования в обществе атмосферы, которая позволяет криминалу брать верх над правом.

Прозвучавшее еще в 2003 году из уст бывшего Генерального прокурора РФ признание, что «криминал берет верх над правом» (а ситуация с тех пор мало чем изменилась в лучшую сторону), свидетельствует о необходимости кардинального пересмотра всей государственной политики в области борьбы с преступностью, и особенно политики в сфере противодействия преступлениям против жизни. Философия этого вопроса такова, что россиянину хочется жить, и ему такую возможность надо все же предоставить – чего бы это ни стоило.

Таким образом, уголовное право не только берет что-то у философии (например, методологию), но и многое дает ей, заставляя, например, задумываться над вопросами жизни и смерти (убийство – смертная казнь), вопросами «тюрьмы и сумы», лагерного фольклора, «камерного» песенного жанра и т.д. Философия не только не «поднимает на щит» лицо, совершившее преступление, но и ни в чем не упрекает его. В то же время она не «опускает» и полицейского, не порочит Уголовный кодекс, не унижает пенитенциарную систему государства. «...Товарищ Сталин, вы – большой ученый...» – это одно, а «...Это Клим Ворошилов даровал нам свободу...» – совершенно другое.

Если Михаил Круг всю свою сознательную творческую жизнь пел так называемые блатные песни, романтизирующие «привольную» преступную жизнь («Владимирский централ» и прочее), а его самого самым жестоким образом убивает за «шмотки» один из «романтиков» такой жизни, если телевизионщики (Эрнст и прочие) говорят о том, что те журналисты, которые невысокого мнения о «Дозорах» (ночном, дневном и прочих), есть «дураки», а в это время в одну из московских синагог врывается 20-летний оболтус и режет охотничьим ножом девятерых прихожан, то отмахнуться от всего этого абстрактному и возвышенному философскому уму весьма трудно, если вообще возможно.

Если Михаил Задорнов, давая интервью журналисту Ноткину на телеканале «Культура» (январь 2006 года), гордится тем, что в свое время мог «хапнуть» несколько десятков миллионов долларов США, но не сделал этого, так как боялся, что его после этого «достанут», и в результате, в отличие от многих других («хапнув-

ших»), остался «жив и невредим», если этот же «писатель-сатирик», подававший ранее за «мелкие коврижки» теннисные мячи Борису Ельцину в бытность его президентом страны, а сейчас порочит его буквально на каждом шагу, как и Петра I, Алексея II, Джорджа Буша (младшего), а заодно и всех подряд американцев, россиян, президента Путина, премьера, наших министров (которых, как сам он признался, не знает ни в лицо, ни по фамилиям), то философия не может отмежеваться от всего этого, ссылаясь, например, на то, что все это не ее предмет.

Известное изречение «Богу – Богово, а кесарю – кесарево», безусловно, справедливо: каждый должен заниматься своим делом. Но так же, как кесарь в иные мгновения своей жизни не чурается божественного, так и Бог не обойдет своим вниманием кесаря, особенно когда тот, возвышаясь над собой и всем бранным миром, проявляет высокое благородство или, напротив, опускаясь все ниже, становится в итоге бесконечно далеким от законопослушания и совершает преступления. Следовательно, размежевание предметов разных наук не есть непреодолимое препятствие для объединения их усилий на пограничных вопросах, являющихся актуальными и поэтому волнующими всех.

Полагаем целесообразным включить в учебные планы вузов, готовящих юристов, спецкурса «Философия уголовного права». Предполагается, что его преподавание позволит будущим юристам, обучающимся по уголовно-правовой специализации, глубже понять суть своей будущей профессии, более основательно подготовиться к вхождению в «большую жизнь», криминальная составляющая которой в последние годы становится, к сожалению, все более масштабной и тревожной.

Юрист, находящийся на переднем крае противодействия преступности, сегодня является не только узким специалистом (шерлокхолмсовского типа), но в какой-то мере еще и мыслителем, философом, социологом, психологом и, может быть, даже политиком. Хотя, конечно, и знаменитый персонаж известных произведений Конан Дойла играл на скрипке и не прочь был поразмышлять на философские темы, но сегодня для того, чтобы на равных работать на широком пространстве противоборства добра и зла, истинной сути человека и его атавистических проявлений только этого недостаточно. Нужна фундаментальная философская подготовка специалистов правоохранительной системы и ее может дать, в частности, спецкурс «Философия уголовного права».

Глава 5. ФИЛОСОФИЯ БАНДИТИЗМА И БАНДИТИЗМ ФИЛОСОФИИ

5.1. Подход к проблеме

Тема эта навеяна интуитивно ощущаемой взаимосвязью мотивации преступности и мотивации борьбы с ней. Доминирующий мотив совершаемых сегодня преступлений корыстный, а главная побудительная сила наступления на преступность – стремление обеспечить в стране стабильный правопорядок, то есть такой, который позволял бы людям нормально жить и трудиться, растить и воспитывать детей, дать им достойное образование, подготовить к самостоятельной жизни, созидательному труду, к рациональному пользованию благами XXI века.

Но иногда правоохранительные органы в своем праведном гневе в отношении преступлений, образно говоря, перегибают палку, допускают обвинительный уклон, «жмут» так, что страдают не только преступники, но и ни в чем не повинные люди. Что побуждает их к этому? Как это связано с мотивацией преступности? Что здесь первично, а что вторично? Попытка найти вразумительные ответы на эти и подобные им вопросы привела к изложенным здесь размышлениям

1. Постановка проблемы, ее суть и термины

Философская «канва» этих размышлений не случайна. Философия, как известно, начало, главное содержание и вместе с тем обобщение данных всех наук. Не уважать ее может уж слишком гордый человек. Но среди юристов, особенно занимающихся проблемами преступности, таковых, похоже, нет.

Любой юрист преклоняется перед философией не только за то, что она действительно мудра и увлекательна (хотя одного этого было бы уже вполне достаточно для того, чтобы философию и уважать, и любить, оправдывая ее красивое и точное

название – любомудрие¹), но еще и за то, что она истинная «наставница» права. Право без философии нежизненно, причем в такой же мере, в какой нежизнеспособен и человек, лишенный достаточно глубокого и развитого интеллекта. Ведь оно не только права, обязанности, запреты, наказания за их нарушения и т.д., но и целая система положений, убеждающих в необходимости соблюдать, исполнять и применять требования права. А такие положения сформулировать без философии практически невозможно.

Да и само обсуждение сугубо правовых проблем сквозь призму философского их осмысления открывает значительно более широкий простор для правильных и убедительных решений.

Что же касается термина «бандитизм» в словосочетаниях «философия бандитизма» и «бандитизм философии», то его использование здесь диктуется необходимостью показать остроту проблемы разгула преступности, с одной стороны, и разгула ошибочных политических, теоретических, публицистических и других воззрений на данную проблему, в основе которых, в частности, требование решить ее «раз и навсегда...», «быстро и без проволочек», «решительно и бесповоротно...», причем самым «радикальным образом...», «со всей строгостью...», «без всякого миндальничания...» – с другой².

¹ См.: Рябчун Н.П. О значении термина «философия» в исторической перспективе // Вестник гуманитарного института // 2007. № 1 (7). С. 1–11.

² Представляет интерес происхождение термина «бандитизм». «Банда» в своем изначальном смысле (в переводе с итальянского – bando) означала «правительственный указ», что соответствует также понятиям «правительственная войска», «правительственные вооруженные силы», «жандармерия» и т.п. В настоящее время термин «банда» в русском языке означает устойчивую (организованную) вооруженную группу, созданную для нападения на граждан или организации. Статья 209 УК РФ предусматривает ответственность за бандитизм, а именно за создание банды, руководство ею, участие в ней или в совершаемых ею нападениях. Так как одной из важнейших задач правительственных формирований всегда была охрана государственных границ, в том числе от несанкционированного перемещения через нее товаров или иных предметов, взимание таможенных пошлин и т.д., то соответствующие нарушения границы получили название «контрабанды» (contra – против). Таким образом, в русском языке образовалась терминологическая традиция, идущая вразрез с правовой сутью рассматриваемых понятий, выражающих опаснейшие преступные деяния, поскольку ключевое слово bando в одном из них (в термине «контрабанда») мы понимаем, руководствуясь невольно позицией контрабандистов, как определенный позитив (как правопорядок), а в другом (в термине «бандитизм») – как негатив (как действия, направленные против правопорядка). Устранить образовавшийся нонсенс (хотя бы в некоторой мере) можно было бы, например, путем деления состава бандитизма на собственно бандитизм (бандитизм как таковой), состоящий в создании преступных организованных вооруженных групп «оборотнями в погонах», чиновниками и т.п. (или с их участием – непосредственным либо опосредованным), в руководстве такими группами, участии в них и в совершаемых ими нападениях, и на иной бандитизм («беспредел»), состоящий в создании таких групп другими лицами, в руководстве ими, в участии в них и в совершаемых ими нападениях.

Разумеется, никто не будет отрицать того, что в основе преступности, обобщенно называемой здесь бандитизмом, есть своя философия, точно так же, как есть она и в основе официальной государственной политики противодействия преступности. Суть этого стихийно складывающегося явления заключается в оправдании преступности, в осознании ее допустимости и распространенности, в образовании в сознании определенной части нашего населения ощущения не только возможности, но и необходимости совершать преступления (раз это делают «все» или «почти все»...). Бандитизм же философии – незапланированное, спонтанное, стихийно складывающееся явление, сутью которого является, с одной стороны, упор уголовного права на максимум строгости, а с другой – на политическое, аналитическое, публицистическое и иное оправдание такого упора.

Сформулировав название данного параграфа, мы невольно вспомнили популярную некогда побасенку о том, что думает курица, убегая от петуха (не слишком ли быстро я убегаю...), и что, в свою очередь, думает петух, догоняя курицу (не слишком ли быстро я догоняю...). Поучительна (в контексте исследуемой темы), прежде всего, вторая часть каламбура – о петухе. Борьба с преступностью ведется сегодня действительно «ни шатко, ни валко», если не сказать больше, то есть вообще не ведется – во всяком случае, так, как это должно бы быть. Происходит лишь какая-то имитация «борьбы» в дополнение к тому, что сотрудники, используя свое служебное положение, каждый по-своему решают главным образом личные вопросы: где достать деньги на содержание семьи, как «выйти» на врача в связи с болезнью тещи, как отремонтировать машину, квартиру и т.п. Конечно же, решают они свои дела в основном коррупционным путем, но иногда и испытанным уголовным, то есть просто-напросто нападают на прохожих в темных переулках, грабят их, избивают – не хватает, мол, денег на жизнь, да и начальство требует своей доли.

Разговор здесь пойдет, однако, не об этом, а о том, что, наряду с очевидным общим попустительством, покровительством и покровительством преступности со стороны государства в настоящее время сплошь и рядом приходится наблюдать... «перегиб и парадокс», вследствие чего «кого-то» из преступников действительно назначают едва ли не «Римским папой», а кого-то не сов-

сем справедливо (а порой и совсем несправедливо) «запирают в тесный бок».

Но обо всем по порядку.

166 лет тому назад (в 1847 г.) К. Маркс, отвечая французскому философу П.Ж. Прудону на его публицистические размышления о «философии нищеты», опубликовал собственную работу – с едким, но весьма примечательным названием: «Нищета философии». Маркс исходил в этой работе из того, что прудоновская «философия нищеты» весьма скудна в интеллектуальном отношении и в силу одного этого (не говоря уже об узкоклассовой приверженности автора) не способна вразумительно объяснить нуждающиеся в этом вещи.

Не вдаваясь в суть обсуждавшихся мыслителями вопросов, заметим лишь, что сегодня они лежат еще и в другой плоскости, а именно в плоскости «бандитизма философии» как чрезмерной, избыточной, исключительно жесткой, ничем не оправданной ответной реакции государства и общества на «философию бандитизма» как на саму идеологию преступности, на ее мотивацию, состоящую в обосновании и оправдании преступлений, на отношение к совершаемым преступлениям как в принципе объяснимым, понятным, закономерным, «нормальным» поступкам людей. Сознание людей, совершающих преступления часто внешне бессмысленные, немотивированные, нелепые, нередко даже никак не проявляется вовне, а существует лишь на уровне побуждений, чаяний, каких-то «рваных» мыслей, нечетких желаний, намерений, чувств, страстей и т.п., но это тоже «психология», а следовательно, и мотивация.

Человек исторически совершал преступление не только и не столько потому, что он «плохой» или «плохими» были окружающие его обстоятельства, сколько потому, что, оказавшись в той или иной «провоцирующей» ситуации, он не мог его не совершить. Действовал как раб собственной сущности и обстоятельств. Здесь можно говорить о множестве факторов как личностных, так и внешних (социальных, экономических, политических, правовых и т.д., включая ближайшее и более отдаленное окружение), но главный из них состоит все же в том, что человек изначально был «приговорен» к тому, чтобы быть преступником, разумеется, в современном понимании. Ведь только будучи преступником (и не просто преступником, а преступником именно «отъявленным», «отпетым», «закоренелым»...), человек мог в те

далекие (древние) времена выстоять, выжить, пробить себе дорогу в будущее в наполненной и без того мрачными событиями нечеловеческой жизни, охарактеризованной в эпоху уже относительно цивилизованного развития состоянием «войны всех против всех».

«Война всех против всех» была действительно беспощадной, но отнюдь не «бесплодной», как об этом в свое время писали мыслители. Вопрос захвата чужого, обращения одним человеком другого в рабство, канибализма, насилия над женщиной, убийства, наконец, – это был вопрос не только выживания человека, но и вопрос его становления как воина, как защитника своей семьи, как грозного противника своим реальным и потенциальным соперникам, как особи, интуитивно стремящейся не только для себя найти место «под солнцем», но и, если повезет, сделать это же для своих детей, внуков, правнуков. Ничего подобного мы не находим ни у зверей, ни у птиц, ни у рыб, а поэтому ни тем, ни другим, ни третьим не дано было прийти к разумному состоянию, не дано было изобрести двигатель внутреннего сгорания, радио, телевидение, самолеты, космические аппараты, компьютеры, мобильные телефоны, манипуляторы и многое другое.

На определенном этапе события, связанные с ростом численности человеческих популяций, потребовали создания государства и права, и человек, конечно же, их создал. Государство огнем и мечом пресекало «войну всех против всех», утверждая вместо нее девиз «каждый каждому – друг, товарищ и брат» и объявив «войну» каждому, кто продолжал считать, что «человек человеку – волк». Созданные государством новые «правила игры», разумеется, далеко не всем пришлись по душе. Вернее, вообще никому не нравились. Многие еще продолжали предпочитать (а некоторые и сейчас еще предпочитают) жить по своим собственным «законам», стремясь при первом же удобном случае овладеть имуществом и (или) самкой сородича, норовя обратить последнего в рабство («приручить») или, если того потребуют обстоятельства, даже убить его.

Азиатская модель созданного государством права представляла собой многоячеистую сеть норм, наделяющих людей соответствующими обязанностями и правами и являющихся основанием для силового реагирования на нарушения этих норм. Требовались атмосфера страха, строгие наказания и большие массы наказанных людей для того, чтобы заставить их держать

«страсти» в узде, а язык – «за зубами». Все это особенно эффективно работало в советский период, когда все считались равными (хотя, конечно же, равными люди тогда если и были, то в весьма относительном смысле), когда, по существу, все сферы жизнедеятельности были открыты для человеческого взгляда, когда каждый как бы «присматривал» за каждым и, если имелись на то основания, направлял соответствующие сообщения («сигналы») в правоохранительные органы, которые, как правило, незамедлительно реагировали на случившееся. Однако с переходом к демократическому пути развития азиатская модель (кстати, в значительной мере воспринятая Соединенными Штатами Америки, которые по числу заключенных – более двух миллионов человек – находятся на первом месте в мире, обогнав даже по этому показателю Китай, в закрытых учреждениях которого содержится примерно 1,5 млн заключенных (для сведения в России – около 700 тыс.), начала давать сбои.

Европейская же модель предусматривала, кроме прочего, еще и систему сугубо физических преград для нарушений норм права. Оказавшийся, например, в ФРГ россиянин невольно ловит себя на мысли о том, что там совершенно невозможно что-то у кого-то украсть. Все – под замком, все и везде наглухо закрыто, привинчено, прикручено, заколочено. Почти нет оставленных на ночь в «открытом доступе» машин, нет неохраняемых гаражных массивов, нет предоставленных самим себе загородных домов. После восьми часов вечера на улицах вообще ни души, а следовательно, практически некого грабить, насиловать, убивать, будь ты алкоголик, наркоман или даже какой-то крутой «вор в законе».

Так или иначе, но ожидать от каждого полного законопослушания не приходится. Должны быть созданы такие условия, при которых ни рабочий, ни сельский житель, ни предприниматель, ни инженер, учитель, врач или ученый, ни служащий, ни должностное лицо, ни мэр, губернатор, министр, ни президент не мог бы нарушить закон. А если и мог бы, то чтобы тут же срабатывала «сигнализация», состоящая в информировании широкой общественности (не говоря уже о правоохранительных органах) о том, что там-то и там-то, тогда-то и тогда-то, тот-то и тот-то, так-то и так-то совершил такое-то преступление. При подобной (мгновенной) системе реагирования никому и в голову не придет что-то нарушать. Разумеется, преступления в развитых странах тоже совершаются, но это в основном дорожно-транс-

портные происшествия, некоторые экономические или экологические деяния. Крутая уголовщина – удел искусства кинематографистов и темного быта гастарбайтеров из числа итальянских, албанских, югославских, турецких и некоторых других диаспор, включая этнических немцев, вернувшихся после почти трехсотлетнего пребывания в России на свою историческую родину¹.

Итак, термин «бандитизм» в словосочетании «философия бандитизма» означает в контексте исследуемой темы (сделаем на этом акцент еще раз) наблюдаемый ныне в стране разгул преступности, а термин «философия» – оправдание данного разгула в сознании его главных «действующих лиц», то есть тех, кто совершает преступления. Что же касается словосочетания «бандитизм философии», то термин «философия» означает в нем (в смысле излагаемых здесь положений) прежде всего учение об уголовной политике (но, как будет показано ниже, не только его), а «бандитизм» – экстремизм взглядов представителей данного учения, ратующих за то, чтобы *существенно* усилить борьбу с преступностью уголовно-правовыми средствами, *значительно* «поднажать» на данном направлении правоохранительной деятельности, то есть «покрепче затянуть гайки», сделать упор на строгие наказания. Говоря другими словами, под «бандитизмом» в словосочетании «бандитизм философии» здесь понимается проповедуемая некоторыми нашими коллегами идея ответить на разгул преступности, по сути, «разгулом репрессии»².

Возвести разгул преступности в ранг официальной государственной политики, конечно же, нельзя. Ответной реакцией го-

сударства на вызов преступности в любом случае должно быть не безмерное усиление репрессии, а ее допустимая умеренность, а также сбалансированное сочетание с иными мерами противодействия злу. Утверждая это, мы не проповедуем «игру в поддавки», при которой «съедение» фигур (то есть рост преступности) вполне оправданно. Здесь должно быть полное понимание реалий: раз преступность растет, то это должно восприниматься так: то, что мы делаем по противодействию ей, *недостаточно*. Надо делать что-то еще, но что именно?

И тут приходит на ум спасительная мысль: меры по противодействию преступности не обязательно должны выражаться в усилении наказаний. Слава Богу, человечество изобрело к настоящему времени еще и множество других мер, которые могут быть задействованы на данном направлении деятельности, в частности, меры по устранению причин преступности, состоящие в том, чтобы дать людям возможность лучше жить, предоставить им возможность почувствовать себя именно людьми, а не «быдлом», не «стадом», не «навозной кучей», «овощем» в обществе, именуемом «социальным дном».

2. Философия бандитизма

Смеем утверждать, что бандитизма (преступности) в стране было бы гораздо меньше, если бы в основе его не лежала своя философия, состоящая (если говорить кратко) в том, что «совершать преступления в принципе можно, но только так, чтобы не попадаться». Почему, собственно говоря, можно? Да потому, что, во-первых, «очень хочется» (не надо «горбатиться за гроши», раньше – «на коммунистов», а сейчас – «на капиталистов»), а во-вторых, вероятность встретить противодействие, быть пойманным, а тем более быть привлеченным к уголовной ответственности довольно часто равна практически нулю. «Оперá» не ищут «жуликов», а ждут «вызова» или «толчка» со стороны начальства. А если уж «поймают и прижмут», то, в крайнем случае, в условиях допустимости и распространенности коррупции можно, как говорится, и «откупиться», «отмазаться», «отвертеться»...

По своей масштабности и силе одна причина здесь под стать другой. И если у нас главная преступность – это воровство (третья беда в России, наряду с известными двумя; под ней понимается вся совокупность корыстных преступлений, составляющих, как известно, основной массив всей преступности в целом), то нетрудно заметить, что сегодня оно (воровство) превратилось,

¹ В марте 2008 года западноевропейская пресса с удивлением обратила внимание на то, что, как показали проверки, многие депутаты Европарламента в условиях бесконтрольности начали расходовать выделяемые им средства не по назначению. Установление затем жестких контролирующих мер позволило полностью устранить подобные нарушения.

² Очевидна допущенная здесь условность используемой терминологии, состоящая в том, что если, с одной стороны, термин «бандитизм» в словосочетании «философия бандитизма» означает преступность (в наиболее опасных, агрессивных, жестоких, разрушительных и распространенных ее проявлениях), а «философия» – обоснование (оправдание) преступности (прежде всего в глазах тех, кто сам же и совершает преступления), то с другой – термин «философия» в словосочетании «бандитизм философии» означает, с учетом принятых в автором посылок, лежащую в основе ответной реакции государства, общества, граждан на преступность законодательную, политическую, теоретическую, публицистическую и иную идеологию, а термин «бандитизм» – отчетливо выраженную чрезмерность, избыточность, жесткость данной реакции. Полагаем, понятна и цель допущения этой условности. Она, как это нетрудно будет увидеть из дальнейшего текста, состоит в стремлении автора подчеркнуть остроу исследуемой проблемы – проблемы достижения определенных адекватности в соотношении мотивации преступности и мотивации ответной реакции на нее государства, общества, граждан. Данные пояснения, как полагает автор, избавляют его от необходимости брать каждый раз соответствующие термины в кавычки.

по сути, в своеобразную форму бизнеса. То же самое можно сказать, к сожалению, о нынешнем спорте, о культуре, религии.

Но не будем замыкаться на кражах (квартирных, карманных, автомобильных, гаражных, дачных и т.д.), разговоры о которых давно уже всем набили оскомину и стали общим местом в нашей юридической литературе. Самый большой «шмон» творится сегодня в экономике, которая в соседстве с экономикой теневой к настоящему времени настолько преобразовалась, что достаточно «чистые» ее сегменты практически не сохранились. Особо остро ощущает на себе все ее «прелести» потребитель. И дело здесь заключается не только в обсчетах и обвесах, обмерах и прочих мошеннических обманах, но и в *прямом* «отъеме» денег у посетителей магазинов, состоящем в том, что продавец довольно часто, нисколько не смущаясь, может сдать сдачу с пятисот рублей как с пятидесяти, а с тысячи – как с пятисот. Всякие возражения моментально пресекаются – обычно с помощью охранников или находящихся на связи с продавцами каких-то темных «братков». Высвечивается абсолютно новое явление, требующее изучения и, конечно же, достаточно жестких мер противодействия.

Оправдание преступности проявляется даже на уровне подсознания, то есть на таком уровне, при котором мыслей как таковых пока нет, но уже есть сформировавшиеся их фрагменты, элементы, «кусочки» и т.п. У лиц, совершающих преступления, так сказать, на постоянной основе, может и не быть намерений собрать все эти фрагменты в нечто целое, как это, например, случается, когда человек находится в поиске, когда состояние его сознания на пороге какого-то открытия, изобретения, ноу-хау.

Мудрый законодатель точно улавливает такое оправдание, отражая его, например, в криминализации Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ, в частности, *публично оправдания терроризма*, под которым (оправданием) в ст. 205² УК РФ понимается (согласно примечанию к данной статье) «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании».

Определенное оправдание получают сегодня не только терроризм, сепаратизм, экстремизм и теневая экономика, но и почти любое преступление, начиная от краж («не на что жить...») и кончая «казачьими» убийствами, бандитизмом и разбойными нападениями («у них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает...»). Из примерно миллиона с лишним преступников,

ежегодно пропускаемых сквозь себя нашей правоохранительной системой, трудно найти хотя бы одного такого «джентльмена удачи», который так или иначе не оправдывал бы себя в случившемся. Конечно, «раскаяние» для следствия и суда – это одно, но чаще всего «кошки скребут» на душе у преступника не потому, что, скажем, «украл много», а потому что «плохо спрятал», «попался», «засветился», «вляпался», «заложили»...

Еще больше распространены оправдательные настроения среди тех, кто, совершая те или иные преступления (часто на постоянной основе), действительно не «попадает». Благо сегодня для этого не надо «рождаться в рубашке» – полиция в большинстве случаев и так не торопится своевременно «тормознуть» зарвавшегося вора, угонщика машин, мошенника, грабителя, хулигана или насильника.

«Так было надо...» – вот главный аргумент философии бандитизма. А вот вариации этой философии: «Ему платят рубль, а мне – пятак...», «Таких на Руси много., одним станет меньше – ничего не случится...», «На мой век дураков хватит...», «У него тоже рыльце было в пушку...», «А зачем горбатиться... От работы кони дохнут...», «Работа не... – может и постоять...»...

3. Философия бандитизма как порождение бандитизма философии

Бандитизм как обобщенное понятие того разгула преступности, который сегодня приходится наблюдать, охватил буквально все сферы жизнедеятельности и закономерно возникают вопросы о том, почему так случилось, откуда все это пошло и как долго все это будет еще продолжаться. Надо признать, что сегодня все эти вопросы волнуют людей, может быть, даже больше, чем, скажем, такие, как «выпустят ли, наконец-то, Ходорковского?...», «вернется ли Медведев в президентское кресло?...», «сколько лет “партия власти” намерена еще править?...»...

В основе наблюдающегося сегодня разгула преступности есть своя философия, состоящая, в частности, в следующих постулатах: бери от жизни все, что можешь от нее взять, веселись, развлекайся, пей соки, йогурт, пиво, вино, водку, коньяк, ром и бренди, целуй всех подряд женщин, не пропускай мимо себя удачу и т.д. Похоже, что эта философия одерживает верх над философией благородства, состоящей в том, чтобы быть всегда честным, правдивым, открытым, искренним, добрым, душевным, внимательным...

В начале 60-х годов прошлого века (времена «хрущевской оттепели», свободы мысли, расцвета культуры, литературы, поэзии и искусства) философия зла подвергалась всеобщему осмеянию. Над ней не то чтобы злорадствовали, но просто смеялись (едко, громко, открыто), правильно понимая ее суть, состоящую в том, чтобы как можно наглее, коварнее и алчнее «обмануть ближнего» (а не то, мол, тот «обманет тебя и душа его возрадуется»).

Смех смехом, а само зло, похоже, тоже зря времени не теряло и с каждым годом становилось все более громогласным, свирепым, коварным. Это хорошо видно на примере поколения тех же «шестидесятников», которое по мере возмужания, роста профессионализма и вступления в пору мудрости все больше погружалось в мрак бесправия, нищеты, безысходности. Сегодня каждый честный «шестидесятник», основательно помаявшийся на разных «трудовых фронтах» Средней Азии, Урала, Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, наконец-то вернулся к своему родному берегу, к своему последнему приюту – довольно часто всеми покинутый, презираемый, а иногда и проклятый. И теперь только редкие телефонные звонки напоминают ему о том, что он еще есть и, может быть, даже кому-то еще нужен. Но это «есть» выглядит в каком-то странном свете: кое-кому что-то от «деда» еще не «откололось» (в свое время недобрали – так ухватить бы сейчас), а если не это, то позвонить все же надо хотя бы для того, чтобы убедиться жив ли еще «курилка». Хотя раньше, кажется, всем был нужен, рвали буквально на части.

Это проблема всего поколения «шестидесятников», брошенного на произвол судьбы. Или, как сейчас говорят, «кинутого». В свое время, когда старики уходили на пенсию, то говорили идущему вслед поколению: «Как мне вас жаль, ребятки. Пропадете ведь... Время-то какое впереди... Одна жуть...». И как в воду глядели. Пропадание налицо. Новые «старики» деградируют быстрее, чем изнашивается их одежда. Совершенно очевидно, что на сегодняшний день более или менее приличные люди давно уже сошли с дистанции, и, кажется, навсегда. Им негде приткнуться, не с кем столкнуться, нечего ответить на злорадство окружающих. И что самое обидное, кажется им, что как бы в насмешку всякие ничемные существа приподнялись, приосанились, приободрились и, как видно, хорошо приспособились к новым условиям.

Однако еще проблематичнее складывается судьба молодого поколения, которое совершенно не защищено культурой, образо-

ванием, литературой, искусством. Александр Пушкин и Михаил Лермонтов, Валентин Катаев и Константин Паустовский, Константин Симонов и Дмитрий Лихачев, Джек Лондон и Эрих Ремарк по существу неизвестны сегодняшним 20–25-летним людям. Сегодня цвет нашей молодежи, гуляющей по паркам, скверам и аллеям городов и поселков страны, составляют не будущие «космонавты и искатели», а колоритные фигуры, рожденные буйной фантазией раскрепощенного времени и свободного пространства. В Вечном огне эти люди уже не видят «...вспыхнувший танк...». Сегодня они в лучшем случае прыгают через этот огонь, а в худшем – жгут в нем венки, возлагаемые к находящимся рядом стелам в честь павших солдат. А в городе Кольчугино, что во Владимирской области, в дни празднования Нового (2008-го) года молодые люди заживо сожгли в Вечном огне прохожего, о чем не то с сожалением, не то с холодным равнодушием писала тогда российская пресса¹.

И если смотреть на происходящее объективно, то нельзя не признать, что сегодня преступности открыт довольно широкий простор. Дело дошло даже до того, что отменена ответственность за обман потребителей, за заведомо ложную рекламу, лжепредпринимательство. Воры и грабители, разбойники и бандиты, насильники и убийцы чувствуют себя, как правило, вполне комфортно. Можно «прихватить» арестованного за рубежом (и затем выданного) Адамова, но «выкупить» другого с такой же судьбой «деятеля»². И все равно борцов с коррупцией (типа саратовского прокурора) будут, как представляется, продолжать отстреливать³. Во всяком случае, какого-либо особого беспокойства по этому поводу на высшем уровне власти пока, к сожалению, не замечалось⁴. И вместо того чтобы ударить по рукам мафию, мы будем продолжать

¹ См., например: Биткина С. Лобное место. Вечный огонь в Кольчугино стал орудием жестокой казни // Российская газета. 2008. 15 февраля. С. 6.

² См.: Федосенко В. Адамов признан мошенником. По решению суда он виновен в крупном воровстве бюджетных средств // Российская газета. 2008. 20 февраля. С. 1, 7.

³ См.: Куликов А. Прокурор как главная мишень. В Саратове убит руководитель областной прокуратуры // Российская газета. 2008. 15 февраля. С. 1, 7.

⁴ Бездействие власти в подобных случаях недопустимо, так как общественным мнением оно может быть истолковано как проявление солидарности с «ликвидаторами» борцов с коррупционерами. Или даже как факт, который может послужить основанием для версии об иницировании самой властью такой ликвидации по типу «ликвидации» (по версии западной прессы) бывшего сотрудника ФСБ Литвиненко, перешедшего в свое время, как известно, на сторону английских спецслужб. В то же время настаивает постоянное смакование нашими средствами массовой информации леденящих душу историй об особо жестоких убийствах педофилами малолетних детей, например, в Санкт-Петербурге, Москве, Красноярске, некоторых других городах.

отлавливать 19-летних «сосунков», колдующих в Интернете с информацией о якобы готовящемся покушении на жизнь того или иного высокопоставленного должностного лица. Опаснейшим же преступникам («матерым хищникам»), получается, не о чем беспокоиться.

Понимание феномена преступности, ее существования и метаморфозы невозможны без понимания феномена «уступности», то есть поведения, в *полной мере* согласующегося с нормами морали и права. И не только согласующегося с этими нормами, но и возвышающегося до высших целей права – до такого правомерного поведения, в основе которого убежденность человека в единственной правильности и необходимости такого поведения.

Представляя собой своего рода «встречное движение» в общем «потоке» поступков людей, преступность тем не менее не «сдается». Более того, сегодня она еще продолжает отвоевывать одну позицию за другой, отстаивая свое право на существование в этом беспокойном и противоречивом мире. Удастся ей это только потому, что у нее тоже есть «свой резон» и «своя отметина». А если говорить более понятным языком, то и своя идеология и, может быть, даже, действительно, собственная философия.

4. Космос как основа понимания и решения проблемы философии бандитизма и бандитизма философии

Положение с соотношением порядочности и порока, добра и зла, нормативного и ненормативного поведения можно было бы для наглядности сравнить с состоянием Вселенной, если бы оно (это состояние) объяснялось (в соответствии с сугубо интуитивными нашими представлениями), например, так¹. Как можно предположить, некогда существовало лишь одно безбрежное пространство, но отнюдь не «пустое». Пространство было настолько большим, что в нем постоянно случались какие-то возмущения, причем настолько сильные, что в определенных местах оно как бы «фокусировалось», результатом чего становилось высвобождение (выброс) огромного количества накопившейся энергии, сопровождаемое непрерывной ее материализацией. Образовавшаяся в больших массах материя с огромной скоростью неслась в разные стороны. Простран-

ство наполнялось неисчислимым количеством таких «фейерверков», разбрасывающих вокруг звезды. Последние нередко образовывались (то сразу, то постепенно) в сопровождении планет, на одной из которых (по имени Земля) мы и имеем честь сегодня жить и трудиться, зарабатывая предпринимателю прибыль, себе – зарплату, а власти – славу. Избыточность звездной массы на отдельных участках пространства им же и поглощалась («черные дыры»), а недостаточность – приводила к новым «фейерверкам».

В результате сохраняется и навечно будет сохраняться тот баланс пространства, материи, времени и еще каких-то до конца не выясненных межзвездных космических сил (не только гравитационных), который оказался для космоса оптимальным и поэтому в течение миллиардов и миллиардов лет поддерживал и будет поддерживать дальше его «часовой механизм» в том единственно правильном состоянии, которое олицетворяется в нашем сознании с Высшим разумом, то есть с Разумом, который со временем стал нашим собственным свойством, то есть свойством *высокоорганизованной* материи – материи, «организованной» не только естественным путем, но и *самоорганизованной*.

Интеллект человека, являющийся сегодня следствием не только естественного развития, но и саморазвития (обучения, воспитания и т.д.), проявлением не только естественных возможностей, но и возможностей науки и техники (радио, компьютеры, иные технические устройства). Человек (в его современном виде) сделал себя точно так же, как он делает дома, автомобили, корабли, подводные лодки, самолеты и космические аппараты. Но, в отличие от собственных технических достижений, сам он – человек – перемещается в пространстве («ездит», «плавает», «летает» и т.д.) гораздо хуже, чем это делают его «прототипы» (змеи, рыбы, птицы и т.д.). Как и «плохому танцору», хорошо «танцевать» ему мешает его сугубо природная сущность, от которой, как говорится, никуда не денешься.

Одной из таких «сущностей», тянущих человека вниз, в его далекое прошлое, в дремучую тьму веков, когда «правила игры» были совершенно другими, является преступность. Она – тот тяжеленный крест, который человечество вынуждено нести в будущее, как в свое время нес свой крест Христос на Голгофу. И сбросить его нельзя, и тащить дальше нет сил. А дотащишь – наступит конец. Правда, спустя какое-то время может насту-

¹ Распространенные ныне представления о Вселенной как возникшей из «ничего» кажутся настолько малоубедительными, что воспринимать их всерьез очень трудно.

пить воскресенье, но это будет уже другое, не наше, не нынешнее человечество.

Следуя допущенному выше развитию событий, продолжим дальше наши суждения. Мчащиеся навстречу друг другу вещественные произведения космического искусства не только не приводят к взаимному их уничтожению, но, напротив, именно они и есть сам космос. Они есть не только сам космос (в самом общем нашем представлении о нем), но еще и те силы, которые, создав космос, поддерживают его, так сказать, в «рабочем» («работающем») состоянии силой гравитации и других пока, как уже отмечалось, еще до конца не понятных нам факторов в том древнем (и в то же время вечно молодом виде), в котором мы наблюдаем его и в настоящее время, и который, в отличие от нас, обреченных, в конце концов, на полное исчезновение (как это ни печально сознавать), будет существовать всегда¹.

По сути то же самое происходит и с нами – людьми. Заполнив практически «до отказа» все материи и континенты, области, края и республики, города и веси, мы, люди, несмотря на разительную разность, не только не взаимоуничтожились в жесточайшей борьбе за выживание, в беспощадной кровавой бойне, в «войне всех против всех», но, напротив, создали (и продолжают еще и дальше создавать) себя и друг друга. Преступность не сыграла и не смогла сыграть с нами «злую шутку», точно так же, как и звездные потоки, устремленные навстречу друг другу, не смогли превратить космос в сплошную космическую пыль. Сегодня мы и есть отражение космоса, его звездных систем, его безмерных сил и возможностей. Поистине, мы – «дети Галактики». Не случайно Махатма Ганди (руководитель и идеолог движения за независимость Индии. 1869–1948 гг.) считал, что космос начина-

ется у порога нашего дома. Здесь необходимо сделать лишь одну оговорку: космос и мы не просто рядом, космос и мы – одно и то же. Факт, не нуждающийся в доказательствах¹.

Вот почему общество должно решать все свои проблемы точно так же, как космос решает свои. И если говорить о проблеме преступности, то ее решение должно заключаться не только и не столько в снайперском «отстреле» преступников (их изъятии из общества, помещении в колонии и т.д.), сколько в полном лишении их возможности совершать преступления. Иначе, какой бы грозной (свирепой, жестокой, «мокрой» и т.п.) ни была бы наша практическая уголовная политика, «покорить» преступность не удастся. Она будет и дальше процветать пышным цветом, заполняя все сферы жизнедеятельности, все общество, все его щели, поры и ниши.

Но как это сделать? Ответ на этот вопрос составит «сюжет» следующего параграфа данной главы.

5.2. Проблема и подход к ее решению

Преступник, будь то вор, грабитель, насильник, убийца или бандит, совершая свое преступление, обычно не философствует. Он просто действует, руководствуясь теми или иными мотивами и соображениями, и, как правило, расчет его не подводит. И если есть определенный криминальный опыт и соответствующие навыки, то они обеспечивают ему автоматизм действий и удачу, и он, как правило, безнаказанно продолжает и дальше совершать свои преступления. «Что тут думать? Прыгать надо!», как сказал в известном анекдоте советский офицер, состязавшийся в интеллекте с обезьяной, которая спокойно взяла лапой палку и эффектно сбילה ею банан.

Государство же в ответ на совершаемые преступления руководствуется собственными мотивами и соображениями, но, несмотря на свое властное положение, в деятельности по про-

¹ Неизбежное исчезновение человечества, как и его колыбели – планеты Земля (вместе со всей Солнечной системой, а в конечном счете и со всей Вселенной) означает в такой же мере неизбежное зарождение жизни на других планетах иных «солнечных систем» и иных Вселенных. Единственное, о чем здесь можно сожалеть, так это о том, что мы пока лишены возможности поделиться опытом собственных удач и неудач с теми, кто придет после нас или кто где-то уже, может быть, делает первые шаги в качестве разумных существ. Как лишены и мы сами возможности воспользоваться чьим-либо другим (инопланетным) опытом. Впрочем, остается достаточно много времени (по меньшей мере, пять миллиардов лет), чтобы планомерно подготовиться к апокалипсису и, если повезет, своевременно перебраться на «жительство» в другие звездные миры. Полагаем, что если мы не хотим опоздать, то уже сегодня надо предпринимать в данном направлении соответствующие шаги. Сама по себе эта забота способна многому научить человечество, в том числе настоящей доброте (а не только как альтернативе злу), более глубокому пониманию морально-нравственных, экологических, других общечеловеческих ценностей, способности обходиться без войн, воспринимать земной шар как наш общий дом.

¹ Задаваясь вопросами типа того, а не пришельцы ли построили в Египте пирамиды, не они ли научили нас играть в шахматы, подсказали идеи двигателя внутреннего сгорания, радио, телевидения, компьютера и многого другого, мы забываем одну простую вещь, а именно то, что мы сами и есть «пришельцы», то есть люди, пришедшие в этот мир для того, чтобы подсмотреть его, попытаться его понять и, может быть, перенять его «опыт» насколько это возможно, воспользоваться им всласть и, увыв, снова уйти в далекое «никуда», превратиться в «ничто», уступив место другим таким же, как и мы сами, но только, может быть, более удачливым «пришельцам».

тивоедействию преступлениям оно оказывается в большинстве случаев менее удачливым, в результате чего вопрос «кто кого?» остается еще довольно проблематичным и решается пока, к сожалению, явно не в пользу государства. Неудачи же вносят элемент нервозности в деятельность по противодействию преступлениям, вследствие чего государство постоянно переосмысливает свои стратегию и тактику, свою собственную философию – философию реагирования на преступления. Изменения в политике, доктрине и практике борьбы с преступностью таковы, что философия данной сферы правоохранительной деятельности постепенно приобретает ярко выраженные дефективные черты, которые можно было бы выразить словами: «Бей!», «Круши!», «Дави!», «Гони!», «Хватай», «Стреляй!» и т.д. Отсюда появляются основания говорить о бандитизме философии.

К такому повороту преступность быстро приспосабливается, и у нее тоже постепенно появляется своя стратегия и своя тактика, в том числе и своя собственная философия, требующая, как представляется, самостоятельного исследовательского внимания.

1. Философия бандитизма

Философия бандитизма благоденствует и процветает прежде всего потому, что приносит реальные дивиденды тем, кто ее исповедует. В основе ее – мотивы опаснейших и наиболее распространенных преступлений. Условно все преступления такого рода с учетом их мотивов можно подразделить на шесть групп, а именно на преступления «гениев» («мыслителей»), преступления «гигантов» («силачей-суперменов»), преступления «рыцарей» («гангстеров»), преступления «отморозков» («отвязанных»), преступления «пигмеев» («недоносков») и смешанные преступления, то есть такие, в мотивации которых сочетаются побуждения различных видов.

Преступления «гениев» («мыслителей») – это, прежде всего, преступления идеи, принципа и фанатизма.

Преступления «идеи». «Идейный» преступник в этом ряду наиболее опасный. Он, как «честный борец за правду», искренне верит в то, что так, и только так можно утвердить, поддержать или восстановить пошатнувшуюся в результате, может быть, действительно неумелых действий властей «справедливость». За идею в позапрошлом веке боролись цареубийцы и прочие «народные мстители», а сегодня проявляют свою агрессивность

террористы, экстремисты, сепаратисты и другие «борцы за правду». Полицейский для них не иначе как «мусор», «легалый», «мент», «педераст»... Сам «борец» – все, а все остальные не просто никто, а «величина со знаком минус».

Преступления «принципа» совершаются прежде всего потому, что «так надо». Преступник-«принципиалист» не может «поступаться принципами», ибо он всеми фибрами своей души убежден не только в том, что именно «так надо», но и в том, что «иначе нельзя». В силу «принципа» совершаются, например, многие преступления против конституционных прав и свобод (в том числе такие, как, например, нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, отказ в предоставлении гражданину информации, фальсификация итогов голосования, воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий, воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них), сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, организация объединения, посягающего на личность и права граждан, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, незаконное освобождение от уголовной ответственности, незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, принуждение к даче показаний, фальсификация доказательств, провокация взятки или коммерческого подкупа, вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, заведомо ложный донос, уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы, надругательство над государственным гербом Российской Федерации или государственным флагом Российской Федерации, преступления против мира и безопасности человечества.

Преступления фанатизма обычно связаны с какими-то крайними религиозными, политическими, корпоративными или иными убеждениями. Вот примерный перечень таких преступлений: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, посягательство на

жизнь сотрудника правоохранительного органа, захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, бандитизм, организация преступного сообщества (преступной организации), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, массовые беспорядки, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов, пиратство, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ.

Часто все эти преступления (преступления «идеи», «принципа», фанатизма) тесно сочетаются, и порой трудно отдать здесь предпочтение только одному какому-либо мотиву. Ясно лишь то, что «гению» преступного мира («гению» злодейства) может быть противопоставлен лишь по настоящему честный гений правопорядка и законности, добра и справедливости, верности и преданности долгу и делу.

Преступления «гигантов» («силачей-суперменов») – это преступления властолюбия, карьеризма, служебного чванства, высокомерия, превосходства (служебного, возрастного, иного), пренебрежения, тщеславия, всякого наплевательства и т.п. «Я – да! Ты – нет!» (вариант: «Я один умный, а все остальные – дураки») – вот лаконично выраженная формула этого распространенного мотива. На почве такого рода побуждений совершается значительная часть опаснейших должностных, служебных и многих других преступлений. Впрочем, властолюбие у одного и того же человека (например, злоупотребляющего полномочиями или превышающего их) может удивительнейшим образом сочетаться с ярко выраженным служебным угодничеством, если речь идет, скажем, о взаимоотношениях с вышестоящим начальством. «Я начальник – ты дурак! Ты начальник – я дурак!» – фраза, которая достаточно красноречиво иллюстрирует подобную психологию. И здесь большой простор для коррупции и других злоупотреблений. Свернуть, образно говоря, шею «гиганту» суперменства может только «гигант» правоохранительного благородства.

Преступления «рыцарей» («гангстеров») – это преступления своеволия, насилия, необузданной злости, неумеренной агрессии, садизма, разрушений (часто злых и бессмысленных), дерзости, цинизма, бесшабашности, азарта, бравады и т.д. Преступления данной группы можно было бы назвать одним словом – «беспредел».

Это и массовые беспорядки, и хулиганство, и вандализм, и уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, и надругательство над телами умерших и местами их захоронений, и жестокое обращение с животными, и многие другие преступления. «После меня – хоть потоп», – рассуждают обычно люди, совершающие подобные преступления. «Рыцарям» гангстеризма могут противостоять только «рыцари» правопорядка, которых пока в правоохранительных органах явно недостаточно. Но за ними – будущее.

Преступления «отморозков» («отвязанных») – это преступления корысти, мести, ненависти, зависти, ревности, животного инстинкта. Под влиянием названных мотивов люди могут совершать самые разнообразные преступления – от хищений, вымогательств и угонов до побоев, истязаний, изнасилований и убийств. «Да, я – тварь.., – так оценивают себя сами эти люди, – но все же кое-что еще могу...». Противопоставить этому можно только мощную правоохранительную силу. Все остальное воспринимается как слабость и не может гарантировать успех.

Преступления «пигмеев» («недоносков»). Эти преступления характеризуются наиболее широким спектром мотивов. «Пигмеи» – это люди обычно недалекие, в чем-то даже, может быть, примитивные, трусливые, пакостные. Преступления «пигмеев» – это преступления раболепия, услужливости, чинопочитания, подострастия, преклонения, угодничества, иногда безмятежности, беспечности, умиротворенности, но чаще неуверенности, равнодушия, лени, паразитизма, тунеядства, страха, безволия, малодушия и т.п. Сюда же можно отнести и преступления комплексов, стереотипов, подражаний, массовой субкультуры, моды, эйфории (в том числе алкогольной, наркотической, токсической), отставаний в культурном, социальном, интеллектуальном и (или) ином развитии, аффекта. Типичные преступления данной группы – это халатность, нарушение различных правил безопасности (дорожно-транспортной, пожарной, радиационной, экологической, иной), другие неосторожные преступления, доведение до самоубийства, оставление в опасности и т.п. Борьба с такого рода преступлениями, пожалуй, наиболее сложно. Часто они совершаются в самых неожиданных местах и в самое «неподходящее» время. На данном направлении правоохранительной деятельности как нигде нужны находчивость, оригинальность, острое чутье, применение нетрадиционных методов и средств.

2. Бандитизм философии

2.1. *Законодательство.* Уголовное законодательство, являющееся ядром правовой основы борьбы с преступностью, главное правовое средство обеспечения правопорядка. По своему содержанию оно должно быть адекватным, с одной стороны, состоянию преступности и особенностям криминогенной ситуации в данный момент, а с другой – возможностям государства обеспечить условия для соблюдения гражданами установленных данным законодательством требований.

Если уровень преступности и порождающих ее факторов довольно высок и притом обнаруживает тенденцию к возрастанию, то, казалось бы, сам бог велел усиливать жесткость реагирования на этот вызов. Но, с другой стороны, если открываются какие-то новые возможности по созданию условий для соблюдения уголовно-правовых требований, то следует использовать прежде всего именно их.

В настоящее время таких возможностей открывается все больше. Имеются в виду успехи экономического развития, социальной политики, укрепление институтов семьи и школы, расширение стимулов к труду, наступление на пьянство и алкоголизм, наркоманию и токсикоманию, бродяжничество и попрошайничество, тунеядство и другие язвы молодого российского капитализма. В данной связи следует согласиться с Л.В. Голоскоковым, полагающим, что «...магистральный путь правового государства – не создавать новые нормы о наказании, а лишить человека в принципе возможности нарушать... нормы права...»¹.

Наверное, можно (и, может быть, даже нужно) несколько усилить строгость наказаний за отдельные виды распространенных преступлений (например, за кражи, грабежи, разбойные нападения, угоны транспортных средств, бандитизм, убийства, террористические акты, похищения людей, захваты заложников, изнасилования, насильственные преступления против несовершеннолетних, вовлечение последних в совершение преступлений и иные антиобщественные действия), можно (и даже, мы в этом уверены, нужно) пойти на дополнение Уголовного кодекса РФ некоторыми новыми статьями (например, статьями об ответствен-

ности за выгул собак без намордника, поскольку, как показывают события последних лет, это представляет опасность для здоровья и даже жизни прохожих), на введение в действие отдельных статей Кодекса, признанных ранее утратившими силу (например, статей об обмане потребителей, заведомо ложной рекламе и лжепредпринимательстве – в наиболее опасных проявлениях этих деяний), но не следует идти на тотальное усиление ответственности.

В принципе наше уголовное законодательство как законодательство переходного периода должно быть в целом весьма строгим. Нельзя вообще куда-либо идти, не мобилизовав необходимые для этого силы. А идти без соответствующей «артподготовки» в неведомое «завтра», да еще в то время, когда нас туда не пускают, тем более. Но быть строгим – это еще не означает необходимости быть жестоким. Например, совершенно очевидно, что в противодействии экономическим преступлениям надо полагаться преимущественно на имущественные уголовно-правовые санкции, в частности, на штрафы. Но что же получается на самом деле? Санкции статей, например, главы 22 УК РФ (преступления в сфере экономической деятельности) сплошь и рядом пестрят лишением свободы, причем часто на весьма продолжительные сроки. Из 35 статей данной главы Кодекса только две предусматривают в виде максимально строгих мер наказания без лишения свободы (5,7%). Остальные 33 статьи в качестве таковых предусматривают **только лишение свободы**, в том числе **на срок до двух лет** – в двух случаях, **до трех** – в четырех, **до четырех** – в одном, **до пяти** – в шести, **от двух до пяти** – в одном, **до шести** – в пяти, **от двух до шести** – в одном, **до семи** – в одном, от трех до семи – в четырех и в остальных восьми случаях наказание в виде лишения свободы предусматривается на сроки **от четырех до семи, до восьми, до десяти, от пяти до десяти, от семи до десяти, от семи до двенадцати, от восьми до пятнадцати и от десяти до пятнадцати лет**. Таким образом, из всех 35 статей УК РФ о преступлениях в сфере экономической деятельности примерно **лишь каждая восемнадцатая статья (5,7%)** не содержит лишения свободы. Такой же удельный вес и статей, содержащих лишение свободы сроком **до двух лет**. **В целом примерно каждая десятая статья (11%)** предусматривает такие наказания, которые характеризуют соответствующие преступления как преступления небольшой тяжести (всего – четыре статьи). **Примерно же треть статей УК РФ (34%)** характеризует пред-

¹ Голоскоков Л.В. Конкретизация как технико-юридический прием правотворческой и право-реализационной практик: анализ в свете теории сетевого права // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2008. С. 197.

усмотренные ими преступления как преступления средней тяжести (12 статей), **около половины (46%)** – как тяжкие (12 статей), **примерно каждая десятая статья (9%)** – как особо тяжкие (три статьи).

Дело доходит даже до парадоксов. Например, если ст. 283 УК РФ (разглашение государственной тайны) предусматривает, наказание в виде лишения свободы на срок **от трех до семи лет**, то ст. 183 УК РФ (незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну) – в виде лишения свободы на срок **до десяти лет**. Ясно, что общественная опасность первого преступления значительно выше общественной опасности второго преступления, а поэтому строгость предусмотренных законом за эти преступления санкций следует, конечно же, развернуть на 180 градусов. То есть максимально строгое наказание за разглашение государственной тайны должно быть предусмотрено законом в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет, а за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну – в виде лишения свободы на срок до семи лет.

2.2. Теория. Философия бандитизма возникла, существует и делает свое черное дело в определенной мере потому, что рядом с ней есть то, что может быть названо бандитизмом философии, под которым, напомним, понимается чрезмерная заостренность теории противодействия преступности, ее ориентированность преимущественно на крайне строгие наказания.

Однако сам по себе уголовный закон – это лишь потенциальная сила государства, ее нормативно-правовая база, определенное ею юридическое основание. Прежде чем закон станет реальной силой государства, он должен быть внедрен в сознание населения, в структуре которого в результате этого выкристаллизуется «пласт», именуемый правосознанием.

В отличие от деликтосознания (то есть сознания, обуславливающего деликты, в том числе и уголовно-правового свойства), правосознание позволяет гражданам *добровольно* соблюдать закон постольку, поскольку государство не может (или по каким-либо причинам пока не ставит перед собой соответствующей задачи) создать, с одной стороны, условия, достаточные для того, чтобы закон соблюдался гражданами сознательно (то есть просто так, без всякого психического их насилия над собой), а с другой – преграды, физически не позволяющие кому бы то ни

было нарушать закон. Дефицит тех и других (условий и преград), наряду с отсутствием у многих людей должного правосознания, приводит к правонарушениям, а в отношении их государство, как известно, оставляет за собой право довольно жесткого силового реагирования.

И здесь возникает главный вопрос рассматриваемой проблемы, а именно вопрос о том, какой конкретно должна быть ответственность в каждом случае. Закон требует, чтобы строгость наказания была по крайней мере сопоставимой, с одной стороны, с тяжестью совершенного преступления, а с другой – с опасностью виновного лица. *Тяжесть преступления* определяется, как известно, ценностью объекта, на который посягает преступление, созданной преступлением для данного объекта опасностью и реальным ущербом, нанесенным объекту преступлением, а *опасность виновного лица* – его объективной и субъективной готовностью совершать новые преступления такого же или иного рода и вида.

Закон не требует полной адекватности (соразмерности) наказания преступлению. Более того, демонстрируя принцип гуманизма, он исходит из необходимости наказывать виновного не вполне адекватно (не вполне соразмерно) преступлению, а именно по минимуму, то есть наказанием, которое хотя по строгости, может быть, и не дотягивает до того уровня, при котором была бы обеспечена полная адекватность (соразмерность) в этом вопросе, но все же считается достаточным – во всяком случае, для того, чтобы и нарушенная преступлением справедливость была восстановлена, и виновное в совершении преступления лицо было исправлено, и никто из неустойчивых в морально-нравственном отношении лиц не воспринимал бы назначенное наказание настолько мягким, что это не могло бы его остановить в намерении совершить какое-либо новое преступление.

Все это классика теории уголовного права, но реальное уголовное право – это не теория (во всяком случае не только теория), а прежде всего практика. И если говорить именно о практике, то она следует, конечно же, не только теоретическим установкам, но и практическим управленческим решениям. Помимо теории, на нее влияют также еще политика, общественное мнение и ряд других достаточно весомых в этом смысле факторов.

А кроме того, сама теория уголовного права неоднородна. Наряду с классическим ее содержанием (теорией-классикой), в ней

просматриваются еще и различные течения, основными из которых являются два, а именно максималистское и минималистское. Кредо максималистского течения (теория максимализма) состоит в том, что «чем строже – тем лучше», а минималистского (теория минимализма) – в том, что «чем мягче – тем лучше».

Теория максимализма, представленная, прежде всего, трудами специалистов, вышедших из силовых ведомств, призывает законодателя и правоохранительные органы больше обращаться к строгим наказаниям, больше осуждать виновных к лишению свободы, возводить для этого новые исправительные колонии, тюрьмы, следственные изоляторы, вернуть в систему наказаний конфискацию имущества, ссылку, высылку и даже... каторгу (разумеется, в «разумных» ее параметрах), расширить практику применения пожизненного лишения свободы, снять мораторий на смертную казнь и т.д.¹

Теория же минимализма, представленная в трудах специалистов либерального направления (в прошлом адвокаты, учителя, врачи, писатели, поэты, политики, психологи, журналисты и т.д.), исходит из необходимости «почистить» Уголовный кодекс РФ, освободив его от составов малоопасных деяний (перенеся нормы о них из УК РФ в Кодекс РФ об административных правонарушениях), в отношении экологических, экономических, имущественных и некоторых других (ненасильственных) преступлений перенести акцент с лишения свободы на наказания, не связанные с лишением свободы (в основном на достаточно крупные штрафы), реформировать правоохранительную систему, перенацелив ее (тем или иным образом) на создание условий, которые способствовали бы *соблюдению* гражданами закона, и т.д.

Классическая теория уголовного права (теория «золотой середины») не отрицает ни то, ни другое течение, не стремится их преодолевать, разоблачать или не замечать. Напротив, только в условиях относительного «мирного сосуществования» с названными сопутствующими течениями, черпая в них даже определенный позитивный потенциал, классическая теория может утверждать и совершенствовать себя в качестве таковой. Другое дело, что могут существовать (и, к сожалению, конечно

же, существуют) просто легковесные трактовки, интерпретации, толкования, взгляды, ни на чем не основанные концепции, измышления, являющиеся результатом поверхностности, верхоглядства и обычного непрофессионализма. Их необходимо решительно устранять. Например, нельзя допускать «теоретического оправдания» использования уголовно-правового ресурса для подавления властью оппозиции. Особенно вредны при этом аргументы типа тех, что «народу нужна сильная власть...», «все устали от безвластия в 90-е годы прошлого века...», «только сильная власть – авторитетная власть...», «без сильной власти пропадем...», «преступники обнаглели...» и т.д. и т.п. Это не что иное, как чистейшей воды шантаж.

Власть, конечно же, должна быть сильной, но ее сила должна направляться на созидание, а не на борьбу с инакомыслящими. Важно помнить, что теория уголовного права по причине традиционного ее авторитета способна оказывать буквально магическое воздействие на практику, в том числе в плане обоснования и активизации обвинительного уклона. Поэтому каждый ученый должен быть ответственным за высказанные (а тем более – за публикуемые) позиции, идеи, выводы, предложения, рекомендации и т.д. Слово, как говорится, не воробей, вылетит – не поймаешь.

2.3. Политика. Политика – сфера формирования, функционирования и смены власти. По притягательности для социально активного человека она оставляет далеко позади все другие сферы деятельности, включая бизнес, искусство, науку, технику, культуру. Любой ученый или литератор, как, впрочем, и представитель всякой другой профессии, встав однажды на тропу политики, как правило, уже не в состоянии сойти с нее – по крайней мере добровольно.

Одно из предназначений политики – демонстрация властью собственной силы («дееспособности»). Само по себе уголовное законодательство, как одно из наглядных средств политики в соответствующей сфере жизнедеятельности, представляет собой, во-первых, демонстрацию требований государства в отношении поведения граждан в различных ситуациях, подкрепленную демонстрацией его (государства) намерений применять принуждение к каждому, кто по тем или иным причинам позволяет себе пренебрегать указанными требованиями и, следовательно, посягает на защищаемый законом интерес. Во-вторых, право-

¹ В той или иной мере такие взгляды разделяет, например, С.Ф. Милоков (см., например: Милоков С.Ф. Насилие как средство осуществления уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 108, 109).

вую базу для создания условий, позволяющих гражданам соблюдать закон, но поскольку нарушения все же совершаются, то и для оценки нарушений закона как преступлений, а также для практической реализации демонстрируемых государством намерений применять силу в отношении тех, кто добровольно не подчиняется требованиям закона и совершает нарушения.

Многое в реализации требований закона зависит, конечно, не только от него самого. Значительное влияние на правореализацию оказывают наряду с теорией политика, общественное мнение, публицистика и множество других достаточно влиятельных факторов, в том числе негативного плана, например, телефонное, коррупционное, протекционистское или иное «право». Весьма опасны в рассматриваемом смысле заявления политиков, например, о необходимости «усилить борьбу...», «затянуть гайки...», «прижать...» и т.п. как тех политиков, которые только стремятся овладеть властью, так и тех, которые ею уже овладели и пытаются, так или иначе, оправдать ожидания электората.

Жизнь показывает, что идущий во власть политик всегда неистово и даже с какой-то, можно сказать, яростью (яркий пример – В.В. Жириновский) ратует за «борьбу...». Закон и порядок для него в этом случае – вершина всех целей, задач, программ. Но как только власть оказывается у политика в руках, эта «скользящая» тема для него как бы перестает существовать, становится, по существу, закрытой, если не сказать запретной. Людей обворовывают, травят суррогатами, убивают, детей насилюют и опять-таки убивают педофилы, людей на улицах загрызают насмерть бродячие собаки, женщин продают в притоны для занятия проституцией, кругом коррупция и прочие злоупотребления, а политик... как воды в рот набрал. И если он еще что-то и говорит о преступности, то только нечто отрывочное, невразумительное, пустое. И вообще он стремится казаться (а по возможности и быть) уравновешенным, соблюдающим интересы как бы всех и каждого. Избиратель и узнает, и не узнает своего избранника – как будто ему там, в коридорах власти, сделали какую-то прививку от честности, и вместо «борьбы...» он уже широко проповедует свои желания «...дружить со всеми».

С этим феноменом еще предстоит разобраться, но в данном случае имеется в виду еще и второй вариант бездеятельности, состоящий в пустопорожней политической риторике по поводу того, что, мол, «преступники зарываются...», «пора с ними кон-

чать...», «надо наконец-то призвать этих господ к порядку» и т.д. Мало того, что подобный «камуфляж» обычно призван прикрывать бездеятельность действующей власти на соответствующем направлении политики, и поэтому не только не может реально принести никакой практической пользы делу, но даже способен причинить большой вред ему. Зададимся, например, вопросом о том, к чему могут привести заявления потенциального кандидата в президенты (особенно перспективного), а тем более действующего главы государства, скажем, о необходимости «кардинально обновить Уголовный кодекс...», «сделать уголовную политику более сильной...», «...более реальной...», «...более дееспособной...», «...наделить правоохранительные органы дополнительными полномочиями...» и т.д.? Только к одному, а именно к распространению обвинительного уклона на все сферы практической уголовной политики¹.

К этому же может привести, например, и сам по себе достаточно жесткий стиль обращения иного руководителя федерального уровня с руководителем региональным (а того и другого, скажем, с предпринимателем), да и всякая критика сверху вообще, недобросовестная конкуренция, нечестному исходу которой способствует чиновник, рейдерство, осуществляемое при покровительстве тех же «силовиков», борьба за должностные кресла, другие конфликтные и прочие нестандартные ситуации, происходящие «под присмотром» высоких чиновников.

В условиях нынешнего состояния нашей ангажированной правоохранительной системы ее сотрудники рассуждают обычно так, что если «кто-то из “ненужных” все еще на свободе, то это, мол, их недоработка», «был бы человек, а статья для него всегда найдется» и т.п. Обычно «ненужному» человеку (разумеется, в угоду «нужному») вменяется статья УК РФ о злоупотреблении полномочиями или о превышении полномочий (с учетом ситуации – 201, 285 или 286-я).

Имеются основания полагать, что многие известные люди оказались в то или иное время «под статьей» в значительной ме-

¹ Действующий президент страны во время своей избирательной кампании, помнится, явно уклонялся от прямых ответов на вопрос о том, «что делать с преступностью», делая акцент на том, что «Уголовный кодекс поменять нетрудно, но трудно добиться того, чтобы его соблюдали». Такая позиция, ни к чему не обязывающая политика тоже едва ли может быть признана единственно верной. Вместе с тем она, конечно же, не исключает позитивных практических шагов, по-прежнему ожидаемых в широких кругах нашей мыслящей общественности.

ре потому, что не оказали должного уважения той или иной высокопоставленной должностной персоне, пошли на конфликт с ней, вышли, как говорится, «за флажки». И дело здесь даже не в том, что «персона» в связи с соответствующей ситуацией вспыхнула, вышла из себя, потребовала призвать отступника к порядку, применить к нему «строгие меры», а в том, что руководители силовых ведомств обычно сами четко отслеживают такого рода ситуации (вынуждены это делать, так как довольно часто именно от этого зависит их должностное благополучие) и без особых к тому понуканий действуют... «на опережение». «Персоне» в каждом таком случае надо бы одернуть зарвавшегося «силовика», но она, как говорится, «и в ус не дует». А комментируя случившееся, неизменно подчеркивает, что «суд у нас независимый... Какие же могут быть претензии?..». И карательная машина без какого-либо особого скрипа основательно зажевывает очередную жертву переходного периода. Соответствующее обеспечение подобной процедуры со стороны «правильно мыслящих» средств массовой информации (а сегодня они, похоже, все такие) обычно осуществляется своевременно, без запаздывания.

Опасность негативного политического влияния на практику проявляется не только в реальной произвольной манипуляции уголовно-правовыми средствами, состоящей в привлечении к уголовной ответственности не совершавших никаких преступлений, но негодных власти «жучков», в уводе от такой ответственности совершивших преступления, но преданных власти людей, в воздействии на суд в целях назначения «нужной» меры наказания, но и в том, что рассматриваемый блок «административного ресурса» уже в силу одного факта своего существования делает правоохранные органы и всю уголовную политику в целом слепым орудием в руках власти, способной в этом случае погубить любые благие побуждения, решения, действия.

Прекрасно все это понимая, правоохранные органы явочным порядком берут карт-бланш и на манипуляции уголовно-правовыми средствами в угоду собственным интересам. В силу этого широкое распространение в стране получили подлоги и казнокрадство, злоупотребления и коррупция, протекционизм и семейственность, смычка власти, с одной стороны, с бизнесом, а с другой – с криминальными «авторитетами». Здесь власть укрывает, по существу, саму себя. За счет этого она, похоже, тоже

стремится стать более «сильной», а следовательно, более «привлекательной» для граждан, но «вертикаль власти» – это одно, а ее «горизонталь» (когда она местами просто лежит на боку и в нужный момент не может встать на ноги) – это уже совсем другое.

2.4. Общественное мнение. Весьма сильное отклоняющее воздействие оказывает на практику деятельности правоохранительных органов общественное мнение, особенно если оно выражено каким-либо наглядным способом (например, в средствах массовой информации, в том числе в Интернете, в различных формах так называемой «уличной демократии» и т.п.). Если средства массовой информации именуют сами себя не иначе как «четвертой властью», то «уличную демократию» (в форме демонстраций, забастовок, пикетов, шествий, собраний, митингов и т.п.) они вполне могли бы назвать «пятой властью». Сила ее наглядно была продемонстрирована в разное время в Грузии, Украине, Киргизии. По существу, во всех этих странах произошли (с разным успехом) восстания, оказавшие заметное влияние на их судьбы¹.

В нашей стране знаменательными в этом смысле были февраль и октябрь 1917 года, а также спустя примерно три четверти века – август 1991 и октябрь 1993 года. «Улица» в таких случаях требует кого-то «поставить к стенке», а кого-то «освободить из застенков». 4 октября 1993 года деморализованный противостоянием с парламентом страны Б.Н. Ельцин расстрелял его из танковых орудий (146 человек погибло и несколько сотен – точная цифра в прессе не называлась – ранено)².

Сегодня некоторые политики упрекают Г.А. Зюганова за то, что тот, став в 1996 году фактически победителем на президентских выборах, не вывел людей на улицы и тем самым не добился юридического признания своей победы. Такой упрек можно было бы понять, если забыть уроки октября 1993 года. Не приходится сомневаться, что Ельцин залил бы тогда кровью если

¹ В данной связи резонно поставить вопрос об отражении в конституциях государств (по крайней мере в Конституции РФ) права народа на восстание. Но нужны законы, которые регламентировали бы порядок проведения такого рода «мероприятий» – без оружия, без насилия и без всякого принуждения вообще, при наличии четко сформулированных целей, задач, при создании организованных форм обеспечения правопорядка, отсутствии помех работе организаций, предприятий и учреждений.

² Ельцинский период нашей государственности во весь рост поставил вопрос о необходимости, с одной стороны, медицинского освидетельствования кандидатов на высшие посты в государстве, а с другой – дополнительной проработки конституционных оснований для отрешения от должности высших должностных лиц страны.

не всю страну, то во всяком случае значительную ее часть. Если ему ничего не помешало проделать это с парламентом (притом опиравшимся на решение Конституционного Суда, признавшего действия Ельцина по роспуску парламента неконституционными), то что для него могли значить простые люди и их мнение, выраженное даже при голосовании?

Ельцинский шантаж народа, осуществленный в соответствии с разработанной политтехнологией «Голосуй, а то проиграешь», красноречиво характеризует этого дошедшего до больших высот политического деятеля, удостоенного, как известно, в канун добровольной отставки религиозными властями Иерусалима «Ордена Гроба Господня».

Разумеется, практика испытывает на себе соответствующее негативное влияние не только незадачливых политиков, ученых, журналистов и прочих представителей гражданского общества. Очевидно, что на нее воздействует, как уже отмечалось, также телефонное, коррупционное, протекционистское и прочее «право», мягко именуемое в литературе еще и «теневым». Но это уже за пределами той философии, о бандитизме которой здесь идет речь.

2.5. Практика. Практика реализации уголовного закона многообразна и противоречива. Основной ее недостаток состоит в том, что ориентирована она высшим руководством страны, прежде всего, на силовую стратегию, то есть на то, чтобы «найти и обезвредить преступника». После трагедии в Беслане было заявлено, что международный терроризм объявил России войну, а поэтому на брошенной стране вызов надо ответить сплочением нации и адекватным отпором. Генпрокурор тогда выступил с инициативой брать в заложники родственников террористов, что привело, в частности, к физическому уничтожению Масхадова и его ближайшего окружения.

Но задача заключается, конечно же, не только в том, чтобы на удар отвечать ударом, но и в том, чтобы сформировать условия для соблюдения закона, в том числе методом создания сугубо физических преград для его нарушения. Если же говорить о *применении* закона, то тут надо заметить, что в целом практика преимущественно «работает» в ключе оправдательного уклона – прежде всего в связи с низким уровнем раскрываемости преступлений, что позволяет миллионам преступников оставаться безнаказанными и без всяких опасений совершать новые преступления. Ситуация дополняется тем, что человек, иду-

щий без всяких «тормозов» на преступление, делает это потому, что, по его представлениям, он живет в чужой, враждебной ему стране¹. Вокруг него – враги, а поэтому он объявил им войну. На войне как на войне: лес рубят – щепки летят. «Я стрелял в ад...», – хрипел пойманный и прижатый к земле «белгородский стрелок», расстрелявший в упор шесть человек.

Но весьма отчетливо проявляется и уклон обвинительный, состоящий в неоправданном усилении репрессии и использовании ее нередко не по назначению. В погоне за «показателями раскрываемости» сотрудники все чаще фабрикуют уголовные дела, втискивают в них не имевшие места «эпизоды», «доказательства», «факты», привлекают к ответственности, наряду с действительными соучастниками и прикосновенными лицами, еще и каких-то «дельцов», «аферистов», «конъюнктурщиков», «карьеристов» и прочих проходящих по делу «фигурантов». Суть соответствующего практического выражения бандитизма философии можно было бы охарактеризовать словами: «Бей, но не до смерти», поскольку смертная казнь все же под запретом. Но есть еще ее величество внесудебная расправа, которая, часто маскируясь под необходимую оборону и задержание преступника, все еще процветает.

Статистика преступности не носит полного, системного и, что самое главное, открытого характера. Будучи все еще сосредоточенной в основном в системе органов внутренних дел, она по прежнему обслуживает их узковедомственные интересы, а именно служит задаче всемерного прикрития беспомощности, растерянности и общего непрофессионализма этих органов, широко тратящих вместе с тем деньги налогоплательщиков. В стране уже трудно найти человека, который в течение года хотя бы однажды не пострадал от преступника, оставшегося безнаказанным. Не торопится освоить функцию ведения статистики преступности и прокуратура, вследствие чего общество до сих пор лишено возможности знать правду о преступности и предпринимаемых в целях борьбы с ней мер.

Совершенно очевидно, что статистика преступности должна быть сосредоточена в каком-либо «штатском» органе. В этом случае мы, граждане, могли бы по крайней мере знать, что, собственно, представляет собой преступность и что делают правоохранитель-

¹ См.: Хохряков Г. Самоубийство России? // Политический журнал. 2008. № 25/26. С. 6.

ные органы для противодействия ей. Должна быть дана исчерпывающая характеристика не только преступлениям, ущербу от них, назначаемым судами наказаниям, профилактической работе, но и лицам, которые эти преступления совершают, контролю за их поведением как в период исполнения наказания, так и в последующий период – до погашения или снятия судимости.

* * *

Таким образом, «философия бандитизма», отрицающая правопорядок и оправдывающая преступления и наблюдаемый сегодня разгул преступности в целом, делающая преступления главной целью и основным смыслом жизни преступника, с неизбежностью порождает явление, рассмотренное здесь под названием «бандитизм философии» и состоящее в неприкрытом, грубом, разнузданном, беспредельно жестоком подходе к решению проблемы преступности, в постоянно повторяющихся призывах выжигать ее «каленным железом», в охаивании и поношении преступников, в постоянно практикующейся внесудебной расправе, замаскированной под необходимую оборону. На Востоке верно говорят, что если верблюд плюнул человеку в лицо, то человеку совсем не обязательно отвечать ему тем же. Человек в этом случае должен достать из кармана белоснежный платок, вытереть им лицо и хорошо подумать что же ему надо делать, чтобы не быть снова оплеванным – ни верблюдом, ни кем-то из людей, ни государством в лице некоторых его непутевых представителей.

Но дело здесь не в том, что бандитизм философии – некультурное, недостойное, порочное в самой своей основе явление, сколько в том, что государство всегда будет оставаться глухим к такого рода призывам и действиям, так как его «слуховой аппарат» сегодня остается расстроенным донельзя, его механизмы реагирования разбалансированы настолько, что работают «не в ту сторону», и само оно не для того существует, чтобы заниматься каждой «балалайкой» (каждым преступником) в отдельности – ему подавай «балалаечное производство» в целом. Однако лучше так, чем если бы государство поставило перед собой задачу действительно нанести «решающий удар» по преступности...», «до конца извести ее...», «ликвидировать ее начисто...», как это было сделано, по версии телесериала «Ликвидация», в послевоенной Одессе маршалом Г.К. Жуковым. Конечно, «этапы длинные и срока былинные» способны на какое-то время «очистить» общество от преступности, но уже первая демократиче-

ская оттепель вновь приведет к ее всплеску. И еще не факт, что общество само устоит перед этим всплеском, что оно не дрогнет, не утонет в пучине происходящего.

Вот почему философия бандитизма, позволяющая преступности не только здравствовать и благоденствовать, но и постоянно набирать темп, увеличивать обороты, никого не должна сбивать с толку, выводить из себя, не должна приводить к каким-то крайним взглядам на проблему преступности и тем более к соответствующим практическим методам ее решения. Конечно, такие взгляды не только возможны, но и неизбежны при существующем порядке вещей, но им должны быть противопоставлены именно научно обоснованные представления о том, как надо загнать «в бутылку джина», выпущенного на волю всем ходом событий последних двух десятилетий нашей беспокойной истории.

Глава 6. ФИЛОСОФИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ГЛАВНЫЙ ЕГО СМЫСЛ В УСЛОВИЯХ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

6.1. Интерпретация главного смысла уголовного права

Поиски главного смысла права вообще и его отраслей в частности пока еще не рассматривались в нашей правовой литературе в качестве конкретной задачи юридического научного знания, а поэтому осуществляются они (если осуществляются) большей частью философами, социологами и другими гуманитариями, то есть специалистами широкого профиля. В результате имеет место лишь самый общий взгляд на проблему. Понятно, что он не может раскрывать ни сущности, ни главного смысла права и его отраслей. Успех дела возможен лишь при непосредственном участии юристов, причем профессионально занимающихся, может быть, не только и не столько общей теорией права, сколько теорией конкретных его отраслей. Попытаемся же и мы взглянуть на данную проблему, разумеется, прежде всего, сквозь призму уголовно-правовой теории как более близкой нам по роду занятий.

Но дело здесь заключается, конечно же, не только и даже не столько в сугубо профессиональных предпочтениях. Такой ракурс важен главным образом потому, что уголовное право всегда было приоритетным для государства. Ведь государство с его помощью во все времена охраняло от опаснейших посягательств интересы не только личные или общественные, но и свои собственные, а именно интересы власти, управления, правосудия, военной службы и т.д. От того, *какое* в стране уголовное право, как оно решает поставленные перед ним задачи, часто зависит не только положение человека в обществе и общества – в стране, но и судьба самого государства, положение его в мире, среди

других государств, а в известной мере – и судьба самого мирового сообщества, в том числе мирное сосуществование на планете и безопасность всего человечества.

Правда, дело и порядок в контексте задач уяснения главного смысла уголовного права. В настоящее время термин «правда» – в социальном его контексте – ассоциируется больше с идеологией коммунизма, то есть с идеями переустройства общества на началах равенства, братства, свободы и т.д. Играя на естественном стремлении людей к лучшей жизни, эта (коммунистическая) «правда» убеждает их в том, что лучшая жизнь «не за горами», что она пусть не скоро, но все же придет, если, конечно, к этому будут приложены старательные руки «миллионов и миллионов трудящихся».

Сама идея борьбы за народное счастье, как и идея традиционного величия образов борцов-освободителей и идущих вслед за ними главных функционеров победившей «новой общественно-политической формации», в период преобразования ее в «теорию» была основательно дискредитирована, в связи с чем один из опытейших политиков XIX века Отто Бисмарк заметил, что революции замышляются гениями, осуществляют их фанатики, а пользуются их плодами негодяи. Был ли Маркс гением, Ленин фанатиком, а Сталин (с плеядой последователей) негодяем, покажет время, но уже сейчас становится все более очевидным, что социализм в СССР рухнул еще задолго до того, как, по представлениям самих коммунистов, успел победить, в том числе «полностью и окончательно». И настоящей общечеловеческой правды в великой и гордой державе со звучной аббревиатурой СССР как не было до октября 1917 года, так не было ее и потом.

А что же было тогда у нас на самом деле? Ответить на данный вопрос можно, например, так: была обычная спекуляция привлекательными идеями, призванная прикрыть их ставшую более чем очевидной несостоятельность. Но более правильным был бы все же другой ответ. Была, судя по всему, искренняя попытка форсированного прорыва в новую и более совершенную реальность. И она, эта попытка, конечно же, не была полностью несостоятельной. Все другие государства извлекли из всего этого довольно существенные практические уроки и (сообща и порознь) значительно скорректировали свою социальную политику в сторону гармонизации отношений труда и капитала, проведения реформ, борьбы с бедностью и т.д. Мир на глазах стал меняться к лучшему.

Сегодня нет СССР, нет большинства других стран, шедших в его фарватере, нет социализма как достаточно весомой альтернативы капитализму и тем более не замечено никаких очередных серьезных «видов» на коммунизм. Но есть страна, которая, не будучи обремененной былым грузом братских национальных и межгосударственных проблем, уже сама извлекает уроки из собственного исторического опыта и, похоже, уверенно продвигается в своем развитии вперед. Это – Россия.

Было бы смешно закрывать глаза на в целом довольно весомые (даже, может быть, по мировым меркам) достижения советской эпохи, например, в области социальной, оборонной, культурной, той же национальной политики, а также в виде хотя и весьма скромного, но тогда, похоже, устраивающего всех материального уровня жизни, в виде достаточно развитых систем образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, весьма солидного (а по ряду показателей – высшего в мире) технического и научного потенциала. Но какой ценой все это давалось, еще предстоит изучать. Ясно, что она была слишком велика. Имеется в виду и принудительный труд, и жесткость уголовной политики, и урезанные права человека, и многое другое. Практически человек не ощущал декларированных советскими конституциями прав, не понимал того, что обладает ими реально, потому что на самом деле ими не пользовался. Тем не менее противоречие между «большим» государством и «маленьким» его гражданином разрешилось на переломе веков и тысячелетий именно в пользу возвышения личности и неуклонного снижения позиций государства-монстра, в пользу курса на преобразование последнего в *правовое государство*.

Недоверие людей к официально декларируемой и декретируемой «правде жизни», понятно, не возникло внезапно. Оно складывалось постепенно – по мере крушения иллюзий, связанных с ее отсутствием. «Успокойся, смертный, и не требуй, – писал поэт в 20-е годы прошлого века, – правды той, что не нужна тебе...». Спустя полвека другой известный наш поэт не без сарказма утверждал: «Правда, конечно же, восторжествует, если проделает то, что и явная ложь...». Здесь, надо полагать, имелось в виду то, что настоящая правда не дается человеку легко, для ее достижения нужны усилия, действия, дела.

Основной печатный орган некогда могущественной КПСС (а ныне в общем-то безликой, пресной, уставшей от постоянных ошибок, промахов и неудач КПРФ) газета «Правда» сегодня, по-

хоже, окончательно потеряла свой былой, как сейчас мы говорим, «имидж», причем настолько, что ее практически уже никто не читает, за исключением разве что некоторых представителей рухнувшего в начале 90-х годов прошлого века партийно-государственного аппарата. Впрочем, и раньше этим «печатным органом» интересовались в основном те, кому это предписывалось по должности. Чтение главного «коллективного организатора и пропагандиста» вменялось в обязанность номенклатуре для того, чтобы она могла, используя соответствующий «идеологический кнут», побуждать «массы» идти без усталости в «светлое коммунистическое завтра».

Сегодня мы, похоже, опять наступаем на те же грабли, сооружая огромную партийно-государственную машину и монополизируя прессу. «Российская газета», главный рупор власти, несмотря на залихватские заголовки и разного рода рекламные трюки, остается, по существу, вне большой политики, так как ее публикации выражают не столько правду жизни как таковую, сколько конъюнктурные интересы чиновничества, пригревшегося на коррупционных «харчах» предпринимательства и подконтрольного холуйства.

С другой стороны, вне политики остаются широкие слои населения, так как их давно уже не интересует то, что именно печатает правительственная пресса. Складывается такое впечатление, что власть существует сама по себе, а народ – сам по себе. Сравнительно высокий процент явок на выборы и общее «хорошее» голосование обусловлены хитроумными приемами ответственных за итоги выборов глав администраций, как то: раздача избирателям разного рода «благотворительных» лотерейных билетов, талонов, купонов на скидки при покупке товаров и получении услуг, на какие-то другие льготы и т.п. Однако даже этот, казалось бы, достаточно надежный «административный ресурс» исчерпаем, поскольку избиратель рано или поздно раскусит наживку и, конечно же, перестанет реагировать на нее. Это помимо того, что он (этот ресурс) криминальный в своем существе, так как состоит в прямом подкупе электората и, следовательно, чреват судебной перспективой для организаторов подобных «благотворительных» акций.

Но здесь возникает еще и другой вполне резонный вопрос о том, кто и кому благотворительствует: чиновники нам или мы им. Конечно же, мы им, так как именно благодаря нашей поддержке,

они сохраняют свои «тепленькие места» и имеют возможность и дальше пользоваться нашими деньгами, которые мы аккуратно перечисляем им в виде налогов. Имея в виду благосклонную позицию избирателей, купленную чиновниками посредством вышеупомянутых «билетов», «талонов», «купонов» и т.д., нельзя забывать о той непреложной истине, в соответствии с которой от девушки, купленной за деньги, трудно ожидать настоящей любви. Противоречие это рано или поздно должно разрешиться в пользу подлинной демократизации страны и значительного расширения политического пространства, охвата им все новых слоев и групп населения.

Но, по-видимому, термин «правда» из того созвездия искрящихся слов, которые от частого и даже, может быть, неверного употребления не только не тускнеют, но, напротив, приобретают все более яркий блеск. Правда и разум, знание и умение, профессионализм и искусство, честь и достоинство, свобода и долг, вера и верность, радость и счастье, слово и дело, добро и справедливость, закон и порядок, нравственность и совесть... – все эти и многие другие подобные пары взаимосвязанных понятий, несмотря на не всегда адекватное отображение ими *реальной* действительности, проходят в целом успешное испытание временем, и их настоящий смысл становится все более понятным, ясным, выразительным. И здесь нельзя не отметить роль права, призванного быть важным средством утверждения тех высот, которые заключены в столь возвышенных терминах.

Поэт, конечно же, лукавил, говоря о том, что «некий чудака и поныне за правду воюет, правды в речах его – ломаный грош...». *Во-первых*, не только чудаки (во всяком случае, не они одни) воюют за правду. За нее, за правду-матку, воюет весь цивилизованный мир, все прогрессивное человечество, весь его цвет. *Во-вторых*, речи любого воющего за правду чудака не покажутся столь уж пустыми, если к ним достаточно внимательно прислушаться, наверняка, в них обнаружится искренняя тревога за происходящее. И, наконец, *в-третьих*, благодаря именно вот таким чудакам мир со временем становится лучше, краше, цивилизованнее – ведь к руководству государствами все чаще приходят действительно зрелые во многих отношениях люди, достойные представители своих народов.

Таким образом, без известной доли того «чужачества», о котором здесь идет речь, человечество уже давно прекратило бы

свое восхождение к высотам развития и никогда уже не появились бы новые гении литературы, поэзии, скульптуры, кисти, архитектуры, дизайна, музыки, танца, пения, кино, театра. Ушли бы в прошлое поражающие воображение конкурсы женского очарования, красочные бразильские карнавалы, захватывающие дух европейские ярмарки, феерические Олимпийские игры и многое другое. Уделом человечества стало бы возвращение в свое исходное (то есть животное) состояние.

На самом же деле вся история человечества наглядно и убедительно демонстрирует свое постоянное морально-нравственное возвышение. Очевиден духовный рост наций, народов, стран. Такая судьба не минует, конечно же, и Россию, хотя сегодня, когда у нас все еще так много острых проблем, включая преступность и коррупцию, бедность, нужду и нищету, бродяжничество и попрошайничество, алкоголизм и наркоманию, туберкулез и ВИЧ-инфекцию, детскую беспризорность и безнадзорность, подобные выводы могут показаться несбыточными, утопическими.

Но кто, что и чем нам может помочь в решении вставших перед страной проблем при сложившихся условиях, обстоятельствах и парадоксах развития? Полагаем, что любой юрист, так или иначе заинтересовавшийся подобными вопросами, непременно обратит свой взор к праву. А юрист, чьи профессиональные заботы тем или иным образом связаны с уголовным правом, именно к нему. Попытаемся же и мы это сделать, сконцентрировав главное внимание именно на уголовном праве, в контексте таких обозначенных в названии статьи категорий, как правда, дело, порядок.

Уголовное право как право правды. Право в целом и уголовное право как одна из фундаментальных его отраслей складывались и функционируют главным образом именно как право правды, то есть как право долга, обязанности, слова и т.д. Хотя чисто внешне уголовное право воспринимается как право силы, но его главная сила все же в правде. Кто бы и что бы ни сделал не по нему (не по уголовному праву), какую бы грубую ни допустил неправду, в особенности характеризующую на языке уголовного закона как преступление, он получит (или по крайней мере должен получить) свою «порцию неудовольствий», в том числе в виде предусмотренных этим законом ограничений, лишений, ущемлений и т.д.

В первом учебнике по российскому уголовному праву, изданном в 1815 году, его автор Осип Горегляд совершенно справедливо

во подчеркивал, что право власти наказывать за преступления основывается на естественном праве человека на безопасность¹. До установления власти, писал О. Горегляд, каждый отдельный человек сам вынужден был защищать себя и свои интересы, так как не было силы, которая взяла бы это на себя. С учреждением же государства обеспечение безопасности человека становится и его функцией². Вопрос о праве государства на наказание преступника справедливо признавался французским исследователем А. Франком в качестве одного из главных вопросов философии уголовного права³.

Между тем чисто внешне уголовное право воспринимается все же как право именно силы (а не как право правды). Почему? Да потому, что принудительная его сторона *более наглядна*, чем его побудительная сторона, состоящая в осуществлении высших целей права, целей, основывающихся на стремлении официального общества побудить каждого из нас жить именно по правде.

Но что значит «жить по правде»? Это значит, *во-первых*, жить *открыто*, то есть прозрачно, понятно, на виду у всех, не таясь, а *во-вторых*, жить *праведно*, то есть правдиво, правильно, честно, в полном согласии как с морально-нравственным, так и с юридическим законом. Слова И. Канта «Звездное небо надо мной и нравственный закон во мне» необходимо воспринимать так, что человек, строго следующий внутреннему и внешнему распорядку, неизбежно обретает ту духовную высоту, которая позволяет ему иметь честь и достоинство, причем в самом высоком значении этих великих слов. Совершенно резонно предположить, что составители «Русской Правды», называя данный документ именно «правдой», все это прекрасно понимали. Они исходили из того, что «правда» – это правило, право, закон, а неправда – нарушение правила, права, закона.

Реальные события российской уголовно-правовой действительности, выражающиеся в том, что, по существу, на всем

протяжении ее истории уголовное право широко использовалось в качестве средства политики, средства утверждения и укрепления власти и демонстративно жесткого (и даже жестокого) подавления всякого сопротивления, средства расправы, причем не только с непокорными, но и с так называемыми инакомыслящими (сегодня – несогласными) и даже просто индифферентными к власти людьми, конечно, же мешают восприятию данной отрасли права как права правды. Тем более что в определенные периоды у руля государства становились в прошлом кадровые сотрудники спецслужб, в том числе такие, не без участия которых в стране совершались всякие неправедные дела.

Но все это отнюдь не исключает того, что власть постепенно трансформируется (или по крайней мере будет трансформироваться) в фактор правды, а вместе с ней и уголовное право будет меняться (надо полагать, преимущественно в том же направлении). Во всяком случае, так должно быть. Вне правды уголовное право не право, а... автомат Калашникова в руках сумасшедшего, кувалда в лапах шимпанзе, тяжеловес Валуев, наставляющий своими кулачищами на «путь истинный» скромного сотрудника охранной службы, коррумпированный судья, отправляющий за решетку заведомо невиновного, и отпускающий на все четыре стороны заведомо виновного.

Понятно, что такого допускать ни в коем случае нельзя. Ударная сила уголовного права должна быть до предела умеренной и направляться исключительно против преступности, а если выражаться точнее, то она непосредственным образом должна «ударять» даже не по всей преступности в целом, а по самому больному ее месту, а именно по той ее «ахиллесовой пяте», в которой заключен корень проблемы. Важно лишь правильно определить совокупность преступлений, которые, являясь в максимальной степени криминогенными, обуславливают весь облик преступности в целом и борьба с которыми способна повлиять должным образом на всю ее картину.

Уголовное право как право дела. Право дела – это право на активность, на «делание» чего-то важного, нужного, значительного. По большому счету, право – это право созидания, устройства, обустройства и т.д. Уголовное же право как право дела – это право государственно-принудительной реализации правды, состоящей не только в том, что правда есть, но и в том, что она (если

¹ См.: Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права, часть 1: О преступлениях и наказаниях вообще. Сочинение коллежского ассесора Осипа Горегляда. СПб.: Типография И. Иоаннесова, 1815. С. 1, 2. Многозначительна сама фамилия этого автора: как будто он подсмотрел горе людское, идущее от преступлений, и решил написать о нем книгу, которая и стала первым русским учебником по уголовному праву.

² Там же.

³ См.: Франк А. Философия уголовного права в популярном изложении / пер. с франц. Д. Слонимского. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1868. С. 12, 13. Ранее эта мысль высказывалась и известным итальянским исследователем Чезаре Беккариа (см.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 90–92).

она есть) становится (или по крайней мере должна становиться) главным смыслом жизни, причем смыслом жизни не только того или иного человека, но и всей нации, всего народа, всего общества, а по большому счету – и всего человечества.

Таким образом, уголовное право как право дела – это право самой жизни, право ее поддержания, организации, охраны, упорядочивания, устройства и переустройства на началах добра и справедливости. Понимая при этом под правом искусство добра и справедливости, древние римляне совершенно правильно подчеркивали его созидательную роль. И уголовное право, конечно же, не должно быть в этом отношении исключением.

Если мы что-то делаем не то, нас обычно по-доброму поправляют: «Не дело этого...». И, соглашаясь с таким замечанием, мы исправляемся, то есть становимся лучше, чище, правдивее и, может быть, даже праведнее. Право по понятным причинам тоже не может быть в стороне от благотворного процесса. В случае необходимости оно тут как тут: поправляет, исправляет, направляет, гармонизирует ситуацию. Уголовное право, как и все право в целом, утверждает и творит тот мир на планете, который в представлениях людей должен стать единственно верным, единственно справедливым, единственно жизнеспособным, единственно добрым, гуманным, человеческим.

Уголовное право как неотъемлемая составная часть всего права в целом во всем этом деле, пожалуй, впереди, на первом месте. Оно не ждет «милостей от природы», а рассуждает сугубо по-михуриински: надо взять от нее все самое нужное. В случае совершения преступления нарушенный строй правопорядка обязательно должен быть восстановлен, причем не дожидаясь пока он сбалансируется сам по себе, то есть естественным путем. Раны, нанесенные жизни преступлением, конечно же, в любом случае рано или поздно перестанут кровоточить. Они в любом случае затянутся, но государство не может ждать этого (естественного) завершения процесса оздоровления и на основе уголовного права пытается внести в него свой посильный вклад, то есть как-то его поторопить, активизировать, ускорить, направить.

Сбалансировать пришедший под влиянием преступления в колебательное состояние правопорядок уголовное право может только путем выполнения правоохранительными органами вполне конкретных действий, а именно путем привлечения совершающих преступления лиц к уголовной ответственности. Но

еще до того, как преступление совершено, правоохранительные органы, движимые уголовным правом и его высшими целями, должны позаботиться о том, чтобы преступления вообще не совершались.

Делается это путем, например, установления достаточно эффективного контроля за поведением лиц, имеющих непогашенные и неснятые судимости, устранения факторов, провоцирующих совершение преступлений (неохраняемые гаражные кооперативы, садоводческие товарищества, неосвещенные улицы и т.п.), патрулирования сотрудниками милиции мест проведения досуга, массовых мероприятий, других мест, где случаются или возможны нарушения правопорядка и т.д.

Основываясь на уголовном праве, правоохранительные органы должны постоянно напоминать государству и обществу об их обязанностях по созданию условий, способствующих законопослушному поведению граждан, и условий, препятствующих их противоправному поведению, снабжать все структуры государства и общества необходимой для этого информацией, контролировать ее надлежащее использование в практической профилактической деятельности.

Уголовное право как право порядка. Правда и сопровождающее ее дело не имели бы ровным счетом никакого практического значения, если бы не завершались порядком, может быть, в каких-то случаях весьма строгим, но всегда справедливым. Говоря по-иному, дело, осуществляемое для утверждения правды, имеет (по крайней мере должно иметь) своим результатом именно порядок. Если нет порядка, то неизбежен беспредел, то есть взрыв необузданных страстей, шабаш своекорыстных желаний, вакханалия противоправных и аморальных действий. Преступления в этом случае становятся главным средством решения всех вопросов.

Следовательно, порядок нужен человеку не ради самого порядка, а *во-первых*, для того, чтобы человек мог продолжать оставаться человеком, сохранять свой человеческий облик и свое человеческое достоинство, а *во-вторых*, для того, чтобы с течением времени он имел возможность становиться еще более нравственным, еще более правдивым, честным, чистым и т.д.

Миссия уголовного права – преобразование общества, основательно погрязшего снизу доверху в преступности, в обществе, в котором не было бы преступлений или, если они все-таки совершались бы, по крайней мере их было бы, *во-первых*, мало,

а *во-вторых*, на каждое из них (или хотя бы на каждое тяжкое или особо тяжкое) осуществлялось бы предусмотренное законом реагирование. Разумеется, само по себе уголовное право осуществлять это реагирование в полном объеме не может, но оно, широко используя собственные возможности, способно мобилизовать все иные имеющиеся в распоряжении общества силы и средства.

Уголовному праву хорошо известно, где – преступление, а где – его нет, где начинаются и где кончаются именно его (уголовного права) исключительные полномочия, где сфера пограничных интересов его и смежных с ним отраслей права, где сфера полномочий исключительно других отраслей права, а где, может быть, только сфера «полномочий» морали и нравственности. Уголовное право *выстраивает* иерархию охраняемых ценностей, расставляя свои специфические акценты, предпочтения и приоритеты, дает свою оценку опасности посягательств на эти ценности, обязательную и для других отраслей права.

Утверждая посредством дела (деятельности правоохранительных органов) правду жизни (правду требований людей друг к другу, а всех вместе – к каждому в отдельности, и, естественно, каждого – ко всем вместе), уголовное право формирует *четыре вида* порядка, а именно: порядок межличностный, общественный, государственный и общемировой. Межличностный порядок – это порядок во взаимоотношениях людей друг с другом, общественный порядок – порядок во взаимоотношениях человека с обществом, государственный порядок – порядок во взаимоотношениях человека с государством и, наконец, общемировой порядок – порядок во взаимоотношениях человека с общемировым сообществом.

Межличностный порядок – это порядок, обеспечивающий безопасность жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности, конституционных прав и свобод человека и гражданина, семьи и несовершеннолетних.

Общественный порядок – порядок, обеспечивающий безопасность права собственности, экономической деятельности, интересов службы в коммерческих и иных организациях, общественной безопасности, безопасности здоровья населения, общественной нравственности, окружающей природной среды, движения и эксплуатации транспорта, компьютерной информации.

Государственный порядок обеспечивает безопасность основ конституционного строя и Российской Федерации в целом, го-

сударственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, правосудия, управления, военной службы.

Наконец, общемировой порядок обеспечивает мир и безопасность человечества.

С учетом того, что выстроенная в уголовном праве *система* (иерархия) охраняемых ценностей имеет универсальное значение (то есть не только, собственно, уголовно-правовое значение, но и значение для всего права в целом), важно внимательно посмотреть на нее под углом зрения перспектив совершенствования. Необходимо уточнить последовательность расположения глав и разделов в Особенной части Уголовного кодекса РФ, а также статей – внутри глав.

Оптимальной представляется следующая последовательность расположения глав в УК РФ. Преступления против: мира и безопасности человечества, конституционных прав и свобод, жизни и здоровья, семьи и несовершеннолетних, порядка управления в коммерческих и иных организациях, порядка экономической деятельности, собственности, общественной безопасности, общественного, экологического, транспортного и информационно-компьютерного порядка, конституционного строя и безопасности государства, порядка государственного управления, государственной и муниципальной деятельности, правосудия и военной службы.

Что касается приведения систем особенных частей других отраслей права в соответствие с Особенной частью Уголовного кодекса РФ, то основная работа выпадает на совершенствование Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях. Полагаем, что статьи Особенной части данного Кодекса должны в основном *повторять* Особенную часть Уголовного кодекса РФ, но без специфической (сугубо уголовно-правовой) заостренности диспозиций и санкций.

6.2. Уголовное право как право своего времени

Разработав стратегию модернизации страны, ее руководство делает, как это видно, все необходимое для осуществления того, что составляет главную суть и основное содержание данной стратегии. Прежде всего, нуждаются в обновлении сами люди,

которые стремятся жить по-новому, а следовательно, и сами должны становиться иными, то есть достойными своего времени. Ведь для того чтобы жить по-новому, надо не только иметь все необходимое для этого, но и *уметь* жить по-новому.

В конце концов, надо обеспечить положительную демографическую ситуацию, повысить рождаемость, снизить смертность, в структуре населения важно резко повысить удельный вес молодого поколения. Необходимо, конечно же, существенно снизить показатели преступности, свести к минимуму такие негативные явления, как пьянство и алкоголизм, наркомания и токсикомания, паразитизм и погоня за сиюминутным успехом.

В то же время важно кардинально изменить наше отношение к труду, а следовательно, и к своей собственной судьбе, настойчиво овладевать нужными себе и людям профессиями, развивать творческие навыки, заниматься инновационными технологиями, передовой культурой, интеллектуальным, нравственным и физическим самосовершенствованием, духовностью, иметь желание поднимать и воспитывать детей, вести, наконец, здоровый образ жизни. Все это должно войти в плоть и кровь каждого, стать нашей сущностью, истинным «я».

Далее: экономика, политика, социальная сфера, искусство, литература, поэзия, образование и культура, наука и средства массовой информации, а также многое другое. Надо думать не только над тем, чтобы прирастали наши национальные богатства, но и над тем, чтобы каждый получил к ним как можно более широкий доступ. Какие бы месторождения нефти и газа мы ни открывали, какие бы трубопроводы для экспорта углеводородов ни прокладывали, какие бы новые виды энергии и новые технологии ни изобретали, все эти усилия пропадут, уйдут как вода в песок, окажутся напрасными, если мы не научимся по-новому пользоваться результатами своих усилий. И в этом смысле не станем другими.

Здесь открывается также перспектива раскрытия новых возможностей права. И поскольку ресурс его нынешних возможностей, похоже, в значительной мере исчерпан, то надо искать перспективы его нового состояния, то есть планировать и осуществлять меры по модернизации самого права, стремиться сделать его максимально современным.

Далеко не последнее место в числе таких мер занимает совершенствование уголовного законодательства. При внесении в июне 2011 года в Государственную Думу очередного законопроекта

с поправками в УК РФ тогдашний президент Д.А. Медведев, в частности, подчеркнул, что «законопроект содержит ряд новелл и заслуживает внимания, так как делает уголовный закон более современным, устраняет устаревшие нормы...»¹.

Поскольку к предложенным Д.А. Медведевым новациям в уголовном законодательстве придется с учетом темы обращаться еще не раз, напомним кратко их главный смысл: *во-первых*, введен новый вид наказания – принудительные работы (по существу то же самое, что и исправительные работы, но исполняемые вне места жительства осужденного, а именно там, где особенно нужны рабочие руки), *во-вторых*, в два раза повышен верхний предел обязательных работ – с 240 до 480 часов, *в-третьих*, применительно к наименее опасным экономическим преступлениям предусмотрено (альтернативно к лишению свободы) применение штрафа в размере до пятикратной стоимости причиненного преступлением ущерба, *в-четвертых*, ряд экономических деяний переведен в разряд административных правонарушений и, наконец, *в-пятых*, в отношении незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов введено (альтернативно опять-таки к лишению свободы) наказание в виде обязательного прохождения курса лечения от наркозависимости – в этом случае осужденный может избежать лишения свободы, если даст согласие на добровольное лечение.

Понятно, что то был лишь шаг к решительному обновлению всего уголовного законодательства, то есть к такому его состоянию, которое в полной мере могло бы отвечать требованиям времени. Данное обстоятельство обязывает глубоко и всесторонне разобраться с вопросом о том, а что же такое вообще современное уголовное право, как его надо понимать, каким при этом должно быть наше уголовное законодательство.

Если говорить о праве вообще, то оно в своем развитии может а) отставать от потребностей времени, б) быть адекватным ему или в) опережать его. Любой из этих вариантов может оказаться неприемлемым, так как если право отстает в своем развитии, то оно постоянно «тянет» жизнь назад, если же оно адекватно времени, то вольно или невольно плетется в хвосте событий, а если опережает время, то как бы отрывается от них, забегает вперед, а следовательно, не приносит какой-либо ощутимой пользы.

¹ Белов С. Наказание с альтернативой. Дмитрий Медведев внес в Госдуму поправки в Уголовный кодекс... // Российская газета. 2011. 8 июня. С. 2.

Современным же в полном смысле этого слова право будет в том случае, если оно, следуя сложившимся десятилетиями и, может быть, столетиями традициям и в полной мере отвечая потребностям времени, вместе с тем опережает его, но не настолько, чтобы оторваться от жизни.

Иллюстрируя сказанное на материале уголовного права, можно, как представляется, утверждать, что, например, сами по себе штрафы (за коррупцию и некоторые иные корыстные преступления), кратные по отношению к сумме подкупа, взятки, иного предмета преступления, ущерба, дохода, задолженности, масштаба оборота и т.д. – это не что иное, как *чрезмерное* забегание вперед, а такого рода (кратные) штрафы за соответствующие преступления как альтернатива лишению свободы – меры, уже *адекватные* времени, кратные же штрафы как дополнительный к лишению свободы вид наказания – это, безусловно, некоторое отставание от времени.

Современным же уголовное право может стать при условии, если каждый из приведенных вариантов будет применяться именно в тех случаях, которые того требуют: например, если замена лишения свободы кратным штрафом будет допускаться в отношении *нетяжких* преступлений, а избирательная такая замена (то есть в каких-то случаях допускаемая, а в каких-то нет) – в отношении *тяжких* преступлений, сочетание же лишения свободы с кратным штрафом – в отношении преступлений *особо тяжких*.

Открывающаяся перспектива включения в систему наказаний упомянутых выше мер реагирования на преступления (принудительные работы и обязательное лечение от наркозависимости), включение в некоторые уже известные наказания отдельных новых компонентов, перевод ряда экономических деяний в сферу административно-правовой юрисдикции, расширение элементов диспозитивности при назначении наказания – все это действительно делает уголовное право более современным, так как в нем появляется, *во-первых*, нечто, уже знакомое нам по прошлым временам (сохранение традиции), а именно советская «химия» (принудительные работы: ранее они применялись в рамках условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду), *во-вторых*, нечто новое, необходимое дню сегодняшнему (декриминализация ряда деяний с переводом их в категорию ад-

министративных правонарушений) и, наконец, в-третьих, нечто, ценность чего может проявиться лишь с учетом определенной перспективы, например обязательное лечение лиц, страдающих наркозависимостью и совершивших менее опасные преступления, связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами.

Заметим, что уголовное право – это и фактор, и следствие проводимой государством уголовной политики. Фактор – потому что лежащее в ее основе законодательство показывает нам, с чем надо бороться, чему следует противодействовать, за что необходимо наказывать, чем требуется подкреплять наказание для того, чтобы оно было не просто мерой реагирования на преступления, но еще и той правовой базой, на основе которой должны осуществляться и *все остальные* меры наступления на преступность. А почему следствие? Да потому, что уголовное законодательство есть порождение уголовной политики, а именно отражение, учет и воплощение в деятельности государства потребностей общества в преодолении преступности.

В основе уголовной политики как отношения государства к преступности не только уголовное законодательство, но и смежные с ним отрасли законодательства, многие подзаконные нормативные правовые акты, ну и, конечно же, нормы морали и нравственности, мобилизующая деятельность государства, включающая в сферу противодействия преступности *весь* арсенал средств, которыми располагает государство, в том числе средства организационного, экономического, социального, культурного, образовательного, научного и иного характера. Достаточно полным, завершенным выражением уголовной политики должна стать широкомасштабная программа наступления на преступность, охватывающая как федеральные, так и региональные и местные аспекты данной деятельности.

Уголовное право, являющееся важнейшим проводником уголовной политики, формирует и свою собственную политику (уголовно-правовую политику), которая, представляя собой, прежде всего, политику законодательного определения преступлений и наказаний, сочетается со всеми другими областями уголовной политики, в том числе с политикой уголовно-предупредительной, уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной, уголовно-розыскной, уголовно-следственной, уголовно-судебной, уголовно-организационной.

А с учетом привлечения для целей противодействия преступлениям средств административного, гражданского, таможенного, налогового, финансового и иного законодательства формируется также политика уголовно-административная, уголовно-гражданская, уголовно-таможенная, уголовно-налоговая, уголовно-финансовая, иная. Упор в противодействии преступлениям, например, на экономические, социальные, культурные, образовательные или научные средства позволяет говорить о необходимости формирования соответственно уголовно-экономической, уголовно-социальной, уголовно-культурной, уголовно-образовательной и уголовно-научной политики.

Может возникнуть вопрос о том, а не слишком ли много политик здесь сконцентрировано. Ну, *во-первых*, борьба с преступностью – это дело такое, при осуществлении которого нужен глаз да глаз. И перебрать нельзя, и недобрать опасно. *Во-вторых* же, политика здесь – политика особого рода. Это не борьба за власть, не игра сил на политической сцене, а в общем-то нормальная работа по вытеснению преступности из жизни общества, по его освобождению от этого наследия прошлого и порождения настоящего, по реальному обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Уголовно-правовая политика в ее самом широком значении – это политика государства по вопросам установления, *во-первых*, самих принципов и иных общих положений уголовного законодательства, *во-вторых*, оснований и пределов преступности и наказуемости конкретных видов деяний, *в-третьих*, общих начал и специализированных правил назначения наказания совершивших преступления лицам, и, *в-четвертых*, оснований и пределов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Расширять круг деяний, признаваемых уголовным законом преступлениями, безусловно, надо, что чаще всего и подчеркивают юристы-аналитики. Нужны, в частности, запреты на незаконное проникновение в чужие помещения, в том числе нежилые, и на чужие территории, запреты на проведение медицинских опытов над людьми независимо от их согласия, на опыты по клонированию человека, организацию настоящего «голодомора» в некоторых наших больницах в отношении лечащихся там больных, создание невыносимых условий в домах престарелых, на фальсификацию лекарств, на, в конце концов, людоедство, факты которого отмечаются в последние годы даже в наших столицах – Москве и Санкт-Петербурге. Однако главное все же – стремиться к *сокращению* круга криминализуемых деяний, в особенности тех, кото-

рые носят экономический характер и фактически не «дотягивают» до той опасности, при которой была бы не только возможной, но и желательной криминализация. Подобные деяния целесообразно переводить в сферу административно-правовой юрисдикции, что постепенно и делается.

Ну и, конечно же, необходимо поставить на строго научную основу «прорисовку» санкций в статьях Особенной части УК РФ. Следует, на наш взгляд, вернуть такие наказания, как, например, конфискация имущества (в строго ограниченных пределах, а именно только в отношении должностных лиц, владеющих имуществом, законность происхождения которого вызывает обоснованные сомнения), ссылка и высылка, увольнение от должности и возложение обязанности загладить причиненный вред. Эти меры будут уместными на период, в течение которого окончательно определится четкая граница между сферами уголовно-правовой и административно-правовой юрисдикции. В отношении впервые совершенных преступлений небольшой и средней тяжести целесообразно принять Кодекс об уголовных проступках, распространив его нормы на преступления, входящие в юрисдикцию мировых судей.

Обеспокоенные проблемой преступности и некоторой пассивностью отношения к ней власти, то есть слабостью реально функционирующей у нас уголовной политики, отдельные горячие головы как среди юристов, так и политиков порой призывают руководство страны несколько «поджать» криминал, то есть более сосредоточенно сконцентрировать уголовно-правовые средства на том или ином направлении правоохранительной деятельности, например, на борьбе с терроризмом, экстремизмом, хищениями, коррупцией, педофилией и т.д. Предлагается также называть в законе наиболее опасные преступления не преступлениями (как сейчас), а «злодеяниями», включить в систему наказаний «каторжные работы», то есть «тяжкий физический труд, без амнистии, помилования, свиданий, переписки, информации об осужденном...»¹. Но ведь если верен известный постулат о том, что

¹ Александров А. Об уголовно-правовой политике, российском правосудии и деле Ходорковского // Российская газета. 2011. 17 мая. С. 6; 6. Орлов П. Правоведы предлагают внести в закон статью «злодеяние» и подумать о каторге // Российская газета. 2011. 2 июня. С. 9. В принципе принудительные работы, в том числе связанные с физическим трудом, не только возможны, но и крайне желательны, хотя «обрубать» при их осуществлении все связи осужденного с внешним миром было бы недопустимым. Полагаем, что настала пора отказаться от использования в нашем законодательстве (ст. 56 УК РФ) применительно к лишению свободы словосочетания «изоляция от общества», заменив его словами: «... помещение осужденного в учреждение закрытого типа со специальным режимом исполнения наказания и регламентированными законом взаимоотношениями с открытым пространством (свободой)».

человек – это мера всех вещей и в значительной степени именно те отношения, в структуру которых он включен, то получается, что, лишив человека связи с внешним миром (с другими людьми), мы тем самым убиваем и его, и сам этот внешний мир, поскольку отсекаем от него живые частицы, способные, может быть, принести еще немало пользы и себе, и обществу.

Лишение свободы должно перестать быть «изоляцией от общества» и стать пребыванием осужденного в учреждении с *регламентированными* отношениями с открытым пространством. Потому что и в открытом пространстве есть немало такого, что целесообразно «закрыть» для лица, приговоренного к лишению свободы.

В рамках *уголовно-предупредительной политики* важно принять закон о предупреждении преступлений, в котором были бы четко прописаны причины совершаемых преступлений и закреплены обязанности правоохранительных органов, иных государственных органов и органов местного самоуправления, а также субъектов экономической и иной общественно значимой деятельности по их устранению, блокированию, ограничению. Но для этого необходимо располагать точными сведениями о том, что же собой представляет преступность в том или ином регионе в соответствующие периоды времени. Просто передать ведение статистики преступности из одного ведомства в другое, то есть, как предлагают отдельные аналитики, «посадить рядом с дежурным по райотделу полиции прокурора», здесь было бы явно недостаточным. Важно, прежде всего, обстоятельно разработать полноценную структуру такой статистики, так как только тогда станет понятной картина преступности, что и даст возможность делать правильные выводы относительно того, каковы ее причины, а следовательно, и относительно того, какие меры надо предпринять для их преодоления.

Иногда рассматриваемое направление уголовной политики называют *уголовно-превентивной* политикой, что представляется неправильным, так как под *превентивными* мерами чаще всего понимаются не только и не столько меры правовые, сколько меры сугубо волевые, причем сопряженные с ограничением граждан в правах еще до того, как они совершат преступления. Осуществлять *превенцию* – это значит без суда и следствия, например, выселять «неблагонадежный контингент» из городов на период проведения в них каких-либо крупных массовых мероприятий. Так было, в частности, в 1980 году в Москве при проведении

Олимпийских игр. Столица тогда была основательно «зачищена» от названного «контингента», преступлений в ней практически не совершалось. Такие меры тоже нужны, но, *во-первых*, в строго ограниченных пределах, а *во-вторых*, с предельной минимизацией возможных негативных последствий. Прибегать к ним если и можно, то только при каких-то особых условиях и обстоятельствах. В любом случае формировать из подобных мер направление уголовной политики нецелесообразно.

Уголовно-исполнительную политику следует вооружить подлинно научными знаниями об исправлении осужденных, о том, как добиваться высокой эффективности такого исправления. Пока такой «педагогикой для взрослых» мы, к сожалению, не располагаем. Кроме книги А.С. Макаренко «Педагогическая поэма», написанной еще в 1935 году, ничего стоящего по данной тематике нет. Относительно исполнения каждого вида наказания должен быть разработан и принят отдельный закон, так как одних только инструкций по этим вопросам недостаточно.

Для целей *уголовно-процессуальной политики* важно дополнить УПК РФ разделом об уголовном процессе как установленном законом порядке осуществления таких форм реализации уголовного законодательства, как *соблюдение* его требований. В настоящее время УПК регламентирует процедуры, касающиеся *применения* его требований, чего, конечно же, явно недостаточно для утверждения в обществе прочного правопорядка.

Уголовно-розыскная политика тоже должна опираться преимущественно не на инструкции, а на законы. На данном этапе целесообразно, как мы полагаем, издать Кодекс об оперативно-розыскной деятельности. Представляется абсолютно неправильным высказываемое в прессе мнение о том, что было бы целесообразным ввести оперативные проверки чиновников на честность. Если ввести подобные проверки (в народе такие акции обычно называют «проверками на вшивость») в ранг официальной государственной политики, то в результате госаппарат просто лишится многих честных чиновников, поскольку в условиях распространенности коррупции каждый из них, опасаясь подвоха, просто попытается «откупиться» от неблагоприятных результатов проверок.

Уголовно-следственная политика как политика деятельности по расследованию преступлений тоже должна обрести свою достаточно надежную научную и правовую основу. Важно лишь

уйти от таких норм и такой практики, при которых подозреваемый в уголовном процессе еще задолго до суда признается виновным в совершении преступления, по которому проводится предварительное расследование, поскольку в отношении него принимается обвинительное заключение (обвинительный акт) и лицо при этом официально объявляется обвиняемым. Не обвиняемым, а подозреваемым, подследственным или подсудимым должно называться лицо, оказавшееся объектом уголовного правового внимания на той или иной его стадии.

Уголовно-судебная политика – это, прежде всего, политика назначения наказаний. Оперировать при ее осуществлении понятиями типа «меньше сажать» (Д.А. Медведев) или, напротив, «мало посадок» (В.В. Путин), конечно же, можно, но исключительно в рамках определения самых общих контуров соответствующей сферы деятельности. Для целей же выработки конкретных направлений данной политики подобные («фигуральные») выражения, возможно, подходящие для изложения положений сугубо политических, здесь *не вполне* уместны. Тут нужны более точные установки, в том числе состоящие в том, кого, за что и как надо привлекать, судить и наказывать. Как и во всех других случаях, при выработке уголовно-судебной политики должны сказать свое веское слово закон и наука.

Вначале следует на строго научной основе разобраться с санкциями, а уж потом браться за «заточку» имеющегося правового инструментария под различные виды преступлений, под их конкретные проявления и в отношении конкретных лиц, совершающих соответствующие преступления.

Немаловажными являются и вопросы назначения наказания. Вот оптимальный, с нашей точки зрения, вариант новой редакции ст. 60 УК РФ, формулирующей общие начала назначения наказания:

«Статья 60. Общие начала и специальные правила назначения наказания

1. Общие начала назначения наказания есть общие правила, обязательные к учету при осуждении любого совершившего преступление лица за любое преступление. Они состоят в том, что назначенное совершившему преступление лицу наказание должно быть законным и справедливым, соответствовать всем принципам уголовного законодательства, назначаться судом:

а) в соответствии с его собственным убеждением, сложившимся вне зависимости от каких бы то ни было внешних влияний;

б) при отсутствии оснований освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания;

в) в пределах санкции той статьи Особенной части настоящего Кодекса, по которой квалифицируется совершенное преступление. Если санкция статьи Особенной части Кодекса, по которой квалифицируется совершенное преступление, предусматривает несколько видов наказания, то назначается наименее строгий из них вид, поскольку цели наказания могут быть достигнуты при назначении именно его. Более строгий же вид наказания назначается лишь в случае, если менее строгий его вид не позволяет обеспечить достижение целей наказания. Превышение при назначении наказания верхнего предела наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части Кодекса, допускается только в установленных законом пределах и только при совершении лицом нескольких преступлений, а именно при назначении наказания по правилам совокупности преступлений или совокупности приговоров – в соответствии со статьей 69 или 70 Кодекса;

г) на основе положений уголовного законодательства о его принципах, о видах и целях наказания, других относящихся к совершенному преступлению и назначаемому наказанию положений Общей части Кодекса, норм морали и нравственности, Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, а также состояния утвердившегося в обществе правосознания;

д) с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, его причин и условий, а также индивидуальных особенностей лица, совершившего преступление, в том числе с учетом обстоятельств, предусмотренных Кодексом в качестве смягчающих и отягчающих наказание;

е) с учетом перспектив достижения целей наказания, в том числе такой цели, как исправление виновного лица;

ж) с учетом задачи сведения к минимуму возможного негативного влияния наказания на условия жизни семьи виновного лица и на условия функционирования той организации и той сферы жизнедеятельности, в которой данное лицо трудилось и находилось до осуждения.

2. Специальные правила назначения наказания предусмотрены статьями 62, 64–74 настоящего Кодекса».

Уголовно-организационная политика – это политика определения структуры, штатной численности и организации дея-

тельности *всей* уголовно-охранительной системы, начиная от оперативных ее структур и кончая судами и структурами, наделенными правом инициировать принятие законов, ориентированных на противодействие преступлениям, на их пресечение, предотвращение, предупреждение, вытеснение, преодоление и т.д. Важно не упускать из виду того, что правильное решение организационных вопросов в уголовной политике – это уже по существу полдела.

Уголовно-административная политика как политика, нацеливающая на противодействие преступлениям административно-правовые средства, должна основательно «пристыковать» эти средства к средствам уголовно-правовым – особенно если речь идет о деяниях на нижнем уровне их общественной опасности, в том числе когда появляются возможности использования административно-правовых средств *взамен* средств уголовно-правовых или в *дополнение* к ним.

Уголовно-гражданская политика – это политика, которая направлена главным образом на описание и раскрытие бланкетных диспозиций уголовного законодательства, на противодействие гражданским правонарушениям, способным при определенных условиях преобразовываться в соответствующие преступления или по крайней мере способствовать совершению таковых. То же самое следует сказать и об *уголовно-таможенной, уголовно-налоговой и уголовно-финансовой политиках*.

Что же касается *уголовно-экономической, уголовно-социальной, уголовно-культурной, уголовно-образовательной и уголовно-научной политик*, то в их рамках должна осуществляться фокусировка определенной части соответствующих средств (соответственно экономических, социальных, культурных, образовательных, научных) на предупреждение преступлений. Это борьба с бедностью и безработицей, малограмотностью и бескультурьем, пьянством и алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, бездомностью и проживанием в непригодных для этого помещениях и строениях, безнадзорностью и беспризорностью.

В стране пока еще большей частью мизерные зарплаты¹, в силу чего примерно половина нашего населения испытывает существенные материальные затруднения и никак не может

претендовать на «звание» представителя среднего класса¹, каждый третий ребенок у нас рождается вне брака, еще примерно столько же детей оказываются вследствие распада семей без одного или обоих родителей², сам по себе «материнский капитал» еще *может* побудить женщину к рождению ребенка, но совсем не гарантирует того, что его появление на свет (без должной последующей материальной поддержки) не обратится горем и страданиями как для самого ребенка (и будущего взрослого гражданина страны), так и для общества. По разным подвалам, чердакам, траншеям теплотрасс и т.д. обитает примерно четыре с половиной миллиона взрослых людей без определенного места жительства (данные МВД)³, потребительская корзина не позволяет многим людям даже нормально питаться⁴, не говоря уже о чем-то другом. Все эти и другие социальные проблемы нуждаются в скорейшем решении.

Нужен межведомственный научно-исследовательский институт уголовной политики, который занимался бы подведением научного фундамента под дело противодействия преступлениям и преступности. В этом учреждении должны быть сосредоточены лучшие творческие силы страны.

Важно, однако, не перебрать с насыщением мер широкого социального плана мерами сугубо антикриминального свойства (с их именно *уголовно-политической* заостренностью), с «перепрофилированием» их на задачи именно противодействия преступлениям и преступности. Например, проводимые время от времени в различных регионах страны рок-концерты под девизом «Рок против наркотиков» только усугубляют проблему, поскольку шокируют публику фразеологией протестных песен, броскими манерами их исполнения, громоподобной музыкой. Этим исполнители лишь вызывают к себе нездоровый интерес, в том числе наркоманов, и тем самым вольно или невольно способствуют распространению наркотиков.

В местах проведения подобных мероприятий их участники нередко оставляют после себя много разного хлама, в том числе

¹ Делягин М. Человек-2011 // Российская газета. 2011. 7 июня. С. 26.

² Владыкина Т. Мамапапа. Каждый третий ребенок в России воспитывается одинокой женщиной // Российская газета. 2011. 10 июня. С. 1, 6.

³ Фалалеев М. Бомжам приготовили зачистку // Российская газета. 2011. 3 июня. С. 1, 6.

⁴ Потребительская корзина в проигрыше. Пленные немцы питались лучше нынешних пенсионеров (Newsru.com) // Нижегородский рабочий. 2011. 7 июня. С. 6.

¹ См.: Бондаренко О., Павловская Т. Работай за тарелку супа // Российская газета. 2011. 10 июня. С. 10

весьма непотребного, позорящего эти мероприятия. Не говоря уже о том, что в ходе их случаются иногда и конфликты, переходящие в ссоры, потасовки, хулиганские выходки, другие эксцессы. Бывает и так, что даже полиция теряется от такого рода акций.

Прицельный антикриминальный настрой, разумеется, должен быть у любой сферы деятельности, но было бы просто лукавым и даже смешным, если бы это как-то афишировалось, а тем более если осуществлялось в знак протеста против того негатива, который, собственно, и является в значительной мере сущностью соответствующих сторон той или иной деятельности. Например, крайне дерзкими и циничными, вызывающими и парадоксальным, надругательскими и по меньшей мере странными выглядели бы демонстрирующиеся в ходе какой-либо подобной акции лозунги типа таких: «Ночные клубы против “Хромых лошадей”», «Гостиницы против проституции и разврата», «Бизнес против теневых форм деятельности, а также монополизма, рейдерства, неучтенной рабочей силы, уклонения от уплаты налогов, нарушений законодательства об охране труда, обмана потребителей, приставания к сотрудницам, корпоративных загулов...» и т.д.

Таким образом, уголовное право должно быть и у нас в России (а не только в развитых странах) именно уголовным правом, то есть без каких-либо претензий на исключительность своей роли в обеспечении правопорядка, без гиперболизации своих возможностей в деле противодействия преступлениям и преступности, и, тем более, без неоправданно повышенной активности в функционировании. Тем более что сами эти возможности, вытекающие из того набора наказаний, которыми уголовное право располагает и реально оперирует, сравнительно невелики. Максимум что оно может сделать – это ограничить виновного в правах с тем, чтобы он извлек из случившегося определенный урок и чтобы хотя бы в течение какого-то времени был как бы «меченым». Тогда общество по крайней мере знало бы, чего и кого ему следует опасаться. Сказывается, конечно же, и момент сдерживающего воздействия на остальную неустойчивую в морально-нравственном отношении массу населения. Но все же основные заботы по адаптации виновного к социуму ложатся обычно на сам социум.

И, конечно же, уголовное право должно быть *именно* правом, а не, скажем, инструментом с «клавиатурой» для недобросовест-

ных политиков, чиновников, журналистов, разных толстосумов, а иногда и для криминалитета, изрядно набравшего в последние два десятилетия вес, в том числе связанный с занятием определенных позиций в политике, в государственных и муниципальных сферах деятельности, в том же бизнесе, финансовых кругах. Так или иначе, но все еще довольно много у нас уголовного права, так сказать, «инструментального», то есть марионеточного, легко управляемого извне, и совсем мало его настоящего, а именно *правового*. Развернуть сложившееся здесь положение на диаметрально противоположное – насущная задача. И это вполне посильно осуществить государству, обществу, гражданам. Если, конечно, рассматривать уголовное право в качестве не какого-то «намордника» для преступности, «погонялы» или «огородного пугала», а определенного фактора управления общественными процессами – в направлении преодоления преступлений и преступности, а следовательно, и для укрепления правопорядка, создания, сбережения, приращения, обновления и рационального использования ценностей, ради чего оно, собственно, и изобретено человечеством и поставлено ему на службу.

Глава 7. СИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВА

7.1. Право и его отрасли на новом этапе решения стратегических задач

Стоящие перед Россией стратегические задачи сложны и многообразны. Это задачи в области политики, экономики, культуры, социальной сферы... Дать названным задачам более или менее полную характеристику, да еще под углом зрения путей их решения средствами права и его отраслей, весьма трудно, если вообще возможно. И все же попытаемся это сделать, акцентировав главное внимание на вопросах правовой защиты граждан, общества и государства от преступлений.

Стоящие перед страной стратегические задачи в области политики – это, например, создание в стране подлинного политического многообразия, настоящей многопартийности, обеспечения условий для равенства общественных объединений и граждан перед законом, для реализации гражданами декларируемых Конституцией РФ прав и законных интересов.

Стратегические задачи в области экономики – это переход к рынку, переориентация экономики с вывоза ресурсов и сырья на вывоз товаров и услуг, в особенности продуктов интеллектуальной деятельности, овладение на мировом рынке конкурентными позициями. Задачи эти должны решаться, с одной стороны, параллельно, а с другой – поэтапно, то есть в определенной последовательности. Так, вначале необходимо сделать упор на завершение перехода к рыночным отношениям, имея в виду, что государство пока еще не сдает свои командные позиции в экономике. И дело здесь не только в наблюдаемых сегодня отдельных элементах национализации ряда объектов экономической деятельности, не только в отчетливо выраженной протекционистской политике государства по отношению ко многим из этих объектов, не только в прямом «влезании» чиновников в бизнес,

а представителей бизнеса – в политику, не только в условиях допустимости и распространенности коррупции, позволяющей прибегающим к ней предпринимателям получать, используя административный ресурс, те или иные преимущества, но еще и в том, что ситуация на всех этих направлениях как бы «зависла» и никак не меняется к лучшему. Более того, в условиях надвигающегося нового финансового кризиса она продолжает осложняться, уменьшая и без того невысокие шансы на какую бы то ни было положительную динамику.

Для того чтобы стронуть дело с мертвой точки, требуется четкий план действий по изменению сложившейся обстановки к лучшему. Необходимо наметить в рамках такого плана, в частности, совершенствование налоговой системы, активизацию антимонополистической деятельности, создание равных условий осуществления бизнеса для различных субъектов экономической деятельности, устранение возможностей получения сверхприбылей, контроль за доходами и расходами предпринимателей и чиновников, участие бизнеса в социальных программах, отстранение бизнеса от власти, а в известной мере – и власти от бизнеса, полное вытеснение теневой экономики, принятие мер по ограничению вывоза капиталов за рубеж, стимулирование поступления в страну инвестиций, борьбу с коррупцией в экономике и политике.

Стратегические задачи в области культуры – это, во-первых, наведение порядка в нашем общем доме, именуемом малой родиной, а именно в городах, поселках, селах, деревнях, станицах, хуторах и иных населенных пунктах, а во-вторых, организация должной производственной, профессиональной культуры, а также культуры проведения досуга.

Наконец, стратегические задачи в области социальной сферы – это, прежде всего, освобождение семьи от разного рода бытовых забот, которые должны взять на себя соответствующие социальные службы и сделанные «с умом» машины, организация культурного отдыха людей, оказание всемерной помощи каждому нуждающемуся в ней человеку.

Для того чтобы успешно решать названные задачи с использованием средств права, важно до конца, полно и глубоко разобраться в вопросе о том, что же есть право и что есть его отрасли. Имеющаяся юридическая литература, насчитывающая бесчисленное множество источников по данному вопросу, не дает, к

сожалению, четкого ответа на него, что, естественно, затрудняет использования средств права для целей созидательно и процветающего развития.

Не вдаваясь в детализированный разбор высказанных в литературе позиций по поставленному вопросу, отметим, что наиболее распространенная из них состоит в том, что право – это законодательство плюс все остальные правовые нормы, начиная от указов Президента РФ и кончая любым иным руководящим указанием, например распоряжением бригадира строительной бригады относительно замены на стройке заболевшего каменщика другим рабочим.

Вторая позиция относительно понятия права состоит в том, что право – это не только любая правовая материя, но и те правовые учреждения, которые служат достижению ее целей.

Третья позиция включает в понятие права соответствующую деятельность правовых учреждений.

Четвертая позиция включает в понятие права еще и результаты такой деятельности в виде того или иного состояния правопорядка в соответствующей сфере регулируемых правом отношений.

Пятая позиция, помимо перечисленного, включает в понятие права еще и права человека – как главный результат созданного им правопорядка.

Шестая – включает в право правосознание.

Седьмая – еще и правовую науку...

Все эти позиции представляют собой лишь различные уровни представлений о праве. Впрочем, каждая из них – это, по существу, одна и та же позиция, так как когда речь идет, например, о законе (и иной правовой материи) как о праве, то при этом, конечно же, не отрицается, что «живет» он (закон) не только в виде той или иной конкретной нормы, но и в виде всего того, что обеспечивает образование предусмотренного ею состояния соответствующего фрагмента жизнедеятельности, суть которого (состояния) не может быть ничем иным, как конкретными правами конкретного субъекта.

Итак, право есть, прежде всего, совокупность прав человека. Но если право есть права человека, то, например, трудовое право – это право человека на труд, предпринимательское право – право его на предпринимательскую деятельность, уголовное право – право его на защиту от преступлений и т.д.

В широком смысле человек – это и есть, прежде всего, его права, которые он реально осуществляет и посредством которых прокладывает себе дорогу в жизни. Известное представление, состоящее в том, что человек есть совокупность отношений, в которые он включен, не противоречит вышесказанному, так как в современном обществе практически любые отношения, в которые включен человек, являются отношениями правовыми, то есть правоотношениями. Если, конечно, не считать отношения дружбы, любви, предания незамысловатым развлечениям и т.п.

Говоря о том, что права человека – это, по существу, и *есть* сам человек, мы исходим из того реального положения вещей, что если у человека есть права, то есть и он сам; если же у человека нет права, то его как бы и нет. Вернее, он в каком-то сугубо физиологическом смысле есть, но, во-первых, такое его состояние не может продолжаться долго, а во-вторых, это его состояние будет совсем не в тех формах, в которых мы обычно представляем себе жизнь современного человека. Как можно представить себе реально жизнь человека, например, вне его права на жизнь, то есть на то, чтобы свободно жить, дышать, есть, пить и т.д.? Если человек не является субъектом прав, он автоматически становится объектом прав других, а следовательно, становится в этом случае легкой добычей смерти.

Таким образом, право, права человека и человек – это, по существу, одно и то же. Без права нет прав человека, а следовательно, и самого человека, точно так же как и без человека нет его права, а следовательно, нет и самого права. Если безвестный средневековый военачальник нес свое право на кончике своего меча (иначе и быть не могло, так как тогда вражеский меч поставил бы точку на его праве), то сегодня мы несем свое право, можно сказать, в самой своей душе.

Люди различаются между собой не только ростом, возрастом, полом, уровнем интеллекта, характером, имущественными возможностями и т.д., но еще и объемом прав, которыми они реально обладают и пользуются. Если человек по Конституции РФ обладает какими-то правами, но реально ими не пользуется, то таких для него практически нет. Главная причина существующего бесправия многих российских граждан не в том, что государство их им не предоставляет, а в том, что психологически люди пока еще не готовы к их достаточно полному, всеобъемлющему восприятию. Государство в своей конституции как бы говорит нам: «Вот

ваши права – берите их столько, сколько пожелаете». Но граждане не берут их, выжидают, опасаясь, наверное, того, что если возьмут права, то тут же на них свалятся и какие-то дополнительные обязанности. И смогут ли они их «потянуть», то есть освоить, свободно пользоваться ими – это еще вопрос. Например, все мы, согласно ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, имеем право участвовать в управлении делами государства, но людей, непосредственно осуществляющих это право, в стране не так уж много.

В данной связи вспоминается принятый десять лет тому назад (22 августа 2004 года) пресловутый Закон № 122-ФЗ о монетизации льгот. В нем ветеранам было предложено взять взамен абстрактно провозглашаемых льгот «живые» деньги, но они в большинстве своем отказались от столь щедрого «подарка» и вышли с протестами на улицы. Затем мало-помалу все вроде бы стало на свои места: кто-то предпочел льготы, кому-то понадобились деньги, то есть каждый «взял» себе те права, которые ему больше импонировали. Общий же вывод, который из этого вытекает, такой: у человека всегда должен быть выбор, тогда он рассудит, что к чему, и сам определится в том, что ему в данный момент нужнее.

В народе, как известно, говорят: «Прав тот, у кого больше прав». Но у кого прав больше? Ясно, что больше их у тех, кто их лучше знает. А кто лучше знает права людей? Конечно же, юристы. Вот к ним-то и обращаются граждане за справедливостью точно так же, как сегодня все мы идем в магазин за хлебом, колбасой и селедкой.

Однако в настоящее время ситуация пока еще такова, что в случае несправедливости мы идем не к юристам, а... в тот же магазин, но покупаем там, как правило, не только продукты питания, а довольно часто и водку, вино, пиво. А употребив все это, жалуемся друг другу на то, какая у нас «скверная» жизнь. Сказывается здесь еще и то, что водка, вино и пиво у нас на каждом углу, а вывески «Юрист», «Адвокат» или «Юридическая консультация» – лишь одна-две на район. Да и в те юридические конторы, которые есть, люди не торопятся, так как стоимость правовых услуг «кусаются».

Надо подумать над тем, как сделать права доступными. Конечно, вопрос этот будет мало-помалу решаться, как только граждане почувствуют реальную пользу от общения с юристами. Но такое станет возможным в том случае, если обращения

граждан к юристам будут бесплатными, а гонорары юристов будут состоять из определенных отчислений от сумм выигранных исков. Принимая поручение гражданина, юрист должен видеть положительную перспективу решения соответствующего вопроса, и если таковая достаточно отчетливо просматривается, он просто обязан взяться за дело и довести его до логического конца.

За каждым практикующим юристом следует закрепить студентов юридических вузов, проходящих практику. В каждом юридическом вузе необходимо, как мы полагаем, учредить студенческое правовое бюро (по типу уже существующих в ряде таких вузов), которое оказывало бы юридическую помощь населению (прежде всего, тем гражданам, которые не имеют возможности самостоятельно оплачивать услуги юристов), позволяло бы студентам-юристам набирать практику и в то же время пополняло за счет выигранных исков скромные студенческие бюджеты.

Преодоление юридической безграмотности населения может осуществляться также по линии программы «Законы – в каждый дом», в соответствии с которой основные ориентированные на граждан нормативные правовые акты доставлялись бы в почтовые ящики каждой квартиры и каждого индивидуального дома, может быть, теми же студентами-юристами.

Студенты-юристы могли бы основательно поработать и в качестве так называемых семейных юристов, особенно в семьях, в которых есть трудные подростки, алкоголики, наркоманы, бродяги.

Среди прав граждан одним из важнейших является право на защищенность от преступлений. Сегодня вал преступности таков, что отреагировать на каждое отдельное преступление правоохранительные органы уже не могут. Труба не может пропустить через себя воды больше, чем это предусмотрено ее диаметром, толщиной стенок и прочими конструктивными особенностями. Соответственно, образуются тромбы и в нашей правоохранительной «трубе», то есть в органах внутренних дел, в прокуратуре, суде и т.д. Требуется содействие правоохранительной системе со стороны общества, и на данном направлении студенты-юристы тоже могли бы многое сделать, например, в качестве общественных помощников дознавателей, следователей, оперативных и других работников органов внутренних дел, органов наркоконтроля, прокуратуры, налоговых и др.

Уголовная политика сегодня – это уже не только уголовные дела, наказания и судимости. Все силы, средства и возможности государства, общества и отдельных граждан должны быть противопоставлены злу, именуемому преступностью. Поэтому студенты-юристы могли бы оказывать в профилактических целях соответствующую посильную помощь также школам, семьям, работникам сферы организации досуга молодежи. Многие они могли бы сделать и на направлении контроля за поведением лиц, осужденных без лишения свободы, а также лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы, ранее судимых лиц. Браслеты со встроенными в них микрочипами – это хорошо, а расширение сферы взаимоотношений нашего проблемного населения с людьми, хорошо знающими законы, тоже неплохо. Государство должно позаботиться о том, чтобы лица, освобождаемые из мест лишения свободы, имели все необходимые для нормальной жизни в открытом пространстве условия, а именно работу, заработок, крышу над головой (как минимум общежитие) и т.д.

Объектами внимания студентов-юристов могли бы стать и лица без определенного места жительства (так называемые бомжи), а также трудовые мигранты, приехавшие к нам на заработки из стран ближнего зарубежья, а также из Китая, Вьетнама и некоторых других восточных стран.

С учетом важности проблемы преступности несовершеннолетних необходимо обратить внимание на наш классический треугольник, в котором рождаются и формируются личности: это семья, школа и сфера досуга. Сегодня этот треугольник во многих случаях оказывается «бермудским», поскольку в нем нередко тонут «корабли» наших лучших надежд и ожиданий. А надо сделать его таким, чтобы он возвышал человека, удерживал его от всякого рода штормовых явлений, не позволял споткнуться, чтобы потом за это не пришлось бы расплачиваться, может быть, в течение всей последующей жизни.

Надо ввести институт семейного учителя по типу семейного врача, психолога, юриста и т.д. Педагогические вузы должны начать подготовку семейных учителей, которые воспитывали бы детей начиная буквально с пеленок и кончая выпускным классом. Основной заботой семейных учителей должна стать сфера досуга.

Весьма важно ввести в школах частично раздельное обучение для мальчиков и девочек, чтобы особенности тех и других учитывались в процессе обучения и воспитания.

Каждый ребенок становится взрослым человеком и у него появляется своя работа, своя семья, свои дети, совершенно иной становится сфера его досуга. Появляется уже новый (большой) треугольник, каждый угол которого нуждается в постоянном укреплении для того, чтобы процесс возвышения человеческой личности продолжался.

Важно обратить внимание на молодые семьи с тем, чтобы они имели все, что требуется для нормального старта в самостоятельной жизни. Особого внимания требуют семьи, в которых появляются дети. Если семья распадается, то необходимо сделать все для того, чтобы ее «осколки» обрели покой и необходимые условия для нового восхождения. Оставить без помощи распавшуюся семью – это все равно, что бросить посреди бушующего моря тонущий корабль. Современное российское общество позволить себе подобное равнодушие уже не может особенно в связи с острой демографической проблемой.

Требуется восстановить институт молодого специалиста, то есть новоиспеченного выпускника вуза, только приступившего к самостоятельной работе. Такой работник должен как минимум в течение трех лет находиться под покровительством работодателя и государства. Ему должны быть предоставлены квартира, гарантии, касающиеся заработной платы, благоприятные условия работы, ограничения относительно возможного увольнения, льготы, относящиеся к заботе о членах семьи и т.д. Молодым специалистам должен быть также гарантирован карьерный рост, разумеется, при безупречном выполнении профессиональных обязанностей и наличии необходимых для занятия вышестоящей должности человеческих качеств, включая такие, как целеустремленность, решительность, интеллект, порядочность, уважительное отношение к коллегам, авторитет в коллективе и т.д.

Россия испытывает большие проблемы на многих направлениях развития из-за того, что руководители подбираются у нас вышестоящим начальством в основном не по деловым качествам, а по принципу личной преданности. В результате преданность есть, а дела нет. Нужен закон о замещении руководящих должностей, который предусматривал бы механизмы продвижения по службе действительно достойных специалистов, а не балласта, от которого страдает не только дело, но и люди.

Практикующиеся сегодня списки претендентов на занятие руководящих должностей и кандидатов на замену есть не что

иное, как возвращение к былой номенклатурной системе «подбора и расстановки кадров». Более эффективным был бы, как мы полагаем, конкурсный метод, который следовало бы закрепить законодательно.

Одной из существенных проблем является сегодня управление регионами. Структурирование страны по федеральным округам, конечно же, способствовало повышению эффективности управления в стране, но результаты здесь могли бы оказаться еще более весомыми, если бы руководители «столичных» субъектов Федерации были наделены правом координации экономических и других действий руководителей субъектов Федерации, входящих в соответствующие федеральные округа. Руководители «столичных» субъектов Федерации, осуществляющие соответствующие координационные функции, могли бы в этом случае именоваться генеральными губернаторами (сокращенно – генерал-губернаторами).

7.2. Уголовное право как оно есть – без прикрас, гримас и масок

Уголовное право никогда, нигде, ни в чем и никем не идеализировалось, что, разумеется, вполне логично. Кому интересно прославлять то, что хотя и приносит необходимую общественную пользу, но основывается на угрозах, штрафах, тюрьмах и принуждении к подчинению и дисциплине? Даже в тех государствах, в которых ресурс уголовного права использовался наиболее широко, жестко и часто жестоко, их руководителям и в голову не приходило петь дифирамбы уголовному праву, в том числе даже тем мрачным личностям, которых по праву называют гениями злодейства и главными палачами истории, начиная от беспредельных в своих изуверствах египетских фараонов, римских императоров и инквизиторов Средневековья и кончая Гитлером, Сталиным и Пол Потом, на руках которых кровь миллионов.

Вместе с тем нельзя не признать, что в течение веков и тысячелетий реалии уголовного права были таковы, что государства существовали и укреплялись во многом благодаря главным образом опоре на него. Конечно, были также обычная политическая риторика, демагогия на тему «заботы о стране» и, может

быть, даже какие-то действительные подвижки в сторону демократии, но тем не менее «топор» уголовного права всегда был занесен над людьми и каждый раз он беспощадно ударял по ним, как только возникали малейшие подозрения, что в их головах «заходила крамола».

Власти всегда было недосуг утруждать себя реальными заботами о человеке, особенно если речь шла о человеке труда. И если какие-то позитивные (в общественном смысле) меры властью и провозглашались и даже если они в какой-то степени реально и осуществлялись, например, меры культурного (покровительство искусствам), социального (строительство оборонительных укреплений, водопроводов, общественных бань, дорог и т.д.) или религиозного («возлюби ближнего...») характера, то в основном для того, чтобы ей (власти) надежнее укрепиться, держать в повиновении народы, захватывать новые территории, устанавливая там свои порядки, расправляясь с неудобными и т.д.

Если смотреть правде в глаза, то надо прямо сказать, что уголовное право часто было именно *изуверским*, особенно если вспомнить, например, Средневековье (в частности, германскую Каролину), не говоря уже о жестокостях Древнего мира. Да и можно ли вообще считать такое «уголовное право» правом? Полагаем, что это было не право как таковое, а лишь его самая отдаленная предпосылка, эмбриональное его состояние, лишь начальный этап развития, можно сказать, предыстория. Появлению уголовного права именно как права (в современном его понимании) предшествовали долгие предродовые муки государств в виде разного рода «смутных времен», в том числе войн, переворотов, революций, контрреволюций и т.д.

И только сейчас уголовное право постепенно приобретает те черты, которые придают ему облик действительного права, то есть права именно сегодняшнего дня. Остающиеся резервы его совершенствования являются предметом неослабного исследовательского внимания. К их обсуждению позволим себе присоединиться и мы. Речь в данном случае пойдет не о каких-то деталях, связанных с совершенствованием тех или иных конкретных норм уголовного законодательства, а об обновлении этого законодательства в целом, поскольку обновляющейся стране, какой сегодня является Россия, требуется именно *современное* уголовное законодательство.

Для этого придется обратиться к самим истокам данного законодательства.

Миф о всеилии и исключительности уголовного права. На первых порах воплощенные в уголовном праве изуверства нужны были власти главным образом для того, чтобы, как уже отмечалось, утверждать, обеспечивать и усиливать себя, вселяя при этом в людей страх и ужас, распространяя среди них лишения и муки, неся с собой страдания и смерть. Любые провинности перед властью, как правило, вели к возмездию, часто выходящему за пределы всякого здравого смысла. Это и было то уголовное право, с которого, собственно, все и начиналось, в том числе государство и право – явления, с которыми человечество уже никогда не расстанется.

Власть своим уголовным правом, естественно, гордилась, так как прекрасно понимала, что без него не сможет устоять.

В значительной мере по уголовному праву народ судил и судит о том, какая «на дворе» власть: циничная, дерзкая, всеильная или, напротив, робкая, уступчивая, снисходительная. Власть, как полагали люди, часто жестока, безжалостна и беспощадна, но в то же время к ней можно в каких-то случаях и обращаться за защитой. «Закон суров, но таков закон, пусть рухнет мир, но торжествует закон, закон есть мера справедливости», – утверждали древнеримские юристы, и, похоже, для таких утверждений у них были определенные основания.

Но сегодняшние наши «народные мудрецы», раскусив подлинную сущность закона (часто далекую от интересов народа), пошли дальше и утверждают, что «закон что дышло – куда повернул, туда и вышло», а идти «поперек закона» все равно, что «плевать против ветра». Следовательно, закон лучше все же соблюдать. А некоторые нынешние юристы считают, что чем хуже закон, тем пунктуальнее его надо соблюдать – тогда его «хужесть» скоро обнаружится и он быстрее будет поправлен или, может быть, даже заменен на другой – правильный.

Между тем и противостояние власти со стороны народа тоже было по своей силе и жестокости во многом беспредельным. Образно говоря, у людей против власти было свое «уголовное право», и они не теряли случая, чтобы им по-своему воспользоваться. Достаточно вспомнить триумфальное шествие Спартака по Древнему Риму (I век до н.э.) или восстания в России, например, под предводительством И.И. Болотникова (начало XVII ве-

ка), С.Т. Разина (вторая половина XVII века), Е.И. Пугачева (вторая половина XVIII века), В.И. Ульянова/Ленина (октябрь/ноябрь 1917–1922 гг.).

Свое «уголовное право» есть и у криминала, который, сталкиваясь с бессилием власти, сам ищет убийц, например, Игоря Талькова, Владу Листьева, Михаила Круга и многих других жертв криминального террора. Пока, правда, безрезультатно, но соответствующие усилия все же предпринимаются. Сегодня мы, к сожалению, не знаем, почему преступникам не удастся поставить на место своих «коллег» – тоже преступников, хотя и подозреваем, что здесь, как и везде, «все схвачено». То есть и у криминала есть свой интерес в том, чтобы в преступном мире многое оставалось «шитокрыто»: сегодня возьмут «лохмачей», а завтра доберутся и до него.

В настоящее время снова находятся люди, которые призывают народ идти на баррикады – против власти. Далеко не всегда это объясняется тем, что власть слишком плохая или, например, очень хорошая. «Мятежники» и «борцы» считают, что, чем проходить рутинные стадии партийной работы и не самую лучшую в мире («чуровскую») избирательную систему, лучше подбить на протестные действия миллионы, а затем подняться на волне событий в виде новой власти. Как это уже было в различных концах света не раз. Но кто они, эти люди, призывающие народ к неповиновению власти? Самые разные – начиная от известных бывших ее же представителей, включая, например, Б. Немцова и М. Касьянова, и кончая новоявленными «мессиями» типа А. Навального и С. Удальцова и др. «Мессии» добиваются той «правды жизни», которая, как они считают, была бы больше нужна людям, чем та, по которой они живут сегодня. Но оправдают ли эти люди наши надежды – это еще большой вопрос. Требовать, скажем, штрафовать В. Путина за езду на мотоцикле без шлема – это одно, а требовать от того же В. Путина не накладывать на оппозиционеров миллионные штрафы и вообще правильно управлять государством – это совершенно другое. С такой задачей нынешним нашим «бунтарям» справиться, пожалуй, весьма трудно, если вообще возможно. Ясно, что здесь нужны люди «покрепче», а именно те, которые способны *научно* осмысливать явления жизни и *практически* давать им *нужный* ход.

Известно, что В.И. Ленину пришлось вначале написать и опубликовать сотни статей и книг («экстремистского», как мы сейчас говорим, содержания), и только затем ему представилась

возможность использовать сложившуюся в России ситуацию для реализации своих политических амбиций. Пока таких людей у нас нет. А хотя бы и были, то что они могли бы сделать в нынешних условиях? Пожалуй, ничего. Тем более что вся «экстремистская» литература (список ее постоянно пополняется и насчитывает уже около двух тысяч произведений) сегодня на учете и под запретом¹. Как находятся на учете и под запретом организации и физические лица, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму². То есть получается, что как ни крути, а остаются лишь легальные пути вхождения в политику, чтобы делать в ней хоть какую-то погоду.

Поэтому (в том числе поэтому) главное слово в переменах к лучшему в настоящее время должны сказать именно факторы права, включая, естественно, и факторы уголовного права. Оппозиция должна играть не только на поле улиц и площадей, но и на поле самой власти. У власти есть свое уголовное право, а у оппозиции – свое. В полной мере «приватизировать» уголовное право власть не может. Оно не только ее, но и всех, в том числе и оппозиционно настроенных людей.

Властям всегда и всюду противостояли на индивидуальном уровне практически все – от мала до велика, от абсолютно неизвестных личностей до кумиров толпы, от вообще не причастных к власти лиц до лиц, максимально приближенных к ней. Естественно, за исключением тех, кто был с ней всегда связан, так сказать, *кровными* узами, а также лиц уже «нового призыва» (например, тех же «нашистов», «фронтовиков», «начальников цехов», «бригадиров», «рабочих», обеспечивших 4 марта 2012 года победу В.В. Путина на президентских выборах), которые сами вызвались быть ее главной опорой. И протесты часто выражались в том, что на языке власти и закона именовалось преступлениями.

Уголовное право всегда и везде неизменно использовалось властью в качестве *всесильного* и *исключительного* средства противодействия тому, что прямо или косвенно шло вразрез с ее интересами. Межличностные конфликты интересовали власть, как правило, лишь постольку, поскольку проявляемая в

них ярость могла в перспективе вылиться и в громадный протест против нее самой. Власть просто панически боялась этого и как могла мстила любому «преступнику», прикрываясь маской «борьбы с пороками», «противодействия злу», «справедливого гнева по поводу безобразий» и т.д.

Когда в канун президентских выборов во Франции (начало мая 2012 года) журналисты спросили Николя Саркози (на тот момент президента Франции), *что* он мог бы сказать по поводу использования 50 млн евро, полученных им на свою предыдущую предвыборную (президентскую) кампанию от лидера Ливийской Джамахирии М. Каддафи, тот, нисколько не смутившись, сказал: «Получается так, что я не оправдал доверия Каддафи...». Это был более чем прозрачный намек на то, что именно Н. Саркози инициировал в 2011 году бомбардировку Ливии странами НАТО и США и в конечном счете физическое уничтожение ее лидера. Совершенно очевидно, что, уничтожая М. Каддафи, Н. Саркози, если он действительно воспользовался в свое время материальной поддержкой этого североафриканского диктатора, уничтожал и следы своей прямой смычки с ним на определенном этапе, то есть фактически прятал концы в воду. Отделался Н. Саркози и за «деньги от М. Каддафи», и за уничтожение последнего пока только легким испугом, а именно лишением возможности быть избранным на второй президентский срок. Но основные разбирательства по данному поводу, как можно предположить, еще впереди.

И дело здесь, разумеется, не только в том, оправдал или не оправдал Н. Саркози доверие М. Каддафи. И даже не в том, *за что* в свое время целовал руки тому же Каддафи другой сошедший ныне с политической сцены известный политик – итальянский премьер Сильвио Берлускони. Все это совершенно разные вопросы: брал – не брал, домогался – не домогался, любил подхалимов или же их недолюбливал... Все эти и другие подобные вопросы в данном случае не существенны. Во всяком случае, они не главные. Если удалось бы найти такого человека, который, будучи у власти, был бы без подобных грехов, то история, наверное, как-то увековечила бы его. Но главное здесь заключается все же не во взятках (в них в той или иной мере грешен едва ли не каждый нынешний чиновник, а тем более глава государства. Достаточно вспомнить коррупционные скандалы с двумя южнокорейскими президентами Чон Ду Хваном и Ро Дэ У), и не

¹ См., например: Российская газета. 2011. 29 декабря. С. 14; 2012. 2 марта. С. 22; 12 июня. С. 11; 22 июня. С. 26.

² См., например: Российская газета. 2012. 11 мая. С. 23.

в плотских похотях (известны сексуальные истории с бывшим президентом США Биллом Клинтонем, бывшим израильским президентом Моше Кацавом, бывшим руководителем МВФ Домиником Стросс-Каном), и, тем более, не в ставке на подхалимов (никто никогда и нигде не брезговал ими, поскольку подхалимы, как сегодня принято считать у чиновников, «нужны для дела»: из них подчас создаются целые «команды», которые обычно перемещаются из кресла в кресло синхронно с должностными перемещениями «боссов»), а в *оправданности осуществляемых действий с точки зрения интересов государства*¹.

Великобритания допустила в 1945 году в отношении своего премьера Уинстона Черчилля, как представляется, явную ошибку, отправив этого весьма талантливого политика в отставку, «не заметив» при этом на фоне некоторых личностных недостатков весьма значительных его успехов (в частности, в разгроме гитлеризма). Но затем страна, похоже, быстро опомнилась и вновь начала боготворить своего бывшего кумира. Так и современная Франция допустила, на наш взгляд, грубую промашку, не избрав на второй президентский срок несколько взбалмошного, но, безусловно, опытного политика Н.Саркози, отдав предпочтение неопытному в государственных делах социалисту Франсуа Олланду. Завтра Франция об этом будет сожалеть, но это будет завтра².

Вместе с тем, при всем своем пристрастии к уголовному праву, мы не можем приветствовать тенденцию прихода его главных функционеров на высшие посты в государстве, если речь не идет о каких-то переходных периодах в развитии страны. Понятно, что бывший министр МВД (каковым являлся, например, тот же Н. Саркози) или иной крупный силовик всегда будет крепче держать власть в руках, чем, скажем, бывший учитель, врач, инженер или артист, но ведь задача власти не столько в том, чтобы обеспечивать «стабильность в стране» (часто понимаемую властью как собственную стабильность), сколько в том,

чтобы обеспечивать подъем страны к новым высотам. А силовика это, как правило, не по зубам.

Своеобразной «царицей» уголовного права на протяжении всей его истории считалась смертная казнь – в различных ее видах. «Грешников» могли *просто* убивать (как придется), а могли и убивать как-то по-особому: например, распинать на крестах, отрубать им топором головы, гильотинировать, топить, топтать, сжигать заживо, забрасывать камнями, вешать, четвертовать, колесовать, сажать на кол, заливать горло расплавленным свинцом, разрывать на части, волочить по дороге привязанным к коню и т.д. Лишение свободы тоже обычно представляло собой не что иное, как способ... «сгноить в тюрьме». Причем наказание практически всегда и везде рассматривалось как *именно все-сильное и исключительное* средство, противопоставляемое преступлениям.

Разрушение мифа о всесиллии и исключительности уголовного права. Только примерно со второй половины XX века в уголовной политике отдельных государств (например, Великобритании, США, Франции, Германии, Италии), наряду с наказаниями, получают развитие и отдельные меры, ориентированные на вытеснение причин преступлений, прежде всего, таких как незанятость, нищенство, бродяжничество, пьянство, употребление наркотиков, проституция, бесконтрольность и т.д. В сочетании с наказаниями такие меры приводили к тому, что преступлений действительно становилось меньше. Или они проявлялись не в таких опасных формах.

Тем самым разрушался миф о *всесиллии и исключительности уголовного права*. Оно уже не было *крайне* беспощадным, и в его графических символах наряду с *мечами* постепенно стали появляться щиты и некоторые другие атрибуты. Утверждалось и представление об уголовном праве как о розе с шипами, где роза олицетворяла жизнь, а *шипы* – средства ее защиты от преступлений.

Государства которые, благодаря дополнению наказаний мерами предупредительного характера добивались большего успеха, могли позволить себе несколько умерить свое силовое давление на общество. Это, кстати, само по себе тоже давало определенные положительные результаты: меньше наказаний – меньше преступлений (так как криминализация населения происходила в таком случае менее интенсивно), меньше преступлений – еще

¹ Иногда такие «команды» настолько сплоченные и устремленные в осуществлении своекорыстных интересов, что напоминают преступленные сообщества (преступные организации).

² При этом мы все же ни в коей мере не отрицаем общеизвестного положения о том, что ротация кадров во властных структурах всегда полезна. Каким бы «золотым» ни был на данный момент тот или иной чиновник, страна должна обязательно воспользоваться любым случаем для того, чтобы его сменить. Как показывает жизнь, это всегда лучше – причем как для страны, так для него самого. «Засидевшийся» в своем должностном кресле босяк есть одна из самых больших угроз как для демократии, так и для безопасности страны.

меньше наказаний... Эта тенденция как бы «отменяла» предшествующую: больше преступлений – больше наказаний; больше наказаний – еще больше преступлений... Если бы все так оставалось и по сей день, то уже сегодня могло случиться так, что половина населения земного шара (3,5 млрд чел.) находилась бы в тюрьмах, а вторая его половина вынуждена была бы охранять первую, снабжая ее к тому же (кстати, как и себя саму) пропитанием, одеждой и всем другим необходимым для жизни.

Но в результате позитивных преобразований уголовное право, с одной стороны, в какой-то мере утрачивало свой репрессивный накал, а с другой – одновременно обретало видимость некоторого здравомыслия, в том числе заботы о человеке, справедливой его защиты, предупреждения преступлений, стремления к тому, чтобы по возможности их не было вообще и не было, следовательно, жертв и страданий от них, а также чтобы не было необходимости наказывать за совершение преступлений.

Статистика преступности и предпринимаемых в целях противодействия ей мер часто была просто-напросто засекречена, так как она явно не украшала власть и ее усилия по укреплению правопорядка. Уголовное право, действительно, в отдельные периоды смягчало наказуемость деяний, но вместе с тем осужденных в колониях становилось почему-то не только не меньше, но больше. И они там находились дольше, причем содержались в более жестких условиях. И, следовательно, испытывали большие страдания.

Росло число внесудебных расправ, выражавшихся в самых опасных преступлениях власти, включая увечья, пытки и даже убийства тех, кто так или иначе оказывался в поле уголовно-правового внимания.

Российская специфика уголовного права в современных условиях. Разумеется, хотелось бы слыть патриотом отечественного уголовного права, но нельзя не сказать и о том, что описываемые выше жестокости имеют самое непосредственное отношение и к нашей стране, особенно если иметь в виду уголовное право времен, например, Ивана Грозного, Петра Первого или Иосифа Сталина.

Если быть честным, то надо прямо признать, что, например, реформирование у нас «милиции в полицию» с треском провалилось. Уже первый год функционирования милиции с новым ее названием показал, что эта структура не только не стала лучше,

но по ряду показателей существенно ухудшилась, несмотря на заоблачное денежное довольствие, новое обмундирование, другие преференции, как, впрочем, и те дифирамбы, которыми сопровождалась эта «реформа». Выдающийся наш деятель искусства, режиссер, народный артист и бывший министр культуры Николай Губенко сегодня не без оснований во всеулышание заявляет, что у нас «полиция сформирована наполовину из бандитов, и реформа ничего не дала. Это “эсесовцы” какие-то...»¹. И нет сегодня для власти, как мы полагаем, более тревожной информации к размышлению, чем эта.

Нынешнее уголовное право своими наказаниями по-прежнему не столько исправляет провинившегося человека, сколько ломает его окончательно, губит его тело и душу, коверкает судьбу. Давно известная истина, что «тюрьмы не лечат, а калечат», все еще жива, особенно в нашей стране, где обращение с осужденными далеко от тех стандартов, которые утвердились в международном праве. И приходится невольно согласиться с известным психологом, экспертом по серийным насильственным преступлениям профессором А. Бухановским (в свое время с его участием был изобличен самый опасный в мире маньяк А. Чикатило, который убил 52 человека, предварительно надругавшись над жертвами), полагающим, что «тюрьма не исполняет свои исполнительные функции. Она наказывает, мстит...»².

Конечно, «ходячее» уголовное право – это не только милиция/полиция, но и все другие правоохранительные органы. Они тоже возвращены той же самой системой, что и бывшая милиция и нынешняя полиция. А поэтому эти органы тоже необходимо реформировать. Но уже, разумеется, не так, как «милицию в полицию», то есть не формально, не ограничиваясь заменой вывесок, печатей, бланков и т.п. Иначе опять выбросим на ветер миллиарды налогоплательщиков, а взамен получим все тот же негатив.

Главное здесь заключается в том, чтобы, анализируя наше уголовное законодательство, в том числе его «силы и средства», избегать как его фетишизации, так и недооценки.

Опасность как фетишизации, так и недооценки уголовного права. Власть и закон как правовые средства управления обще-

¹ См.: Халезова Н. «Мы жили впроголодь». Николай Губенко о родном Нижнем и гении Высоцкого // Аргументы и факты – Нижний Новгород. 2012. № 15. С. 38.

² Ионова Л. Страшное влечение. Педофил после тюрьмы становится убийцей // Российская газета. 2012. 27 апреля. С. 12.

ственными процессами обычно воспринимаются нашим обыденным сознанием как нечто, существовавшее задолго до нашего прихода в этот мир, явившееся к нам из далекого далека, из самой древности. При этом их появление представляется как бы сакральным, ниспосланным свыше. Такое представление отражено и в религиозных текстах, в которых, в частности, утверждается, что всякая власть (как, впрочем, и вообще все в этом мире) – «от Бога».

Фетишизация в общественном сознании власти, закона, а следовательно, и уголовного права, основывается на представлениях о том, что все эти явления даются нам в наших же интересах, а именно для обуздания наших безудержных страстей, яростных порывов, для наставления всех нас на «путь истинный», для обучения нас тому, как надо жить и выживать в сложнейших условиях взаимоотношений с природой, другими людьми, с той же властью и с тем же законом. Но кажется человеку, что власть и закон – это не просто «всерьез и надолго», а... навсегда, навечно, пока будет существовать этот безумный и вместе с тем высокоинтеллектуальный мир.

Замечено, что человек склонен не только фетишизировать власть и закон, но даже, образно говоря, раболепствовать перед ними. И не только потому, что от них невозможно ни спрятаться, ни скрыться, и они, конечно же, призовут к ответу, в том числе за то, чего человек, может быть, вообще никогда не совершал. Но еще и потому, что в случае чего от власти и закона можно получить какую-то поддержку, помощь. Не говоря уже об организации рыночных сфер жизнедеятельности.

Принято считать, что человек «маленький», а власть – «большая», он немощен, она всемогуща, он локален, она глобальна, его пространство и время строго ограничены пределами жизни и территории страны, она же соизмерима по всем параметрам едва ли не с самой Вселенной. У человека доминируют обязанности, у власти – права. Главная обязанность человека – проявлять покорность власти, власть же считает своей главной обязанностью – демонстрировать человеку свое безраздельное, беспредельное могущество над ним. До сих пор в нашем общественном сознании преобладает такое представление, что не столько власть подконтрольна обществу, сколько общество – власти, не столько власть исходит от народа, сколько народ – от власти, не столько власть существует для человека, сколько человек – для нее.

Отмеченное представление в значительной мере свойственно и сознанию нашей научной элиты. Например, научный руководитель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Е. Ясин всерьез полагает, что сегодня в России не государство служит обществу, а общество – государству. А поэтому главную задачу этот ученый видит в том, чтобы изменить характер взаимоотношений общества и государства на 180 градусов, а именно вывести общество из-под зависимости от государства (освободить общество от служения государству) и поставить его *над* государством, то есть заставить государство служить обществу – в соответствии с его изначальным предназначением¹.

Показательно, что в мае 2012 года при вступлении в должность премьера бывший наш президент Д.А. Медведев тоже сделал акцент на том, чтобы государство, наконец-то, было поставлено на службу обществу. Правда, делает он это несколько путано, мешая порой идеологию нынешней власти, состоящую в том, чтобы брать от общества «по максимуму», а давать ему «по минимуму» (и то главным образом в виде обещаний на будущее), с искаженными представлениями о марксизме и реальной практике социализма в СССР и других странах «социалистического лагеря». Вот лишь некоторые сентенции уже премьера Д.А. Медведева по данному вопросу: «Нам предстоит консолидировать общество вокруг решения основных проблем, доказать, что государство не отделено от народа, а что оно обязано служить народу, создавать условия для достойной жизни и самореализации наших граждан. Именно поэтому, на мой взгляд, должна измениться сама власть... Граждане должны не только участвовать в осуществлении власти, но и контролировать ее»². Таким образом, по мнению Д.А. Медведева, служение государства обществу, а также подчиненность и подконтрольность государства обществу еще впереди. Премьер, к сожалению, не указывает на то, *когда именно* произойдут реальные перемены в этом вопросе, а следовательно, не берет на себя никаких обязательств. Но это является печальным фактом любой политической действительности, в которой государство главнее общества.

¹ См.: Зыкова Т. Власть, откройся. Все важные реформы будут проходить через цепочку общественных обсуждений // Российская газета. 2012. 5 апреля. С. 5.

² См.: «Власть должна измениться». Дмитрий Медведев выступил перед депутатами Госдумы (редакционный материал) // Российская газета. 2012. 10 мая. С. 4.

Может быть, вопрос здесь заключается не только и не столько в том, кто кому должен служить (общество государству или государство обществу, граждане чиновникам или чиновники гражданам), сколько в том, кто и кем *может* и *должен* управлять. В нашем представлении и государство должно (в пределах своей компетенции) управлять обществом, и общество (в пределах компетенции своей) – государством. В этом смысле государство может быть уподоблено любому домоуправлению, которое и управляет «домами», и само управляется ими, откликаясь на любые запросы жильцов, связанные с обеспечением надлежащих условий проживания.

Другое дело, что пока еще не найдена та «золотая середина», при которой соотношение, характер, сила, уровни и сферы того и другого управления были бы *оптимальными*, давали бы *максимальный* экономический, социальный, гуманитарный и иной эффект. Главные показатели обеспечения такой «середины» – это, в частности, упрочение престижа страны в мире, укрепление ее экономического и военного могущества, приращение национального богатства, национального достояния, национального достоинства, общего интеллектуального, научного и образовательного потенциала, возрастание масштабов интеллектуальной собственности, материального и культурного благосостояния населения, темпы прироста населения, увеличение продолжительности жизни людей, забота о детстве и юношестве, пенсионерах, инвалидах, больных, повышение уровня охраны жизни и здоровья, чести и достоинства, прав и свобод, сведение бедности к минимуму, а по возможности и устранение ее, преодоление незанятости, укрепление правопорядка, снижение количества совершаемых преступлений и иных правонарушений, искоренение пьянства, алкоголизма, наркомании. Если «золотой середины» во взаимном управлении общества и государства нет, то общество не только отказывается служить государству, быть подконтрольным и подчиненным ему, но и становится неспособным подчинить себе государство, поставить его под свой собственный контроль, себе на службу.

На любые шаги государства навстречу обществу (материнский капитал, предоставление многодетным семьям земельных участков под строительство домов, осуществление других социальных проектов, демократизация избирательной системы, улучшение условий создания новых партий и т.п.) последнее от-

вечает ему обычно «черной неблагодарностью». Население страны продолжает сокращаться, так как люди прекрасно понимают (может быть, даже на уровне подсознания), что как бы они ни желали иметь детей, какая бы выгода им от этого ни «светила», обзаводиться ими нет никакого смысла, так как нет никакой уверенности в том, что они смогут их должным образом поднять и достойно воспитать. Несостоявшихся родителей настораживает и то, что многие дети даже при нормальной материальной обеспеченности семьи часто вовлекаются в какие-то сомнительные дела, тянутся к сигаретам, спиртным напиткам, наркотикам, к свободному времяпрепровождению, развлечениям, пренебрегают общественным порядком, что подчас ведет к проблемам с законом и полицией.

Но даже если дети в семье все же появляются, то довольно часто их подстерегают большие неприятности. Семьи все еще большей частью распадаются, а значит, множится безотцовщина. А если семьи и не распадаются, то далеко не все они оказываются счастливыми. Естественно, что в несчастливой семье ребенок тоже часто оказывается несчастным. И даже если семья в принципе счастлива, то и тогда ребенок порой оказывается под ударом криминала – воров, грабителей, разбойников, бандитов, хулиганов, педофилов и даже убийц.

Если ребенку удастся все же избежать напастей и он нормально вырастает, становится взрослым, то и тогда далеко не всегда все у него складывается нормально, особенно если молодому человеку не удастся получить хорошую профессию и работу, если есть и наследуются родительские проблемы с жильем, если, будучи призванным на службу в Вооруженные Силы, молодой человек сталкивается с дедовщиной, или если первый его брак оказывается неудачным. Отсюда – уход в пьянство, алкоголизм, наркоманию, в совершение различных преступлений и иных правонарушений. Особенно портят нашу демографию межличностные конфликты, заканчивающиеся подчас преступлением и тюрьмой. Делает свое черное дело и наша нынешняя во многом бездушная и корыстная медицина, особенно в отношении детей, которые никак не могут противостоять недобросовестности медицинских работников. Дополняют мрачную статистику безвременных кончин самоубийства.

Не секрет, что при существующих условиях значительная часть пребывающего в бедности населения продолжает нищать

в то время, как богатые еще более богатеют. Вместе с тем растут коррупция и иные злоупотребления власти, расширяется сфера теневой экономики, которая проникает и в экономику официальную. Увеличивается производство некачественных товаров и оказание сомнительных услуг. Становится заметной даже невооруженному взгляду проституция, растут заболевания, увеличивается численность инвалидов, население стареет, в общей его массе возрастает удельный вес пенсионеров и других категорий не занятых людей, включая тех, кто вовлечен в сферу теневой экономики. В обществе падает уровень грамотности, в связи с чем профессионалов становится меньше, а непрофессионалов соответственно больше, сокращаются объемы и качество интеллектуальной собственности. Ценности жизни не преумножаются, а, напротив, сокращаются, обесцениваются. Все больше людей выбивается из трудовой колеи и в поисках средств к существованию идет на совершение различных преступлений и иных правонарушений, в связи с чем дестабилизируется правопорядок, а следовательно, подрываются основы развития страны, выхода ее из сырьевой зависимости, внедрения в экономику новой техники и новых технологий, осуществления других необходимых преобразований.

В этих условиях выглядит естественным стремление государства осуществлять и дальше дисциплинирующее воздействие на общество в особенности в связи с его фискальными интересами, связанными в значительной мере с непомерными запросами чиновников, военнослужащих, полицейских, сотрудников других силовых структур. В ходу попытки манипулирования налогами, трудовыми правами людей, пенсионным возрастом, тарифами ЖКХ. Единственное, что обещает власть, – это «не... резать по живому» и «не... принимать решения, которые завтра всколыхнут всю страну»¹. Как нетрудно понять, после таких суждений вполне могут последовать и сами непопулярные меры.

Избегая фетишизации в общественном сознании уголовного права, важно также не допускать и его недооценки, особенно если понимать уголовное право не только как один из факторов управления обществом со стороны государства, но и как один из факторов управления государством со стороны общества.

Уголовное право как фактор управления обществом со стороны государства и государством – со стороны общества. Принято считать, что уголовное право, как и все право в целом, есть средство управления обществом со стороны государства. Но на самом деле оно еще есть и определенное средство управления государством со стороны общества, фактор народовластия, демократии, так как все это возможно именно в условиях правопорядка. Важно четко представлять, что не человек существует для уголовного права (по расхожему представлению: был бы человек, а статья для него всегда найдется), а уголовное право (как, впрочем, и все право в целом) – для человека, для защиты его прав и законных интересов от разного рода посягательств. Но внешне не все, конечно же, выглядит иначе, а именно так, что уголовное право – это, собственно, и есть та же власть, которой все должно служить и которой все должно быть подчинено и подконтрольно.

Человек, переехав в другой город, обязан зарегистрироваться по новому месту жительства, а купив машину, квартиру, дачу или участок под строительство дома, – зарегистрировать и это свое имущество. Человек должен платить государству налоги, отчитываться перед ним о своем имущественном положении, всемерно демонстрировать свое глубокое уважение к любому чиновнику, потому что тот – *государственный* человек, а он – всего лишь простой человек. Пересекая границу, человек должен *заявить* о том, что с собой везет, *заполнить* соответствующую декларацию, *уплатить* таможенную пошлину, соблюсти множество других требований.

Юноша, достигнув 18-летнего возраста, обязан пойти на службу по призыву в Вооруженные Силы, девушка – получить образование, профессию, поступить на работу по приобретенной специальности, выйти замуж, родить, поднять и воспитать детей. Иначе трудная судьба, расстройство души, пустые «тусовки» в случайных местах, в том числе в подворотнях, подвалах, на чердаках, за гаражами, обитание в разного рода притонах, в том числе типа «Дом-2». Это в лучшем случае, а в худшем – ненужные случайные связи, встречи, пиво, вино, наркотики, разврат, ВИЧ-инфекция, приводы в полицию, штрафы и как закономерный финал всего этого – болезни, тюрьма, преждевременная смерть.

Власть контролирует человека, не позволяя ему «оступить-ся», «наломать дров», «выйти из берегов». Она требует от него

¹ См.: «Власть должна измениться». Дмитрий Медведев выступил перед депутатами Госдумы (редакционный материал) // Российская газета. 2012. 10 мая. С. 4.

беспрекословного повиновения. Неуважительное отношение власти к человеку – *обычное* дело, а неуважительное отношение человека к власти *почти преступление*, за которое, как правило, следует строгое наказание. Человек отчитывается перед государством, по существу, за каждый свой шаг, а государство перед человеком практически вообще никак не отчитывается.

Если человек дает чиновникам взятки, то он хотя объективно и ходит по лезвию ножа, но субъективно чувствует себя относительно свободным. По крайней мере человеком, который всегда может рассчитывать на благосклонность тех же чиновников, а следовательно, и на удовлетворение своих насущных потребностей. Он в таком случае в какой-то мере застрахован от возможных «напастей», связанных с возможным чиновничьим произволом. Если же человек этого не делает (не дает взятки), то он, как правило, не только ни на что не может рассчитывать в этой жизни, но и вообще может лишиться многого, чем располагал, оказавшись без вины виноватым. Парадокс? Но такова жизнь. Конечно, хотелось бы, чтобы было все по-другому, то есть нормально, правильно, как положено, однако пока, к сожалению, есть так, как есть. По-другому пока не получается. По-видимому, должны произойти какие-то радикальные изменения в нашей политической, экономической, социальной, гуманитарной и иных сферах, чтобы все стало на свои места.

Для того чтобы иметь средства к существованию, человек обязан трудиться, разумеется, за ту зарплату, которую предлагает ему работодатель. Но работодатель тоже *хочет нормально жить*, а поэтому он предлагает работнику лишь какой-то минимум благ. Если предлагаемая заработная плата недостаточна для того, чтобы человек мог как-то свести концы с концами, то он может поискать работу с более высокой зарплатой. И часто устремления человека направлены при этом за рубеж. Как говорят в народе, под лежащий камень вода не течет, но «кто ищет – тот всегда найдет». Находят нужное для себя многие, в том числе за рубежом, но все же далеко не все.

Понятно, что более высокооплачиваемая работа может оказаться и более трудной. Это может быть, например, ремонт дорог, приведение в порядок железнодорожного полотна, укладка шпал, уборка мусора, очистка выгребных ям и т.п. Ко всему прочему труд может быть не только тяжелым и (или) неэстетичным, но он еще может быть и вредным для здоровья. В таком случае

он губителен и для морально-нравственного состояния человека, для его внутреннего мира, души. А человек, потерявший душу, не обретает того психологического состояния, которое могло бы гарантировать ему безоблачную жизнь. И начинается нечто вроде раздвоения личности, обостряются конфликты с окружающими, нарастает недовольство, в том числе самим собой. Человек уже не дорожит собственным «Я», своей судьбой, а подчас и жизнью. И вольно или невольно делает все так, чтобы кому-то как-то в чем-то «насолить». В том числе, может быть, прежде всего, самому себе.

Это нередко выражается в совершении преступлений. И тут человека, как правило, подстерегают власть и закон. Власть – в виде *правоохранительных органов*, а закон – в виде *закона уголовного*. Уголовная ответственность часто становится неотвратимой. Если ее удастся избежать, то человека обычно настигает суд собственной совести. И это не фраза, не демагогия, не какая-нибудь «философия», а реалии жизни. Начинаются комплексы, самоедство, грусть, тоска и тому подобные крайне неприятные вещи.

Великий Сократ (V век до н.э.), являющийся, как известно, идеалом мудрости, олицетворением всей философии человечества, будучи осужденным к смертной казни (за распространение своих взглядов среди молодежи – отвлекал молодых людей от их повседневных забот), не позволил ученикам освободить себя из заточения, сказав: «Это невозможно... Ведь как только я выйду из тюрьмы, сразу же за ее воротами меня встретят законы... И тогда они спросят меня, а не я ли учил всех следовать им. И что же я отвечу?..». И с этими словами Сократ, как гласит легенда, выпил до дна предназначавшуюся ему в соответствии с приговором чашу горькой цикуты и... пал замертво.

Сократ умер, но истина осталась. И состоит она в том, что использовавшийся философом метод диалогов (постановка вопросов и совместный поиск ответов на них) навечно вошел в арсенал методологии мышления. Человек в данном случае оказался выше уголовного права, преподав тем самым наглядный урок человечеству: законы надо соблюдать, даже если за это приходится расплачиваться жизнью. И даже если они применяются неправильно, несправедливо и даже жестоко. Бунт одиночки ни к чему хорошему не привел бы. И даже мог послужить дурным примером для подражания, в том числе для той же молодежи, за внушение мудрых мыслей которой Сократу пришлось так дорого заплатить.

Единство уголовного закона и правоохранительной власти как сущность уголовного права. Власть и закон вместе образуют то, что называется правом (в самом общем его смысле), а власть *правоохранительная* и закон *уголовный* есть право *уголовное*. Делая такое заявление, мы, конечно же, понимаем, что власть, образуя в единстве с законом право, не теряет своей самостоятельности как сущности государства, а власть *правоохранительная*, образуя в единстве с законом *уголовным* право *уголовное*, не утрачивает своей самостоятельности как сущности именно этой (*правоохранительной*) власти.

Власть в виде ее силовых структур (именуемых ныне *правоохранительными* структурами) приходит в первобытное общество явочным порядком: в виде громил, «примазавшихся» к хитроумным вождям, которым дано было знать больше и силой своего ума видеть дальше, острее, проницательнее все понимать, лучше ориентироваться в происходящих вокруг событиях. Ум и знания превращались, таким образом, в огромную интеллектуальную *силу*, и силой же (но уже физической) дополнялись. «Громилы» громили (тех, кто не был согласен с вождем и не подчинялся установленным им и складывающимся в силу обычая правилам), а «умники-советчики» всячески оправдывали их, да еще и благословляли на новые подобные действия.

Как бы там ни было, но стадо постепенно переставало быть только стадом и медленно, но неуклонно превращалось в управляемое сообщество особой женского и мужского пола, старших и младших, детей и взрослых, девушек и юношей, матерей и отцов, охотников и рыболовов, строителей и воителей, собирателей плодов и ремесленников, надсмотрщиков и портных и т.д. Но где-то складывалась и такая ситуация, когда к людям физически сильным и психологически решительным примыкали люди с изворотливым умом. Они входили в доверие к «силовикам» и составляли с ними единый альянс. Отголоски этого, кстати, наглядно проявляются и сегодня, когда руководитель, едва получивший соответствующий пост, быстро обрастает «советчиками», которые, впрочем, нередко и вводятся в штат руководящего аппарата, в том числе в качестве официальных советников. Присматриваясь к этим советчикам/советникам, мы нередко видим в них людей, которые преследуют собственный интерес. Они часто говорят о том, о чем недосуг говорить шефам и, как правило, в этом весьма преуспевают. Их суждения, воспринимаемые вна-

чале, может быть, как бред сумасшедших, со временем оказывают на людей сильное психологическое воздействие, поскольку воспринимаются уже как заключающие в себе какой-то потаенный смысл, претендующий даже на какую-то высшую мудрость.

Но руководители тоже часто оказывались не лыком шиты. Они тоже нередко были достаточно смышленными. Во всяком случае для того, чтобы, умело используя давно известные методы кнута и пряника, «хвали и ругай», «разделяй и властвуй», манипулировать подчиненными, особенно теми, кто мог бы претендовать на их собственное место, и тем самым легко и просто вышибать из «обоймы» претендентов на занятие различных должностей нежелательных лиц. Это вело к тому, что там наверху скапливались бездари, застарелость и косность оставались, развитие тормозилось и об обновлении жизненных процессов не могло быть и речи.

Сегодня руководитель государственного или муниципального учреждения – подчас даже совсем небольшого масштаба – имеет в штате не только до трех, пяти и более «замов», но не меньше и тех же советчиков-советников, в том числе в качестве вполне официальных должностных лиц. Чаще всего это обычные подхалимы, «толпящиеся у трона» ради собственных интересов, но редкий руководитель достаточно отчетливо видит их подлинное лицо. Между тем власть в ее стремлении сохранить себя не останавливается ни перед какими расходами, изобретая для этого все новые налоги и сборы по давно заведенному правилу: с миру по нитке... Результат обычно превосходит ожидания: «короля делает свита», причем так, как сам король никогда не смог бы себя поставить и преподнести публике. То есть руководитель сам по себе может и ничего не значить, но если его окружение достаточно толковое, то столь же толковым будет считаться и он сам. По крайней мере руководитель будет чувствовать себя в своей тарелке до тех пор, пока в налаженной системе управления не произойдут какие-то сбои.

Так или иначе, но появилось государство и появилось право. Это произошло практически одновременно, хотя, заметим, сила всегда «бежала» впереди разума, а следовательно, и впереди права. Это, к сожалению, наблюдается в той или иной форме и сейчас, когда права все еще мало, а начальства уже много. И начальники, следовательно, оказываются главнее права. Как бы там ни было, но повседневная жизнь племени постепенно упорядочивалась,

организовывалась, направлялась в русло устойчивого развития. Племя могло дать бой другому племени, а могло и не делать этого. Решения принимали вожди, а «громилы» и появившиеся при них «умники-советчики» любыми путями обеспечивали выполнение принятых решений. Они же обеспечивали и соблюдение всеми установленных властью и традициями правил. Нарушение этих правил обычно каралось смертью «виновного», что, как правило, сопровождалось бесовскими ритуалами, отправлением которых становилось событием, обычно ожидаемым, причем воспринимаемым с неудержимым восторгом. Предвкушение изуверств и пиршеств преобладало над состраданием и совестью, и поэтому такое состояние продолжалось довольно долго. Уголовное же право всему этому тогда только способствовало. Отмеченное иногда повторяется и в настоящее время, но с той лишь разницей, что человек вначале «съедается» (путем психологической травли), а уже потом «убивается» (снимается с должности, а иногда и отдается под суд).

Итак, уголовное право, в течение тысячелетий опиравшееся на, по существу, беспредельную кару и созданный властью миф о его всеисилии и исключительности, в настоящее время ориентируется на достаточно гибкие предупредительные, сдерживающие и контролируемые средства, все больше становится фактором управления не только обществом со стороны государства, но и государством со стороны общества. Процесс такого «окультуривания» уголовного права продолжается, приобретая характер устойчивой тенденции, своеобразного тренда.

7.3. Уголовное право как «лоцман», прокладывающий обществу путь по намеченному курсу

Кто-то метко заметил, что люди делятся на живых, мертвых и тех, кто плавает в море. Наверное, потому, что мореходов всегда подстерегает так много опасностей, что грань между жизнью и смертью фактически стирается. По ассоциации возникает мысль о том, что государства тоже делятся на настоящие, бывшие (как, например, СССР, Чехословакия, Югославия и некоторые другие) и те, которые только появились и у которых все еще впереди. К таким странам, отправившимся в путешествие впе-

ред по морям и океанам истории, может быть отнесена и Россия как часть бывшего СССР, а если за точку отсчета брать время до октября 1917 года – как часть бывшей Российской империи.

Для того чтобы страна могла считаться состоявшейся, требуется достаточно много времени, а именно столько, сколько понадобится ей для обретения устойчивого созидательного, цивилизованного, обновляющегося и процветающего развития. За двадцать лет, истекших после распада СССР и образования на постсоветском пространстве пятнадцати самостоятельных государств, Россия проделала большой путь, но у нее по-прежнему многое впереди.

Тем не менее время не было потеряно: продолжались поиски «своей» демократии («суверенной», «национальной», «функциональной» и т.п.), складывалось политическое и идеологическое многообразие, осуществлялся переход к рынку, преодолевались последствия мирового финансового кризиса 2008–2010 годов, предпринимались меры по развитию медицины, образования, науки, социальной сферы, заняла свое достойное место в обществе религия.

В свое время китайский государственный и политический деятель Мао Цзэдун (1893–1976 гг.) сказал, что «в открытом море не обойтись без кормчего», имея, наверное, в виду, что молодой Китайской Народной Республике (провозглашена 1 октября 1949 г.) необходим мудрый руководитель. Но любому только встающему на ноги государству, кроме «кормчего», нужен еще и опытный «лоцман», который смог бы провести корабль страны по намеченному курсу.

Если пользоваться морской терминологией, то уголовное право действительно может быть уподоблено лоцману, проводящему корабль государства по коридорам, свободным от разного рода подводных камней на его пути к заветной цели – «доплыть» до той «земли обетованной», на которой не будет преступлений.

Особенно возрастает роль такой (лоцманской) функции уголовного права в условиях, когда в России все еще отсутствует общенациональная идея. В конце концов, именно уголовное право наиболее полно формулирует охраняемые им важнейшие ценности жизни, благодаря которым и ради которых живет, трудится и развивается страна.

Но что такое созидательное, цивилизованное, обновляющееся и процветающее развитие общества? Конечно, это вопрос не

только и не столько уголовного права, но коль скоро мы его здесь затронули, попытаемся ответить на него, естественно, в самом общем виде.

Созидательное развитие общества – развитие, в основе которого создание новых ценностей.

Цивилизованное развитие общества – такое его развитие, которое подчинено интересам граждан, то есть их материальным и духовным запросам.

Обновляющееся развитие общества – развитие, в основе которого постоянный отказ от устаревших, отслуживших свой век ценностей, то есть ценностей, на смену которым приходят новые, но у людей не доходят, как говорится, руки до того, чтобы взять их для практического использования. Общество, вольно или невольно «донашивающее» старые одежды, не пойдет вперед. Оно в таком случае всегда будет одной ногой оставаться в прошлом, как это происходит, например, с Россией и другими государствами, образованными на постсоветском пространстве и продолжающими эксплуатировать наработанные еще в советское время ценности и не создающими ничего принципиально нового.

Наконец, *процветающее* развитие общества – развитие, в основе которого движение к высшим формам.

Как же уголовное право выполняет свою «лоцманскую» функцию? Здесь надо честно признать – в общем и целом неважно. Общество постоянно «натывается» на терроризм и экстремизм, сепаратизм и нигилизм, коррупцию и экономические преступления, наркотические и мошеннические преступления, преступные проявления беспечности и ротозейства. Обман и насилие во всех их видах, злоупотребления и халатность настолько пропитали наше общество, что оно все больше становится аморальным и безнравственным, а во многом и криминальным. Люди воруют и часто сами оказываются обворованными, калечат других и их тоже калечат, обманывают и сами становятся жертвами мошенников. И никто не знает, когда этому будет положен конец.

В чем же дело? Почему время идет, рождаются новые поколения, но в этом вопросе ничего не только не меняется к лучшему, а, напротив, криминальная ситуация все больше обостряется? Причин тому много, но здесь укажем лишь на одну из них, пожалуй, главную. В свое время демократам первой волны казалось, что самое главное – «развалить систему», а новая сложится сама

собой. Увы, не сложилась. Да и не могла сложиться, ибо созидание – дело сложное, многотрудное, длительное.

Сегодня мы уже начинаем постепенно забывать имена наших геростратов (Шахрай, Бурбулис, Явлинский, Немцов и др.), а настоящих героев-созидателей все еще нет. Сейчас, когда туман рассеялся и проблема преступности встала во весь рост, окончательно выяснилось, что развитие страны идет «не туда» – в том смысле, что население нищает, деморализуется и вырождается физически, численность его снижается, здоровье слабеет, интеллектуальный потенциал падает, а преступность не только не снижается, но и, напротив, становится все более злой, агрессивной, беспощадной.

Интенсивно идет заселение России иностранцами, прежде всего, выходцами из Средней Азии, Закавказья, Китая, Вьетнама. Чиновники же всех рангов больше озабочены не проблемами страны, а тем, чтобы, педалируя коррупционный ресурс, подольше удержаться в должностных креслах.

Опуская традиционный для России вопрос о том, кто виноват (для ответа на него пришлось бы дополнительно провести самостоятельное исследование), перейдем непосредственно к столь же традиционному у нас вопросу «что делать?». Что же надо делать в области уголовного права для того, чтобы развернуть губительные тенденции на 180 градусов, то есть сменить их на положительные во всех отношениях тенденции и векторы?

Первое. Сегодня стране нужен новый Уголовный кодекс – кодекс именно XXI века. Старый УК к настоящему времени настолько «поизносился», что более ста законов, изданных за истекшие почти 20 лет в порядке доработки документа, так и не смогли придать ему достаточно современный облик.

Нужна, прежде всего, дальнейшая работа по «переброске» составов наименее опасных деяний (особенно деяний экономического характера) в Кодекс об административных правонарушениях.

Требуется возвращение в уголовно-правовой актив административной преюдиции, на что в свое время обращал внимание законодателя Д.А. Медведев, будучи еще президентом РФ.

Целесообразно хотя бы частично раскрыть бланкетное содержание многих диспозиций, чтобы было понятно, о чем, собственно, в них идет речь, то есть назвать те конкретные правила, нарушение которых чаще всего приводит к указанным в законе опасным последствиям.

Все более актуализируется вопрос о частичной регионализации Особенной части уголовного законодательства (по федеральным округам), как и особенных частей других отраслей законодательства.

Второе. Реформирование милиции в полицию показало, что в реформировании нуждается вся правоохранительная система. Прежде всего, правоохранительная система нуждается в существенном сокращении штатов. Надо уволить из этой системы всех, кто не «тянет», а если и «тянет», то не в ту сторону. Ранее развитие ее шло в таком направлении: больше преступлений – больше правоохранителей, больше правоохранителей – больше преступлений и т.д. Но это путь в никуда.

В любом обществе существует предельное число людей, способных защищать правопорядок. Если выйти за этот предел, то невольно правоохранительные органы захлестнет мутная волна. А зачем содержать на службе людей, от которых больше вреда, чем пользы? Дай бог обеспечить всем необходимым тех, кто на уровне. В настоящее время в правоохранительной системе примерно треть сотрудников, которые либо не справляются со своими обязанностями, либо не справляются с ними и к тому же еще и злоупотребляют предоставленными правами. Остальные две трети работают или по крайней мере могут работать более или менее нормально. Но балласт «давит», а поэтому разрушается и благонадежная часть системы.

Очень важно осуществить *глобальную* реорганизацию правоохранительной системы с тем, чтобы каждая ее структура оптимально дополняла все остальные и была нацелена на отработку соответствующих функций. Для координации профилактической деятельности правоохранительной системы нужен самостоятельный (межведомственный) орган. Только при наличии такого органа, который имел бы и свои территориальные подразделения, возможна достаточно эффективная реализация той масштабной программы профилактики преступности, которая вот уже в течение ряда лет разрабатывается в МВД России¹.

Третье. Необходимо на строго научной основе собирать, публиковать и анализировать статистические данные (разумеется, объективные) о преступлениях, иных правонарушениях, лицах, их совершающих, а также сведения о правоохранитель-

ной деятельности, включая деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

К сожалению, научный подход еще слабо проникает в правоохранительную деятельность. Точно выверенной, взвешенной, хорошо отработанной деятельности по преодолению преступности у нас пока нет. Научные исследования в данной области все еще грешат умозрительными суждениями и даже измышлениями в том числе о том, как было бы хорошо, если бы сотрудникам государство платило больше денег, но при этом меньше вмешивалось в их работу, меньше их опекало, контролировало... За деньги, выделяемые на научные исследования, правоохранительные органы отчитываются обычно пустопорожними текстами, почти наполовину заимствованными из интернет-ресурсов, подобно тому, как это практикуется с некоторых пор даже в «Росатоме»¹.

Наши криминологи, в том числе ведущие, часто апеллируют к данным социологических исследований. В принципе это правильно, но надо и отдавать отчет в том, что люди сегодня основательно устали от ожидания действительно положительных перемен и поэтому их взгляды и высказывания нередко шокируют наших уважаемых социологов. Последние порой совершенно не понимают, почему, например, каждый четвертый россиянин считает, что не следовало разрушать социализм, что приватизация и так называемые свободные цены не были необходимы, почему более половины россиян (60%) хотели бы «отделиться» от Северного Кавказа, а почти сто процентов жителей этого региона – от России².

К большому сожалению, многие юристы-аналитики основываются в своих суждениях и выводах в большей мере не на действительно научных результатах, а на мнениях друг друга. Будучи отгороженными от жизни стенами кабинетов, они обычно обкатывают всяк на свой манер одни и те же мысли, не проникают достаточно глубоко и всесторонне в суть актуальных проблем, а следовательно, не находят нужных решений, ограни-

¹ См.: Куликов В. Не пей, не бойся, не сиди. МВД предлагает масштабную программу профилактики преступности // Российская газета. 2011. 15 августа. С. 1, 3.

¹ См.: Воровство «росатомного» масштаба. Бывший подчиненный Сергея Кириенко скачивал научные материалы из Интернета и выдавал их за свои. Дело тянет на 100 миллионов рублей (редакционный материал) // Понедельник. 2011. № 30. Июль. С. 7.

² См.: Добрынина Е. Назло дефолтам. Институт социологии РАН обнародовал результаты исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян» // Российская газета. 2011. 30 июня. С. 14; Костиков В. Привет с Кавказа. Растет разочарование национальной политикой // Аргументы и факты. 2011. № 30. С. 6.

чиваются формулированием поверхностных положений вроде: преступность действительно серьезная проблема, ее надо изучать в контексте всего происходящего в стране и в мире, надо включать ученых в реальную практику правоохранительной деятельности, освобождая их на определенное время от традиционных трудовых обязанностей (преподавание, написание научных статей, монографий, учебников и т.д.).

Учебный процесс в юридических вузах должен быть подчинен исключительно задаче обеспечения профессиональной подготовки выпускников. Каждая глава каждого учебника по каждой юридической дисциплине должна объяснять студенту, что и как надо делать, если он готовится стать следователем, прокурором, судьей, адвокатом или другим юристом. Вопросы общей культуры, политики, политических и правовых учений, идеологии, философии, религиоведения должны преподаваться студентам по их желанию и, конечно же, всегда на платной основе.

Четвертое. Каждый субъект экономической и иной общественно полезной деятельности должен быть ориентирован на преодоление преступности, а не только на то, как вести себя в криминальных условиях. Например, если в московских аэропортах по-прежнему воруют вещи пассажиров, а на столичных железнодорожных вокзалах продолжают орудовать «таксисты», которые, запугивая пассажиров возможностью террористических актов в метро, увозят их неизвестно куда и грабят, то надо спрашивать с администрации соответствующих транспортных предприятий, почему так происходит.

Уместен здесь и вопрос о том, куда смотрит в таких случаях полиция. А смотрит она довольно часто туда же, куда и преступники, а именно в карманы граждан. Начинать наводить порядок надо со смены руководителей правоохранительных ведомств. Не случайно в народе говорят, что «рыба гниет с головы» и что «новая метла метет лучше».

Пятое. Необходимо возрождать на предприятиях и в учреждениях организованные формы общественного противодействия правоохранительным органам. Это будет способствовать не только укреплению правопорядка, но и предотвращению самосудов, которые совершаются все чаще, в том числе из-за бездействия сотрудников правоохранительных органов.

Настораживающим является, в частности, случай, имевший место в Благовещенске (Амурская область), когда ранее суди-

мый за убийство 38-летний Алексей Жицкий изнасиловал малолетнего ребенка. Преступника полиция задержала, но затем почему-то отпустила. Мать пострадавшей девочки пожаловалась в следственное управление. Следственная группа выехала по адресу преступника, в доме провели обыск, а мужчину попытались увезти. Но разъяренная толпа жителей окружила дом и потребовала выдать задержанного педофила. Следователи закрылись в доме и вызвали на помощь ОМОН. Сотрудникам ОМОНа пришлось шесть часов держать оборону, чтобы толпа, численностью примерно в двести человек, не растерзала преступника. Спасти его от расправы удалось лишь хитростью – переодели в форму сотрудника ОМОНа и все-таки вывели¹.

Конечно, есть и положительные примеры стихийного протеста людей против растущей преступности. Например, одна из девушек в Воронеже отслеживает в Интернете информацию о фактах педофилии и сообщает ее правоохранительным органам², что, конечно же, является, на наш взгляд, весьма важным для дела предупреждения сексуальных преступлений. Другой вопрос, что этим делом могли бы заниматься и сами полицейские. Кстати, судя по публикациям, сотрудники управления «К» МВД России крайне недовольны таким содействием их работе, так как оно якобы «только путает карты» и способно «спугнуть» педофила, лишит правоохранительные органы необходимой доказательственной базы³. С такой позицией согласиться нельзя, поскольку она представляет собой не что иное, как стремление укрыть совершаемые преступления, а заодно и собственное попустительство им от внимательного взора наших образованных и заинтересованных в правопорядке людей, стоящих к тому же на твердой гражданской позиции.

Непрофессиональная работа, конечно же, может сопровождаться и определенными недостатками, в том числе и существенными. Не заслуживают поддержки, например, случаи, когда отдельные молодые люди избивают пьяниц, «наказывают» зуботычинами хулиганов, красят лица наркоторговцам несмываемыми красителями, заманивают преступников в западни и

¹ В Благовещенске толпа пыталась линчевать педофила (редакционный материал) // Понедельник. 2011. № 30. С. 7.

² См.: Вместо полиции педофилов ловит девушка-блогер. 21-летняя Аня Левченко разоблачает в Сети извращенцев и заставляет правоохранительные органы возбуждать против них уголовные дела (редакционный материал) // Комсомольская правда. 2011. 7–14 июня. С. 10.

³ Там же.

учиняют над ними расправу, наносят на стенах домов надписи, порицающие пьянство, наркоманию, преступность и т.д. Но все это просто результат непростительного бездействия со стороны правоохранителей.

В Богородске (Нижегородская область) 16-летние подростки на соответствующем сайте знакомств предлагали извращенцам-педофилам свои услуги, а затем приходили и грабили их. После завершения «акции» мстители связывали извращенцев, а сами быстро ретировались. Пострадавшие в полицию не обращались (на что у виновных и был расчет), так как боялись огласки своих сексуальных пристрастий. Педофилами оказались в основном педагоги, работавшие в разных учебных заведениях г. Нижнего Новгорода.

На суде подростки, которым были назначены наказания в виде лишения свободы на срок от трех до шести с половиной лет, объяснили свои поступки тем, что руководствовались стремлением «очистить общество от сексуальной скверны». Обращает на себя внимание, что все обвиняемые из благополучных семей¹. Отсюда следует, что сам по себе достаток в доме не гарантирует благополучия детей – без надлежащего воспитания в нашем до предела криминализованном обществе они фактически обречены на совершение преступлений.

Шестое. Важно решительно совершенствовать правоохранительную деятельность. В настоящее время полиция все больше осваивает просветительское направление работы, состоящее в ознакомлении граждан с тем, как надо вести себя, чтобы не стать жертвой какого-либо преступления². В частности, женщинам предлагается отбиваться от преступников сумкой, бить их между ног, головой в лицо, кусаться, кричать и т.д. Однако при этом происходит ничем не оправданное ослабление деятельности на направлении раскрытия преступлений, изобличения и привлечения к уголовной ответственности лиц, их совершающих. Бездействие власти или ненадлежащее ее осуществление на данном направлении способно привести к тому, что протестные действия, подобные описанным выше, могут приобретать еще более грубые формы, в том числе в такие, которые время от

времени приходится наблюдать в США, Европе и других регионах мира. Так, 32-летний норвежец Андерс Брейвик (исламофоб и сторонник праворадикальных взглядов), будучи недовольным поведением мусульман, которых в Европе становится все больше, опубликовал в Сети 1500-страничную «политическую декларацию» под названием «2083: Европейская декларация независимости», затем для реализации своих идей совершил взрыв в Осло, а потом, переодевшись в форму полицейского и вооружившись полуавтоматическим пистолетом и винтовкой, открыл огонь на поражение по участникам молодежного лагеря Норвежской рабочей партии на острове Утея. Погибло в общей сложности около восьмидесяти человек.

Обращает на себя внимание, что в своей «декларации» террорист объясняет свое поведение стремлением к тому, чтобы «нефункционирующая демократия масс в Европе» была «заменена управляемой формой демократии наподобие российской». В качестве образца молодежной организации террорист указал российскую организацию «Наши». Из российских политических деятелей А. Брейвик отдал предпочтение В.В. Путину, с которым, наряду с папой римским, ему больше всего хотелось бы познакомиться лично. Трудно судить о позиции папы римского, но что касается В.В. Путина, то, думается, он едва ли пошел бы на «личное знакомство» с изувером. Между тем в «декларации» отмечается легкость приобретения оружия у «русской мафии»¹, что, безусловно, должно быть принято во внимание нашими правоохранительными органами. И если во всем этом, так или иначе, просматривается российский «след», то нельзя исключать, что рано или поздно все это может перекинуться и на нашу собственную почву, столь благоприятную для преступности. Необходимы достаточно эффективные упреждающие меры противодействия любым подобным симптомам.

Седьмое. Одни субъекты Федерации не должны получать преимущества за счет других, так как это входит в противоречие с Конституцией РФ, ч. 1 ст. 5 указывает на равноправие этих субъектов. Есть и другие признаки неравноправия субъектов Федерации. Например, если ч. 1 ст. 59 Основного закона РФ провозглашает, что «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации», то было

¹ См.: Бадин Г. Подростки открыли охоту на учителей-извращенцев // Комсомольская правда. 2010. 22 декабря. С. 5.

² См., например: Архипова А. Жулик ставит на доверие. Сотрудники МВД призывают «семь раз отмерить», прежде чем расставаться со своими деньгами // Российская газета. 2011. 30 июня. С. 19.

¹ См.: Мальцев В. Самодельное взрывное мироустройство. В Норвегии совершено самое жестокое преступление в современной истории // Понедельник. 2011. № 30. Июль. С. 6.

бы совершенно необоснованным освобождать молодых людей, проживающих, скажем, в Чеченской Республике, от армейской службы. Между тем вот уже в течение двух десятилетий ни один чеченец призывного возраста не был удостоен чести защищать Отечество. Причина – «Генштаб не хочет готовить потенциальных боевиков». Здесь явное нарушение равноправия уже не только субъектов Федерации, но и граждан РФ, поскольку одни из них «тянут лямку» армейской службы, а другие отлынивают от этой почетной обязанности. В результате создается натынутость во взаимоотношениях россиян, проживающих в других субъектах Федерации, с представителями северокавказского региона¹. Нередко возникающие здесь конфликты приобретают ярко выраженный криминальный характер.

Восьмое. Нужна общенациональная программа преодоления преступности. Не только МВД России, Генеральная прокуратура РФ, ФСБ и другие правоохранительные структуры должны отвечать за состояние правопорядка в стране, но и все Правительство РФ в целом, все государственные и муниципальные органы, все субъекты экономической и иной деятельности, все общественные организации, все граждане. Дело это должно стать общегосударственным и общенародным. Только тогда появится какой-то просвет в решении проблемы преступности. Нельзя допускать, чтобы Правительство РФ занималось какой-то «партийной работой», формированием каких-то «фронтов», в том числе «народных», включающих сотни предприятий, и в то же время совершенно не интересовалось состоянием правопорядка в стране, не занималось обузданием монстра преступности, не работало на правопорядок. Ведь без стабильного правопорядка невозможно вообще никакое развитие общества, не говоря уже о его цивилизованном, обновляющемся и прогрессивном развитии.

Понятно, что покончить со всей преступностью сразу у государства не хватит ни сил, ни средств, а поэтому ее надо преодолевать по частям. Направление главного удара по преступности – это противодействие, во-первых, наиболее *опасным* преступлениям, включая преступления насильственные, экономические и должностные, во-вторых, наиболее *распространенным* престу-

плениям, включая кражи, мошеннические обманы покупателей товаров и пользователей услуг, посягательства на свободу, третьих, наиболее *криминогенным* преступлениям, в том числе преступным проявлениям мести, зависти, корысти и т.д.

Девятое. Сегодня стало очевидным, что рядовые граждане в вопросах правопорядка не верят власти, считают каждого чиновника коррупционером, а каждого банковского служащего, таможенника, налогового и полицейского – вообще «врагом народа».

Следует признать как абсолютно тупиковую и совершенно нелепую практику сплошного повышения окладов тем категориям правоохранителей, которые постоянно демонстрируют не успехи в работе, а провалы и коррупцию. Это воспринимается как поощрение к дальнейшей бездеятельности и злоупотреблениям, и проблемы только обостряются. В этом деле важен адресный подход, то есть тем категориям работников, которые трудятся активно и в полном соответствии с законом, оклады повышать *надо*, а тем, которые предпочитают работать в прежнем режиме, не только не надо, но и вообще от них следует избавляться. Если принимающие решения ответственные руководители путаются в такого рода вопросах, то они должны советоваться с населением, испытывающим на себе все «плюсы» и «минусы» любого правоохранителя. Люди все видят, все знают, все понимают, и в каждом конкретном случае безошибочно могут сказать, кто чего достоин.

Наконец, *десятое* направление наступления на преступность, осуществляемое с использованием уголовно-правовых средств – это создание вокруг преступности обстановки нетерпимости, организация всех сфер жизнедеятельности с расчетом на недопустимость совершения преступлений, образование достаточно эффективных преград на пути совершения преступлений, обеспечение неотвратимости ответственности и, конечно же, всемерная государственная поддержка классических религиозных канонов, в том числе таких, как «не убий», «не укради» и т.д. Для того чтобы последовательно преодолевать преступность или, во всяком случае, поставить ее в такие рамки, в которых совершение преступлений было бы не только опасным для виновного делом (чреватым его изобличением, привлечением к уголовной ответственности и наказанием), но и крайне затруднительным.

Однако все это не будет иметь успеха, если постоянно не осуществлять широкомасштабные социальные программы. Если человек, несмотря на непомерный труд, не может обеспечить себе

¹ См.: Куксенкова И. В армию не призвали ни одного чеченца. Генштаб не хочет готовить потенциальных боевиков // Московский комсомолец. 2011. 27 июля – 3 августа. С. 4; За что чеченцев «освободили» от армии? (редакционный материал) // Понедельник. 2011. № 30. С. 17)

хотя бы какой-то минимум материальных и духовных благ, если он не в состоянии нормально накормить, одеть и обуть семью, предоставить ей добротную крышу над головой, порадовать ее полноценным отдыхом, интересным досугом, дать детям образование, лечение, если рядовая бытовая задача превращается для человека в неразрешимую проблему, то он невольно тянется к каким-то упрощенным решениям, в том числе сопряженным с совершением преступлений.

И здесь надо вернуться к провозглашенной некогда еще коммунистами идее (но так до конца и не осуществленной) социальной справедливости. Само словосочетание «социальная справедливость» вот уже в течение более двух десятилетий почти не упоминается в наших официальных документах, если не считать случая, когда оно используется (кстати, совершенно не к месту) в ч. 2 ст. 43 УК РФ: «Наказание, – указывается в этой норме, – применяется в целях восстановления *социальной справедливости* (курсив наш. – П.П.)...». Совершенно очевидно, что в данном случае имеется в виду не что иное, как *справедливость, нарушенная совершенным преступлением*. Не может не быть преступлений, если, например, миллионы фронтовиков, обеспечивших победу нашей страны в Великой Отечественной войне, так и ушли в мир иной, не получив от государства хотя бы какого-то более или менее сносного жилья¹. Показательно, что, по данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН совместно с немецким фондом Ф. Эберта, 72% россиян испытывают желание (34% – часто, а 38% – иногда) лично «перестрелять всех взяточников и спекулянтов»².

Бывает и так, что подобное желание действительно реализуется. Спасаясь от нужды и нищеты, а следовательно, и от перспективы встать на путь совершения преступлений и, следовательно, с высокой вероятностью оказаться в местах лишения свободы, миллионы россиян все чаще покидают страну³, что в

условиях и без того трудной демографической ситуации чревато превращением ее если не в безжизненную пустыню, то в пространство, заселенное людьми из соседних государств – южных, восточных и дальневосточных.

Нарушения трудового законодательства, в том числе связанные с неадекватной оплатой труда работников, включая рабочих, инженеров, учителей, врачей, преподавателей, ученых, артистов, нередко настолько существенны, что это дает основание некоторым аналитикам характеризовать труд большинства россиян как рабский, а их самих как настоящих рабов.

Характерная примета времени: судебные приставы освоили практику трудоустройства должников с мизерной зарплатой непосредственно к кредиторам, и те годами отработывают долги, оставаясь в самом буквальном смысле на положении рабов, причем без всякой надежды на то, что когда-нибудь им удастся вырваться из этого унижающего человеческое достоинство состояния. Причем правительственная пресса подает в своих сообщениях подобную практику как своеобразное ноу-хау, стремясь, по-видимому, распространить ее повсеместно¹. Понятно, что ни к чему хорошему она не приведет.

Между тем многие чиновники не только обеспечили себя всем необходимым, но и, как свидетельствует пресса, продолжают активно использовать неправомерные способы удовлетворения своих материальных потребностей, о чем может свидетельствовать, в частности, тот факт, что в подаваемых декларациях о доходах они обычно забывают указывать сверхдоходы, то есть то, что добыто нечестным путем².

Завершая тему, подчеркнем, что «лоцманская» функция уголовного права проявляется, прежде всего, в том, насколько точно уголовный закон укажет на все то, что подтачивает жизненные силы общества. Уголовно-правовые диспозиции и санкции, как и вся система норм уголовного права, как и их применение, в том числе сопряженное с привлечением виновных в совершении преступлений лиц к уголовной ответственности и наказанием их, есть лишь малая часть того огромного дела, которое должно делаться для

¹ Десятки тысяч из числа еще живущих фронтовиков мыкаются без такого жилья (см.: Невинная И. Почему 50 тысяч участников войны остаются в очереди на жилье? // Российская газета. 2011. 7 июля. С. 4).

² См.: Дашь госкапитализм? (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2011. № 26. С. 10.

³ В 90-е годы прошлого столетия страну покинуло более одного миллиона человек; еще примерно столько – за первые семь лет стабильных нулевых, а в оставшиеся три года нулевых – еще один миллион 250 тысяч. Согласно опросу «Левада-Центр», 50% наших соотечественников намерены уехать за рубеж, причем две трети из них это люди до 35 лет. 63% россиян хотели бы, чтобы их дети учились и работали за рубежом. Для сравнения укажем, что после совершенного большевиками в октябре 1917 года переворота из страны уехало два миллиона человек (см.: Дымарский В. Мы едем, едем, едем // Российская газета. 2011. 7 июля. С. 3).

¹ См.: Агеева З. Трудоустроили за долги. Судебные приставы Республики Коми трудоустроили должника, чтобы забирать часть его зарплаты // Российская газета. 2011. 11 августа. С. 13.

² См., например: Федосов А. Жирятинская власть. Если наказать всех чиновников, указавших в декларациях о доходах недостоверные сведения, некому будет управлять районом // Российская газета. 2011. 7 июля. С. 1, 6.

борьбы с преступностью. Поэтому уголовное право выполняет не только «лоцманскую» (поисковую, разведывательную, ориентирующую), но и *мобилизующую* функцию, то есть функцию, в основе которой организация, сосредоточение, объединение всех сил общества для целей преодоления преступности.

7.4. Уголовное право как система координат и как фактор координации права и правовой науки

Многолетние исследования в области уголовного права и пограничных с ним отраслей юридического научного знания закономерно приводят к выводам о том, что уголовное право – это не просто отрасль права, пусть даже фундаментальная, и не просто главная его публичная отрасль, а такая его отрасль, которая устанавливает *основные* правила жизни людей. Не случайно, что из десяти заповедей Моисея по меньшей мере три («не убивай», «не кради», «не произноси ложного свидетельства...») были во все времена (и являются, конечно же, сейчас) сущностью уголовного права любого государства. Именно поэтому кажется убедительным представление о происхождении словосочетания «уголовное право» от слов «главное», «головное», «угловое» («краеугольное»).

Впрочем, безотносительно к особенностям происхождения уголовно-правовой терминологии понятно, что если люди будут безнаказанно убивать и обворовывать друг друга, да еще стремиться при этом упечь друг друга за решетку, то все иные вопросы отпадут сами собой, так как не будет самой жизни, поскольку неизбежная в этом случае «война всех против всех» завершилась бы всеобщей гибелью. Поэтому мы не просто отдаем дань уважения уголовному праву, но и видим в нем судьбоносное для людей решение.

Более того, выполняя свою главную задачу (оберегать людей от преступлений), уголовное право подчиняет ей и все другие отрасли права, а следовательно, выполняет по отношению к ним не только определенные ориентирующие, но и системообразующие функции. Ориентирующие функции уголовного права выражаются, в частности, в том, что оно ориентирует все другие отрасли права на охрану тех же ценностей, которые охраняются и им от преступлений, а системообразующие – в том, что оно в

значительной мере формирует остальную правовую материю, а также управленческий механизм и научные основы реализации данной материи.

Но обо всем по порядку. Ориентирующие и системообразующие функции уголовного права целесообразно рассмотреть в рамках концепции уголовно-правовых «координат» и координационного воздействия уголовного права на правовую действительность.

1. Правовые «координаты» и координационное воздействие в праве (на примере конституционного права)

Каждая отрасль права устанавливает свою систему «координат» и выполняет свои координационные задачи. Например, конституционное право, представляя собой своеобразную вершину пирамиды правовой системы и являясь в то же время ее неотъемлемой составной частью, концентрированным ее выражением, устанавливает основы конституционного строя государства, права и свободы человека и гражданина, структуру государственной власти, управления, правосудия.

Наряду с этим, конституционное право определяет политическую, экономическую и социальную конфигурацию в стране, формулирует идеи правового государства и гражданского общества, декларирует культурные и другие ценностные ориентиры созидательного, цивилизованного развития. Все это настолько важно, что, наверное, можно сказать: конституционное право определяет саму судьбу страны, в том числе ее предназначение, международный престиж, грядущие достижения.

Суть же координационной функции конституционного права заключается, как мы полагаем, в том, что оно, представляя собой базу для всей системы права, организует форму и содержание данной системы, определяет ее задачи, направления, принципы функционирования. Так, в ст. 71 Конституции Российской Федерации говорится о таких полномочиях федерального центра, как: регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, установление системы органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности, формирование федеральных органов государственной власти; установление основ федеральной политики и федеральной программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития России; установление правовых основ единого рынка; финансовое,

валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики, внешняя политика и международные отношения РФ, международные договоры РФ.

В соответствии со ст. 72 Конституции РФ в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации находятся, в частности, такие полномочия, как природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, особо охраняемые природные территории, охрана памятников истории и культуры, координация вопросов здравоохранения, защита семьи, материнства, отцовства и детства, социальная защита, включая социальное обеспечение, установление общих принципов налогообложения и сборов в РФ, административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды.

В п. «о» ст. 71 Конституции РФ особый акцент делается на таких отраслях законодательства, как уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, гражданское, гражданско-процессуальное, арбитражно-процессуальное законодательство, относящихся к ведению Российской Федерации. Обращает на себя внимание, что уголовное право в ряду перечисленных отраслей названо первым. Это, как мы полагаем, говорит о многом, и прежде всего о том, что именно в нем, в уголовном праве, – главная правовая сила государства, ее приоритетная ориентированность на охрану правопорядка от *преступлений*. Крайне высокая опасность последних закономерно вынуждает государство декларировать (хотя и косвенным образом) такие предпочтения, как принципиальная недопустимость преступлений, их абсолютная запрещенность и законная и справедливая наказуемость.

2. Концепция «координат» уголовного права

Основные «координаты» уголовного права – это, *во-первых*, ценности (блага, интересы), взятые под охрану путем криминализации посягательств на них, *во-вторых*, система самой этой криминализации, включающая совокупность преступлений, отраженных в диспозициях статей (частей статей) Особенной части УК РФ и, *в-третьих*, система мер реагирования на деяния, посягающие на вышеуказанные ценности (блага, интересы), то есть система пенализации (установления наказуемости) таких посягательств, включающая совокупность наказаний, отраженных в санкциях статей (частей статей) Особенной части УК РФ.

Обозначая важнейшие ценности (блага, интересы) в качестве объектов охраны, уголовное право тем самым устанавливает охранительные ориентиры и для других отраслей права, каждая из которых, используя свои специфические средства, охраняет *эти же* ценности, но уже не только от преступлений, но и от иных правонарушений. Иные (помимо уголовного права) отрасли права охраняют от преступлений обозначенные уголовным правом *сигнальным* образом, то есть путем, условно говоря, «вызова полицейского». Установив, что правонарушение «не его», административное, гражданское, финансовое, таможенное или иное право собственными средствами передает обязанности реагирования уголовному праву, которое и разбирается с совершенным преступлением по существу.

Наряду с этим уголовное право, строго регламентируя вопросы преступности и наказуемости деяний, создает необходимые ориентиры и для соответствующей работы в сфере иных отраслей права в отношении правонарушений, которые посягают на те же ценности, что и преступления, но не причиняют им существенного ущерба и не создают угрозы причинения такого ущерба. В данной связи системы Особенных частей иных (помимо уголовного права) отраслей права целесообразно привести в соответствие с Особенной частью уголовного права.

Важный смысл установления основных «координат» уголовного права заключается в том, что четкое представление о них позволяет своевременно вносить необходимые уточнения в системы важнейших *криминализационных* и *пенализационных* «точек», «вилок», «допусков» – соответственно в *диспозициях* и *санкциях* статей (частей статей) Особенной части УК РФ.

Кроме того, надо иметь в виду, что устанавливаемая уголовным правом в отношении преступлений система сдержек и противовесов настолько важна, сложна и многообразна, что требует постоянного аналитического внимания. И здесь рассматриваемые «координаты» оказывают неоценимую пользу, ибо они не позволяют законодателю сбиться с курса, зайти слишком далеко в наращивании противопреступной силы или, напротив, проявить излишнюю осторожность, неизбежно ведущую к попустительству преступлениям и даже к косвенному покровительству им. Произвол и беспредел преступности не может быть остановлен ни миндальничанием с преступниками, ни произволом и беспределом в отношении них силовых структур государства.

Систему «координат» уголовного права графически можно изобразить, например, так (см. рис. 1).

Из приведенного рисунка видно, что чем важнее охраняемые уголовным законом ценности (блага, интересы), тем более опасными признаются законом посягательства на них, а следовательно, и наказания за них предусмотрены более строгие.

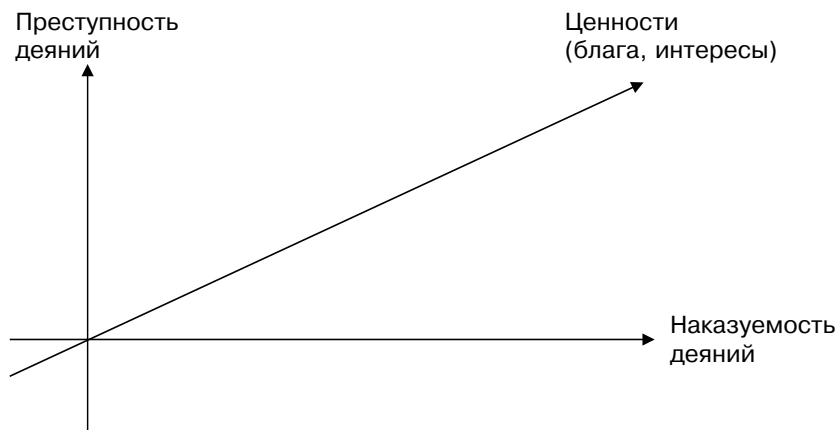

Рис. 1. Система «координат» уголовного права

3. «Координаты» уголовного права

Объекты, взятые уголовным правом под охрану. Уголовное право охраняет около ста объектов, отраженных в названиях разделов и глав, а в отдельных случаях и в названиях и (или) содержании отдельных статей Особенной части Уголовного кодекса РФ. Иерархия этих объектов выстроена в УК РФ, к сожалению, далеко не идеально, что требует, на наш взгляд, соответствующего исследовательского внимания.

Во-первых, интересы человечества «загнаны» в конец Особенной части Уголовного кодекса, что представляется крайне неверным и даже опасным, так как если интересы всего человечества ценятся у нас в наименьшей мере, то как же мы можем должным образом охранять остальные ценности жизни? Ясно, что место главы о преступлениях против человечества в Особенной части Уголовного кодекса в начале.

Во-вторых, следует поменять местами разделы VIII и IX Особенной части УК РФ, соответственно «Преступления в сфере экономики» и «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Ведь при всей важности борьбы

с кражами, грабежами, незаконным предпринимательством, налоговыми и другими преступлениями, совершаемыми в сфере экономики, борьба с терроризмом, захватом заложников, бандализмом, массовыми беспорядками, наркотизмом и другими преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка, которые в большинстве своем создают весьма серьезную опасность для здоровья населения и даже для жизни людей, тоже не должна ослабляться. Напомним, что только в дорожно-транспортных происшествиях гибнет примерно сто человек ежедневно, а это, как подметил в свое время Президент В.В. Путин в одном из своих посланий Федеральному Собранию РФ, негативно сказывается на самой демографической ситуации в стране. Трудно, если вообще возможно, спорить с тем, что если мы на одну чашу весов положим все материальные ценности, а на другую – здоровье и жизнь людей, то последняя, конечно же, перевесит. По-видимому, нас еще не отпускает прошлое, когда подчас трактор или станок ценился дороже самой жизни.

Необходимо также поменять местами главы 31 и 32 УК РФ «Преступления против правосудия» и «Преступления против порядка управления», так как при всей важности правосудия следует признать, что по отношению ко всем другим ценностям оно играет все же подчиненную роль.

В-третьих, нуждается в «утряске» наполняемость разделов и глав Особенной части УК РФ статьями, а также порядок расположения последних в главах. Например, ст. 321 УК РФ о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, целесообразно переместить из главы о преступлениях против порядка управления (гл. 32) в главу о преступлениях против правосудия (гл. 31), поскольку порядок исполнения наказаний в исправительных учреждениях – это, безусловно, вопрос правосудия. Статьи 322, 322¹ и 323 УК РФ (незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации, организация незаконной миграции, противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации) целесообразно переместить из главы 32 (преступления против порядка управления) в главу 29 (преступления против основ конституционного строя и безопасности государства). Ведь если кто-то произвольно изменяет наши границы, отсекая от территории России, например, Южные Курилы, Приамурье или Северный Кавказ, то здесь дело не в порядке управления, а в территориальной целостности и безопасности государства.

В-четвертых, Уголовный кодекс РФ важно дополнить некоторыми новыми составами преступлений, чтобы восполнить пробелы: например, составом надругательства над государственным гимном Российской Федерации¹.

В-пятых, одновременно следует еще раз продумать вопрос об оптимальных названиях глав и разделов Особенной части УК РФ с тем, чтобы они отчетливее и правильнее выражали охраняемые уголовным законом объекты. Например, раздел X УК РФ («Преступления против государственной власти») предлагается назвать так: «Преступления против государства». В этот же раздел следует, на наш взгляд, включить и главу 34 УК РФ («Преступления против военной службы»), так как вне государства никакая военная служба немыслима, если, разумеется, речь не идет формированиях, осуществляющих боевые операции против федеральных войск на Северном Кавказе.

Предлагаемая нами схема иерархии охраняемых уголовным законом ценностей (объектов) могла бы выглядеть, например, так:

I. Преступления против человечества – действующий раздел 12 (гл. 34) УК РФ;

II. Преступления против человека – действующий раздел 7 УК РФ;

III. Преступления против общества – действующие разделы 8 и 9 УК РФ;

IV. Преступления против государства – действующие разделы 10 и 11 УК РФ.

В первом блоке норм Особенной части УК РФ (преступления против человечества) систему охраняемых ценностей можно было бы выстроить, например, следующим образом:

1) преступления против человечества:

– преступления против мира.

– преступления против безопасности человечества.

Второй блок норм Особенной части УК РФ (преступления против человека) мог быть спроектирован, например, так:

2) преступления против жизни, здоровья и физической свободы человека:

– преступления против жизни и здоровья;

– преступления против физической свободы человека;

3) преступления против чести, достоинства и репутации человека:

– преступления против чести, достоинства и репутации человека в сфере межличностных отношений;

– преступления против чести и достоинства человека в сфере интимных отношений;

4) преступления против семьи и несовершеннолетних:

– преступления против семьи;

– преступления против несовершеннолетних;

5) преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина:

– преступления против личных конституционных прав и свобод человека и гражданина;

– преступления против политических конституционных прав и свобод человека и гражданина;

– преступления против профессиональных конституционных прав и свобод человека и гражданина;

– преступления против социальных конституционных прав и свобод человека и гражданина;

Оптимальной структурой третьего блока Особенной части УК РФ (преступления против общества) была бы, на наш взгляд, такая:

A) преступления против общественной безопасности и общественного порядка:

6) преступления против общественной безопасности:

– преступления против спокойствия населения;

– общие преступления против здоровья населения;

– преступления, ставящие в опасность здоровье населения путем незаконного оборота ядерных материалов, радиоактивных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или (и) взрывных устройств;

– преступления, ставящие в опасность здоровье населения путем незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или (и) их аналогов;

– преступления против общественной нравственности.

7) преступления против общественного порядка:

– преступления против экологического порядка;

– преступления против производственно-технического порядка;

– преступления против транспортного порядка;

¹ Подробнее об этом – ниже.

- преступления против компьютерного порядка.
  - Б) преступления против экономики:
  - 8) преступления против собственности:
    - преступления против собственности на обычное имущество;
    - преступления против собственности на жизненно важное имущество;
    - преступления против собственности на особо ценное имущество;
    - преступления против собственности, совершаемые общеподобающим способом;
  - 9) преступления против экономического порядка:
    - преступления против предпринимательства;
    - преступления предпринимателей;
    - преступления в банковской сфере;
    - преступления, связанные с оборотом денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем;
    - преступления против интересов кредиторов;
    - преступления против конкуренции;
    - преступления, связанные с деньгами, с ценными бумагами и платежными документами;
    - таможенные преступления;
    - валютные преступления;
    - налоговые преступления;
  - 10) преступления против порядка управления в деятельности экономических и иных структур гражданского общества:
    - преступления против организационных основ порядка управления в деятельности экономических и иных структур гражданского общества;
    - преступления против исполнительных основ порядка управления в сфере деятельности экономических и иных структур гражданского общества.
- Наконец, структура четвертого блока норм Особенной части УК РФ (преступления против государства) видится нам такой:
- 11) преступления против безопасности государства:
    - преступления против внешней безопасности государства;
    - преступления против государственной границы Российской Федерации;
    - преступления, выражающиеся в уклонении от прохождения военной и альтернативной гражданской службы;
    - преступления против внутренней безопасности государства;

- преступления против государственной власти и ее представителей;
- преступления против государственного герба, государственного Флага и государственного гимна Российской Федерации;
- 12) преступления против порядка деятельности государственных органов и органов местного самоуправления:
  - преступления, противодействующие должностным лицам;
  - общие преступления должностных лиц;
  - специальные преступления должностных лиц;
- 13) преступления против порядка управления:
  - преступления, противодействующие сотрудникам органов управления;
  - преступления, выражающиеся в самоуправных действиях;
  - преступления, связанные с официальными документами, государственными наградами, штампами, печатями, марками акцизного сбора, специальными марками, знаками соответствия и идентификационными номерами транспортного средства;
- 14) преступления против порядка отправления правосудия:
  - преступления против порядка отправления правосудия, совершаемые путем посягательства на сотрудников органов правосудия;
  - преступления против порядка отправления правосудия, совершаемые сотрудниками органов правосудия;
  - преступления против порядка отправления правосудия, совершаемые свидетелями и иными лицами;
  - преступления против порядка отправления правосудия, совершаемые лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы;
  - иные преступления против порядка отправления правосудия;
- 15) преступления против порядка несения военной службы:
  - преступления против порядка управления в военной службе;
  - преступления против порядка взаимоотношений между военнослужащими;
  - преступления, выражающиеся в уклонении от военной службы;
  - преступления, выражающиеся в нарушении специальных правил военной службы;
  - преступления против военного имущества;
  - преступления, выражающиеся в нарушении правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих;

– преступления, выражающиеся в нарушении правил обращения с боевой техникой.

Уголовный кодекс РФ важно дополнить главой о положениях, касающихся ответственности за преступления, совершенные в военное время и в боевой обстановке, в том числе создаваемой в мирное время, например, в связи с действиями диверсантов, террористов, экстремистов и сепаратистов. Наряду с дополнительными составами типа мародерства, жестокого обращения с мирным населением, с военнопленными, оставления врагу оружия и боевой техники, добровольной сдачи в плен, уклонения от трудовых повинностей, реквизиции и т.п., в новой главе на период военного времени важно обозначить повышенную ответственность, вплоть до смертной казни, и за общеуголовные преступления. Наказания, не связанные с лишением свободы, на период военного времени должны быть отменены, а вместо них должны быть предусмотрены к применению меры, связанные условным осуждением и направлением в воинские формирования или специализированные трудовые формирования. Верхние же пределы лишения свободы должны быть увеличены в полтора-два раза (с учетом особенностей преступлений).

В нынешних весьма сложных экономических условиях особенно важна правовая поддержка приоритетных государственных проектов: например, спортивных сооружений, возводимых в связи с зимними Олимпийскими играми в Сочи в 2014 году или в связи с Чемпионатом мира по футболу в 2018 году, который будет проходить в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Волгограде, Казани, Нижнем Новгороде, Самаре, Саранске, Ростове-на-Дону, Сочи, Екатеринбурге и некоторых других городах, а поэтому уклониться от этой задачи не может ни одна отрасль законодательства, в том числе, разумеется, и законодательство уголовное.

Строго говоря, приоритетные государственные проекты и их эффективная реализация охраняются всей системой норм уголовного законодательства, однако это не исключает необходимости и того, чтобы в некоторых из этих норм содержалось *прямое указание* на такую задачу, особенно если речь идет о *приоритетных* государственных проектах, от которых прямо зависит престиж нашей страны в мире.

Например, ст. 176 УК РФ (незаконное получение кредита), на наш взгляд, было бы целесообразно дополнить частью третьей следующего содержания:

«3. Использование не по прямому назначению государственного или иного целевого кредита, предоставленного на реализацию приоритетного государственного проекта, если это деяние повлекло нарушение порядка или сроков его реализации либо причинило крупный ущерб или иные тяжкие последствия, – ...».

Об использовании не по прямому назначению государственного или иного целевого кредита, предоставленного на реализацию приоритетного государственного проекта речь могла бы идти и в части четвертой ст. 176 УК РФ, которой также предлагается дополнить данную норму.

В примечании к анализируемой статье предлагается дать определение приоритетного государственного проекта как проекта, реализация которого укрепляет престиж Российской Федерации в мире.

Саму ст. 176 УК РФ в любом случае необходимо переименовать, озаглавив ее, например, так: «Незаконное получение или использование кредита». Иначе из названия ст. 176 УК РФ выпадает предусмотренный ею уже сейчас состав незаконного *использования* кредита (государственного целевого).

Весьма важным было бы также дополнить главу 23 УК РФ («Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях») нормами, которые предусматривали бы более строгую ответственность за подкуп и иные злоупотребления полномочиями в сфере реализации приоритетных государственных проектов.

В этом случае ст. 201 УК РФ было бы целесообразным дополнить частью третьей следующего содержания:

«3. Злоупотребление полномочиями, совершенное в сфере реализации приоритетного государственного проекта, если это деяние повлекло нарушение порядка или сроков его реализации либо причинило крупный ущерб или иные тяжкие последствия, – ...».

При таком подходе понадобилось бы и дополнение ст. 204 УК РФ частью пятой такого содержания:

«5. Коммерческий подкуп, совершенный в сфере реализации приоритетного государственного проекта, если это деяние повлекло нарушение порядка или сроков его реализации либо причинило крупный ущерб или иные тяжкие последствия, – ...».

Система криминализации деяний. Отбор деяний для включения их в число преступных, пожалуй, самая трудная задача

законодателя. К сожалению, решает он ее далеко не всегда безупречно. Например, длительное время наше уголовное законодательство содержало такие составы преступлений, как недонесение о преступлениях, антисоветская агитация и пропаганда, спекуляция, частнопредпринимательская деятельность, коммерческое посредничество. Ясно, что соответствующие нормы резко диссонировали с моралью, которая не только разрешала не доносить на товарища, соседа, коллегу, супруга, отца, брата, свата и т.п., но и в целом положительно относилась к такому поведению.

С другой стороны, уголовное право подчас не реагировало (подобное, к сожалению, наблюдается иногда и сейчас) на глубоко аморальные действия, характеризующиеся к тому же значительной опасностью, например, на склонение к самоубийству, вступление в интимные отношения с девушкой с использованием обмана (например, путем обещания жениться), сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, угроза уничтожением или повреждением особо ценного имущества, поставление в опасность заражения венерическим заболеванием, уклонение от лечения ВИЧ-инфекции, уклонение от лечения заболевания наркоманией или токсикоманией, неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии (при отсутствии признаков оставления в опасности), надругательство над государственным гимном Российской Федерации.

В основе криминализации деяний, в частности, следующие критерии: 1) их общественная опасность; 2) их распространенность; 3) осуждение их общественным мнением; 4) неэффективность противодействия им менее строгими мерами, с одной стороны, и достаточно высокая эффективность противодействия им именно уголовно-правовыми мерами – с другой, и, наконец, 5) аморальность деяния.

Разумеется, перечисленные критерии будут работать лишь в том случае, если они достаточно глубоко и всестороннее изучены наукой и официально предложены ею законодателю для положительного решения вопроса о криминализации соответствующего деяния. Для этого научные коллективы должны быть наделены правом законодательной инициативы.

Система пенализации деяний. Меры государственного принуждения, претендующие на роль наказаний, должны быть в

достаточной мере строгими и в то же время способными обеспечивать достижение поставленных перед наказанием целей. Они также должны соответствовать требованиям морали и нравственности, а следовательно, одобряться общественным мнением. Предлагаемые к включению в систему наказаний (и соответственно в санкции) меры государственного принуждения должны рассматриваться как крайнее средство противодействия соответствующим деяниям, то есть они должны предлагаться для этой роли лишь в том случае, когда менее строгие меры (то есть меры, не являющиеся уголовно-правовыми) не могут обеспечить достижение соответствующих правовых целей.

4. Координационная функция уголовного права

Роль уголовного права как «координатора» в сфере права проецируется, во-первых, на отрасли права, образующие (вместе с уголовным правом) правовую основу борьбы с преступностью (уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право и примыкающий к этим отраслям блок иного законодательства), во-вторых, на управленческую основу данной борьбы и, наконец, в-третьих, на научную основу этой борьбы (науки уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, криминология, криминалистика, теория и практика оперативно-розыскной деятельности и др.). Это дает основание для вывода о том, что единая координационная функция уголовного права включает в себя три частные координационные функции, а именно функции координации *правовой, управленческой и научной* основ борьбы с преступностью.

Уголовно-правовая функция координации правовой основы борьбы с преступностью состоит в том, что уголовное законодательство является базой для построения всей системы законодательства, ориентированного на противодействие преступлениям, в том числе уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Оно показывает, с чем (с какими деяниями) надо бороться, чему надо противодействовать. В санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса РФ установлены наказания, которые должны применяться к лицам, совершившим соответствующие преступления, и которые одновременно могут рассматриваться как определенная мера общественной опасности этого преступления, а следовательно, и его государственного порицания, что, конечно же, важно для создания и компоновки всей системы правовой основы борьбы с преступностью.

Таким образом, уголовное законодательство по отношению ко всему остальному законодательству, ориентированному на цели противодействия преступлениям, может рассматриваться в известном смысле как правообразующее. Данное обстоятельство определяет и положение, при котором те или иные изменения и дополнения, вносимые в уголовное законодательство, довольно часто влекут внесение соответствующих изменений во все остальное правоохранительное (противопреступное) законодательство.

Координационная функция уголовного права состоит также в мобилизующем воздействии данной отрасли права на *всю систему права*, а не только на систему собственно противопреступного (противопреступного в узком смысле этого понятия) законодательства. В общем ансамбле правовых норм уголовное право играет роль лишь «первой скрипки». Всю же «музыку» борьбы с преступностью в целом создает *все право, все его отрасли, все его институты и нормы*. Во всяком случае, так должно быть прямым или по крайней мере косвенным образом. Кроме своей «узкопрофессиональной» функции (функции противодействия преступлениям) и функции *организующего* противопреступного воздействия на всю систему права, уголовное право оказывает еще и своего рода общеоздоровляющее воздействие на все сферы жизнедеятельности, подкрепляя тем самым еще раз возможности других отраслей права. Уголовный закон, в отличие, например, от религии, морали, нравственности, не запрещает супружескую измену, оставление семьи, в которой есть дети, невыполнение обещания материальной поддержки и т.п., но, вполне понятно, ничего из этого он не «разрешает». Более того, ко всему этому он относится осуждающее – хотя бы потому, что при определенном развитии подобное поведение может преобразоваться и в поведение преступное.

Уголовно-правовая функция координации управленческой основы борьбы с преступностью. Уголовное законодательство формирует не только правовую основу данной борьбы в ее целостном и завершенном виде, но и ее организационно-деятельностную основу. Это проявляется в том, что в соответствии с системой уголовного законодательства формируется система правоохранительных структур, каждая из которых ориентирована на противодействие соответствующим видам преступлений

– общеуголовным, экономическим, экологическим, должностным, транспортным, компьютерным, таможенным, налоговым, воинским и т.д. Разумеется, это совсем не исключает сотрудничества различных структур. Скорее, напротив, предполагает его. Определенное же разделение труда в деятельности различных структур правоохранительных органов объективно необходимо и осуществляется в том числе на основе уголовного законодательства.

Каждая отдельная правоохранительная структура, занимаясь главным образом своим делом, в случае необходимости легко и просто идет навстречу любой другой такой же (параллельной) структуре (структуре-партнеру) и вместе с ней делает то общее дело, с которым по одиночке не справиться. Для предотвращения эффекта «лебеда, рака и щуки» существуют координирующие (координационные) структуры, которые опять-таки на основе в том числе уголовного законодательства и следуя собственному видению проблемы направляют деятельность правоохранительных органов и их структур в единое русло противодействия преступлениям.

Уголовно-правовая функция координации научной основы борьбы с преступностью. Уголовное право есть не только определенный социальный феномен, не только инструмент управления обществом, не только источник познания; это еще и могучая *составная часть* знаний, именуемая наукой уголовного права. Используя известную классическую терминологию, мы бы назвали уголовное право предметно-осязаемой, в известном смысле овегцествленной государственно-правовой силой научных знаний. Самолет, поднятый в воздух гением науки, сам по себе тоже есть наука, причем, может быть, ее самое полное и завершенное выражение, ее самый весомый и авторитетный аргумент. Даже самые выдающиеся и прекрасно исполненные чертежи есть всего лишь эскиз науки, а не вся наука. Настоящая наука начинается там, где эскиз уже воплощен в металл и в виде легкокрылой серебряной птицы красиво взмывает в воздух, бесследно растворяясь в небесной синеве.

То же самое можно сказать и о праве: оно не только и не столько *мысли о правопорядке*, пусть даже самые умные, удачные и возведенные в закон, сколько сам созданный наукой правопорядок, в котором люди, общество и государство могут быть настоящими партнерами и чувствовать себя весьма комфортно.

Таким образом, уголовное право, помимо собственных научных дел, связанных с теоретическим обслуживанием правопорядка, берет на себя еще и функцию общей теории борьбы с преступностью, поскольку таковой как самостоятельной отрасли правовых знаний пока нет, так как она еще не выделилась в самостоятельную отрасль российского правоведения и весьма слабо представлена в общей теории права, криминологии и тем более в других правовых науках.

Приходится с сожалением констатировать, что общая теория борьбы с преступностью, складывающаяся в рамках концепции уголовной политики вот уже в течение почти двухсот лет, если за точку отсчета брать труды А. Фейербаха (в России – в течение по меньшей мере ста лет: М.П. Чубинский, С.К. Гогель и др.), все еще находится, во-первых, в зачаточном состоянии, а во-вторых, на периферии юридического научного знания. Поэтому координационная нагрузка на науку уголовного права (как науку-координатор всего юридического научного знания о противодействии преступлениям) остается все еще значительной и продолжает возрастать.

7.5. Системность в уголовном праве

Системность права является отражением системности законодательства, но не точным, а спроецированным на правовую деятельность, в том числе на ее политические, экономические, социальные, исторические, международные и другие аспекты.

Что касается системности в уголовном праве, то она понимается нами в двух основных смыслах, а именно, во-первых, в смысле *уголовно-правовой системы* как системы основных концептуальных положений уголовного права (конституционные, морально-нравственные, международно-правовые, исторические, иные его основы, задачи, методы, принципы и др.), а во-вторых, в смысле *системы уголовного права* как системы основных его элементов (частей, звеньев и т.п.).

Системность в уголовном праве в собственном ее значении (в значении системы основных элементов данной отрасли права) проявляется по меньшей мере трояким образом, а именно через *систему*, во-первых, норм и институтов уголовного законодательства, во-вторых, составных частей (элементов) уголовного

права как отрасли права (то есть как явления, более широкого, чем уголовное законодательство) и, в-третьих, составных частей (элементов) уголовного права как науки (как уголовного правоведения).

Принято считать, что система уголовного законодательства включает Общую и Особенную часть. В свою очередь Общая его часть включает три блока норм, а именно нормы о самом уголовном законе, о преступлении и наказании, а Особенная часть – нормы об ответственности за преступления против: а) человека, б) общества, в) государства и г) человечества.

Что касается системы *науки* уголовного права (уголовного правоведения), то, повторяя в основном систему уголовного законодательства, она, помимо прочего (уголовное законодательство, его действие, уголовная политика, лица, подлежащие уголовной ответственности и наказанию, преступления, наказания, практика применения уголовного законодательства, совершенствование данной практики и данного законодательства и т.д.), включает: а) уголовное правоведение, б) исторический опыт и современное состояние российского уголовного законодательства, уголовного права и уголовного правоведения, в) исторический опыт и современное состояние зарубежного и международного уголовного законодательства, права и правоведения.

Уголовный закон играет важную роль в формировании общей системы законодательства, ориентируя и мобилизуя ее на охрану правопорядка от преступлений. Как закон силы, как закон права «казнить и миловать», уголовный закон первым пришел в этот мир и, как видно, последним сойдет с исторической сцены, если этому когда-нибудь вообще будет суждено случиться.

Что может послужить основанием *сужения*, а в дальнейшем, может быть, и сведения к минимуму сферы уголовно-правового реагирования? Вначале, по всей вероятности, канут в Лету насильственные преступления: убийства, умышленные причинения вреда здоровью, побои, истязания, изнасилования, похищения людей, торговля ими, разбойные нападения, бандитизм, террористические акты, захваты заложников и др. Затем сложат с себя преступные «полномочия» так называемые «честные воры» и другие корыстные аферисты: мошенники, фальшивомонетчики, разного рода «черные маклеры» и т.п. Ну а в дальнейшем мало-помалу будут сходиться «на нет» и последние «могикане» криминальной действительности, а именно лица,

совершающие преступления по неосторожности, в том числе такие, как нарушение правил охраны труда, правил безопасного выполнения работ на объектах повышенной опасности, правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и т.п.

Как показал 76-летний (1917–1993 гг.) опыт строительства в нашей стране общества «высшей социальной справедливости», процесс этот, однако, не может происходить «по Ленину», то есть путем «постепенного отмирания эксцессов». Он будет происходить, прежде всего, если так можно выразиться, путем *выжигания* преступности каленым железом уголовного права. Преступность сама по себе никогда не сдаст свои позиции. Какой бы совершенной ни была цивилизация в обозримом будущем (а тем более в будущем необозримом), в ней всегда найдется место какому-нибудь бунтарю-одиночке, в котором в какой-то явно не лучший для него день и час взиграет зов предков и он выйдет «за флажки» норм, вошедших в плоть и кровь остальных людей – норм, ставших для людей такими же привычными, как одежда, душ, уютный дом, теплая постель. Наверное, найдется в том же будущем и место управленцу (распорядителю, руководителю, контролеру и т.п.), подверженному соблазну извлечь из своего привилегированного положения ту или иную дополнительную (сверхдостаточную) выгоду для себя. И подобно тому, как ребенок постепенно отвыкает от того, чтобы трогать рукой горячий чайник, так и тот же бунтарь-одиночка, корыстолюбивый управленец, любой другой подверженный криминальному «вирусу» человек в результате постоянного и достаточно жестокого, но вполне адекватного по строгости и справедливого по сути реагирования на его далеко уже не детские «проказы» и «шалости» будет постепенно (медленно, но неуклонно) избавляться от них.

«Выжигание» преступности «каленым железом» уголовного права, с одной стороны, а с другой – «вылизывание» ее «шершавым языком» культуры и прочих менее жестких средств во многом уже сейчас сделали свое доброе дело. Люди спокойно ходят по улицам (во всяком случае, в светлое время суток), не опасаясь ни ножа в спину, ни выстрела в упор. Но никто не знает сегодня, стало бы такое возможным, если бы в прошлом не колесовали и не четвертовали преступников, не вешали их и не заливали им горло расплавленным свинцом, не топили их в воде, не закапы-

вали живьем в землю, не сжигали заживо и не разрывали на части, привязывая к наклоненным березам, не сажали их на кол, на рвали им ноздри и не отрывали уши, не клеймили их, в конце концов. Анкетные опросы студентов-юристов показывают, что они склоняются к тому мнению, что все эти жестокости были не столько проявлением произвола тогдашней власти, неразборчивой и неумеренной во всем, в том числе и в применяемых к падшим жестокостях, сколько все же суровой необходимостью. Посредством жестокостей человечество буквально вытащило себя из того варварского состояния, в котором пребывало долгие тысячелетия и в котором оно могло остаться и до сих пор, как сохраняются еще кое-где людоедство и прочие атрибуты начального бытия человеческой истории.

Системообразующее значение уголовного закона проявляется через *уголовное право*, представляющее собой право граждан, общества, государства и человечества в целом *на защищенность от преступлений* средствами как самого уголовного закона, так и мобилизованными им для этой цели иными средствами, в том числе средствами (нормами) гражданского, административного, финансового, налогового, трудового и других отраслей права. Например, налоговый инспектор, пресекая неуплату налогов и (или) сборов как налоговое правонарушение, вместе с тем пресекает (часто на корню) и способное развиваться из этого правонарушения *налоговое преступление*, а следовательно, реализует одно из важнейших требований уголовного закона – требование о принципиальной недопустимости совершения преступлений.

Как процесс функционирования уголовного права следует понимать и меры, принимаемые в порядке возмещения причиненного преступлением материального ущерба и компенсации вызванного им морального вреда. К уголовно-правовым мерам (в широком их понимании) следует относить и те меры, которые принимаются по лишению преступника благ, полученных им, например, в результате злоупотребления полномочиями, превышения полномочий, самоуправства и т.п., как равно и меры по лишению, например, взяточдателя благ, полученных им в виде взятки.

Идет ли милиционер по улице, контролирует ли дорожное движение работник ГИБДД, проверяет ли сотрудник ломбарда сдаваемую ему в обеспечение исполнения договора займа вещь (на предмет «не ворованная ли?») – все это есть уголовное право.

Разумеется, в самом широком его понимании. Врач, извлекающий из тела потерпевшего криминальную пулю, борется с преступностью точно так же, как и милиционер, задерживающий вооруженного преступника, пославшего эту пулю в живую цель.

Уголовное право в широком его значении (в широком, но уже с учетом другой пространственной «координаты») включает, наряду с материальным правом (собственно уголовным правом), право уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, уголовно-следственное (правовая регламентация криминалистической деятельности), уголовно-тактическое (правовая регламентация оперативно-розыскной деятельности), уголовно-предупредительное (правовая регламентация криминологической деятельности).

Таким образом, наряду с нормами уголовного закона, уголовное право включает всю систему *иных правовых* норм, применяемых в комплексе и параллельно с ними (нормами уголовного закона) в целях охраны интересов граждан, общества, государства и человечества в целом от преступлений.

Но уголовное право не было бы правом в полном смысле этого слова, если бы оно, помимо широкого спектра норм, не включало, наряду с органами уголовной юстиции, еще и *другие правоохранительные органы, а также всю систему государственных органов и органов местного самоуправления, институты гражданского общества, а также деятельность названных органов, функционирование названных институтов.*

И, конечно же, в «состав» уголовного права входят также *усилия мирового сообщества* по охране мирового правопорядка от преступлений.

Неотъемлемой составной частью уголовного права является и сам охраняемый уголовным законом *правопорядок*, содержанием которого является установленный правом порядок в обществе, государстве и в мире в целом, а если сказать по-иному, то право граждан, общества, государства и человечества в целом на защищенность от преступлений.

Уголовное право как элемент системы управления поведением человека, а следовательно, и общественными процессами (и обществом в целом), безусловно, включает и *охраняемые уголовным законом ценности*. Ночному сторожу не принадлежит охраняемое им имущество, а уголовному праву – «принадлежит». Почему? Да потому, что уголовное право – категория

государственная. Не случайно в п. «о» ст. 71 Конституции РФ уголовное право в числе отраслей права поставлено на *первое место*. Не охраняя соответствующие ценности как свое собственное «добро», уголовное право не может достаточно эффективно выполнять свою историческую миссию – миссию охраны правопорядка от преступлений. Если страна обескровлена экономически, если она деградирует духовно и физически, а за рубеж интенсивно вывозятся последние ресурсы, то для наведения порядка одного «шершавого языка...» явно недостаточно. Здесь нужна хотя и грубая, но спасительная сила уголовного закона, способная все поставить на свои места, включая решение поставленной еще М.В. Ломоносовым задачи «сбережения народа российского».

В целях обеспечения строго ориентированной направленности норм уголовного закона, норм других отраслей права, такой же направленности органов и институтов на охрану правопорядка и на мобилизацию для решения этой задачи всех доступных гражданам, обществу, государству и человечеству в целом сил и средств уголовное право вырабатывает в самом себе *уголовную политику*, представляющую собой как раз тот его ориентирующий и мобилизующий фактор, без которого нет и не может быть никакого права вообще.

Как уже отмечалось, уголовное право охраняет около ста объектов – важнейших ценностей нашей жизни, воплощенных в интересах граждан, общества, государства и человечества. Учитывая системообразующее значение этих объектов, в частности для Особенной части Уголовного кодекса РФ, важно, как можно, точнее определить в них приоритеты, расставить в соответствии с ними необходимые акценты в законодательстве.

Как уже указывалось, на первом месте в Особенной части УК РФ должны быть поставлены интересы всего человечества, на втором – интересы национальной безопасности и общественного порядка, на третьем – интересы отдельных личностей, на четвертом – интересы экономики и, наконец, на пятом – интересы государства. Предложенная «иерархия» ценностей должна отчетливо просматриваться и в других отраслях законодательства, и прежде всего в Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Изучению объектов конкретных видов преступлений должно уделяться в уголовном правоведении более пристальное внима-

ние. Эти объекты надо изучать не только как элементы соответствующих составов преступлений (в смысле указанных в уголовном законе *признаков* ценностей), но и как *сами ценности*, охраняемые уголовным законом, как *объекты уголовно-правовой охраны*.

Специалист уголовно-правовой деятельности считается настоящим профессионалом своего дела не только потому, что хорошо знает нормы уголовного закона, но еще и потому, что является (по крайней мере должен являться) прекрасным знатоком всего того, что находится за «паутиной» этих норм. А там – жизнь. Поэтому уголовное право в противодействии преступлениям не ограничивается наказаниями. За его гигантской, поистине «шварцнегерской» фигурой с мускулистыми бицепсами стройными рядами формируется вся остальная «гвардия» правовых норм, призванная не только держать стойку против ударов преступности, но и активно наступать на нее, преодолевать. Тактика «кто кого» здесь уже не подходит.

Каждая из упомянутых норм по-своему творит правопорядок, придавая ему вместе с тем необходимую антикриминальную устойчивость. Делается это с полным пониманием того, что если *есть* преступления, если общество мирится с условиями допустимости и распространенности преступлений, а попросту говоря, попустительствует, а то и покровительствует им, то оно обречено и исчезает с лица земли с такой же неизбежностью, с какой пустыня поглощает пространства, если рядом нещадно вырубаются леса и ничего не делается для того, чтобы предотвратить беду. Нет и не будет в этом случае никакой положительной перспективы для реализации любых других норм, для осуществления реформ и проектов, включая национальные, для достижения самых замечательных целей.

Поступательное движение общества вперед и вверх остановится, пресечется и медленно, может быть, даже незаметно для невооруженного глаза, станет неуклонно проявляться губительная сила, способная привести не только к очередному государственному перевороту, дефолту или распутищине в органах власти и управления, но и к общему краху страны, то есть к полнейшей ее гибели.

Да и в самом себе уголовное право находит такие резервы, которые выводят данную отрасль права далеко за пределы наших традиционных представлений о ней («тащить и не пущать»,

«попался – в тюрьму...»). Наделяя каждого гражданина правом на активную оборону от преступлений, на активное задержание преступника, уголовное право как бы говорит всем нам: «Поставить полицейского на каждом квадратном метре безбрежного пространства России я не могу, а поэтому там, где в тот или иной момент полицейского не окажется, защищайся сам кто как может...».

Как это ни странно может звучать, но определенную часть забот по борьбе с преступностью уголовное право возлагает и на самих преступников, которые в соответствии с велениями уголовного закона должны прекращать начатые преступления, каяться и сотрудничать со следствием, заслуживая тем самым прощение и милость правосудия. Заунывные хрипы и стоны так называемых блатных песен, написанных песенными поэтами (например, М. Таничем для «Лесоповала»), призванные показать «тонкую и ранимую душу» человека, переступившего черту дозволенного, претендуют на то, чтобы вывести его (этого человека) на путь подлинно духовных ценностей. «Спасение утопающих – дело самих утопающих!» – лозунг не такой уж наивный, если иметь в виду чисто российскую специфику проблемы криминализации и декриминализации нашего населения.

Таким образом, уголовное право – это, может быть, даже не столько сам уголовный закон, не столько преступления и наказания и все, что с этим *непосредственно* связано, сколько сам защищенный данным законом от преступлений *правопорядок*, являющийся неременным условием нормальной жизни людей, обязательным атрибутом оптимального функционирования всех сфер жизнедеятельности.

Итак, какими мы видим перспективы совершенствования системы Общей части уголовного законодательства, то есть перспективы создания ее в таком виде, который позволял бы совершенствоваться самому обществу?

Полагаем, что УК РФ должен начинаться с преамбулы. Она может быть, например, следующего содержания:

«Уголовный кодекс Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права и является главной составной частью непосредственной правовой основы всеобъемлющей государственной и общегражданской деятельности, направленной на вытеснение преступлений и иных правонару-

шений из жизни общества. Все другие входящие в данную основу законы, а также иные законы и подзаконные нормативные правовые акты как акты, создающие в совокупности единый комплекс правовых средств вытеснения преступлений и иных правонарушений из жизни общества, должны соответствовать Уголовному кодексу Российской Федерации».

В случае включения в Уголовный кодекс РФ предложенной преамбулы часть вторую первой статьи Кодекса, указывающую на то, что «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права», предлагается, во избежание дублирования, признать утратившей силу.

Весьма важным было бы дополнить раздел первый УК РФ («Уголовный закон») новой главой (2¹) о толковании и применении уголовного законодательства, а раздел 2 («Преступление») – главами 4¹ и 4², которые содержали бы положения соответственно об объекте и объективной стороне преступления.

Требуется определить в УК РФ и понятие самого состава преступления.

Желательно включить в перечень принципов уголовного законодательства принцип неотвратимости ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления, шире обозначить в Общей части УК РФ особенности уголовной ответственности и наказания женщин, предусмотреть в отношении их (как и в отношении некоторых других категорий лиц) возможность применения взамен наказания иных уголовно-правовых мер, в том числе таких, как предупреждение, профилактическая беседа, возложение обязанностей, способствующих исправлению виновной.

Система Особенной части уголовного законодательства должна быть, как мы полагаем, дополнена сведениями об основаниях (критериях) криминализации и пенализации деяний, особенностях различных видов диспозиций и санкций, о системе квалифицирующих признаков составов преступлений, об общих и специальных правилах квалификации преступлений, общих и специальных правилах назначения наказаний, в том числе за отдельные виды, группы и категории преступлений.

С учетом того, что свыше одной трети статей Особенной части УК РФ не применяется (или почти не применяется), необходимо глубоко и всесторонне вникнуть в суть этой проблемы, иссле-

довать причины такого состояния. Если та или иная норма не применяется потому, что соответствующее деяние *не совершается*, – это одно, но если она не применяется по другой причине (например, по причине неповоротливости правоохранительных органов, непрофессионализма сотрудников этих органов, объективных трудностей по установлению событий преступлений или потому, что низка сама «ухватистость» нормы – в силу несовершенства последней), то это – совсем другое.

Редкое применение нормы по причине отсутствия для нее работы (нет достаточно широкой распространенности соответствующего деяния) может свидетельствовать о целесообразности исключения ее из системы законодательства (признания ее утратившей силу). Но такая целесообразность создается обозначенной ситуацией не всегда. Например, сравнительно редкое применение статей Уголовного кодекса РФ о таких нечасто совершаемых преступлениях, как убийство и умышленное причинение вреда здоровью (тяжкого или средней тяжести) *при превышении пределов необходимой обороны и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление*, доведение до самоубийства, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, незаконное помещение в психиатрический стационар, воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий, воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в нем, подмена ребенка, совсем не означает, что названные деяния следует декриминализовать. Зло должно быть обозначено в законе как зло даже в том случае, если оно проявляется в реальной действительности не часто, но все же довольно выразительно и вызывающим образом.

Если же норма применяется редко по причине неповоротливости правоохранительных органов, низкого уровня профессионализма сотрудников этих органов (сказанное относится, например, к статьям УК РФ о заражении венерической болезнью, заражении ВИЧ-инфекцией, незаконном производстве аборта, неказании помощи больному, использовании рабского труда, понуждении к действиям сексуального характера, нарушении равенства прав и свобод человека и гражданина, нарушении неприкосновенности частной жизни, необоснованном отказе в приеме на работу или необоснованном увольнении беременной

женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, воспрепятствовании законной предпринимательской или иной деятельности), то здесь должна активнее проявить себя *побуждающая сила уголовной политики*.

Нечастое применение норм по причине объективных трудностей установления событий соответствующих преступлений (например, в случае совершения таких преступлений, как незаконное усыновление (удочерение), регистрация незаконных сделок с землей, незаконная банковская деятельность, недопущение, ограничение или устранение конкуренции, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней, фиктивное банкротство, злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами, превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб, незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью, недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями) однозначно требует повышения уровня профессионализма сотрудников правоохранительной системы.

Если же норма редко применяется по причине ее несовершенства, то она должна быть соответствующим образом скорректирована. Это касается, например, статей УК РФ об ответственности за присвоение полномочий должностного лица, незаконное участие в предпринимательской деятельности, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, незаконное освобождение от уголовной ответственности, незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, провокацию взятки или коммерческого подкупа, противоправное изменение государственной границы Российской Федерации.

Почти не применяются нормы об ответственности за государственную измену, шпионаж, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, воору-

женный мятеж, диверсию, разглашение государственной тайны, утрату документов, содержащих государственную тайну, преступления против мира и безопасности человечества, но исключать их из УК РФ, конечно же, не следует, так как они криминализуют хотя и редко совершаемые, но весьма опасные деяния.

Количество внесенных за последнее десятилетие в Уголовный кодекс РФ изменений настолько велико (около трех тысяч), что это придало ему в итоге совершенно новое качество (состояние), требующее соответствующего официального оформления, то есть принятия, на наш взгляд, *новой редакции* Кодекса.

Работу по составлению проекта нового Уголовного кодекса РФ важно проводить без спешки, тщательно прорабатывая каждый аспект данной задачи. Возможно, завершить эту работу придется только после того, как будет принята новая Конституция РФ, призванная закрепить сложившиеся на сегодняшний день реалии, включая вставшие в настоящее время перед страной новые задачи, в том числе в области права.

Сначала следует сделать и работу по обновлению гражданского, семейного, финансового, аграрного, земельного, экологического и иного законодательства данного ряда.

В завершение настоящего параграфа сформулируем свое представление об уголовном праве как об отрасли права. В нашей интерпретации уголовное право как отрасль должно трактоваться как система правовых норм и основанной на них правовой деятельности, регулирующая общественные отношения, связанные с совершением преступлений (правоохранительные, организационные, информационные, иные), путем законодательного установления и практического осуществления *преступности* и *наказуемости* общественно опасных деяний для решения задач:

а) охраны правопорядка от преступлений;

б) противодействия преступлениям – противодействия, осуществляемого посредством наказаний, применяемых наряду и в сочетании с иными правовыми мерами;

в) информирования граждан о ситуации, складывающейся в данной сфере в целях удержания неустойчивых в морально-нравственном отношении лиц от совершения преступлений.

Таким образом, уголовное право регулирует общественные отношения, связанные с совершением преступлений (правоох-

ранительные, организационные, информационные, иные), выполняя тем самым регулирующую функцию. А так как регулируемые уголовным правом общественные отношения (связанные с совершением преступлений) различны (правоохранные, организационные, информационные, иные), то общая регулирующая функция уголовного права проявляется в соответствующих подфункциях.

Правоохранные отношения – отношения, регулируемые *путем* установления преступности и наказуемости общественно опасных деяний, организационные – отношения, регулируемые *путем* организации противодействия преступлениям (противодействия, осуществляемого в свою очередь посредством использования наказаний, применяемых наряду и в сочетании с иными правовыми мерами), информационные – отношения, регулируемые путем информирования граждан о ситуации, складывающейся в данной сфере, в целях удержания неустойчивых в морально-нравственном отношении лиц от совершения преступлений.

Правовое государство, конечно же, *обязано* информировать граждан о ситуации, складывающейся в рассматриваемой сфере, и не только потому, что оно должно стремиться таким способом удерживать неустойчивых в морально-нравственном отношении лиц от совершения преступлений, но еще и потому, что не может позволить себе, чтобы в глазах граждан восприниматься как учреждение, таящее в отношении их какое-то «секретное» оружие («зловещее», «недоброе», «особо разящее» и т.п.), о котором в народе могут сказать – «камень за пазухой». Или, может быть, в каких-то случаях – «кукиш в кармане».

7.6. Системность в уголовном законодательстве

Уголовное законодательство в результате многовекового развития сформировалось в стройную систему, включающую две основные системы более низкого уровня (подсистемы), а именно: 1) систему норм Общей части уголовного законодательства, состоящую, как известно, из трех классических ее разделов – «Уголовный закон», «Преступление» и «Наказание» и 2) систему норм Особенной части данного законодательства, состоящую из четырех разделов о преступлениях соответственно против лич-

ности, общества, государства и человечества. Можно ли считать такую систему уголовного законодательства в достаточной мере полной и завершенной? Полагаем, что нет. Почему? Да потому, что она не включает в себя (по крайней мере отдельным блоком) нормы о *реализации* уголовного законодательства, то есть о его соблюдении, использовании и применении.

Сегодня уголовный закон ничего не говорит о том, что должны делать, в частности, правоохранные органы для того, чтобы он соблюдался, чтобы при необходимости использовались его дозволения, чтобы правоохранные органы в соответствующих случаях должным образом его применяли. И это большой резерв для совершенствования уголовного закона.

Понятно, что многие базовые нормы уголовного законодательства *сопровождаются* нормами, указывающими на то, как они (базовые нормы) должны реализовываться. Это касается, например, норм, указывающих на принципы уголовного закона, на действие его во времени и в пространстве, назначение наказания, на освобождение от уголовной ответственности и наказание, на применение иных мер уголовно-правового характера.

Многие статьи Особенной части Уголовного кодекса сопровождаются примечаниями, разъясняющими смысл этих статей, суть содержащихся в них положений, а также примечаниями, указывающими на условия, основания, критерии и порядок их применения (или, напротив, неприменения).

Однако такого рода *локальные* нормы (нормы, указывающие на направления реализации базовых норм – «*норм-реализаторов*») не решают проблемы в целом. Поэтому существующие в них пробелы стремится по возможности устранить Пленум Верховного Суда РФ путем издания постановлений по различным вопросам реализации тех или иных конкретных норм уголовного закона. Однако пока эта работа имеет избирательный, бессистемный и, конечно же, далеко не полный характер. А главное здесь то, что содержащиеся в названных постановлениях положения нередко *подменяют* уголовный закон, образуя свое так называемое «судебное» уголовное законодательство», основывающееся во многом на прецеденте, аналогии и, если позволительно, обычном затыкании дыр.

В результате уголовно-правовую практику довольно часто, кидает из стороны в сторону. «Занос» ее то в обвинительный, то в оправдательный уклон становится скорее правилом, чем

исключением из него. В силу этого совершаемые преступления не получают адекватного уголовно-правового реагирования, и проблема преступности остается весьма острой. Правопорядок непрочен, нестабилен, реформы не идут, права и законные интересы граждан держатся, скорее, на «честном слове» чиновника, чем на законе и правосудии.

В сложившихся условиях уголовный закон нередко вообще применяется не по адресу и даже порой используется как средство разрешения межличностных конфликтов, что создает дополнительные проблемы. Известно, как остра и опасна проблема коррупции в нашей стране, но порой в силу манипулирования уголовным законом, например по тем же межличностным мотивам, в разряд коррупционеров попадают и люди, не являющиеся таковыми.

Вот один из конкретных примеров подобного рода. Министр финансов Республики Алтай С. Гашкина осуждена за передачу заместителю начальника следственного изолятора № 1 УФСИН по Республике Алтай В. Куриленко бутылки коньяка и плитки шоколада за разрешение встретиться с находящимся в изоляторе ее племянником Е. Мецкером, проходящим по какому-то делу в качестве обвиняемого¹. Но совершенно очевидно, что в данном случае могли сработать далеко не правовые, а совершенно иные факторы, например, недовольство начальника СИЗО столь мизерной «мздой» (министр финансов – и только бутылка коньяка и плитка шоколада), провокация с его стороны в связи с какой-то личной неприязнью или, что вероятнее всего, стремление кого-то в Республике Алтай освободиться от неугодного министра, а заодно и отчитаться за проделанную работу – разоблачение коррупционера высокого должностного ранга.

Все это понятно, но абсолютно неясно, почему с такой помпой и даже, можно сказать, с некоторым восторгом (вот, мол, какое достижение – «вдарили по коньяку...») подает данный мизерный по своей сути случай наша правительственная пресса. Само собой возникает вопрос о том, а нет ли здесь намерения использовать данный факт для раскрутки в дальнейшем маховика уголовно-правовой репрессии по малозначительным поводам, что, как известно, уже наблюдалось нашей истории – например, по делам «о колосках» («хлеб»), «об электролампочках» («освети-

тельные приборы»), «катушках ниток» («двести метров пошивочного материала») и т.п. Не хотелось, чтобы власть, снова наступая на одни и те же грабли, вновь демонстрировала нам свой далеко не лучший репрессивный облик. Тем более, что хорошо известно, чем все это обычно заканчивается. Скомпрометировавшая себя таким образом власть рано или поздно уходит, а на ее место приходит новая.

Так или иначе, но на фоне довольно часто прокручиваемых у нас многомиллионных коррупционных схем, которые, как правило, вообще остаются вне досягаемости правоохранительных органов, «дело С. Гашкиной» выглядит не стоящим даже выеденного яйца.

Бутылка коньяка и плитка шоколада (заметим, даже не ящик коньяка и не корзина конфет) – это тот минимум сопровождающего «церемониала», без которого, как правило, не обходятся встречи с лицами, принимающими интересующие людей решения. Если, конечно, просящий не желает прослыть в глазах осведомленных людей «последним скрягой», «сквальгой». И тем не менее эта женщина, министр финансов Республики Алтай, теперь, похоже, навечно оказалась пригвожденной нашим уголовным правосудием к позорному столбу «взятничества и коррупции». То есть теперь она, по существу, в течение оставшейся жизни не сможет подняться даже по уже пройденной служебной лестнице.

Приведенный пример – наглядное свидетельство того, что наше нынешнее уголовное право пока еще остается во многом архаичным, несовременным, зацикленным на «мелочевке», даже в какой-то мере инквизиционным. Беда заключается также в том, что наше уголовное право в значительной своей части основывается еще на представлениях о *разумности правоприменителя, его здравомыслии, добросовестности, порядочности, честности и т.д.*, а тут такой «перегиб и парадокс». И это притом, что уголовное право все еще оставляет весьма широкие пределы для свободного усмотрения, в рамках которого его избыточная строгость вполне могла бы компенсироваться необязательностью его исполнения. Но так уж устроены правоприменительные механизмы, что отклоняющееся правоприменение обусловлено не принципом гуманизма, а произволом правоприменителя, что обычно приводит к тому, что линия законности в сфере противодействия преступлениям представляет собой не четкую пря-

¹ См.: Кузнецова Т. Вдарили по коньяку. Суд наказал министра финансов за дачу взятки // Российская газета. 2012. 19 апреля. С. 10.

мую, а весьма замысловатую кривую. «Линией партии» называли люди в бытность КПСС подобные «кренделя», выписываемые тогдашним правосудием. «Линией тандема» склонно именовать уже нынешнее поколение острословов такую, с позволения сказать, «практику».

История, как видим, повторяется. И трагедия здесь может выразиться в том, что страна вообще может лишиться правосудия как самостоятельной ветви власти, регулирующей в том числе взаимоотношения между известными двумя другими ее ветвями.

Почему так получается? Конечно же, не только и не столько потому, что правоприменитель «плохой», а потому, что он, как правило, и не может быть «хорошим», если «плохим» является сам уголовный закон. Во всяком случае, в настоящее время в нашей стране нет достаточного числа юристов, которые, подобно известному А.Ф. Кони, могли бы так вести дела, чтобы выносились оправдательные приговоры даже таким экстремистам, как Вера Засулич, которая, как известно, в 1878 году стреляла в градоначальника Санкт-Петербурга Ф.Ф. Трепова за то, что тот отдал приказ высечь розгами политзаключенного.

Чрезмерно широкие диапазоны для свободного усмотрения правоприменителя приводят к тому, что обвинительный и оправдательный уклоны по-прежнему остаются, к великому сожалению, обычными явлениями нашей непростой уголовно-правовой действительности. Но дело здесь заключается не только в широком диапазоне санкций, не только в весьма просторных «допусках» и «припусках» в нормах о смягчении или усилении наказания, но и в отсутствии в уголовном законе достаточно отчетливых указаний на то, как он сам должен *реализовываться*, в том числе *применяться*, если, конечно, речь не идет об отдельных локальных положениях типа действия закона во времени и в пространстве, назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности или наказания либо о недопустимости применения уголовного закона по аналогии¹. Важно также предусмотреть в уголовном законе положения о действии его норм в отношении совершаемых преступлений – например, о составе и квалификации преступлений.

¹ Между тем нельзя не заметить, что, например, положение уголовного закона о недопустимости применения его по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ), призванное быть одним из ярких примеров «абсолютной истины» в уголовном праве, рушится, как только мы пытаемся глубже уяснить его подлинную суть. На самом деле без применения уголовного закона по аналогии в уголовном праве невозможно ступить и шагу, особенно если речь идет о применении норм его Общей части.

Все это дает основания для вывода о том, что настала пора дополнить Уголовный кодекс *третьей* его частью (наряду с двумя уже имеющимися – Общей и Особенной), которая называлась бы *Реализующей* частью, то есть такой, в которой содержались бы положения именно о *реализации* норм уголовного законодательства.

В самом начале Реализующей части УК важно определить *понятие* реализации уголовного законодательства как осуществления содержащихся в его нормах требований относительно их соблюдения, использования и применения.

Затем в этой части УК должны быть приведены сведения об *основаниях* и *формах* реализации уголовно-правовых норм, о *видах* данных норм (декларативных, определительных, разъяснительных, стимулирующих, уточняющих, конкретизирующих, запрещающих, предупреждающих и т.д.), а также о *правоотношениях*, в рамках которых эти нормы должны реализовываться.

Важно здесь также раскрыть *понятие толкования* (комментирования, трактовки, интерпретации) норм уголовного законодательства, имея в виду, что, например, *толкование* этих норм производится *субъектами их соблюдения, комментирования – субъектами их применения, трактовка – субъектами преподавания уголовного права в учебных заведениях, а интерпретация – субъектами аналитической деятельности в области уголовного права*.

В Реализующей части УК необходимо дать определение *основных видов толкования* (комментирования, трактовки, интерпретации) уголовно-правовых норм, в том числе *их видов, различающихся по субъекту* (кто толкует), *объекту* (что толкуется) и *способу* (как толкуется).

Целесообразно закрепить в третьей (Реализующей) части УК требования относительно такой формы реализации уголовного закона, как его *применение*, обратив при этом внимание на необходимость учета в правоприменении *принципов* уголовного законодательства как реально действующих основных правил. Следует указать на *недопустимость отклонения правоприменения от линии законности* в сторону как обвинительного, так и оправдательного уклона.

В центре внимания третьей (Реализующей) части УК должны быть требования относительно таких форм применения уголовного закона, как *установление* и *квалификация* уголов-

но-правовых ситуаций. В числе уголовно-правовых ситуаций, подлежащих *установлению и квалификации*, важно указать, в частности, на ситуации, связанные с *пределами действия уголовного закона во времени и в пространстве, общим понятием преступления, категориями преступлений, совокупностью и рецидивом преступлений, субъектами уголовной ответственности, виной, мотивом, целью преступления, особым эмоциональным состоянием виновного лица в момент совершения им преступления, неоконченным преступлением, добровольным отказом от преступления, соучастием в преступлении, обстоятельствами, исключающими преступность деяния.*

В Реализующую часть УК отдельным разделом должны быть, как мы полагаем, включены положения об *установлении и квалификации* события преступления как о главных этапах применения уголовного закона, предшествующих *установлению обстоятельств, имеющих значение для назначения наказания, назначению наказания, исполнению правоограничений, связанных с судимостью и административным надзором* (если такой надзор установлен).

Значительное внимание в Реализующей части УК должно быть уделено *общим и специальным правилам квалификации преступлений, учету при квалификации преступлений конструктивных и квалифицирующих признаков составов преступлений, разрешению вопросов, связанных с конкуренцией норм, необходимостью учета в соответствующих случаях норм других отраслей законодательства, а также норм Конституции, общепризнанных принципов и норм международного права, норм подзаконных нормативных правовых актов, норм морали и нравственности, специальных знаний, в том числе экономических, политических, социальных, этических, филологических, технических, экологических, медицинских и (или) других.* Понятно, что в первую очередь в правоприменении должны учитываться юридические знания.

Нуждаются в законодательном закреплении в Реализующей части УК также *общие и специальные правила назначения наказания.* Положения о наказании и иных мерах уголовного-правового характера, а также об освобождении от уголовной ответственности и наказания целесообразно перенести из Общей части УК в третью (Реализующую) его часть с включением в нее также положений об *уголовно-правовых санкциях.* В настоящее

время общие положения об уголовно-правовых санкциях, к сожалению, вообще выпадают из сферы внимания уголовного законодательства.

Понятно, что предложенное дополнение УК третьей (Реализующей) его частью потребует проведения дополнительных научных исследований, а это, в свою очередь, может натолкнуть исследователей на разработку предложений по совершенствованию всего уголовного законодательства в целом, что, конечно же, было бы весьма важным.

Необходимым условием разработки принципиально новых положений уголовного законодательства является правильное понимание самого уголовного права. Сегодня уголовное право часто отождествляется с уголовным законодательством, что, конечно же, неправильно.

Уголовное право есть, прежде всего, соединение уголовного закона с учреждающей и реализующей его властью. Чтобы это соединение было максимально полным, власть должна создавать для соблюдения требований уголовного закона соответствующие условия. Делает это она, опираясь, прежде всего, на свои уголовно-правореализующие органы. В результате граждане получают право на свободу от преступлений.

Наряду с уголовно-правореализующими органами (и их соответственно уголовно-правореализующей деятельностью), в понятие уголовного права (в широком его понимании) входят также обеспечиваемые в значительной мере этими органами уголовно-правовое сознание и соответствующее ему состояние правопорядка.

Составной частью уголовного права является также уголовно-правовое законодательство и обеспечивающая его (как и всю уголовно-правореализующую деятельность) уголовно-правовая наука, включая систематизированные, полные, достоверные и приносящие реальную практическую пользу знания об уголовном законе и его реализации, а также самих носителей этих знаний: ученых, преподавателей, аспирантов, соискателей, а также занимающихся в том числе аналитической деятельностью практиков.

Для того чтобы понять важность уголовно-правовой науки как неотъемлемой составной части уголовного права (в широком его понимании), сошлемся всего лишь на одну проблему, требующую, на наш взгляд, соответствующего научного осмысления.

Например, сегодня мы пока еще не готовы до конца разобраться с вопросом о том, почему в санкциях ст. 264 УК РФ фигурирует такая мера наказания, как лишение права управлять транспортным средством, в то время как прямого указания на нее в системе наказаний (ст. 44 УК РФ) нет. Но все же полагаем, что закон в данном случае должен признавать наказанием не лишение права управлять транспортным средством *вообще*, а лишение права управлять транспортным средством в процессе *использования* его в качестве именно такого (транспортного) средства.

Если, например, писатель издает экстремистскую литературу, совершает протестные акции типа той, которая была проведена в столице в мае 2012 года («Писатели и читатели»), художник рисует порнографические изображения на зданиях, заборах и киосках, а женщина занимается проституцией, то это совсем не означает, что всем этим людям надо запрещать вообще писать, рисовать (как, например, в свое время Т.Г. Шевченко), заниматься сексом.

Водитель, лишенный возможности управлять транспортным средством на дорогах, в принципе *может* сохранять за собой право работать, например, слесарем по ремонту автомобилей (проштрафившихся водителей, лишенных управлять транспортным средством, обычно в автохозяйствах переводят именно на слесарные работы), что может быть связано, в частности, с необходимостью загонять машины в ремонтные помещения и выгонять их оттуда. Лишить такой возможности профессионального водителя уголовный закон не может. Лишенный права управления транспортным средством водитель *может*, как представляется, также перемещаться на машине в пределах своего загородного участка, перевозить там даже какие-то грузы, обучать вождению автомобилем членов своей семьи, самому поддерживать имеющиеся умения и навыки вождения и т.д. И, конечно же, он не только может, но и *должен* использовать свои водительские способности, скажем, для экстренной доставки больного в медицинское учреждение, для вывоза людей из какой-то опасной зоны, для спасения людей, пострадавших в ДТП, для экстренной доставки сотрудников полиции к месту совершения преступления, разумеется, при этом никоим образом не нарушая правил дорожного движения. Это все равно, как если бы человек, не имеющий, например, права владения огнестрельным оружием, в ходе необходимой обороны отнял его у преступника и с исполь-

зованием именно этого оружия задержал последнего с целью доставки в органы власти. Было бы несправедливым обвинять такого человека в незаконном ношении оружия. Слишком невысоко выглядело бы государство в глазах своих же граждан, если бы оно лишало их возможности бороться за собственную жизнь всеми доступными средствами, в том числе с использованием отнятого у преступника оружия. Да и «кущевок», то есть населенных пунктов, в которых все решают банды, было бы в таком случае гораздо больше.

С дополнением УК третьей (Реализующей) частью потребуются подготовка принципиально новых учебников по уголовному праву, а также коренная перестройка всего содержания и всей методики преподавания данной учебной дисциплины. Преподавание Реализующей части уголовного права должно основываться исключительно на материалах уголовно-правовой практики, а именно на сведениях, почерпнутых из уголовных дел, прежде всего, из обвинительных заключений, обвинительных актов, приговоров, решений по уголовным делам вышестоящих судебных инстанций, актов международного уголовного правосудия.

Представляется необходимым уже сейчас, не дожидаясь внесения соответствующих дополнений в УК РФ, перестраивать программы преподавания уголовного права в высших учебных заведениях. Это надо делать таким образом, чтобы данные программы включали и положения о реализации норм уголовного законодательства.

Все включаемые в содержание преподавания уголовного права положения должны иметь (подчеркнем это еще раз) исключительно важное практическое значение. Ориентируясь на конечные цели дисциплины, преподаватель на практическом материале должен раскрывать главную суть названных целей и вырабатывать у студентов способность к их достижению в ходе уголовно-правореализующей деятельности. При этом максимально должны использоваться статистические данные, характеризующие совершаемые преступления и реально применяемые меры противодействия им.

В настоящее время в стране насчитывается более тысячи специалистов, преподающих в различных юридических учебных заведениях уголовное право и другие дисциплины уголовно-правовой направленности. Несмотря на то что в основе уго-

ловного права – Уголовный кодекс, а следовательно, и довольно четкая, основательно отработанная система положений и знаний, каждый преподаватель, по мере пополнения своего профессионального опыта, привносит в преподавание этой дисциплины что-то свое, выстраданное, исключительно важное. Как не может быть одинаковых произведений у двух разных ученых, писателей, поэтов, композиторов, так не может быть и одинаковых представлений об одной и той же преподаваемой дисциплине у двух разных преподавателей. Иначе и быть не может, так как каждый из преподавателей овладевает в процессе работы над дисциплиной многими такими знаниями, которые по тем или иным причинам остаются недоступными для других преподавателей. Уже одно это делает оправданными авторские программы по уголовному праву, в том числе включающие, естественно, материалы Реализующей его части.

Соответствующие положения могли бы преподаваться (и в значительной мере уже преподаются) в рамках дисциплин уголовно-правовой специализации. Это дисциплины с такими, например, названиями, как основы квалификации преступлений, квалификация насильственных преступлений, квалификация хищений, квалификация преступлений в сфере экономики, назначение наказаний, освобождение от уголовной ответственности и наказания. Важно лишь подвести под такие дисциплины основательную общетеоретическую базу. До сих пор ее роль играла уголовная политика (уголовная политология), но с увеличением количества дисциплин специализации (основы квалификации преступлений и др.) одной ее уже недостаточно. Чтобы содержание названных выше дисциплин уголовно-правовой специализации оптимально взаимодополнялось и не оставалось бессистемным, необходимо на первых порах сформировать дисциплину «Основы реализации уголовного законодательства». Помимо прочего, она направляла бы развитие всех дисциплин уголовно-правовой специализации в единое русло обеспечения линии законности в области уголовного правосудия. Это была бы своеобразная Общая часть дисциплины, которая в настоящее время позиционирует себя как уголовная политика (уголовная политология) и которая по своему содержанию представляла бы «Основы реализации уголовного законодательства».

Опыт преподавания различных дисциплин как дисциплин уголовно-правовой специализации обнаруживает живой, не-

поддельный интерес к ним студентов. Основы реализации уголовного законодательства, преподаваемые в рамках третьей (Реализующей) части уголовного права, кардинально преобразовали бы уголовное право в целом. Наряду с повышением практической отдачи уголовного права, третья его часть значительно повысила бы престиж данной дисциплины. Она стала бы еще привлекательнее для студентов, что способствовало бы, помимо прочего, еще большему вовлечению их в научную работу, а следовательно, и подготовке будущей научной смены.

Сейчас у нас довольно много специалистов в области преподавания сравнительно небольших учебных курсов уголовно-правовой направленности, включая уголовный процесс, криминологию, уголовно-исполнительное право, правоохранительные органы и т.п., но высококвалифицированных преподавателей самого уголовного права не так уж много. Пополнение уголовного права материалом о *реализации* уголовного законодательства существенно способствовало бы росту профессионализма преподавателей данной дисциплины. А что вообще может быть лучше для студентов, чем максимально глубокое проникновение в творческую лабораторию преподавателя по дисциплине, которая ими в значительной мере уже изучена и по поводу многих положений которой у них уже сложилось определенное представление? Тут у студента большой простор для самостоятельного осмысления всего того, что как раз и является главным содержанием обучения действительно современному уголовному праву.

Но есть еще одно достаточно веское, как мы полагаем, основание для преподавания проблематики *реализации* уголовного законодательства в юридических учебных заведениях, в том числе еще до того, как УК пополнится третьей (Реализующей) его частью. В процессе длительного преподавания одной и той же дисциплины у преподавателя по каждой ее теме остается много невысказанного, то есть того, что не вмещается в рамки элементарного курса дисциплины. Из года в год эти ресурсы пополняются, обновляются и, будучи хорошо обработанными, образуют нечто принципиально новое. И когда преподаватель видит, что это «новое» действительно новое и что оно ново не только для него самого, но и для науки в целом, и что это «новое» хорошо дополняет «старое» (хорошо отработанное, известное, классическое), то есть в самом деле представляет собой ту сумму знаний, без которой не состоится настоящий специалист права соответ-

ствующего профиля, то имеющийся материал окажется, безусловно, востребованным.

Но наиболее существенным основанием, «работающим» в данном случае на преподавание проблематики *реализации* уголовного законодательства, является *сама специфика* данной проблематики. Мы очень часто говорим о праве, но при этом совершенно забываем о самом *законе*. И, напротив, говоря о *законе*, порой начисто забываем о *праве*. Между тем, хотя в основе *права* – прежде всего, *закон*, но, как отмечено выше, оно (право) далеко не исчерпывается им (законом). Право – это более глобальное явление, чем конкретные правила поведения, чем просто нормативные правовые модели поведения, чем сам закон как таковой. Право представляет собой не только нормативные правовые акты, содержащие общеобязательные требования, соблюдение которых обеспечивается принудительной силой государства, но и саму эту принудительную силу, а также органы, которые данной силой в соответствии с законом располагают, практическое использование данной силы для целей противодействия преступлениям и обеспечения правопорядка, саму уголовно-правовую науку, науку побеждать преступления и преступность. Составной частью права является, безусловно, и сам правопорядок как результат деятельности правоохранительных органов, в том числе деятельности, обеспечивающей соответствующий уровень правосознания и те права, которые мы в условиях складывающегося правопорядка реально обретаем, и тот общественный прогресс, который может реально состояться вместе со всем тем, о чем здесь идет речь.

Но если не будет закона, то не будет и права. По существу, в каждой статье Уголовного кодекса есть своя частица права. И вместе с тем в каждой его статье есть тот «маленький секретик» (и, как правило, не один), к которому должен быть подобран свой и только свой аналитический «ключик». А поэтому преподаватель берет в руки Уголовный кодекс и выходит к студентам со своими знаниями о нем и практике реализации его норм на откровенный разговор, высказывает и развивает при этом собственные мысли, которыми ранее он, может быть, никогда, нигде и ни с кем не делился, а для фиксации их в публикациях не нашлось достаточного времени.

В таком случае преподаватель будет избегать как «высокой» теории, где мало места для конкретного разговора о реальной жизни закона, так и «низкой» практики, начисто оторванной от

теории. В результате отыщется та «золотая середина», которая будет единственно верной и которая так нужна сегодня будущим специалистам любого правового дела.

7.7. Обновляющейся России – обновляющаяся уголовная политика

Проблема преступности остается в стране, к сожалению, все еще весьма острой. Особой остротой отличалось в этом отношении первое десятилетие нового века, в течение которого средний показатель ежегодно регистрируемой преступности стабильно составлял цифру под три миллиона. Это более чем в три раза превышало аналогичный показатель последних лет существования СССР. С учетом того, что население Советского Союза на момент его распада в декабре 1991 года в два раза превышало население нынешней России, относительный рост преступности в стране в конце первого десятилетия нового века можно оценить примерно шестикратным увеличением.

Это официальная статистика. Реальная же динамика преступности за рассматриваемый период еще более значительна. Дело в том, что за время с начала нового века существенно выросли показатели скрытой (не охваченной статистикой, латентной) преступности, которая в общей сложности как минимум раза в три превышала преступность зарегистрированную.

К настоящему времени ситуация едва ли улучшилась. Проблема усугубляется тем, что основная масса опаснейших преступников в условиях ослабленных позиций правоохранительных органов, оказавшихся в нынешних условиях без должной общегосударственной и общественной поддержки и, следовательно, работающих сегодня как бы в безвоздушном пространстве, продолжает оставаться на свободе, а следовательно, и дальше безнаказанно совершает преступления.

Нельзя пройти мимо и того факта, что сотрудники правоохранительных органов нередко и сами включаются в совершение преступлений, в том числе координируя свои преступные действия с традиционным криминалитетом, а подчас и напрямую объединяясь с ним. И совершенно не случайно социологические исследования неизменно констатируют тот факт, что сегодня граждане опасаются полиции порой даже больше, чем бандитов.

В этих условиях уголовная политика, основанная на наказаниях, на стремлении «казнить и миловать», «тащить и не пущать», лишь дифференцировать и индивидуализировать ответственность, в том числе путем внесения многочисленных уточняющих поправок в уголовное законодательство, посредством нескончаемых реорганизаций правоохранительных органов, уже не оправдывает себя, дает сбой, приводит к результатам, далеким от ожидаемых.

И это происходит не только потому, что предпринимаемые меры не подкрепляются необходимыми профилактическими усилиями, касающимися решения проблем, например, семьи, школы, досуговой сферы, широкомасштабными политическими, идеологическими, экономическими и социальными преобразованиями, общими мерами по эстетизации и обычному обустройству городских кварталов, поселковых комплексов, других мест проживания человека, но еще и потому, что пока во всем этом деле нет должной целенаправленности, надлежащей системности, необходимой наступательной активности.

Новая уголовная политика, концепция которой предлагается здесь (разумеется, в самых общих чертах), как раз и должна взять на себя заботу о максимально эффективной мобилизации усилий государства, общества, граждан на направлении противодействия преступности. Этого требует не только сохраняющая свою остроту криминальная обстановка, но и вся обстановка переходного периода в целом, не отличающаяся, как известно, весомыми достижениями.

Прежде всего, следует обратить внимание на классический треугольник, в котором вызревают самые дерзновенные мечты и искренние устремления к их осуществлению. Это семья, школа и сфера досуга. К сожалению, этот генератор в последнее время все чаще извергает, наряду со всем лучшим, чем мы в настоящее время располагаем, также все худшее, что тоже у нас есть, причем в предостаточных масштабах, в том числе такое опасное и позорное явление, как преступность. Нередко в этом треугольнике, как в «бермудах», безвозвратно тонут «корабли» наших лучших, честнейших и благороднейших надежд, намерений и усилий.

Семья, являясь основной ячейкой общества и государства, призвана выполнять свое предназначение не только воссоздания социума как такового, но и его ценностей. Данное обстоятельство

требует оказания семье всемерной общественной и государственной поддержки. Пока она этого, к сожалению, не получает и поэтому вынуждена опираться в решении встающих перед ней проблем на собственные силы.

В семье рождаются дети, которые, воспитываясь в ней, вместе с тем некоторым образом (по принципу обратной связи) и сами воспитывают родителей. Родители же, все более осознавая себя в качестве воспитателей и воспитываемых, стремятся все лучшие свои черты передать детям. То же самое, в общем-то, должно делать и государство, если оно позиционирует себя в качестве органа, ответственного за судьбу страны. Государство должно делать все для оказания помощи вновь образованной семье, в том числе помогать ей в приобретении жилья, всего необходимого для нее, особенно если в семье появляется ребенок.

Рассчитывать на помощь государства вправе, конечно же, и члены распадающихся семей, особенно несовершеннолетние дети, оказывающиеся при таком повороте событий в наиболее сложном положении. Если в море терпит крушение корабль, то на его призыв о помощи откликаются все, кто оказывается в зоне доступа. Если же рушится семья, то все вокруг практически безмолвствуют. Это, конечно же, неправильно.

Традиционно семья у нас находилась на пожизненной дотации у родителей супругов. Но новое время и здесь вносит свои коррективы, что выражается, в частности, в том, что родители теперь не столь щедры на поддержку своих взрослых детей. В крайнем случае, на учебу в вузе детей родители еще могут раскошелиться, но на собственную машину или квартиру молодая семья должна заработать сама. Нередко же родители, дождавшись совершеннолетия детей, «красиво делают им ручкой», чем, собственно, и завершается связь поколений. Взаимоотношения родителей и детей, в том числе отцов и сынов, матерей и дочек, обрываются, как правило, навсегда. Дети становятся ненужными родителям, а родители – соответственно детям.

В школах, на наш взгляд, надо ввести отдельное обучение мальчиков и девочек. Нельзя допускать, чтобы мальчики постоянно видели недостатки девочек, а девочки – недостатки мальчиков, так как все это приводит к цинизму и, в конце концов, к взаимному неприятию. Пусть те и другие будут пребывать в плену представлений, связанных с лучшими переживаниями, магическим и магнетическим влечением друг к другу, иллюзией

природного преимущества противоположного пола: у нас, мол, так, а там, «на другом берегу», все гораздо лучше, интереснее, выше, чище, честнее, справедливее, светлее, праведнее... Мальчики, считая девочек прекрасным полом, будут и сами стремиться подтягиваться к ним в изысканных манерах, терпимости и деликатности, а девочки, считая мальчиков сильным полом, будут привыкать к мысли о том, что в будущем им (девочкам) будет на кого опереться в жизни.

Решать проблему досуга подрастающего поколения семья и школа должны, конечно же, сообща. В школах с этой целью надо создавать, как в старые добрые (советские) времена, разные кружки и спортивные секции, а в семьях – надлежащие условия для организации досуга детей вне школьных занятий. Представляется целесообразным, в частности, создание в этих целях института семейного учителя наряду с институтами семейного врача, семейного юриста, семейного психолога и т.д.

Педагогические вузы должны вплотную заняться подготовкой специалистов для семейного учительства. Пока этого нет, хорошо делают люди, которые за умеренную плату приглашают для занятий со своими детьми во внешкольное время учителей, других образованных людей.

По мере взросления человека звено «школа» (лицей, колледж, училище, техникум, вуз и т.д.) замещается предприятием, учреждением, организацией, то есть самостоятельной работой молодого человека по полученной в вузе или ином учебном заведении специальности. Хотя сегодня, согласно статистике, примерно половина выпускников вузов не может устроиться на работу по полученной специальности, но можно надеяться, ситуация постепенно будет меняться, разумеется, в лучшую сторону.

Семья, в которой человек воспитывался, в дальнейшем замещается *собственной* семьей, в которой он уже не ребенок, а отец или мать со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе с соответствующими правами и обязанностями.

Сфера же домашних, уличных и иных досуговых отношений (дискотеки, ночные клубы, казино и т.п.) замещается сферой отношений с коллегами, друзьями, приятелями, знакомыми, увлечением разного рода хобби, посещением театров, концертных залов, стадионов, поездками в дома отдыха, санатории, пансионаты, на курорты, в различные зарубежные турне и т.д.

И если прежний треугольник не был «бермудским» и работал именно на человека (а не против него), то при переходе последнего во взрослую, самостоятельную жизнь преобразованные в новое состояние его (треугольника) «углы» должны, конечно же, сохранять свою созидательную, облагораживающую, возвышающую силу.

Например, требуется восстановление института молодого специалиста, то есть института человека, только поступившего на работу непосредственно после получения им специальности в учебном заведении. Без оказания предприятием должной поддержки такому работнику в переходный к самостоятельной жизни период трудно рассчитывать не только на безболезненную адаптацию выпускника к новым условиям, но и на ожидаемую от него трудовую отдачу.

Если молодой специалист создает собственную семью, оставляя прежнюю (родительскую), то предприятие должно позаботиться о том, чтобы эта новая семья была здоровой и крепкой, поскольку только в таком случае данное предприятие может рассчитывать на то, что нарождающиеся в ней дети с течением времени смогут стать достойными трудовыми преемниками своих родителей.

Понятно, что в необходимых случаях молодые семьи не должны оставаться без соответствующего попечения и органов местного самоуправления.

Досуг взрослых тоже нуждается в организации, стратегией которой должно стать создание клубов (домов), объединяющих представителей соответствующих профессий, начиная от врачей, учителей, ученых, писателей, поэтов, журналистов и кончая представителями торговых, строительных, транспортных, промышленных и других предприятий.

Но, как это нетрудно понять, все, о чем здесь идет речь, не сработает, если в стране не будет конструктивной и высокоэффективной политики, идеологии, экономики, социальной сферы, в том числе таких их сегментов, которые были бы прямо ориентированы на укрепление правопорядка и противодействие преступности.

Политика, являясь сферой деятельности, содержание которой – овладение властью, ее удержание, осуществление и передача в целях удовлетворения насущных интересов граждан, общества, государства и человечества в целом, должна демонстриро-

вать стране не только одни свои благие намерения, но и последовательно осуществляемые действия по их реализации, в том числе действия в области укрепления правопорядка и борьбы с преступностью. Нужны национальные и региональные программы такой работы, которые не только выражали бы политическую волю власти в области правопорядка, но и являлись бы непосредственной основой реальной правоохранительной деятельности.

Ясно, что без преодоления в нашей политике отдельных проявившихся в последние годы явлений монополитического характера такие программы не могут быть созданы. А если и будут созданы, то едва ли будут осуществляться (этому есть прецеденты), так как все усилия власти при наличии подобных явлений будут уходить на ее собственные нужды, а именно на выстраивание все новых и новых «вертикалей» (а заодно и разного рода «горизонталей», «откосов», различных продольно-поперечных «связок», «обхватов», «перехватов», «ухватов», «поперечин» и т.д.), на укрепление всех своих старых «укреплений», на продление сроков полномочий, повышение окладов, расширение льгот и т.д. Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Центризбирком РФ должны, наконец, высказаться по данному вопросу, определить свою принципиальную позицию.

Идеология как система существующих в обществе политических, правовых, морально-нравственных, этических, эстетических, культурных, философских, религиозных и других идей, взглядов, представлений, сквозь призму которых граждане непосредственно или в тех или иных организационных формах определяют свое отношение к окружающей их политической, социальной, экономической, правовой и иной действительности и оценивают отношение к ней других граждан, должна стать если не философией высоконравственного поведения человека, то по крайней мере довольно четким ориентиром для него. Телевидение может сколько угодно показывать нам низкопробные передачи, но если в нем найдется место и для передач достаточно отчетливо выраженной идеологической направленности (разумеется, положительного, а не деструктивного свойства), то, значит, еще не все потеряно. Это могут быть, например, выступления образованных, высокопрофессиональных, толковых политиков, экономистов, философов, ученых, показы творческих встреч с представителями культуры, искусства, литературы, поэзии и т.д. Если все это у нас будет, то дело созидания

и прогресса в стране, в том числе эффективного противодействия преступности и оптимальной организации правопорядка, не окажется у нас окончательно загубленным.

Экономика, являясь сферой, содержание которой – постижение, освоение, создание, сбережение, преумножение, приращение, обращение и рациональное использование ценностей, включает в себе огромные возможности по преобразованию нашей страны в подлинно цивилизованное и процветающее государство. Экономика включает субъекты, объекты, содержание, силы и средства всей этой деятельности. Все эти звенья на данный момент пока слабые, что в значительной мере объясняется все еще недостаточно высоким уровнем экономического образования в стране. Оно по-прежнему значительно отстает от потребностей времени. Провозгласив в свое время курс на всемерную и полную интеграцию России в мировую экономику, наши специалисты в области экономики и правящая элита совершенно не представляли себе последствия такого шага. И когда грянул мировой финансовый кризис, ударивший, прежде всего, по нашей стране (о чем может свидетельствовать, например, обвальное падение курса рубля по отношению к курсу ведущих валют мира в начале 2009 года), то отдуваться за все негативные последствия случившегося пришлось, прежде всего, нам, россиянам. Объяснения происшедшего тем, что «за что боролись, на то и напоролись», едва ли может кого-либо утешить, так как исходят они от самих же борцов.

Нужна переориентация нашей экономики с вывоза ресурсов на «вывоз» знаний (помимо того, что эти знания должны весьма эффективно использоваться у себя в стране), так как ресурсы (по крайней мере вывозимые) большей частью исчерпаемы, а знания неисчерпаемы. Конечно, живые деньги, которые «греют руки» как предпринимателей, так и чиновников дороже всяких «заморочек» со знаниями, но вот приходит время, когда разработка именно знаниевого (информационного) ресурса становится для экономики страны задачей номер один, а если сказать точнее, по существу, единственным выходом из создавшегося непростого положения. Кроме того, нельзя и дальше нам хранить свои денежные ресурсы за рубежом, в чужом «кармане». Этому нас научил и Кипр.

Что касается финансовой помощи государства реальному сектору экономики, то она должна осуществляться, конечно же, не через коммерческие банки (так как они, как правило, не направляют средства нуждающимся в поддержке предприятиям, а тратят их

на закупку дорожающих долларов США и евро, то есть ограничиваются сугубо спекулятивными сделками), а непосредственно через Министерство финансов, Центробанк, Счетную палату.

Надо разобраться с нормой прибыли, ценами, налогами и прочими системными факторами нашего неблагополучия, чтобы население не вышло на улицы, чем могли бы воспользоваться определенные политические круги для захвата власти по сугубо меркантильным соображениям.

Сегодня нефтяные, газовые и другие ресурсные «короли», сидящие на недрах, получают от этого баснословные капиталы, закупают на них за рубежом всякий ширпотреб, реализуют его в растущих как грибы супер- и гипермаркетах и получают дополнительную прибыль, окончательно «убивая» производственный сектор отечественной экономики. Фактически мы работаем на зарубежные экономические и социальные интересы, так как именно там, за рубежом, стимулируем производство, создаем рабочие места, достойные условия жизни. Себя же при этом мы самым грубым образом обворовываем, следствием чего является, в частности, сохраняющаяся воинствующая преступность и обрушение правопорядка, в том числе на самых важных его участках.

Социальная сфера как система материальных и духовных условий жизни людей, их групп, слоев, классов, условий, определяющих положение человека в обществе и государстве, пожалуй, самая несовершенная наша сфера. С учетом того, что социальное положение людей, совершающих преступления, в основном незавидное, сам собой напрашивается вывод о том, что одной из важнейших задач общества и государства в сфере правопорядка и противодействия преступности должно стать существенное улучшение материальных и духовных условий жизни людей.

Если дело доходит порой до того, что жители домов уже убивают пытающихся проникнуть в подъезды нищих, бомжей, наркоманов и прочих «подозрительных» лиц, то надо не только достаточно строго судить виновных и строить приюты для бездомных, но и делать все для того, чтобы в обществе не было причин морально-нравственной деградации людей, то есть такого социального «дна», которое с годами становится все более глубоким и, естественно, все больше засасывающим в себя ранее вполне благополучных и достойных людей.

Надо позаботиться также о достойной городской, поселковой и иной местной инфраструктуре. Должны быть приведены в по-

рядок улицы, площади, скверы, парки, зеленые зоны, строения, подъезды домов, лестничные марши, лифты. Весь этот так называемый внешний «порядок вещей» в культурном (а следовательно, и в антикриминальном) отношении не менее важен, чем и «порядок вещей» внутренний, то есть убранство квартир и индивидуальных домов, в которых мы живем. И, конечно же, как и в нашем сугубо личном жилище, так и в нашем большом «общем доме» (в городе, поселке и т.д.) важно постоянно и неустанно поддерживать должный вид, чистоту, порядок.

Все это для правопорядка имеет не менее важное значение, чем, скажем, обычная «ловля» воров, хулиганов и прочих нарушителей. Есть основания полагать, что, например, хороший тротуар, освещенная в темное время суток улица, ухоженный двор, газонная трава в скверах, цветочная клумба приносят гораздо больше пользы правопорядку, чем десятки милиционеров, в особенности таких, которые ради «галочек» включают в свои отчеты не соответствующие действительности сведения. В том числе относительно числа задержанных правонарушителей и относительно иных предпринимаемых против правонарушений мер.

Мысль о важности для правопорядка вот этой местной инфраструктуры приходит на ум каждый раз, как только доводится сталкиваться с фактами проявления агрессии: например, в связи с отсутствием в том или ином конкретном месте элементарного порядка. Трудно, например, понять организуемую самими нами переполненность общественного транспорта, порождающую, в свою очередь, конфликты между пассажирами, карманные кражи, другие «эксцессы» криминального характера.

Подлинным национальным бедствием стали сегодня кражи, особенно в сфере торговли. По информации Business FM, например, только за 2008 год в магазинах сети «Перекресток», «Пятёрочка» и «Карусель» Нижнего Новгорода (глава сети – Лев Хасис) на кражах попались примерно 250 тысяч человек, то есть в среднем на этом позорном занятии попался каждый шестой житель города-полуторамиллионника. Такая же картина наблюдается, как можно предположить, и в других городах страны. Люди тащат буквально все: алкоголь, шоколад, крупы, детское питание и даже бытовую технику¹.

¹ См.: Россияне воруют из магазинов... (информация Business FM) // Нижегородский рабочий. 2009. 9 февраля. С. 6.

Человек сформировался много тысяч лет тому назад именно как человек разумный, умелый, нравственный под влиянием благоприятного естественного окружения – живой природы, чистой воды, целебного воздуха, аромат цветов и т.д. Но затем, создав вокруг себя противную собственному естеству среду, он стал деградировать, превращаться из человека разумного, умелого и нравственного в человека не вполне разумного, не вполне умелого и не вполне нравственного. Совершенно очевидно, что если дело так пойдет и дальше, то все для человека закончится печально – он уже в обозримом будущем может вернуться к своему прежнему облику животного, и вся его история на том, собственно, и закончится.

Вспоминается случай, когда кандидат наук, доцент, заведующий кафедрой одного из нижегородских вузов, приехав в ночное время на такси домой, отпустил машину на проспекте, а сам пешком пошел к своему дому через неосвещенные дворы («ведь совсем рядом»), и был убит группой наркоманов, пытавшихся вот таким нелепым, но надежным и распространенным способом добыть деньги на «дозу». Убийство это стало возможным в том числе и потому, что вокруг было темно, лампочки на фонарных столбах давно перегорели, а соответствующим городским службам было недосуг их вовремя заменить, заведения же по бездокументарному приему от населения краденых сотовых телефонов, золотых цепочек и прочей «всякой всячины» работали в городе тогда круглосуточно. Небезынтересно и то, что незадолго до убийства этого ученого (кстати, он был доцентом именно уголовного права), примерно на том же месте и примерно при таких же обстоятельствах было убито еще три человека.

Но надо смотреть правде в глаза: есть меры культурного порядка, которые в принципе несложно практически осуществить, а есть меры того же порядка, которые по тем или иным причинам осуществить весьма трудно, если вообще возможно. Сегодня мы пока не в силах снести (во всяком случае, в достаточно короткие сроки) весь так называемый ветхий жилой фонд в городах и поселках и построить на его месте современные дома, да еще с освещенными дворами. Нет пока возможности вплотную заняться и сетями тепловых труб, которые нередко протянуты во многих городах не *под*, а *над* землей и уродуют своими дымящимися «кишками» городской ландшафт.

В свое время (еще дореволюционное) присланный из Санкт-Петербурга губернатор Иркутской губернии поставил перед со-

бой нелегкую задачу – заставить жителей частного сектора развернуть свои туалеты на 180 градусов (они были тогда обращены входом к улице), чтобы их посетители не шокировали прохожих своим «экстравагантным» видом, забыв, например, прикрыть за собой дверь. Более двадцати лет ушло у губернатора на борьбу со столь «гнусным», по столичным меркам, явлением, но его усилия все же не увенчались успехом. И этот присланный из Санкт-Петербурга губернатор вошел в историю Иркутска как «туалетный начальник», молва о чем жива в Сибири и поныне (автору довелось прожить в Сибири 23 года).

Не хотелось бы стяжать лавры этого горе-начальника, но все же поневоле приходится продолжить «туалетную» тему, тем более что в Иркутске (как, впрочем, и по все Руси великой) туалеты неизменно продолжают стоять во все той же «неприглядной» позиции – лицом к народу. Кроме того, что в наших городах и поселках этих заведений явно недостаточно, они все еще большей частью находятся в совершенно неудовлетворительном состоянии. Для молодых людей здесь зачастую нет особых проблем – они спокойно делают «свое дело» там, где их «прижмет», но людям постарше и особенно женщинам часто в этом вопросе бывает не до шуток.

Разумеется, было бы совершенно неверным полагать, что преступность существует у нас исключительно оттого, что человек, выходя за порог собственного дома и сталкиваясь с неэстетичностью городского пейзажа, звереет и рука его невольно тянется совершить какое-либо преступление. Нет, корни преступности, конечно же, более глубоки и сложны. Сейчас стало уже очевидным, что человек разумный автоматически не становится одновременно и человеком нравственным, а человек нравственный – человеком высоконравственным. Прежде чем человек поднимался на очередную ступень своего развития, должны были появиться и окрепнуть религия, мораль, философия, наука, культура, искусство, литература, поэзия... Но совершенно очевидно и то, что коль скоро процесс активного становления человека нравственного и высоконравственного начат, то он должен стать по меньшей мере необратимым. Однако для этого надо сделать так, чтобы достижения ума и культуры гениев становились достоянием всех.

Создается впечатление, что мы все еще находимся в плену каких-то призрачных иллюзий, состоящих, в частности, в оши-

бочных представлениях о том, что идеи «валяются под ногами» или «висят в воздухе» либо «витают над головами» и нам останется только протянуть руку и они уже наши, что если идеи есть, то они обязательно «овладевают массами». Нет, идеи нигде не «витают», не «висят» и тем более не «валяются», а рождаются в тяжких творческих муках.

Еще более труден и сложен путь преобразования идей в конкретные материальные или (и) духовные ценности. Это тоже большая наука, которую мы еще до конца не освоили. И если гении, сформулировавшие те или иные идеи, пренебрегают тем, чтобы непосредственно самим же заняться и внедрением их в жизнь, то этим неизбежно занимаются «шариковы», «швондеры» и прочие активисты всякого рода «перестроек», «переделок» и иных сомнительных «реформ и реформок». Подобная публика, помимо того, что просто-напросто присваивает чужие идеи, еще и так с ними обращается (на этапе «претворения» их в жизнь), что в итоге от них остаются «рожки да ножки». Самой жизни достается лишь какой-то суррогат идей, от которого она тускнеет, бледнеет и медленно, но неуклонно угасает, убивая заодно и живую человеческую душу. Противоречие «блеска» идей и «нищеты» их претворения в жизнь настолько разительное, что напоминает собой свет далеких звезд в крошечной космической мгле.

Надо попытаться, пока еще не поздно, вернуть людям то естество и ту гармонию внешнего окружения, которые, напоминаем, в свое время и сделали из них именно людей. И они тогда перестанут деградировать, превращаться из людей разумных в людей неразумных, а именно в существа, которые не просто лишаются разума, но и приобретают некий как бы «антиразум», то есть интеллект со знаком минус, а именно сознание, стремящееся к разрушению, бесчестию, пороку. Фактически это уже не интеллект, а какой-то совершенно непонятый нами пока фантом, в силу которого студенты уже убивают профессоров – за нечеты и двойку.

Для преодоления деструктивных процессов, подтачивающих наше морально-нравственное состояние, надо попытаться сделать каждый населенный пункт не просто уютным и удобным для проживания, но и по возможности уникальным во многих отношениях. Пока же они все еще крайне однообразны – особенно в своем безобразии.

И, конечно же, надо наконец-то привести в порядок дороги, если, разумеется, наша вторая застарелая «беда» не зашла настолько далеко, что уже не сможет отремонтировать беду первую. Если не покончить с непролазной грязью на дорогах, а в погожие дни с пылью на них, то мы еще долго будем продолжать звереть, видя друг в друге заклятого врага.

Нужна разветвленная и достаточно качественная система как «соцкультбыта», так и домашнего быта. Человек, придя с работы домой, вправе рассчитывать на то, чтобы быть свободным от всякого рода забот, в том числе по дому. Их должны взять на себя «сделанные с умом» машины и специальные службы, которых в каждом населенном пункте должно быть достаточно.

Естественно, чтобы привести в порядок наши города и села нужны деньги. Они могут быть выделены целевым образом из средств, накопленных за счет нашей обновляющейся экономики, за счет внедрения в производство новой техники и новых технологий, освоения новых видов энергии, развития в стране туризма, в том числе международного.

Главное же заключается в том, чтобы искать и находить новые решения старой как мир проблемы преступности, если предпринимаемые сейчас по ее решению меры оказываются неэффективными.

*Если бы к духовным скрепам
скрепы правовые крепче прикрепить,
было бы стократ удобней «по хвостам»
преступность бить*

Глава 8. СИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВА И ДРУГИЕ ОТРАСЛИ ПРАВА И ПРАВОВОЙ НАУКИ

8.1. Дифференциация правовых запретов и ответственности за их нарушение в зоне пограничных интересов уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях

Правовые запреты, установленные, с одной стороны, уголовным законодательством, а с другой – законодательством об административной ответственности, довольно часто не стыкуются между собой, вследствие чего в их системе сохраняется немало пробелов, дублирований и иных несогласованностей. Наряду с этим по поводу зоны пограничных интересов того и другого законодательства возникают подчас сложные вопросы, касающиеся, в частности, соотношения уголовной ответственности и ответственности административной. Все это, безусловно, требует пристального исследовательского внимания. Уже первый подход к данной теме дает, как представляется, обнадеживающие результаты.

Преступления, демократия, правопорядок. В одном из своих посланий Федеральному Собранию Российской Федерации (от 26 мая 2004 года) Президент РФ В.В. Путин (в начале второго срока своего президентства), в частности, отмечал: «... Главный источник развития страны – это ее граждане. Для того чтобы страна стала сильной и богатой, необходимо сделать все для нормальной жизни каждого человека... Мы должны общими

усилиями создать безопасные условия жизни, снизить уровень преступности...»¹.

Хотя данный тезис не получил в документе развернутого обоснования, но суть его и без этого предельно ясна. Преступность, как известно, сводит на «нет» усилия государства и миллионов людей по продвижению реформ и выводу страны на передовые позиции. Посредством преступлений все еще разрешаются вопросы конкуренции в экономике, состязательности в политике, конфликтности в межличностных отношениях. Убийства, терроризм, террористические акты, похищения людей, захваты заложников отнимают у людей право на жизнь, на здоровье, свободу, на доброе имя, деформируют действие законов рыночной экономики, отрицательно влияют на свободное волеизъявление граждан и итоги выборов, хищения попирают законы о праве собственности и нормальное состояние трудовых отношений, а коррупция de facto «отменяет» само государство, деформирует его систему управления, правосудие, другие государственные институты.

Например, только одно преступление, совершенное 9 мая 2004 года в г. Грозном на стадионе «Динамо», когда был убит президент Чечни А. Кадыров, представляло собой прямую угрозу конституционному порядку в этой республике и, может быть, даже территориальной целостности страны. Телевизионные хроники того времени не могли скрыть растерянности ни чеченских, ни федеральных чиновников перед лицом возникшей угрозы. Ни министр внутренних дел, ни генеральный прокурор РФ, ни другие официальные лица страны так и не сделали тогда внятного заявления о том, *что же* все-таки произошло и *что* будет сделано для того, чтобы подобное не повторилось. Власти не учли, что их молчание могло быть воспринято не только как определенное смятение, замешательство, психологический ступор, но и как некоторое самоуспокоение: наконец-то, терроризм в пространственном отношении постепенно стал смещаться в сторону той территории, из которой он, собственно, и исходит, а его направленность – в сторону от центральной власти к власти региональной².

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2004. 27 мая.

² Только в середине июля 2004 года Президент РФ В. Путин сделал необходимые «оргвыводы» из случившегося и наказал виновных (см.: Реформа добралась до силовиков (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2004. № 29).

И совершенно не случайно то, что в ночь на 22 июня 2004 года – дата нападения гитлеровской Германии на СССР – северокавказские террористы численностью около 600 человек провели еще более широкомасштабные террористические действия, на этот раз против Ингушетии, осуществив спланированные заранее нападения на правоохранительные органы республики. При этом было убито 88 и ранено 117 человек. И опять мы видим то же самое: вместо достаточно жестких ответных мер, власти продемонстрировали полнейшую прострацию, растерянность и смятение. Похоже, что руководители правоохранительных ведомств тогда не понимали того, почему подобные вылазки стали возможными и что надо сделать, чтобы раз и навсегда положить им конец.

Между тем журналистские расследования показали, что еще за несколько дней до нападения многие жители Ингушетии, в том числе сотрудники правоохранительных органов, знали о предстоящих событиях, поскольку даже таксисты предупреждали людей, советовали им покидать города, перебираться на какое-то время в безопасные места. По данным Генеральной прокуратуры и тогдашнего президента Ингушетии Мурата Зязикова, в нападении, кроме чеченцев, ингушей и некоторых граждан России, участвовали многие выходцы из Ближнего Востока, Средней Азии и Закавказья, которых глава республики называл «интернациональным сбродом»¹.

Все это дает основание для вывода о том, что данную акцию следует рассматривать как исходящее извне военное нападение, причем не только на Ингушетию (и тем более не только на ее правоохранительные органы), но и на Россию в целом. Кстати, именно так в свое время оценил президент США Дж. Буш-младший событие, произошедшее 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке (как исходящее извне военное нападение на США), когда в результате террористических действий преступников, захвативших самолеты, были разрушены здания всемирного торгового центра, что привело к гибели почти трех тысяч человек и к многомиллиардному материальному ущербу. Принятыми мерами экспансию терроризма в США удалось тогда, как известно, остановить. События последних лет со всей очевидностью показывают, что если мы не найдем на совершаемые на нас нападения адекват-

ные ответные меры, то станем постоянным их объектом и, в конце концов, соответствующие внешние силы получат то, к чему стремятся, а именно наступит очередной этап территориального распада нашего федеративного государства.

Все это выглядело еще более тревожно, если учесть углубляющиеся тогда процессы деморализации многих сотрудников правоохранительных органов, пораженных коррупцией, стяжательством и прямой смычкой с преступным миром за спиной власти. По данным тогдашнего руководства МВД Ингушетии, на оперативном учете в этой республике находилось примерно 300 милиционеров, разделяющих взгляды ваххабизма, причем проживали они практически в каждом селе. Треть из них являлись беженцами из Чечни. Среди остальных сотрудников органов внутренних дел немало было случайных людей, которые при определенных обстоятельствах могли бы стать предателями, выдать любую оперативную информацию, закрыть глаза на любые преступления боевиков, в том числе на готовящиеся ими акты терроризма¹. В Дагестане стали появляться не имевшие места ранее факты неподчинения местной милиции республиканским властям².

В дальнейшем ситуация постепенно стала выравниваться, но во многих случаях все еще оставались безнаказанными факты бандитизма, заказных убийств, захватов заложников, похищения людей и других опасных преступлений. Причем таковые совершались практически повсеместно (на всей территории страны) и беспрепятственно. Наглядным примером незащищенности граждан, общества и государства перед лицом преступности явилось, например, событие, происшедшее 2 августа 2004 года, когда группа активистов Национал-большевистской партии РФ (НБП РФ) из семи молодых людей (Кирилл Кленов, Олег Беспалов, Анатолий Глоба-Михайленко, Сергей Ежов, Максим Громов, Анатолий Коршунский и несовершеннолетний Григорий Тишин) проникла в здание Министерства здравоохранения и социального развития РФ и захватила кабинет министра Михаила Зурабова, повредив при этом кресло последнего, стул и выбросив в окно портрет В.В. Путина. Власть должна была быть бла-

¹ См.: Речкалов В. «Сначала проехал президент, потом появились боевики»: ингушские спецслужбы знали о готовящемся нападении боевиков на республику // Известия. 2004. 21 июля.

² См.: Дюпин С., Исаев М. Стражи беспорядка: ОВД Хасавюрта отказался подчиняться МВД Дагестана // Коммерсант. 2004. 14 августа.

¹ См.: Старицын В. На Ингушетию напал «интернациональный сброд» // Труд. 2004. 7 июля.

годарной инициаторам этой акции протеста оппозиции против замены льгот денежными выплатами, потому что такая «мирная оккупация» (как назвали акцию сами «нацболы»), надо полагать, позволила все же принять достаточно действенные меры против возможных актов терроризма. Ведь совершенно очевидно, что, оказавшись в тот день на месте «нацболов» северокавказские террористы, правительство могло лишиться как минимум одного министерства. Но вместо принятия конструктивных предупредительных мер власть решила «отыграться» на молодых людях, противопоставив им статьи Уголовного кодекса РФ о хулиганстве (213) и умышленном уничтожении или повреждении имущества (167). Все это дало повод оппозиционерам (в частности, лидеру НБП РФ Эдуарду Лимонову) назвать уголовно-правовое реагирование на состоявшуюся 2 августа 2004 года «мирную оккупацию» «мстью за портрет Путина, выброшенный в окно»¹.

Все это говорило о том, что надо было наращивать силы и средства на направлении противодействия преступлениям. Разумеется, усиление этого противодействия не могло осуществляться исключительно за счет более строгих наказаний («лимит» их на том этапе развития политики быстро был исчерпан). Здесь требовалось, прежде всего, умелое профилактическое сопровождение принуждения, а также другие необходимые меры, в том числе, конечно же, организационного и административно-правового характера.

Но и строгие наказания – там, где они нужны, – должны были еще сохраняться. В направлении снижения строгости наказаний было уже сделано немало. Само по себе принятие Уголовного кодекса РФ 1996 года продиктовано, прежде всего, этой задачей. Но и здесь есть свои пределы, выходить за которые пока преждевременно. Либерально-гуманистические изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ («О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»)², вызванные, как мы полагаем, не столько объективно складывающейся в стране криминальной обстановкой, сколько тогдашней предвыборной ситуацией в стране, в значительной своей части являлись, скорее, шагом назад в том наступлении на преступность, которое осу-

ществлялось с использованием предыдущих тридцати законов, внесших в УК РФ изменения и дополнения, направленные преимущественно на усиление ответственности за преступления.

В последующее десятилетие предприняты новые шаги в направлении смягчения уголовной ответственности, однако они не были подкреплены соответствующей системой профилактических мер, а также общеоздоровительных мер экономического и социального характера. Поэтому продолжение такой линии без соответствующего профилактического и общеоздоровительного социально-экономического контекста было бы, на наш взгляд, неправильным. В условиях сохраняющейся остроты проблемы преступности уголовная политика может быть гуманной и либеральной только до определенной черты. Достигнув ее, она должна остановиться, сказав решительное «нет» тем силам, которые все еще продолжают трубить о «гуманизации и либерализации...». Другое дело, если власть не готова пока создать надлежащие условия осужденным, отбывающим наказания в местах лишения свободы, то она должна позаботиться о необходимой модификации тех мер, которые отбываются в условиях относительной свободы.

Перефразируя известное положение, можно, наверное, сказать, что демократия лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться. Сравнивая нынешнюю ситуацию в стране с так называемой хрущевской «оттепелью» (вторая половина 50-х – первая половина 60-х годов, нельзя не вспомнить сопровождавший ее всплеск преступности. Предпринятыми тогда мерами (вспоминаются, в частности, принятые в 1966 году постановление ЦК КПСС об усилении борьбы с преступностью и Указ Президиума Верховного Совета СССР об усилении ответственности за хулиганство) вал преступности удалось остановить. Адекватные меры реагирования на осложнение криминальной обстановки нужны и сейчас. Без этого дальнейшее осуществление реформ окажется затруднительным.

Конечно же, было бы ошибкой бесконечно наращивать строгость наказаний, полагая, что только так можно стабилизировать правопорядок. На каких-то направлениях уголовной политики действительно можно было бы, закрыв глаза на обостряющуюся в целом проблему преступности, даже несколько снизить уровень репрессии. Например, наблюдаемый в настоящее время общий рост экономических преступлений не может все же,

¹ Жеглов А. Прокуратура раскрыла цену кресла министра Зурабова: покушавшимся на него грозят тяжкие последствия // Коммерсант. 2004. 14 августа.

² См.: Российская газета. 2003. 16 декабря.

как мы полагаем, поставить заслон переориентации правоохранительных органов с лишения свободы на достаточно крупные штрафы в борьбе с некоторыми видами таких преступлений. Не усматривается никакой необходимости раскручивать и дальше тяжеловесный маховик уголовно-правовой репрессии против наиболее активной части представителей нашей новой экономики, которая в условиях России делает, по существу, свои первые зрелые шаги.

Поучительным в данном случае является уголовное дело, возбужденное в 2003 году против руководителей ЮКОСа. В ситуации вокруг этой организации просматривается, как отмечает пресса, по меньшей мере три аспекта: экономический, политический и правовой. *Экономический* заключается в намерении руководителей государства «прибрать к рукам лакомый кусок экономики», *политический* – преодолеть политических оппонентов и, наконец, *правовой* – создать атмосферу всеобщей юридической уязвимости предпринимателей¹. Однако все это с неизбежностью бьет другим концом и по самому государству, поскольку ведет, во-первых, к монополизации экономики, а следовательно, и к ее разрушению, во-вторых, к обесцвечиванию политической палитры в обществе и, в-третьих, к росту коррупции, так как от юридической уязвимости предприниматели стали откупаться более крупными взятками. Но в целом в уголовной политике должен соблюдаться определенный баланс в симметрии «действие – противодействие». Ответные меры государства на вызовы преступности должны быть действительно адекватными, так как иначе молчание государства может быть расценено как безнаказанность со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Одним словом, будет правопорядок – будет и демократия; не будет правопорядка – не будет и демократии, а будет то, что и есть: терроризм, убийства, хищения, коррупция и, как следствие всего этого, отсутствие всякого движения вперед. Другое дело, что правопорядок при этом не должен напоминать ни казарменный социализм, ни, тем более, рядящееся в демократические тоги полицейское государство. Он должен «работать» на демократию, опираться на демократические средства и методы противодействия преступлениям и соответствовать самой сути

демократии – ее всеобъемлющему, всеохватывающему народному характеру.

Криминализация деяний, законность, правопорядок. Среди глобальных проблем права и правовой политики проблема отнесения законодателем деяний к разряду преступлений или к разряду иных правонарушений либо аморальных проступков в сочетании с проблемой правильной квалификации деяний занимает одно из центральных мест. Поэтому законодательному решению вопросов криминализации деяний всегда должна предшествовать их тщательная научная проработка. Наука должна основательно потрудиться перед тем, как предложить государству решиться, по выражению К. Маркса, на «самое серьезное, самое болезненное дело, когда к области преступлений относится такое действие, которое до сих пор не считалось преступным», когда государству предлагается «отсечь от себя свои живые части, делая из гражданина преступника», когда законодателю дается совет предпринять такой шаг, который «решает тысячи человеческих судеб и определяет нравственную физиономию общества»¹.

Четкое представление о том, *какие* деяния должны признаваться законом преступлениями, а *какие* – только проступками: административными, иными противоправными или аморальными, имеет принципиальное значение не только для соблюдения принципа законности в правоохранительной деятельности, но и для правопорядка. Деяния, уже признанные законом преступлениями, важно последовательно признавать именно таковыми на уровне и практической уголовной политики, искусственно не переводя их в разряд проступков, а проступки – в разряд преступлений. Сам по себе процесс квалификации деяний как преступлений или только как проступков (административных, иных противоправных либо аморальных) довольно часто весьма сложен, сопряжен с немалыми затруднениями, особенно если речь идет, например, об экономических, экологических, транспортных или компьютерных преступлениях.

Важно также иметь в виду, что пределы криминализации деяний есть одновременно и пределы уголовно-правовой юрисдикции. За рамками криминализации деяний нет и не может быть никакой уголовно-правовой юрисдикции, никакой уголов-

¹ См.: Леонтьев М. «Тоскливый климат» // Аргументы и факты. 2004. № 27.

¹ См.: Маркс К. Население, преступность, пауперизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 516.

ной политики. С другой стороны, *реальная* уголовно-правовая юрисдикция охватывает значительно меньший круг деяний, чем тот, который определен уголовным законом в качестве преступлений (см. рис. 1).

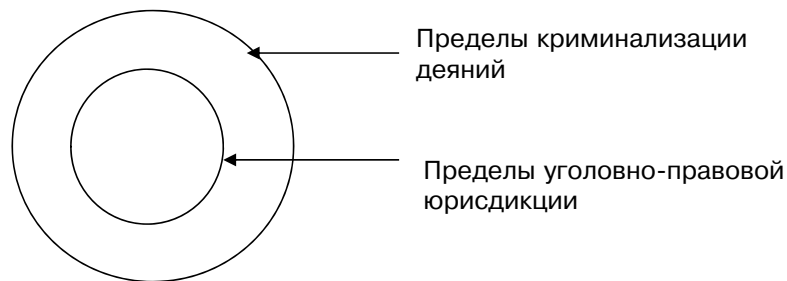

Рис. 1. Пределы криминализации деяний и пределы уголовно-правовой юрисдикции

Дело здесь заключается не только в том, что сам закон предусматривает целый ряд оснований освобождения от уголовной ответственности, но еще и в том, что не в традиции наших правоохранительных органов проявлять требуемую активность в случаях, когда совершено хотя и серьезное преступление, но в условиях неочевидности, или когда преступление не получает достаточно сильного общественного резонанса, не вызывает со стороны потерпевшего настойчивых требований о возбуждении дела. Опасения «получить очередного глухаря» порой заставляют сотрудников умерять свой профессиональный пыл, снижая его практически до нуля, в связи с чем многие преступления остаются без надлежащего уголовно-правового реагирования и в условиях безнаказанности повторяются, причем во все увеличивающихся масштабах. Это так называемые лжелатентные (скрываемые) преступления. Они в действительности есть, известны правоохранительным органам, но на них сотрудники намеренно закрывают глаза, и поскольку нигде в документах они не значатся, то в юридическом смысле их как бы не существует. В связи с этим налицо двойной ущерб: во-первых, правосудию, так как виновные в совершении преступлений лица остаются безнаказанными, и, во-вторых, правопорядку, так как в условиях безнаказанности преступления умножаются.

Второй блок преступлений, остающихся без уголовно-правового реагирования (или, во всяком случае, без *надлежащего* уголовно-правового реагирования), – это преступления, добраться

до которых сотрудники правоохранительных органов просто не в силах, даже если бы такое стремление у них и имелось. Дела прекращаются, и возврата к ним, как правило, не происходит. Негативные последствия в этом случае те же: безнаказанность и, как ее следствие, дестабилизация правопорядка.

Третий блок преступлений, остающихся без реагирования, – это преступления, по которым виновным удалось выйти «сухими из воды» благодаря взяткам, коррупции, протекциям, наконеч, по блату.

Есть еще и четвертая группа преступлений, остающихся без реагирования. Это преступления небольшой и средней тяжести, которые хотя иногда и регистрируются, но по которым никакой реальной правоохранительной работы не проводится: с одной стороны, в силу недооценки опасности названных преступлений (субъективный момент), а с другой – в связи с занятостью сотрудников органов уголовной юстиции противодействием более опасным преступлениям (момент объективный).

Совершенно очевидно, что порой сотрудники действительно не имеют возможности заниматься так называемой мелочевкой, ибо до предела загружены работой по линии противодействия более опасным преступлениям – тяжким и особо тяжким. Заботы их в отношении менее опасных преступлений зачастую сводятся к пустой трате сил: выезды на место происшествия, опросы, допросы, возбуждение уголовных дел, их приостановление, прекращение, возобновление, снова прекращение... Обычно все это заканчивается тем же, чем и начинается, – преступление остается нераскрытым. Ущерб правопорядку и правосудию дополняется в таком случае еще и тем, что бесполезный труд развращает человека.

Помимо прочего, здесь следует констатировать еще и следующее: правоохранительные органы, не реагируя на преступления менее опасные, тем самым включают зеленый свет преступлениям более опасным. Ведь более опасные преступления не появляются ниоткуда. Они закономерно вырастают из преступлений менее опасных. И если последние в условиях безнаказанности расцветают пышным цветом, то «благоденствуют» и первые. Вот почему одним из важных направлений уголовной политики должно стать некоторое усиление противодействия преступлениям небольшой и средней тяжести.

Но здесь следует учитывать еще и такой момент: наряду с игнорированием менее опасных преступлений, объясняемым дей-

ствительной или мнимой занятостью сотрудников на направлении противодействия тяжким и особо тяжким преступлениям, в работе правоохранительных органов наблюдается также тенденция игнорирования тяжких и особо тяжких преступлений, сопровождаемая созданием видимости какой-то активности на направлении противодействия малоопасным преступлениям. Эту тенденцию иногда называют в литературе «погоней за мелочевкой», состоящей в том, что правоохранительная деятельность разворачивается в основном вокруг очевидных малоопасных преступлений, раскрытие которых не представляет затруднений. В результате получается, что сотрудники отчитываются о своей работе перед государством «показателями», касающимися главным образом малоопасных деяний, которые по своему правовому статусу хотя и являются преступлениями, но при наличии широкого спектра оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания едва ли во всех случаях должны влечь применение именно уголовно-правовых мер. При этом получается так, что в «жерновах» уголовно-правовой юрисдикции «перемалывается» всякий мелкий люд, совершивший деяния, не заслуживающие столь строгого реагирования. Работа по очевидным малоопасным преступлениям превращается порой для сотрудников правоохранительных органов в предмет их *главной* заботы. Если продолжать практику оказания преимущественного внимания малоопасным деяниям, то действительно опасные преступники будут и дальше оставаться безнаказанными и беспрепятственно совершать вообще любые преступления. Ведь то, что хотя и запрещено уголовным законом, но реально не подкреплено наказуемостью, воспринимается обычно как разрешенное. Поэтому преступники будут продолжать и дальше «бомбить» дачные и садово-огородные домики, гаражи, сараи, угонять машины, очищать карманы и сумки незадачливых пассажиров общественного транспорта, превращать подъезды домов в помойки, а фасады – в «летописи» вандалов.

Таким образом, важно не допускать перекосов в правоохранительной деятельности ни в сторону необоснованного усиления ответственности, ни в сторону необоснованного ее смягчения. Необоснованное смягчение ответственности (оправдательный уклон) опасно не в меньшей мере, чем необоснованное ее усиление (уклон обвинительный). Любое преступление требует того, чтобы им заниматься в полном соответствии с законом. Но если

речь идет о преступлениях менее опасных, то противодействие им может быть *усилено* не обязательно только средствами уголовного права. Во многих случаях здесь могут оказаться достаточными и административно-правовые меры. В каких случаях реагирование на малоопасные преступления должно быть уголовно-правовым, а в каких – административно-правовым? Избрать именно тот вариант, который был бы единственно верным – сложная задача. Для ее решения обратимся вначале к другому вопросу, а именно к вопросу об общественной опасности как основном критерии отграничения преступлений от иных правонарушений и аморальных проступков.

Общественная опасность как основной критерий отграничения преступлений от иных правонарушений и аморальных проступков. Необходимо правильно понимать логику законодателя, которой он руководствовался, относя те или иные деяния к разряду преступлений или к разряду проступков. Основной критерий разграничения преступлений, с одной стороны, и иных правонарушений и аморальных проступков, с другой – это наличие у преступлений такого социального свойства, как общественная опасность. И соответственно отсутствие этого свойства у иных правонарушений и аморальных проступков.

Уголовный закон (ст. 14 УК РФ) исходит из того, что общественная опасность есть исключительно уголовно-правовое понятие. Если она есть, то есть и преступление; нет ее – нет и преступления. Вернее, в случае наличия у деяния общественной опасности преступления может и не быть, например, если лицо на тех или иных законных основаниях освобождается от уголовной ответственности. Но отсутствие преступления, конечно же, еще не означает того, что в совершенном деянии вообще нет ничего предосудительного, что оно совсем не представляет никакой опасности для охраняемых законом ценностей, благ, интересов. Опасность *может* сохраняться и в этом случае, но она может быть не настолько большой, чтобы иметь статус *общественной* опасности, то есть опасности для *всего общества*, причем такой, которая исходила как бы *изнутри самого общества*, то есть от отдельных его членов, на действиях (бездействии) которых лежала бы в этом случае печать их сознания и воли, от индивидов, поведение которых «организуется» сознательно и волевым образом, осуществляется *под контролем* их сознания и воли.

Деяние, которое в силу малозначительности не является общественно опасным, а следовательно, и не может рассматриваться как преступление, может при определенных условиях признаваться *иным правонарушением* (например, административным) или в крайнем случае *аморальным проступком*. Возможны, конечно, и случаи, при которых формально уголовно-противоправное деяние в силу малозначительности вообще теряет свойство какой бы то ни было опасности («вредности»), но в таком случае мы его не принимаем в расчет, абстрагируемся от него с тем, чтобы не упустить из виду главное (см. рис. 2).

ПРЕСТУПЛЕНИЯ		
ИНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ	АМОРАЛЬНЫЕ ПРОСТУПКИ	АКТЫ ПОВЕДЕНИЯ, НЕ ПОЛУЧАЮЩИЕ СО СТОРОНЫ ПРАВА И (ИЛИ) МОРАЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Рис. 2. Соотношение преступлений, иных правонарушений, аморальных проступков и актов поведения, которые не являются правонарушениями или аморальными проступками

В связи с указанным подчеркнем, что применительно к уголовному праву так называемый общеправовой принцип «что не запрещено законом, то разрешено», не действует. То, что не запрещено уголовным законом, может быть запрещено другим законом или, по крайней мере, осуждаться нормами морали и нравственности, а поэтому уголовный закон, если он действительно «хочет» эффективно противодействовать преступлениям, не только не может «разрешать» иные (помимо преступлений) правонарушения и аморальные проступки (из которых, как известно, нередко вырастают и преступления), но, напротив, должен занимать по отношению к ним принципиальную отрицательную позицию. Во всяком случае, уголовный закон должен восприниматься нами именно так: действует он только в пределах своей возможной досягаемости – в отношении лишь преступлений, а «хмурый взгляд» свой попутно бросает и на все остальные чинимые людьми противоправные или просто предосудительные поступки.

В отличие от преступлений, деяния, имеющие характер иных правонарушений или аморальных проступков, следует именовать не *общественно*, а *социально* опасными, то есть опасными не для всего общества, а лишь для *отдельных социальных ценностей, интересов, благ*. Однако если речь идет не о правонарушениях, а об аморальных проступках, то в этом случае лучше пользоваться термином «опасность», опуская указание на *социальный* ее характер, поскольку общественное осуждение сопровождает далеко не каждый аморальный проступок; в большинстве случаев все здесь сводится (или может быть сведено) к обычному самоосуждению.

Итак, сфера преступного поведения заканчивается там, где заканчивается его общественная опасность. Но точно так же, как дорога обычно не кончается там, где кончается асфальт, общественная опасность, как правило, не превращается в ничто, если завершается сфера преступного поведения и начинается сфера проступков (административных, иных противоправных либо аморальных) или других актов поведения (не порицаемых правом и не осуждаемых моралью). Она лишь трансформируется в *социальную опасность* (применительно к иным правонарушениям) или просто в опасность (для аморальных проступков).

Прежде всего, важно различать понятие общественной опасности в *узком смысле* (общественная опасность как *отличительный признак преступления*, то есть как такой его признак, по которому преступление отграничивается от смежных не преступных деяний, приобретающих *в одних случаях* характер административных правонарушений, *в других* – характер прочих правонарушений или аморальных проступков, а *в третьих* – характер и вовсе безразличных с точки зрения порицающей функции права и (или) морали поступков), и в *широком смысле* (общественная опасность как *материальное свойство любого правонарушения*, в том числе и преступления).

Кроме того, следует различать *сверхширокий смысл* общественной опасности (охватывающий еще и сферу аморальных проступков, а также сферу запрещенных правом деяний, совершаемых невменяемыми, малолетними, лицами, действующими в состоянии неведения или при иных обстоятельствах, исключающих преступность деяний) и *максимально широкий (суперширокий) ее смысл* (опасность, связанная не только с преступлениями, иными правонарушениями, аморальным проступ-

ками, невиновным причинением вреда, но и с разного рода стихийными бедствиями: землетрясениями, снежными лавинами, извержениями вулканов, ураганами, наводнениями, движением айсбергов и т.п.), который при определенных обстоятельствах тоже может иметь то или иное юридическое значение, поскольку, например, природные катаклизмы тоже могут быть в принципе предвидимы, вследствие чего их опасные последствия своевременно предпринятыми мерами могут быть предотвращены или по крайней мере сведены к минимуму.

Линия, разделяющая преступления и проступки, не всегда ясная и отчетливая. Иногда она очень слабая, едва заметная, прерывистая (изображаемая пунктиром, а не сплошной линией), что может быть связано с «раздвоенностью» законодателя, который в одних случаях выступает как законодатель в области уголовного права, а в других – как законодатель в области административного или иного права. Конечно же, законодатель, в принципе, един, но специалисты, имеющие к нему доступ и тем или иным образом представляющие его в законотворческом процессе, разные. И каждый из них в вопросах наказуемости деяний гнет свою линию, в связи с чем в границе, разделяющей сферу преступлений, с одной стороны, и сферу иных правонарушений и аморальных проступков – с другой, образуются размытости, бреши, провалы, «разрывы», превращающие ее порой из сплошной в тот же едва заметный пунктир. Обычно это связано с нечеткостью определения в законе признаков стыкующихся между собой деяний: с одной стороны, преступлений, а с другой – административных правонарушений. Задача законодателя – быть в этом вопросе максимально точным, предельно педантичным, крайне пунктуальным.

В данной связи представляется целесообразным изложить ч. 2 ст. 14 УК РФ в новой редакции, а именно в такой: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющего общественной опасности, а являющегося лишь социально опасным (применительно к иным правонарушениям) или просто опасным (применительно к аморальным проступкам), то есть не причинившим существенного ущерба охраняемым законом интересам личности, организации, общества или государства и не создавшим значительной угрозы причинения такого ущерба.

В силу малозначительности формально запрещенное уголовным законом деяние может также рассматриваться как не представляющее интереса с точки зрения права и (или) морали».

Как уже отмечалось, криминализация деяний на нижнем уровне их общественной опасности – одна из труднейших задач законодателя. Вопрос о том, что считать преступлением, а что – только иным правонарушением (либо только аморальным проступком), не может быть решен сутогу интуитивно, на основе одного лишь повседневного опыта, отрывочных жизненных наблюдений, субъективного представления о добре и зле и т.п. Поверхностному взору обычно открывается лишь обманчивая видимость вещей. Разумеется, никто не может сомневаться в том, что убийство – преступление, но если взять, например, доведение до самоубийства, то с оценкой уже этого деяния далеко не все так просто. Например, закон не дает четкого ответа на вопрос о том, можно ли квалифицировать по ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства) случаи, когда, скажем, супруг «наказывает» супругу невниманием и та от отчаяния пытается наложить на себя руки, предварительно сообщив о причине своего рокового решения кому-либо из знакомых или в предсмертной записке (для всеобщего сведения).

Немало вопросов возникает и с причинением смерти, совершенным в состоянии аффекта, а также при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. То же самое можно сказать о клевете, незаконном предпринимательстве и многих других деяниях, которые в одних случаях *могут* признаваться преступлениями, а в других – *не могут*, так как приобретают характер иных правонарушений или аморальных проступков.

Подобные деяния составляют довольно весомую часть всех деяний, предусмотренных Уголовным кодексом РФ в качестве преступлений. В числе их можно назвать, например, побои, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, заражение венерической болезнью, неоказание помощи больному, оставление в опасности, принуждение к действиям сексуального характера, развратные действия, несоблюдение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, незаконную охоту.

С высокой степенью уверенности можно однозначно трактовать как преступления, наряду с убийствами, например, такие

деяния, как истязание, изнасилование, похищение человека, торговля людьми, подмена ребенка, грабеж, разбой, терроризм, захват заложника, бандитизм, пиратство, государственная измена, шпионаж, диверсия. Эти преступления не имеют непосредственного соприкосновения со сферой иных (не наказуемых в уголовно-правовом порядке) правонарушений и аморальных проступков. Их общественная опасность как бы обрывается, не переходя плавно в сферу *социальной опасности* (или *просто опасности*) и соответственно не переводя какие-либо из подобных преступлений в область административных, иных противоправных или аморальных проступков либо в сферу поступков, вообще не имеющих какого-либо противоправного или аморального содержания. Мелкими могут быть, например, вандализм, хулиганство или хищение, но ни при каких обстоятельствах таковыми не могут признаваться убийства, изнасилования, акты терроризма, государственной измены или шпионажа.

Говоря об общественной опасности как критерии отграничения преступлений от непреступных деяний, необходимо иметь в виду и некоторые другие моменты, в частности, *распространенность общественно опасных деяний и невозможность эффективно противодействовать им иными (не уголовно-правовыми) мерами*. Такое деяние, как гипнотическое воздействие на лицо без его согласия, есть, безусловно, общественно опасное деяние, но в силу отсутствия распространенности подобных деяний криминализация их пока не представляется целесообразной. То же самое можно сказать, например, о засорении космического пространства отходами деятельности по его освоению, об угоне космических кораблей, о проведении опасных для жизни людей экспериментах, клонировании человека, заведомо ложном сообщении о готовящихся убийствах, разбойных нападениях, актах бандитизма и других опасных преступлениях, о предстоящих событиях природного свойства, способных создать опасность для жизни и (или) здоровья людей.

Объективно общественно опасным является спаивание женщины с целью расположения ее к интимной близости, заведомо ложное обещание, данное девушке с целью вступления с ней в интимные отношения, лишение девушки девственности действиями, не связанными с половым сношением, халатное отношение руководителя коммерческой организации к своим обя-

занностям, повлекшее несостоятельность (банкротство) этой организации, причинившее ущерб правоохраняемым интересам, самовольное строительство в охранной зоне (например, в зоне расположения памятников истории и культуры, а также в заповедниках, заказниках и на других особо охраняемых территориях), но подобным деяниям можно, как представляется, не менее эффективно противодействовать другими мерами (например, административно-правовыми), а поэтому законодатель их не криминализует.

Оптимальные модели соотношения уголовно-правовой и административно-правовой юрисдикции. Если учесть, что правоохранительные органы в настоящее время явно не справляются с надвигающимся на общество валом преступности, то вполне справедливо задаться вопросом, а стоит ли вообще сохранять в столь широких масштабах криминализацию деяний, граничащих со сферой проступков. Представляется, что ответ на данный вопрос может быть только один – нет. Если Уголовный кодекс в *значительной своей* части бездействует (то есть многие его статьи не применяются), а следовательно, является своеобразным приложением к остальной его части, то это ни к чему хорошему не приведет. Он в этом случае будет фиктивным, причем не только в неприменяемой его части, но в каком-то смысле и в целом, так как нормы-фикции дискредитируют саму суть уголовного закона, состоящую в неотвратимом и весьма жестком реагировании на преступления как крайне опасные для общества деяния. Уголовно-правовые запреты при отсутствии реальной наказуемости их нарушений не являются убедительными для тех, кому в первую очередь адресуются, а именно для неустойчивых в морально-нравственном отношении лиц.

Сегодня нам нужен, с одной стороны, небольшой, но достаточно жесткий, а главное, реально действующий Уголовный кодекс, а с другой – умеренно сильное, но быстродействующее «околоуголовно-правовое» законодательство (например, административное). Противодействие преступлениям небольшой и средней тяжести совершенно необязательно во всех случаях может осуществляться на основе именно уголовно-правовых мер – нередко вполне достаточными могут быть и меры, применяемые в порядке административно-правовой юрисдикции. Уголовное законодательство стало бы в этом случае менее декларативным, то есть оно могло бы не только и не столько декларировать запреты

и связанные с ними «намерения-угрозы», но и стать реальной силой противодействия преступлениям, действенным фактором правопорядка. Если имитация ударов по преступности сменится действительно работающей уголовно-правовой силой, то резко снизится уровень безнаказанности, порождающей преступления.

Сужение сферы уголовно-правового регулирования отношений с одновременным расширением сферы административно-правового их регулирования – закономерная тенденция общественного развития в условиях формирования правового государства и гражданского общества. Публичные начала управления обществом при этом не только не ослабевают, но в какой-то мере и усиливаются, поскольку правовое реагирование на преступления становится в случае замены уголовной ответственности ответственностью административной более неотвратимым и в конечном счете более действенным. Другое дело, что в новых условиях не страхом единым «жив» правопорядок. В борьбе с преступностью принуждение должно все в большей мере сочетаться с убеждением, с мерами профилактики и предупреждения преступлений, с мерами экономического, социального, культурного и иного общеоздоровительного характера.

Полагаем, что далеко не единичны деяния, предусмотренные в уголовном законодательстве в качестве преступлений, которые могли бы быть взяты под контроль и на основе законодательства об административных правонарушениях. Во всяком случае, число подобных деяний могло бы быть большим для того, чтобы снизить нагрузку на систему органов уголовной юстиции в такой мере, чтобы это заметно повлияло на повышение эффективности их деятельности.

Здесь позволим себе еще раз привести образное сравнение: точно так же, как обычная труба не может пропустить через себя больше жидкости или газа, чем это предопределено ее диаметром и другими конструктивными особенностями, так и правоохранительная система не в состоянии «пропустить через себя» всю ту массу деяний, которая обозначена в уголовном законодательстве в качестве преступлений. В народе говорят: «Лучше меньше – да лучше!». Эта мудрость побуждает считаться с реалиями и на уровне практической уголовной политики: лучше в Уголовном кодексе обозначить меньше деяний в качестве преступлений, но постараться сделать так, чтобы все они (или по

крайней мере значительная их часть) были «перекрыты» реальными мерами противодействия.

Вопрос о повышении «пропускной» способности правоохранительных органов по-прежнему остается актуальным. Если сейчас сотрудники этих органов норовят уклониться от того, чтобы должным образом отреагировать на преступление, то уже в ближайшее время надо сделать так, чтобы они были кровно заинтересованы в таком реагировании. Надо снять решетки и стекла в дежурных комнатах отделов милиции, убрать переговорные устройства, наглухо отделяющие народ от его правоохранительной власти, сделать эту власть доступной, понятной, а главное действительно нужной и полезной.

Министру внутренних дел РФ, руководителям региональных органов внутренних дел необходимо повседневно общаться с рядовыми сотрудниками, участковыми уполномоченными, оперативными работниками, следователями, от которых, собственно, все и зависит в области правопорядка. Тогда там, наверху, будет достоверно известно, что именно толкает сотрудника на мордобой, пытки, фальсификацию уголовных дел, на равнодушие к интересам потерпевших, на коррупцию.

Но проводя необходимые изъятия из уголовного законодательства, следует одновременно позаботиться и о том, чтобы исключаемые из него положения после соответствующей «обработки» были включены в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Иначе мы неизбежно столкнемся с ситуацией, подобной той, которая создалась непосредственно после принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹, когда был декриминализован ряд деяний без одновременного включения их в Кодекс об административных правонарушениях.

Это касается, например, причинения вреда здоровью средней тяжести по неосторожности, заведомо ложной рекламы, нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшего причинение потерпевшему по неосторожности вреда здоровью средней тяжести, хулиганства как грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу и сопровождающегося примене-

¹ Российская газета. 2003. 16 декабря.

нием насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, в том числе такого хулиганства, которое совершено группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой или связано с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка.

Зависли также акты хулиганства, связанные с угрозой применения насилия либо умышленным уничтожением или повреждением имущества, *не причинившим значительного ущерба*. Что касается *декриминализованного* хулиганства, то частично оно все же вновь криминализовано, в частности посредством дополнения составов преступлений, предусмотренных ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), 116 (побои) и 167 (умышленное уничтожение или повреждение имущества) УК РФ, признаком совершения предусмотренных этими статьями деяний из *хулиганских побуждений*. Но многие другие деяния все же вообще остались вне какого-либо правового реагирования. Это досадный просчет законодателя.

Административно-правовая юрисдикция в уголовном праве. Вторым шагом в направлении сужения сферы уголовно-правового регулирования (за счет некоторого расширения сферы административно-правового регулирования) должно явиться прямое включение отдельных элементов административно-правовой юрисдикции в уголовное право. Рассматривая дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, суд мог бы в этом случае заменять уголовную ответственность ответственностью административной, например в виде штрафа, если виновное лицо *способно* заплатить его, согласилось это сделать, раскаялось, признало вину и обещало впредь не допускать противоправных действий. Ввиду такой замены ответственности одного вида на другой деяние утрачивало бы свойство преступного (точнее, не приобретало бы его) и, естественно, могло бы рассматриваться не как преступление, а как проступок.

С другой стороны, такое деяние в данном случае не в полной мере утрачивало бы свойство уголовно-противоправного и в силу этого могло бы именоваться *и уголовным проступком*. Именно *проступком*, так как реально уголовной ответственности оно *не влекло бы* (поскольку эта ответственность заменялась бы от-

ветственностью административной). И в то же время оно могло бы именоваться *уголовным* проступком в силу сохраняющейся его уголовно-правовой запрещенности. Для того чтобы создать применительно к преступлениям небольшой и средней тяжести правовые основания для замены уголовной ответственности ответственностью административной, следует, в частности, дополнить ст. 75 и 76 УК РФ соответствующими указаниями на это.

Полагаем, что административная ответственность (например, в виде штрафа) была бы уместной не только в случае освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим, но и в случаях, например, условного осуждения, отсрочки исполнения приговора отдельным категориям женщин, условно-досрочного освобождения от наказания, замены наказания более мягким, амнистии, помилования.

Достаточно строгие административные штрафы были бы уместными и в случае совершения пограничных (по отношению к преступлениям) деяний, например деяний, которые не предусмотрены в качестве запрещенных ни в уголовном, ни в административном законодательстве, но по степени опасности с очевидностью превосходят любое из административных правонарушений. Наглядный пример наличия таких деяний – нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее причинение вреда здоровью средней тяжести.

Понятие уголовного проступка представляется настолько важным, что заслуживает, на наш взгляд, включения в Уголовный кодекс. Для этого целесообразно ст. 15 УК РФ дополнить частями шестой, седьмой, восьмой, девятой и десятой следующего содержания:

«6. В рамках вышеприведенной классификации преступлений выделяется категория уголовных проступков, то есть таких социально опасных деяний, которые, будучи запрещенными настоящим Кодексом, влекут условное осуждение, отсрочку исполнения приговора отдельным категориям лиц, освобождение от уголовной ответственности и (или) наказания по предусмотренным законом основаниям.

7. Уголовными проступками признаются впервые совершенные преступления небольшой и средней тяжести, а в порядке исключения из общего правила также отдельные тяжкие пре-

ступления, влекущие согласно санкциям соответствующих статей настоящего Кодекса наказание в виде лишения свободы на срок не свыше восьми лет, за которые суд назначает условное осуждение или отсрочку исполнения наказания отдельным категориям лиц, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для реального отбывания наказания в места лишения свободы.

8. С учетом обстоятельств содеянного уголовный проступок, не повлекший условного осуждения или отсрочки исполнения приговора отдельным категориям лиц, но по которому (проступку) было принято решение об освобождении лица от уголовной ответственности или наказания, может послужить основанием для административной ответственности в виде штрафа в размере от одной до двадцати пяти тысяч рублей или в пятикратном размере величины причиненного преступлением ущерба.

9. Такой же ответственности подлежит и лицо, освобожденное от уголовной ответственности и (или) наказания, а также лицо, совершившее деяние, не предусмотренное настоящим Кодексом или Кодексом РФ об административных правонарушениях в качестве соответственно преступления либо административного правонарушения, но с очевидностью более опасное, чем какое-либо из деяний, предусмотренных законом в качестве административного правонарушения¹.

10. Уголовный проступок не является основанием для признания совершенного в дальнейшем преступления как рецидивного и не может признаваться при назначении наказания в качестве обстоятельства, отягчающего наказание».

Целесообразно распространить административно-правовую юрисдикцию и на сферу некоторых ненаказуемых в уголовно-правовом порядке деяний, например, на такие деяния, как: приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести, пособничество преступлению в форме предоставления лицу перед совершением им преступления продуктов питания, лекарственных препаратов, наркотических средств или психотропных веществ, спиртных напитков, одежды, жилья или иного помеще-

ния и т.п.; неосторожное сопричинение вреда, например в случае совершения группой лиц какого-либо преступления, не охватывавшегося умыслом организатора; эксцесс исполнителя; не наказуемое в уголовно-правовом порядке нарушение условий правомерности действий при обстоятельствах, предусмотренных ст. 37–42 УК РФ.

В некоторых случаях административная ответственность могла бы дополнять ответственность уголовную, например в случаях совершения лицом, находящимся в состоянии опьянения, какого-либо насильственного или иного агрессивного преступления.

В условиях актуализации проблемы правопорядка административно-правовые санкции могут стать важным резервом повышения эффективности противодействия преступлениям.

Об административно-правовой преюдиции в уголовном праве. В связи с возрастанием «нагрузки» на административно-правовую юрисдикцию для целей уголовной политики необходимо обсудить вопрос о возможности допущения в уголовном праве административно-правовой преюдиции. Напомним, что административно-правовая преюдиция предполагает совершение лицом административного правонарушения в течение года после наложения на него административного наказания за такое же правонарушение. В описанной ситуации последний акт правонарушения, взятый в единстве с предыдущим и с учетом понесенного за него административного наказания, может при определенных условиях рассматриваться как преступление. Это может касаться, например, повторных мелкого хулиганства, мелкого хищения, мелкого незаконного предпринимательства, мелкого уклонения от уплаты налогов и некоторых других административных правонарушений данного ряда.

Полагаем, что восстановление в уголовном праве ранее отмененной административно-правовой преюдиции является весьма актуальным с учетом задач дальнейшей гуманизации нашей уголовной политики, ибо она (преюдиция) позволила бы декриминализовать значительную часть деяний, именуемых ныне преступлениями. В то же время административно-правовой статус деяний-преступлений при наличии вышеописанной преюдиции мог бы легко преобразовываться в статус уголовно-правовой, что способствовало бы делу обеспечения в стране стабильного правопорядка, столь необходимого для успешного осуществления реформ.

¹ Здесь имеются в виду случаи обнаружения практикой очевидных пробелов в зонах пограничных интересов уголовного законодательства и законодательства об ответственности за административные правонарушения, неизбежных в условиях упоминавшейся выше «раздвоенности» законодателя. Возможность связанной с этим аналогии права следовало бы, на наш взгляд, специально оговорить в Уголовном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Об уголовно-правовой компетенции субъектов Федерации в отношении общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений. Процесс сужения уголовно-правовой юрисдикции за счет некоторого расширения юрисдикции административно-правовой шел бы, на наш взгляд, более интенсивно, если бы правом принятия уголовного законодательства были наделены субъекты Федерации, на первом этапе, может быть, в части лишь менее опасных преступлений. В свое время известный политик и государственный деятель высказал мысль о том, что не должно быть законности «калужской» или «казанской», а должна быть единая общероссийская законность. «Калужской» и «казанской» законности в России (в смысле наличия разных законов в разных городах) действительно никогда не было, но в условиях такого федеративного государства, как Советский Союз, была, как известно, законность российская, украинская, белорусская, казахская и т.д. – по числу субъектов союзной Федерации. То есть в СССР каждый входивший в него субъект был по Конституции 1977 года наделен правом принимать свое уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. В настоящее же время существует единое для всей страны (федеральное) уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. Субъекты же Федерации лишены права принимать свои уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные кодексы. То же самое мы видим и в других отраслях законодательства. В результате во многом утрачены механизмы высокоэффективного совершенствования правоохранительного законодательства на основе сравнительного анализа его состояния в разных регионах.

Представляется целесообразным вернуться к такому положению, когда в нашей стране основы отраслевого законодательства разрабатывались и принимались на федеральном уровне, а само это законодательство – на уровне субъектов Федерации. Но это должен быть не механический возврат к старому, а такой, при котором в стране могла быть создана принципиально новая система права. Что касается уголовного законодательства, то его основы, включающие ведущие институты как Общей, так и Особенной части данного законодательства, должны, безусловно, приниматься на федеральном уровне, а в полном объеме – на уровне субъектов Федерации. При этом субъекты Федерации могли бы принимать свои собственные уголовные кодексы, «кооперируясь» в данной

работе по федеральным округам. Особенно был бы важен такой кодекс для Приволжского федерального округа, который расположен по берегам главной водной «улицы» России – Волги и который занимает далеко не последнее место среди других федеральных округов, причем не только географически, но и по ряду иных показателей: экономических, политических, социальных, правовых, культурных, оборонных, демографических и др. По существу, это становой хребет страны. При этом нельзя не учитывать и того, что на территории данного округа расположена основная часть национально-государственных образований России, ведущих, как известно, активную законотворческую работу, в том числе ориентированную на обеспечение правопорядка.

Идеальным же вариантом была бы «привязка» уголовного и смежного с ним законодательства (а также иного отраслевого законодательства) к разрабатываемому еще с 2004 года группой ученых из Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Российской академии наук новому административно-территориальному делению страны на 28 субъектов Федерации¹. По замыслу инициаторов проекта, новые структурные образования (губернии) были бы примерно равными по численности населения и экономическому потенциалу, а это явилось бы важной предпосылкой равенства и их юридического статуса.

* * *

Разграничительная линия между преступлениями и проступками была бы проведена еще более отчетливо, если бы одновременно она исследовалась и «со стороны» административного права. Но и сугубо уголовно-правовой подход тоже не является в данном случае односторонним, поскольку уголовное право есть во многом системообразующая отрасль права, в особенности по отношению к тем отраслям, нормы которых предусматривают ответственность за правонарушения, непосредственно примыкающие по характеру и степени опасности к сфере преступного поведения. Уголовное право, конечно же, не «старший брат» права административного, но все же именно в нем наиболее выразительно прослеживается нравственно-психологическая и, может быть, даже концептуальная канва всего правоохранительного законодательства в целом.

¹ См.: Колесниченко А. Идеал – 28 губерний // Аргументы и факты. 2004. № 23. С. 2, 4.

8.2. Единство и особенности системы и содержания уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях

Уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях (далее – административное законодательство) характеризуется многими общими чертами. И то, и другое решают общие задачи обеспечения в стране правопорядка – каждое своими методами и своей силой воздействия на соответствующую сферу противоправного поведения. Это обязывает рассматривать единство и особенности содержания того и другого законодательства.

Уголовное и административное законодательство как единый, взаимосвязанный правовой комплекс, призванный решать задачи охраны правопорядка. Уголовное законодательство и законодательство административное представляют собой единую взаимосвязанную систему двух важнейших правовых отраслей, оказывающих важное дисциплинирующее воздействие на граждан, на специально обязанных лиц (должностных, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, других), на сами организации (коммерческие и иные), а также на различные институты гражданского общества (например, на сферу деятельности общественных объединений) и правового государства (например, на сферу правосудия).

Названные отрасли законодательства, опираясь на принудительную силу государства, ориентируются на противодействие наиболее опасным посягательствам на важнейшие личностные, межличностные, корпоративные, общественные, государственные и общемировые ценности.

Уголовное законодательство и законодательство административное создается примерно по одной той же схеме – от общего к особенному, от основ законодательства к его преломлению на конкретные виды правонарушений, от правонарушений к наказаниям. Знакомясь с Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП), невольно ловишь себя на мысли о том, что законодательство об этих правонарушениях является логическим продолжением и развитием законодательства уголовного. Знакомые уголовно-правовые мотивы обнаруживаются в КоАП, например, при регламентации в нем вопросов действия

закона во времени и пространстве, давности привлечения к ответственности, форм вины, крайней необходимости, неменяемости, общих начал назначения наказания, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Здесь, в КоАП, мы видим ту же, что и в Уголовном кодексе РФ, структуру, а именно деление отрасли на Общую и Особенную части, статей – на части, частей статей – на пункты. Статьи Особенной части КоАП и их части (если статьи делятся на части) имеют ту же, что и в уголовном законодательстве, двухэлементную структуру, включающую диспозицию и санкцию.

Как и в уголовном законодательстве, в законодательстве административном применяемые за противоправные деяния меры именуется наказаниями. И здесь, и там наблюдается отчетливое стремление законодателя к точному определению составов противоправных деяний и составов наказаний¹.

Административное законодательство (ст. 4.6 КоАП – срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию) в какой-то мере восприняло отдельные элементы уголовно-правового института судимости.

Как и в УК РФ, в КоАП каждая статья имеет свое вполне определенное наименование.

Вместе с тем в административном законодательстве встречается немало новаций, не свойственных уголовному праву. С одними из них мы безраздельно соглашаемся (ими можно даже пользоваться при подготовке предложений по совершенствованию уголовного законодательства), а с другими можно и поспорить.

Возможные варианты заимствования отдельных положений административного законодательства в законодательстве уголовном. Что мы принимаем в административном законодательстве безоговорочно? В числе таких положений можно указать, например, на допускаемую новым административным законодательством ответственность юридических лиц. В нем мы имеем обстоятельные базовые правовые положения, на которые

¹ Состав наказания в нашей трактовке – наказания, которые названы в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ (или Особенной части КоАП) применительно к предусмотренному данной статьей преступлению. Элементы состава наказания: объект наказания – личность осужденного как объект исправительно-предупредительного воздействия на нее со стороны государства, субъект – само государство, подвергающее осужденного наказанию, объективная сторона – меры принуждения (сочетающиеся с убеждением), применяемые к осужденному в ходе исполнения наказания, субъективная сторона – цели, на достижение которых направлены применяемые к осужденному в порядке реализации наказания меры принуждения.

можно опираться при введении в уголовное право института ответственности юридических лиц.

Представляется возможным позаимствовать для уголовного законодательства из законодательства административного также отдельные виды наказания, например, такие как выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, дисквалификация.

Уместным было бы при описании умысла в уголовном законодательстве воспользоваться примером законодательства административного, которое, определяя понятие умысла, оговаривает необходимость сознания лицом противоправного характера содеянного. Если сознание противоправности деяния *обязательно* для признания умысла в *административном правонарушении*, то тем более оно необходимо для признания умысла в *преступлении*.

Конечно, было бы более правильным, если бы при определении умысла в КоАП речь шла о сознании лицом, совершившим запрещенное законом деяние, не только противоправности последнего, но и его *опасности* (точнее, *социальной опасности*). Но коль скоро КоАП не воспринял уголовно-правовое понятие общественной опасности, а вместо него не «изобрел» собственного (административно-правового) его аналога, то отпадают и основания для претензий к нему в этой его части.

Несомненно, более удачным является используемый в административном законодательстве при описании форм вины термин «сознание» вместо используемого в уголовном законодательстве термина «осознание». Кстати, старый Уголовный кодекс (УК РСФСР 1960 г.) пользовался при описании форм вины термином «сознание» и ни у кого из юристов-аналитиков, судя по публикациям, это не вызывало возражений.

Новаторским является и уравнивание в административном законодательстве правового статуса лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, с должностными лицами. Понятно, что такой же подход следует осуществить и в уголовном законодательстве, так как иначе нарушается принцип согласованности норм различных отраслей права между собой.

Многие составы административных правонарушений сформулированы в КоАП таким образом, что соответствующие деяния (в наиболее опасных их проявлениях) вполне могли бы

претендовать на получение «прописки» и в уголовном законодательстве. Это касается, например, таких составов правонарушений, как подкуп избирателей или участников референдума (ст. 5.16), нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповеданий и религиозных объединениях (ст. 5.26), нарушение законодательства о труде и об охране труда (ст. 5.27), принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке (ст. 5.40), сокрытие страхового случая (ст. 5.44), подделка подписей избирателей, участников референдума (ст. 5.46), сокрытие источника заражения ВИЧ-инфекцией (ст. 6.1), самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти или газа (ст. 7.19), самовольное подключение к централизованным системам питьевого водоснабжения и (или) системам водоотведения городских и сельских поселений (ст. 7.20), сокрытие или искажение экологической информации (ст. 8.5), порча земель (ст. 8.6), нарушение правил охраны водных объектов (ст. 8.13), незаконная порубка, повреждение либо выкапывание деревьев, кустарников или лиан (ст. 8.28), нарушение правил пожарной безопасности в лесах (8.32), уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений (ст. 8.35), нарушение правил охраны рыбных запасов (ст. 8.38), нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях (ст. 8.39), повреждение электрических сетей (ст. 9.7, 9.8), повреждение тепловых сетей, топливопроводов (ст. 9.10), непринятие мер по уничтожению дикорастущих растений, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, и дикорастущей конопли (ст. 10.5)¹.

С точки зрения задач совершенствования уголовного законодательства заслуживают внимания и те положения законодательства административного, которые касаются возмещения имущественного ущерба и компенсации морального вреда, причиненного правонарушением (ст. 4.7 КоАП).

При описании принципа равенства всех перед законом в административном законодательстве совершенно правильно

¹ Некоторые из названных деяний так или иначе присутствуют в УК РФ (в том числе почти под теми же названиями), но важно, чтобы уголовно-правовой и административно-правовой их варианты хорошо согласовывались между собой, оптимально дополняя друг друга. В какой-то (промежуточной) своей части такого рода деяния могли бы пополнить Кодекс РФ об уголовных проступках, идея создания которого развивается ниже.

указывается на допустимость определенных изъятий из этого принципа, касающихся, например, депутатов, судей, прокуроров. Подобные изъятия было бы уместно оговорить и в законодательстве уголовном, поскольку они *de facto* (а в ряде случаев и *de jure*) все же существуют.

Предпочтительной является в административном законодательстве (по сравнению с законодательством уголовным) нумерация статей (отдельная по каждой главе) и сама законодательная практика нумерации статей, дополнительно включаемых в КоАП, а также нумерация новых частей, которыми дополняются уже существующие статьи КоАП.

Возможные варианты заимствования отдельных положений уголовного законодательства в законодательстве административном. В уголовном законодательстве тоже встречается немало такого, что могло бы с пользой для дела быть воспринято в законодательстве административном. Это касается, например, самой *системы* законодательства об административных правонарушениях, которая в значительной части не совпадает с представляющей более совершенной системой законодательства уголовного. Так, в КоАП есть Особенная часть (разд. 2), но нет части Общей. Роль ее играет блок статей, содержащихся в первых четырех главах Кодекса, снабженных общим заглавием «Раздел 1. Общие положения».

Разумеется, если законодатель предусмотрел в КоАП Особенную часть, то это позволяет предполагать и наличие в ней Общей части, роль которой как раз и играет «Раздел 1. Общие положения». Но все же было бы лучше, если бы суть вещей определялась в законе не косвенным образом, а прямо.

Последовательность расположения глав и статей в главах КоАП, к сожалению, не совпадает с порядком глав и статей в главах УК РФ, что не только существенно затрудняет применение как того, так и другого Кодекса, но и необъяснимо вообще. Ведь законодатель – это единый орган, и нельзя представлять дело так, что вчера он наметил одну систему ценностей и приоритетов, а сегодня, не отменив ее, провозглашает уже совершенно иную их систему. Ясно, что группы специалистов, влияющих на законодателя в административно-правовом и уголовно-правовом направлениях, различны, но они все же должны как-то между собой договариваться хотя бы для того, чтобы не дискредитировать государство, представляемое в законах.

Вновь принимаемое законодательство должно органически вытекать из ранее принятого, быть его логическим продолжением и развитием, если, конечно, не случаются государственные перевороты или другие события, круто меняющие политику и право.

Что же касается существа рассматриваемого здесь вопроса, то системы Особенных частей УК РФ и КоАП должны быть в принципе едиными. Полагаем, что нельзя здесь административное законодательство всецело подгонять под законодательство уголовное («младшего брата» под «старшего») и тем более уголовное законодательство – под законодательство административное (как более позднее). Необходимо на строго научной основе выработать единую систему ценностей, подлежащих правовой охране, и строго придерживаться ее во всех отраслях права.

В числе задач административного законодательства есть указание на предупреждение административных правонарушений, но, к сожалению, нет указания на предупреждение преступлений. Преступления вообще не упоминаются в КоАП, что представляется в принципе неверным, так как административные правонарушения довольно часто являются лишь первой стадией противоправного поведения, после которой в условиях безнаказанности нередко совершаются и преступления.

По-видимому, неправильным является и то, что в законодательстве уголовном не упоминаются административные правонарушения. Такое упоминание было бы полезным, например, в связи с вопросом о малозначительности деяния как основании отсутствия его общественной опасности, а следовательно, и преступности.

Административно-правовая поддержка уголовного законодательства (а уголовно-правовая – законодательства административного) была бы более всеобъемлющей также в случае восстановления в правах административно-правовой преюдиции как важного способа криминализации отдельных деяний небольшой тяжести.

Наряду с этим представляется целесообразным внедрение в административное законодательство ряда терминов, которые были бы адекватны соответствующим уголовно-правовым терминам, например, таким как «административный рецидив» (или «рецидив административных правонарушений»), совокупность

административных правонарушений, вменяемость с неполной интеллектуально-волевой способностью лица, вина, сочетание умысла и неосторожности в одном правонарушении, невиновное причинение вреда, соучастие в административном правонарушении, ненаказуемость деяния, совершенного в условиях необходимой обороны, задержания лица, совершившего административное правонарушение, физического и (или) психического принуждения, обоснованного риска, исполнения приказа или иного распоряжения.

Принцип законности в административном законодательстве откатился с первого места (где он находится в законодательстве уголовном) на последнее, а принципы справедливости и гуманизм вообще потерялись в КоАП.

Полагаем, что и законодательное определение понятия административного правонарушения нуждается в указании на материальный его признак – опасность, которую в данном случае лучше именовать не общественной, а, как уже отмечалось, *социальной*, учитывая, что речь идет об опасности не для всего общества, а лишь для отдельных его сфер.

Важно предусмотреть в КоАП возможность административной ответственности для отдельных категорий лиц (например, совершивших мелкие хищения) с 14-летнего возраста. Если с такого возраста в определенных случаях допускается уголовная ответственность, то почему бы это положение не распространить и на административную ответственность, тем более что с декабря 2003 года уголовное законодательство допускает возможность возложения наказания в виде штрафа на родителей несовершеннолетних.

Основные вопросы по КоАП касаются все же Особенной его части, и главным среди них является вопрос о проведении четкой разграничительной линии между преступлениями, с одной стороны, и административными правонарушениями – с другой. Необходимо, чтобы сопоставимые составы преступлений и составы административных правонарушений стыковались, чтобы они ни в коей мере не накладывались друг на друга, а между ними не было пустот (пробелов). Тогда вопрос о проведении линии, разграничивающей преступления и административные правонарушения, отпадет сам собою.

Перспектива возврата к идее Кодекса об уголовных проступках. Вместе с тем практические проблемы правопорядка

и противодействия преступлениям и административным правонарушениям диктуют необходимость вернуться к возникшей еще в советское время (но так и не реализованной тогда) идее создания Кодекса уголовных проступков. Сегодня этот нормативно-правовой акт мог бы именоваться Кодексом РФ об уголовных проступках. Основное его содержание могли бы составить преступления небольшой тяжести, за которые действующий Уголовный кодекс РФ не предусматривает наказания в виде лишения свободы (а если и предусматривает, то на срок не свыше одного года), а также примыкающие к ним по степени опасности деяния, не предусмотренные в настоящее время ни Уголовным кодексом РФ в качестве преступлений, ни КоАП в качестве административных правонарушений.

Внесем свои предложения по деяниям, составы которых могли бы быть включены в Кодекс РФ об уголовных проступках – в случае реализации идеи о таком нормативно-правовом акте. В порядке предварительного решения вставшей проблемы составы этих деяний могли бы быть включены в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Приведем их примерный перечень:

І. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

1. Причинение смерти или тяжкого вреда здоровью при неосторожном нарушении условий, относящихся к обстоятельствам, исключающим преступность деяний.
2. Доведение до самоубийства или покушения на него, если такие действия наступили в результате неосторожности лица, допустившего в отношении потерпевшего грубые действия противоправного или аморального характера.
3. Склонение к самоубийству.
4. Озорные действия, повлекшие смерть потерпевшего или причинение ему тяжкого вреда здоровью (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния)¹.
5. Причинение средней тяжести или легкого вреда здоровью по неосторожности.

¹ Имеются в виду, в частности, случаи приведения в действие разного рода пиротехнических хлопушек, других шумовых устройств, вызывающих порой в силу неожиданности у людей сердечные приступы с опасными последствиями, но когда степень вины (неосторожной) не достигает уровня, характерного для соответствующих неосторожных преступлений.

6. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния)¹.

7. Предложение к согласию на изъятие органов или тканей человека для трансплантации, сделанное предполагаемому донору или врачу, способному осуществить такую операцию.

8. Соккрытие источника заражения ВИЧ-инфекцией.

9. Уклонение от лечения заражения ВИЧ-инфекцией.

10. Соккрытие источника заражения венерической болезни.

11. Уклонение от лечения венерической болезни.

12. Постановление другого лица в опасность заражения венерической болезнью.

13. Постановление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, а также заражение его ВИЧ-инфекцией в условиях, когда другое лицо было своевременно предупреждено виновным о наличии у него этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения.

14. Незаконное производство аборта врачом вне больничного учреждения.

15. Неоказание помощи больному (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

16. Оставление в опасности (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния)².

II. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ ФИЗИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

17. Незаконное лишение или ограничение свободы на непродолжительное время, то есть лишение или ограничение потерпевшего возможности быть независимым в выборе своего местонахождения на время до одного часа (без признаков уголовно-наказуемого деяния)³.

18. Торговля людьми (без признаков уголовно-наказуемого деяния)⁴.

19. Использование рабского труда (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

20. Клевета (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

III. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА В СФЕРЕ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ

21. Непристойное приставание мужчины к женщине.

22. Совершение действий сексуального характера в общественных местах.

23. Совершение действий сексуального характера с несовершеннолетними (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

24. Развратные действия (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

IV. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

25. Подкуп избирателей или участников референдума (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

26. Подделка подписей избирателей, участников референдума.

27. Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповеданий и религиозных объединениях.

28. Нарушение законодательства о труде и об охране труда.

29. Не включение или несвоевременное включение источников (объектов) жизнеобеспечения.

30. Принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке.

31. Соккрытие страхового случая.

32. Подделка подписей избирателей, участников референдума.

V. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

33. Вовлечение несовершеннолетних в совершение административных правонарушений и уголовных проступков.

34. Склонение несовершеннолетнего к участию в групповом сексе, к табакокурению, употреблению пива или других слабоалкогольных напитков, а равно в антиобщественные (аморальные) действия (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

35. Подмена ребенка (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

36. Незаконное усыновление (удочерение) (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

37. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

¹ В случае, если по субъективному восприятию потерпевшего у него не было серьезных оснований опасаться осуществления угрозы.

² Состав преступления, предусмотренный ст. 125 УК РФ (оставление в опасности), предлагается в этом случае сформулировать в виде материального – по типу состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному).

³ Одновременно диспозицию ч. 1 ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы) предлагается изложить в следующей редакции: «Незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением, захватом в заложники или незаконным помещением в психиатрический стационар».

⁴ В этом случае предлагается исключить из диспозиции ст. 127¹ УК РФ (торговля людьми) указание на цель эксплуатации потерпевшего.

38. Уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

VI. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

39. Кража (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

40. Мошенничество (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

41. Присвоение или растрата (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

42. Грабеж (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

43. Разбой (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

44. Вымогательство (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

45. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

46. Умышленное уничтожение или повреждение имущества (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

47. Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния).

VII. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ ИЛИ ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

48. Совершение уголовного проступка в сфере экономической деятельности либо против интересов службы в коммерческих или иных организациях¹.

VIII. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

49. Совершение уголовного проступка против общественной безопасности или общественного порядка.

50. Пропаганда в средствах массовой информации или в произведениях, рассчитанных на массового потребителя, преступной деятельности либо преступного образа жизни.

IX. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

51. Совершение уголовного проступка против здоровья населения или общественной нравственности.

X. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ

52. Совершение экологического уголовного проступка.

XI. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

53. Совершение уголовного проступка против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

XII. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

54. Совершение уголовного проступка в сфере компьютерной информации.

XIII. УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

55. Совершение уголовного проступка против государственной власти.

Словосочетание «уголовный проступок» содержит в себе, казалось бы, два абсолютно не совместимых между собой начала – уголовно-правовое и административно-правовое. Термин «уголовный» в этом словосочетании означает, что соответствующее деяние, в принципе, *предусмотрено* уголовным законом в качестве преступления, хотя отдельные признаки последнего в нем могут и отсутствовать, например, такие как цель корыстной или иной личной заинтересованности либо те или иные указанные в законе общественно опасные последствия. Термин же «проступок» в данном словосочетании означает, что соответствующее деяние по степени опасности сопоставимо с опасностью административных правонарушений, а следовательно, должно влечь не уголовную, а именно административную ответственность.

Административная ответственность за уголовные проступки могла бы налагаться мировыми судьями в пределах, установленных Кодексом об административных правонарушениях РФ за сопоставимые с соответствующими уголовными проступками правонарушения.

¹ В данном и других подобных случаях имеются в виду те же деяния, которые предусмотрены соответствующими статьями УК РФ, но при отсутствии в достаточном объеме признаков уголовно-наказуемого деяния.

Разумеется, высказанные здесь соображения относительно создания и примерного содержания Кодекса РФ об уголовных проступках следует рассматривать как самые предварительные, но все же они основаны на твердом убеждении в том, что в условиях расширения и углубления процессов гуманизации уголовной политики такой Кодекс явился бы важным дополнительным и альтернативным средством обеспечения в стране стабильного правопорядка, столь необходимого для дальнейшего продвижения страны по пути реформ.

8.3. Криминология и ее уголовно-правовой ресурс накануне перемен

Незадолго до смерти профессор А.Э. Жалинский поставил перед научным сообществом вопрос о том, какая криминология сегодня нужна стране. По данной теме предполагалось даже провести конференцию. Намек был более чем прозрачен: в условиях обновления страны обновляться должна не только экономика, но и буквально все, в том числе, конечно же, криминология, призванная расчищать путь к новому состоянию общества.

Что же касается уголовного права, ресурс которого, как известно, активно используется криминологией, то А.Э. Жалинский, еще с середины первого десятилетия нового века, убедительно обосновал необходимость его радикального обновления в своей крупномасштабной монографии «Уголовное право в ожидании перемен...», выдержавшей еще при жизни ученого два издания¹.

В системе правовых ресурсов криминологии уголовно-правовой ресурс занимает не просто важное, а, пожалуй, главное место. Не случайно ч. 1 ст. 2 УК РФ называет предупреждение преступлений в числе основных задач уголовного законодательства. Поэтому, ставя вопрос о том, какая криминология сегодня нужна стране, нельзя не задаваться и вопросом о том, а какое, собственно, сегодня нужно стране уголовное право.

Если отвечать на такие вопросы в самых общих чертах, то надо сказать, что и криминология, и уголовное право в настоя-

щее время нужны стране такими, какими они позволили бы ей основательно очиститься от преступности. Благо для этого в настоящее время в стране складываются, вроде бы, подходящие условия, а именно: налаживаются экономика и социальная сфера, реформируются органы внутренних дел, укрепляется политическая власть, страна присоединилась к ВТО.

Как утверждает известный наш кинорежиссер, актер, писатель, политик, депутат Госдумы Станислав Говорухин: «Первое, что делает сильная власть, – побеждает преступность»¹. И это, действительно, должно быть именно так. В конце концов, для чего же еще нужна сильная власть, если не для этого? Не для самой же себя. И тем более не для установления безраздельного контроля над оппозицией и обеспечения собственной несменяемости, не для демонстрации силы и игры мускулами при проведении внешней политики.

Но сказать это – означало бы вообще ничего не сказать. Вникая в суть поставленного выше вопроса, зададимся еще и вопросами такого рода: какая криминология сегодня нужна уголовному праву и какое уголовное право нужно криминологии, раз судьба накрепко связала воедино эти науки.

Совершенно очевидно, что уголовному праву нужна криминология точная, достоверная, полная, систематизированная, а главное – с максимально большой практической отдачей. Многие годы статистика преступности, лежавшая в основе криминологии, мягко говоря, хромала. Ее данные были разрозненными, отрывочными, неточными, неполными, несистематизированными и порой вообще далекими от реального положения дел в области уголовной политики. В декабре 2010 года это дало повод тогдашнему Президенту РФ Д.А. Медведеву назвать статистику преступности «брехней». Может быть, это не парламентское выражение, но весьма точное и выразительное. С января 2012 года статистика преступности по этой причине передана в ведение Генеральной прокуратуры РФ. Пока положительных результатов этого не видно, но еще, как говорится, «не вечер».

Надо прямо сказать, что руководствуясь произвольными цифрами, криминология только морочила всем нам головы, вводя в заблуждение не только руководство страны, ученых и широкую общественность, но и те правоохранительные структуры,

¹ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.

¹ Гришин А. Станислав Говорухин: «Мой фильм “Так жить нельзя” принес больше вреда, чем пользы» // Комсомольская правда. 2011. 29 марта. С. 27.

которые, опираясь на нее, должны были осуществлять практическую уголовную политику. На самом деле криминологии как нужной стране науки у нас до сих пор не существовало. То, что преподносилось под этим названием, не обладало необходимой практической пользой. Студенты-юристы получали набор сведений, имевших мало общего с действительностью. Все издававшиеся и многократно переиздававшиеся у нас учебники по данной дисциплине должны стать теперь достоянием истории как наглядный пример того, чего у нас, в принципе, быть не должно.

Страна, открывающая в настоящее время точную, достоверную, полную и систематизированную статистику преступности, безусловно, подберет честных и профессионально грамотных юристов, которые на основе теперь уже достаточно качественных сведений о состоянии преступности, ее причинах, лицах, совершающих преступления и привлекаемых в связи с этим к уголовной ответственности, об уголовном преследовании и наказании таких лиц, а также об иных предпринимаемых в целях борьбы с преступностью мерах, подскажут ей (стране), что же, в конце концов, надо делать для того, чтобы, с одной стороны, открыть широкий простор для правомерного поведения, а с другой – перекрыть преступности, как говорится, все «ходы и выходы».

Полагаем, что статистика преступности должна основываться на системе Особенной части УК РФ, осуществляться без пробелов и дублирований, причем с ежегодным достаточно широким опубликованием охватываемых ею сведений. Обязательно включение в нее всех имеющихся сведений об административных и других правонарушениях, которые в условиях безнаказанности обычно предшествуют преступлениям, сведения о масштабах распространенности теневой экономики и коррупции во всех их криминальных проявлениях, о распространенности безработицы (как и незанятости вообще) и бедности населения, противоправных источников существования, пьянства и алкоголизма, наркомании и проституции, заболеваемости венерическими болезнями и ВИЧ-инфекцией, психическими расстройствами.

В отдельных разделах статистического ежегодника преступности должна даваться характеристика преступлениям, совершаемым женщинами (в том числе проститутками), несовершеннолетними (в том числе безнадзорными и беспризорными), безработными, лицами, не имеющими легальных источников

существования, сотрудниками правоохранительных органов (в том числе уволенными из этих органов, включая тех, увольнение которых произведено «задним числом»), военнослужащими (настоящими и бывшими), чиновниками, управленческими работниками коммерческих и других организаций, осужденными, отбывающими различные наказания, лицами с непогашенной и неснятой судимостью, рецидивистами, участниками преступных групп, в том числе организованных. Необходимы сведения о совершении запрещенных уголовным законом деяний невменяемыми, а также детьми и подростками, не достигшими возраста, с которого допускается привлечение к уголовной ответственности.

Нужен в таком ежегоднике раздел о потерях от преступности, размерах ущербов от преступлений, о потерпевших. Требуется характеристика семей, «поставляющих» обществу преступность, поведения их членов, а также позиций очевидцев и свидетелей преступлений. Желательны также основные сведения о преступности в других странах, прежде всего, развитых. Каждый такой ежегодник, как мы полагаем, должен завершаться аналитическим обзором и прогнозом преступности на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу. А начинаться он должен, следовательно, со сравнительного анализа преступности в различные периоды и с того, как подтверждаются ранее сделанные прогнозы.

Проект ежегодника о состоянии преступности (в целом по стране, по регионам – субъектам РФ и федеральным округам, а также по мегаполисам и другим достаточно большим городам) желательно опубликовать для широкого обсуждения заинтересованной юридической общественностью, в том числе в Сети.

Учебники по криминологии должны готовиться с участием компетентных в области криминологии специалистов по уголовному праву. Эти специалисты, основательно набившие руку на точных положениях, помогут основным авторам учебников выработать своеобразные «клише» относительно главных криминологических параметров, которых надо придерживаться при освещении различных проблем преступности, в том числе состояния, структуры и динамики преступности, мер борьбы с ней, типизированных признаков лиц, совершающих соответствующие виды преступлений, эффективности предпринимаемых мер. Специалисты в области уголовного права подскажут кри-

минологам и все то, что касается уголовно-правового содержания анализируемых преступлений.

С другой стороны, криминологии способны помочь специалистам в области уголовного права раскрыть в учебной литературе по данной дисциплине вопросы, касающиеся общественной опасности анализируемых преступлений, их распространенности, частоты, силы и эффективности уголовно-правового реагирования на них, их причин, лиц, их совершающих, соответствующих предупредительных мер и т.д. Криминологи могли бы помочь специалистам в области уголовного права «нащупать» нормы с двойной превенцией, показать направления их применения, обнаружить в правоприменении типичные проявления обвинительного и оправдательного уклонов, наметить действенные меры преодоления таких уклонов. Без всего этого учебная литература по уголовному праву останется сухой, невыразительной, во многом схоластической, а главное, она в таком виде будет никому не нужна, так как в практическом отношении останется столь же бесполезной, как и ранее.

Научные исследования по проблемам криминологии (особенно диссертационные) тоже должны включать соответствующую уголовно-правовую «начинку» (пусть небольшую, но весьма отчетливую, точную, конкретную), а уголовно-правовые исследования – какое-то хотя бы минимальное криминологическое содержание. Нельзя рассуждать, например, о причинах тех или иных преступлений, не зная их уголовно-правовой сути, общественной опасности, характеризующих признаков и т.д., также невозможно судить и о самих преступлениях, не имея достаточно четкого представления об их распространенности, типичных проявлениях, лицах, их совершающих и т.д.

Конечно, здесь неизбежно определенное дублирование, но от подобной «конкуренции» криминология и уголовное право только выиграют. Здесь как раз тот случай, когда, как говорится, каши маслом не испортишь. Пограничная линия, разделяющая сферы компетенции той и другой науки, должна быть проведена с учетом того, что криминология – это наука о *преступности*, то есть о поведении всего общества (или по меньшей мере значительной его части), а уголовное право – наука о *преступлениях*, то есть о поведении отдельных лиц. Если за преступность несет ответственность государство перед гражданами, то за преступления – лица, их совершающие, перед государством.

Взаимопроникновение криминологии и уголовного права снимает всякие сомнения относительно того, является ли криминология юридической наукой или же это область социологических и ряда иных неюридических наук. Конечно же, криминология – это *юридическая* наука, но, в отличие от других таких наук, обладает более значительным социологическим и иным (неюридическим) содержанием, например, больше относящимся к политике, экономике, социальной, организационной и ряду других сфер, не связанных напрямую с правом.

Издавна известно, что предупредительная сила уголовного закона определяется не столько его строгостью, сколько его неотвратимостью. Является аксиомой то, что если *есть* уголовно-правовое реагирование, то предупредительная сила закона *срабатывает*, а если такого реагирования *нет*, то это само по себе может подтолкнуть виновное лицо к совершению нового преступления. Мы отдаем себе отчет в том, что подобные рассуждения слишком прямолинейны. В мире, пожалуй, не найдется человека, который хотя бы раз в жизни не совершил какого-либо преступления или по крайней мере не подходил бы к его совершению настолько близко, что буквально на себе испытал горячее дыхание уголовного закона.

Но как мы обычно рассуждаем в случаях, когда по какой-то счастливой случайности «проходим» мимо уголовного закона, а он – мимо нас? «В рубашке родился», «бог помог», «да никогда впредь ничего такого не повторится»... То есть уголовно-правового реагирования нет, но ты все же вроде бы спасен. Если не от сумы, то, во всяком случае, от тюрьмы, от которой, если верить известной народной мудрости, зарекаться. А если случай совсем счастливый, то и от преступления, которое, может быть, было где-то совсем рядом, но... ситуация «разрядилась», «рассосалась», «проехало», или, как мы еще говорим в таких случаях, «пронесло».

Между тем такого принципа, как неотвратимость ответственности, сегодня в уголовном праве не существует ни формально, ни в смысле последовательной его реализации в правоохранительной практике. И дело здесь заключается не только в том, что, например, до половины всех краж (сегодня это наиболее распространенный вид преступлений) не раскрывается, но еще и в том, что действующее уголовное законодательство предусматривает многочисленные основания освобождения от уголов-

ной ответственности и (или) наказания особенно в отношении преступлений небольшой и средней тяжести. Такие основания есть проявление не только гуманизма уголовной политики, но и ее практической целесообразности. Нельзя провинившегося человека без конца «терзать и мучить», особенно если он и без этого может выйти в жизни на правильную дорогу.

Но уголовно-правовое реагирование в каких-то минимально болезненных для виновного формах и видах все же должно состояться, например, в виде разъяснения виновному лицу правовой сути совершенного им деяния, нравоучительной беседы, предупреждения о возможных негативных последствиях повторного совершения запрещенного уголовным законом деяния. Поэтому, полагаем, есть смысл дополнить УК РФ ст. 7.1, которая устанавливала бы *принцип неотвратимости уголовно-правового реагирования*. Уместным было бы, на наш взгляд, указать в ней на то, что компетентные государственные органы и органы местного самоуправления, опираясь на все другие органы, учреждения, организации, а также на граждан, должны использовать все предусмотренные законом силы и средства для профилактики, предупреждения и предотвращения преступлений, а в случае совершения преступления – для его выявления и расследования, установления лица, его совершившего, и привлечения его к уголовной ответственности, а при наличии какого-либо из оснований освобождения такого лица от уголовной ответственности и (или) наказания – на разъяснение ему правового и социального содержания совершенного деяния, его возможных негативных последствий, в том числе для данного лица, если повторно будет совершено какое-либо запрещенное уголовным законом деяние.

Итак, какая же криминология нужна стране? Говорят, когда Генри Форда спросили, какая машина самая лучшая, он, не задумываясь, ответил: «Новая!». Точно так же можно ответить и на вопрос о том, какая криминология нужна сегодня стране. Конечно же, новая. И не просто новая, а принципиально новая. Это должна быть честная, смелая и сильная наука о преступности и мерах борьбы с ней.

В принципе, наука (если она действительно наука) всегда должна быть новой, то есть постоянно обновляющейся, чтобы всегда достойно отвечать на вызовы времени, соответствовать возрастающим задачам, вносить свой основательный вклад в их решение. Но когда мы говорим о новой криминологии, то здесь

имеется в виду необходимость навсегда распрощаться с криминологией старой, то есть той, которая, не оторвавшись еще от пуповины советской криминологии, продолжает играть роль идеологической служанки политики, состоящую в том, чтобы власть могла сохранять хорошую мину при плохой игре – с преступностью, мол, боремся, правоохранительную систему реформируем, «козни Запада» знаем и успешно им противостоим и т.п. Вместе с тем новая криминология должна вобрать в себя тот позитив, который наработан всем предшествующим ее развитием.

Честной криминология будет в том случае, если избавит себя от забот по приукрашиванию положения дел с преступностью, создаст научно обоснованные федеральную, региональные и местные программы наступления на преступность, если предложит действенную систему мер по контролю за выполнением всех этих программ. И, конечно же, если в итоге добьется заметных положительных результатов.

Сила новой криминологии будет заключаться в ее эффективности. Но для этого потребуются кардинально обновить все наше уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. И одновременно подготовить *официальные* его комментарии вместе с подробными сборниками постановочных материалов к основным положениям законов о борьбе с преступностью.

Начинать эту работу надо с обновления Конституции РФ, которая к настоящему времени настолько отстала от жизни, что ее, как заявил в эфире один из радиослушателей из Екатеринбурга (16-летний школьник), «впору продавать в разделе “Сказки”»¹. Конечно, это не тот случай, когда можно было бы сказать, что «устаи младенца глаголет истина», но все же Основной закон страны должен быть ближе к реалиям жизни. По крайней мере провозглашенные им права и свободы человека и гражданина должны быть такими, чтобы за них не приходилось «воевать» в судах.

В ч. 1 и 2 ст. 49 Конституции РФ (и в УПК РФ тоже) необходимо, с нашей точки зрения, в соответствии с принципом презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) отказаться от использования термина «обвиняемый», заменив его в соответствующих контекстах словами «подследственный», «лицо, в отношении ко-

¹ Дымарский В. От шестнадцати и старше // Российская газета. 2011. 31 марта. С. 3.

торого проводится дознание», «подследственный, а также лицо, в отношении которого проводится дознание», «подследственный или лицо, в отношении которого проводится дознание». Почему? Да потому, что, например, в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ утверждается, что «*обвиняемый* в совершении преступления считается *невиновным* (курсивы наши. – П.П.), пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Но если лицо считается *невиновным*, то, спрашивается, почему же тогда оно называется *обвиняемым*? А не, например, тем же подследственным или лицом, в отношении которого проводится дознание. По той же причине следует признать безосновательными и такие наименования соответствующих уголовно-процессуальных документов, как «*обвинительное заключение*» и «*обвинительный акт*» (соответственно ст. 220 и 225 УПК РФ). Конечно же, правильнее было бы называть их соответственно «следственным актом» и «актом дознания». Неправильность использования термина «обвиняемый» в цитируемом выше конституционном положении (как, впрочем, и в ч. 2 ст. 49 Конституции РФ) осознавалась, как мы полагаем, и самими составителями проекта Конституции, так как в ч. 3 ст. 49, устанавливающей, что «неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого», они заменили его термином «лицо».

Вызывает сомнение и правильность самой содержащейся в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ фразы, указывающей на то, что лицо «*считается невиновным* (курсив наш. – П.П.), пока его виновность не будет доказана...». Получается так, что невиновное лицо лишь *считается* невиновным, а в действительности оно якобы все же виновно. Данная конституционная норма должна быть более определенной, а именно, на наш взгляд, такой: «Каждый подследственный, а также каждое лицо, в отношении которого проводится дознание, является невиновным...» (далее – по тексту).

В ч. 2 ст. 49 Конституции РФ утверждается, что «обвиняемый (снова «обвиняемый». – П.П.) не обязан доказывать свою невиновность». Но если он именно «обвиняемый», да к тому же *лишенный обязанности* (а следовательно, в определенной мере и *возможности*) доказывать свою невиновность, то кто же тогда будет за него это делать? Адвокат? Но степень активности адвоката в доказывании невиновности невиновного лица *тоже* напрямую зависит от суммы уплачиваемого ему вознаграждения, а средств на это

вознаграждение у «обвиняемого» может и не быть. Отсутствие же достаточной активности «обвиняемого» в доказывании своей невиновности может к тому же восприниматься следствием как «молчаливое» признание им своей вины, а это, как говорят в народе, «прямой путь в тюрьму». Таким образом, рассматриваемая конституционная норма представляет собой своеобразную «мышеловку», поскольку она, с одной стороны, как бы говорит лицу: «Тебе не надо доказывать свою невиновность – ведь ты и так считаешься невиновным», но с другой – используя неактивную защиту лицом своей невиновности, по существу, «прижимает его к стенке».

Конечно, «обвиняемый» и «виновный» – это разные вещи. И тем не менее, если нет соответствующего вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, то никто (и в первую очередь следователь, дознаватель, прокурор, а тем более сам закон) не вправе обвинять лицо в том, что оно совершило уголовно-противоправное деяние, то есть преступление. Как мы полагаем, в УК РФ должна быть статья об ответственности за обвинение лица в совершении преступления, если в отношении него нет вступившего в законную силу обвинительного приговора суда или если такой приговор и есть, но назначенное по нему наказание лицо уже отбыло или оно освобождено от его отбывания по предусмотренному законом основанию.

С учетом отмеченного ч. 2 ст. 49 Конституции РФ предлагается изложить в такой редакции: «Так как подследственный, а также лицо, в отношении которого проводится дознание, является до вступления обвинительного приговора суда в силу невиновным, то оно, в принципе, может и не доказывать свою невиновность, если это не снижает прочности его защитительной позиции. Но в условиях возможных несовершенств уголовно-процессуальных процедур лицо обязано использовать все предусмотренные законом средства, методы и возможности для доказывания своей невиновности вплоть до обращения в самые высокие инстанции, включая институты гражданского общества и соответствующие международные организации. Если такое лицо, а равно лицо, осужденное к наказанию, при отсутствии достаточных доказательств его виновности, скрылось от следствия или суда, то оно не подлежит за это какой-либо ответственности. При этом ему в полном объеме возмещается причиненный незаконным уголовным преследованием материальный ущерб и в полном объеме компенсируется причиненный уголовным преследованием моральный вред».

Не вполне корректно сформулирована в Конституции РФ и ч. 3 ст. 49, в которой указывается: «Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». Что значит... «...толкуются в пользу обвиняемого»? Такого рода сомнения четко и недвусмысленно должны означать лишь одно – лицо невиновно. Именно так и должна звучать рассматриваемая конституционная норма. Ее полное текстуальное выражение может быть, на наш взгляд, таким: «Неустранимые сомнения в виновности лица означают, что оно невиновно, так как недоказанная его виновность есть доказанная его невиновность».

В число принципов уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ) целесообразно включить требование справедливости уголовного судопроизводства, предполагающее, в частности, недопустимость при осуществлении любой уголовно-процессуальной деятельности нарушения норм морали и нравственности. Статью 6 УПК РФ (назначение уголовного судопроизводства) необходимо преобразовать в статью о принципе защиты уголовным судопроизводством прав и законных интересов граждан, законных интересов организаций, общества и государства от преступлений. Соответственно должны быть изменены и формулировки в этой статье. В частности, ее третью часть следует сформулировать с акцентом на том, что каждое виновное в совершении преступления лицо должно быть подвергнуто предусмотренному законом уголовному преследованию и наказанию (если, разумеется, отсутствуют предусмотренные законом основания освобождения от уголовного преследования и (или) наказания) и ни один невиновный не должен быть подвергнут уголовному преследованию и (или) наказанию. В этой же уголовно-процессуальной статье, а также в других нормах УПК РФ необходимо указать на обязанность органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, устанавливать причины преступлений и принимать меры к их устранению, а следовательно, и к снижению до минимума их криминогенного проявления.

Со всей очевидностью назрела необходимость дополнения уголовно-исполнительного законодательства положениями, в соответствии с которыми каждому осужденному к лишению свободы лицу предоставлялась бы возможность реализовать свое конституционное право на труд, причем в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, с правом, естественно, на

достойное вознаграждение (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ), а также право на образование, в том числе профессиональное, как среднее, так и высшее. Осужденным, имеющим значительные успехи в работе и (или) учебе, должны предоставляться улучшенные условия содержания, в том числе возможность находиться в камерах с улучшенными условиями содержания (временно или постоянно). Им должны предоставляться необходимая литература, компьютерная техника (с доступом в Интернет), письменные принадлежности, другие запрашиваемые вещи. Должна уйти в прошлое необходимость обращения осужденных для записей к туалетной бумаге.

В новых условиях понадобится, разумеется, и принципиально новая учебная литература по уголовному праву и смежным с ним дисциплинам. В отношении учебников и учебных пособий по данным дисциплинам надо разработать разумные стандарты, иначе все они окончательно превратятся в сплошную игру слов, не имеющую никакого отношения к задачам подготовки юристов высшей квалификации. Борьба с преступностью – это настолько важное дело, что им могут заниматься только люди, подготовленные по совершенно новой учебной литературе.

И, конечно же, для достаточно точного, объективного и рационального осмысления преступности в целях ее эффективного преодоления нужна научно обоснованная статистика данного явления. Еще в 2005 году (9 марта) тогдашний Генеральный прокурор РФ Владимир Устинов, выступая в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, обратил внимание парламентариев на то, что статистика зарегистрированных преступлений, составлявшая цифру около 3 млн, не соответствует реальному состоянию этого явления, так как большая часть преступлений (примерно две трети) по разным причинам укрывается от учета самими сотрудниками правоохранительных органов. Если бы регистрировались все известные правоохранительным органам преступления, то показатель зарегистрированных преступлений мог бы вырасти, по мнению В. Устинова, как минимум в три раза¹. Сегодня, несмотря на то что функция регистрации преступлений передана в ведение органов прокуратуры, сокрытие их реального состояния от учета сохраняется. Поэтому для получения сведений, более или менее

¹ См.: Российская газета. 2005. 10 марта. С. 1.

приближенных к реальному состоянию преступности, все официальные статистические данные о совершенных преступлениях надо умножать как минимум на три.

Стремление сотрудников уклониться от регистрации преступлений объясняется главным образом желанием уйти от забот по их раскрытию, по изобличению виновных и привлечению их к уголовной ответственности. Сказывается здесь и то, что каждое зарегистрированное преступление, с учетом существующей в правоохранительных органах системы показателей эффективности работы, так или иначе «портит оперативную обстановку», за что начальство никого по головке не гладит.

Но о многих преступлениях правоохранительным органам вообще ничего не известно, так как значительная их часть совершается тайно. Это, например, такие преступления, как взяточничество, коммерческий подкуп, подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, подкуп избирателей и членов избирательных комиссий, присвоение вверенного имущества, фальсификация избирательных документов, фальсификация итогов голосования.

Наряду с этим, по фактам многих преступлений просто нет жалоб, а на «нет», как говорится, и «суда нет». Отмеченное касается, например, таких преступлений, как карманные кражи, кражи из садовых домиков, гаражей, автомобилей, погребов; мошенничество, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, злоупотребление полномочиями, в том числе должностными лицами; побои, заражение венерической болезнью, незаконное производство аборта, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, развратные действия, нарушение авторских и смежных прав, нарушение изобретательских и патентных прав, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Таким образом, чтобы получить представление о реальном состоянии преступности в стране, показатель зарегистрированных преступлений, умноженный на три, тоже следует существенно увеличить. Но насколько? Понятно, что одной интуиции (даже прокурорской) здесь недостаточно. Использовать официальную статистику преступности необходимо с примени-

ем *научно выработанных методик*, причем применительно к каждому виду преступления, к каждой группе преступлений, к каждому статистическому показателю в отдельности.

Путь криминологической науки нельзя назвать прямым уже в силу отсутствия объективной статистики преступности. Он извилист и напоминает, скорее, блуждание в потемках, чем движение по хорошо освещенному проспекту. Есть какие-то догадки, предположения, версии, но полной ясности здесь мы пока не имеем. Какие-то положительные перспективы возможны только в случае наведения порядка в регистрации преступлений и статистике преступности. Порядок этот должен быть обеспечен, как представляется, передачей функции регистрации преступлений из ведения прокуратуры в ведение независимого учреждения с функциями общественного контроля.

Наиболее подходящими для осуществления этой функции на первом этапе могли бы стать социальные центры (социоцентры), которые формировались бы в рамках и при участии различных институтов гражданского общества как учреждения, ведающие в том числе вопросами общественного контроля за правоохранительной деятельностью и за морально-нравственным состоянием общества, вопросами социальной адаптации лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, а также лиц, освобождаемых из мест лишения свободы.

Эти социальные центры могли бы выполнять и более широкие функции. В идеале это должны быть такие функции, которые состояли бы не только в защите общества и человека, с одной стороны, от преступности, с другой – от теневой экономики, а с третьей – от теневого государства и теневого права, но и в непосредственной организации и непосредственном регулировании всех сфер жизнедеятельности, поскольку они в этом нуждаются в силу слабости (недостаточной силы) государственно-правовых механизмов.

Но что касается проблемы преступности, то в ее решении социоцентры тоже должны сказать свое достаточно веское слово. Как уже отмечалось, если за отдельное преступление отвечает лицо, его совершившее, перед государством, то за преступность – уже само государство перед гражданами, перед обществом. Являясь показателем морально-нравственного состояния общества, преступность, если не удерживать ее на минимально возможном уровне, способна вырасти до таких пределов, при которых само

общество может стать уже преступным, и для его «исправления» государство может прибегнуть к такой максимальной мобилизации сил и средств, при которой оно неизбежно превратится вначале в полицейское, а затем – и в тоталитарное¹. Вот почему в каждом субъекте Федерации, в каждом городе, районе, поселке и ином населенном пункте нужны социоцентры. Целесообразно учреждение и социального центра федерального уровня.

Развитие системы социальных центров как учреждений социальной защиты, организации и регулирования различных сфер жизнедеятельности может не только обеспечить движение страны по созидательному, цивилизованному, обновляющемуся и процветающему пути развития, но и сделать эту тенденцию необратимой. Не марксистско-ленинский социализм, не немцовско-чубайсовский «социокапитализм», не мирановский «социогуманизм», не какой-то космополитический «евроазиатизм», а именно социоцентризм есть тот путь развития, который, как мы полагаем, уготован России самой историей и которым она обязательно пойдет.

Следует законом установить систему официальной статистики преступности. Нельзя мириться с тем, что она не только неполная, неточная, необъективная, но к тому же еще и крайне бессистемная, запутанная, непрозрачная, а поэтому абсолютно непригодная ни для какого практического дела. Будучи лишенной малейших признаков научности, она не может использоваться и в аналитических целях. Не случайно многие криминологи зачастую вообще не утруждают себя использованием официальных статистических данных о преступности, справедливо полагая, что эти данные в такой же мере далеки от действительного положения вещей, в какой, например, убийца далек от любви к убитому. Да и сами творцы этой «статистики», по-видимому, стыдятся ее, поскольку остерегаются открытого ее опубликования.

Точные сведения о состоянии правопорядка – вопрос принципа. Подобно тому, как отдельному человеку нужен воздух, так обществу нужен правопорядок. Без него оно задыхается и агонизирует точно так же, как задыхается человек в угарном дыму. Преступность – угарный газ нашей общественной атмосферы, и

основательно «проветрить помещение» – наша первейшая задача. До тех пор пока мы этого не сделаем, нельзя рассчитывать на какие-то положительные перспективы нашего бытия. Общество уже постепенно подходит к пониманию этого, но государство, кажется, еще нет. Об этом может свидетельствовать, в частности, то, что если в ежегодных посланиях президента Федеральному Собранию РФ проблема преступности пока еще не звучит (во всяком случае, отдельным мотивом), то в заслуживающей доверия прессе она уже встает, можно сказать, в полный рост.

Но дело заключается не только в том, что мы еще не подошли к принятию действенных мер против преступности. Мы не подошли еще даже к самому пониманию связанной с ней грозной опасности. Сегодня мы все еще не знаем, сколько у нас и чего расхищается, сколько нас убивают преступники, а сколько – полицейские, каковы масштабы должностных злоупотреблений и коррупции, в том числе в высших эшелонах власти и управления, какова степень криминализации населения, экономики, государственного аппарата. Все это требует ясности, поскольку лишь в таком случае могут быть предприняты достаточно эффективные меры противодействия медленному, но неуклонному сползанию страны в пропасть.

Нужна соответствующая национальная программа, которая была бы рассчитана на ближайшую и более отдаленную перспективу и предусматривала бы не только направления, но и средства реализации намеченных мер, в том числе мер как государственного, так и общественного реагирования на преступления и преступность в целом.

8.4. Судебный контроль правильности применения уголовного законодательства, осуществляемый при проведении предварительного расследования в целях обеспечения прав участников уголовного судопроизводства

Судебный контроль играет важную роль в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства в процессе проведения предварительного расследования. И это проявляется в контроле правильности применения не только уголовно-процессуально-

¹ Нелишне, на наш взгляд, вспомнить в данной связи книгу известного американского криминолога Эдвина М. Шура (см.: Шур Э.М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке / пер. с англ. М.: Прогресс, 1977).

го закона, но и закона уголовного. Данная функция судебного контроля, к сожалению, не находит надлежащего освещения ни в уголовно-процессуальной, ни в уголовно-правовой, ни в иной юридической литературе. А ведь от того, как, насколько правильно применяется *уголовный закон*, зависит не только соблюдение прав участников уголовного судопроизводства (хотя это само по себе весьма важно), но и реализация *главного назначения* данного судопроизводства, состоящего в защите важнейших ценностей жизни от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК).

Роль судебного контроля тем более значительна, что наряду с «внешней» своей функцией он выполняет еще и свою «внутреннюю» функцию, то есть функцию контроля вышестоящими судами судов нижестоящих. Суть данного вопроса заключается в том, что если уголовное дело рассматривается судом второй инстанции (или если возникает такая перспектива), то рассмотрение дела судом первой инстанции можно (и, конечно же, нужно) считать в таком случае в известном смысле *предварительным* – по самому факту увеличенной «протяженности» процессуальной деятельности до момента ее полной завершенности. Ведь в таком случае рассмотрение дела в суде первой инстанции *не окончательное* и, следовательно, на него *тоже распространяется* судебный контроль – со стороны суда второй инстанции. Это как *государственный* контроль, распространяющийся, как известно, не только на негосударственные структуры, но и на всю государственную систему в целом – сверху донизу. В поле зрения судебного контроля в широком его понимании оказываются вопросы уже не только квалификации преступлений, привлечения или непривлечения лиц к уголовной ответственности, но и назначения за совершение преступлений законных и справедливых наказаний, что для защиты прав участников уголовного судопроизводства тоже является весьма важным.

И здесь открываются широкие возможности для подключения к исследованию проблематики уголовного судопроизводства специалистов в области уголовного права. Остается лишь сожалеть о том, что эта проблематика разрабатывается преимущественно специалистами в области уголовного процесса. Такой перекося нуждается, на наш взгляд, в устранении.

Статья 297 УПК РФ гласит, что приговор признается законным, справедливым и обоснованным, если он *постановлен* в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ

и *основан* на правильном применении уголовного закона. Таким образом, в соответствии с приведенной нормой *основа* приговора это правильное применение *именно уголовного закона*. Что же касается правильного применения закона уголовно-процессуально, то это не основа приговора, а *условие его постановления*.

Утверждая это, мы, естественно, ни в коей мере не принижаем значение уголовно-процессуального закона, а просто ставим на свое место значение закона уголовного как закона материального. При этом подчеркнем, что основная часть вопросов, разрешаемых судом в соответствии со ст. 299 УПК РФ при постановлении приговора, – это вопросы, *прежде всего, уголовно-правового характера*, в том числе такие как, например, квалификация преступления, наличие вины, обстоятельств, влияющих на назначение наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, применение принудительных мер воспитательного воздействия, принудительных мер медицинского характера.

В соответствии с п. 4 и 5 ст. 302 УПК РФ разрешение этих же вопросов есть главное основание для постановления обвинительного приговора. Если они не разрешены (в частности, если нет события преступления, нет вины, нет состава преступления), то в соответствии с ч. 2 той же статьи появляется основание для постановления приговора оправдательного.

Неправильное применение уголовного закона (в частности, не соответствующая уголовному закону квалификация преступления, ошибочное или намеренное назначение не соответствующего закону наказания) (ст. 382 УПК РФ) может явиться основанием для признания приговора несправедливым (ст. 382 УПК РФ), а следовательно, и подлежащим отмене (ст. 384–386 УПК РФ) или изменению (ст. 387 УПК РФ).

Не является секретом то, что в процессе проведения предварительного расследования довольно часто преступления квалифицируются «с запасом», то есть по нормам, *более строгим*, чем те, по которым их следовало бы квалифицировать. Отмеченное является результатом, как правило, распространенного среди дознавателей и следователей мнения, что, квалифицируя преступления, лучше все же «перебрать», чем «недобрать».

Почему бытует такое мнение? Да потому, что, во-первых, попасть в точку в этом деле бывает просто нелегко, во-вторых, за «недобор» всегда следуют *более строгие* меры воздействия, чем за «перебор», а в-третьих, «перебор», как правило, легче ис-

править – в рамках того же судебного контроля. Ведь судебный контроль для того и существует, чтобы приводить квалификацию преступлений и другие элементы применения закона в порядок, устраняя тем самым допущенные при проведении предварительного расследования перегибы, и прочие недопустимые вещи. По существу, на демократическом пути развития нашего правосудия главное для него – чтобы не было *обвинительного уклона*, больно бьющего по правам главного участника уголовного судопроизводства со стороны защиты обвиняемого.

Итак, тенденция «гнать волну» *обвинительного уклона* при применении уголовного закона в процессе проведения предварительного расследования налицо. Но далеко не во всех случаях суд идет на устранение допущенной «сверхквалификации», даже если таковая и обнаруживается и лежит, как говорится, на поверхности. Во-первых, допущенная избыточная квалификация чаще всего все же небольшая, во-вторых, она обычно допущена не намеренно, а в силу ошибки, а в-третьих, ее нетрудно и поправить, например, некоторым смягчением наказания. Но тут правосудие подстерегает подводный камень: адвокат, заметив завышенную квалификацию, обычно закрывает глаза на необычайно мягкое для данного конкретного случая наказание и все же подает кассационную жалобу, в которой ставит вопрос о переквалификации преступления на более мягкую норму, а следовательно, просит кассационную инстанцию о еще большем смягчении наказания. То есть, сказав «А», он вполне логично тут же говорит и «Б», игнорируя то обстоятельство, что наказание назначено и так достаточно мягкое.

Кассационная же инстанция оказывается при этом как бы в тупике: переквалификация *необходима*, но если ее произвести, то волей-неволей надо еще больше смягчать наказание. А это уже, как говорится, «ни в какие ворота не лезет». Ведь если допустить, что суд первой инстанции, подтверждая произведенную при предварительном расследовании завышенную квалификацию, назначил и *соответствующее* ей наказание, то следовало бы еще больше смягчить наказание. А дальше смягчать уже некуда, так как в таком случае неизбежен *оправдательный уклон*. И поэтому кассационная инстанция, выбирая из двух зол меньшее, как правило, оставляет в неизменном виде и квалификацию, и наказание.

Но тут правосудие наталкивается на еще один подводный камень. Формально у нас нет судебного прецедента, однако суды

первой инстанции все же равняются на вышестоящие суды. Им ведь не объяснишь все эти тонкие нюансы. Да и надо ли объяснять? Чтобы как-то выйти из создавшегося затруднительного положения, многие вышестоящие суды завышенную в суде первой инстанции квалификацию приводят в соответствие с законом, но наказание оставляют при этом в прежнем виде, что нередко позволяет адвокатам продолжить тяжбу.

Оптимальным решением подобного рода проблемных ситуаций было бы не только приведение вышестоящими судами квалификации в соответствие с законом, но и некоторое смягчение (пусть даже небольшое, но все же смягчение) наказания, назначенного судом первой инстанции. Определенный элемент *оправдательного уклона* здесь налицо, но тут как раз тот случай, когда лучше «недобрать», чем «перебрать». Со временем в практике правосудия утвердится правильная квалификация, а следовательно, постепенно и выровняется практика назначения наказаний. Судебный контроль до конца выполнит свою задачу обеспечения законности при квалификации преступлений в процессе проведения предварительного расследования.

Другое дело, что в связи с возникающими на практике такого рода вопросами было бы желательно уточнить содержание первой фразы ч. 1 ст. 387 УПК РФ. Напомним ее содержание: «В случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 382 настоящего Кодекса, суд кассационной инстанции вправе применить к осужденному уголовный закон о менее тяжком преступлении и снизить наказание в соответствии с измененной квалификацией содеянного». В предложенной нами редакции эта фраза могла бы звучать, например, так: «В случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 382 настоящего Кодекса, суд кассационной инстанции вправе применить к осужденному уголовный закон о менее тяжком преступлении, однако в этом случае он должен также снизить наказание в соответствии с измененной квалификацией содеянного». Ясно, что если суд, назначая наказание, руководствовался законом о более тяжком преступлении, то, применяя закон о преступлении менее тяжком, он просто обязан снизить соответствующим образом наказание.

Но не только *обвинительный уклон* допускается при квалификации преступлений в процессе предварительного расследования. Допускается здесь и уклон *оправдательный*, хотя и реже. Понятно, что опасен и тот, и другой уклон, так как в случае об-

винительного уклона нарушаются права *обвиняемого*, а в случае уклона оправдательного – права *потерпевшего*. Рассуждая строго логически, можно утверждать, что права потерпевшего нам всегда и при любых обстоятельствах *дороже* прав обвиняемого, но ведь нельзя и игнорировать указания ч. 4 ст. 15 УПК РФ (состязательность сторон) о том, что «стороны обвинения и защиты равны перед судом». По крайней мере в случае как обвинительного, так и оправдательного уклона подрывается авторитет правосудия, и довольно трудно (если вообще возможно) сказать, в каком случае он подрывается больше, а в каком – меньше.

Но все же какой уклон, в принципе, более опасен? Конечно же, обвинительный, подсказывает нам та же логика. Да и известный постулат гласит, что лучше *отпустить* десять виновных, чем одного невиновного *осудить*. Однако и уклон оправдательный чреват существенными негативными последствиями. Кроме того что нарушается принцип справедливости (наряду с принципом законности и всеми другими принципами), страдают, повторяем, еще и права потерпевшего. Не соблюдается и *социальная* справедливость. А также создается ситуация безнаказанности, в условиях которой преступления множатся. Люди оказываются просто незащищенными от преступлений.

В памяти советской элиты сохранилась такая деталь. И.В. Сталин, отвечая в свое время на вопрос кого-то из соратников о том, какой уклон в политике более опасен – левый или правый, основательно задумался, долго пыхтел трубкой, прохаживался по кабинету из угла в угол, а затем со свойственной ему лаконичностью твердо и убежденно сказал: «Оба хуже». Так, собственно, оно и есть. Поэтому приведенный выше постулат (о десяти виновных и одном невиновном) если и может быть признан правильным, то лишь с какими-то оговорками.

Как уже отмечалось, в случае как обвинительного, так и оправдательного уклона подрывается авторитет правосудия. Почему? Да потому, что неправильная квалификация, допущенная при проведении предварительного расследования, подчас штампуется судами, то есть легко и просто переходит из обвинительных заключений (обвинительных актов) в приговоры. С учетом причин уклонов граждане считают судей либо слабо подготовленными в профессиональном отношении, либо легко поддающимися на незаконные требования «со стороны», либо просто продажными. Поэтому закон в их руках сравнивается в

народе с дышлом, что отчасти является и результатом неблагоприятного состояния нашей правовой действительности.

Содержанием обвинительного и оправдательного уклонов при квалификации преступлений в процессе проведения предварительного расследования, нарушающих права участников уголовного судопроизводства, являются либо *ошибки*, либо *злоупотребления*. Первые – результат небрежности и низкого профессионального уровня, вторые – следствие прямого пренебрежения требованиями закона. И те, и другие нуждаются в преодолении.

Для участника уголовного судопроизводства, чьи права на предварительном следствии нарушаются, в принципе, безразлично, почему происходят подобные нарушения – в силу небрежности или прямых намерений, но для правосудия разница весьма существенна. Если, например, злоупотребление явилось следствием коррупции, то в таком случае нельзя обойтись без уголовно-правового реагирования. Хотя и «невинные» ошибки тоже могут оказаться настолько губительными, что без столь же строгого реагирования тоже трудно обойтись (ст. 293 УК РФ – «халатность»).

Если обвинительному уклону чаще свойственны злоупотребления, то уклону оправдательному – *ошибки*. Но нередки случаи, когда обвинительный уклон является следствием *ошибок*, а уклон оправдательный – результатом *злоупотреблений*. Преодолеваются рассматриваемые уклоны с учетом их характера и причин по-разному, в том числе, например, организационными, правовыми и иными мерами.

Вначале проанализируем некоторые варианты уклонов в правосудии на примерах применения отдельных норм Общей части уголовного законодательства.

При применении норм об обратной силе уголовного закона важно четко ориентироваться в вопросе о том, *какой именно* закон (новый или старый) является *более строгим*, а *какой из них* – соответственно *менее строгим*, и помнить, что более строгий закон *не имеет* обратной силы, а менее строгий закон – такой силой, естественно, *обладает*. Более строгим является тот закон, квалификация содеянного по которому обуславливает возможность назначения виновному более строго наказания. Менее же строгий закон соответственно тот, квалификация содеянного по которому обуславливает возможность назначения виновному

менее строго наказания. Но здесь возможны и варианты, при которых решение вопроса о более или менее строгом законе (старом или новом) обуславливает саму возможность привлечения или непривлечения лица к уголовной ответственности.

Сложность решения вопросов данного рода объясняется также тем, что один и тот же закон в одной его части может быть *более строгим*, а в другой – *менее строгим*. В этом случае новый закон применяется в отношении деяний, совершенных до его издания и вступления в силу, лишь в той его части, в которой он является *менее строгим*. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 20-011-6 прямо указывается, что «при квалификации действий виновного суд в соответствии с положениями ч. 1 ст. 10 УК РФ обязан применить новый уголовный закон в части, улучшающей положение лица, совершившего преступление, и не вправе применить новый закон в части, ухудшающей его положение»¹.

Если лицо уже отбывает наказание за преступление, которое по новому закону наказывалось *мягче*, то, несмотря на то, что отбываемое наказание может вполне вкладываться в новую санкцию (может быть, даже не «задевая» ее потолка – верхнего предела), оно все же, в соответствии с ч. 2 ст. 10 УК РФ, должно быть *сокращено* в той пропорции, которая проявлена законодателем при смягчении наказуемости соответствующего деяния в новом законе.

Нужна ли переквалификация преступления на новый закон, если степень его строгости остается *той же*, то есть если новый закон и не усиливает, и не смягчает наказуемости деяния? В данном случае нужна *не переквалификация* преступления, а его «*доквалификация*», то есть его уточняющая квалификация еще и по новому закону. При этом рядом с нормой прежнего закона в материалах дела указывается еще и норма закона нового. Но это делается с документальным подтверждением того факта, что соответствующая норма нового закона никак не меняет наказуемости деяния, установленной корреспондирующей ей нормой закона старого.

На наш взгляд, нельзя считать проявлением обвинительного уклона придание статуса воздушного пространства Российской Федерации воздушному пространству над нашими морскими

и воздушными судами, находящимися в плавании в открытом море или в полете в пространстве открытого моря, если в воздушном пространстве над нашими морскими или воздушными судами (либо в непосредственной близости от них) маневрируют (например, совершают угрожающие агрессивные полеты) воздушные суда какого бы то ни было другого государства.

Нельзя, как мы полагаем, считать обвинительным уклоном также то, что, например, в отношении гражданина Российской Федерации, совершившего за пределами нашей страны преступление, будет осуществляться именно наша юрисдикция даже в том случае, если по совершенному гражданином Российской Федерации за ее пределами преступлению состоялось решение суда иностранного государства, но при том условии, что в случае, если принятое иностранным судом решение будет в установленном законом порядке признано нелегитимным или прямо противоречащим букве и духу соответствующих норм нашего закона. Наше правосудие не может быть «лимитировано» судебными решениями зарубежных судов, если те, например, за взятки выносят неоправданно мягкие приговоры. Здесь должен проявлять себя принцип приоритета нашего закона.

В то же время *следует*, на наш взгляд, считать проявлением обвинительного уклона случаи, когда лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Российской Федерации и совершившие преступления за ее пределами, выдавались бы иностранному государству, поскольку такое решение вступало бы в противоречие с ч. 3 ст. 62 Конституции, устанавливающей правило, в соответствии с которым лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами *наравне* с гражданами Российской Федерации.

Обвинительный уклон констатируется и в том случае, если, например, при определении возраста лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, не учитывается место его рождения в случае, если место рождения лица не совпадает по часовым поясам с местом совершения этим лицом деяния. Предположим, лицо родилось в Москве, но затем через какое-то время с родителями переехало во Владивосток и там, отметив, скажем, с одноклассниками свое 16-летие, совершило сразу же после полночи хулиганские действия (ч. 1 ст. 213 УК РФ). Понятно, что в силу разницы в часовых поясах данному лицу во Владивостоке реально исполнится 16 лет только после того, как *именно*

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 2. С. 17.

в Москве стрелка часов пересечет отметку в ноль часов – суток, последовавших сразу же за днем рождения лица. Страна наша все еще большая (даже после распада СССР это одна седьмая всей земной суши; и таковой она, естественно, будет оставаться еще долго, если не всегда), часовых поясов в ней по-прежнему много, а поэтому игнорировать при установлении возраста лица разницу по часовым поясам в месте его рождения и месте совершения им деяния нельзя.

Для недопущения обвинительного и оправдательного уклонов при применении уголовного закона важно учитывать еще и следующие моменты.

Часть 3 ст. 20 УК РФ следует читать в такой трактовке: несовершеннолетний в возрасте, минимально достаточном для уголовной ответственности, *не подлежит* ответственности, если вследствие отставания в развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения запрещенного уголовным законом деяния он (несовершеннолетний) не мог в достаточной мере осознавать фактический характер и опасность своих действий (бездействия).

В таком прочтении данной нормы *уточняется*, во-первых, возраст несовершеннолетнего (пограничный с состоянием «возрастной невменяемости»), во-вторых, степень осознания лицом характера и опасности совершенного деяния (степень, недостаточная для констатации наличия вины) и, наконец, в-третьих, характер опасности деяния – не *общественно* опасного, а просто *опасного*. Закон хотя и использует здесь словосочетание «общественная опасность», но так же как и применительно к деяниям невменяемых, оно в данном случае имеет *иной* смысл в сравнении с его смыслом, выраженным в законодательном определении понятия преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

В ч. 2 ст. 22 УК РФ указывается, что «психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания...», но *как именно* учитывается такое состояние, закон не поясняет. Конечно, понятно, что поскольку речь идет о *больном* человеке, то такое обстоятельство иначе, как в качестве смягчающего наказания, учитываться не может. Однако полагаем, что закладывать в законе возможность неоднозначной его трактовки не было в данном случае никакой необходимости – ведь достаточно было дополнить фразу буквально двумя-тремя словами и все стало бы на свои места. И если суд

не ссылается на упомянутое выше обстоятельство именно как на смягчающее наказание, то это должно быть свидетельством того, что он игнорирует указание закона о необходимости учитывать такое обстоятельство (ч. 2 ст. 22 УК РФ), и следовательно, впадает в обвинительный уклон. Пусть это указание не сопровождается необходимым разъяснением, но это все же именно *указание*, и смысл его, в принципе, понятен.

Статья 23 УК РФ гласит, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, *подлежит* уголовной ответственности». Вместе с тем читать данную норму надо, как представляется, так: лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, *подлежит* уголовной ответственности, если такое состояние не сочетается с каким-либо исключаящим преступность деяния обстоятельством, например, малозначительностью, невменяемостью, недостаточным для уголовной ответственности возрастом, истечением сроков давности (давности *совершения преступления* или давности *неисполнения приговора*), необходимой обороной, крайней необходимостью и т.п.

В ч. 3 ст. 26 УК РФ утверждается, что преступление признается совершенным по небрежности, если совершившее его лицо *не предвидело* возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия). Но если лицо *не предвидело* такой возможности, тогда, спрашивается, в чем же выражается его вина? Поэтому приведенное положение надо, на наш взгляд, читать так: преступление признается совершенным по небрежности, если совершившее его лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия) *в такой мере*, в какой оно это предвидит при совершении преступления как минимум по легкомыслию, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности оно должно было и могло предвидеть это столь же отчетливо, как и при совершении преступления по меньшей мере по легкомыслию.

Несколько «хромает» в ч. 3 ст. 30 УК РФ определение понятия покушения на преступление, что ведет в одних случаях к *обвинительному уклону* (когда покушение на преступление зачисляется в разряд оконченного преступления), а в других – к *оправдательному* (когда покушение на преступление зачисляется в разряд приготовления к преступлению). Поэтому оптимальный вариант прочтения названной нормы видится нам

таким: покушением на преступление признаются: а) умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом данные действия (бездействие) не были доведены до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам; б) умышленные действия (бездействие) лица, не доведенные до конца в силу тех же обстоятельств и означающие по своему характеру уже непосредственное совершение преступления – в части общественно опасных действий (бездействия) или в части общественно опасных последствий этих действий (бездействия).

Некоторая неоднозначность содержится и при описании в ст. 31 УК РФ добровольного отказа от преступления. Во избежание уклонов прочтение данной статьи должно быть, на наш взгляд, таким:

1. Не подлежит уголовной ответственности лицо, добровольно отказавшееся от преступления, то есть по своей доброй воле полностью, окончательно, бесповоротно и своевременно прекратившее приготовление к преступлению или покушение на него при наличии и осознании возможности доведения соответствующих действий (бездействия) до конца и если данным лицом предприняты меры к прекращению наступления общественно опасных последствий, входящих в объективную сторону состава соответствующего преступления.

2. Если фактически совершенные лицом действия (бездействие) содержат состав какого-либо иного преступления, то данное лицо подлежит уголовной ответственности только за это преступление. Факт добровольного отказа от основного (более опасного) преступления признается при этом обстоятельством, смягчающим наказание.

3. Организатор преступления, подстрекатель к преступлению и пособник преступления не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременно предпринятыми мерами (пресечение действий исполнителя и других соучастников, если соучастники имеются, привлечение к такому пресечению иных лиц, сообщение органам власти о необходимости принятия соответствующих предупредительных мер и т.д.) предотвратили доведение преступления исполнителем (исполнителями) до конца.

4. Организатор преступления и подстрекатель к преступлению, предпринявшие все зависящие от них меры для предотвращения преступления, если это, однако, не привело к его предот-

ращению, привлекаются к ответственности за совершенные ими организационные или подстрекательские действия (бездействие) с учетом соответствующего смягчающего наказания обстоятельства. Оказавшийся же в такой ситуации пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, но предупреждается о недопустимости совершения впредь пособнических действий, как и любых преступных действий вообще.

Наше прочтение ст. 32 УК РФ (понятие соучастия в преступлении) такое: соучастием в совершении преступления признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (*соисполнительство*), а равно совершение преступления исполнителем при участии организатора, подстрекателя или пособника (*совиновничество*)¹.

Важно иметь в виду, что в строгом соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления исполнителем *не любыми* действиями (бездействием), а *лишь теми*, на которые *прямо* указывается в названной норме. Поэтому, например, такие действия, как предоставление исполнителю возможности пользоваться помещением, продуктами питания, одеждой, деньгами (для удовлетворения сугубо бытовых его потребностей) и т.п., *не охватываются* понятием пособника и, естественно, *не могут* влечь уголовную ответственность. Хотя подобное поведение и может заслуживать негативного правового или морального упрека.

Согласно позиции Президиума Верховного Суда РФ не является пособничеством также само по себе нахождение лица на месте совершения преступления – рядом с исполнителем (исполнителями)², хотя суды нередко и признают подобное поведение пособничеством, например, по делам об изнасиловании. Обычно обоснование такой позиции в обвинительных заключениях и приговорах сводится к тому, что лицо, присутствуя на месте совершения преступления, тем самым как бы сковывает

¹ В юридической литературе понятия соисполнительства и совиновничества отождествляются, но чтобы не изобретать новые термины, в каждое из уже используемых в литературе, на наш взгляд, стоит вкладывать свое содержание: при соисполнительстве все соучастники – исполнители (соисполнители), а при совиновничестве исполнитель – один, но он действует при участии организатора, подстрекателя или пособника. То есть вина при совиновничестве все же для всех соучастников общая. Как, впрочем, и при соисполнительстве, но там (при соисполнительстве), как известно, совершенно иная конфигурация объективной стороны соучастия, а именно не параллельная, а последовательная.

² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2011 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 2. С. 16.

возможность потерпевшего лица к сопротивлению, лишает его уверенности в успехе противодействия преступлению, в восприятии потерпевшего (потерпевшей) лицо, находящееся рядом с исполнителем (соисполнителями) преступления выглядит потенциальным (возможным очередным) участником совершаемого преступления, тем более если это лицо не просто присутствует при совершении преступления, но и соответствующим образом комментирует происходящее, одобрительно воспринимая действия исполнителя (исполнителей) как своеобразное для себя развлечение, шоу, в том числе громко и издевательски выражает при этом свои эмоции, однозначным образом жестикуют, ухмыляется, обнажается, демонстрирует потерпевшей свой эрогированный половой член и т.п.

Исходя из смысла закона, *превышение* пределов обстоятельств, исключая преступность деяния, формально предусмотренное законом в качестве преступления (ст. 37–42 УК РФ), влечет уголовную ответственность *лишь в случаях*, специально предусмотренных соответствующими статьями УК РФ (ст. 108, 114). Другие виды превышения пределов названных обстоятельств могут заслуживать иной правовой или только моральной ответственности.

Основная же масса *ошибок и злоупотреблений*, нарушающих права участников уголовного судопроизводства (прежде всего, обвиняемого и потерпевшего), допускается в процессе предварительного расследования при применении норм *Особенной части* уголовного законодательства.

Например, наблюдается некоторый разброс в подходах при квалификации двух или более «простых» (неквалифицированных) убийств, совершенных в разное время, в разных местах и не объединенных единым умыслом. Одни суды оценивают такие преступления в рамках института совокупности преступлений (ст. 17 УК РФ), другие – квалифицируют все убийства по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, третьи – квалифицируют первое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ (если отсутствуют другие квалифицирующие признаки, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ), а все последующие – по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Последний вариант представляется более приемлемым.

В правильности такого вывода нас убеждает определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2011 года № 50-011-41, публикацию о котором в «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации» пред-

варяет такая констатирующая фраза: «Совершение нескольких убийств, не объединенных единым умыслом, обоснованно квалифицировано по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ»¹. Правда, такое решение расходится с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», которое в п. 5 четко разъясняет, что «по п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство двух или более лиц, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно»². Понимая допущенное несоответствие в позициях, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в упомянутом выше определении уточняет, что «действия виновного подлежат квалификации как убийство двух (или более. – П.П.) лиц в случае, когда у него имелся единый умысел на убийство двух или более потерпевших, а также в случае совершения осужденным *нескольких убийств, совершенных в разное время и не объединенных единым умыслом* (курсив наш. – П.П.)»³.

Приведенное решение представляется в принципе правильным, но здесь возникает вопрос о том, необходима ли для квалификации содеянного по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ совокупность убийств, квалифицируемых только по ст. 105 УК РФ, или же в эту совокупность *могут входить и убийства, квалифицируемые по ст. 106, 107 или 108 УК РФ*. На наш взгляд, квалификация в данном случае по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ возможна только в случае, если в совокупность входит как минимум два убийства, квалифицируемых по ст. 105 УК РФ. Что же касается убийства матерью новорожденного ребенка, убийства, совершенного в состоянии аффекта, и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, то каждое из этих преступлений *подлежит самостоятельной квалификации и не учитывается* при оценке второго и последующих из таких убийств, а также и последовавшего после подобных преступлений (либо одного из них) убийства без смягчающих обстоятельств как убийства двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК).

Возникает еще и вопрос о том, надо ли квалифицировать убийство без смягчающих обстоятельств, совершенное после

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 3. С. 15.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3. С. 3.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 3. С. 16.

того, как то же самое лицо *ранее уже осуждалось за такое же убийство*, по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ? Если судимость за первое убийство не погашена и не снята, то ответ на поставленный вопрос *может быть только положительным*. Такое решение будет правильным независимо от того, совершено ли новое преступление *уже после отбытия наказания, назначенного за ранее совершенное преступление, или же оно совершено во время его отбытия*.

В судебной практике неоднозначна трактовка такого квалифицирующего признака убийства, изнасилования и насильственных действий сексуального характера, как совершение этих преступлений в отношении лица, находившегося в беспомощном состоянии. Главная трудность в констатации наличия данного признака состоит не в том, что раз подобное преступление стало возможным, то потерпевший, следовательно, всегда оказывается в беспомощном состоянии, и даже не в том, что для совершения подобного преступления виновное лицо почти всегда предварительно приводит потерпевшего в такое состояние, а в том, что именно надо считать беспомощным состоянием потерпевшего.

Пленум Верховного Суда РФ в упоминавшемся выше постановлении разъясняет, что по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, осознает это обстоятельство. В постановлении также указывается, что к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее¹. Но в постановлении, к сожалению, ничего не говорится о состоянии сна или глубокого опьянения потерпевшего лица как возможном признаке его беспомощного состояния, а поэтому по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) такое состояние, как правило, беспомощным не признается. Это, как мы полагаем, нельзя признать правильным.

Несколько иная трактовка признака беспомощного состояния потерпевшего лица дается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 года № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации». Изнасилование (ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), разъясняется в данном постановлении, следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние, малолетний или престарелый возраст и т.п.) не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу.

Относительно состояния опьянения Пленум Верховного Суда РФ акцентирует внимание, во-первых, *на такой его степени*, которая *лишает* потерпевшее лицо возможности оказать сопротивление насильнику, а во-вторых, *на том*, что для констатации наличия признака беспомощного состояния потерпевшего лица не имеет значения, было ли оно приведено в такое состояние непосредственно *виновным* (например, виновный напоил потерпевшее лицо спиртными напитками, дал ему наркотики, подсыпал снотворное в напиток и т.п.) или это лицо находилось в беспомощном состоянии независимо от его действий¹.

На практике довольно часто получается так, что если виновный сам привел потерпевшее лицо в беспомощное состояние, то независимо от того, желал ли виновный только этим и ограничиться (и лишь потом у него возник умысел на совершение соответствующего преступления: убийства, изнасилования, насильственных действий сексуального характера), или же он рассматривал это только как определенный этап перехода к непосредственному совершению такого преступления, то признака совершения преступления с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица нет².

Наша позиция по рассматриваемому вопросу заключается в том, что, во-первых, беспомощное состояние есть состояние, на-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 8. С. 2.

² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2011 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 2. С. 17.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3. С. 3.

ходясь в котором потерпевшее лицо *не способно* самостоятельно оказать себе помощь при посягательстве на него (не способно пресечь посягательство, оказать сопротивление преступнику и т.п.), а во-вторых, виновный, совершая преступление, *использует* беспомощное состояние, в котором потерпевшее лицо оказалось без участия виновного или хотя бы и с его участием, но при отсутствии у виновного в момент приведения потерпевшего лица в беспомощное состояние умысла на последующее совершение соответствующего преступления.

Во многих статьях Особенной части УК РФ фигурирует в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака *совершение преступления в составе организованной группы*. На наш взгляд, во всех случаях ссылки на такой признак понятие организованной группы употребляется в законе в *широком* смысле, то есть в смысле группы, которая может быть *не только собственно организованной (ч. 3 ст. 35 УК РФ), но и преступным сообществом (преступной организацией) (ч. 4 ст. 35 УК РФ)*. К сожалению, такого разъяснения не было в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 года № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)»¹, и, к еще большему сожалению, его нет в изданном спустя ровно два года по тем же вопросам постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 («О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»².

Неоднозначной в судебной практике является трактовка такого признака совершения преступления (квалифицирующего или конструктивного), как *применение оружия*. Если применительно к составу разбоя демонстрация оружия не считается его применением³, то применительно к составу хулиганства – считается⁴. Между тем в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 октября 2011 года № 81-011-87СП

утверждается, что «для квалификации разбоя как совершенного с применением оружия достаточно угрозы оружием лицам, подвергшимся нападению, или третьим лицам в подтверждение готовности его применения для целей разбоя»¹. Таким образом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ под применением оружия понимает не только его *применение* как таковое, но и состояние «*готовности его применения*», то есть одну лишь демонстрацию оружия. Со своей стороны полагаем, что под применением оружия следует понимать все же именно его применение – по прямому его назначению. То есть это может быть как минимум прицельное наставление оружия на потерпевшего (если речь идет об *огнестрельном оружии*) или как минимум прицельный взмах оружием в его сторону (если речь идет об *оружии холодном*, как, впрочем, и об оружии огнестрельном, подобный взмах которым может свидетельствовать о намерении виновного нанести потерпевшему удар).

Такого рода примеров *неоднозначной трактовки* уголовного закона в процессе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, результатом которой является либо обвинительный, либо оправдательный уклон, влекущий, в свою очередь, нарушение прав участников уголовного судопроизводства, можно было бы привести немало. Но в принципе вопрос здесь ясен: любые отклонения от линии законности при применении уголовного закона должны в рамках судебного контроля внимательно отслеживаться и решительно устраняться.

Для целей минимизации и устранения подобных отклонений сведения о них должны обобщаться, а результаты обобщений отражаться в соответствующих периодически издаваемых справочниках. Такие справочники могли бы издаваться, например, с названием «Линия законности при применении уголовного закона: типичные отклонения и пути их преодоления». Примерно наполовину эти справочники могли бы быть заполнены фактическими и обобщающими материалами («Типичные отклонения...»), а наполовину – аналитическими материалами ученых и практиков по соответствующим вопросам («Пути преодоления типичных отклонений...»). Средства на подготовку и публикацию справочника (как периодического издания) могли бы быть

¹ См.: Российская газета. 2008. 18 июня. С. 19.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8. С. 3–8.

³ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2. С. 6.

⁴ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 1. С. 3.

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 3. С. 19.

изысканы путем участия инициаторов этого предприятия в разного рода грантах.

Применение уголовного закона – это такая работа, которая действительно «и опасна, и трудна». Для надлежащего ее выполнения мало хорошо знать закон. Требуется еще и знание всего того, по поводу чего он издан. Только тогда линия законности в уголовном правосудии будет соблюдаться достаточно четко и с полным пониманием того, что любой шаг в сторону от этой линии фактически убивает правосудие, делает его не только неэффективным, бесполезным или вообще не существующим, но и крайне опасным.

8.5. Судебный контроль правильности применения уголовного законодательства, осуществляемый при проведении предварительного расследования в целях обеспечения прав потерпевшего

Последовательное проведение принципа законности в уголовном правосудии является в условиях, когда завершается переходный этап в развитии нашей страны и она уверенно вступает в этап созидательного, цивилизованного, обновляющегося и процветающего развития, является особенно актуальным. Важная составная часть этой работы – обеспечение в правосудии правильного применения уголовного закона.

Правильное применение уголовного закона – главнейшее требование, обеспечивающее не только интересы правопорядка и провозглашенные Конституцией главные ценности жизни, но и права участников уголовного судопроизводства, в том числе при проведении предварительного расследования, в особенности права потерпевшего и права обвиняемого. И это самым непосредственным образом вытекает из ст. 297 УПК РФ, которая указывает, что приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ *и основан на правильном применении уголовного закона*.

Бессмысленно дискутировать о том, что важнее для дела соблюдения прав участников уголовного судопроизводства при проведении предварительного расследования – соблюдение

требований УК РФ или УПК РФ. И УК РФ и УПК РФ – это такие законы, нарушение требований которых в равной мере может сломать судьбу человека и вместе с тем буквально втоптать в грязь все принципы уголовного судопроизводства. Например, преступление при проведении предварительного расследования может быть квалифицировано в целом правильно, но в силу нарушения требований УПК РФ за него может оказаться привлеченным к уголовной ответственности абсолютно не то лицо, которое его на самом деле совершило, а абсолютно другое.

Нет смысла спорить и о том, что является для уголовного судопроизводства более важным (с учетом назначения данного судопроизводства) – права потерпевшего или права обвиняемого. И те, и другие права – это права человека, и они в равной мере должны соблюдаться. Как медицина в лице врачей, медсестер и других медработников, оказывая помощь человеку, не делает различий в том, кто в ней нуждается (Герой труда или отъявленный рецидивист, патриот России или презренный предатель Родины, летчик-космонавт или опустившийся обитатель мусорных свалок, офицер федеральных войск или террорист, убивший, может быть, сотни людей, любимый народом бард или конченный педофил, изнасиловавший и убивший несколько десятков девочек и мальчиков...), так и уголовное судопроизводство не делает различий между правами человека с учетом его заслуг или провинностей перед страной. Согласно смыслу ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту как потерпевших от преступлений, так и обвиняемых от необоснованных обвинений, осуждений и ограничений в правах, свободах и законных интересах.

И все же определенные акценты в приоритетах надо расставлять. В УПК РФ они не расставлены или расставлены подчас диаметрально противоположно тому, как надо. Например, в соответствующих нормах УПК РФ (в том числе в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) обвиняемый обозначается термином «личность», а потерпевший – термином «лицо». Наверное, терминологию здесь надо было бы развернуть на 180 градусов, то есть термином «личность» характеризовать потерпевшего, а термином «лицо» – обвиняемого.

УК РФ как закон материальный, безусловно, имеет приоритет перед УПК РФ как законом процессуальным, а поэтому то, что защищает он, первостепенно. Акцент в УПК РФ на защите ин-

тересов обвиняемого понятен, поскольку основное назначение уголовно-процессуального закона состоит в том, чтобы при привлечении к уголовной ответственности совершившего преступление лица не было «перегибов», то есть отклонений в сторону необоснованного усиления ответственности (обвинительного уклона).

Необходимость в приоритетной защите именно интересов потерпевшего вытекает из здравого смысла. Ведь потерпевший – это потенциально все мы и каждый из нас, а обвиняемый в подавляющем большинстве случаев – не кто иной, как преступник. Понятно, что обвиняемый может оказаться и невиновным. В этом случае назначению уголовного судопроизводства вполне отвечает отказ от уголовного преследования данного лица, а если он уже осужден и подвергается наказанию, то и освобождение его от наказания, а также его (как и любого другого необоснованно подвергнувшегося уголовному преследованию) реабилитация.

Другое дело, что до постановления обвинительного приговора и вступления его в силу подследственного нет смысла называть обвиняемым. Да это противоречило бы (и противоречит) и Конституции, которая хотя и называет подследственного обвиняемым (эта неточность, конечно же, тоже нуждается в исправлении), но все же признает его до вступления обвинительного приговора в законную силу невиновным (ст. 49).

Сила судебного контроля в рассматриваемой сфере как раз в том и состоит, что он является своеобразным «фильтром», не допускающим и устраняющим нарушения закона, способные ущемлять права участников уголовного судопроизводства, прежде всего, потерпевших и обвиняемых. Судебный контроль – это «фильтр», так сказать, двойной очистки правосудия от нарушений закона, если учесть, что вторая судебная инстанция тоже контролирует применение закона, поскольку нарушения закона, допущенные при проведении предварительного расследования, как бы «просачиваются» каким-то образом через первую судебную инстанцию.

Следовательно, судебный контроль применения уголовного закона при проведении предварительного расследования имеет два уровня, а именно *непосредственный* судебный контроль, то есть контроль за проведением предварительного расследования непосредственно судами первой инстанции, и судебный контроль *опосредованный*, то есть контроль за правильностью

применения уголовного закона судами второй инстанции – при проверке приговоров, вынесенных судами первой инстанции.

По своему содержанию нарушения закона (как уголовного, так и уголовно-процессуального) могут иметь место вследствие не только ошибок (неосторожных действий), но и злоупотреблений (действий умышленных). Результатом таких ошибок и злоупотреблений может быть и обвинительный, и оправдательный уклон в правоприменении, то есть необоснованное усиление или смягчение ответственности.

Обвинительный уклон опасен ущемлением прав преимущественно обвиняемого, а уклон оправдательный – ущемлением преимущественно прав потерпевшего. И в том, и в другом случае правосудие не отвечает своему назначению, его престиж падает, в его функционировании происходят сбои, правопорядок дестабилизируется.

Как уже отмечалось, для правосудия в равной мере опасны оба уклона. В результате как обвинительного уклона, так и уклона оправдательного не срабатывает цель исправления виновного лица, и оно нередко совершает новые преступления. В первом случае – вследствие ощущения виновным несправедливости, во втором – в результате ощущения им безнаказанности.

Понятно, что если положение обвиняемого каким-то образом незаконно улучшается, то права потерпевшего на законный, обоснованный и справедливый приговор резко уменьшаются. Вред, причиненный ему преступлением, может оказаться *возмещенным не в полной мере* или *вообще не возмещенным*. Не говоря уже о том, что наказание обвиняемому может оказаться *заниженным*, вследствие чего он может воспринять это как своеобразное «разрешение» на совершение новых преступлений, в том числе против самого потерпевшего. В то же время обвинительный уклон не нужен и потерпевшему, так как в результате его виновный ожесточается и это тоже может привести к совершению новых преступлений, в том числе против того же потерпевшего.

Для преодоления ошибок, допускаемых в правосудии при применении уголовного закона, надо, прежде всего, повышать уровень юридической грамотности работников правосудия, а для преодоления допускаемых здесь злоупотреблений – повышать уровень их добросовестности. И, конечно же, как ошибки, так и злоупотребления должны преодолеваются на основе уси-

ния судебного контроля за деятельностью работников правосудия. Это должно стать важным фактором предотвращения коррупции в сфере правоприменения. Под пристальным взглядом судов любые искривления линии законности достаточно легко и быстро устраняются. Если, конечно, сами судьи не грешат коррупцией. Но это уже совершенно другая тема.

Ошибки и злоупотребления при применении уголовного закона, ведущие как к обвинительному, так и к оправдательному уклону, нередко провоцируются его несовершенством. Правильно применять несовершенный закон очень трудно, если вообще возможно. Но возможности совершенствования УК РФ и УПК РФ без совершенствования самой Конституции в значительной мере уже исчерпаны. Если сказать точнее, без принятия новой Конституции нет и не может быть и новых УК РФ и УПК РФ, как, впрочем, и всего нашего законодательства в целом. Для вхождения страны в новый этап развития требуется соответствующая новая правовая основа. Невозможно обновлять страну на основе старых законов.

Но что касается уголовного и иного уголовно-охранительного законодательства (уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и т.д.), то его полное обновление может состояться только после того, как обновлено все остальное законодательство. Иначе уголовно-охранительное законодательство не сможет поставить под охрану все те ценности, которые могут создаваться только при наличии обновленного иного законодательства. Но рассуждать на данную тему мы, конечно же, не только можем, но и должны.

Что же необходимо в первую очередь сделать в плане совершенствования уголовного закона, чтобы в конечном счете работы судебному контролю на рассматриваемом направлении было меньше?

Вначале речь пойдет о влекущих уклоны ошибках и злоупотреблениях, провоцируемых несовершенством отдельных положений Общей части уголовного закона.

Прежде всего, обращает на себя внимание несовершенство правила, являющегося составной частью принципа законности и состоящего в том, что «применение уголовного закона по аналогии не допускается» (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Данное правило целесообразно сформулировать в следующей редакции: «Применение уголовного закона по аналогии, то есть в отношении состояний,

прямо не предусмотренных данным законом, а аналогичным лишь по отдельным признакам-состояниям, прямо предусмотренным им, не допускается – за исключением случаев, когда такое его применение по меньшей мере не ухудшает положение лица, в отношении которого закон применяется».

Дело в том, что существует масса случаев, когда применение уголовного закона по аналогии не просто возможно, но и необходимо, например, при признании в качестве смягчающих наказание таких обстоятельств, которые законом прямо не предусмотрены, но по отдельным признакам аналогичны тем обстоятельствам, которые законом предусмотрены (в качестве таковых). Например, п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ предусматривает в качестве смягчающего наказание такое обстоятельство, как несовершеннолетие виновного, но в соответствии с указанием ч. 2 этой же статьи суд может признать (в том числе по аналогии) в качестве такового (смягчающего) и другое подобное обстоятельство, а именно *молодой* возраст виновного, то есть 18-летний и более старший его возраст, в соответствии с тем, как понимает такой (молодой) возраст суд.

Нуждаются, на наш взгляд, в уточнении и некоторые положения уголовного закона о действии его во времени и в пространстве. Так, ст. 10 УК РФ следовало бы, на наш взгляд, дополнить ч. 1.1 следующего содержания: «Если новый уголовный закон в одной своей части улучшает положение лица, совершившего преступление, а в другой – ухудшает его, то в той части, в которой закон улучшает положение данного лица, он имеет обратную силу, а в той, в которой закон ухудшает его, он обратной силы не имеет. Новый уголовный закон, не улучшающий и не ухудшающий положение лица, совершившего преступление, указывается в документах уголовного дела наряду со старым законом».

Если лицо уже отбывает наказание за преступление, которое по новому закону наказывается мягче (по сравнению с наказуемостью по старому закону), то, хотя реально отбываемое наказание и «*вкладывается*» в новую санкцию, оно должно все же подлежать смягчению – пропорционально произведенному новым законом смягчению наказуемости преступления. В связи с этим ч. 2 ст. 10 УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Если новый уголовный закон смягчает наказание, которое уже отбывается лицом за совершенное им преступление, то это наказание

подлежит смягчению пропорционально произведенному новым законом смягчению наказуемости данного преступления».

Если гражданин Российской Федерации (или постоянно проживающее на территории Российской Федерации лицо без гражданства), находясь за рубежом, совершил (совершило) преступление и осужден (осуждено) там за это преступление к наказанию, которое существенно расходится в ту или иную сторону с наказуемостью данного преступления по закону Российской Федерации (вспомним например, дело Виктора Бута, осужденного в США якобы за торговлю оружием), то наш закон должен предусматривать для таких случаев возможность соответствующего изменения назначенного зарубежным судом наказания.

В данной связи ст. 12 УК РФ целесообразно дополнить ч. 1.1 следующего содержания: «Если гражданин Российской Федерации или постоянно проживающее на территории Российской Федерации лицо без гражданства, находясь за рубежом, совершил (совершило) преступление и осужден (осуждено) там за это преступление к наказанию, которое существенно расходится с наказуемостью данного преступления по закону Российской Федерации, то Российская Федерация принимает все необходимые меры к возвращению виновного в Российскую Федерацию и приведению вынесенного за рубежом приговора в соответствие с законодательством Российской Федерации».

Нуждается в корректировке и ст. 13 УК РФ. Не только граждане Российской Федерации, но и постоянно проживающие в нашей стране лица без гражданства, совершившие преступление на территории иностранного государства, не должны подлежать выдаче иностранному государству, причем не только тому, на территории которого совершено преступление, но и любому другому. В то же время целесообразно установить положение, в соответствии с которым иностранные граждане, совершившие преступление на территории иностранного государства, могли бы быть выданы, но только именно этому иностранному государству. И при том неременном условии, что там им не грозят пытки.

Полагаем, что ст. 13 УК РФ следует изложить в следующей редакции:

«1. Граждане Российской Федерации и постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, совершившие преступление на территории иностранного

государства и находящиеся на территории Российской Федерации, не подлежат выдаче ни этому и никакому иному иностранному государству.

2. Иностранцы граждане, совершившие преступление на территории иностранного государства и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы данному иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации и при условии, что указанные иностранные граждане не понесли уголовную ответственность на территории Российской Федерации и если в стране экстрадиции им не грозят пытки».

Статью 19 УК РФ целесообразно дополнить указаниями относительно того, что полное количество лет лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, наступает с нуля часов суток, следующих за днем рождения данного лица. Важно здесь отразить еще и следующее положение: если место совершения деяния и место рождения лица, его совершившего, находятся в разных часовых поясах, то возраст данного лица определяется с учетом часового пояса места его рождения.

При проведении предварительного расследования наблюдаются случаи искусственного перевода преступлений в разряд непреступных деяний и непреступных деяний – в разряд деяний преступных. Например, на шумевшая в прессе акция пяти девушек – участниц Pussy Riot (Надежда Толоконникова, Мария Алехина, Екатерина Самуцевич и две пока еще не установленные участницы), танцевавших (исполнявших панк-молебен) в храме Христа Спасителя в Москве 6 мая 2012 года, вызвала неоднозначную правовую оценку в юридических кругах. Одни юристы расценили эту акцию как мелкое хулиганство, другие – как хулиганство уголовно-наказуемое, причем совершенное с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 213 УК РФ)¹. Оценка подобных «неудобных Богу» действий как уголовно-наказуемого хулиганства основывалась, по-видимому, на том, что девушки рассматривались как «предметы, используемые в качестве оружия» по типу того, как в качестве таких предметов рассматриваются собаки или другие опасные животные. По крайней мере

¹ Вторая позиция положена в основу официального обвинения, обусловившего арест участниц акции и последующее их строгое наказание (см.: Егоров И. Прогноз свободы. Участницы Pussy Riot останутся под стражей // Российская газета. 2012. 10 июня. С. 6).

другой (альтернативный) признак уголовно-наказуемого хулиганства (совершение соответствующих действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти либо вражды) в данном случае если и просматривается, то весьма смутно.

Поэтому уголовный закон при описании составов преступлений должен предельно точно указывать на их признаки, в том числе на те, которые излагаются в Общей части УК РФ, например, относящиеся к малозначительности деяния, неконченому преступлению, соучастию в преступлении, превышению условий правомерности действий, касающихся необходимой обороны, крайней необходимости и т.д.

Заметим, что даже сам законодатель порой затрудняется в решении вопросов преступности и наказуемости деяний, относя их, например, то к преступлениям, то к административным или иным правонарушениям, то к тем и другим одновременно в соответствующих их частях. Так было, в частности, с клеветой, статья в УК РФ о которой (129-я), будучи в декабре 2011 года признанной по инициативе бывшего президента Д.А. Медведева утратившей силу, спустя немногим более полугода (уже при новом президентстве В.В. Путина) вновь обрела силу.

Та же судьба должна, на наш взгляд, постичь и ст. 130 УК РФ (оскорбление), признанную тогда же (и по той же инициативе) утратившей силу и пока еще не восстановленную в правах, хотя и в данном случае речь идет о высших общечеловеческих ценностях, а именно о чести и достоинстве личности, охраняемых уголовным законом, по существу, во всех странах мира достаточно строго, то есть с использованием уголовно-правовых средств. Уголовный закон здесь не должен молчать не только потому, что выше чести и достоинства разве что только сама жизнь (хотя довольно часто честь и достоинство ценятся людьми даже выше жизни – не будем забывать печальные судьбы наших гениальных поэтов А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова), но еще и потому, что посягательства на эти ценности довольно часто провоцируют конфликты, влекущие многие насильственные преступления, в том числе убийства.

Довольно часто при проведении предварительного расследования одно преступление искусственно разделяется следователем либо дознавателем на два или более преступления, а два или более преступления подчас объединяются в одно. Если в первом

случае мы имеем дело с обвинительным уклоном, то во втором – с уклоном оправдательным. И то, и другое, как уже отмечалось, недопустимо, но судебный контроль, случается, не срабатывает, и происходит нарушение принципа законности со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

В самом законе должно быть прописано, что, например, покушение на убийство двух или более лиц должно быть квалифицировано именно по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ независимо от того, погиб ли кто-либо из лиц, подвергшихся покушению или нет, нанесен ли кому-либо из них вред здоровью или все потерпевшие, как говорится, «отделались легким испугом». Точно так же в том же законе должно быть прописано и то, что преступление квалифицируется как убийство двух или более лиц в случае как совершения убийств в одно и то же время и с единым (общим) умыслом, так и совершения их в разное время и без единого (общего) умысла¹. В противном случае сам судебный контроль, включая его высший уровень (уровень Судебной коллегии по уголовным делам и Пленума Верховного Суда РФ), потеряет ориентиры в такого рода вопросах.

Кстати, возникает вопрос и о том, о каких убийствах может идти речь: только об убийствах, квалифицируемых по ст. 105 УК РФ, или и об убийствах, квалифицируемых по ст. 106–108 УК РФ. Полагаем, что п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ предполагает только *убийства, квалифицируемые по ст. 105 УК РФ*, но на это тоже должно быть указано в самом законе.

На практике оконченное преступление иногда квалифицируется как неоконченное, а неоконченное – как оконченное, покушение на преступление – как приготовление к преступлению, а приготовление к преступлению – как покушение на преступление. Не

¹ Как уже отмечалось, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ) разъясняет, что «по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство двух или более лиц, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно» (см.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3. С. 3). А в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2011 года № 50-011-41, публикация о котором в «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации» озаглавлена: «Совершение нескольких убийств, не объединенных единым умыслом, обоснованно квалифицировано по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ», предлагается иное решение данного вопроса (см. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 3. С. 15). Понимая допущенное несоответствие в позициях, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в упомянутом выше определении уточняет, что «действия виновного подлежат квалификации как убийство двух (или более. – П.П.) лиц в случае, когда у него имелся единый умысел на убийство двух или более потерпевших, а также в случае совершения осужденным нескольких убийств, совершенных в разное время и не объединенных единым умыслом (курсив наш. – П.П.)» (там же. С. 16).

всегда точно оценивается наличие или отсутствие добровольного отказа. Пособники иногда зачисляются в разряд исполнителей, а подстрекатели – в разряд организаторов, организованные группы – в преступные сообщества (преступные организации), а последние – в организованные группы. Сегодня мы все еще не знаем, является ли пособничеством заранее обещанное укрывательство, которое само по себе (как не обещанное заранее) не рассматривается как уголовно-наказуемое (поскольку совершается в отношении преступления, не являющегося особо тяжким). Следовательно, и во всех этих случаях нужны соответствующие уточнения в законе.

В ч. 2 ст. 33 УК РФ целесообразно дать определение понятия главного исполнителя преступления как лица, сыгравшего основную роль в совершении преступления.

Для преступлений, совершенных в составе группы, целесообразно выделить, наряду с организатором, фигуру инициатора преступления, то есть такого лица, которому первому пришла в голову мысль совершить соответствующее преступление и которую он озвучил в присутствии других участников группы.

Статью 67 УК РФ целесообразно дополнить ч. 1.1 следующего содержания: «Срок наказания главному исполнителю преступления назначается не ниже трех четвертых максимального срока наиболее строго наказания, предусмотренного за соответствующее преступление, исполнителю и организатору преступления – не ниже двух третей этого срока, подстрекателю и пособнику преступления – не ниже половины его».

В ч. 2 ст. 68 УК РФ целесообразно предусмотреть дифференцированный подход при назначении наказания за различные виды рецидива преступлений, например, в следующем порядке: не ниже трех четвертых максимального срока наиболее строго наказания, предусмотренного за соответствующее преступление, – за совершение преступления при особо опасном рецидиве, не ниже двух третей этого срока – за совершения преступления при опасном рецидиве, не ниже половины его – за совершение преступления при рецидиве.

Сохраняются условия для ошибок и злоупотреблений также при применении положений уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность формально уголовно-противоправного деяния (ст. 37–42 УК РФ).

Например, все еще не выяснено, возможна ли необходимая оборона от нетяжкого преступления (в том числе неосторожно-

го) или преступления экономического, должностного, экологического, политического либо иного такого же рода (то есть ненадлежащего).

Неизвестно пока и то, какой именно вред может причиняться для устранения более значительного вреда в порядке крайней необходимости – только имущественный или и физический.

Нужна конкретизация положений закона относительно назначения наказания по совокупности преступлений и по совокупности приговоров. Закон не дает суду никаких ориентиров относительно того, в каких случаях суд складывает наказания, назначенные за различные преступления, *полностью*, а в каких – *частично*. И когда возможно *поглощение* менее строгого наказания более строгим. Отсутствие таких ориентиров не позволяет при проведении предварительного расследования собирать данные, которые могли бы затем учитываться судом при назначении наказания.

Но наиболее многочисленны ошибки и злоупотребления при применении статей *Особенной части* уголовного закона. Ни одна из этих статей не изложена достаточно точно (в смысле детального описания признаков составов преступлений – конструктивных и квалифицирующих), в связи с чем практику заносит то в обвинительный, то в оправдательный уклон.

Надо материализовать все формальные составы преступлений и усилить материальность составов материальных. Нужна более детальная конкретизация, в частности, таких признаков составов, как размер преступления, доход, задолженности, избежание убытков, тяжкие последствия, опасность насилия для жизни и здоровья потерпевшего, особая жестокость, беспомощное состояние потерпевшего, применение оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия.

Если имеет место обвинительный уклон при квалификации преступлений в процессе проведения предварительного расследования и если это, в конце концов, выразилось в назначении более строгого наказания (чем то, которое должно было быть назначено), то суд второй инстанции, думается, просто обязан смягчить наказание (в соответствующей его части) соответственно снижению квалификации или уменьшению объема обвинения. В данной связи важно уточнить первую фразу ч. 1 ст. 387 УПК РФ таким образом, чтобы суд второй инстанции, снижая квалификацию или уменьшая объем обвинения, всегда смягчал и наказание.

Предлагается на основе действующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ и устоявшейся практики Судебной коллегии по уголовным делам подготовить постатейный комментарий Уголовного кодекса с включением в текст применительно к каждой статье Кодекса рубрики «Типичные проявления обвинительного и оправдательного уклона».

Если внимательно посмотреть на статьи Уголовного кодекса, то, по существу, в каждой из них можно увидеть какие-то резервы для совершенствования. И это делает актуальной постановку вопроса о необходимости подготовки и принятия нового Уголовного кодекса, то есть такого закона, который не позволял бы правоприменителю «крутить» им словно небезызвестным «дышлом» при проведении предварительного расследования, а следовательно, и нарушать права участников уголовного судопроизводства. Тогда функция судебного контроля будет работать с гораздо меньшей нагрузкой и, естественно, более эффективно.

Глава 9. ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ НА ПРЕСТУПНОСТЬ: ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТА ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

9.1. Необходимость и особенности подготовки плана

Несмотря на радужные прогнозы отдельных криминологов и активизацию антикриминальных мер, шаги по реформированию правоохранительной системы и общему экономическому, социальному, культурному и иному оздоровлению ситуации в стране (борьба с бедностью, обращение к «духовным скрепам», рост влияния РПЦ и др.), преступность в начале второго десятилетия нового века не намерена сдавать позиции. Более того, она реально не только не сдает их, но и, похоже, занимает все новые рубежи, причем во все более широких масштабах и ускоряющемся темпе.

Становится очевидным, что предпринимаемые меры недостаточны, нужно еще что-то делать для того, чтобы преступность наконец-то остановилась и, может быть, даже в какой-то части пошла на попятную. Но что именно необходимо сделать для этого? С таким вопросом автор обратился (апрель 2011 года) к студентам второго курса дневной формы обучения факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Статус исследовательского вуза обязывал каждого из студентов обстоятельно поразмыслить над поставленным вопросом и дать на него достаточно вразумительный и, конечно же, аргументированный и убедительный ответ. На анализ проблемы и письменное оформление ответа отводились две недели и две страницы стандартных листов бумаги.

В качестве главной цели предпринятого проекта выдвигалось формирование с участием студентов комплексного плана на-

ступления на преступность во втором десятилетии XXI века, а именно, такого плана, реализация которого могла бы обеспечить необратимую динамику сокращения этого общественно опасного явления по крайней мере до того минимального уровня, который вообще возможен при существующем порядке вещей.

Студенты (84 чел.) только приступили к изучению уголовного права¹, но именно их неискушенность и располагала к широте мышления. С одной стороны, эти молодые люди, как можно было полагать, вполне осознанно сделали свой профессиональный выбор, поступив учиться в вуз именно «на юриста», но, с другой – их сознание пока еще не было «заштамповано» преподавательскими суждениями, основанными, как правило, на доминирующих в учебной литературе концепциях и прочем учебно-научном «официозе».

Говоря другими словами, нужен был взгляд на поставленный вопрос как бы со стороны. Студенты-юристы (делаем на этом особый акцент), хотя и «свои» люди в интересующей нас проблематике (по ходу учебы они и из других источников черпали много полезной для себя информации о преступности и мерах борьбы с ней), но, безусловно, еще не поднаторели в различных юридических премудростях, по крайней мере до той степени, которая позволяла бы им достаточно легко ориентироваться в вопросах преодоления преступности в нынешних непростых условиях.

Понятно, что в настоящее время по таким вопросам издается много книг, статей и других материалов, книжные магазины завалены подобной литературой, ломаются от нее и полки библиотечных фондов, немало интересной информации можно найти в Интернете. Полны криминальных хроник средства массовой информации, и прежде всего телевидение, что в известной мере спровоцировано некоторым всплеском преступности в период мирового финансового кризиса (2008–2010 гг.), сильно ударившего и по экономике нашей страны.

Все это заставляет задуматься не только студентов-юристов, но и всех мыслящих людей, тем более не равнодушных к острейшим проблемам современности. Но если ты, ко всему прочему, еще и студент-юрист, то тебе, как рассуждал автор, и карты в руки. Что же касается собственной задачи, то ее автор видел в

том, чтобы привести студенческие выводы – относительно дальнейших шагов наступления на преступность – к некоему общему знаменателю. Естественно, в определенных случаях нам приходилось, отталкиваясь от студенческих мыслей, допускать и какое-то присутствие в них своих суждений, например, в порядке их логического развития, придания им определенной выразительности, полноты, завершенности.

Для обобщения отбирались в основном те записи, которые были «по делу» и, так или иначе, гармонировали с нашими позициями. Или по крайней мере были созвучны с ними. А если и различались, то, может быть, лишь в каких-то нюансах. Оказаться со студентами «по разные стороны баррикад» и не было оснований. Если же что-то и отсортировывалось, то только такие фрагменты записей, которые, выходя за рамки здравого смысла, как-то (прямо или косвенно) оправдывали преступления («все мы – преступники...», «против лома – нет приема...», «на то и щука в реке, чтобы карась не дремал...» и т.п.). Либо вообще не относились к теме («надо больше работать с потерпевшими, чтобы они не попадались под горячую руку преступников...», «чем прикармливать полицейских, лучше создавать нормальные условия для нормальных людей...», «дураков у нас много, а поэтому Россия для преступников – рай...» и т.п.).

Касаясь состояния проблемы в целом, студенты в своих записях не без оснований указывали на то, что вследствие финансовых потрясений в мире и стране в последние три года первого десятилетия нового века преступность как бы обрела новое дыхание, «взбодрилась», вышла на широкий «оперативный простор», охватив собою, по существу, все сферы жизнедеятельности. Обозначились такие явления, как «крышевание» правоохранительными органами преступности, наметилась прямая их смычка с криминалом, как и непосредственное участие сотрудников названных органов в совершаемых преступлениях, в том числе и самых опасных. Дело доходило до того, что за взятки сотрудники потворствовали трудовым мигрантам, незаконно пребывающим в нашей стране. Обратней в погонах и без погон в годы кризиса появилось так много, что уже к 2011 году стало понятным – без наступления на преступность по всему фронту имеющихся сил и средств продолжать двигаться вперед страна не сможет.

Как известно, 2011 год стал у нас годом реформирования милиции в полицию, начались процедуры обновления кадров, пре-

¹ О криминологии и других уголовно-правовых дисциплинах они пока еще вообще ничего не слышали, если, конечно, не считать самых общих представлений, почерпнутых из вводной лекции по уголовному праву.

образования затронули и другие правоохранительные структуры. На преодоление криминогенных факторов, наряду с федеральными, были нацелены также региональные и местные властно-управленческие структуры, поддерживались соответствующие инициативы различных институтов гражданского общества, в частности формировались дружины, на поддержание правопорядка вышло казачество, что-то делали в этом же направлении администрации организаций.

Несмотря на успокаивающую статистику преступности в последние годы (судя по ее данным, преступность постепенно снижается), «горячее дыхание» криминала ощущается пока еще весьма сильно. Его постоянно испытывает на себе едва ли не каждый россиянин: кого-то избили или «обхулиганили», другого и вовсе «грохнули», у третьего угнали машину, четвертого «кинули» с выплатой страхового возмещения, пятого обобрал как липку таксист вместе с сотоварищами (например, заманив обманом в машину, «содрал» с него за 1 километр пути 10 тыс. руб.), в отношении шестого занимается, по существу, тем же, но иными методами, продавец, работник сферы услуг или коррумпированный чиновник.

С возрастающим «рвением» преступники продолжают безнаказанно «бомбить» гаражи, крушить дачные постройки, устраивать «шмон» в общественном транспорте, грабить и убивать припозднившихся путников (порой у их же подъездов), насилуют малолетних детей. Преступники начали обворовывать и грабить даже храмы, причем иногда убивая священников.

Студенты заинтересованно делились своими суждениями о том, что надо делать с преступностью, пока она сама с нами, как говорится, не сыграла злую шутку, то есть не сделала чего-то такого, после чего предпринимаемые усилия вообще могут оказаться безрезультатными.

Студенты внесли в общей сложности 376 предложений. Сила, вес и ценность их были, конечно, разными, но уже первое ознакомление с ними показало, что работать есть над чем. Полученный материал сам собой напрашивался на обобщение, что и было сделано.

Короче говоря, желание пообщаться со студентами, пока еще не умудренными глубокими познаниями в области криминологии и других уголовно-правовых наук, по вопросу о том, как добиться снижения преступности, оказалось, как потом выяснилось, не напрасным. Главное, что удалось выяснить в

ходе опроса, – это то, что, по мнению студентов, активизация борьбы с преступностью *назрела*, но, чтобы эта борьба была эффективной и действительно привела к снижению преступности, ее надо правильно спланировать, организовать и осуществлять.

Как заметил один из студентов, если даже половина из внесенных лично им предложений (а он внес целых 10 предложений!) будет реализована, то с преступностью у нас если и не будет полностью покончено, то, во всяком случае, напряжение спадет. Многие предложения оказались весьма радикальными – вплоть до отмены моратория на смертную казнь и введения (легализации) самосуда над лицами, совершающими тяжкие и особо тяжкие преступления.

Разговор обо всем этом еще впереди, а пока продолжим обзор студенческих взглядов. Вначале поясним, что опрос не был анонимным. Хотя студентам предоставлялась возможность укрыться от нежелательного критического внимания преподавателя под псевдонимом, никто из них не воспользовался этим шансом, что не помешало открытости в суждениях, в том числе в ряде случаев довольно категоричных. Кто-то клеймил позором власть, требовал призвать ее к ответу (в частности, за «раздрай» в стране, за «торжество преступности», «господство мафий»), кто-то предупреждал власть о перспективе «смуты», о возможности «российской Ливии» и даже нового «раскола» страны. Но не это было основным в высказываниях. Главным в них было то, что звучала искренняя озабоченность судьбой страны и той опасностью, которая может исходить от преступности, если ее не поставит в довольно жесткие рамки и не ударит по ней всей предназначенной для этого мощью.

В частности, все студенты сошлись в том, что победить преступность может лишь власть, имеющая на этот счет твердо выраженную политическую волю. При этом власть, как они считали, должна опираться не только на уголовное право, но и на широкий комплекс других мер, начиная от политических, экономических, социальных, культурных, организационных и кончая мерами общей и индивидуальной профилактики преступлений. В том числе это должны быть меры адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, к условиям открытого пространства, меры оказания помощи им в трудоустройстве, обретении крыши над головой, получении необходимого профессиональ-

ного образования. В целом вносимые студентами предложения были вдумчивы, корректны, взвешенны, а следовательно, заслуживали рассмотрения.

Например, предлагалось формировать уголовную политику на основе ее задач, принципов, стратегии и тактики, глубокого и всестороннего изучения преступности и предпринимаемых в целях борьбы с ней мер, выявления эффективных и неэффективных ее сторон, средств и методов, налаживания точной, полной, объективной и систематизированной статистики преступности, реформирования всей системы правоохранительных органов (а не только органов внутренних дел), использования соответствующего зарубежного опыта. Наряду с внедрением в деятельность правоохранительных органов принципа неотвратимости ответственности, опрошенные предлагали сделать реальным и принцип независимости судей, что, конечно же, является актуальным.

Предлагая делать ставку на науку, опрошенные выступали за более тщательное, глубокое и всестороннее изучение причин преступности. Если мы не знаем, откуда у преступности «растут ноги», заявил один из студентов, то надо спросить об этом самих преступников, в том числе на следствии, в суде или во время отбывания наказания, – они-то, мол, знают, почему совершили преступления. Нельзя интересоваться доказательствами и совершенно не думать о том, почему тот или иной человек совершил то или иное преступление. Студенты твердо были уверены и в том, что прежде всего лица, совершившие преступления, могут дать достаточно полные пояснения относительно того, что надо было делать на направлении преодоления преступности.

Есть определенное мнение по данному вопросу и у тех, кто реально осуществляет противодействие преступлениям. Этим, как считали студенты, тоже надо интересоваться, как и мнением на этот счет широких кругов нашей общественности, в том числе представителей инженерно-технического корпуса, учителей, врачей, рабочих, сельских тружеников.

Но в каких-то случаях студенты сами рассказывали немало интересного и важного о том, какими все-таки мерами можно было бы если не победить преступность, то, во всяком случае, поставить ее в те рамки, в которых она «сильно не высовывалась бы», не была заметна невооруженному взгляду, не бросалась в

глаза. То есть если ты сам так или иначе не связан с борьбой с преступностью (не служишь в «органах», не являешься адвокатом, судебным экспертом, сотрудником исправительного учреждения или иным работником, прямо или косвенно связанным с правоохранительной деятельностью), то для тебя ее вроде бы и не существует.

Общий спектр предложенных студентами мер преодоления преступности, способных заметно укрепить правопорядок, включал меры политического, экономического, социального, культурного, просветительского, организационного, информационного, правового, педагогического, психологического, медицинского, научного и образовательного характера. Такой спектр мер прямо и непосредственно вытекал из представлений студентов о соответствующих причинах преступности:

политические причины студенты усматривали в основном в отсутствии в стране эффективной уголовной политики;

экономические – в слабом материально-техническом обеспечении правоохранительных органов;

социальные – в низком материальном уровне жизни значительной части населения;

культурные – в падении нравов;

просветительские – в отсутствии целенаправленной системной работы по правовому просвещению населения;

организационные – в отсутствии надлежащего взаимодействия между различными подразделениями правоохранительных органов;

информационные – в недостаточном информировании населения о состоянии правопорядка и предпринимаемых в целях борьбы с преступностью мерах;

правовые – в несовершенстве наших законов и практики их применения;

педагогические – в отсутствии хорошо отлаженной системы социальной педагогики, которая была бы ориентирована, прежде всего, на несовершеннолетних с противоправной и аморальной активностью;

психологические – в отсутствии психологической помощи нуждающимся в ней гражданам;

медицинские – в отсутствии хорошо отработанной системы лечения лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, ВИЧ-инфекцией, психическими расстройствами,

другими болезнями, так или иначе связанными с совершением тех или иных преступлений;

научные – в отсутствии предварительной научной проработки принимаемых законов и предпринимаемых правоохранительными органами антикриминальных мер;

образовательные – в отсутствии в программах школьного, среднего специального, довузовского, вузовского и послевузовского образования учебных дисциплин, которые были бы посвящены вопросам укрепления правопорядка и борьбы с преступностью.

9.2. Содержание плана

В своих предложениях о *политических* мерах снижения преступности студенты больше упирали на необходимость формирования рациональной и эффективной уголовной политики. Но были и пожелания к власти быть более динамичной, обрести политическую волю преодолеть преступность в наиболее опасных ее проявлениях, причем в достаточно короткие сроки, настойчивее проводить в жизнь соответствующие антикриминальные мероприятия.

Предлагалось, в частности, сделать борьбу с преступностью одним из приоритетных направлений политики, разработать широкомасштабные программы в данной сфере (федеральную, региональные, местные) и последовательно их осуществлять. Говорилось о необходимости большей самостоятельности правоохранительных органов, укрепления авторитета руководителей всех звеньев их системы – тогда сотрудники этих органов не будут чувствовать себя временщиками, всецело зависящими от воли начальников: сегодня, мол, они *работают*, а завтра вполне могут быть сметены с постов по произволу вышестоящего начальства. В правовом государстве именно закон должен быть главным инструментом управления, а не «голое» начальственное усмотрение.

Высказывались мнения и о том, чтобы руководители, по крайней мере низовых структур правоохранительных органов, *избирались* населением, проживающим на соответствующей территории, являясь как бы «шерифами» по типу известных американских блюстителей порядка. Например, на пять лет – с правом продления полномочий на тот же срок при отсутствии

существенных к тому препятствий и с возможностью досрочного отзыва с выборной должности в случае возникновения таких препятствий. Важно ввести периодическую отчетность (по меньшей мере раз в год) этих руководителей перед своими избирателями. Тогда, как полагали студенты, взятка будет меньше (если они вообще будут – кто же захочет потерять достаточно высокую, почетную и к тому же хорошо оплачиваемую должность?), а порядка – больше.

Уголовная политика, полагали студенты, не может ограничиваться только задачами, принципами и другими общими положениями, касающимися правоохранительной деятельности в области снижения преступности, непосредственно вытекающими из Конституции РФ и общепризнанных принципов и норм международного права. Она должна формировать и конкретные направления данной деятельности, как стратегические, так и тактические. Если стратегия должна быть нацелена на борьбу со всей преступностью в целом, то тактика – на те преступления, которые совершаются чаще, являются более опасными и эффективное противодействие которым может привести к снижению преступности в целом.

Так, если в настоящее время в структуре преступности преобладают хищения, вымогательства, незаконное предпринимательство, занятие игорным бизнесом, торговлей фальсифицированным продуктом, происки разного рода посредников («черных маклеров»), злоупотребления сотрудниками страховых организаций и банков, криминальный наркотизм, коррупционные преступления, то на все это и должно быть направлено острие уголовной политики. Расширение имущественных санкций должно *дополнять*, а не подменять санкции, воздействующие непосредственно на личность, например, такие как лишение и ограничение свободы.

Примечательно, что при ознакомлении с этими суждениями совсем не возникало впечатления, что «яйца курицу учат». Становилось понятным, почему некоторые профессора в своих обращениях к студентам используют слово «коллеги». Это не от заискивания и, тем более, не от лукавства, а от тех реалий, при которых студенты, буквально «купаясь» в знаниях, идущих от преподавателей, одновременно становятся вместе с последними довольно мощным их генератором. Тем самым не только оправдывается статус вуза как Национального исследовательского университе-

та, но и наглядно видно, как этот вузовский статус работает на студента, на его профессиональную подготовку.

В связи с этим представляются вполне уместными постоянные ссылки студентов на положительный опыт обуздания преступности за рубежом, тем более что значительная часть их уже побывала за границей и воочию убедилась в том, что, например, Европа в преодолении преступности оказалась далеко впереди и нам есть чему у нее поучиться. Хотя и там есть свои проблемы, как свидетельствовали те же студенты, ссылаясь на отдельные факты совершенных на их глазах правонарушений, в том числе в отношении их самих. Например, в Италии у одной из студенток похитили в автобусе сумочку с деньгами и документами, в Англии у одного из студентов разбили стекло в машине (брал напрокат) и тоже что-то похитили, во Франции кому-то нахамили...

Основной упор в уголовной политике следует сделать, по мнению студентов, на изучении причин преступности и разработке мер их ограничения, блокирования, устранения. В правоохранительных органах предлагалось создать подструктуры, задачей которых стала бы профилактика преступлений, рассчитанная на широкие массы определенных категорий населения. В первую очередь, например, на лиц, ранее судимых, в особенности на алкоголиков и наркоманов, лиц без определенного места жительства, не работающих, приезжих из других регионов или из ближнего зарубежья, бродяг, а также и на всех тех, от которых в силу определенных «симптомов» можно ожидать совершения того или иного преступления. Должна планироваться и проводиться работа с лицами, осуждаемыми без лишения свободы.

Несколько озадачивала политическая заостренность в суждениях отдельных студентов, идущая, видимо, в какой-то мере от изучения на первом курсе дисциплин методологического плана, а главным образом – от бурного обсуждения соответствующих вопросов в средствах массовой информации. Некоторые из занятых этой исследовательской работой студентов были даже вовлечены в митинговые страсти, происходившие от случая к случаю на площадях города.

Политическая воля к решительному наступлению на преступность появляется, звучали утверждения, лишь в том случае, если власть действительно представляет народ, являющийся по Конституции РФ «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 3). Но по-

скольку наши представительные органы пока еще почти на 100% состоят из предпринимателей, то можно с уверенностью сказать, что *народ* они не представляют. Ввиду этого одной из важнейших является, по мнению студентов, задача сделать наши представительные органы такими, чтобы они действительно представляли народ, по крайней мере наиболее многочисленные его слои, включая рабочих, учителей, врачей, инженеров, ученых, писателей и т.д. Но и в этом случае нужен общественный контроль над властью. Тогда власть действительно станет *представительной*, и решительное наступление на преступность станет лишь делом времени.

Предпринимателю, да еще с чиновничьими полномочиями, а тем более чиновнику с предпринимательскими возможностями (а у нас почти все чиновники так или иначе «завязаны» на бизнес, в том числе посредством систематического получения коррупционных поступлений от него) не нужна борьба с преступностью, поскольку эти люди от преступности и так основательно дистанцированы, то есть отгорожены от того пространства, в котором она совершается, толстыми стенами, высокими заборами, частоколом охранников, бронированными сейфами, охранной сигнализацией и т.д.

А по ту сторону всего этого, добавили бы мы, преступность в какой-то мере, может быть, даже «нужна» власти, поскольку позволяет ей оттачивать репрессию, в том числе для того, чтобы быть готовой в любой момент обрушиться всей своей мощью на любую неугодную силу. Красива, но по большому счету неверна известная лирическая фраза о том, что «если звезды зажигаются, значит это кому-то нужно». Но очень даже верна, как представляется, другая (правда, совсем уже прозаическая) фраза: если преступления совершаются, то, значит, это кому-то нужно. Если бы преступления были никому не нужны, то власть их, как нетрудно предположить, в один миг «прихлопнула» бы. Как это сделать – это уже другой вопрос. Но посмотрим, что еще пишут на этот счет наши студенты.

На состояние правопорядка и преступности, указывали они, влияют, наряду с другими факторами, также положение человека в обществе и положение страны в мире. Если держава «великая», а человек в ней «маленький», то этот «маленький» человек с неизбежностью разрушит ее, как в начале 1990-х годов был разрушен СССР. Если же человек «большой», а страна, в

которой он живет, «маленькая» (в смысле ее статуса на международной арене), то человек с течением времени тоже «мельчает», а следовательно, перестает быть патриотом, становится на путь совершения преступлений. И страна тоже, в конце концов, разрушается.

Что тут скажешь? Максимализм здесь – в квадрате, если не в кубе. Заострять рассматриваемые вопросы до их предельной остроты – первый признак творческого подхода, но мы бы все же не драматизировали ситуацию. Во всяком случае, именно таким образом. Не так опасно то, что сегодня, как отмечается в прессе, власть слилась с бизнесом, как то, что пока у нас нет возможности разомкнуть эту губительную для страны смычку. Необходимо насаждать (может быть, даже буквально, как картошку) институты гражданского общества, которые контролировали бы и власть, и бизнес, и их взаимоотношения, тогда это слияние сам по себе сойдет на «нет», и все станет на свои места. В представительные органы пойдет народ, а ему преступность не нужна.

Что касается *экономических* мер борьбы с преступностью, то, по мнению студентов, они должны состоять, прежде всего, в выделении на данную борьбу достаточных средств. Надо привести в порядок здания правоохранительных органов, обновить транспортный парк, компьютерную и иную технику. Хотя, по мнению известного советского политика, «экономика должна быть *экономной*», но *экономно* обеспечивать правопорядок означало бы окончательно загубить это чрезвычайной важности дело.

По мнению студентов, является нонсенсом то, что несметные природные богатства России мало сказываются на уровне материальной обеспеченности населения. Хотя экономический потенциал страны – шестой в мире, а золотовалютный – третий, но по материальной обеспеченности граждан она занимает в мире лишь 66-е место, а по продолжительности жизни – 152-е. Естественно, сказываются здесь, например, такие неблагоприятные факторы, как суровые климатические условия (две трети территории – вечная мерзлота, остальное – зона рискованного земледелия), необходимость в связи с огромными пространствами (12% всей мировой суши) и некоторыми другими особенностями страны содержать большой штат чиновников, сравнительно низкая производительность труда, не позволяющая нам подняться по ВВП на душу населения выше 77-го места в мире

(18 000 долларов США в год)¹. Но тем более надо включать имеющиеся резервы, предпринимать новые усилия по выходу из сложившейся ситуации.

Могут ли сотрудники правоохранительных органов сами что-то зарабатывать для нужд правоохранительной деятельности? Да, могут, полагали студенты. Конечно, они не могут совмещать свою деятельность с работой, например, грузчиками, таксистами, дворниками и т.д., но им вполне по силам прицельно охранять гаражные кооперативы, дачные участки, магазины, школы, больницы, детские учреждения, физкультурно-оздоровительные комплексы, поддерживать правопорядок при проведении массовых мероприятий, сопровождать перемещение ценных грузов. Каждая исправительно-трудовая колония должна стать и структурой, производящей нужные населению товары, оказывающей необходимые ему услуги, осуществляющей какие-то строительные работы.

Эффективная экономика и ее социальная и правоохранительная ориентированность – главное в вытеснении преступности. Поэтому, как резонно замечали студенты, надо последовательно снижать уровень инфляции до максимально возможного минимума. Важно помнить, что призвание экономики не перемалывание человеческих судеб, не превращение жизни людей в ад на земле, не постоянное унижение их чести и достоинства, а возвышение человеческой личности, обогащение ее внутреннего мира, физическое, интеллектуальное и нравственное возвышение.

Должны достигаться договоренности обо всем этом и на межгосударственном уровне. По мнению студентов, любые устремления той или иной страны к созданию социально ориентированной экономики (экономики с «человеческим лицом») должны положительно восприниматься мировым сообществом, а не вызывать его ярость и гнев, желание раскалывать страны и континенты, устраивать бомбометания («авиацией коалиционного возмездия»), устраивать разного рода государственные перевороты, организовывать иные губительные действия, например, типа «оранжевых», «цветных», «цветочных» и тому подобных революций.

¹ Кстати, вся эта тревожная статистика постоянно находится в поле зрения прессы (см., например: Радзиховский Л. Глобус вращается // Российская газета. 2013. 13 августа. С. 3), но, похоже, она мало волнует кого-либо из наших политиков, больше занятых, как видно, заботами о сиюминутных результатах своей деятельности.

Как оказалось, студенты весьма чувствительны и к таким событиям. И это не явилось неожиданностью, ведь сегодня каждому понятно, что разбой, будь он совершен в каком-то темном переулке или «на большой дороге» мирового пространства, есть именно разбой. Хотя и с разными губительными последствиями.

Социальные меры подавления преступности – это преодоление бедности, безработицы, пьянства, алкоголизма, наркомании. Но студенты обратили внимание еще и на такое явление, как незанятость «по собственному желанию»¹. Факт остается фактом: если бы не прибывающие в страну мигранты, не работающие пенсионеры и не долгожители-женщины, копающиеся в грядках и занимающиеся внуками, то экономика страны давно уже рухнула бы. Поэтому желателен приглашать «джентльменов свободы» к участию во всем том, чем занят народ. Если же такие приглашения не будут срабатывать, то, как полагали студенты, в ход должны идти и некоторые более убедительные меры. Кто же хочет, чтобы страна погибла только оттого, что многомиллионная армия «свободно определяющихся» людей не желает помочь ей в образовательных, медицинских, научных, оборонных и других жизненно важных делах?

Чем здоровее во всех отношениях будет общество, рассуждали студенты, тем более широкими будут возможности для формирования здорового резерва гражданского общества, производительного потенциала, той же правоохранительной системы, государственного и муниципального аппаратов. И тем меньше будет в обществе криминала.

С другой стороны, настала пора, указывали в своих записях студенты, внедрять в нашу экономику новую технику и новые технологии. Нужны, в частности, разнообразные манипуляторы. Сделанные с умом машины могли бы взять на себя если не всю трудоемкую работу, то, во всяком случае, значительную ее часть. Надо посмотреть, что в этом плане мы можем позаимствовать за рубежом, а что сможем сделать и сами. Робототехника в значительной мере сделает необязательным труд прибывающих из-за рубежа мигрантов, а также пенсионеров, инвалидов, подростков. Россияне получают все, что им нужно для жизни. Они

не будут надирать здоровье, не будут «вымирать как класс» и, естественно, не будут совершать преступления, по крайней мере так часто, как это имеет место сейчас.

Люди должны всецело заниматься развитием своих физических и интеллектуальных способностей, осуществлением своих творческих замыслов, рациональной организацией досуга, общением с родными и близкими. В свое время рабовладельческий строй, избавлявший, с одной стороны, значительную часть населения Древнего мира от тяжелого физического труда, а с другой – заставлявший другую часть населения оттачивать до филигранной точности и ярчайшего блеска искусство труда, дал миру невиданные образцы культуры, создал непревзойденные семь чудес света, поднял понятия «государство», «право», «гражданство», «честь», «достоинство», «достояние», «свобода» до таких высот, до которых нам и сегодня далеко не всегда удастся дотянуться. Главное, чтобы создаваемые человеком роботы были именно роботами-созидателями, а не роботами-солдатами, роботами-бандитами или роботами-террористами.

В систему социальных мер противодействия преступности должны быть включены и такие меры, как забота о материнстве и детстве. Все дети входят в этот мир с предвкушением чудес, радости, счастья. Первые их улыбки, слова, шаги внушают надежду на прекрасное будущее. Но проходит время, и мы видим, как одни действительно становятся порядочными людьми, а другие, увы, – ворами, грабителями, разбойниками, убийцами, насильниками, бандитами, террористами, педофилами, проститутками и т.п. Где тот момент, в который нами что-то упущено в детях? В поисках ответа на данный вопрос надо обратиться к науке. Она, безусловно, подскажет, когда, что и как нужно делать для того, чтобы потом не кусать локти.

Надо, конечно, сокращать огромную разницу в доходах граждан. Пресса информирует, что самый бедный человек в России получает доход в 16 раз меньше, чем тот, кто получает самый большой доход. Но когда в той же прессе читаем, что есть в нашей стране и люди, которые получают в день доходы в десятки и даже сотни миллионов рублей, то простая арифметика подсказывает, что разница здесь не в 16 раз, а намного больше. Можно, конечно, закрывать на это глаза, но тогда надо закрывать глаза и на ту преступность, которая является следствием такой социальной несправедливости.

¹ Кстати, сегодня этим же озабочена и вице-премьер Ольга Голодец. По ее данным, 38 млн людей трудоспособного возраста находится в непрозрачных условиях (как видно, имеются в виду теневая экономика, скрытая безработица, те же лица, не работающие «по собственному желанию». – П.П.), что представляет серьезную опасность для всего общества (URL: www.interfax.ru/russia/news.asp?id=299143 (дата обращения: 06.08.2013)).

Не надо, считают студенты, создавать программы по поддержке малообеспеченных слоев общества, а надо вообще исключить саму возможность появления у нас людей с крайне низкими доходами. Зарплата должна устанавливаться не с учетом минимального месячного ее уровня, а с учетом уровня, определяемого ценностью создаваемого работником продукта. Если человек не имеет возможности удовлетворить свои насущные нужды, то он, как считают студенты, глух к законам и нарушает их с такой же легкостью, с какой делает и все остальные свои дела.

Жилая площадь должна быть гарантирована человеку самим фактом его рождения. И, прежде всего, самой семье необходимо позаботиться об этом. Но как она может это сделать, если зачастую и сама не имеет надлежащих жилищных условий и реальных перспектив их улучшения. К тому же, как известно, примерно 3/4 всех браков распадаются. Как показывают наблюдения, значительная часть (более половины) тех семей, которые еще «живы», конфликтны. Любопытно, что в 1/3 таких семей мужья терроризируют жен, в 1/3 – жены мужей, а в 1/3 – «поножовщина» взаимная.

И тут, как и во многих других случаях, студенты обращают свои взоры на государство. Оно большое и должно подумать о том, чтобы нефтегазовые и другие особо ценные природные ресурсы являлись достоянием всех (а не только отдельных людей). Надо в банках открывать счета на каждого родившегося ребенка и ежегодно перечислять на них какие-то суммы, полученные в результате разработки наших общих природных богатств. Пусть вначале эти суммы будут сравнительно небольшими, но время идет, и пополнения будут возрастать. К совершеннолетию вполне могут образоваться нужные средства. Можно в этом случае ожидать и улучшения демографической ситуации. И где только, спрашивается, были студенты с подобными предложениями раньше? Сегодня мы все (вместе и порознь) клянем (конечно же, вполне справедливо) чубайсовские ваучеры, но что лучшее мы придумали за истекшие два десятилетия? Ничего.

Если предприятие только тем и занимается, что выжимает последние соки из работника, ничего не давая ни его уму, ни сердцу, то это плохое предприятие. Рано или поздно оно обанкротится, рухнет под тяжестью собственных проблем. В этом случае не будет пользы ни самому предприятию, ни его работникам, ни обществу, ни государству.

Мало спонсировать строительство или ремонт какой-либо деревянной церквушки на прилегающей к предприятию территории, поддерживать в нормальном состоянии сквер или парк, озеленить улицу или сделать на ней хорошие тротуары, надо еще и так организовать жизнь своего коллектива, чтобы это действительно была его жизнь, а не надругательство над ней, не жизнь по обслуживанию других жизней. В конце концов, люди должны чувствовать себя не только работниками, но и действительно людьми. Тогда и трудовая отдача от них будет больше, и предприятие сохранит свои позиции на рынке соответствующих товаров или услуг, причем при любом колебании конъюнктуры.

Дело здесь заключается не только и, пожалуй, не столько в художественной самодеятельности, коллективном праздновании памятных дат, пикниках, КВНах, и прочих культурных мероприятиях (хотя это все тоже необходимо), сколько в таком деле, которое было бы поставлено профессионально грамотно. При каждом достаточно крупном предприятии (а не только в каждом районе) нужны физкультурно-оздоровительные комплексы. Ну, и конечно же, надо, как полагают студенты, создавать какие-то общественные формирования по поддержанию правопорядка на закрепленной за предприятием территории.

Просветительские меры сокращения преступности должны сводиться, по мнению студентов, главным образом к толковым выступлениям грамотных юристов в средствах массовой информации. Важно, чтобы редакции газет, журналов, радио и телевидения сами проявляли инициативу, не дожидаясь, когда ее проявит тот или иной юрист. Если, как говорят на Востоке, гора не идет к Магомеду, то Магомед сам идет к ней. Но и интервью (добавим это уже от себя) далеко не лучший способ просветительства. Человек, дающий интервью, часто оказывается застигнутым вопросами врасплох. Потому и ответы на них даются, как правило, невпопад: законы надо менять, правоохранительные органы – тоже, население не помогает, чиновники озабочены стремлением не потерять «кресло», предприниматели – сохранением доходов, интеллигенции, которая жила бы интересами людей, у нас пока, к сожалению, нет, среднего класса нет, хороших инженеров, учителей и врачей нет, добросовестных рабочих и крестьян нет, порядка в стране, следовательно, тоже.

Компилируемые из подобных сентенций материалы на правовые темы – это, конечно, не правовое просвещение населения,

а, скорее, прививка настроений правового нигилизма, в том числе чувства неприятия законов, культивирование представлений о них как о некоей помехе, которую не просто *можно*, а даже *нужно* обойти: мол, навывдумывали юристы законов, а ты мучайся. Дежурные колонки штатных обозревателей различных СМИ в рубриках типа «Ваши права» неинтересны, скучны, а чаще всего неверны по сути. Публикуемые «судебные хроники» представляют собой, как правило, обычную «бытовуху», «чернуху», «мокруху», призванную накручивать тиражи газет и журналов. Совершенно очевидно, что люди должны *обстоятельно* готовиться к выступлениям в прессе: слово, как говорят, не воробей, вылетит – не поймаешь.

Демонстрируемые по телевидению стилизованные судебные процессы обычно представляют собой просто более или менее занимательные зрелища о том, как у нас «судят людей». Но и таких «просветительских» материалов мало. А других и вовсе нет.

Надо думать над тем, как по-настоящему разговорить наших политиков, политологов, ученых-юристов, юристов-практиков, юристов-руководителей, других специалистов, чтобы правовое просвещение было именно таким, каким оно должно быть, то есть приносящим реальную пользу правопорядку и законности.

В последние годы, говорят студенты, у людей, похоже, существенно притупились чувства долга, справедливости, чести, достоинства. Многие воспринимают закон не как требование, а как некоторое пожелание. То, что мы не должны обворовывать, грабить и убивать друг друга, это еще понятно, а вот то, что нужно хорошо трудиться, соблюдать элементарные правила правопорядка, начиная правилами дорожного движения и кончая правилами профессиональной этики, это усваивается с трудом.

Беспокоит студентов и ручной режим управления в сфере правопорядка. Пока президент или премьер лично не приедет на вокзал, в аэропорт или в больницу, пока он сам не возьмется обеими руками за терроризм, экстремистов и сепаратизм, за игровые заведения, наркопритоны, коррупцию, за разного рода «оборотней», не гнушающихся «тридцатью серебряниками», пока не пройдет по детским садикам, школам, лицам, колледжам, вузам, дело с места не стронется, считают студенты. Одна из важных задач правового просвещения заключается в том, чтобы забота о правопорядке проявлялась не только сверху, но и снизу.

Мешает делу пропаганды закона, как ни парадоксально это звучит, порой и сам закон. Например, если он устанавливает за нарушение правил парковки, да еще при отсутствии самих парковок, то как, спрашивается, можно его пропагандировать? Невозможно объяснить 35-миллионной армии российских водителей и по меньшей мере еще такому же числу членов их семей (а штрафы, конечно же, бьют и по семьям водителей) разумность подобных мер. Закон должен воплощать высшую мудрость жизни, а не удовлетворять посредством повышения размеров штрафов корыстные устремления чиновников, в том числе состоящие в том, чтобы обеспечивать себе регулярное повышение окладов и высокую собираемость взяток. Прежде всего, надо привести в порядок сами законы, а уже потом пропагандировать их необходимость, важность, полезность.

Организационные меры противодействия преступности состоят, как полагают студенты, в том, чтобы реформировать не только милицию (переименовав ее в полицию), но буквально всю правоохранительную структуру, включая прокуратуру, следствие, суд, адвокатуру, нотариат, таможенный контроль, наркоконтроль и т.д. Прежде всего, важно реформировать ФСБ, так как эта структура еще имеет много общего с бывшим КГБ, в котором десятки и сотни тысяч людей были заняты в основном тем, что держали под контролем умонастроения граждан, не допуская роста среди них протестных настроений. Даже если бы в стране были лишние деньги, то и тогда их не следовало бы тратить на то, что по нелепой случайности досталось нам в наследство от советской власти. В свое время люди не для того сносили памятник Ф.Э. Дзержинскому в Москве, чтобы худшее в делах этого деятеля продолжалось, а для того, чтобы вбить в это худшее, образно говоря, большой осиновый кол. Но если без такой «конторы» вообще нельзя обойтись, то надо, как считают студенты, хотя бы сократить ее штаты до минимума. Это тем более необходимо, что, как показывает жизнь, работающие в ФСБ люди нередко не имеют четких представлений о том, что такое честь, достоинство, мораль, совесть. Часто воплощая в себе далеко не лучшие человеческие качества, они тем не менее пользуются достаточно широкими полномочиями и преференциями. А если последние представляются сотрудникам недостаточными, то они добирают все это явочным порядком.

По мнению студентов, 10–15 хорошо подготовленных, безупречных в морально-нравственном отношении и работающих в условиях жесткого общественного контроля сотрудников ФСБ в каждом субъекте Федерации вполне справились бы с теми задачами, которые поставлены перед ними государством, обществом, гражданами. Освободившиеся здания было бы целесообразно передать учреждениям науки, образования, культуры, здравоохранения. Высвободившиеся кадры (с учетом в целом их неплохого физического состояния) могли бы вполне сгодиться в хозяйственной и близких к ней сферах деятельности, например, в деле приведения в порядок парков, скверов, скамеек у подъездов жилых домов (чтобы люди могли культурно отдыхать на свежем воздухе), сноса незаконно построенных у жилых домов сараев (уродуют вид), обустройства тротуаров (пешеходы все еще ломают на них руки, ноги, ребра).

Как минимум половину штатов полиции (а лучше – две трети) надо передать в ведение субъектов Федерации, сохранив лишь контроль над ними со стороны федерального центра. В структуре такой региональной полиции предлагается выделить отдел по борьбе с распространенными преступлениями (ОБРП), а именно с кражами, грабежами, разбойными нападениями, вымогательствами, угонами транспортных средств, хулиганством и др. Эти отделы должны в максимальной степени полагаться на содействие со стороны населения, так как в первую очередь именно население страдает от подобных преступлений. При этом правоохранительные органы должны активнее взаимодействовать с иными органами (государственными и муниципальными), а также с экономическими структурами и институтами гражданского общества.

В борьбу с преступностью, как считают студенты, должно быть вовлечено максимально большое число граждан. Определенную помощь делу правопорядка могут оказать, по мнению студентов, и религиозные организации. Может быть, интуитивно понимая, что религия есть, прежде всего, *напоминание* всем нам о страданиях, призванное помочь людям избегать их, студенты, на наш взгляд, справедливо возлагали на нее определенные надежды в деле сохранения важнейших ценностей жизни, защиты их от посягательств. Конечно, религия многолика, но в основе ее всегда одни и те же ценности, а именно: разум, труд, закон, нравственность, взаимоуважение, бесконфликтность, до-

бро, справедливость, почитание старших, забота о детях и т.д. Поэтому здесь действительно есть о чем подумать.

Должен быть создан единый для всех правоохранительных органов штаб борьбы с преступностью и учреждены его региональные и местные структуры. Наряду с представителями правоохранительных органов в него должны входить представители органов общей компетенции, а также гражданского общества.

Информационные меры, способствующие сокращению преступности, должны состоять, как полагают студенты, в максимально полном, точном, объективном и систематизированном информировании граждан о состоянии законодательства, о вносимых в него изменениях, назначении этих изменений, о том, как реализуется законодательство, какие преступления чаще всего совершаются, где, как, когда, при каких обстоятельствах и в силу каких причин это происходит.

Например, если под колесами транспортных средств ежедневно в стране погибает до 100 человек и до 200 человек получает при этом увечья (нередко тоже со смертельным исходом), то людей надо информировать, на каких улицах, перекрестках, участках трасс, в какое время суток, по какой причине и по чьей вине это чаще всего происходит. При получении водительских прав, прохождении техосмотров, диагностике транспортных средств, в автосервисах, при остановке транспортного средства сотрудниками патрульно-постовой службы водителям должна предоставляться возможность приобрести подобную литературу.

Для выполнения информационной функции правоохранительные органы должны, как считают студенты, иметь свои печатные издания, а также соответствующие возможности для использования радио, телевидения и Интернета. Люди имеют право знать, как и в какой степени криминализировано то общество, в котором они живут. Соккрытие подобной информации от населения, несомненно, представляет опасность для жизни и здоровья людей, поэтому в соответствующих случаях следует инициировать в отношении такого сокрытия применение ст. 237 УК РФ (сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей).

Необходимо осуществлять «фильтрацию» информации на телевидении. Понятно, что это не должна быть какая-то новая цензура, но этика должна оставаться этикой. Пока у нас ее нет, так

называемые «тупые» материалы и материалы, обильно «усеянные» сценами насилия, по-прежнему будут преобладать. Они должны если не сниматься с показа, то по крайней мере сопровождаться соответствующими комментариями специалистов. Радио, которое в настоящее время является в основном музыкальным, надо сделать как минимум наполовину «говорящим». Нужны аналитические, познавательные и другие полезные передачи, несущие людям идеалы разума, добра, справедливости, культуры и т.д.

Правовые меры наступления на преступность должны состоять, по мнению студентов, прежде всего, в совершенствовании законодательства и практики его реализации. Главные направления такой работы – это восполнение пробелов в системе криминализации деяний, устранение дублирований в данной системе, согласование составов преступлений между собой с учетом как характера («по горизонтали»), так и степени («по вертикали») общественной опасности преступлений, более четкое проведение линии, отграничивающей преступления на нижней границе их общественной опасности от непреступных деяний, в том числе от иных правонарушений и аморальных проступков, а также от так называемых нейтральных поступков (поступков, не являющихся ни противоправными, ни аморальными) и поступков, характеризующихся той или иной общественной пользой.

Требуются более детальные дифференциации наказаний в санкциях, более последовательное обеспечение соразмерности строгости наказаний тяжести преступлений, отмена (как считают некоторые студенты) моратория на применение смертной казни, например, в отношении актов терроризма, повлекших гибель многих людей, похищения людей, захвата заложников, изнасилования малолетних, других преступлений, повлекших особо тяжкие последствия.

Целесообразна переориентация сил и средств правоохранительных органов с экономических преступлений на преступления насильственные, то есть сопровождающиеся применением физического или (и) психического насилия. Что касается экономических правонарушений, то здесь необходимо больше ориентироваться на административно-правовые средства. Уголовно-правовые же средства надо сохранить в отношении лишь тех экономических деяний, административно-правовые средства

противодействия которым оказываются неэффективными, то есть при рецидиве преступлений или в случаях, когда экономические деяния совершаются в особо крупных размерах и (или) влекут особо крупный ущерб.

В самостоятельной криминализации нуждаются такие деяния, общественная опасность которых с особой силой проявилась в последние годы. Это, в частности, рейдерские захваты предприятий и так называемый черный бизнес, то есть «предпринимательство», состоящее в совершении преступлений в виде промысла, а именно с целью получения постоянного или временного (но существенного) источника существования. Это могут быть, например, наркобизнес, порнобизнес, организация и содержание притонов для занятия проституцией, торговля оружием, фальсификация продуктов, лекарств, поставленная «на поток» криминальная контрабанда и т.д.

В деле борьбы с преступностью все правоохранительные органы должны тесно взаимодействовать друг с другом, а также со своими зарубежными партнерами, учитывая широкую практику перемещения криминала по миру. Для противодействия транснациональной преступности (криминальная контрабанда, незаконная миграция, торговля оружием, наркотиками и др.) настала пора создать на базе существующего ныне Интерпола *оперативную* международную полицию.

Надо последовательнее внедрять в практику правоохранительной деятельности принцип неотвратимости ответственности за преступления, прежде всего, за преступления рецидивные, а также тяжкие и особо тяжкие. Необходимо упразднить депутатскую неприкосновенность, со всей силой ударить по латентной преступности. Необходимо исключить практику укрытия преступлений от учета, то есть, по существу, от уголовно-правового реагирования. Но все это должно быть сделано в условиях максимального исключения судебных ошибок. Нельзя взвинчивать наказания и сохранять при этом возможность привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц.

Нужно обратиться к положительному зарубежному законодательному и правореализующему опыту, в особенности таких государств, в которых преступность практически сведена к минимуму.

Следует ввести в повсеместную и повседневную практику криминологическую экспертизу принимаемого законодательст-

ва, в особенности экономического, прежде всего, с учетом возможности таких коррупционных последствий принятия закона, как взяточничество, коммерческий подкуп, казнокрадство и другие корыстные преступления, совершаемые с использованием служебного положения.

Педагогические меры преодоления преступности должны быть ориентированы на несовершеннолетних с отклоняющимся (девиантным) поведением. Речь идет о *социальной педагогике*, которая осуществлялась бы в том числе в детских домах, спецшколах, спецучилищах, воспитательных колониях. Создаваемая ювенальная юстиция должна проводить профилактическую работу с трудными подростками и детьми, а также с их родителями.

Пора открыть в педагогических вузах факультеты или (и) кафедры социальной педагогики, которые готовили бы специалистов, способных работать в том числе на направлении профилактики преступлений. Важно не переносить существующий опыт обращения с взрослыми правонарушителями на несовершеннолетних с отклоняющимся поведением. Может быть, есть смысл называть соответствующую категорию несовершеннолетних *лицами с ненормативной активностью*, чтобы не бросать на соответствующую категорию подростков и детей тень какого-то порока.

В каждом районе города должно быть построено достаточное количество физкультурно-оздоровительных комплексов, дворцов школьников, дворцов молодежи, а вблизи вузов – дворцов студентов, где бы ребята могли заниматься по интересам и увлечениям, в том числе наукой, техникой, моделированием, музыкой, танцами, пением, историей, иностранными языками. Постоянные посетители таких учреждений едва ли будут втянуты в правонарушения или аморальные проступки.

Студенты предлагают повысить ответственность родителей за совершение их детьми правонарушений. Это должна быть административная ответственность, но если совершение правонарушения подростком явилось следствием жестокого обращения с ним со стороны родителя, то и уголовная.

Необходимо в рамках краткосрочных курсов давать родителям основные знания по обращению с детьми. Любое бытовое устройство, начиная обычным утюгом и кончая холодильником, требует соблюдения определенных правил. Тем более опреде-

ленные правила должны вырабатываться и соблюдаться в обращении с ребенком, чтобы он развивался в полноценных условиях и стал жизнеспособным во всех отношениях человеком.

Психологические меры обуздания преступности могли бы выражаться, как полагают студенты, в учреждении сети служб оказания психологической помощи гражданам. Если обстоятельства, образно говоря, прижали человека к стенке, то он должен знать, где, в каком месте, когда и у кого можно получить необходимую помощь и поддержку. Психологи способны не только устранить беспокойство человека, которое может привести его к преступлению, но и предупредить само его появление.

Основная причина появления подобного беспокойства, с точки зрения студентов, – это потеря интереса к жизни, повседневная обыденность, будничность, серость, каждый день одно и то же, а именно непомерный труд, скука, проблемы, нехватка средств к существованию, к тому же на фоне пресыщенной богатством элиты (предпринимательской, политической, чиновничьей...), на каждом шагу препятствия, злость, агрессия, ругань, nastороженность, подозрения, неудобства... Никому до тебя нет дела, никому ты не нужен, никто тебе не нужен, все заняты собой, своими собственными делами. Что с тобой происходит, никто не знает и знать не желает, – у каждого своих забот по горло. Понятно, что дальше так жить нельзя. А как можно, никто не подскажет. В таких условиях некоторые рано или поздно паникуют, срываются, допускают ошибки, в том числе совершают преступления.

Конечно, идеальной жизни нет нигде. Никогда ее нигде не было и не будет. Но можно свести к минимуму все то, что вызывает в человеке беспокойство, заставляет его пренебрегать человеческим в себе и других, толкает на совершение преступления. Если это невозможно сделать самостоятельно, то появляются основания для вмешательства в ситуацию психолога, который поможет человеку выработать сопротивляемость к воздействию беспокоящих факторов.

Здесь есть о чем поразмышлять, например, о том, почему в развитых странах людей, подверженных различным формам депрессии, не меньше, а преступлений совершается там все же меньше. Может быть, заслуга в этом психологов? В какой-то мере, да, но главное здесь заключается в том, что в развитых странах человек имеет больше относительно здоровых способов снять напряжение, разрядиться, расслабиться. У нас же это, как

правило, водка, наркотики, лобовые столкновения с начальством, коллегами, родными, близкими, соседями и т.д. Поэтому в нашей стране психолог – это в известном смысле больше, чем психолог. Это еще и своего рода учитель для взрослых.

Студенты предлагают включить в учебные планы школ, специальных средних и высших учебных заведений такую дисциплину, как наука жизни («жизнелогия»). Сегодня мы хорошо знаем, как человек должен вести себя в лесу, в горах, на море, в сибирской тайге и даже на Северном полюсе, но при этом никто из нас не обучен тому, как вообще жить на свете. Нет такой учебной дисциплины.

На основе студенческих записей о том, как нам побороть преступность, вырисовывается, например, такая структура предлагаемой учебной дисциплины: 1) жизнь; 2) человек; 3) другая жизнь и другие люди; 4) твоя жизнь и жизнь других людей; 5) вершины жизни и твои вершины; 6) жизнь у подножия жизни; 7) жизнь в гуще жизни; 8) жизнь на вершине жизни; 9) жизнь вне жизни; 10) одиночество как подарок судьбы и как порок; 11) жизнь в опасности; 12) жизнь вне опасности; 13) жизнь нужная и ненужная; 14) жизнь без преступлений; 15) справедливая жизнь и жизнь несправедливая. Естественно, через всю программу дисциплины красной нитью должна проходить идея о роли в жизни власти, закона, морали, нравственности, этики, эстетики и т.д. То есть всего того, с чем человек постоянно сталкивается и взаимодействует.

Многие юристы пишут о необходимости оберегать детей и подростков от тлетворного влияния улицы. Да, сегодня наши улицы представляют собой, пожалуй, средоточие всякого рода криминогенных факторов. Здесь свободно разгуливают люди, по которым, как говорится, давно тюрьма плачет, в том числе рецидивисты и лица, уклоняющиеся от тюрьмы с помощью коррупции, прочие темные личности, здесь немало страдающих от безделья людей, навязчиво рекламируются (прямо или косвенно) и продаются вино, пиво, сигареты, здесь молодого человека зазывают проститутки и их сутенеры, совсем просто купить «травку», здесь «воровская малина» обсуждает свои «насущенные» вопросы, где, что, у кого и как украсть, здесь хулиганы и грабители вынашивают очередные планы нападения на припозднившихся прохожих, здесь... Короче говоря, на улице есть все для того, чтобы оказавшийся на ней подросток, по существу, мгновенно сошел «с истинного пути».

Что мешает превратить наши улицы из криминогенных в «доброгенные»? Ничего. Так в чем же дело? Надо незамедлительно приступить к этой работе, к превращению наших улиц не только в надежную заградительную сеть для преступности, но и в элемент облагораживающего, возвышающего и вдохновляющего свойства. Но как это сделать? Наверное, по мере последовательного перешагивания студентов с курса на курс они определятся и с этим вопросом. А пока пойдем дальше.

Медицинские меры ограничения преступности призваны целенаправленно предупреждать болезни и лечить людей, в том числе от таких болезней, которые имеют ту или иную связь с преступлениями. Например, это могут быть алкоголизм, наркомания, ВИЧ-инфекция. Должны быть строже регламентированы законом правовые основания применения принудительных мер медицинского характера, включающие совершение не только запрещенных уголовным законом деяний, но и любых других противоправных или глубоко аморальных действий, если они однозначно и достаточно убедительно свидетельствуют о том, что поведение человека носит устойчиво выраженный предкриминальный характер. Наука должна выработать комплекс признаков, по которым можно было бы определять такую устойчивость и своевременно предпринимать необходимые предупредительные меры.

Научные меры искоренения преступности должны обязательно включать аналитическую проработку вопросов, связанных с совершенствованием законодательства, правореализующей практики и реформированием правоохранительных органов. Нельзя начинать эту работу, основываясь лишь на одном личном опыте, одной логике, одной интуиции или на одном только здравом смысле. Здесь нужен подлинно научный подход.

В уголовной политике не должно быть мелочей. Любой шаг в ней должен сопровождаться предварительными научными выкладками, тщательным изучением проблемы, проверкой целесообразности и возможной результативности намечаемых решений. Страна пока еще располагает достаточно большим и сильным корпусом ученых-юристов, и их потенциал должен использоваться максимально полно.

Нуждается в уточнении и само понятие «преступность». Сегодня все юристы сходятся в том, что преступность – это не простая сумма совершаемых в обществе преступлений, а нечто более

объемное. Но что именно? Исходя из соображений студентов (не знакомых, напомним, еще с криминологией), преступность – это не только совершаемые преступления, но и лица, их совершающие, и идеология преступлений, и их причины, и сопутствующие явления. Это еще и иные правонарушения, и совершающие их лица (в их предкриминальных состояниях), и ущербы, причиняемые преступлениями, и затраты, которые общество вынуждено нести в связи с борьбой с преступлениями (в том числе, средства, выделяемые государством на содержание правоохранительных органов и их материально-техническое обеспечение), и многое другое. Все это должно учитываться при разработке стратегии и тактики борьбы с преступностью.

Образовательные меры преодоления преступности – это, прежде всего, совершенствование системы подготовки юристов. Все филиалы столичных или иных вузов надо сделать более самостоятельными. Они должны больше взаимодействовать с однопрофильными учебными заведениями в своих регионах. Вместе они могли бы проводить исследования, конференции, готовить учебные и методические материалы, нацеливаться на решение каких-то региональных задач. Думается, что в таком случае и студентам, и преподавателям «жилось» бы лучше, интереснее, плодотворнее.

Назрела необходимость сделать «цивильными» все вузы, готовящие специалистов в области борьбы с преступностью. Что значит «загнать» молодого человека, обучающегося, например, на офицера полиции, в прокрустово ложе специализированного вуза МВД России? Это значит оторвать его на пять лет от жизни, от социума, от тех условий, в которых живут «нормальные» люди, а затем, вооружив, бросить «на правопорядок», то есть на регулирование жизни, социума, взаимоотношений между людьми. Естественно, такой «специалист» уже с первых шагов своей самостоятельной работы наломает дров, что мы довольно часто и наблюдаем. В лучшем случае, говорят студенты, страна получит просто обычного взяточника (что чаще всего и происходит), а в худшем – «лучшего друга» воров, убийц и бандитов.

* * *

Вынося на широкой суд научной общественности суждения своих питомцев относительно поистине гамлетовского вопроса, быть или не быть правопорядку в России, мы, конечно же, не

рассчитываем на какие-то рукоплескания (хотя если они и будут, то... кто бы возражал). Более того, автор в полной мере отдает себе отчет в том, что в воспроизведенных суждениях можно отыскать (тем более, если постараться) и многие спорные положения. Но как же без них?

Были и суждения, которые, отличаясь категоричностью, не ложились в контекст обобщения, а поэтому остались за его рамками, например, относительно того, чтобы «менять власть», осуществлять ее «фильтрацию», «ротацию», «искоренять в ней цинизм, невежество, чванство...», «ликвидировать монополизм одной партии», «делать революцию» и т.д. В конце концов, мы юристы, а не политики. Наше дело – дело правопорядка.

В «сухом остатке» оказалось немало ценных, как мы полагаем, мыслей. Именно их мы и попытались здесь представить в развернутом, систематизированном и относительно завершенном виде. Местами сохранена даже лексика студенческих записей, в том числе многообразие используемых терминов. Так, миссию правоохранительных органов в области уголовной политики студенты определяли как их обязанность, в частности, *побороть, победить, превозмочь, сократить, снизить, вытеснить, преодолеть, обуздать, опрокинуть, откинуть, отбросить, подавить, свернуть, свергнуть, ограничить, умерить, искоренить* преступность. Поэтому все эти слова с учетом контекста и присутствуют здесь.

Конечно, мы (автор и студенты) рассчитываем на отклики. Обмануться на этот счет было бы крайне нежелательным, так как работа в избранном направлении проведена значительная, а в случае поступления дельных соображений (предложения, замечания, советы и т.п.) может быть продолжена. И план наступления на преступность в новом десятилетии нового века, возможно, обретет более отчетливые черты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, изучение закономерностей государственно-правовых явлений, в том числе закономерностей в явлениях преступности и мер противодействия ей, открывает прямой путь к пониманию, формированию и осуществлению эффективной государственно-правовой политики в сфере управления этими явлениями.

Понятно, что когда мы говорим об управлении преступностью, то имеем в виду влияние на ее состояние посредством управления системой предпринимаемых в целях ее преодоления мер.

Кто-то сказал, что самый лучший способ подавить бунт – возглавить его. Так называемые «засланные казачки» в наступлении на преступность давно уже играют далеко не последнюю роль. Но выиграть «войну» одними ими, будь они трижды талантливы, невозможно, как невозможно выиграть ее и одними снайперами. Деятельность по управленческому влиянию на главных фигурантов преступности и одновременно по их постепенному «выкашиванию» из криминальной среды – это не стратегия, а тактика уголовно-правовой деятельности, ее «хирургия». Тактика тоже нужна, но нужна именно как дополнение и развитие стратегии, поскольку сама по себе она никогда еще не обеспечивала успех.

Стратегия же наступления на преступность заключается в том, чтобы, изучив возрастающее многообразие явлений преступности, обнаружить наиболее уязвимые ее места, то есть такие ее элементы и сегменты, которые характеризуются наиболее сильным криминогенным потенциалом, а именно потенциалом, генерирующим, так или иначе, всю преступность в целом. Воздействуя на «болевы точки» преступности, можно если не покончить с ней, то по крайней мере свести ее к минимально возможному состоянию, а именно к состоянию, при котором она уже не сможет бросать вызов обществу, контролировать бизнес, власть, другие сферы жизнедеятельности облагать данью граждан и различные официальные структуры, выдвигать перед нами свои все возрастающие требования, ставить все новые ультиматумы.

Сосредотачивая главную ударную силу власти и общества на всем том, что порождает преступность и позволяет ей беспре-

пятственно здравствовать, стратеги наступления на преступность могут, в конце концов, не только загнать ее в угол, но и основательно перекрыть ей кислород – будь то северокавказский бандитизм, терроризм и экстремизм, цыганский воровской драматизм или наш сугубо российский разгульно-пьяный вандализм.

Что это даст? Во-первых, все мы будем избавлены от угрозы любых посягательств на наши важнейшие ценности, а именно на жизнь, здоровье, свободу, честь, достоинство, репутацию, семью, детство, юность, собственность, свое дело и т.д., а во-вторых, сохраним в целостности общественный пирог, от которого криминал сегодня оставляет нам одни лишь объедки. В условиях стабильного правопорядка будет формироваться достаточно зрелое гражданское общество, в условиях такого общества – инновационная экономика, в условиях такой экономики – развитое правовое государство, а в условиях такого государства еще больше будет укрепляться правопорядок, и процесс созидательного развития будет происходить, следовательно, в ускоренном темпе. Важно лишь обеспечить, чтобы каждое из названных «звеньев» позитивного развития было надежно защищено от криминала.

Важнейшее средство наступления на преступность по всему ее широкому фронту – уголовное законодательство. Как совсем нетрудно предположить, дальнейшее его развитие будет происходить за счет все более широкого наполнения уголовно-правовых норм нормами других отраслей законодательства, в том числе регулирующих большой массив новых отношений, в частности, возникающих в связи с вступлением страны в фазу стабильного созидательного развития, со стремительной интеграцией ее в мировые экономические процессы, с едиными правовыми принципами и нормами, складывающимися в условиях расширяющегося евразийского экономического пространства и в особенности в условиях присоединения России к ВТО.

Актуализуется задача обновления всего российского законодательства, в том числе, разумеется, и Уголовного кодекса РФ. В основе ее решения важно осуществить широкий комплекс научно-исследовательских работ, который включал бы изучение законодательного опыта как нашей, так и других стран. В ходе очередной переписи населения целесообразно произвести учет совершаемых в отношении граждан преступлений, в том числе таких, как кражи, грабежи, разбои, вымогательства, угоны

транспортных средств, коррупция, другие злоупотребления, халатность и т.д., включая те преступления, которые совершаются сотрудниками правоохранительных органов. Важно также поинтересоваться мнением граждан, о том, *что* надо сделать для того, чтобы преступность все же пошла на спад. Одновременно целесообразно провести широкомасштабное изучение уголовно-правовых позиций сотрудников правоохранительных органов, включая позиции дознавателей, следователей, прокуроров, судей, адвокатов, а также лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, осужденных, их близких.

Нет никаких сомнений в том, что в итоге мы можем получить именно то законодательство, которое не только позволит нам нормально жить, но и двигаться дальше в направлении созидания, обновления и процветания. Главное, не забывать те закономерности, на которых основывается наша жизнь, включая их государственно-правовой компонент.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. ГАЛАЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РАКУРС (уроки Галая)	
1.1. Ю.Г. Галай как исследователь государственно-правовых закономерностей	11
1.2. Государственно-правовые закономерности в контексте истории государства и права и их уголовно-правовой ракурс (уроки Галая)	28
Глава 2. В.К. БАБАЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ	
2.1. Государственно-правовые закономерности в руководящей деятельности В.К. Бабаева	103
2.2. Сочетание строгой логики и интуиции как открытый В.К. Бабаевым интегрированный метод изучения государственно-правовых закономерностей	108
2.3. Особенности открытого В.К. Бабаевым интегрированного метода изучения государственно-правовых закономерностей	112
2.4. Общая теория права В.К. Бабаева как учение о государственно-правовых закономерностях, обогащающее уголовное право	118
2.5. Уголовно-правовая теория как источник и как следствие развития общей теории права в трактовке В.К. Бабаева	121
2.6. Значение научного наследия В.К. Бабаева для разработки проблем преодоления преступности ..	129

Глава 3. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РАКУРС (уроки Бабаева)	
3.1. Государственно-правовые закономерности и их учет при разработке проблем общей теории борьбы с преступностью и уголовного права	140
3.2. Государственно-правовые закономерности и общая теория борьбы с преступностью	153
3.3. Государственно-правовые закономерности и уголовное право	166
3.4. Государственно-правовые закономерности и функции уголовного права	183
3.5. Государственно-правовые закономерности и развитие уголовного права	206
Глава 4. ФИЛОСОФИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА	
4.1. Предмет, метод и содержание философии уголовного права	212
4.2. Круг проблем, предпочтения, интересы философии уголовного права	228
Глава 5. ФИЛОСОФИЯ БАНДИТИЗМА И БАНДИТИЗМ ФИЛОСОФИИ	
5.1. Подход к проблеме	242
5.2. Проблема и подход к ее решению	257
Глава 6. ФИЛОСОФИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ГЛАВНЫЙ ЕГО СМЫСЛ В УСЛОВИЯХ СВОЕГО ВРЕМЕНИ	
6.1. Интерпретация главного смысла уголовного права	276
6.2. Уголовное право как право своего времени	287
Глава 7. СИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВА	
7.1. Право и его отрасли на новом этапе решения стратегических задач	302
7.2. Уголовное право как оно есть – без прикрас, гримас и масок	310
7.3. Уголовное право как «лоцман», прокладывающий обществу путь по намеченному курсу	330

7.4. Уголовное право как система координат и как фактор координации права и правовой науки	344
7.5. Системность в уголовном праве	360
7.6. Системность в уголовном законодательстве	372
7.7. Обновляющейся России – обновляющаяся уголовная политика	385

**Глава 8. СИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВА
И ДРУГИЕ ОТРАСЛИ ПРАВА И ПРАВОВОЙ НАУКИ**

8.1. Дифференциация правовых запретов и ответственности за их нарушение в зоне пограничных интересов уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях	398
8.2. Единство и особенности системы и содержания уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях	424
8.3. Криминология и ее уголовно-правовой ресурс накануне перемен	436
8.4. Судебный контроль правильности применения уголовного законодательства, осуществляемый при проведении предварительного расследования в целях обеспечения прав участников уголовного судопроизводства	451
8.5. Судебный контроль правильности применения уголовного законодательства, осуществляемый при проведении предварительного расследования в целях обеспечения прав потерпевшего	470

**Глава 9. ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ НА ПРЕСТУПНОСТЬ:
ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТА
ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА**

9.1. Необходимость и особенности подготовки плана	483
9.2. Содержание плана	490

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	512
-----------------------------	-----

Научное издание

Панченко Павел Николаевич

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
В ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И УГОЛОВНОЕ ПРАВО
МОНОГРАФИЯ

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура *JournalC*
Печать офсетная. Печ. л. 32,5. Тираж 500 экз.

ИД «Юриспруденция»
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, 11
www.jurisizdat.ru, e-mail: jurisizdat@yandex.ru
Тел. (495) 979-7028, 926-7525

